

АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Т.М. КЕРАШЕВА

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ

2021

Майкоп
2021

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43
В-74

Редколегия:

Тлеуж А.Х., Джигунова Ф.К., Ципинов Р.К., Схатум Р.Б.,
Ловпаче Н.Г., Эрлих В.Р., Хотко С.Х., Луганская Г.Б.,
Голубев Л.Э. (ответственный редактор).

Рецензент:

д.и.н. Нарожный Е.И., к.и.н. Вальчак С.Б.

В-74 ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ (2021) : Сборник научных трудов. – Майкоп:
Изд-во Магарин О.Г., 2021. – 302 с., ил.

ISBN 978-5-91692-885-3

Сборник научных трудов посвящен проблемам археологии Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий от эпохи бронзового века до эпохи позднего средневековья. Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется археологией и историей Северного Кавказа.

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43

ISBN 978-5-91692-885-3

© Группа авторов, 2021
© АРИГИ им. Т.Керашева, 2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Предисловие (Тлеуж А.Х.)	4
--------------------------------	---

ЭПОХА КАМНЯ

Ловпаче Н.Г. К отчету 2014 г. об экспедиции на Майкоп пытапэж. Географическая справка о Майкоп пытапэж: топография, расположение, геология	5
---	---

ЭПОХА БРОНЗЫ

Кореневский С.Н. К вопросу о символике Майкопского кургана	33
Вальчак С.Б. Несколько комплексов бронзового века из могильника Уташ в Краснодарском крае	53
Кудин М.И. Феномен ложного входа у дольменов Западного Кавказа	66
Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Дольменная группа «Волчьих ворот» в бассейне р. Неожиданная (р. Мыжьогухъу)	82
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. Материалы финальной бронзы и раннего железного века из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея	100

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

Муравенко Е.В., Пелих А.Л. О новой находке протомеотской секиры	112
Джопуа А., Ньюшков В.А. О полевых исследованиях И.В. Ксенофоновой в селе Нижняя Эшера в Абхазии	117
Дедюлькин А.В., Крутоголовенко К.А. Два новых шлема группы Майкоп	121
Коцева А.А. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании Национального музея Республики Адыгея	129
Верещагин В.В. Разведка в Республике Адыгея в 2012 году	141
Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Кавказская археологическая экспедиция Музея Востока в постсоветский период – 1994-2020 гг.	146

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ньюшков В.А. Об одной находке с устья р. Кяласур (Абхазия)	164
Мокрушин В.П., Соков П.В., Успенский П.С. Археологические исследования могильника Южная Озереевка в Северо-Восточном Причерноморье	169
Пшипий Ф. С. Из раскопок П.А. Дитлера могильника у кирпичного завода станицы Кужорской (по материалам полевого дневника)	193
Нарожный Е.И. Об одном типе случайной находке бронзового зеркала с крестовидным орнаментом (Территория Адыгеи)	205
Голубев Л.Э., Полицын Е.Б., Пьянков А.В., Схатум Р.Б. Курган 9 могильника «Гостагаевская-1» из окрестностей города Анапа	214
Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Археологические материалы эпохи средневековья с территории Средней Кубани	229
Носкова Л.М. Могильник XVII–XVIII вв. в ущелье «Церковная щель» в Геленджикском районе Краснодарского края	240

НУМИЗМАТИКА

Пьянков А.В., Юрченко Т.В. Римские серебряные монеты в собрании Краснодарского музея-заповедника, поступившие до 1991 г.	269
--	-----

ИСТОРИЯ

Скаков А.Ю. Диоскурия и Севастополис: краткий историографический очерк	276
Памяти И.В. Ксенофоновой (1956 – 2021)	296
Сведения об авторах	299

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие мои коллеги, рад представить новый выпуск сборника научных трудов по археологии «Вопросы Археологии Адыгеи». В сборнике представлены материалы исследований археологов, сделанных на древней земле Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Работы моих уважаемых коллег посвящены эпохам: «бронзового» века, когда наши далекие предки начинали осваивать наш регион. В это время появляются яркие общности Майкопской и Дольменной археологических культур, тайны которых лишь приоткрыты, а путь их изучения по-прежнему долог; «Железный» век, когда появляются первые письменные источники, и мы узнаем имена древних племен наших далёких предков, объединённых общим именем – меотов, а также пришедших из глубин Евразии кочевников киммерийцев, скифов и сармат, которые приняли участие в этногенезе кавказских народов, в том числе и адыгов. В это время на нашей земле появляются первые античные государства переселившихся из Средиземноморья греческих колонистов. Население античных городов быстро становится этнически «пестро» смешанным; эпоха «средневековья» – время формирования современных народов. Новые пришельцы в наш

регион на протяжении всей эпохи вносили вклад в создание общей Северокавказской материальной и духовной культуры, а также ее локальные варианты. В это время практически полностью были оформлены современные народности нашего региона, материальная культура, язык и идентичность, хотя, как мы знаем, развитие народа никогда не заканчивается, это дорога, по которой каждый народ идет своим путем, иногда эти дороги пересекаются и расходятся, появляются ответвления, а вместе с ними – «новый» исторический миф, новая история. Археология в кооперации с другими историческими дисциплинами изучает эти пути развития братских народов Северного Кавказа, открывает завесу древних тайн, ставит новые задачи.

Представляя данный сборник научных трудов, надеюсь, что он поможет сделать моим коллегам новые открытия, найти правильные решения в дальнейших изысканиях, а, может быть, сделать и критические выводы. Всем любителям истории нашего древнего и прекрасного края желаю приятного и полезного прочтения.

*С уважением,
Адам Тлеуж.*

ЭПОХА КАМНЯ

К ОТЧЕТУ 2014 г. ОБ ЭСПЕДИЦИИ НА МАЙКОП ПЫТАЭЖ: ТОПОГРАФИЯ, РАСПОЛОЖЕНИЕ, ГЕОЛОГИЯ

Н.Г. Ловпаче

ГБУРА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье освещается открытие и исследование энеолитического поселения на Майкопской древней крепости в течение пяти лет (2008, 2010, 2014, 2016, 2017).

Ключевые слова: археологическая траншея, культурный слой, керамика, жемчужины, профиль, реконструкция, горизонт.

TO THE REPORT 2014 ON THE EXPEDITION TO MYKOP TYTAEZH: TOPOGRAPHY, LOCATION, GEOLOGY

Lovpache N.G.

GBURA «ARIGI named after T.M. Kerasheva», Maykop, Russia

Abstract. The article covers the discovery and research of the Eneolithic settlement on the Maikop ancient fortress for five years (2008, 2010, 2014, 2016, 2017).

Keywords: archaeological trench, cultural layer, ceramics, pearls, profile, reconstruction, horizon.

Северокавказским Древнее поселение и крепость (пытапэж) Майкоп располагается на средней надпойменной террасе на скальном мысу в излучине реки Белой (Шхагуаше), которая на юго-западной окраине г. Майкопа делает крутой поворот на 90 градусов с меридионального направления на широтное – западное (рис. 1). Скала мыса сложена из ракушечных известняков, сарматских галечников и мощных слоев аллювиальных глин и песков. Мыс северной цитадели пытапэж – древней крепости, с двух сторон (южной и восточной) омывается рекой; с западной стороны фланкирован глубоким, прямым оврагом-рвом, который, постепенно мельчая за пределами укрепления, тянется почти на километр.

Северная цитадель, расположенная на мысу, имеет протяженность с севера на юг вдоль левого берега Белой 270 м. С юга замыкал ров, длиной в 60 м., прорытый между обрывом к реке и оврагом-рвом. Над рвом с внешней южной стороны – остатки вала. В настоящее время ров започвовался и имеет глубину не более 1 м. Над уровнем воды в реке наибольшее возвышение пытапэж

имеет 58 м. До строительства Майкопской ГЭС эта высота превышала 60 м.

Северная цитадель представляет собой своеобразную четырехступенчатую пирамиду, в древности с крутыми склонами или отвесными обрывами террас.

В настоящее время вся возвышенность с северной и южной цитаделями входит в лесопарковую зону хребта Ныгаеж. На биотопографической карте дореволюционного времени эти так называемые Майкопские высоты показаны поросшими дубом, низменные приводные места – тополем. Ныне, наряду с дубом и буком, в редколесье крепости можно встретить различные мягкие сорта деревьев (ольха, клен, осина), а также боярышник, кизил, дичку. С трех сторон пытапэж окружена валом, под которым находятся фундаментальные остатки стен и четырех бастонов.

Древнее поселение на Майкопском пытапэ (укреплении)

Разведывательные работы на Майкопском «пытапэ» ведутся с 1985 года. Большей частью

они ограничиваются сбором подъемного материала, измерениями, вычерчиванием планов и профилей, зачистками обнажений и доисследованием обнажившихся объектов или артефактов. В 1986 году были вырыты три небольших траншеи в разных местах. Отчет об этих разведках и сообщение в «Археологические открытия СССР» были сданы в Институт археологии СССР.

После большого половодья в 2003 году вода смыла почвенный слой на нижней террасе под северной стороной укрепления и обнажила ранне-средневековый горизонт культурного слоя. В 2006 году кто-то сжег траву на этой террасе, благодаря чему появилась возможность видеть и собирать многочисленные фрагменты керамики. Мною были подобраны фрагменты венчиков (майкопской культуры), сосудов, керамика с т.н. жемчужным орнаментом ладьевидная гранитная зернотерка. Размытые места этой террасы показывали стратиграфию, по которой ниже раннего средневековья нет культурных отложений, т.е. его подстилал глинисто-каменистый материк.

Обследование обнажений следующей кверху террасы выявило факт многослойных наносов от смылов с верхней террасы. По верхней террасе с этой стороны северной цитадели крепости проходит вал с проглядывающей каменной кладкой стены неизвестного времени.

В 2008 году шурф размером 150 x 150 см, прокопанный на глубину 205 см, был заложен в 70 м на восток по валу от северо-западного угла цитадели.

До глубины 75 см под кладкой стены (два ряда плитняка из ракушечника шириной до 100 см) шел слой гумуса, насыщенный культурными остатками разного времени, но больше раннего. Здесь встречены фрагменты гончарных мисок (красноглиняных и сероглиняных) позднемеотского времени и зихского периода (V – VII вв.), а также фрагменты стоячих плиток этих периодов. Очень много фрагментов большого желтоглиняного сосуда, скорее всего, гошэса (трехручной корчаги), орнаментированного тремя прямыми и тремя

волнистыми горизонтальными желобками по энтазису. Высота этого позднесредневекового гончарного сосуда около 80 см (реконструкция). Обломки этого гошэса залегали под кладкой стены на глубину до 50 см. В этом же слое фрагменты красноглиняного сосуда значительных размеров древнего времени.

Здесь же, в этом слое – фрагменты сероглиняного лепного толстостенного кувшина меотской эпохи. Неожиданно попался архаичный серпентинитовый курант.

С глубины 75 см начинается хронологически более стабильный слой самого раннего средневековья. На глубине 75–100 см – почвенный слой из суглинка. Здесь, в основном, материал самого раннего средневековья (V – VII вв.). Замечается кружальная сероглиняная керамика; особенно интересны миски с внутренним радиально-полосчатым лощением. Найдены фрагменты днищ сосудов со штампами.

С глубины 100 см начали попадаться глинистые прослойки линзы и слои. На глубине 90–102 см встречаются фрагменты архаичной керамики с мелкопористой поверхностью, тонкостенные из тонко-отмученного теста с красноглиняной поверхностью и серой сердцевинной. Кроме этого, найдены фрагменты сланцевых браслетов, одиннадцать обломков костей животных, некоторые обугленные. В этом слое найдены: целый кремниевый наконечник копья, две микропластинки, три ножевидные пластинки, сверло, десять отщепов, одна сегментовидная пластинка, один нуклеус пирамидальной формы, 50 фрагментов керамики. Из керамики яркой представляется находка фрагмента горла довольно крупного, красноглиняного тонкостенного сосуда (3 мм) с активной примесью мелкотолченого известняка в тесте.

С глубины 100 см начался почвенный слой типа т.н. кизячного темно-коричневого цвета, рыхловатый. На глубине 105 см с восточной стороны шурфа показался слой обожженной глины и почвы, похожий на пол жилища.

В слое 102–115 см найдена дуга сланцевого браслета и шесть фрагментов браслетов (один из мергеля), сегментовидная пластинка (кремь), 6 отщепов, один отбойник, 9 обломков костей (три фаланги животных), шарик из кварцита ($d = 4$ см.), 87 фрагментов керамики. Ниже глубины 115 см продолжается суглинистая почва «кизячного» образа. В этом слое продолжались находки разных эпох и периодов (раннего средневековья, меотско-адыгской культуры, протомеотского, периода поздней и средней бронзы). Но продолжалась керамика и кремь эпохи энеолита. В частности, попался фрагмент горла сероглиняного сосуда, необычно декорированный вертикальными вдавлениями на внутренней поверхности венчика.

Найдены несколько фрагментов красноглиняного сосуда, в т.ч. фрагмент горла во всю высоту, и придонной части. Стенки сосуда толщиной 4-5 мм. Тесто тонко отмученное, но с примесью мелко толченого кальцита и биотита. По этим фрагментам удалось реконструировать форму этой круглодонной кубышки. Она была изготовлена штамповочно-гончарным способом. Ни на внешней, ни на внутренней поверхности не видно следов лепки или вращения.

Кроме этого, найден фрагмент красноглиняного лепного кубка почти во весь профиль, изготовленного из тонко отмученного теста с редкими песчинками. Сердцевина темно-коричневая. Форма вполне майкопская.

По фрагментам реконструирована еще одна розово-серая кубышка штамповочно-гончарной техники изготовления. Горло коническое, сужающееся кверху; поверхность его заглажена и снаружи, и внутри, но мелкие, частые поры на ней сохранились. В тесте известняковый песок. Дно скругленное.

Три фрагмента из этого слоя позволили реконструктивно представить черноглиняную корчагу с реповидным корпусом, горлом раструбом и плоским дном. Один фрагмент дал возможность вычислить диаметр по экватору сосуда с помощью формулы Х.М. Андрухаева ($R = a^2 + 4h^2 / 8h$, где R – радиус, h – высота хорды, a – длина дуги). Он равен 48 см. Толщина стенок 4,5–9 мм.

Слой на глубине 130–150 см состоит из коричнево-желтого суглинка с признаками «кизячности». В нем обнаружены: кремниевый наконечник копья треугольной формы, боковой скребок (кремь) с аккуратной мелкой, но с широкой ретушью по выгнутой рабочей дуге; фрагмент горла раструбом темноглиняного сосуда с примесью кварцита в тесте, фрагменты аккуратно сформованного, но без следов вращения и лепки, залощенного сероглиняного сосуда; фрагмент красноглиняного небольшого сосуда с «жемчужным» орнаментом; четыре фрагмента сероглиняного крупного сосуда штамповочно-гончарной техники. Технологическое сопоставление выявило принадлежность к этому сосуду фрагмента горла с внутренними вертикальными насечками, найденного в верхнем слое. Этот сосуд, в результате реконструкции, был украшен по плечикам четыремя горизонтальными рядами «жемчужин». Поддается реконструкции (частичной) и красноглиняный сосуд с «жемчужинами». Здесь же найдено фрагментированное отполированное

шило из кости животного черного цвета (обуглено). Перечисленные находки относятся к энеолиту.

В описанном слое, кроме энеолитического материала, найдены фрагменты раннесредневековой и меотской керамики. В частности, по нескольким обломкам реконструирован профиль с обильным декором чернолощеного сосуда (возможно, кувшина). В основании горла сосуд украшен пояском циркульного орнамента в желобке; средняя часть корпуса покрыта вертикальным аккуратным лощением; плечики сплошь залощены до блеска; их отделяет от корпуса горизонтальный желобок; придонная часть покрыта горизонтальным лощением.

Несколько ниже и ближе к северо-западному углу шурфа (135–160 см) обнаружен следующий материал: два нуклевидных орудия с ретушированными кромками (кремь); вкладыш подквадратной формы; фрагмент четырехгранной пластины; фрагмент пластины аморфного вида; керамическое пряслице сероглиняного обжига; сегмент сланцевого браслета; венцовая часть горла сероглиняного сосуда с кварцитом в тесте; фрагменты светлых сосудов с сетчато и параллельно полосчатым лощением. Последние, возможно, средневековые. По поводу энеолитической керамики необходимо сделать оговорку. Несмотря на тот факт, что керамика с мелкопористой поверхностью и примесью толченого известняка залегает выше керамики с примесью кварцита и «жемчужинами», но все же она древнее последней. Все дело в том, что с глубины 100 см замечается склон террасы и смещение слоев. Южные участки слоя лежат на материковой глине, и они оказываются абсолютно выше, а северные участки сползли по склону с горизонта, лежащего над материком.

Сопоставляя эту смещенную стратиграфию с поселением Мишоко и Ясеновой Поляной, приходишь к выводу об идентичности стратиграфической картины. На самом материке залегает самая древняя керамика с мелкопористой поверхностью, с примесью толченого известняка или ракушки, но без «жемчужин». Над ней и через некоторую стерильную прослойку залегает более поздний слой с керамикой из несколько более грубого теста с примесью кварцита с биотитом (серебристая слюда), украшенной «жемчужинами».

Северо-западная прирезка шурфа дала именно эту более позднюю керамику с жемчужинами.

С восточной стороны шурфа под обожженным полом раннесредневекового жилища, на глубине 150–155 см обнаружен еще один слой обожженной глины, на котором и в нем материал: (керамика, кости животных) меотской эпохи. В частности, по нескольким выразительным фрагментам выполнена реконструкция черноглиняного горшочка, грубоватой, но кружальной формовки. На плечиках горшочка нарезаны два горизонтальных рельефно-желобчатых пояса.

В северной, самой нижней части шурфа с глубины 160 до 205 см продолжали попадаться фрагменты энеолитической керамики и кремневые отщепы. О костях животных более архаичного вида (обглаженных) трудно судить об их хронологической позиции из-за перемешанности. Только костяное шило (предположительно из метакарпальной кости козы) может определенно датироваться энеолитом.

Встречены находки и других эпох:

- К раннему средневековью можно отнести верхнюю часть (фрагмент) желтоглиняной лощеной гончарной миски с косыми лощеными параллельными полосами по нижней части корпуса и сплошным горизонтальным лощением по бортику; днище с придонной частью черноглиняного сосуда с внутренним радиальным лощением; фрагмент коричневой ручки с продольным широким желобком на внешней поверхности и поперечным полосчатым лощением по нему; фрагмент днища черноглиняного сосуда со штампом в виде двух концентрических окружностей с вписанным в них крестом.

- К меотской культуре можно отнести профиль черноглиняной кружки с зооморфного вида ручкой и с четырьмя горизонтальными рядами треугольных вдавлений по корпусу. Еще две меотских миски (верхние половины) поддаются реконструкции. Одна черноглиняная биконическая с эффектным рельефным поясом по ребру из ромбовых тиснений. Вторая сероглиняная с профилированным венчиком тоже биконическая. Обе гончарные.

- Ориентировочно к периоду поздней бронзы можно отнести почти полный профиль чашки красноглиняного обжига снаружи и серого в изломе. На внешней и внутренней поверхности

мелкозубчатый расчес. В тесте шамот.

В самой нижней части раскопа с севера под основанием вала открыто погребение. Костяк не сохранился, но тлен от костей показывал расположение с востока на запад. По всей видимости, с востока у головы найдена группа предметов, компактно расположенная, komponуясь, примерно в квадрат 30х30 см. Комплекс состоял из черноглиняного кувшина, поставленного вертикально на основание. После реставрации его размеры: $d = 30$ см, $h = 32,6$ см, основание – кольцевой поддон. Ручка зооморфная ленточная с тремя вертикальными ушками наверху и тремя крепежными (двумя прутьями и средней пластины) прутьями внизу на плечах. На внешней стороне ручки – продольная плетеная косичка в углублении. На верхней половине горла 4 валика с желобками. Венчик отвернут наружу до горизонтали. У основания горла валик. По экватору корпуса горизонтальный желобок.

Возле кувшина лежал перевернутый вверх дном италийский бронзовый ковш с длинной ручкой¹.

Внутри ковша (причем в верхней его части под отслоившимся дном) находился стеклянный флакончик в раздавленном виде из пяти фрагментов. Флакончик тоже был перевернут и возникает мысль, что вначале ковш стоял на основании и в нем на дне флакончик (с благовонием). Через некоторое время, когда земля заполнила внутренность ковша, его перевернули вместе с землей и поэтому флакончик оказался вверху над землей, заполнявшей внутренность ковша.

По форме и технике изготовления местного кувшина, бронзового ковша и стеклянного флакона этот погребальный комплекс датируется XI – I вв. до н.э.

По всей вероятности, здесь была похоронена женщина местного меотско-адыгского племени.

Характеристика материала шурфа

Как обычно, самый массовый материал представлен керамикой, костями животных и более редкими фрагментами каменных орудий. Несмотря на перемешанность и разрозненность (бессистемность) этого сплошь фрагментированного материала, с помощью сравнительно-типологического анализа керамического и каменного

¹ Подобные ковши находим в культурных слоях северо-причерноморских античных городов, а также в могильниках Северо-Западного Кавказа. / Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, Табл. LXXII-7; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, Табл. 78-6,

34; Сазонов А.А., Спасовский Ю.М., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 135. Рис. 7-(10).

материала, а также некоторых стратиграфических моментов, удастся разобраться с культурной ситуацией шурфа.

В самом нижнем горизонте, т.е. на глубине 135–205 см заметна фрагментированная керамика и кремниевые изделия протомайкопской культуры, т.н. культуры керамики накольчато-жемчужной орнаментации энеолита¹. Хотя такая керамика начинается с глубины 102 см, правда, без «жемчужин», но это объясняется перекопами более позднего времени. Вверху древняя посуда не имеет «жемчужин» и вообще не орнаментирована. Орнаментация начинается с глубины 150 – 60 см. Причем, более верхняя керамика отличается тонкостенностью, тонко-отмученным глиняным тестом и примесью мелкоотслоенного известняка. На поверхности образовались мелкие частые поры от частиц известняка, выгоревших при обжиге. Ни на внешней, ни на внутренней поверхности не видно следов формовки: то ли кружальных полос, то ли лепки. На внутренней поверхности видно действие штампа, уплотняющего внешнюю корку.

Размеры сосудов, выявленные в результате реконструкции с помощью формулы Х.М. Андрухаева (d до 40 см. при $h=33$ см), также не представляются реальными для гончарной или ленточной техники с толщиной стенки 4,5–6 см. Ручки керамических сосудов не найдены. Реконструкция дает довольно однообразную типологию из трех типов: малые – кубки, среднего размера – кубышки, крупные – корчаги реповидной формы. Обжиг красноглиняный, сероглиняный, черноглиняный неравномерный – пятнистый. Замечается тяготение к коническому довольно высокому горлу, сужающемуся кверху.

Из каменных орудий найден серпентинитовый курант, один сегмент сланцевого браслета, кремниевые скребки, обломки пластин, вкладыши микропластинка.

Ниже, но с самого северного края шурфа, обнаружена более поздняя культура, сползшая сверху по склону. До того этот слой располагался над керамикой мелкопористой поверхности. Если описанный слой синхронизируется с нижним слоем поселения Ясенева Поляна, то этот слой с «жемчужной» орнаментацией сопоставим с керамикой верхнего слоя поселения Мишоко. В

тесте этой керамики – примесь мелкоотслоенного кварцита с беатитом, а фрагменты трех сосудов показывают «жемчужную» орнаментацию.

В этом слое найдены более разнообразные каменные орудия: два кремниевых наконечника копья, фрагмент серпентинитового тесла, наконечник стрелы с ассиметричным черешком, шесть дуг сланцевых браслетов, остроконечники, фрагменты пластин; ложило из мергеля, мотыгообразное орудие из диорита, скребки на пластине. Здесь же найдена полированная костяная проколка.

Отличие керамики двух горизонтов больше в декоративно-морфологическом плане и по двум признакам в технологическом (примеси и пористость). Общность в техническом и типологическом – корчаги и кубышки без ручек, штамповочно-кружальная техника и, в связи с этим, круглодонность или легкое уплощение дна. Среди описанной керамики попадает продукция иной технологии. Это несколько фрагментов горловин сосудов среднего размера с сильно отогнутыми тонкостенными венчиками сероглиняного равномерного обжига, изготовленными из тонкоотмученного глиняного теста без примесей, явно кружальной техники изготовления. Т.е. это типичная «городская» Майкопская керамика, скорее всего, импортированная с закубанских равнинных памятников.

Этнокультурная атрибуция

В результате анализа материала шурфа из нижних горизонтов вырисовывается следующая стратиграфическая ситуация.

Самый нижний горизонт, располагавшийся на материковом пласте глины, возможно, был неолитическим докерамического времени. Это предположение объясняется двумя фактами. С одной стороны, коллекцией кремниевых орудий без керамики, открытой в 1983 году на курганном некрополе близ Майкопского укрепления (пытапэ)². С другой стороны, находками изделий из кремния архаичных форм и материала в данном шурфе.

Над этим неолитическим слоем небольшой мощности располагается раннеэнеолитический слой с мелкопористой керамикой. Ее можно сопоставить и синхронизировать с нижним слоем

¹ Кореневский С.Н. Динамика культур ранних земледельцев и скотоводов Юго-Запада Восточной Европы и Кавказа в свете схемы Блитта-Сернандера в середине Атлантического периода и в начале суббореального периода

голоцена // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 40, 42.

² Ловпаче Н.Г. Древний Майкоп. Майкоп. (В печати). Табл. V.

поселения Ясенева Поляна, датированного 4212 – 3800 гг. до н.э.¹

Вспоминая ситуацию поселения Мишоко, где над нижним слоем с тонкостенной керамикой без «жемчужника», через стерильный интервал залегают позднеэнеолитический слой с «жемчужником» и сланцевыми браслетами², мы можем представить подобную стратиграфию на Майкопском укреплении.

В Майкопе, как и на Мишоко, очевидно, в позднем энеолите, из горных пещер пришли и поселились местные скотоводы. Но в отличие от Мишоко, где они заняли освободившуюся террасу, пришельцы подселились к жителям и вместе с ними продолжили развитие уже синтетической культуры.

Новое поселение в Майкопе перспективно в том плане, что может, во-первых, показать базу культуры Майкопского кургана Ошад, во-вторых – выявить еще более древнюю культурную основу местного позднего неолита, предшествовавшую миграции из передней Азии. В-третьих – материал поселения намечает разгадку секретов технологии и техники производства керамики Майкопской культуры.

В 2010 году на западной стороне Майкопского укрепления (пытапэжь) была открыта и исследована площадка с энеолитическим материалом (керамика накольчато-жемчужной орнаментации).

В 2014 году заложена траншея в 100 м от северо-западного бастиона пытапэ с юга на север, т.е. перпендикулярно валу со стеной. Эта траншея (на северной стороне вала) оказалась самой археологически результативной.

В 2016 году заложена 3-я траншея, перпендикулярная валу, в 3 м на восток от предыдущей 2014 г. В 2016 году она раскапывалась с северной стороны вала, а в 2017 году – с южной. Эти исследовательские три траншеи и площадка 2010

года с археологическим материалом дают представления о территории энеолитического поселения с запада и с севера, и о его характеристике.

Итоговая статистика 2014 г.

Много обломков турлука, в т. ч. бортов очага и жертвенника, 59 находок выразительных средневековых керамических артефактов. Из них реконструировано 25 форм сосудов.

67 керамических перспективных находок меотской культуры раннего железа. Из них выполнены реконструкции 45 профилей сосудов.

100 керамических артефактов бронзового века, по которым реконструировано 63 формы.

200 керамических выразительных фрагментов эпохи энеолита. Из них выполнены реконструкции 40 профилей сосудов. С «жемчужным» орнаментом на плечах и горле – 42.

В энеолитическом культурном слое найдено 73 каменных орудия – терочники, зернотёрки, тёсла, топоры, рубила, резцы, зубила, пробойчики, отбойники, ударники, молоты, гладильники, долота, точильные камни, оправки, лощила, наковаленки.

Каменные атрибуты искусства – 16 (статуэтки, фрагменты браслетов, шарики, куранты, пирамидки, личина, петроглифический хаттский символ, петроглиф листа дерева), Костяных и роговых – 6 (гребешок, олений рог со срезами, лощило-оправка, трубчатые кости со спилами). Из глины – 3 (2 шарика и конус).

Кремниевых орудий и отщепов – 98: 16 нуклеусов, 4 ретушированных наконечника копья, ещё 7 орудий с ретушью (остроконечник, 5 скребков, пилочка); 17 ножевидных пластинок, столько же скребков на отщепах, два долотца, два тесельца, около десятка чешуек; остальные отщепы.

Фрагментов керамики с жемчужным орнаментом эпохи энеолита на площади 7 м² добыто 102.

¹ Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 40.

² Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа. Археологические вести. Т. 1. СПб., 1992. С. 89. Рис. 4; С. 90. Рис.

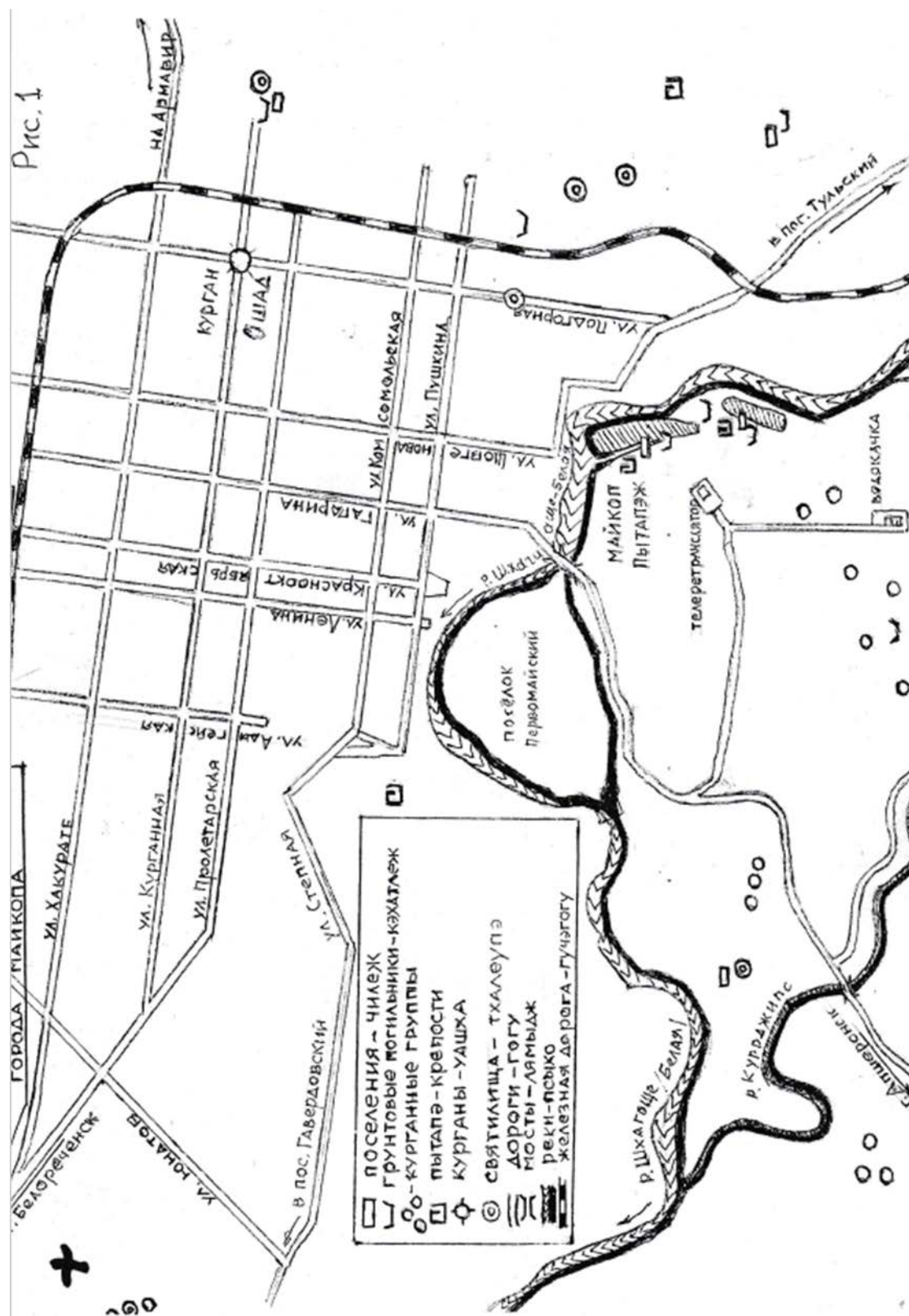

Рис. 1. Схема расположения объектов культурного наследия укрепления (пытапэж).

2008 год

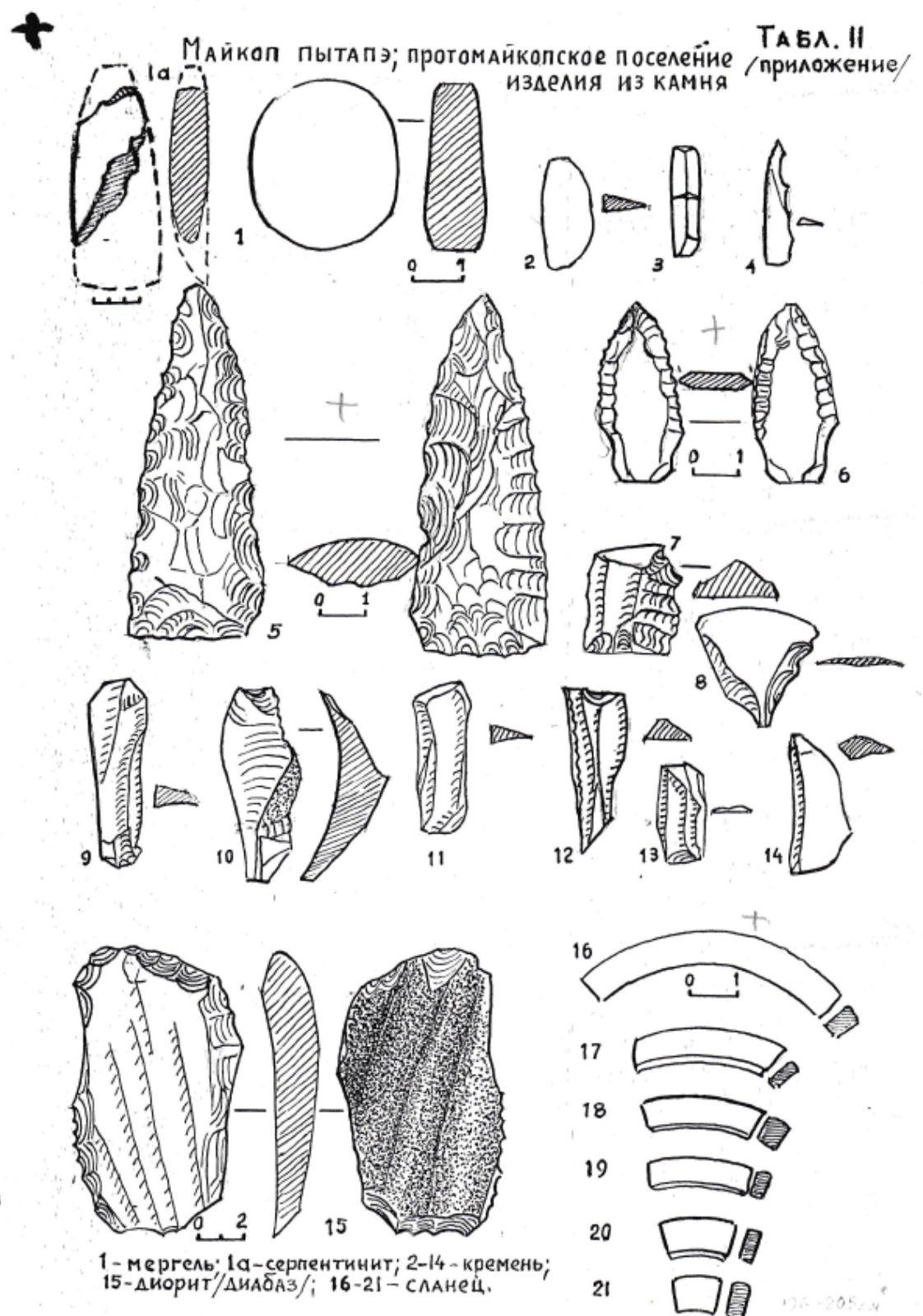

Рис. 3. Майкоп пытапэ; протомайкопское погребение, изделия из камня
1. – мергель; 1a – серпентинит; 2-14 – кремь; 15 диорит/диабаз; 16-21 – сланец.

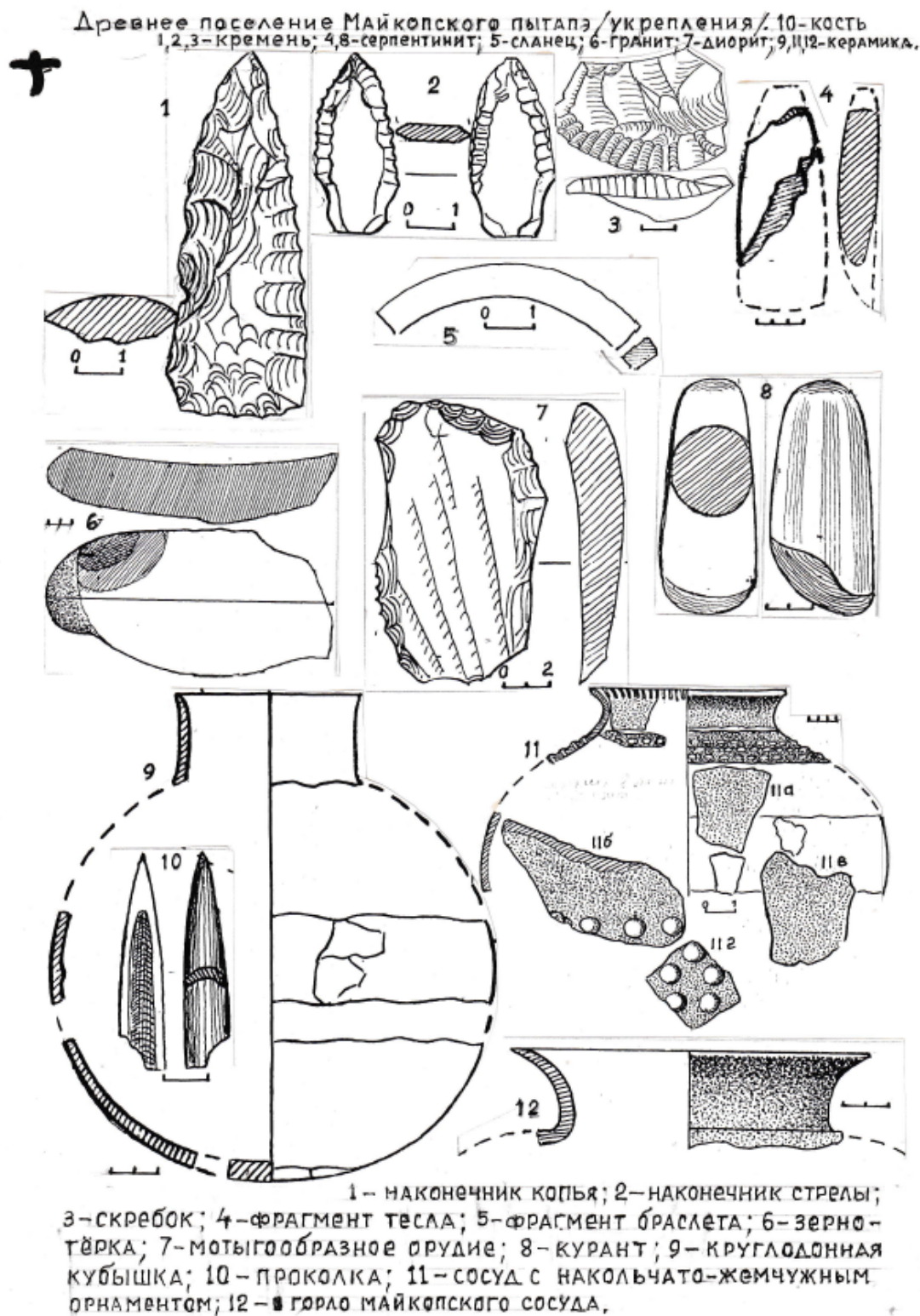

Рис. 4. Древнее поселение Майкопского типа /укрепления/.

1, 2, 3 – кремь; 4, 8 – серпентинит; 5 – сланец; 6 – гранит; 7 – диорит; 9, 11, 12 – керамика; 10 – кость.
1 – наконечник копья; 2 – наконечник стрелы; 3 – скребок; 4 – фрагмент тесла; 5 – фрагмент браслета; 6 – зернотерка; 7 – мотыгообразное орудие; 8 – курант; 9 – круглодонная кубышка; 10 – проколка; 11 – сосуд с накольчато-жемчужным орнаментом; 12 – горло майкопского сосуда.

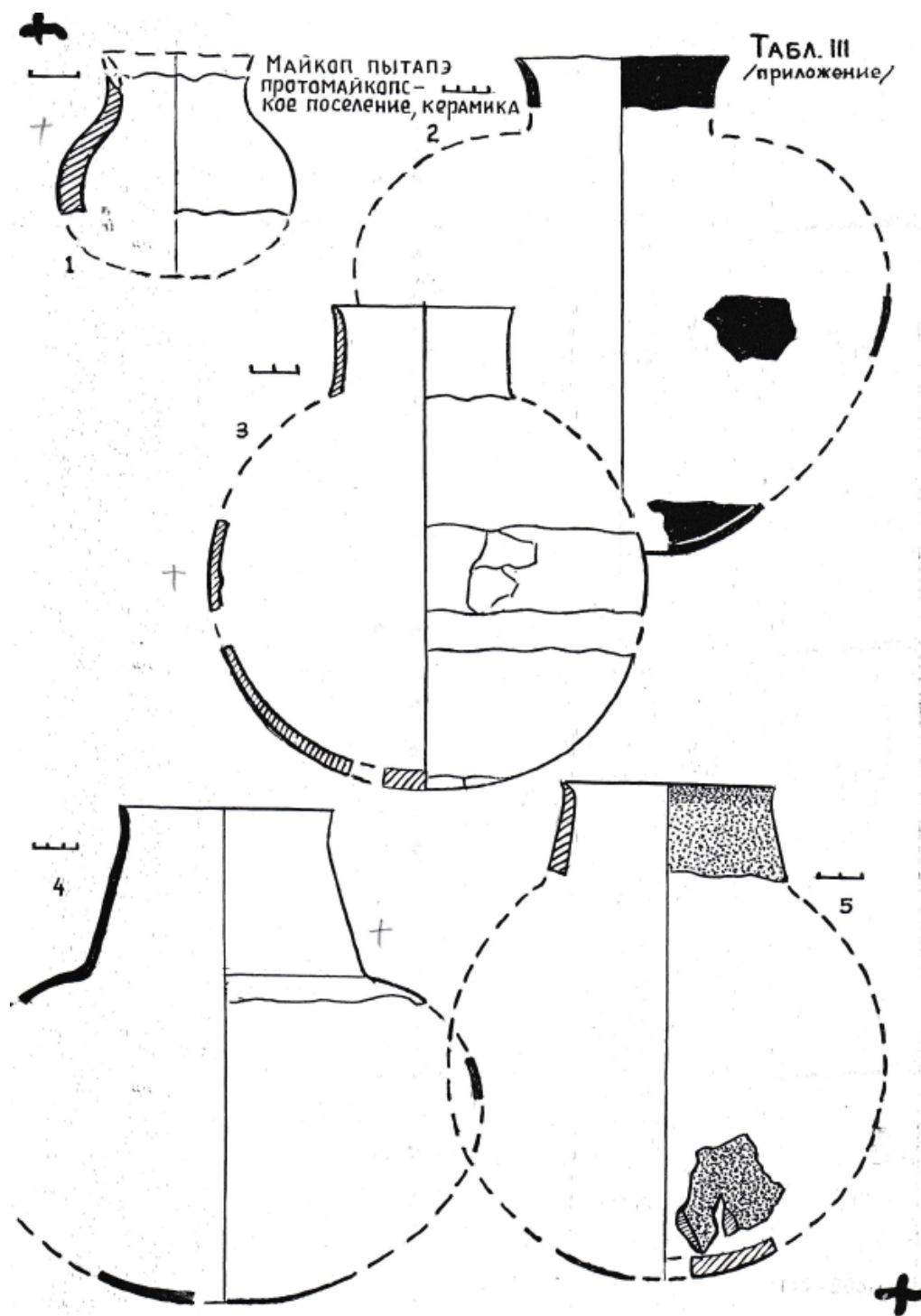

Рис. 5. Майкоп пытапэ протомайкопское поселение, керамика. Табл. III

1 – реконструкция красноглиняного кубочка; 2 – реконструкция черноглиняной корчаги; 3 – реконструкция желтоглиняного сосуда; 4 – реконструкция гончарно-штамповочного сосуда с высоким коническим горлом и круглым дном; 5 – реконструкция сероглиняного сосуда с коническим горлом и круглым дном.

2014 год

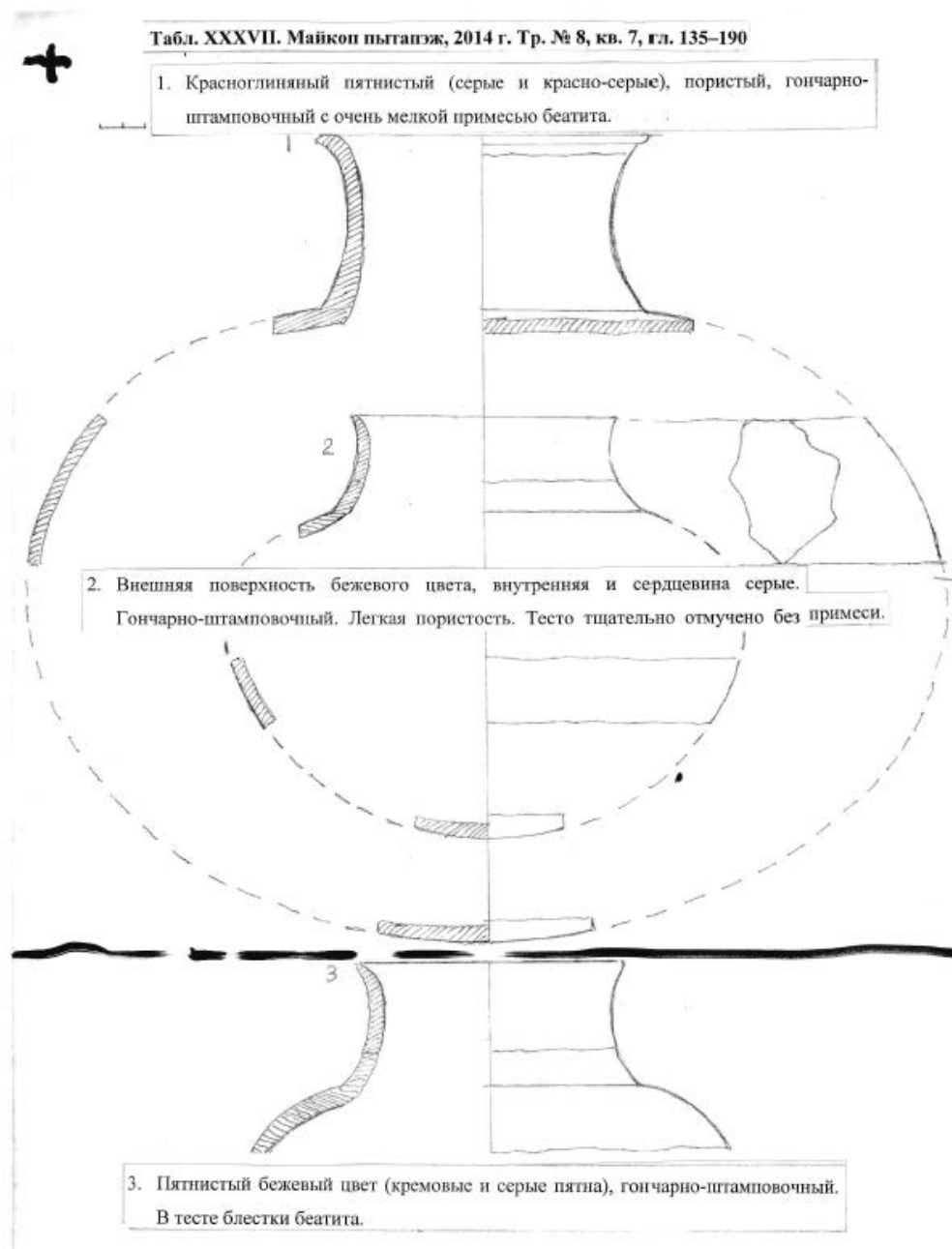

Рис. 6. Табл. XXXVII. Майкоп пытапэж; 2014г. Тр. № 8, кв.7, гл. 135-190.

1. Красноглиняный пятнистый (серые и красносерые), пористый, гончарно-штамповочный с очень мелкой примесью беатита; 2. Внешняя поверхность бежевого цвета, внутренняя и сердцевина серые. Гончарно-штамповочный. Легкая пористость. Тесто тщательно отмучено, без примесей; 3. Пятнистый бежевый цвет (кремовые и серые пятна), гончарно-штамповочный. В тесте блески беатита.

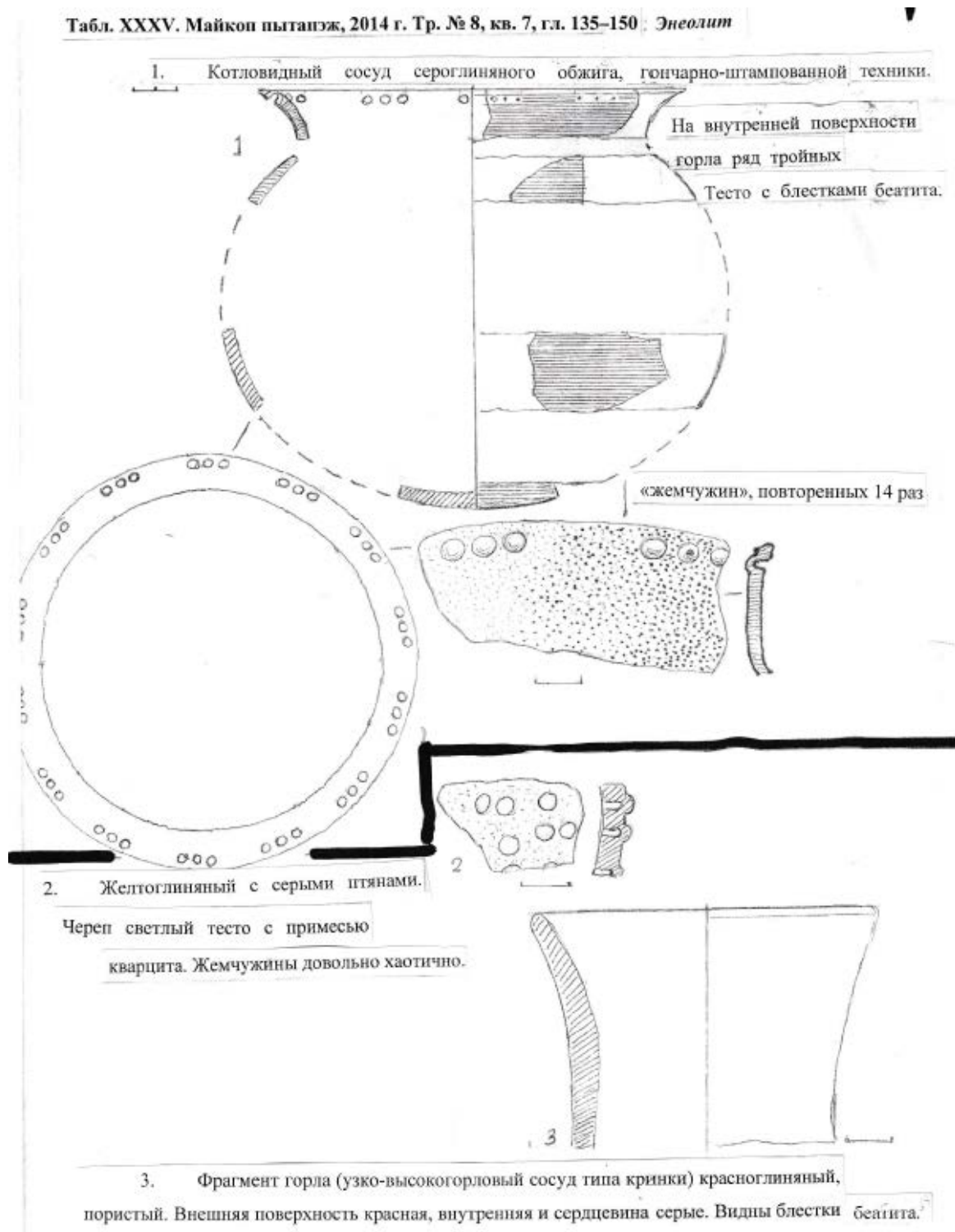

Рис. 7. Табл. XXXV. Майкоп пытанэж, 2014 г. Тр. № 8, кв. 7, гл. 135–150. Энеолит.

1. Котловидный сосуд сероглиняного обжига, гончарно-штампованной техники. На внутренней поверхности горла ряд тройных «жемчужин», повторенных 14 раз. Тесто с блестками беатита. 2. Желтоглиняный с серыми пятнами. Череп светлый, тесто с примесью кварцита. Жемчужины довольно хаотично. 3. Фрагмент горла (узко-высокогогорловый сосуд типа кринки) красноглиняный, пористый. Внешняя поверхность красная, внутренняя и сердцевина серые. Видны блестки беатита.

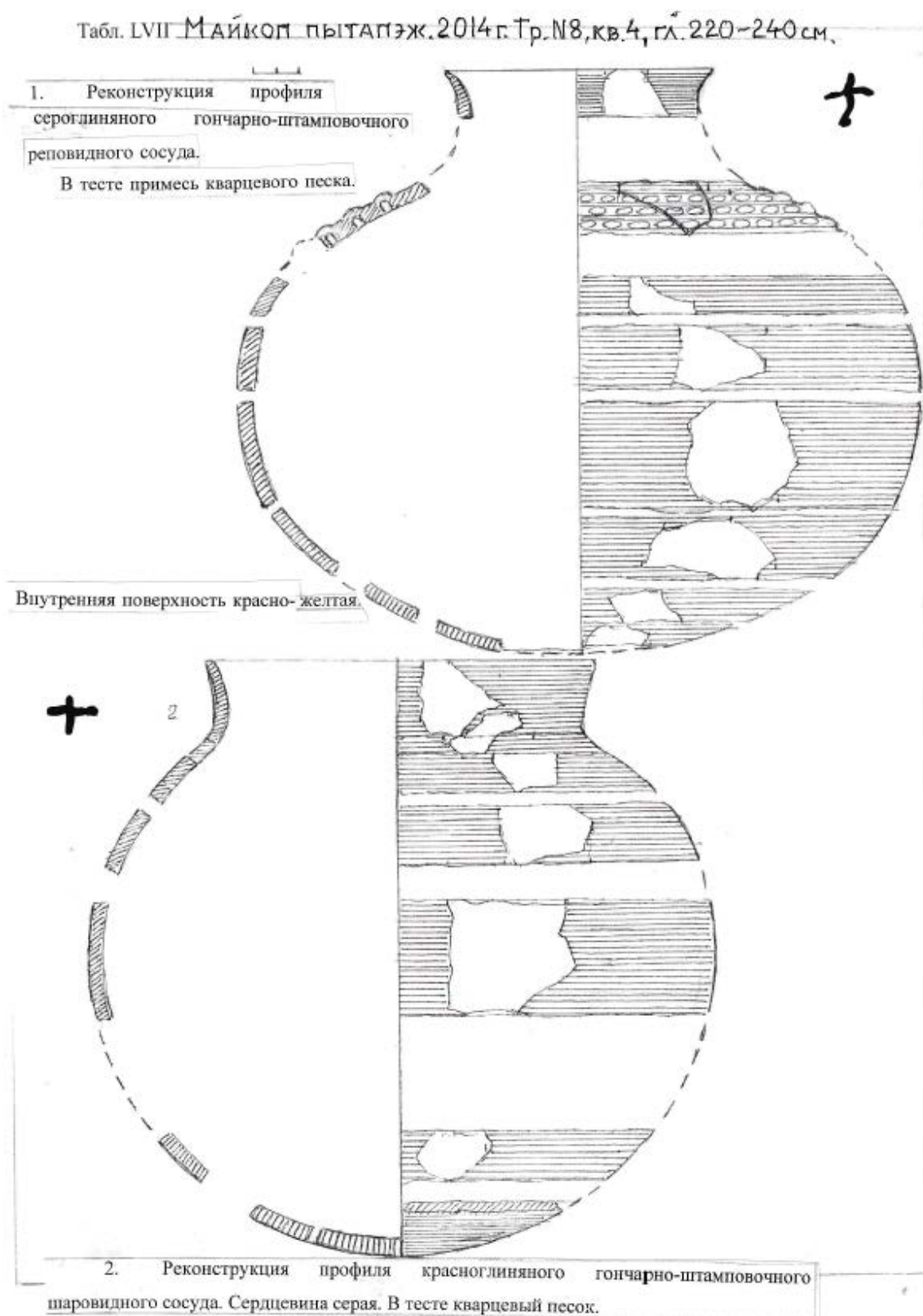

Рис. 8. Табл. LVII Майкоп пытапэж. 2014 г. Тр. № 8, кв. 4, гл. 220-240.

1. Реконструкция профиля сероглиняного гончарно-штамповочного реповидного сосуда. В тесте примесь кварцевого песка. Внутренняя поверхность красно-желтая. 2. Реконструкция профиля красноглиняного гончарно-штамповочного шаровидного сосуда. Сердцевина серая. В тесте кварцевый песок.

ТАБЛ. LXXXIX кв. 2 глуб. 270-300 см. кремневые орудия
и отщепы нижнего горизонта. Реконструкция профиля
круглодонного сосуда из верхнего горизонта/поверхности
пятнистые, сердц. серая. В тесте примесь кварцевого песка/.

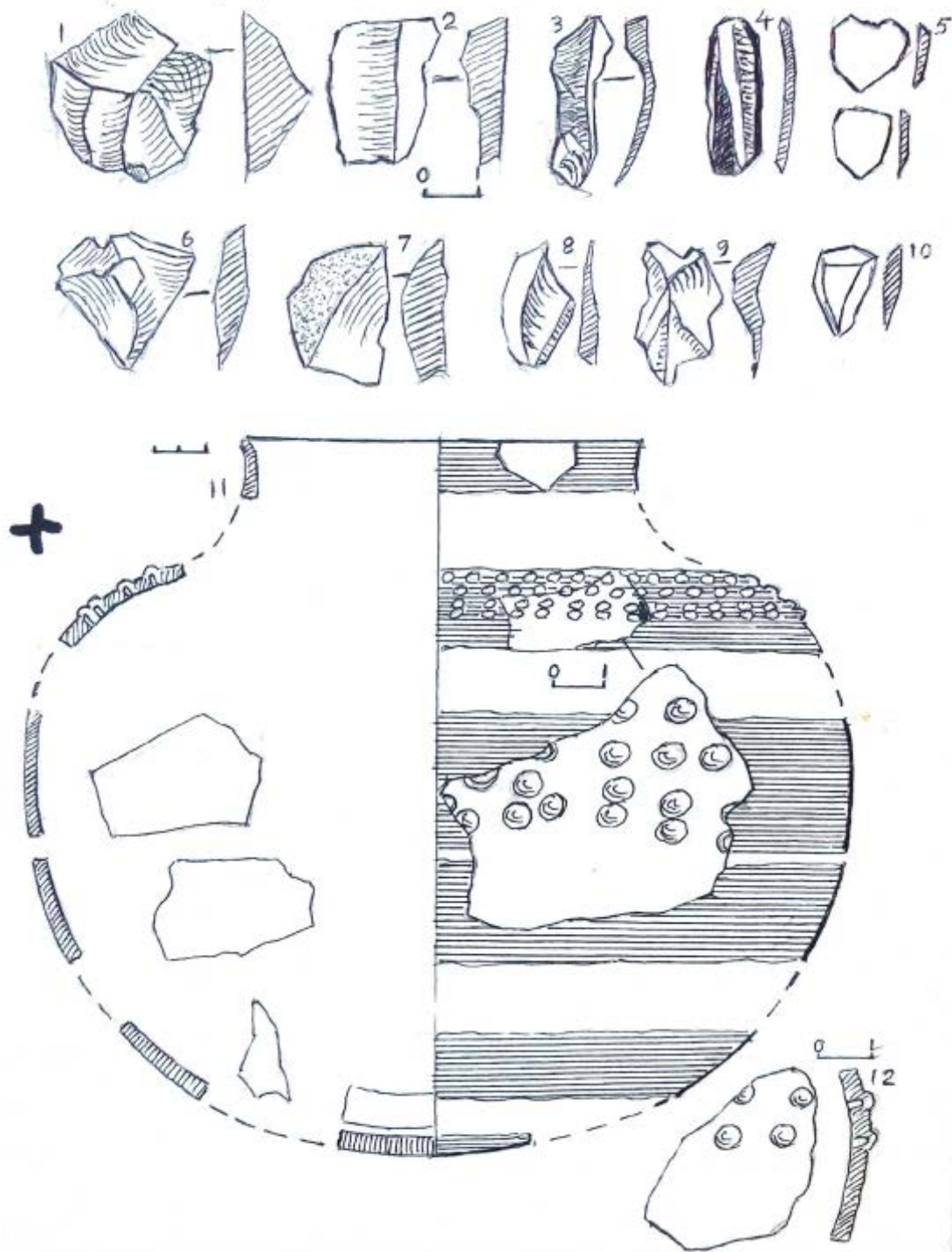

Рис. 9. Табл. LXXXIX кв. 2, глуб. 270-300 см, кремневые орудия и отщепы нижнего горизонта. Реконструкция профиля круглодонного сосуда из верхнего горизонта/поверхности пятнистые, сердцевина серая. В тесте примесь кварцевого песка/.

Табл. LX. Майкоп пытапэж, 2014 г. Тр. №8, кв. 5, гл. 190–210

1. Реконструкция профиля сероглиняного гончарно-штамповочного сосуда с тремя (четырьмя) рядами «жемчужин». В тесте кварцевый песок. Сердцевина темно-серая до черного.

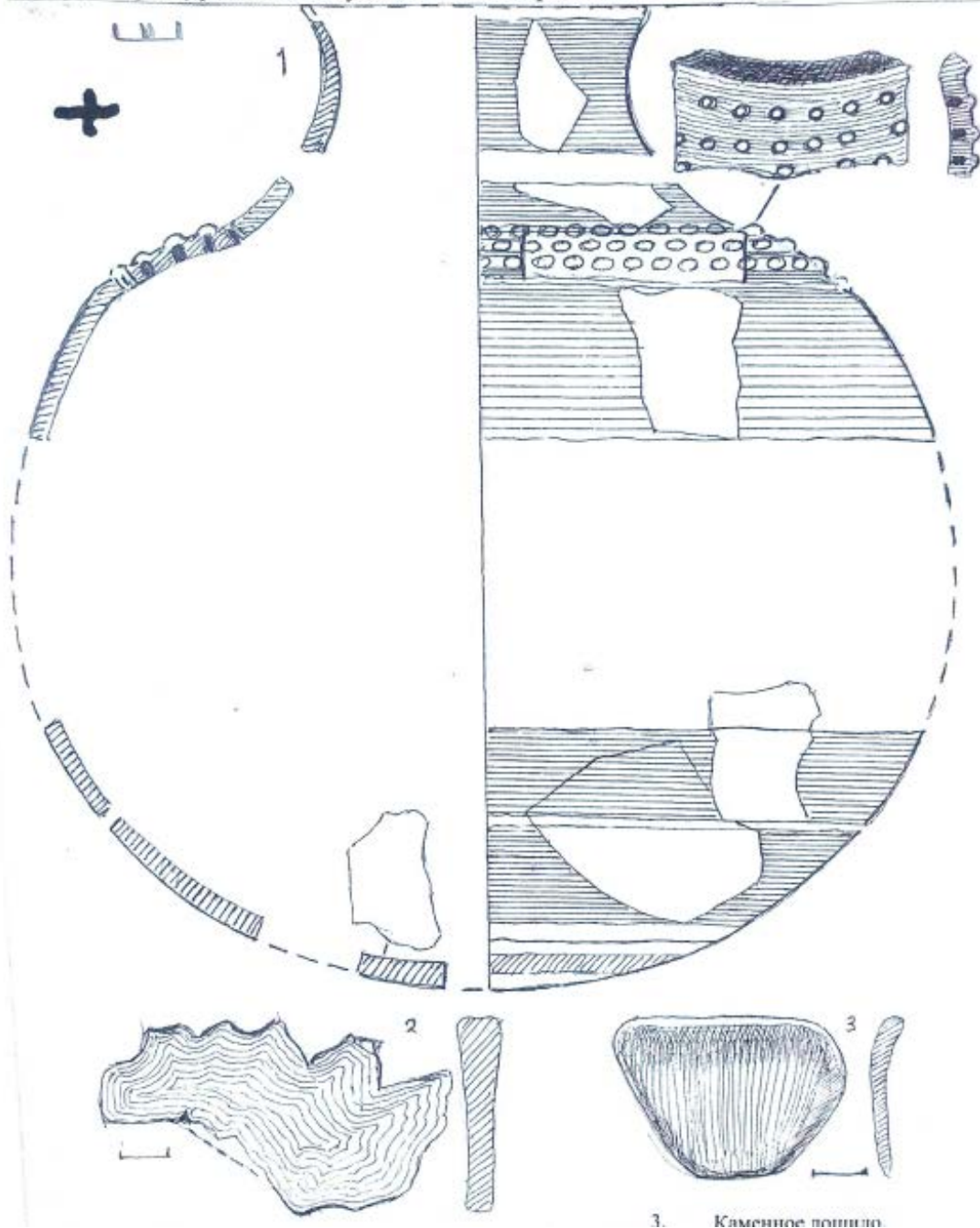

Рис. 10. Табл. LX. Майкоп пытапэж, 2014 г. Тр. № 8, кв. 5, гл. 190–210

1. Реконструкция профиля сероглиняного гончарно-штамповочного сосуда с тремя (четырьмя) рядами «жемчужин». В тесте кварцевый песок. Сердцевина от темно-серого до черного. 2. Фрагмент костяной пластинки. 122000,,,45567889/***. 3. Каменное ложило.

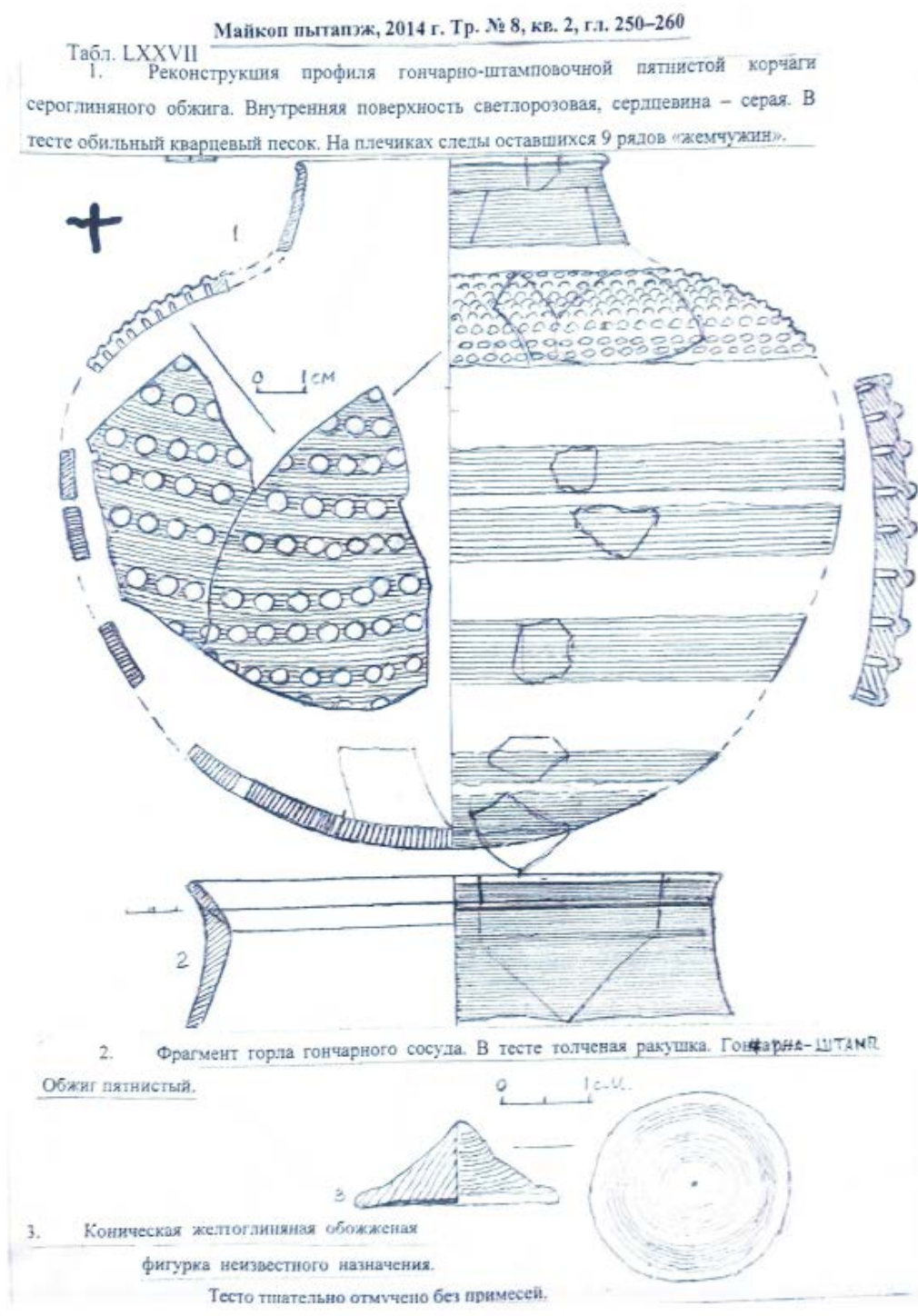

Рис. 11. Табл. LXXVII. Майкоп пытанэж, 2014 г. Тр. № 8, кв. 2, гл. 250–260.

1. Реконструкция профиля гончарно-штамповочной пятнистой корчаги сероглиняного обжига. Внутренняя поверхность светло-розовая, сердцевина серая. В тесте обильный кварцевый песок. На плечиках следы оставшихся 9 рядов «жемчужин». 2. Фрагмент горла гончарного сосуда. В тесте толченая ракушка. Гончарно-штамповочный. Обжиг пятнистый. 3. Коническая желтоглиняная обожженная фигурка неизвестного назначения. Тесто тщательно отмучено без примесей.

2016

Табл. 27 Майкоп пытапэж; Прирезка 2016 г.

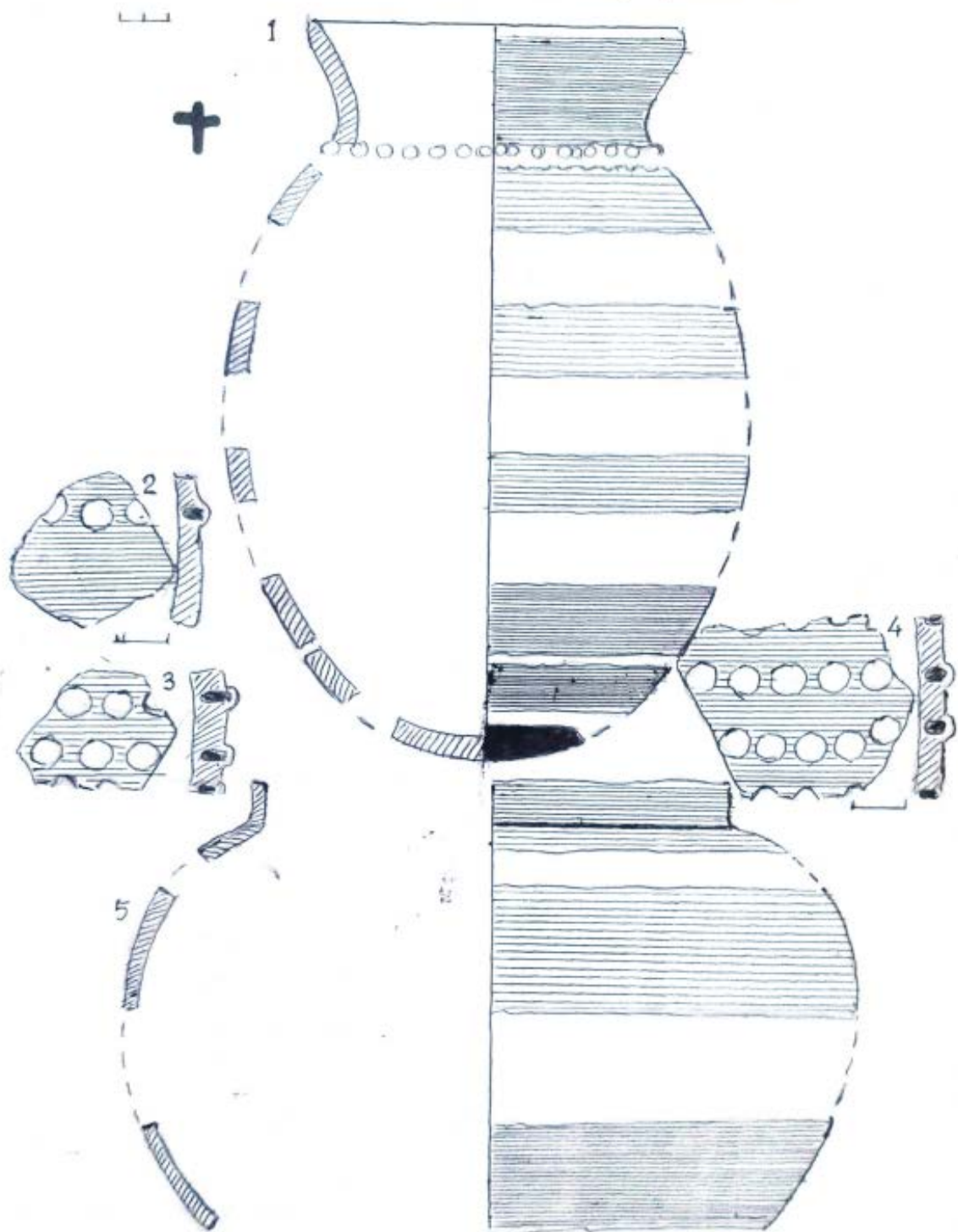

Рис. 12. Табл. XXVII. Майкоп пытапэж; Прирезка 2016 г.

1. Реконструкция гончарно-штамповочной корчаги с круглым дном. 2, 3, 4. Фрагменты сосуда с жемчужным орнаментом. 5. Реконструкция сосуда гончарно-штамповочного исполнения.

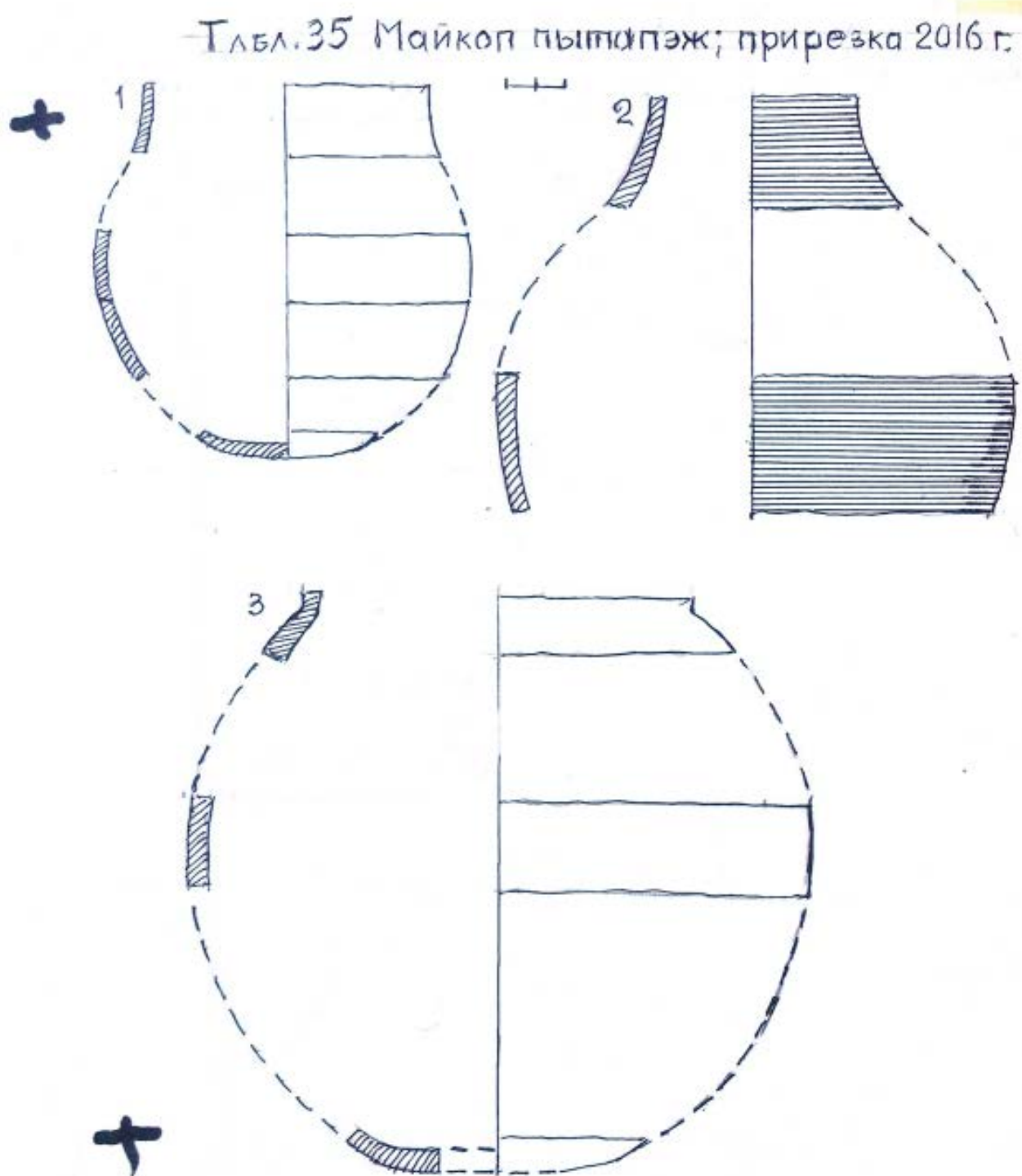

Рис. 13. Табл. XXXV. Майкоп пытапэж; Прирезка 2016 г.

1. Реконструкция тонкостенного красноглиняного сосуда с круглым дном.
2. Частичная реконструкция сероглиняного сосуда.
3. Реконструкция красноглиняного сосуда с уплощенным дном.

2017

ТАБЛ. N 48 Майкоп пытапэжъ 2017г. гранш. N3; кв. 1, а, гл. 265-290

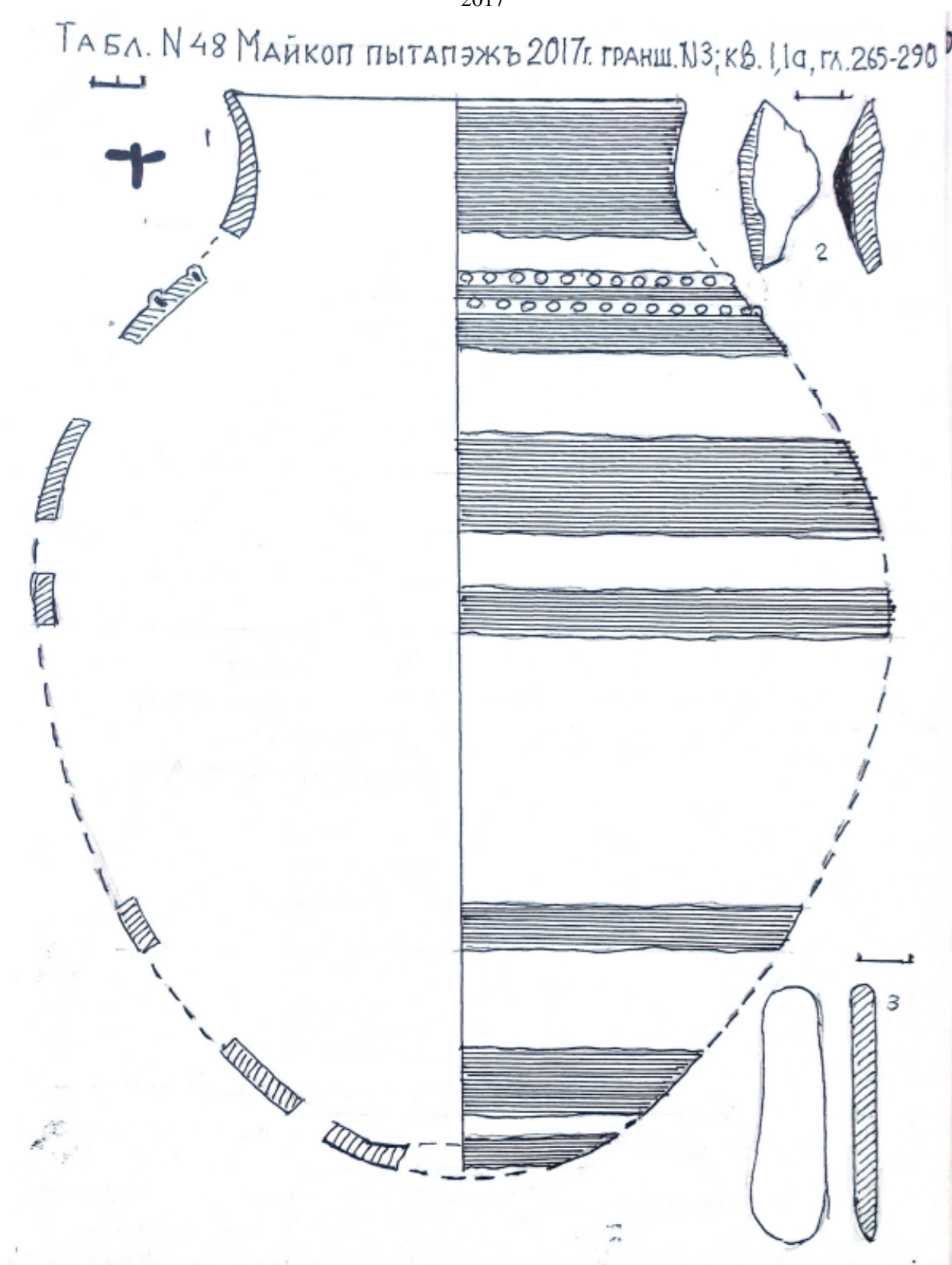

Рис. 14. Табл. XXXXVIII. Майкоп пытапэжь 2017 г. траншея № 3, кв. 11а, гл. 265-290.

1. Реконструкция гончарно-штамповочной корчаги с уплощенным дном. 2. Кремниевый отщеп. 3. Сланцевая пластинка.

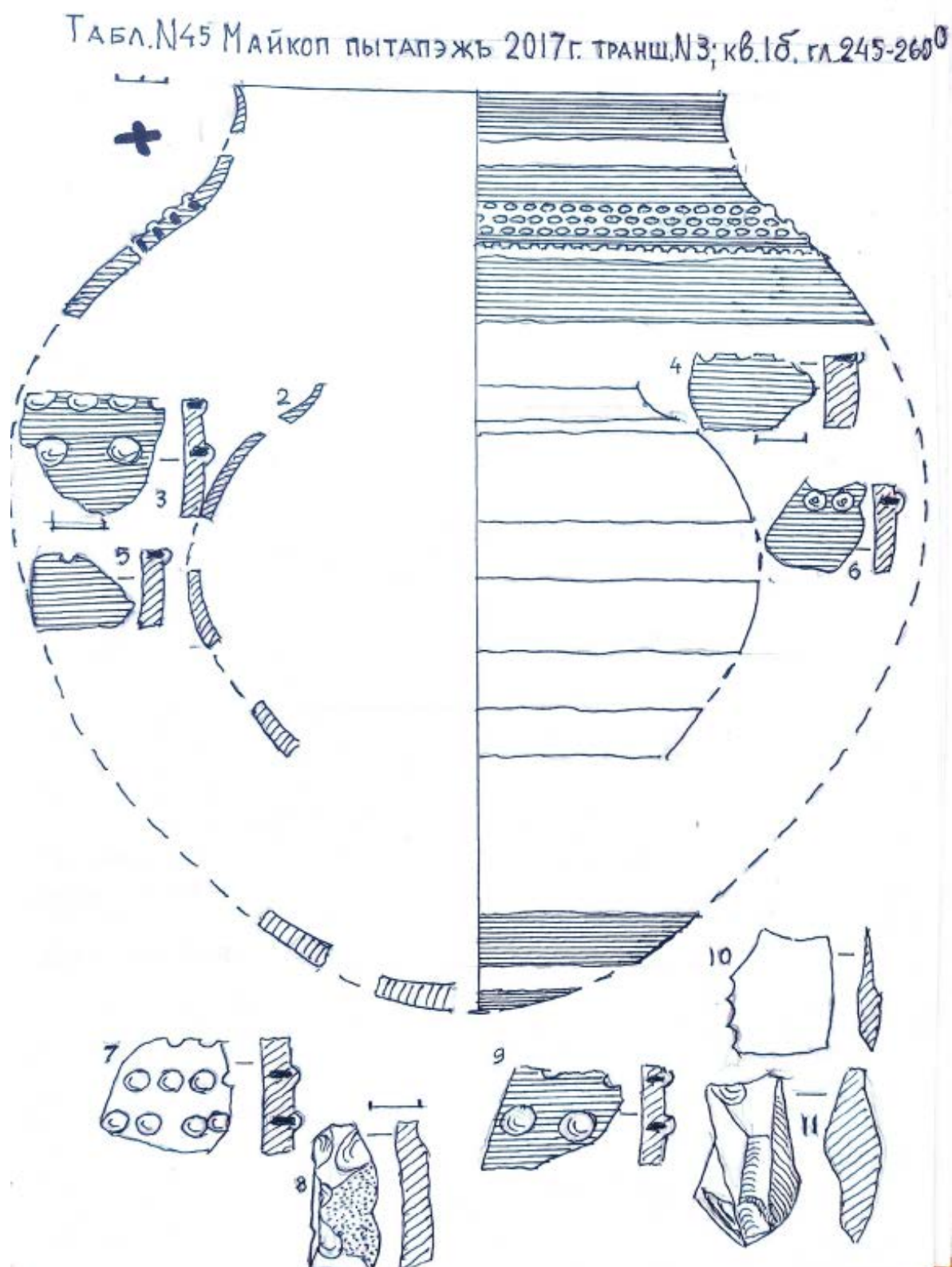

Рис. 15. Табл. LVIII. Майкоп пытапэж 2017 г. траншея № 3, кв. 16, гл. 245-260.

1. Реконструкция гончарно-штамповочной корчаги с круглым дном. 2. Частичная реконструкция тонкостенного сосуда. 3, 4, 5, 6. Фрагменты корчаги. 7, 8, 9. Фрагменты керамики с жемчужным орнаментом. 10, 11. Кремниевые отщепы.

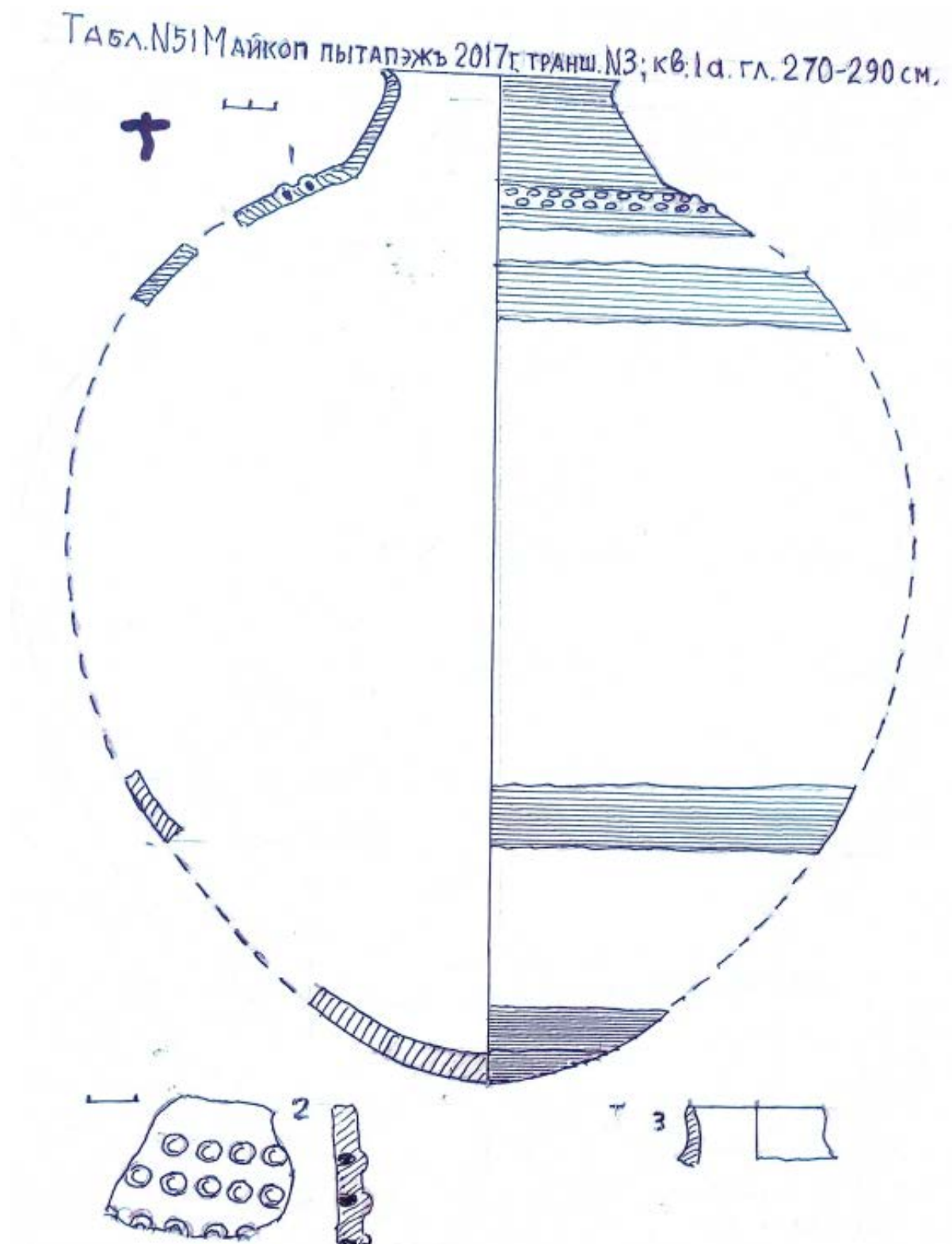

Рис. 16. Табл. №51. Майкоп пытапэжь 2017 г. траншея № 3, кв. 1а, гл. 270-290.

1. Реконструкция сероглиняной гончарно-штамповочной корчаги.
2. Фрагмент керамики с жемчужным орнаментом.
3. Фрагмент кубочка.

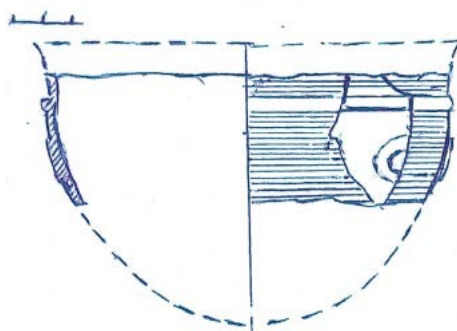

Рис. 17. Реконструкция профиля сероглянной гончарно-штамповочной чашки, мелкопористая. В тесте мелкотолченная ракушка. Валик и рельефная баранка.

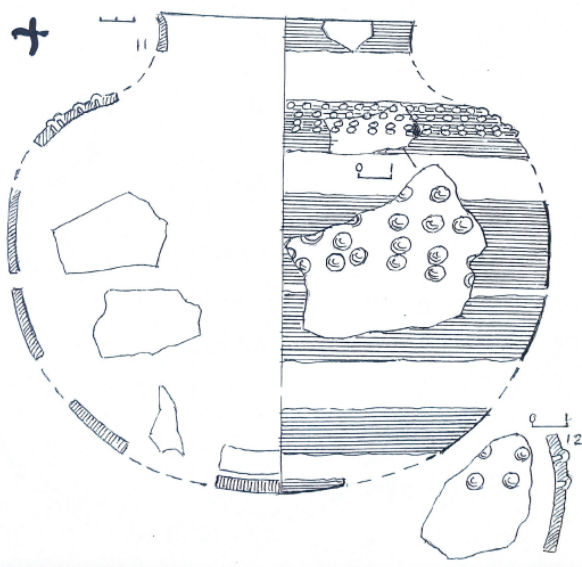

Рис. 18. Реконструкция профиля круглодонного сосуда из верхнего горизонта. В тесте примесь кварцевого песка.

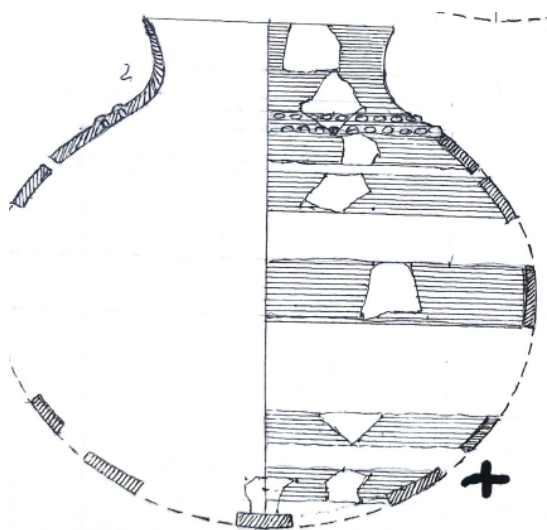

Рис. 19. Реконструкция профиля сероглянного гончарно-штамповочного сосуда с шаровидным корпусом. Внутренняя поверхность пятнистая желто-красная. В тесте кварцевый песок.

Фото

Рис. 20. Табл. XI. Фрагменты керамики с «жемчужинами», кв. 7, гл. 170 см. Фрагмент керамики с «жемчужинами», кв. 7, гл. 165 см.

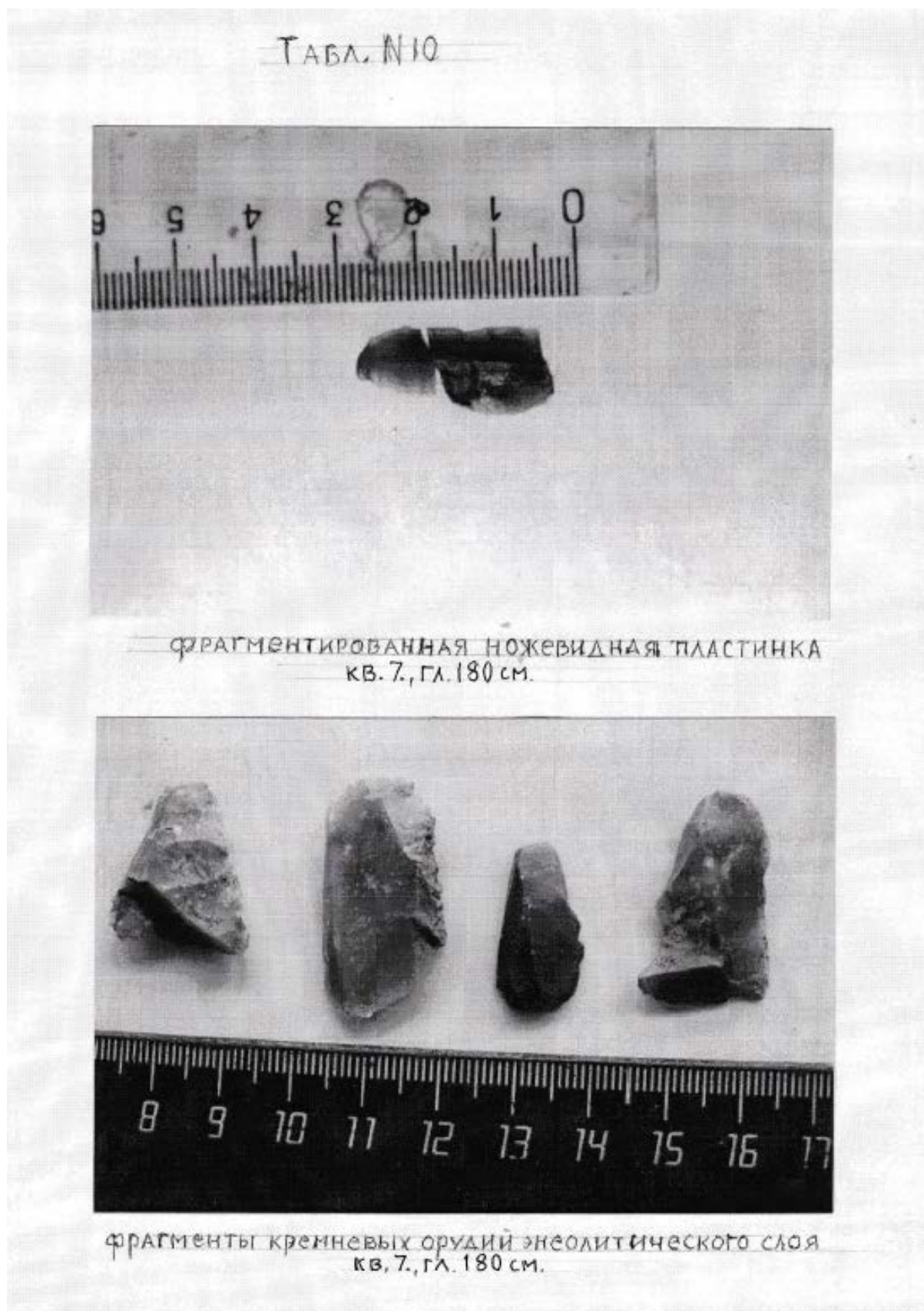

Рис. 21. Табл. X. 1. Фрагментированная ножевидная пластинка, кв. 7, гл. 180 см.
2. Фрагменты кремневых орудий энеолитического слоя кв. 7, гл. 180 см.

Табл. N 22

пирамидка из метаморфической породы, найденная
в верхнем горизонте энеолитического слоя/кв. 2, гл. 230 см./

орудие неизвестного назначения из верхнего горизонта
кв. 2, гл. 270 см.

Рис. 22. Табл. XXII.

1. Пирамидка из метаморфической породы, найденная в верхнем горизонте энеолитического слоя/кв. 2, гл. 230 см./
2. Орудие неизвестного назначения из верхнего горизонта кв. 2, гл. 270 см.

ТАБЛ. №42

фрагменты венчиков энеолитических сосудов/ кв. 5, гл. 190-220 см./

кремнёвый наконечник копья из энеолитического
слоя / кв. 5, гл. 210 см./

Рис. 23. Табл. II.

1. Фрагменты венчиков энеолитических сосудов/кв. 5, гл. 190-220 см./
2. Кремниевый наконечник копья из энеолитического слоя/кв. 5, гл. 210/.

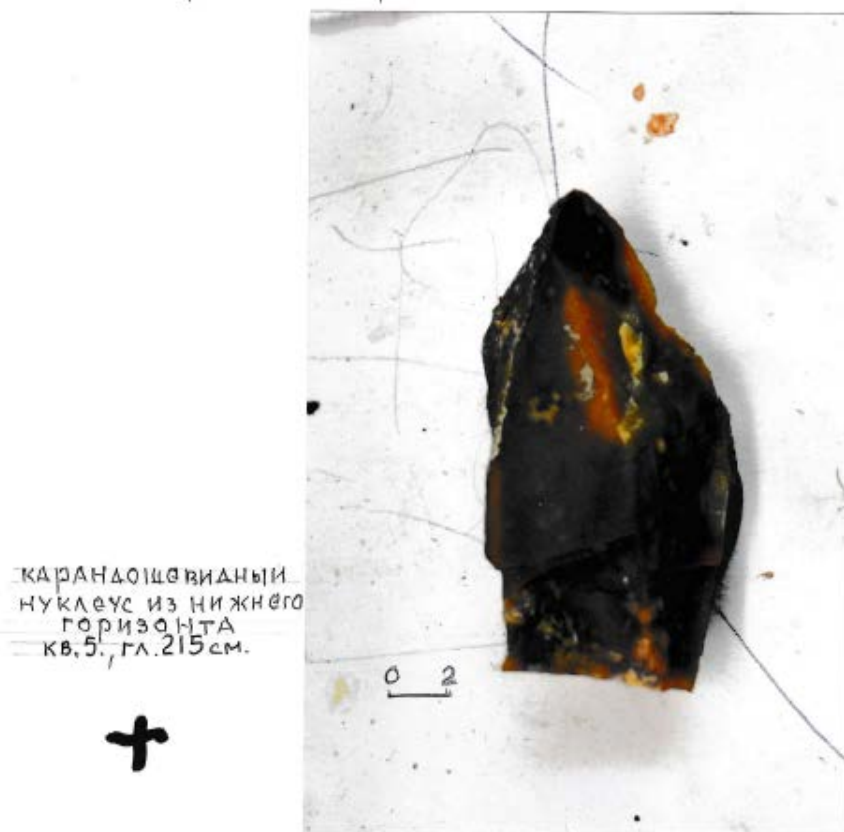

Рис. 24. Карандашевидный нуклеус из нижнего горизонта кв. 5, гл. 215 см.

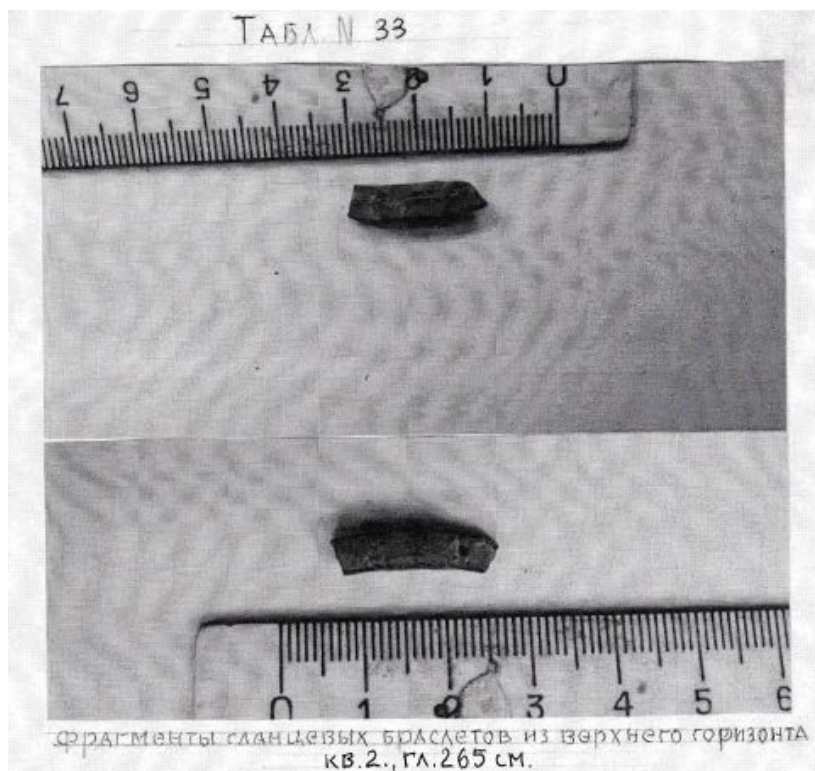

Рис. 25. Табл. XXXIII. Фрагменты глянцевых браслетов из верхнего горизонта/кв. 2, гл. 265 см.

ЭПОХА БРОНЗЫ

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИКЕ МАЙКОПСКОГО КУРГАНА

С.Н. Корневский

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Работа выполнена по гос. заданию № АААА-А18-118011790090-1

Аннотация. В статье рассматривается тема о символике погребения в Майкопском кургане. В ней подчеркивается новый виток дискуссий о значении ряда его вещей. Так, обращено внимание на комплекс декоративных предметов, отражающих культ Древа Жизни и его зверей, которые представлены на изображениях на двух серебряных кубках, штандартах-скипетрах в виде фигурок львов и туров. Особым статусным набором является комплекс орудий из топора, топора-мотыги и мотыги. Специально рассматривается вопрос о бронзовой мотыге и ее главном предназначении, как орудия аграрных работ, не как орудия деревообработки.

В статье отстаивается определение Н.И. Веселовского о том, что каменный полый предмет с приставным дном и приставным горлом является сосудом, а не навершием булавы. Это ясно уже и по тому, что полых булав из камня не бывает. Анализ повреждений на серебряных сосудах позволяет считать, что они были намеренно деформированы. Особо показательна находка бронзового ведерка, у которого раскрыто «ушко» для продевания приставной ручки. Такие следы порчи сосудов указывают на особую традицию помещать в погребение сородича порченные вещи или дефектную посуду из металла или керамику.

В итоге приводится заключение о том, что погребение в Майкопском кургане принадлежало представителю или представительнице высшей знати, которая была связана с культом Древа Жизни. Ее в страну без возврата сопровождали, вероятно, служанки – лица также знатного статуса. Дата Майкопского кургана по аналогиям его вещей определяется второй четвертью IV тыс. до н.э. Ассортимент его утвари отражает местное производство, как уже давно подчеркивали Б.В. Фармаковский в 1914 г. и М.И. Ростовцев в 1922 г.

Ключевые слова: Предкавказье, Майкопский курган, символика, погребальный обряд, культ, Древо Жизни, возрождение.

ON THE QUESTION OF THE SYMBOLISM OF THE MAIKOP MOUND

Korenevskiy S.N.

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

The work was done according to the state assignment number № АААА-А18-118011790090-1

Abstract. The article deals with the topic of the symbolism of burial in the Maikop mound. It highlights a new round of discussions about the meaning of a number of his things. Thus, attention is drawn to the complex of decorative objects reflecting the cult of the Tree of Life and its animals, which are represented in the images on two silver cups, standards-scepters in the form of figures of lions and tours. A special status set is a set of tools made of an axe, an axe-hoe and a hoe. The question of the bronze hoe and its main purpose is specially considered, as an instrument of agricultural work, not as a tool of woodworking.

The article defends the definition of N. I. Veselovsky that a hollow stone object with a side bottom and a side throat is a vessel, and not the pommel of a mace. This is already clear because there are no hollow clubs made of stone. The analysis of the damage on the silver vessels suggests that they were intentionally deformed. Particularly significant is the discovery of a bronze fan, which has an open "eye" for threading a side handle. Such traces of damage to vessels indicate a special tradition of placing damaged things or defective metal dishes or ceramics in the burial of a relative.

As a result, the conclusion is given that the burial in the Maikop mound belonged to a representative or a representative of the highest nobility, who was associated with the cult of the Tree of Life. She was accompanied to the land of no return, probably by maids-persons of the same noble status. The date of the Maikop mound, by analogy with its things, is determined by the second quarter of the IV thousand BC. The range of its utensils reflects local production, as B. V. Farmakovskiy in 1914 and M. I. Rostovtsev have long emphasized in 1922.

Keywords: Pre-Caucasus, Maikop mound, symbolism, funeral rite, cult, Tree of Life, rebirth.

Майкопский курган – выдающийся памятник медно-бронзового века Евразии. Он был раскопан в 1897 году (Веселовский, 1900). Его изучению посвящено большое количество литературы. Особо следует отметить вклад в датировку и интерпретацию древностей Майкопского кургана М.И. Ростовцева. В 1922 году (Rostovtzeff, 1922) исследователь отнес его время к глубокой древности, преддинастическому периоду Ближнего Востока. В настоящее время, в эпоху радиоуглеродных дат, такое событие может быть соотнесено с Амуком F (Андреева, 1977) или с датой Арслантепе VII (Vingnola et al., 2019; Кореневский, 2011, с. 21-40). Более конкретная его датировка требует особого уточнения, о чем будет сказано ниже.

Майкопский курган значительно древнее царского некрополя в Уре, то есть времени эпохи ранних династий или времени РД III – 2500–2350 вв. до н.э. по Биккерману (раннединастического III периода) (Биккерман, 1975; Woolley, 1934). Он принадлежит к эпохе господства в Предкавказье традиций адаптированных пришельцев из Северной Месопотамии на Кавказ, которые образовали огромную мега-общность земледельцев и скотоводов, изготовлявших своеобразные типы посуды из формовочных масс без искусственных минеральных примесей, так называемую керамику высокого класса. Нередко на такие сосуды ставили знаки – метки. Эта мега-общность охватывала территорию Сирии, Северной Месопотамии, Южного Кавказа и Предкавказья. Внутри неё выделяются особые культурные объединения, такие как лейлатепинская культура на Южном Кавказе, а также майкопский вариант майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье.

Коллекция находок Майкопского кургана хранится в Гос. Эрмитаже в особой кладовой. Её главным хранителем сейчас является Ю.Ю. Пиотровский. Им сделано много для изучения знаменитого памятника. Особо следует отметить две последние работы 2020 года. Одна из них издана в Германии (Пиотровский, 2020a), другая – в журнале *Camera praehistorica* (Пиотровский, 2020b). В обеих работах Ю.Ю. Пиотровский ставил цель детализировать Майкопский курган как

археологический источник. При этом он подает материал, как высоко квалифицированный музейный работник, стараясь показать особенности издаваемых вещей. Однако следует заметить, что в упомянутых статьях им не разбирается целый ряд историографических сведений о том, как изучался Майкопский курган, какие аргументы имеются для тех или иных точек зрения на функциональную принадлежность ряда его изделий.

Тема нашей статьи затрагивает вопросы символики знаменитого комплекса, включая интерпретацию его вещей в свете новых публикаций и дискуссий. Впервые она была поставлена и около 10 лет назад (Кореневский, 2011; 2012). Сейчас эта тема получила дальнейшее развитие. Поэтому ряд сюжетов будет изложен ниже с учетом их публикации в статье 2012 года (Кореневский, 2012). Другие аспекты являются разработкой сегодняшнего дня. Особенно это касается символики испорченных сосудов и функциональном определении мотыг.

Иллюстрации, используемые в статье, являются моими рисунками и фотографиями, которые мне позволили сделать в свое время хранители коллекции Майкопского кургана А.П. Манцевич и Ю.Ю. Пиотровский. Часть из них являются репродукциями его публикаций. В статье также присутствуют фотографии, которые отражают, если можно сказать, «дефективную» сторону шедевров Майкопского кургана. Её, как правило, не афишируют при публикациях этого феноменального комплекса.

Ю.Ю. Пиотровский провел большую работу по изучению архива Н.И. Веселовского в фондах ИИМКа. Благодаря его описанию, мы узнаем, что Майкопский курган раскапывался прорабом археологических работ Императорской археологической комиссии И. Маленко, приглашенным на раскопки в г. Майкоп из Керчи. Раскопки кургана траншеей заняли около месяца, а расчистка самого погребения – около трех дней в июне 1897 г. (рис. 1, 1) Держатель Открытого листа Н.И. Веселовский присутствовал только на расчистке захоронения (Пиотровский, 2020a).

Первый дискуссионный вопрос, который требует обсуждения, относится к определению, как

были похоронены люди в погребении этого памятника. Напомню, что захоронение Майкопского кургана, по описанию Н.И. Веселовского, было совершено в большой яме размером 5,33 x 3,73 x 1,42 м, ориентированной с СВ на ЮЗ. Информация о ней сохранилась в набросках Н.И. Веселовского и его кратком отчете (Веселовский, 1900, Веселовский 1997-репринт). Из них можно узнать, что могильная яма была разделена деревянной т-образной перегородкой, которая образовала три отсека: главный южный отсек №1, восточный отсек №2 и западный отсек №3. В каждом отсеке находился костяк человека в позе на спине скорченно, с руками, согнутыми в локтях и кистями напротив плеч (рис. 1, 2-7). Возможно, это был особый ритуальный жест.

Такое положение покойных людей является большой редкостью. Для племен майкопско-новосвободненской общности характерна поза покойных людей скорченно на боку (Кореневский, 2004). Аналогии позе людей, похороненных в Майкопском кургане, можно отметить в грунтовом могильнике Пойлу II лейлатепинской культуры (Мусеибли, 2010, с. 208). Поэтому описание Н.И. Веселовским столь редкой позы можно принять как реальность.

Под костяками дно могил было устлано галькой – символом очищения, используемом при похоронах майкопцев разных, но не всех вариантов майкопско-новосвободненской общности (МНО).

Н.И. Веселовский оставил довольно путанные замечания в своем архиве по ориентировке погребенных, представляя ее в направлениях на юго-запад или на юг (рис. 1, 2-7) (Пиотровский, 2020а). Ю.Ю. Пиотровский предположил, что костяки были ориентированы головой на юг и лежали по диагонали к длинной оси погребальной ямы (рис. 1, 2, 3). Такое положение покойных в контексте майкопских памятников пока аналогий не находит. Обычно костями в захоронениях МНО лежат с условной линией позвоночника вдоль длинной оси захоронения.

Перед выставкой своих находок в Прикубанье в 1898 г Н.И. Веселовский проконсультировал Н.К. Рериха о том, как в погребении располагались люди и как в могиле была расположена утварь. Н.К. Рерих нарисовал по его указаниям и наброскам-крокам акварель, которая стала единственным свидетельством об изысканиях Н.И. Веселовского по раскопкам Майкопского кургана (рис. 1, 7). На этой акварели костяки покойных людей в Майкопском кургане ориентированы вдоль длинной оси ямы захоронения, как считал Н.И. Веселовский и М.И. Ростовцев в

своей работе 1922 года (Rostovtzeff, 1922) (рис. 1, б). Поэтому версия Н.И. Веселовского и акварель Н.К. Рериха не утратили своей актуальности наряду с новой версией Ю.Ю. Пиотровского.

Погребенные люди в Майкопском кургане были густо покрыты красной краской-киноварью (Пиотровский, 2020б). Киноварь можно рассматривать как ритуальную краску мертвых. Она состоит на 80% из ртути. Пользоваться ей для живых людей небезопасно. Для племен МНО, однако, в погребальных обрядах киноварь употреблялась различными племенами, например, в п. 18 курган 1 группы Марьинская - 3 в захоронении долинского варианта МНО киноварью были окрашены все стены могильной ямы (Канторович и др., 2009).

Украшения погребального костюма и погребальный инвентарь Майкопского кургана представляют разнообразные наборы вещей, которые должны были что-то означать для захороненных людей, согласно представлениям о мифологии смерти и картине загробного мира (рис. 2, рис. 3). Начнем описание их символики с погребального костюма костяка из отсека №1.

У черепа скелета были найдены два височных золотых кольца-подвески (рис. 3, 1, 2) – символы знатности.

Под черепом покойного были найдены две узкие золотые ленты (рис. 2, 1). Одна, большая, длиной 43 см. Вторая поменьше длиной 39,3 см. В каждой ленте были пробиты по 9 пар отверстий в виде горизонтальной линии. На концах лент пробили по два отверстия в вертикальном положении. На лентах сохранились следы красной краски. Размер лент требует обсуждения. Дело в том, что голова взрослого человека в среднем имеет окружность 57-60 см. Значит, ленты не охватывали голову со всех сторон. Они крепились одна над другой к ткани-накидке на голову и оставляли открытым лоб и лицо. Ничего не говорит, что они завязывались спереди на шнурках.

Комплекс с украшениями, близкими вещам из Майкопского кургана, обнаружен в 1897 году в кладе у ст. Старомышастовской. В число этих украшений входила тонкая серебряная лента длиной 60 см и шириной 7 мм, три серебряных розетки-цветка диаметром 7 мм с отверстием в центре для прикрепления, маленькая фигурка лани с отверстием в туловище, как у бычков-туров Майкопского кургана, литая головка льва из золота (Кореневский, 2011, с. 100). Сосуд имеет вмятины, видимо, следы ударов.

Других аналогов в металле золотым лентам Майкопского кургана подобрать трудно. В более

молодое время известия о лентах-диадемах происходят из могилы Квацхелеби (Джавахишвили, Глonti, 1962), гробницы T1 в Арслантепе B1 (Frangipane M., et al, 2001). Сведения о них есть в могильнике Ура, например, в могиле «маленькой принцессы» PG/153». (Корневский, 2012) (рис. 2, 2). Оружия в могиле не было. Золотая диадема имела длину около 33 см (Woolley, 1934, p. 299, 300). На юге Восточной Европы бронзовая диадема входила в составклада из Городницы времени Триполья ВП (Бурдо, 2004).

На груди покойного человека в отсеке № 1 были найдены 10 двойных золотых пятилепестковых цветков (рис. 2, 3) диаметром около 4 см (Пиотровский, 2020а, с. 136). Б.В. Фармаковский предполагал, что они оставляют комплекс диадемы (Фармаковский, 1914). Ю.Ю. Пиотровский не соглашается с такой интерпретацией. По его версии, цветы были найдены отдельно от лент, и поэтому крепиться к ним не могли (Пиотровский, 2020а). Выше мы уже поддержали эту точку зрения.

На корпусе костяка №1 были обнаружены в большом количестве золотые штампованные кольца (рис. 3, 3, 4) штампованные фигурки львов, идущих вправо (37 шт), идущих влево (33 шт), а также бычков-туров, идущих вправо (рис. 2, 4, 5, 6). Все фигурки имеют отверстия для пришивания к полотну. Б.В. Фармаковский считал их украшениями балдахина над покойным человеком. Что они украшали, мы, конечно, не знаем, кроме того, что они как и золотые цветы могли нашиваться на ткань (одежды? покрывала?). Вместе с золотыми цветами звери отражали хорошо известную композицию для культов Ближнего Востока в III тыс. до н.э., в которую входила процессия животных. Звери размеренно шли к цветам Древа Жизни. Такая сцена показана на золотой диадеме из могилы «маленькой принцессы» в Уре, о которой упоминалось выше (Woolley, 1934. P. 299, 300) (рис. 2, 2).

На груди и вокруг покойного было найдено большое количество бус из сердолика, бирюзы, зола и менее из серебра. Символика таких полудрагоценных камней была связана с магией и символикой солнца, которая всегда сопровождала золотые изделия (рис. 3, 5, 6, 7, 8). На некоторых бусах отчетливо были видны орнаменты в виде плетенки – символа лепестка Древа Жизни (рис. 3, 8). Мотив такого орнамента уходит в глубокую древность к символике халафской культуры. В ней ярко расцвели традиции расписной керамики с изображениями деревьев, а также их плодов – фестонов-плетенок (von Oppenheim,

1943. Taf. XLIX, 7, 9; Дьяконов. 1983, с. 79). Сюжет Древа Жизни, как символа плодородия, также отражен в головном уборе «царицы» Шубад из погр. PG/1130. Он включал налобные ленты из лазуритовых бус, парик, золотые кольца, наборы из листьев бука и иных деревьев, булавку – имитацию Древа Жизни с волшебными цветами в виде 8-лепестковых розеток, а также подвески в виде цветка Древа Жизни (Woolley, 1934).

Справа от костяка 3 были компактно положены знаки власти или скипетры, по выражению Н.И. Веселовского. Они включали 6 трубочек длиной около 1,03 м. Четыре с золотыми окончаниями и две чисто серебряные. На двух трубочках с золотыми окончаниями были нанизаны две литые из золота фигурки туров, на двух с серебряными окончаниями – по фигурке бычка-тура из серебра. Важно отметить, что на лбах между рогов у туров был отлить орнамент в виде фестона, такого же вида, как и на золотых бусах (рис. 3, 8, 10). Б.В. Фармаковский полагал, что трубочки образуют стойки балдахина над костяком (Фармаковский, 1914). Но их расположение параллельно друг с другом в одной связке ничего не говорит о такой возможности. Аналогия фигуркам бычков из Старомышастовскогоклада маленькой скульптурке лани с отверстием в корпусе показывает, что это были атрибуты неких культовых жезлов, как правильно полагал Н.И. Веселовский. Версия о балдахине, т.о., полностью отпадает.

Ниже по отношению скипетрам лежали 12 наконечников стрел, сделанных на отщепе (рис. 3, 11) и 17 микролитов – вкладышей серпа (рис. 3, 12). Стрелы имеют размер 2,9-3,7 см. Они относятся к легкому скорострельному луку. Аналогий среди памятников МНО не находят. Близкие им наконечники можно увидеть в комплексах местного энеолита Нижнего Дона (Кияшко, 1994). Можно отметить, что наконечники Майкопского кургана покрыты ретушью, но не имеют зазубренных краев, как наконечники боевых стрел в комплексах других вариантов МНО. Может быть, стрелы из отсека 1 для боевых действий и не предназначались?

В южном углу отсека №1 кучкой лежали орудия и оружие. Они включали бронзовый втульчатый топор весом в 700 грамм (рис. 4, 1), топор-мотыгу, втульчатую мотыгу (рис. 4, 2, 3; рис. 5, 1, 2), два бронзовых тесла и два желобчатых долота (рис. 4, 4-7), каменное тесло (рис. 6, 6), большой кинжал-бритву длиной более 34 см, малый кинжал с трапециевидной (бесчеренковой) рукояткой, два стрелня – прямой и изогнутый (рис. 6, 3,

4). Функциональная интерпретация этим предметам рассматривалась несколькими исследователями (Н.И. Веселовским, Ю.Ю. Пиотровским, С.Н. Кореневским). В работах С.Н. Коренева (1974, 2011, 2021) была разобрана их типология. Сейчас мы акцентируем внимание лишь на символике этой группы вещей.

Первый набор включает комплекс из топора, топора-мотыги, мотыги, двух бронзовых тесел и двух долот. Он может быть назван как военно-производственный и аграрный (рис 4, 1-7). Похожие наборы найдены в п. 70 к. 1 Заманкульского могильника (рис. 4, 8-10), а также в разрушенном погребении 11 к. 2 могильника Винсады-4 под Пятигорском, найденном в 2014 году. (Лычагин, 2016). Следует заметить, что эти вещи известны мне по оригиналам, а не по рисункам его отчета. Аналогию майкопской мотыге в кургане 2 Винсады-4 п. 11 ранее уже упоминал Ю.Ю. Пиотровский (Пиотровский, 2020а, с. 159).

Рассмотренные изделия орудийного набора имеют аналогии, прежде всего, в рамках майкопских памятников Предкавказья (Кореневский, 2011). Это доказывает их местное производство. За пределами Предкавказья к югу такие комплексы не известны.

Ю.Ю. Пиотровский высказал предположение, что мотыга Майкопского кургана – это не орудие для обработки почвы, а втульчатое тесло для деревообработки. Каких-либо доказательств этой версии он не привел. (Пиотровский, 2020а, с. 148).

О важных признаках функционально назначения майкопских мотыг можно судить, если рассмотреть внимательно их конструкции, которые мы знаем уже в количестве 5 находок (Майкопский к., Заманкул к. 1 п. 70, Винсады-4 к. 2 п. 11, Псекупский могильник п. 150, Галюгаевское поселение -1). Одна находка происходит из Грузии из поселения Орджосани (рис. 5, 1-5) (Кореневский, 2011, с. 80-85). Так, необходимо обратить внимание, как эти орудия могли насаживаться на рукоять. Все мотыги имеют наклон клина вниз. Мотыга Галюгаевского поселения имеет наклон 8°. Майкопского кургана имела наклон 10°, Мотыга п. 150 Псекупского могильника – имела наклон 15°. Мотыга к. 2 п. 11 Винсады-4 – 20°. Топор-мотыга Майкопского кургана имеет наклон 16°¹. Для сравнения следует сказать, что у мотыг шумеров наклон мотыг вниз достигал 22-25° (Кореневский, 2011, с. 286, рис. 79, 16) (рис. 5, 6, 7). Шумеры отзывались о своих мотыгах с большим уважением и подчеркивали их

значение в аграрных работах в своем эпосе (Кореневский, 2011, с. 146, 147).

Наклон клина вниз майкопских мотыг, таким образом, выдает в них именно инструменты обработки почвы. Дополнительно можно отметить, что каменные орудия мотыжных земледельцев Африки насаживались с наклоном клина вниз (Львова, 1984). Для орудий по деревообработке такой наклон клина вниз не практичен.

В состав орудий деревообработки Майкопского кургана может быть включено каменное тесло (рис. 6, 6). Но обращает на себя внимание, что тесло имеет не пригодный к заточке овальный край лезвия. Оно поэтому не могло использоваться для работы по дереву. Его функция явно была связана с культом. И что такое орудие могло значить – вопрос открыт.

Следующая группа сочетаний представлена двумя кинжалами и двумя каменными стержнями. Обращает внимание, что кинжал-бритва длиной 34 см был погнут и сломан (рис. 6, 1).

Отверстие в прямом стержне заклепано золотой вставкой (рис. 6, 3). Орудие, таким образом, оказалось испорченным. Н.И. Веселовский предполагал, что каменные стержни означали точилки (Веселовский, 1900). Мне представляется, что это были каменные жезлы или даже песты, судя по их аналогиям.

Ю.Ю. Пиотровский возражает против такой интерпретации, поскольку никаких следов сработанности на торцах стержней нет (Пиотровский, 2020а, с. 147-150). Все правильно. Их нет, так как это были новые изделия. Следов заточек нет и на всех каменных «оселках», которые находят вместе с кинжалами майкопских племен, например в Сунженском могильнике (Кореневский, 2011). Пока нам не просто определить, что же значил набор из «бесчеренкового» кинжала и каменного стержня для символики майкопских захоронений. Можно лишь отметить, что такой набор был найден в разрушенном погребении могильника Союг-Булаг в Азербайджане. Он состоял из кинжала и каменного стержня в виде скипетра с головой жвачного животного в п.1 кургана 2006 года (Ахундов, Махмудова, 2008, с. 163-169) (рис. 6, 5). Торцовый конец скипетра из этого захоронения имеет следы сработанности. В итоге необходимо иметь в виду, что сочетание кинжала и каменного стержня является второй символической группой набора из орудий и оружия Майкопского кургана.

Сосуды металлические и сосуд из камня. Благодаря публикациям Ю.Ю. Пиотровского (рис.

¹ Замеры наклона мотыг в наших музеях определялись мной

при осмотре оригиналов.

7), сейчас мы имеем наиболее полное представление о сосудах Майкопского кургана. Так, вдоль восточной стенки отсека №1 были расположены 14 сосудов из серебра и 2 из золота. Один сосуд, по замечанию Н.И. Веселовского, был сделан из камня (рис. 8). Формы сосудов из металла близки формам керамических сосудов. Среди них есть целые формы, деформированные, но целые сосуды, и только обломки предметов. Целые формы представляют собой маленькие кубки с округлым туловом и высоким горлом, высотой 12,8; 13,6; 19,9, см и горлом средней высоты, в целом размером 19,5 см. (рис. 7, 1). Один сосуд имеет шаровидное тулово и резко отогнутый венчик высотой 13,4 см (рис. 7, 9). Один сосуд напоминает стакан с приставными ушками высотой 6,8 см (рис. 7, 10). Маленькая реберчатая миска имеет в высоту 7,6 см (рис. 7, 4). Две серебряных миски с округлым дном имеют в высоту около 5 см и диаметр около 8-14 см. (рис. 7, 5, 11). Некое подобие чана имеет высоту около 11 см и диаметр около 26 см. (рис. 7, 16). Два шедевра – сосуд с пейзажем и сосуд с розеткой на дне имели высоту 9,6 см и 9,2 см соответственно (Пиотровский, 1998, №№ каталога 279, 289) (рис. 9).

Помимо целых форм в наборе металлических сосудов присутствуют только отдельные обломки (рис. 7, 2, 6, 8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19). Таковы фрагменты сосуда с рифлением с возможной высотой до 12 см, часть круглодонного сосуда с фрагментом горла и тулова без дна высотой с возможной высотой до 9-10 см. Присутствуют еще два фрагмента от верхней части сосуда диаметром до 6-7 см (Пиотровский, 1998. №№ 279-287 по каталогу; Пиотровский, 2020а, Abb. 25-27).

Сосуды из золота представлены высокогорлым кубком и реберчатой миской (рис. 7, 7, 4). Способ изготовления майкопских сосудов еще специально не изучался. Можно только отметить их очень тонкие стенки, возможно, полученные выколоткой первоначальной модели.

Древние мастера свободно владели клепкой деталей на сосудах. Они могли прикрепить на заклепках к тулову сосуда ручки-ушки. Так, золотые ушки имеет стакановидный сосуд. Ушки 2 шт. были поставлены на сосуд с пейзажем и прикреплены к сосуду с горлом средней высоты (Пиотровский, 2020а, Abb. 25,1). Один серебряный сосуд имел накидной золотой обод на тулове ниже горла, скрепленный заклепками (Пиотровский, 2020а, Abb. 25,4) (рис. 7, 3).

Особый вопрос возникает с интерпретацией каменного полого сосуда (рис. 8). Ю.Ю. Пиотровский рассматривает его в качестве навершия

булавы (Пиотровский, 2020а, с. 155). Сразу надо сказать, что такое предположение неверно, так как полых булав не бывает. Н.И. Веселовский в отчете прямо отмечает, что вдоль восточной стенки отсека №2 были размещены «каменный точеный сосуд с накладным дном из серебряных вызолоченных пластинок и золотым горлышком (№ 45) (Веселовский, репринт 1997, с. 47). После такого прочтения строк Н.И. Веселовского, конечно, возникает вопрос о составе металла предметов из благородных металлов. Например, какой процент золота содержится в золотых изделиях и какой процент серебра – в серебряных. Такой вопрос у Ю.Ю. Пиотровского вызывает даже непонимание в своей постановке (Пиотровский, 2020а, с. 155). В нем нет и намека на определение содержания в них основы металлов, кроме золота и серебра. Анализ обломков четырех сосудов из серебра был сделан мной давно и опубликован в 1988 году (Корневский, 1988). Они оказались билонами. Но почему-то Ю.Ю. Пиотровский эту работу даже не упоминает.

Связь каменного полого сосуда с накидным горлом именно с категорией посуды обосновывается самим положением предмета среди кубков, горшочков и мисок вдоль восточной стенки. Он положен не среди орудий в углу погребения. На использование этого предмета, как сосуда, указывают также затертости на его дне (рис. 8, 9).

В восточном отсеке №2 были поставлены сосуды на медной основе. В их число входил чан с круглым дном высотой около 26 см и диаметром около 46 см. Его венчик несет следы ремонта и стягивания заклепками. Чаша медная диаметром около 48 см и высотой около 14 см, медное ведро высотой 16-17 см и диаметром около 21 см. (рис. 11). Помимо этого, имеются 4 фрагмента частей сосуда с круглым дном. Эти куски венчиков и придонной части не состыкуются и являются лишь обломками одного или нескольких крупных сосудов (Пиотровский, 2020а, рис. 30, 31).

Металлические сосуды Майкопского кургана имеют различную сохранность. Среди них есть целые формы, другие – деформированные, и формы со следами ремонта. Ю.Ю. Пиотровский не рассматривает ситуации, связанные с намеренной деформацией сосудов, полагая, что они все связаны с обрушением на них грунта (Пиотровский, 2020а, с. 156).

Однако обратимся к детальному описанию деформаций на этих предметах. Так, сосуд с пейзажем имеет разорванное тулово (рис. 9, 1-5). Но оно не смято от падения на него земли. Сосуд с розеткой на дне имеет разорванное горло. На его

дне зияет отверстие от удара, проломившего насквозь корпус (рис. 9, 6-10).

На нескольких сосудах прослеживаются вмятины. Скорей всего это следы от ударов отбойником в виде молотка из гальки или некоего подобия этого инструмента (рис. 10, 6, 7).

Обращают на себя внимание следы щелевидного разрыва туловища сосуда, которые могли возникнуть при изготовлении предмета и следы ремонта такого дефекта (рис. 10, 1-5). При ремонте использовалась, видимо, спайка или сварка. На одном сосуде заметна даже серия заплат, которыми стремились закрыть щелевидный разрыв. Заплаты делались из ткани, которые крепили в месте инструмента (рис. 10, 4, 5). Такие наблюдения позволяют считать, что в погребение ставились сосуды, прошедшие ремонт, и целые сосуды. Многие из них подвергались намеренной порче. Их били ручным молотком и даже проламывали корпус или разрывали горло.

В описании раскопок Н.И. Веселовского есть упоминание ситуации с перекрытием могилы, которое говорит, что «когда дерево сгнило, земля засыпала гробницу, причем некоторые вещи пострадали от тяжести, были сдавлены ею». Какие это были вещи, в отчете не указано. Вещи из золота на костяке и вблизи него никаких деформаций не несут. Объяснить падением земли такие «травмы» сосудов вряд ли возможно. Особо показательна ситуация с бронзовым ведром. Его петли для крепления дуговидной ручки оказались открытыми. Их толи разорвали намеренно, толи намеренно распилили. Ручка в них крепиться более не могла. Это явный пример намеренной деформации предмета (рис. 11, 7, 8). Другой очевидный показатель дефекта ведра – это отверстия на его дне. Ю.Ю. Пиотровский на это внимания не обращает (Пиотровский, 2020а, с. 156).

Два серебряных сосуда были наделены особыми свойствами передачи информации о мифах своего времени. Их описание и подробный разбор делались неоднократно, в том числе и в работах Б.В. Фармаковского (1914) и М.И. Ростовцева (Rostovtzeff, 1922, р. 26-28). Отмечены они и Ю.Ю. Пиотровским в статье 2020 года (2020а, с. 156-158 рис. 28, 1, 2). В ней он пишет, что изображения на сосудах были нанесены чеканом с лицевой стороны (Пиотровский, 2020а, с. 156) (рис. 9, 9, 11).

Так, на сосуде с пейзажем мы видим три ряда горных цепей, которые поднимаются одна над другой (рис. 9, 9). Горный пейзаж украшают две могучих горы с двуглавыми вершинами. Рядом

возвышается пик одинокий высокой горы. Пейзаж в целом напоминает вид на Большой Кавказ с севера, как подметил Б.В. Фармаковский (1914).

Горные цепи образуют «поверхность» волшебной страны. На ней растут два дерева. Возможно, это некое подобие пальм. Ствол и ветки деревьев заштрихованы крест на крест. Это явное изображение Древа Жизни, плодами которого пытается лакомиться стоящий под ними зверь. Видимо, это некое фантастическое животное, изображенное в мелком масштабе. Оно занимает доминантное положение наверху «волшебного царства» у Древа Жизни (Корневский, 1988).

Ниже «горизонта белого света», не спеша, идут по кругу животные. В верхнем ряду изображены два кавказских могучих быка-тура, лев, онагр или кулан. Вид копытного зверя выдает стоячая короткая грива и хвост, который заканчивается кисточкой, как у осла. Ни лошадь, ни тарпан таким хвостом не обладают. В нижнем ряду по кругу расположены горный козел, вепрь, львица, горный баран (определения животных сделаны проф. К.К. Флеровым, Институт палеантропологии РАН). На спине льва показана птица с длинным клювом, рядом с ней отображено некое растение. После изображения зверей художник дополнил картину двумя стекающими вниз реками. Реки впадают в озеро или океан. Пространство рек и озера заштриховано в стиле орнамента елочки.

На сосуде с розеткой (рис. 9, 11) художник изобразил водный поток, который лентой охватывает горло горшочка. Ниже водного потока в ряд идут кавказский тур, горный баран, гепард, горный баран, и снова гепард. На шее гепардов различимы ошейники, о чем правильно пишет Ю.Ю. Пиотровский (Пиотровский, 2020а, с. 159). Среди зверей показаны три птицы с длинными клювами и одна с клювом хищника.

Низ сосуда покрыт изображением розетки в виде переплетающихся фестонов – знаков лепестков цветка. Наличие ошейника (рис. 9, 11) на хищном звере подразумевает, что у него есть хозяин или хозяйка. Скорей всего, ей является сама богиня – повелительница Древа Жизни. Шумеры называли ее Иштар.

Сосуды из керамики. В отсеке №1 представлены керамические 8 сосудов с круглым дном охристого цвета. В основном это сосуды с высокой симметрией формы. Самый маленький горшок имеет блестящий черный цвет. Его тулово несет след деформации, часть тулова отсутствует (рис. 12, 10). Горшок без такой строгой симметрии тулова, изготовленный вероятно от руки, в

комплексе только один. Это сосуд-тюльпан. На его поверхности видны следы вторичного пламени. Дно горшка немного вогнуто (рис. 12, 9, 12).

В момент раскопок сосуда расчищены разбитыми на мелкие кусочки. Малый чернолощенный горшочек вообще, видимо, был поставлен в могилу без части корпуса у дна (рис. 12, 10).

В западном отсеке №3 стоял только крупный пифос (рис. 12, 8, 11) (Кореневский, 2017). Сосуд реставрирован. Видимо, в момент раскопок он был тоже разбит на части, которые затем склеили уже в камеральных условиях. Мог ли пифос быть разрушен во время обвала грунта? Это большой вопрос, так как толщина стенок пифосов достигает 1-2 см. Майкопский пифос после обжига становился прочным изделием. Его можно было разрушить, если только специально разбивать, нанося удары. Следы таких ударов по пифосу я фиксировал при раскопках жилища на поселении Галюгаевское-1. Эти удары оставили следы-вмятины, которые затянула пати́на. У стенки другого строения, с ее внешней стороны, были расчищены обломки пифоса, который был явно разбит (Кореневский, 1995). Такие разрушения сосудов на поселении можно объяснить обрядом, связанным с покиданием жилища.

Хронология. Дата Майкопского кургана, как и п. 11 к. 2 могильника Винсады-4, может быть соотнесена с датой п. 70 к. 1 мог. Заманкул (4820 ± 70 BP 3640 – 3500 BC) (Кореневский, 2011, с. 27-30), то есть со второй четвертью IV тыс. до н.э., что вполне соответствует времени ранних памятников галюгаевско-серегинского (майкопского) варианта МНО (Кореневский, 2011, с. 27).

Дата п. 11 к. 2 мог. Винсады была получена в Познани. Она указывает на 37–36 вв. до н.э. (4915 ± 35 BP 3709-3652 BC), поэтому обе даты могут определить возраст самого Майкопского кургана, в рамках второй четверти IV тыс. до н.э. BC.

Кто был похоронен в Майкопском кургане. С самого момента ходки появилось мнение, что Майкопский курган насыпан над могилой вождя, жреца или вообще властного лица. В боковом отсеке его сопровождала рабыня, так как у костяка 2-го отсека были найдены височные колечки, писал Н.И. Веселовский (Веселовский, 1900). Проблематичность таких суждений была очевидна. Ведь антропологических определений сделано не было. Что же можно сказать по косвенным данным, уже опираясь на информацию об традициях погребальных обрядов МНО.

Все погребенные были снабжены украшениями большой ценности, но в разных наборах. Среди погребенных в отсеках 2 и 3 нет орудий и

оружия. На этом основании можно думать, что это были захоронения женщин, возможно служанок. Но об их рабском состоянии ничего не говорит.

Набор украшений костяка №1 наиболее отчетливо показывает отражение в нем веры в магию полудрагоценных камней и символику верований культа Древа Жизни. Важно отметить, что у нас нет примеров находок лент головного убора в мужских захоронениях МНО. Остальные символические наборы орудий и оружия относятся к более общим элементам погребальной практики и могут рассматриваться как статусные компоненты захоронения важного лица.

Судя по источникам Ближнего Востока (коллекция Джирофта, царский некрополь Ура), культ Древа Жизни имел своих богинь, хозяек и жриц. Все это были женские персонажи. Потому закономерен вопрос, не была ли в Майкопском кургане похоронена женщина – жрица культа Древа Жизни, приравненная к богине. Ее образ мог иметь андрогинные свойства, быть причастен к символике войны и охоты. Богини с такими свойствами на Ближнем Востоке носили имена Инанна, Иштар, Астарт, Шавушка (Wegner, 1981; Кореневский, 2012). В греческой мифологии известна богиня охоты и плодородия Артемида. Ее символом был лук и стрелы (Токарев, 1987).

Изделия Майкопского кургана часто рассматривались как привозные с юга и имеющие аналогии в царском некрополе Ура. Об этом писал Г. Чайлд (1952, с. 214, 222) и А.А. Иессен (1950). Ю.Ю. Пиотровский отмечает, что есть мнения об их местном изготовлении, но чьи это суждения, он не упоминает (Пиотровский, 2020, с. 136). Ранее всего такая точка зрения об их местном производстве была сформулирована Б.В. Фармаковским (1914), затем М.И. Ростовцевым (1922). В 1988 году ее акцентировал С.Н. Кореневский, отмечая также местное производство мышьяково-никелевых бронз. Далее эта точка зрения была отмечена в его работе 2011 г. В местном (кавказском) характере мышьяково-никелевого металла писали Н.В. Рындина и И.Г. Равич (Рындина, Ревич, 2019).

Анализ символики Майкопского кургана и его хронология в рамках второй четверти IV тыс. до н.э. позволяет не рассматривать Предкавказье как периферийную область культуры Ближнего Востока. Наоборот, в IV тыс. до н.э. здесь сложился высоко развитый район культуры на стыке технологических влияний северной Месопотамии, Южного Кавказа и юга Восточной Европы.

Комплекс Майкопского кургана отражал развитие его ранней фазы. Во второй половине IV тыс. до н.э. в Предкавказье произошли значительные перемены в облике культурного развития местного населения, которые привели к формированию трех вариантов МНО: позднего псекупского, долинского и элитного новосвободненского. Существование МНО оборвалось с началом III тыс. до н.э., хотя, по данным облика развития материальной культуры, никаких признаков ее упадка не наблюдалось.

ЛИТЕРАТУРА:

- Андреева М.В., 1977. К вопросу о Южных связях майкопской культуры. // СА, 1977. 1. С. 39-56
- Биккерман Э., 1975. Хронология древнего мира. – М: Наука. 336с.
- Бурдо Н.Б., 2004. Городница-II, скарб // Енциклопедія Трипільської цивілізації. – Київ.
- Веселовский Н.И., 1900. Раскопки Майкопского кургана // ОАК за 1987 г. – СПб.
- Веселовский Н.И., 1997. (репринт). Отчет Н.И.Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 году. // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. – СПб. С. 44, 45.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Урбниси I. – Тбилиси.
- Дьяконов. И.М., 1983. История Древнего Востока. – М. С. 79
- Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация). // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа Вып. IX Археология и краеведение. – Ставрополь. С. 83-116.
- Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой. // Донские древности. Вып. 3. 191 с.
- Корневский С.Н., 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1988а
- Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии). – М.
- Корневский С.Н., 2008. Кинжалы раннемайкопского типа на Кавказе // Население Кавказа и его соседей в эпоху бронзы и раннего железа. – Армавир.
- Корневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. – М.
- Корневский С.Н., 2012. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар. // РА, 4, 2012. С. 66-80.
- Корневский С.Н., 2017. К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Stratum Plus. – Кишинев. С. 199-226.
- Корневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004. Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.
- Корневский С.Н., Березин Я.Б., Габуев Т.А., 2018. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА, 252. С. 67-86.
- Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Греки Ю., 2019. Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. – М. С. 155-178.
- Корневский С.Н., Прокофьев Р.В., 2020. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum Plus №2. С. 83-101
- Лычагин А.В., 2016. Отчет о раскопках памятников археологии на Кавминводах, проведенных в 2014 году ГУП Наследие кургана Виноградский 2, курганного могильника Винсады-4 Скачки 3. – Ставрополь 2016. Архив ИА РАН №№ 55068.
- Львова Э.С., 1984. Этнография Африки. – М.
- Музейбли Н., 2010. Результаты раскопок поселения Пойлу II Лейлатепинской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. – Тбилиси, 2010.
- Пиотровский Ю.Ю., 2020а. Майкопский курган (Ошад). От археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур и культура диалога. – Berlin.
- Пиотровский Ю.Ю., 2020б. Майкопский курган (Ошад) современный взгляд // Camera praehistorica №1 (4). С. 61-75.
- Рындина Н.В., Равич И.Г., 2019. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. – М. С.129-131. КДУ. www.kdy.ru. 236 с.
- Токарев С.А. (ред.) Артемида, 1987. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том. 1 А-К. – М.
- Фармаковский Б.В., 1914. Архаический периода в России. – СПб.
- Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. – М.
- Frangipane M., di Nocera G.M., Hauptmann A. et al. 2001. New Symbols of New Power in a "Royal" Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. Vol. 27/2.
- Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford,
- Von Oppenheim M.F., 1943. Tell Halaf. Berlin,
- Vingnola Cristiano, Marzaioli Fabio, Restelli Francesca Balossi, Di Nocera Gian Maria, Frangipane Marcella, Masi Alessia, Passartello sabella, Sadori Laura, Terrasi Filippo, 2019. Nuclear Inst. And Methods in Physics Research B // https://doi.org/10.1016/j.nimb.2019.01.033
- Wegner I. Gestalt und Kult der Istar-Savuska in Kleinasien. Neukirchen-Vluyn, 1981.
- Woolley L. 1934. The Royal Cemetery. V. I, II. L.; Philadelphia, (Ur Excavations; II).

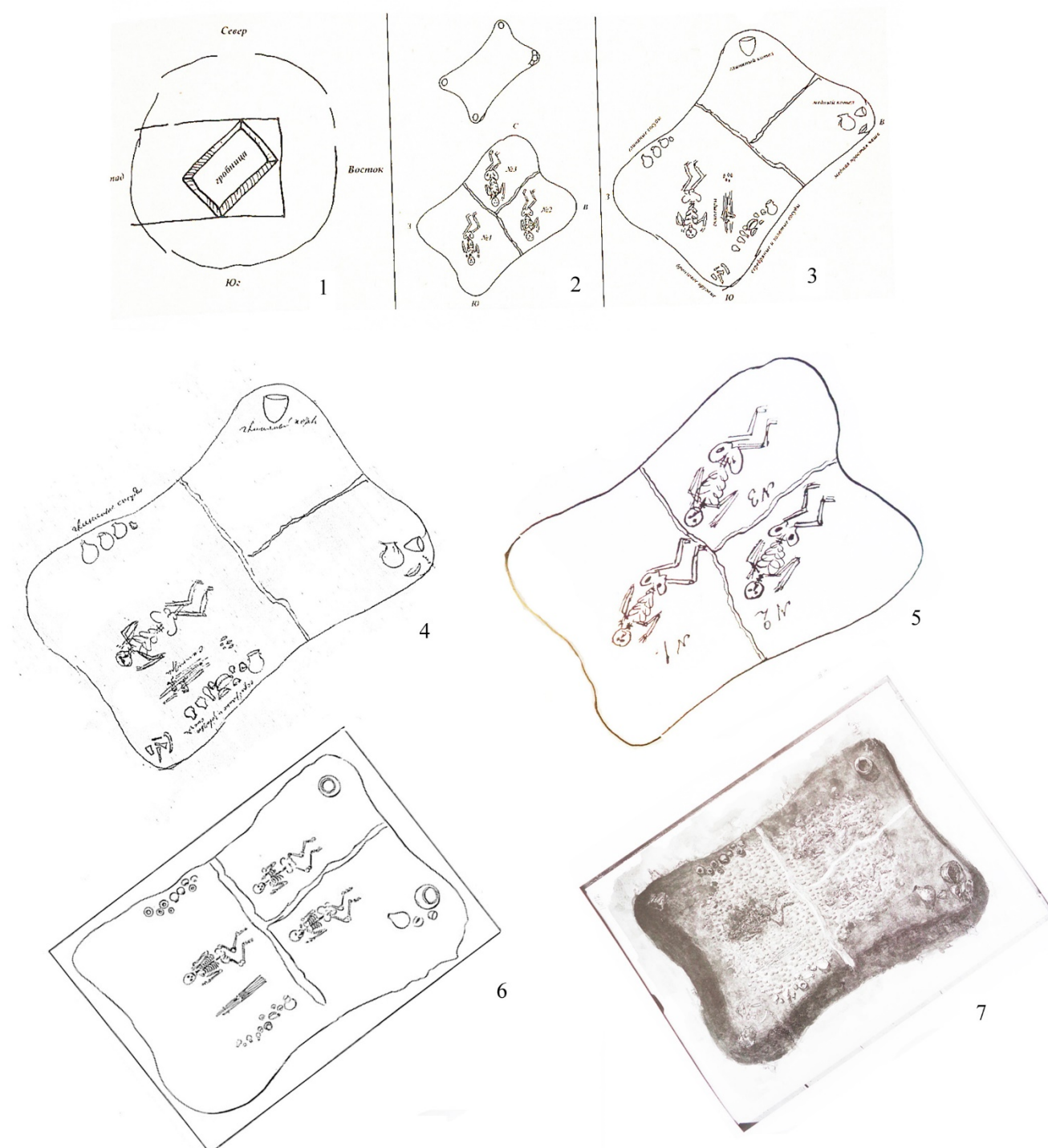

Рис. 1. Погребение в Майкопском кургане

1 – план траншеи с ямой захоронения, 2,3 – реконструкция Ю.Ю. Пиотровского, 4,5 – кроки Н.И.Веселовского, 6 – рисунок из работы М.И. Ростовцев 1922 года. 7 –акварель Рериха

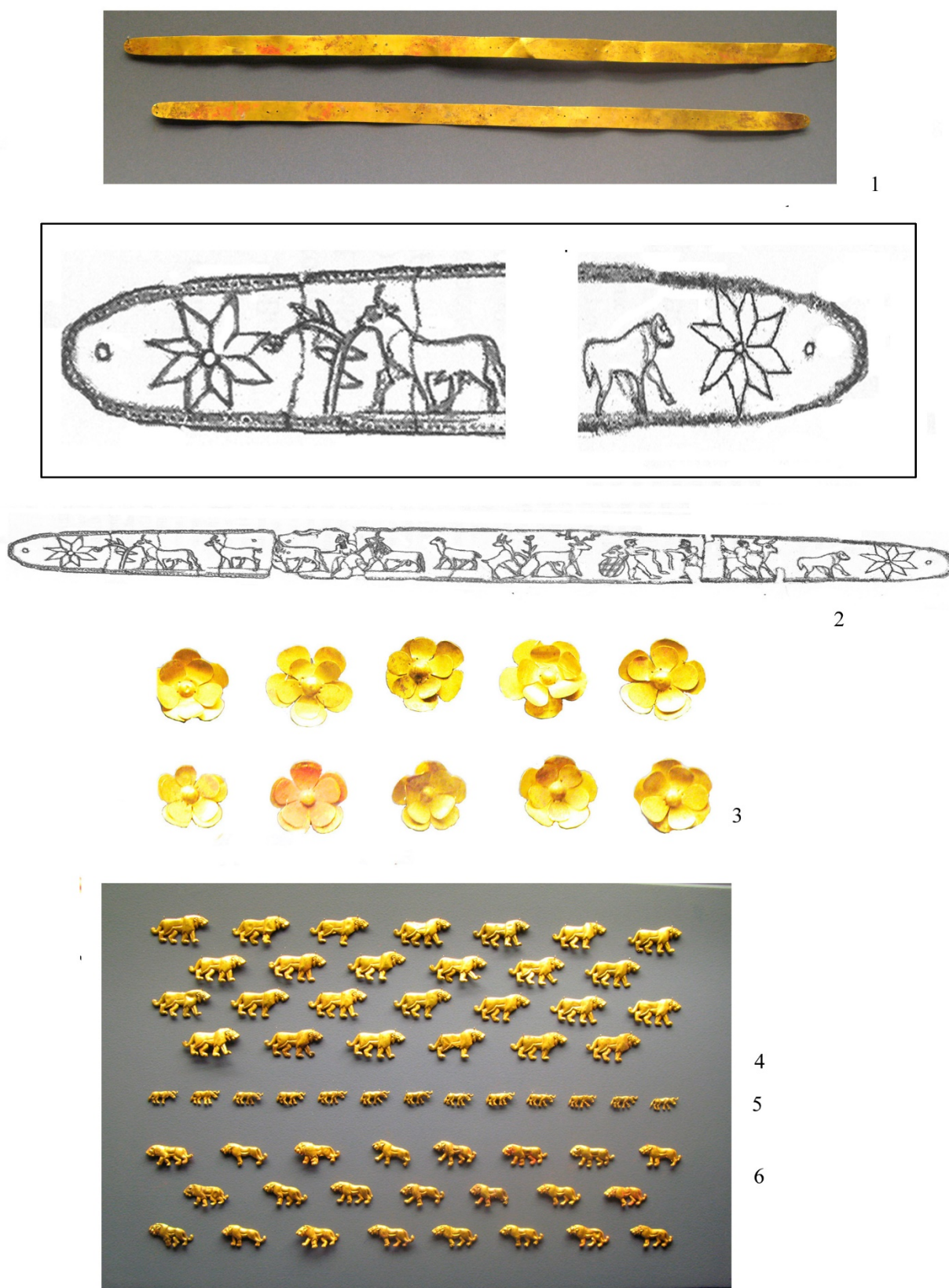

Рис. 2. Украшения Майкопского кургана

1- золотые ленты, 2 – золотая диадема из погребения «маленькой принцессы, царское кладбище Ура, 3 – золотые цветы Майкопского кургана, 4 – 6 = штампованные фигурки львов и туров Майкопского кургана (1,3,4-6 – фото автора. Гос. Эрмитаж)

Рис.3. Находки в Майкопском кургане

1, 2 – золотые кольца головного убора, 3, 4 – штампованные золотые кольца, 5 – золотые, лазуриновые и лазуриновые бусы, 6 – золотые бусы, 7 – золотая бусина рифлением, 8 – золотая бусина с орнаментом в виде фестонов, 9 – скипетры из трубочек и фигурок быков (фрагмент), 10 – фестон в виде орнамента лепестка цвета на лбу золотой фигурки быка, 11 – наконечники стрел, 12 – сегменты серпа, (фото автора. Коллекция Гос. Эрмитажа)

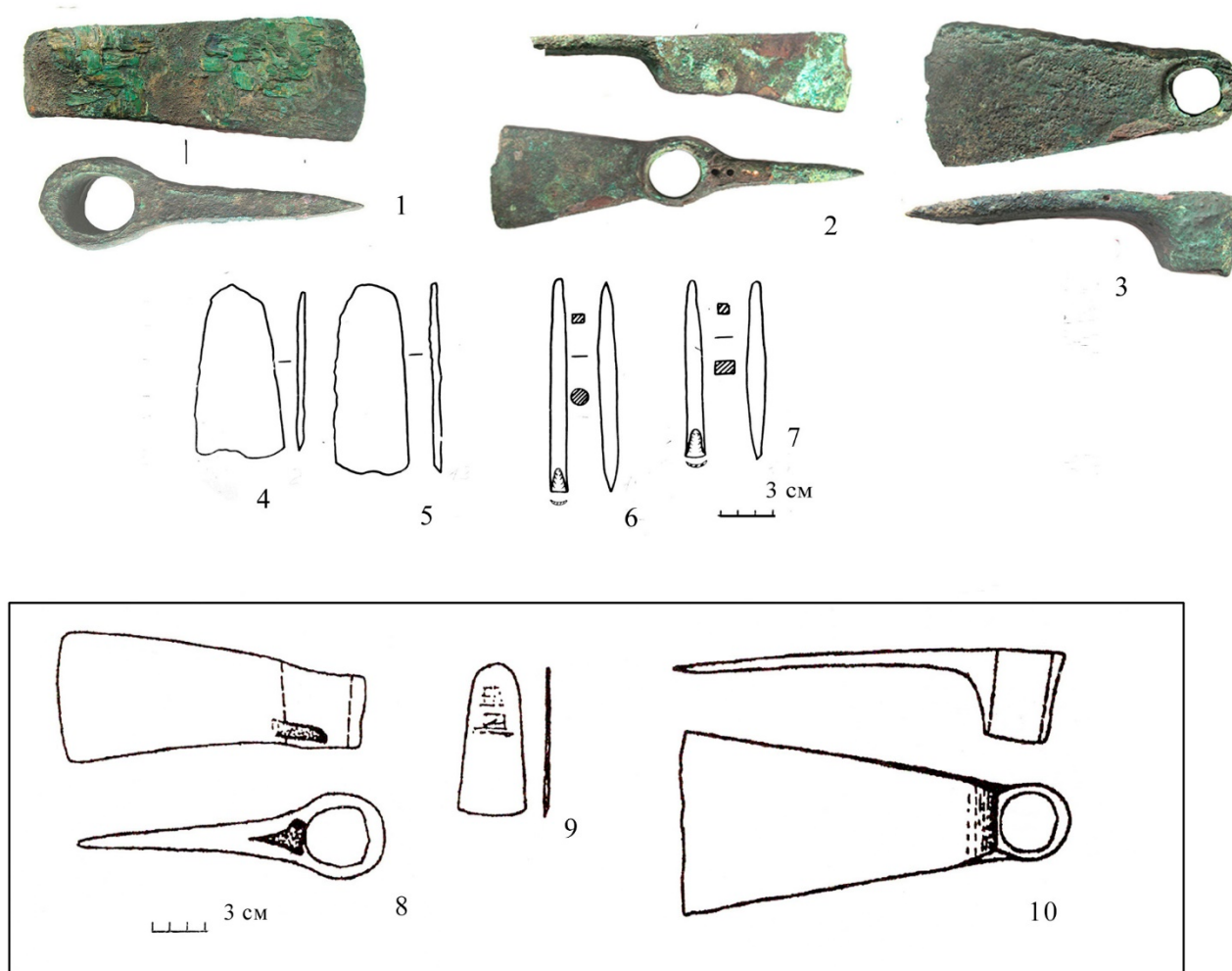

Рис.4. Наборы орудий с символикой военно-производственной и аграрной символики.
1 - 7 – Майкопский курган, 5 – 10 п.70 к.1 Заманкульский могильник,

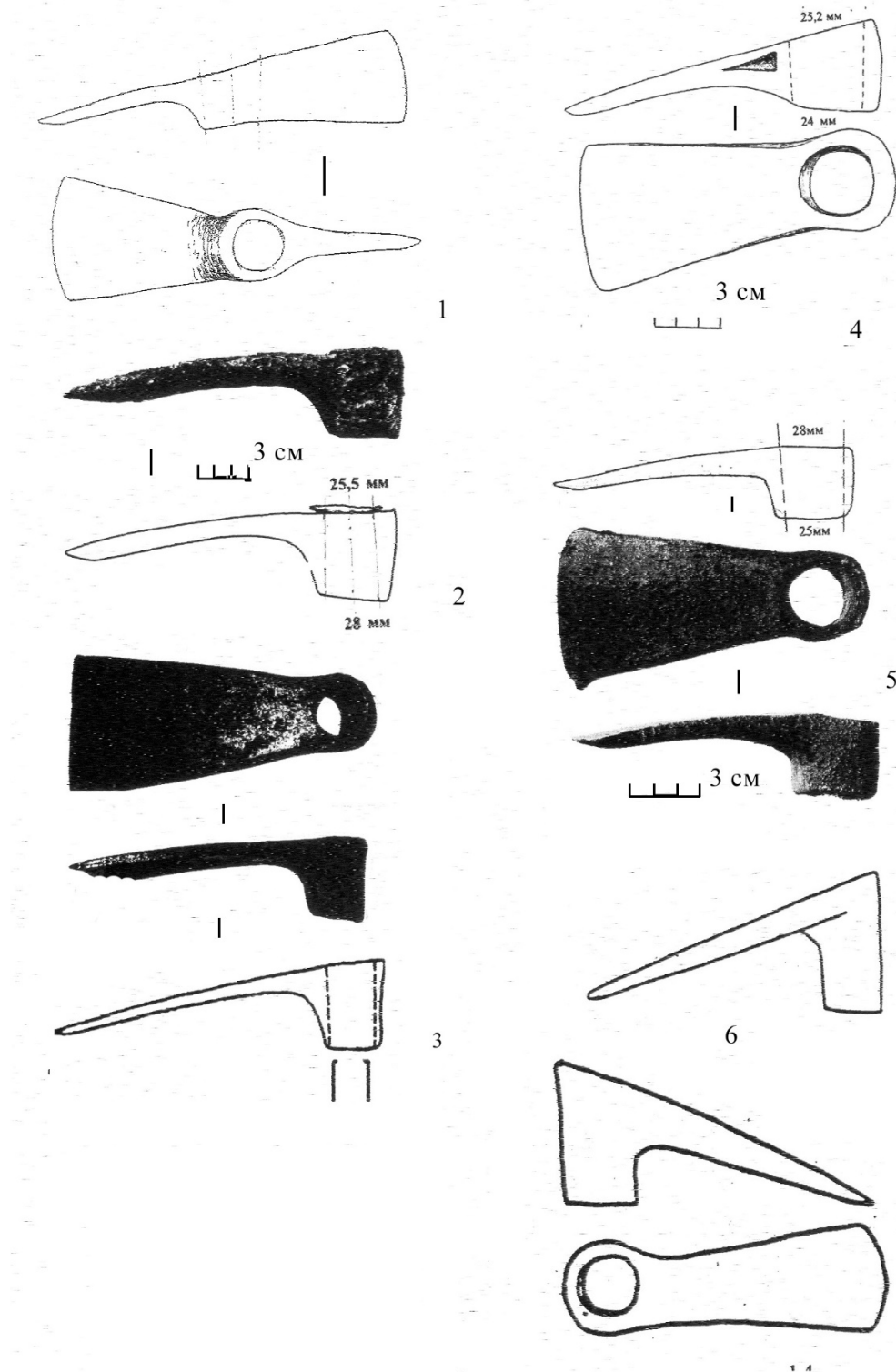

Рис.5. Бронзовые мотыги и топор-мотыга

1,2 – Майкопский курган, – 3- к.1 п.70 Заманкульский мог., , 4 – Псекупский могильник п.150,
5 – Галюгаевское поселение – 1, 3: 6,7 - мотыги шумеров

Рис. 6. Оружие, орудие, стержни Майкопского кургана и стержень из п.1 и мог. Союг-Булаг 2006. 1-4,6 – Майкопский курган (по Пиотровский, Корневский, 4-6 фото автора), 5 – Союг-Булаг к.1 2006 г (фото автора)

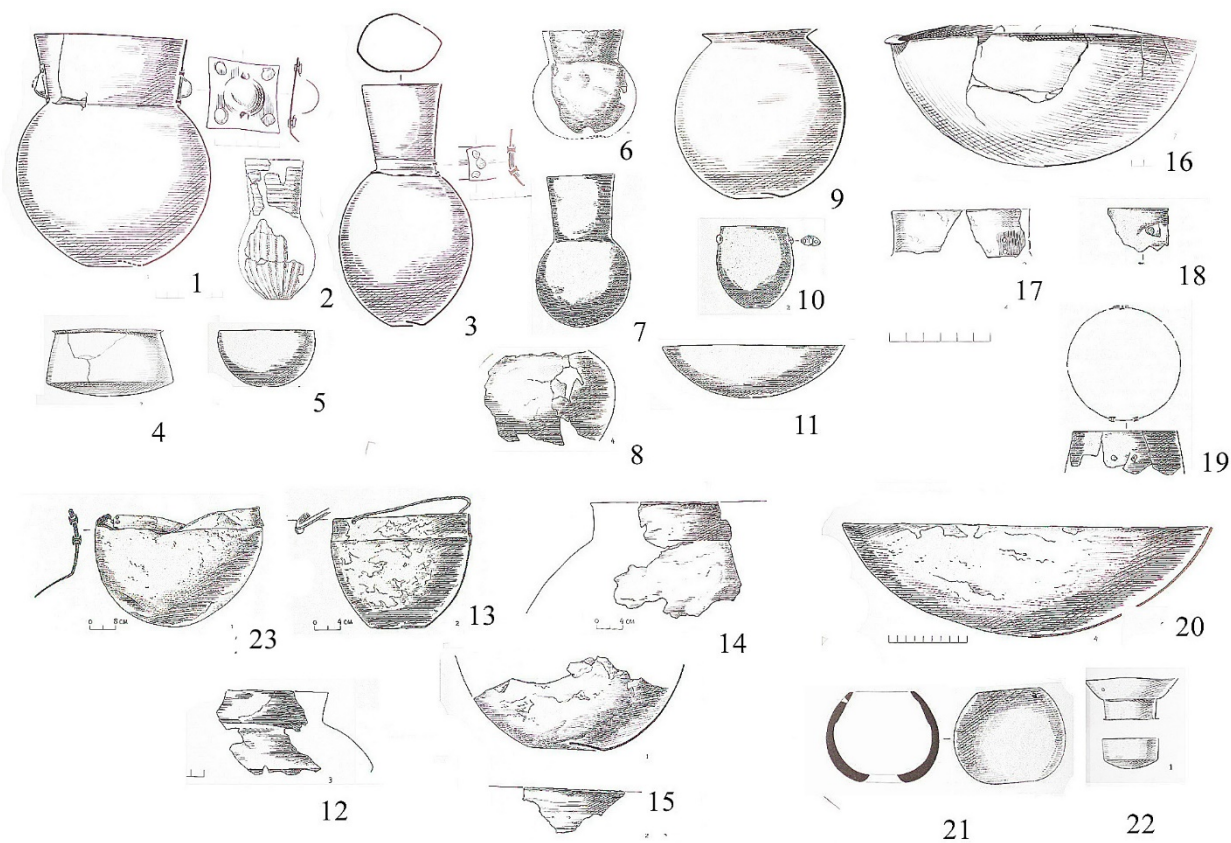

Рис. 7. Сосуды из металла и камня Майкопского кургана
1-20 – сосуды из металла, 21-каменный сосуд, 22- золотые накладки на каменный сосуд

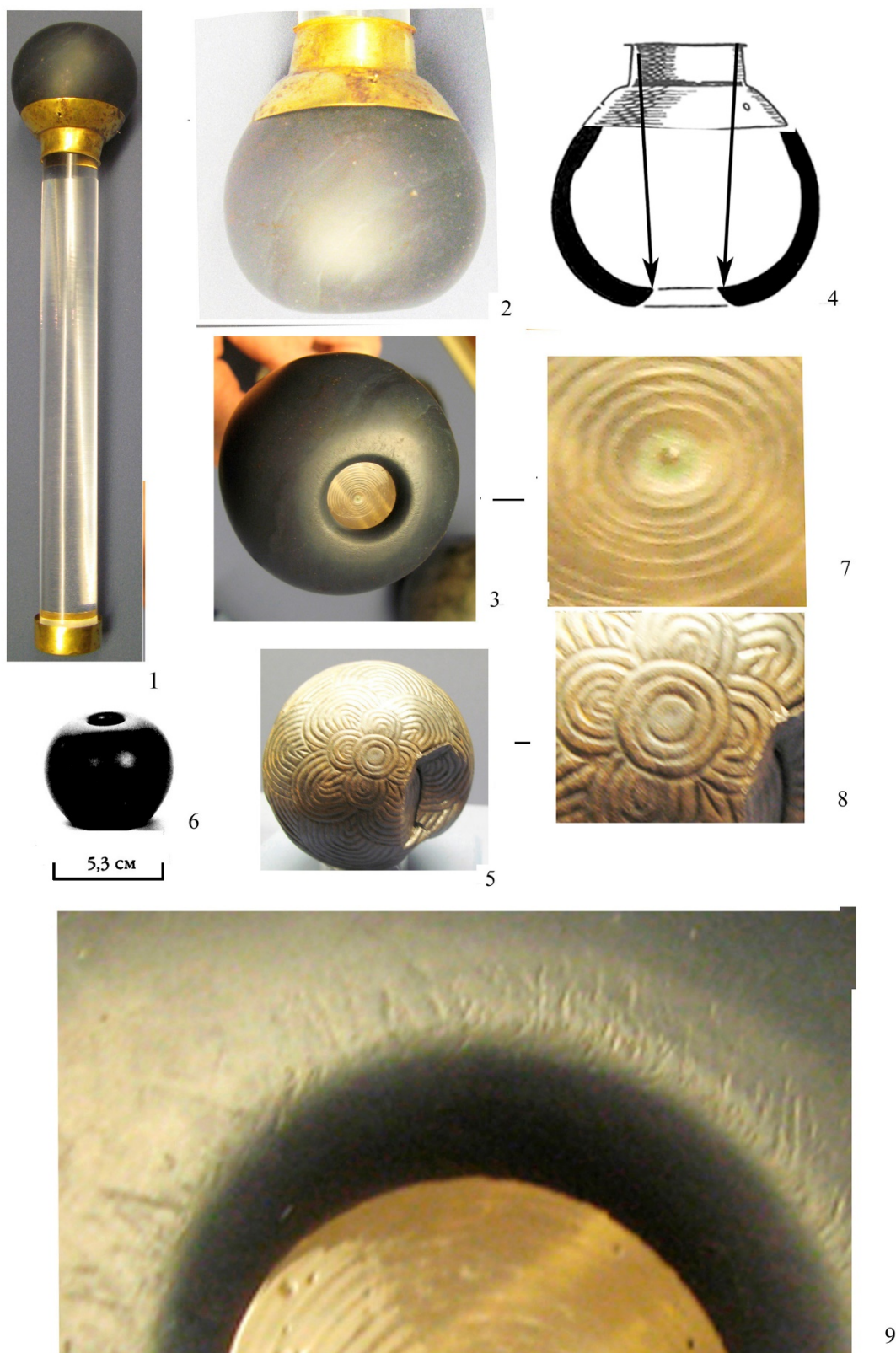

Рис. 8. Каменный сосуд Майкопского кургана и его интерпретации

1 – реконструкция сосуда как булавы по Ю.Ю. Пиотровскому, 2 фото автора, 3 – фото на придонную часть кубка, 2, 4 – разрез каменного сосуда по Ю.Ю. Пиотровскому, – фото каменной части сосуда, 5, 8 – концентрические круги орнамента на сосуде розеткой, 7 – фото дна при ставного дна сосуда, 9 – следы затертости на дне каменного сосуда (фото автора, коллекция Гос. Эрмитажа)

1

2

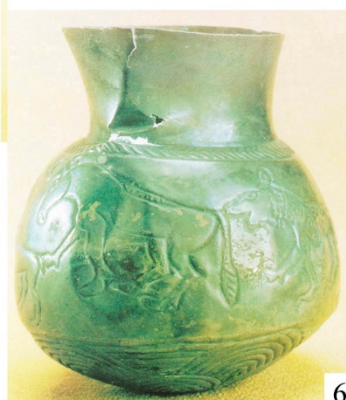
3

4

5

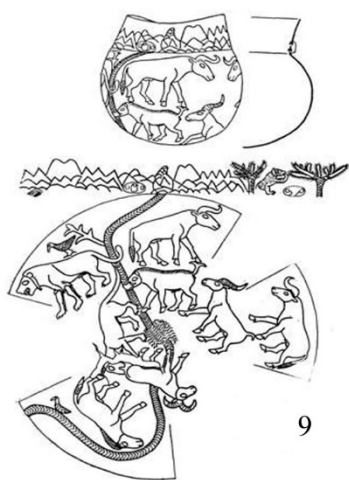
6

7

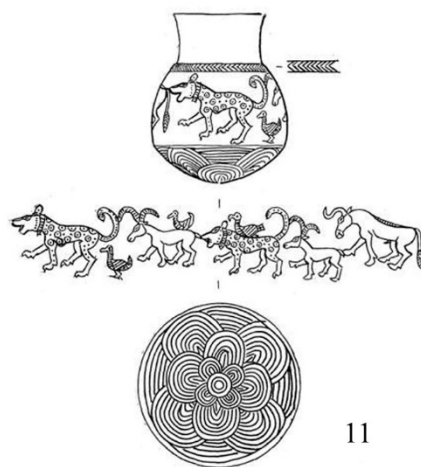
8

9

10

11

Рис. 9 Сосуды с пейзажем и розеткой на дне со следами деформаций
1-5,9 – сосуд с пейзажем, 6-11 – сосуд с розеткой на дне. (фото автора, 9,11 по Веселовскому).

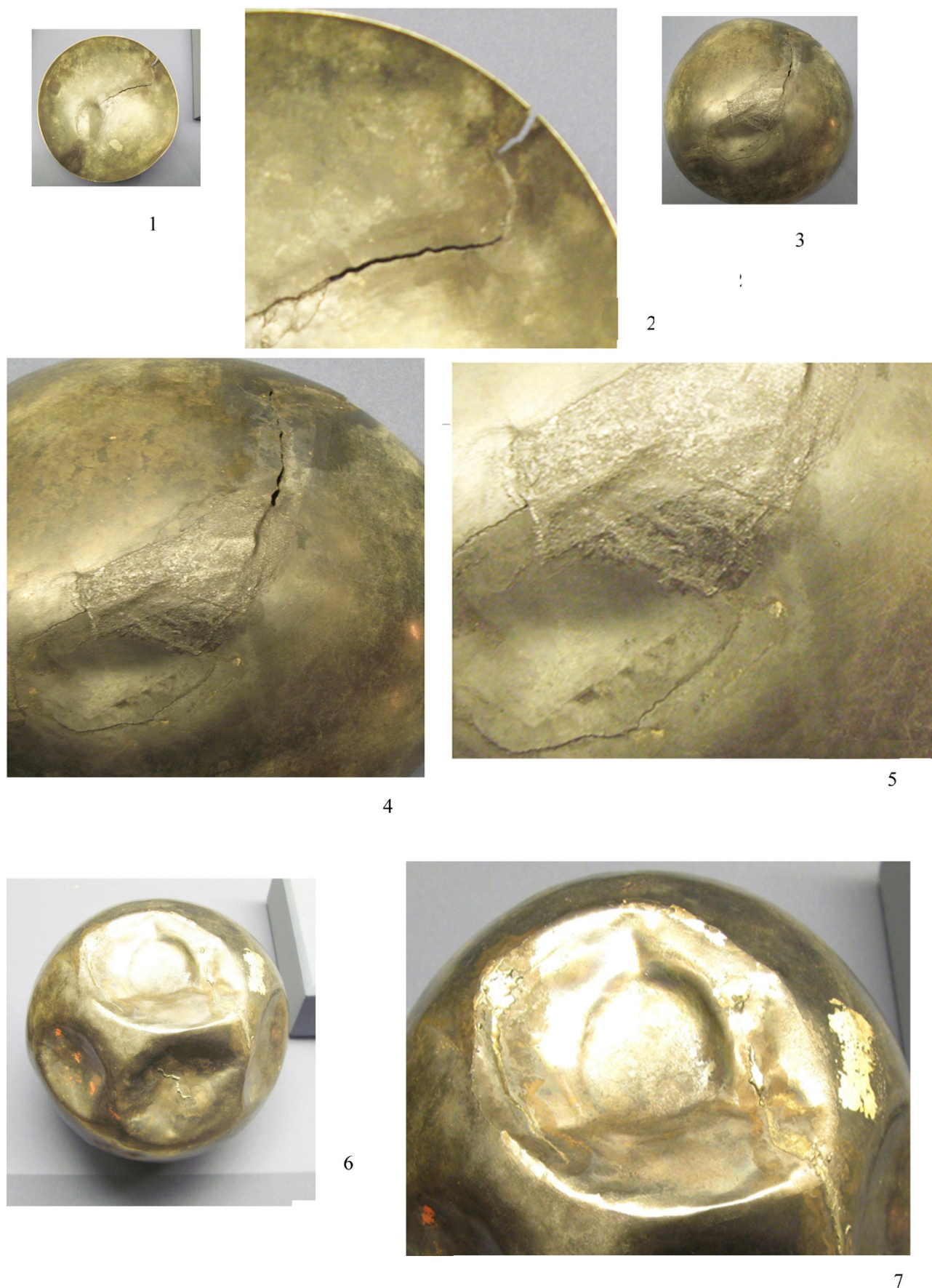

Рис.10. Дефекты на сосудах Майкопского кургана

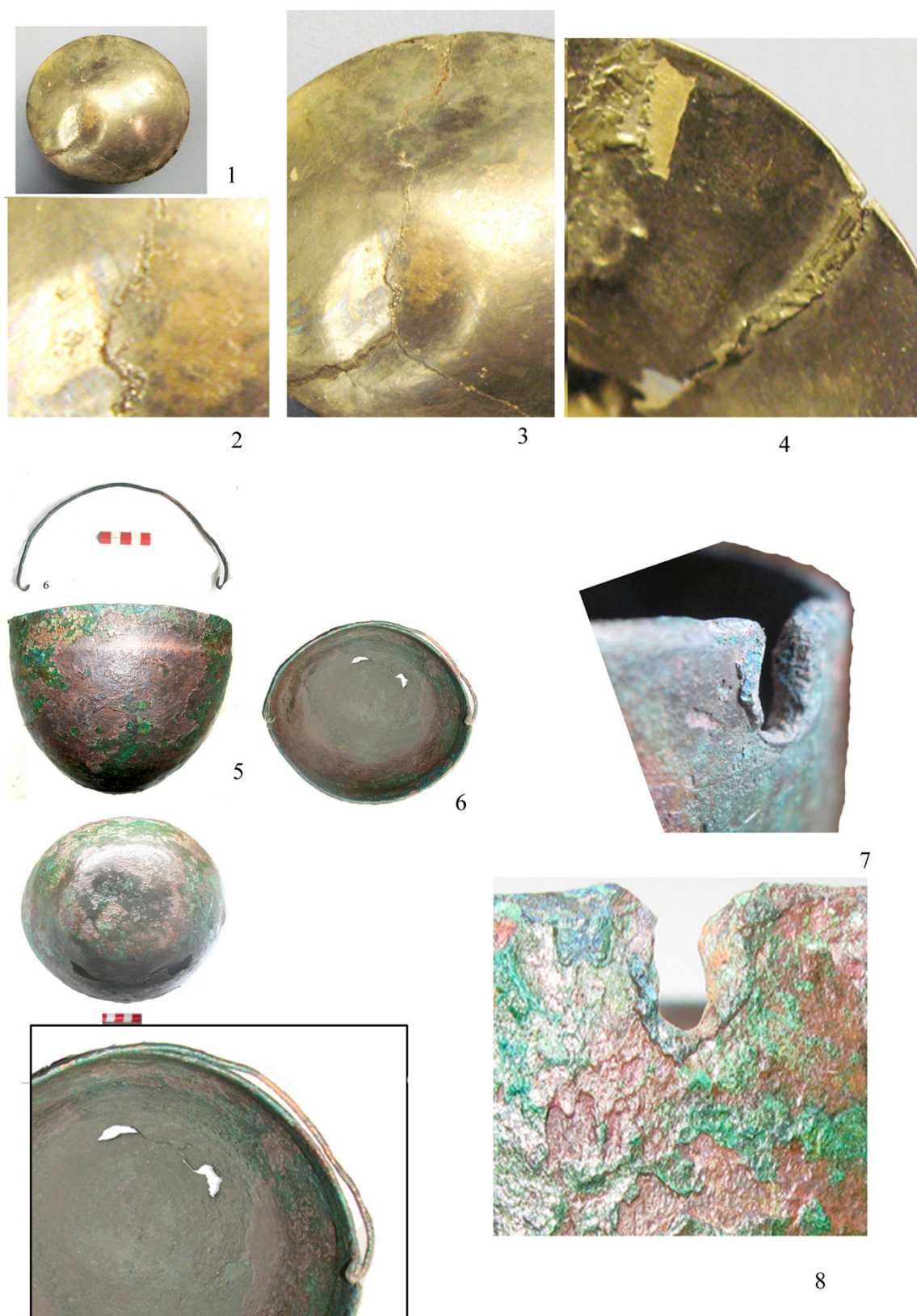

Рис. 11 – Дефекты и следы ремонта на сосудах Майкопского кургана.
1-4 – дефекты на оуде, 3-8 – ведро со следами деформации петли для ручки

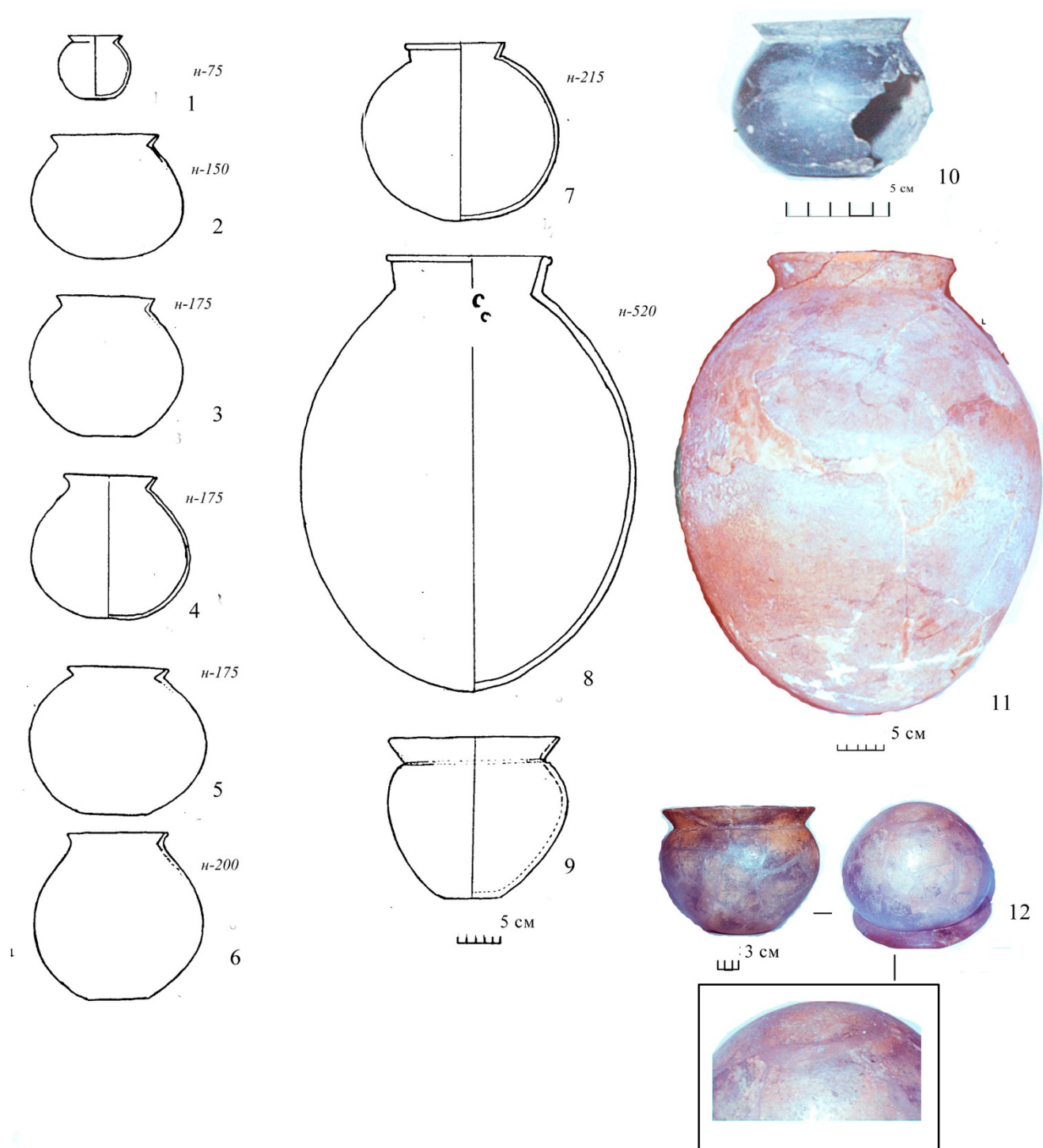

Рис.12. Керамические сосуды Майкопского кургана и сосуда из п.14 к.1 I Нежинская группа.
1-9 – сосуды Майкопского кургана (рис. автора), 10-12 – фото сосудов (фото автора).

НЕСКОЛЬКО КОМПЛЕКСОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА УТАШ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

С.Б. Вальчак

Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены четыре из нескольких десятков археологических комплексов, которые были раскопаны на курганном могильнике Уташ в Краснодарском крае в 2007–2008 гг. В результате раскопок была вскрыта площадь в 2,5 гектара и исследовано девять курганов. На могильнике были обнаружены погребения и ритуальные комплексы ямной и катакомбной культурно-исторических общностей северокавказской культуры, периода поздней бронзы и раннего железного века. Кроме того, обнаружено поселение, которое предположительно датируется эпохой поздней бронзы. Исследованные комплексы дали многочисленный и интересный материал, существенно дополняющий наши знания об археологических культурах, их последовательности и распространении на территории Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: курганный могильник, Северо-Западный Кавказ, археологические комплексы, эпоха бронзы, погребения, поселения.

SEVERAL COMPLEXES OF THE BRONZE AGE FROM THE UTASH BURIAL IN KRASNODAR REGION

S. B. Valchak

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article presents four of several dozen archaeological complexes that were excavated at the Utash burial mound in the Krasnodar Region in 2007–2008. As a result of the excavations, an area of 2.5 hectares was uncovered and nine mounds were examined. Burials and ritual complexes of the Pit-grave and Catacomb cultural and historical communities, the North Caucasian culture, the period of the Late Bronze Age and the Early Iron Age were found on the burial ground. In addition, a settlement was discovered, which presumably dates back to the Late Bronze Age. The studied complexes have provided numerous and interesting material that significantly complements our knowledge about archaeological cultures, their sequence and distribution on the territory of the North-Western Caucasus.

Keywords: burial mound, North-Western Caucasus, archaeological complexes, Bronze Age, burials, settlements.

Курганный могильник Уташ исследовался Скифо-сарматским отрядом под руководством автора, входившим в состав Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН в октябре 2007 – феврале 2008 года у пос. Уташ на территории города-курорта Анапа, к северу от пос. Витязево Краснодарского края¹.

Могильник расположен на расстоянии около 1 – 1,5 км к югу от упомянутого посёлка на возвышенной, идущей по направлению запад-восток

гряде, высокой террасе левого берега р. Уташ, являющейся левым притоком р. Старая Кубань у её впадения в Кизилташский лиман Чёрного моря (рис. 1).

На могильнике было раскопано 9 курганов высотой от 0,10 до 2 м., а также межкурганное, называемое и околочурганное, пространство при сплошной площади вскрытия в 2,5 гектара. В раскопанных курганах могильника были обнаружены погребения и ритуальные комплексы

¹ Начальник Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН в 1997–98 гг. – к.и.н. Н.И. Сударев. Чертежи выполнены А.А. Крайневой, рисунки – И.Ю. Виноградовой. Специальный анализ

формовочных масс глины, из которой были изготовлены сосуды, был исследован М.Е. Клемешовой.

ямной и катакомбной культурно-исторических общностей северокавказской культуры периода поздней бронзы и раннего железного века. В курганах 1, 3 и 4, содержащих наибольшее количество археологических комплексов, зафиксированы следы неоднократных полных или частичных досыпок, выявлены ровики, которые были связаны с этапами сооружения насыпей. В северной части могильника (склон гряды над руслом реки Уташ) был выявлен культурный слой поселения эпохи бронзы и раннего железного века (?), полностью уничтоженный и перемешанный, вплоть до верхнего слоя материка многолетней плантажной распашкой (Вальчак, Болдырев, Сударев, Чевелёв, 2010, с. 247, 248).

Курган 3. Высота кургана после распашки была около 1,5 м. Поверхность насыпи до исследования была сильно нарушена плантажной вспашкой (от 0,4 до 0,7 м на вершине и у подножия) и покрыта виноградником. Естественно, были существенно разрушены и впускные погребения в верхних слоях насыпи. Исследования курганный насыпи, подкурганного и околоскурганного пространства проведены на площади 1600 кв. м. В кургане 3 было обнаружено 17 археологических комплексов: 14 погребений и 3 культовых объекта.

Погребение 3. Впускное. Расположено в центральной части кургана 3, к западу от центральной бровки, в 3,4 м к 3 и 2,75 м к Ю от R=0. Обнаружено в материке на глубине 119 – 124 см от R=0 по фрагментам сосуда (гл. 117 см).

Погребальная конструкция представляла собой овальную яму длиной 1,4 м, максимальной шириной – 0,68 м. Длинная ось ямы расположена строго по линии 3-В. Дно ямы плоское, зафиксировано на гл. 125 – 129 см.

В погребении обнаружены развалы двух лепных глиняных сосудов, частично повреждённых при работе скрепера. Развал сосуда 1 был расположен на дне ямы, в её центре со сдвигом к восточной части (гл. 119 – 129 см). Развал сосуда 2 находился в заполнении, выше дна на 2 см и вплотную примыкал к восточной стенке ямы (гл. 117 – 125 см). Западнее, непосредственно возле него, зафиксировано пятно охры диаметром около 35 см, толщиной около 2 см (гл. 124 – 126 см). Скелет отсутствовал. В западной части ямы в заполнении на гл. 121 см был найден мелкий фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 2, 1).

Описание инвентаря.

1. Сосуд лепной. Глина рыхлая, илистая,

слояющаяся, с белой минеральной примесью дроблёной раковины, черепок в изломе чёрный, поверхность светло-охристого оттенка. Нижняя часть поверхности сосуда до изгиба плечиков и дно имеют пятна въевшейся в глину сажи (рис. 2, 2).

Сосуд плоскодонный, с усеченно-овальным туловом, выделенными в верхней трети высоты покатыми плечиками, с воронковидным горлом, переходящим в слабо и неравномерно отогнутый вонне венчик. Край венчика закруглён, особенно его внутренняя часть. Высота сосуда ок. 19,3 см, макс. диаметр в нижней части плечиков 18 см, диаметр дна 6,9 см, диаметр горла 13,3 см, диаметр венчика 15 см. Толщина черепка – 0,65 – 0,7 см.

С одной из сторон на плечике вертикально расположена петлевидная ручка прямоугольного сечения с круглым отверстием. Внешняя поверхность ручки разделена двумя глубокими канелюрами, образующими три гребня треугольного сечения. Высота ручки ок. 3,3 см, ширина ок. 2,6 – 2,8 см. Диаметр отверстия 0,6 см. С противоположной стороны на плечике имеется расширяющееся вовнутрь отверстие и смоделирован конический носик (конец его утрачен). Диаметр отверстия внутри сосуда 1,6 см, на сломе – 0,9 см. Диаметр носика в месте прилепа к тулову 3,0 см, на сломе – 2,2 см.

Боковые поверхности тулова украшены от верхней части плечиков тремя треугольными шевронами разного размера, обращёнными вершиной ко дну сосуда.: два на одной стороне, один – на противоположной. Шевроны образованы 7 – 10 прочерченными до обжига линиями, сходящимися под углом друг к другу.

2. Сосуд лепной. Глина рыхлая, илистая, слоющаяся, с белой минеральной примесью дроблённой раковины, черепок в изломе чёрный, поверхность светло-охристого оттенка (рис. 2, 3).

Верхняя часть утрачена при раскопках, сохранилось около половины высоты. Тулово усеченно-овальное, пропорции его неправильные, в нижней трети высоты резко сужается к небольшому дну. Дно плоское.

Сохранившаяся высота 7,6 см, макс. диаметр в середине тулова 9,7 см, диаметр дна 2,3 см. Толщина черепка 0,6 – 0,7 см.

Очевидно, что оба сосуда, очень разных по форме, выполнены из сходной формовочной массы (Вальчак, Клемешова, 2018, с. 50-52, рис. 1, 2, 3) и, вероятно, по близкой технологии лепки.

Последний вопрос пока специально не изучался.

Комплекс отнесён к эпохе средней бронзы, возможно к катакомбной культуре.

Погребение 11. Впускное. Расположено в центральной части кургана 3, к востоку от центральной бровки, в 1,0 м к В и 2,2 м к Ю от R=0.

Обнаружено в материке. Погребальная конструкция не прослеживалась. Не исключено погребение в катакомбе. Зафиксировано на глубине 163 – 164 см от R=0 по лепному сосуду и костям черепа. Размеры погребения ок. 95 x 55 см. Дно погребения отмечено на глубине 173-176 см.

Погребённый (молодой мужчина?) был расположен на правом боку в сильно скорченной позе, ориентирован головой на Ю с небольшим отклонением к В, с завалом на грудь. Скелет хорошей сохранности. Череп (гл. 164 – 174 см) лежал на правой стороне, лицевой частью к В-ВСВ. Грудной отдел и кости таза скелета (гл. 166 – 177 см) были завалены вперёд, позвоночный столб в нижней части изогнут. Бедренная кость правой ноги была согнута под острым углом к тазу и под острым углом в коленном суставе (гл. 170 – 173 см). Берцовые и бедренная кость левой ноги (гл. 167 – 173 см) лежали параллельно и были прижаты к грудной клетке, коленный сустав находился под завалившейся левой лопаткой. Правая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, плечевая кость лежала под завалившейся грудной клеткой, кости предплечья – перпендикулярно позвоночнику (гл. 170 см), кисть разрушена норой землеройных животных (гл. 156 – 170 см). Плечевая кость левой руки вытянута вдоль грудной клетки, лежала поверх берцовых костей левой ноги (гл. 167 см). Кости левого предплечья и кисти отсутствовали. Исходя из расположения и состава костей скелета, можно предположить посмертное препарирование умершего или вторичное захоронение (рис. 3, 1).

Перед лицевыми костями черепа вплотную был поставлен лепной сосуд, завалившийся в их сторону (гл. 163-173 см). Над левой лопаткой и возле неё лежали три кремнёвых орудия (гл. 168 см), а перед ней (в области шеи или верхней части груди), фигурное изделие из кремнёвой пластины (гл. 170 см). На нижней части берцовых костей левой ноги лежало кремнёвое орудие (гл. 168 см), ещё два – у костей разрушенной левой стопы (гл. 168 и 173 см). Три отщепа были найдены при расчистке под костями левой стопы (гл. 175 – 176 см). Ещё один отщеп, или изделие лежал севернее скелета, близ костей правой

стопы (гл. 173 см).

Описание инвентаря.

1. Сосуд глиняный лепной. Глина плотная, с примесью дресвы и кальцита, с добавкой органического раствора, черепок в изломе чёрный, поверхность светло-охристого оттенка (Вальчак, Клемешова, 2018, с. 51-52, рис. 1, 4). Тулово округлое, усечённо-биконической формы, с выделенной шейкой и невысоким отогнутым и закруглённым венчиком. Шейка украшена валиком с косыми насечками. Сверху и снизу валик ограничен врезными линиями по окружности шейки. Дно плоское с рельефно выделенным переходом от стенок сосуда (рис. 3, 2).

Высота сосуда 9 см, макс. диаметр немного выше середины 12 см. Диаметр венчика 11 см, шейки под валиком 10,5 см, с валиком – 10,8 см. Ширина валика 0,5 см. Диаметр дна 9 см.

2. Изделие кремнёвое, фигурное (антропоморфное?). Находилось в районе шейного отдела скелета. Изготовлено из подтрапиевидной пластины со скруглёнными углами и выделенной подпрямоугольной головкой в центре малого основания трапеции. Размеры: 1,5 x 2,0 см, высота основы-трапеции 1,8 см, с головкой 2,4 см. Размеры головки 0,6 x 1,0 см. Толщина пластины 0,3 – 0,8 см (рис. 4, 1).

3. Орудие кремнёвое (скребок?). Находилось над левой лопаткой. Форма подпрямоугольная со скруглёнными углами и гранями. Размеры: 2,3 x 1,7 см, толщина – 0,6 см (рис. 4, 2).

4. Орудие кремнёвое (остроконечник, резец?). Находилось над левой лопаткой. Форма – неправильная, подромбическая. Размеры: 2,6 x 1,9, толщина 0,3 – 0,4 см (рис. 4, 3).

5. Орудие кремнёвое (скребок?). Находилось у левой лопатки. Форма подпрямоугольная со скруглёнными углами и гранями. Сечение треугольное. Размеры: 2,3 x 1,8 см, макс. толщина – 1,0 см (рис. 4, 4).

6. Орудие кремнёвое (скребок?). Находилось близ правой стопы. Форма подпрямоугольная со скруглёнными углами и гранями. Размеры: 2,5 x 1,8 см, толщина – 0,5 см (рис. 4, 5).

7. Отщепа кремнёвые (6 экз.). Находились в нижней части левой ноги. Формы различные, неправильные, не более 1,5 – 2,0 см, толщина от 0,2 до 0,5 см (рис. 4, 6-11).

Предположительно, по погребальному обряду и составу инвентаря, комплекс относится к эпохе средней бронзы, возможно к катакомбной культуре.

Погребение 13. Впускное. Расположено в центральной части кургана 3, в центральной бровке, в 4 м к С от R=0.

Обнаружено в материке по тлену от поперечных плах деревянного перекрытия толщиной 5 – 6 см на гл. 160 – 168 см от R=0. Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную яму, ориентированную по длинной оси ССЗ-ВЮВ. Размеры погребения 1,15 x 0,65 м. Дно погребения имело понижение к южной части, отмечено на глубине 177 – 184 см от R=0 (рис. 5, 1).

Погребённый ребёнок был положен на правом боку средне-скорченно, ориентирован головой на ВЮВ. Скелет хорошей сохранности, мелкие кости и их фрагменты перемещены землеройными животными. Кости стоп и часть таза разрушены при работе техники. Череп (гл. 169 – 175 см) лежал на правой стороне, лицевой частью к ССВ. На крышке черепа пятна посыпки охрой. Грудной отдел и кости таза скелета (гл. 174 – 178 см) лежали на правом боку, позвоночный столб прямой. Бедренные кости ног были согнуты под прямым углом к тазу, берцовые – под острым углом в коленных суставах (гл. 172 – 176 см). Правая рука была согнута в локтевом суставе под острым углом, плечевая кость лежала под грудной клеткой, кости предплечья – перед лицевой частью черепа (гл. 173 – 175 см), кисть не сохранилась. Левая рука согнута в локтевом суставе под острым углом, плечевая кость лежала на грудной клетке, кости предплечья – перед грудной клеткой и лицевой частью черепа (гл. 173 – 175 см), кисть не сохранилась. Между коленными суставами ног и СВ стенкой ямы были поставлены два лепных сосуда (сохранились в развалах). Сосуд 1 (большого размера) был слегка наклонён в сторону скелета, горлом к Ю (гл. 168 – 174 см). Сосуд 2 (меньшего размера) лежал на боку, горлом к ЮВ (гл. 169 – 174 см).

В заполнении погребения на разных глубинах были рассыпаны 8 бараньих астрагалов, шесть из них находились в хорошей сохранности и были извлечены целыми. Один астрагал находился за черепом (гл. 176 см); второй – к ССВ от костей предплечья рук (гл. 167 см); третий – непосредственно на бедренной кости правой ноги (гл. 174 см); два (сохранились плохо) – вплотную к большой берцовой кости левой ноги (гл. 175 см); один – к ССВ от дна сосуда 2 (гл. 166 см); один – на дне ямы, под венчиком завалившегося сосуда 2 (гл. 174 см); один – на дне ямы, близ сосуда 1 (гл. 174 см).

Описание инвентаря.

1. Сосуд глиняный лепной (рис. 6, 1). Глина плотная, с белой минеральной примесью (ракушка?), черепок в изломе чёрный, поверхность светло-охристого оттенка. Тулово округлое, усечённо-биконической формы, с выделенным невысоким отогнутым и закруглённым венчиком. Венчик рельефно отделён от тулова небольшим уступом. Дно плоское, без выделенного перехода от стенок сосуда с небольшим вдавлением в центре.

Высота сосуда 8,5 см, макс. диаметр в середине тулова – 12,8 см. Диаметр венчика 9,6 см, у основания – 8,9 см. Высота венчика – ок. 1,6 см. Диаметр дна 3 см.

2. Сосуд миниатюрный глиняный лепной (рис. 6, 2). Очень грубой лепки. Глина плотная, с выгоревшими следами (на внешней и внутренней поверхности) органического отошителя, черепок в изломе чёрный, поверхность светло-охристого оттенка. М.Е. Клемешова определённо предполагает в тесте примесь навоза (Вальчак, Клемешова, 2018, с. 52). Тулово округлое, усечённо-овальной формы в профиле и овальной в плане, со слабо выделенной подобию уступа невысоким отогнутым и закруглённым венчиком. Дно плоское, толстое, как и нижняя часть стенок, переход от стенок неровный, с одной из сторон – подобию закраины.

На внутренней поверхности дна имеется не менее 8 вдавлений палочкой округлого сечения.

Высота сосуда 5,6 см, макс. диаметр в середине тулова – 6,2 см. Окружность венчика 5,8 x 6,5 см, диаметр венчика у основания – ок. 5,8 см. Высота венчика – ок. 1,0 см. Диаметр дна ок. 3,5 см.

3. Астрагалы бараньи, размеры ок. 3,5 x 2,0-2,5 см (8 экз.) (рис. 5, 2).

Предположительно, на основании погребального обряда и инвентаря, комплекс относится к эпохе поздней бронзы.

Курган 16А.

Небольшое всхолмление на северном склоне гряды высотой около 10 см, условно названное «курган 16А», было расположено севернее кургана 3 и примыкало к нему вплотную. Визуальный диаметр всхолмления на современной поверхности находился в пределах 50 м. Изначальный диаметр его, видимо, не превышал 30 м, но, так как плантажной вспашкой почвенный слой был многократно перемещён и нарушен ниже уровня материка, судить о первоначальных

параметрах объекта не приходится. Грунт вскрывался скрепером, общими траншеями с курганом 3. В бровке были отмечены разрез ямы, фрагменты костей и керамики и произведена врезка над ямой длиной 1,80 м по линии СЮ и шириной 2,15 м.

Объект 1. В перемешанном слое мощностью около 50 см было найдено незначительное количество фрагментов стенок лепных сосудов и костей животных, особенно у материка. Стало ясно, что исследуемое всхолмление является не остатками кургана, а какого-то объекта, видимо относящегося к культурному слою, расположенного на северном склоне гряды поселения. Раскопки в этом направлении были приостановлены.

В центре вскрытого раскопками участка на гл. 328 – 339 см от R=0 (соответствующего R кургана 3) был зафиксирован развал колотых камней мелкого и среднего размера (до 25 x 25 см) диаметром около 1 м. Под верхним слоем камней в материке, на глубине 334 – 339 см от R, были выявлены контуры округлой ямы диаметром около 80 см. Заполнение ямы состояло из тёмно-серой супеси, смешанной с колотыми камнями мелкого и среднего размера. Находок и каких-либо костей в яме не обнаружено. Яма имела неровное дно, зафиксированное на глубине 346 – 352 см от R (рис. 7, 1).

Прирезка вокруг ямы была расширена до размеров длиной 7,80 м по линии СЮ и шириной 2,15 м. На исследованной площади найдено небольшое количество фрагментов лепных сосудов и костей животных, преимущественно у материка. Среди них несколько профильных фрагментов (рис. 7, 2).

Описание находок.

1. Венчика сосуда лепного фрагмент. Сохранилась часть покато́го плечика. Глина плотная, внешняя поверхность ярко-оранжевого оттенка (под патиной), поверхность рыхловатая, мажущаяся. Середина черепка чёрная. Венчик плавно отогнут во внешнюю сторону (около 30 градусов от вертикальной оси), край закруглён. Под венчиком расположен округлый налепной валик, расчленённый пальцевыми вдавлениями. Плечико покато́е. Размеры черепка – 7,5 x 6,8 см, ширина валика – 2,1 см. Толщина черепка 0,55 см. Реконструируемый диаметр венчика 28 см (рис. 8, 1).

2. Венчика сосуда лепного фрагмент. Сохранилась часть покато́го плечика. Глина плотная, внешняя поверхность ярко-оранжевого оттенка

(под патиной), поверхность рыхловатая, мажущаяся. Середина черепка чёрная. Венчик плавно отогнут во внешнюю сторону (около 42 градусов от вертикальной оси), край закруглён. Под венчиком расположен округлый налепной валик, расчленённый пальцевыми вдавлениями. Плечико покато́е. Размеры черепка – 11,45 x 6,5 см, ширина валика – 1,6 см. Толщина черепка 0,8 см. Реконструируемый диаметр венчика 28 см (рис. 8, 2).

Анализы для этих двух фрагментов верхней части сосудов, проведенные М.Е. Клемешовой, показали, что в глину был добавлен шамот и навозная выжимка в качестве отошителей (Вальчак, Клемешова, 2018, с. 52).

3. Донцев сосудов лепных фрагменты (3 экз.). Глина плотная, внешняя поверхность тёмно-оранжевого оттенка (под патиной). Середина черепка чёрная. Все фрагменты происходят от разных сосудов с различной крутизной угла перехода от подошвы к стенке. Переход во всех случаях выделен более или менее выраженной закраиной. Диаметр одного, полностью реконструированного донца – 9,2 см. Средняя толщина донцев – 0,8-1,0 см. Средняя толщина стенок сосудов у основания – 0,7-1,0 см (рис. 8, 3-5).

Судя по морфологическим признакам, найденные фрагменты принадлежат кухонным сосудам среднего размера и могут быть отнесены к сабашиновской культуре начального периода поздней бронзы Северного Причерноморья или пока неясной, но синхронной ей группе памятников Таманского полуострова или вообще, равнинной степной зоны до предгорий к востоку от Анапы.

Благодаря этим находкам, а также разведочным исследованиям и наблюдениям на прилегающей территории, стало ясно, что археологические объекты в окрестностях пос. Уташ представлены не только курганным могильником, а представляют собой комплекс археологических памятников, частично перекрывающих друг друга.

Следует отметить локальность и относительную кучность нахождения немногочисленных фрагментов лепной керамики, костей животных в распаханном слое в северной части площади раскопок и там же, в других заложенных для раскопок курганов траншеях. Что позволило предполагать наличие здесь дискретной, «усадебной» застройки поселения в период бронзового века. Судя по практически полному отсутствию ям в

материке (за исключением объекта 1), можно предполагать наличие здесь наземных жилищ, остатки которых были полностью уничтожены распашкой.

Нам удалось собрать авторитетную комиссию из практикующих археологов-исследователей и временно исключить северный участок из общей площади раскопок, отложив его исследование на приемлемое время года. Тем более с применением техники в осенне-зимний период. Отсутствие финансирования не позволило продолжить работы в 2008 г. К сожалению, эта территория уже в 2009 г. была полностью изолирована и освоена заказчиком работ без каких-либо археологических исследований.

Публикация малой части из открытых комплексов была вызвана исследованием в последние 15 лет на Таманском полуострове и в Восточном Крыму множества разных по времени погребальных и поселенческих памятников эпохи

бронзы. Культурная принадлежность многих из них ещё недостаточно определена.

Комплекс археологических памятников у пос. Уташ – восточная составляющая этого региона и оказывается не менее значимой, чем памятники, которые расположены ближе к Керченскому проливу.

ЛИТЕРАТУРА:

Вальчак С.Б., Болдырев С.И., Сударев Н.И., Чевелёв О.Д., 2010. Исследования Уташского курганного могильника в Краснодарском крае // Археологические открытия 2007 года. / сост. и отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 247, 248.

Вальчак С.Б., Клемешова М.Е., 2018. Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции / ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск. С. 50-52.

Рис. 1. Карта с указанием расположения могильника Уташ.

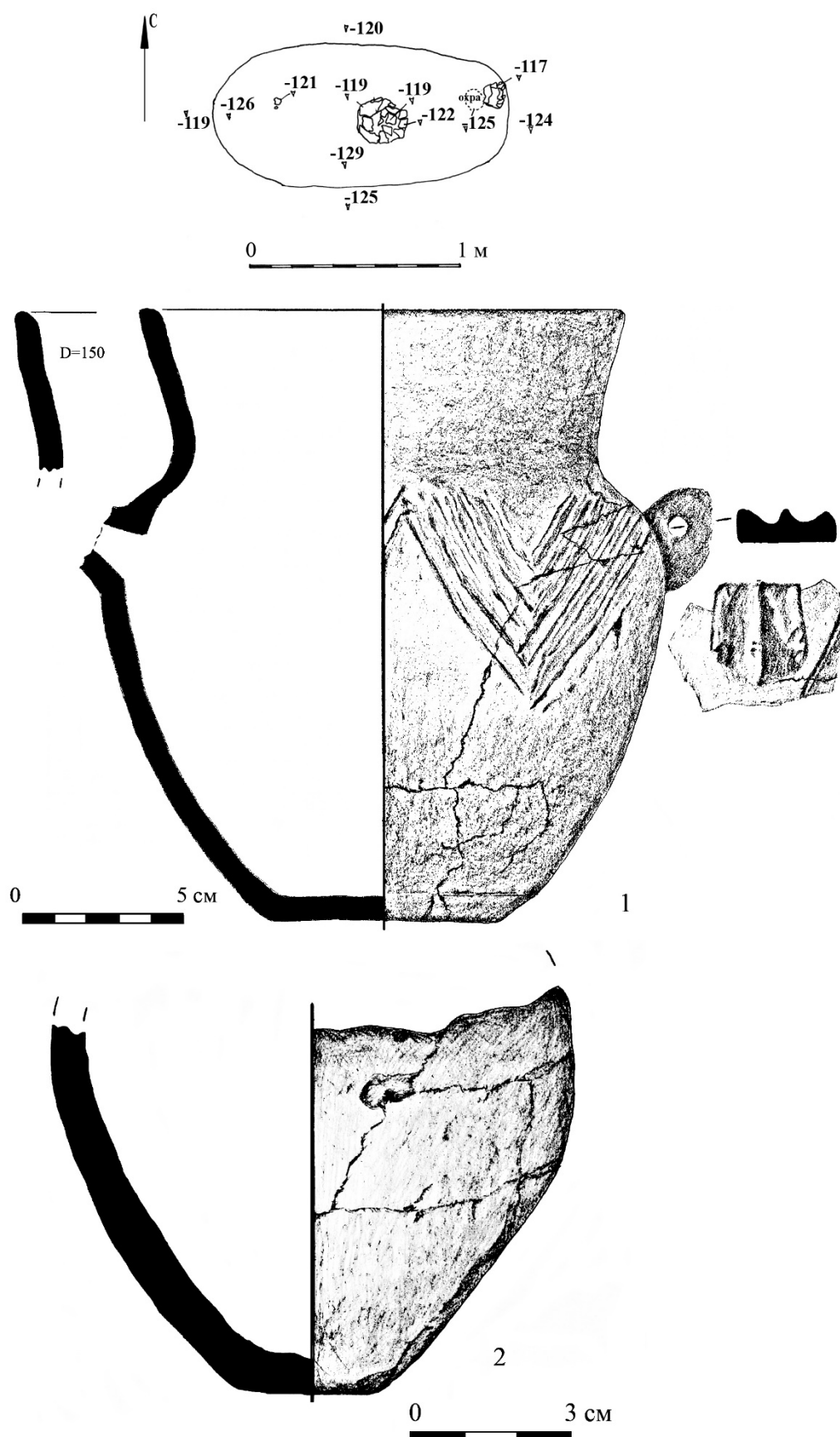

Рис. 2. Погребение 3 кургана 3. 1 – план погребения; 2 – лепной сосуд 1; 3 – лепной сосуд 2.

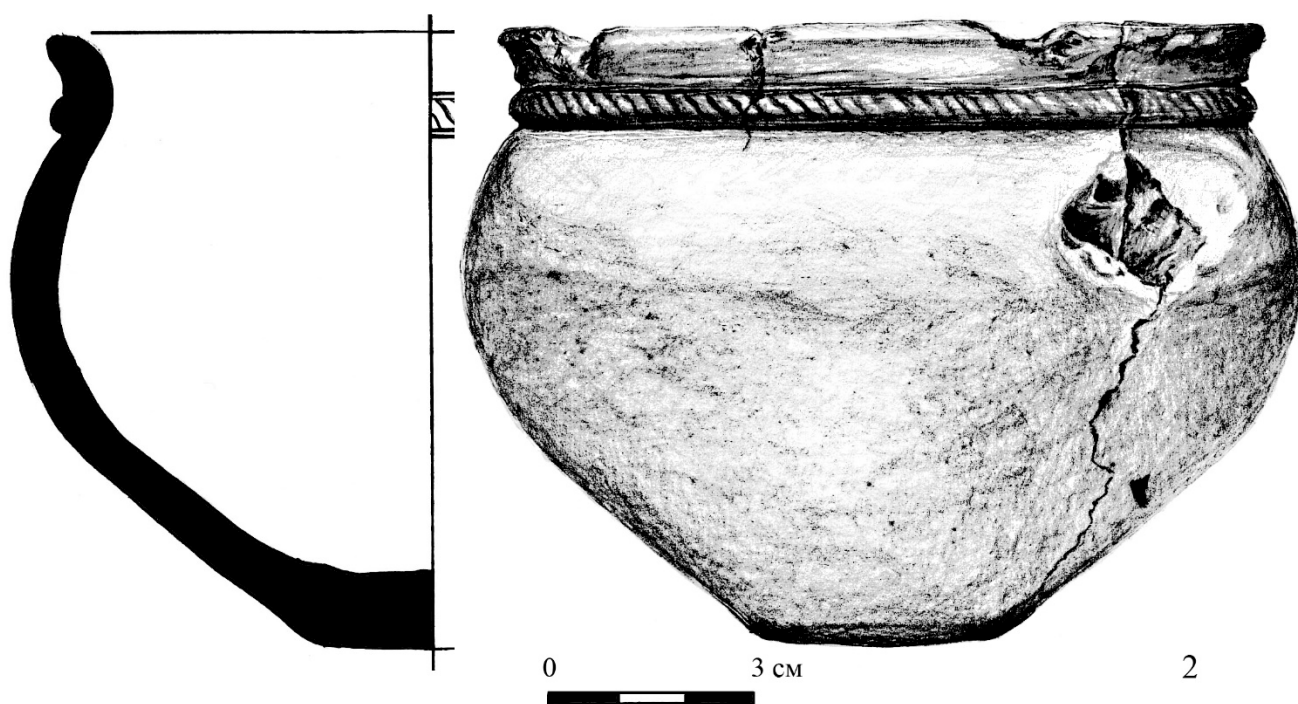
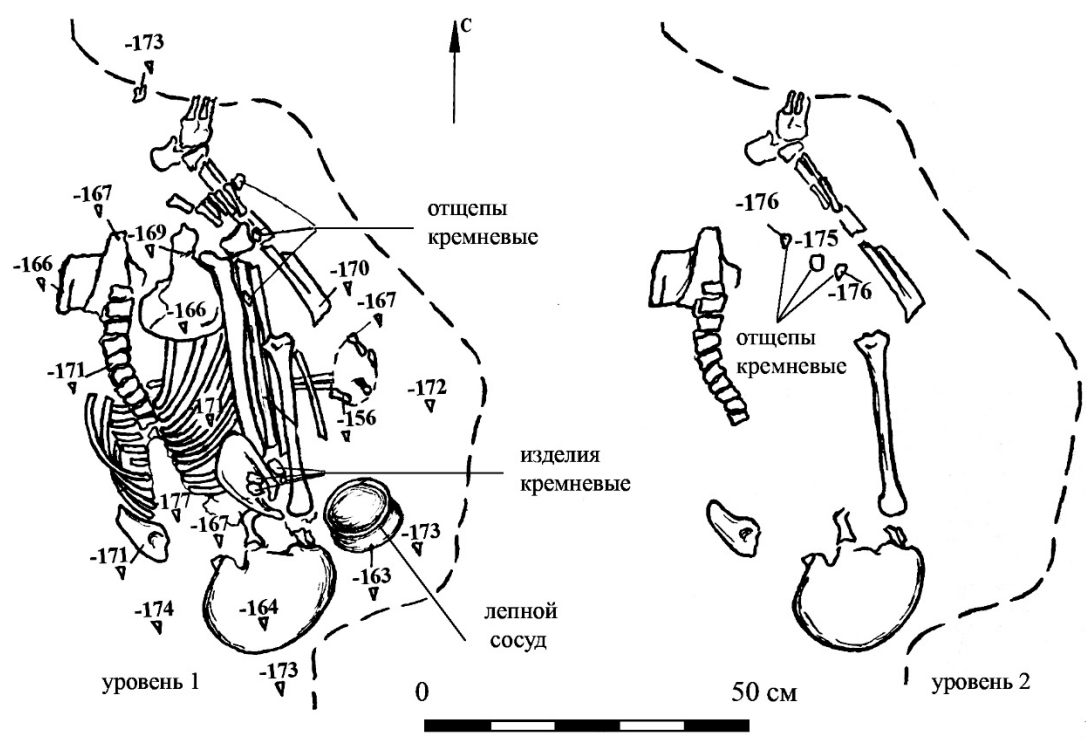

Рис. 3. Погребение 11 кургана 3. 1 – план погребения; 2 – лепной сосуд.

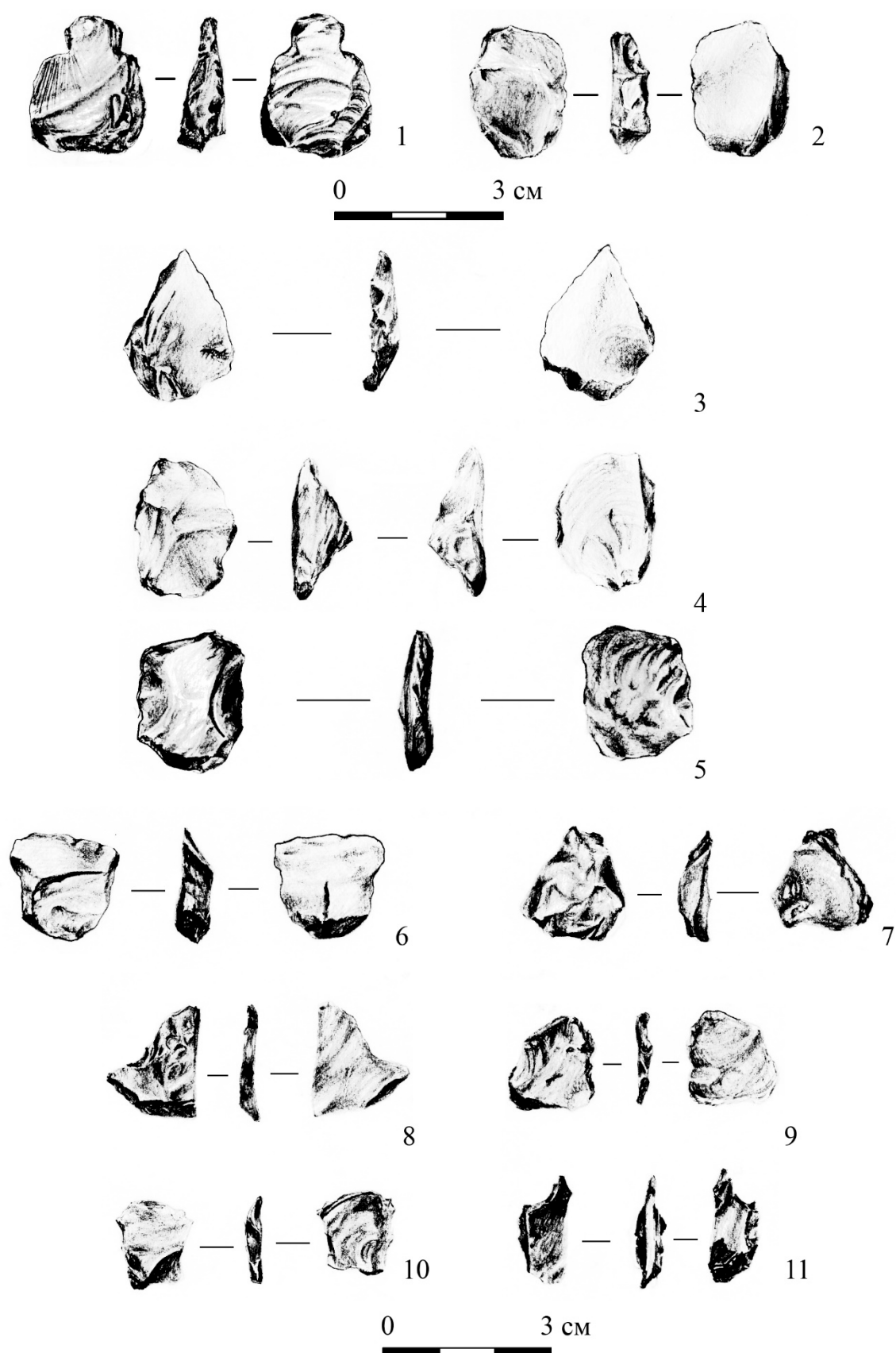

Рис. 4. Погребение 11 кургана 3. Находки из кремня. 1 – изделие фигурное; 2- 5 – орудия; 6-11 – отщепы.

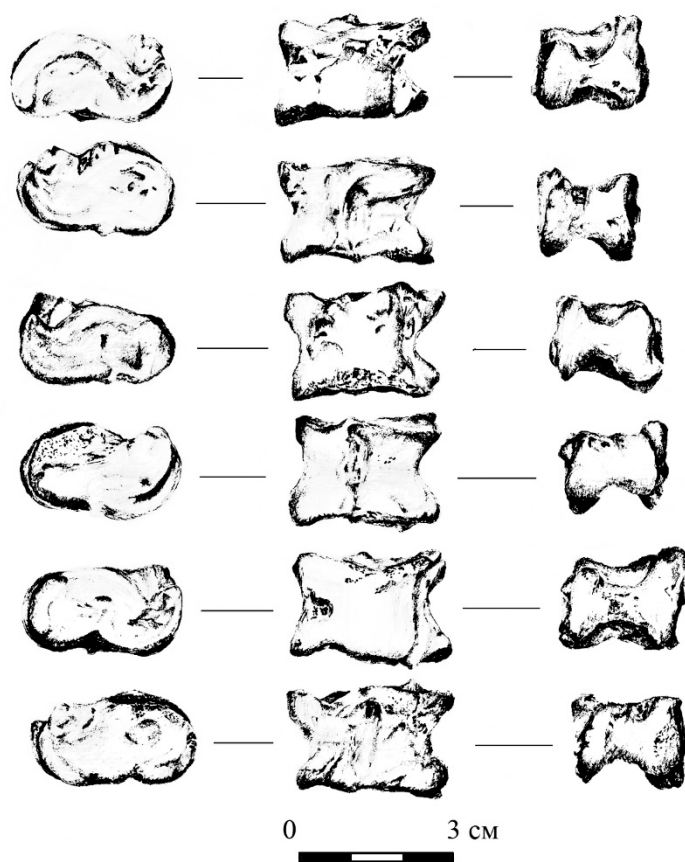
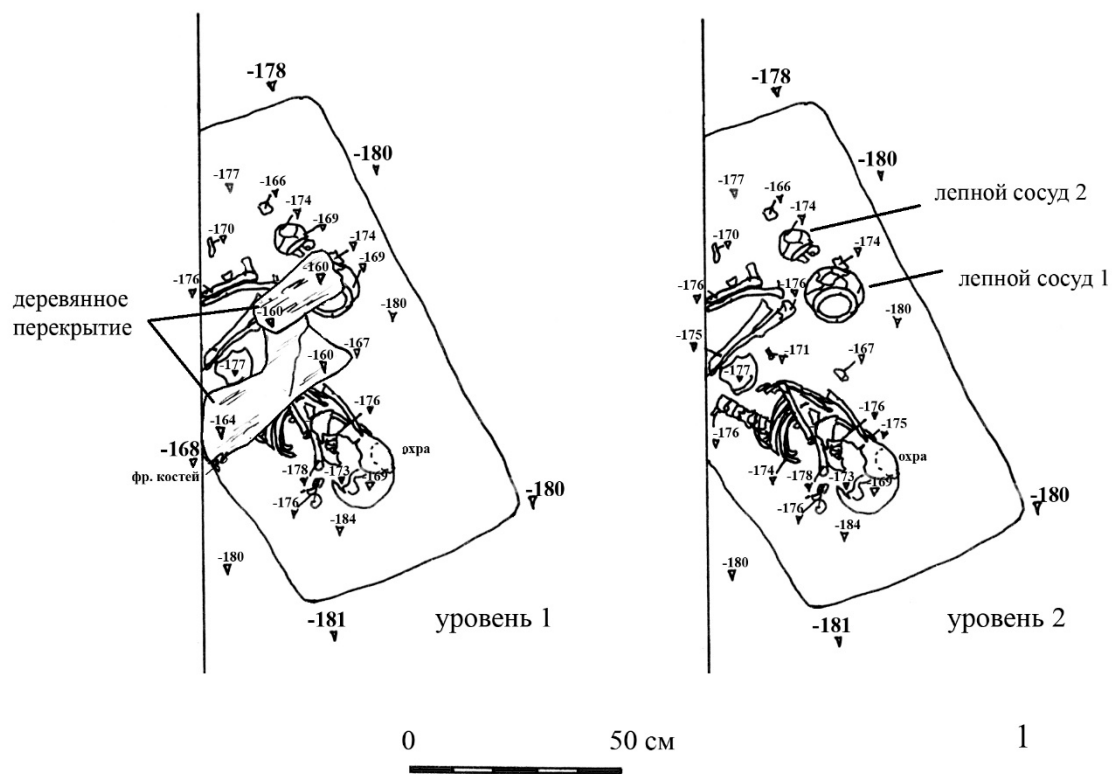

Рис. 5. Погребение 13 кургана 3. 1 – план погребения; 2 – астрагалы.

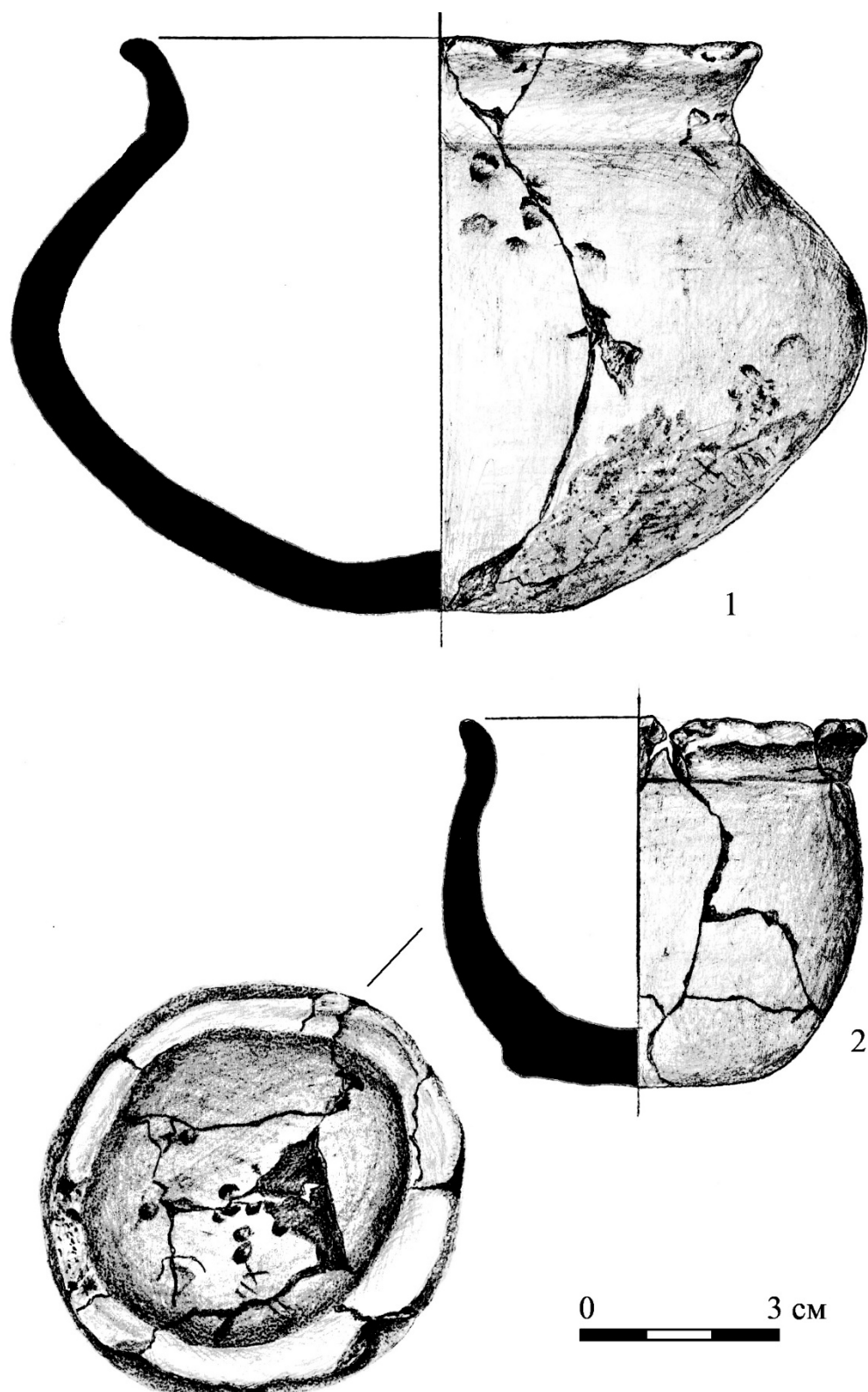

Рис. 6. Погребение 13 кургана 3. 1 – лепной сосуд 1; 2 – лепной сосуд 2.

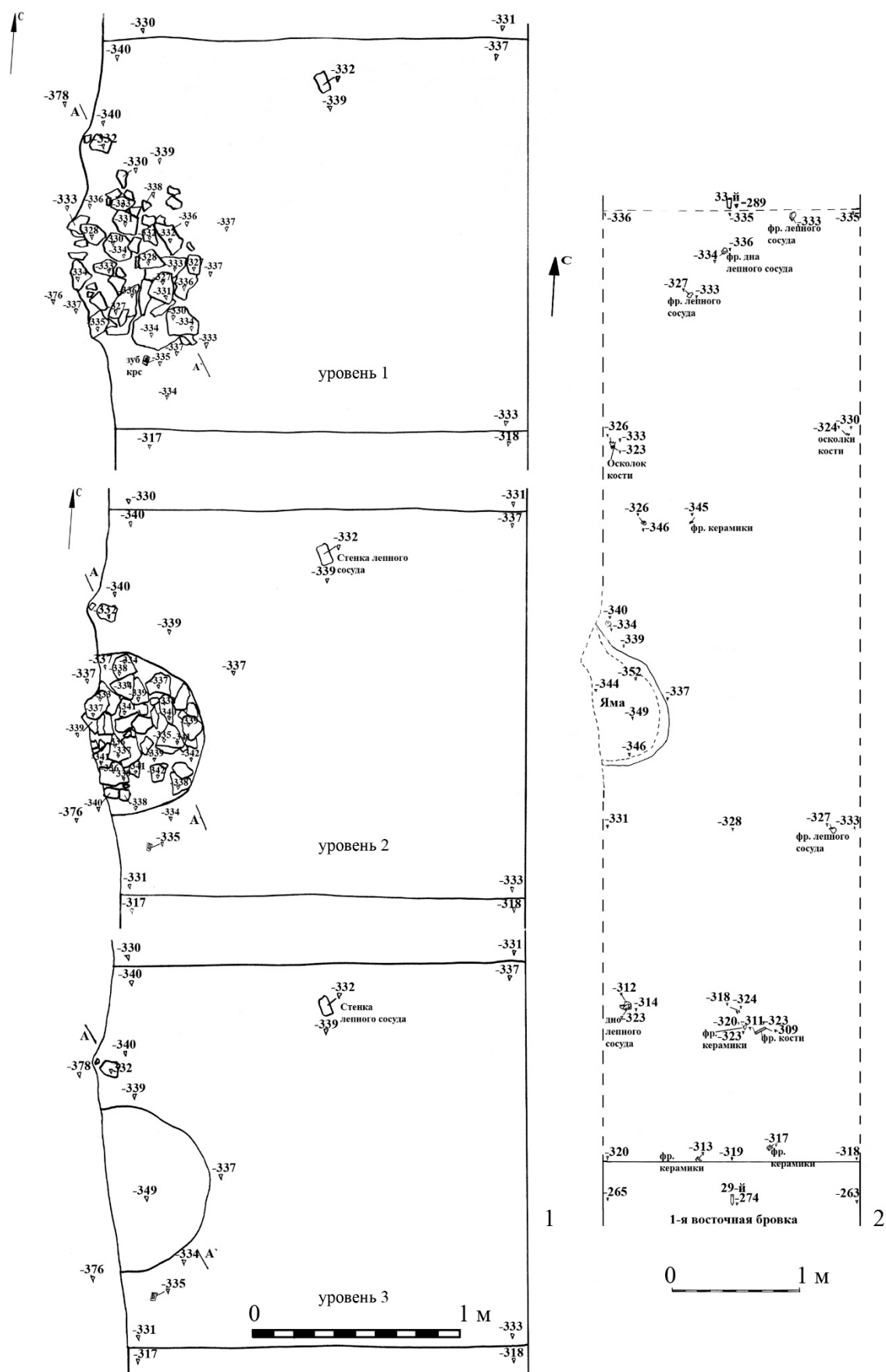

Рис. 7. Объект 1 кургана 16А. 1 – планы последовательной расчистки ямы; 2 – общий план исследованной части объекта 1.

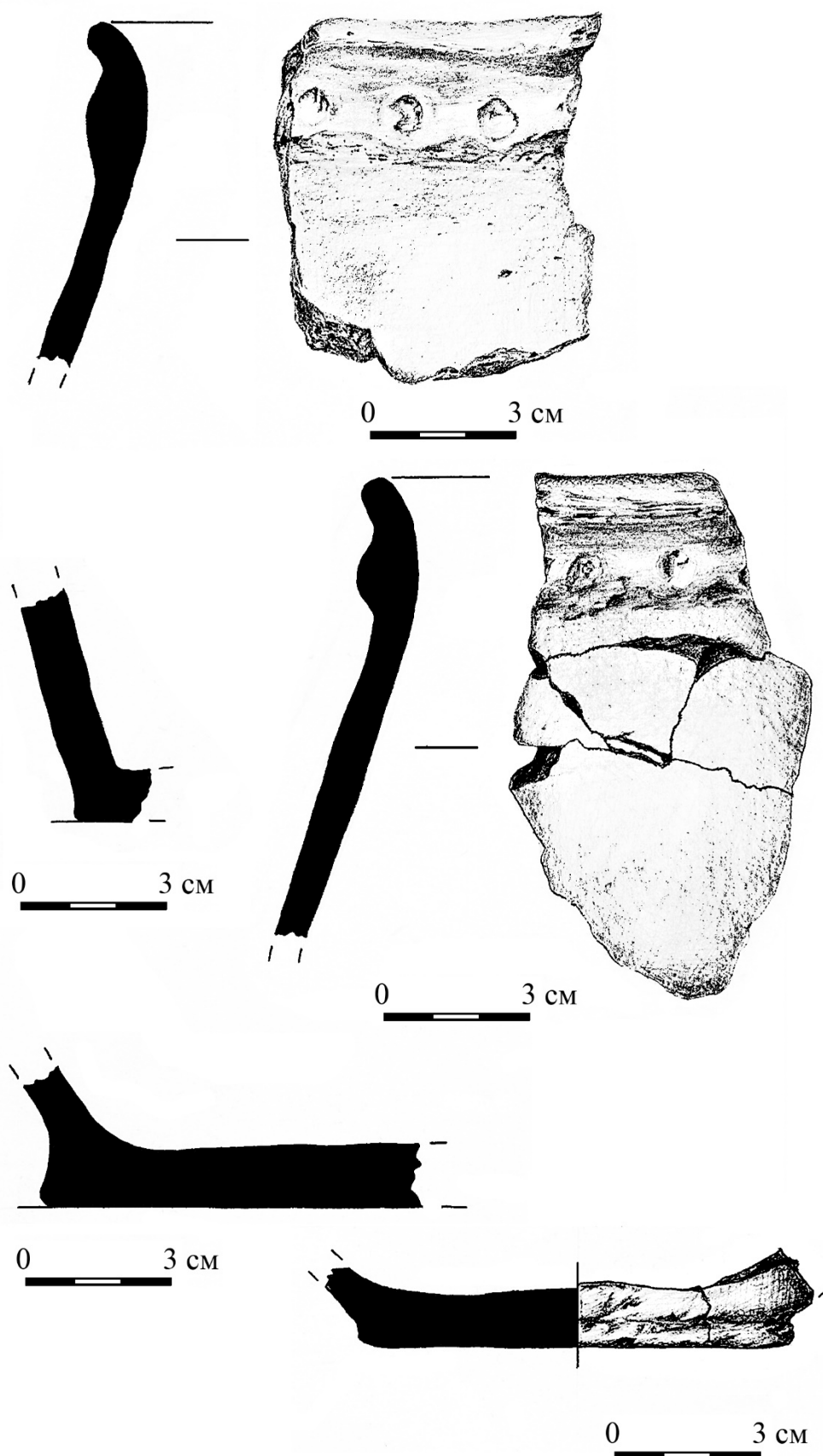

Рис. 8. Находки из объекта 1 кургана 16А. 1, 2 – венчики лепных сосудов; 3-5 – донца лепных сосудов.

ФЕНОМЕН ЛОЖНОГО ВХОДА У ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

М.И. Кудин

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
г. Майкоп-Сочи, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается история изучения дольменов с ложным входом на Западном Кавказе. Показано, что ранее исследователи, не зная обо всем разнообразии форм и конструкций этого вида памятников, использовали неудачные термины для их обозначения: «ложнопортальные дольмены», «дольмены с потайным входом». Приведены краткие сведения о 103 памятниках этого вида, как известных давно, так и обнаруженных автором. Ложный вход встречается у всех основных типов кавказских дольменов. Оформление ложного входа различно. 34 памятника не имеют ложных (фиктивных) втулок. Для более четкого представления обо всем разнообразии конструкций дольменов с ложным входом, они были разделены автором на 6 групп. По-видимому, символика ложного входа у дольменов имела тот же смысл, что у «Гробниц гигантов» и «Домов ведьм» на о. Сардиния и египетских мастаб – изображение входа в царство мертвых, выхода через каменную стену духов предков, и доставка им жертвенных приношений. Сама порталная ниша дольмена с выступами боковых плит образует символ прохода, двери в иной мир, даже если на нем нет отверстия или его имитации в виде выпуклости ложной втулки.

Ключевые слова: дольмены Западного Кавказа, ложный вход, символика ложной двери, фиктивная втулка.

FALSE ENTRANCE'S PHENOMENON AT THE DOLMENS OF THE WESTERN CAUCASUS

Kudin M.I.

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research them. T.M. Kerasheva,
Maykop, Sochi, Russia.

Abstract. This article addresses the history of research of the dolmens with a false entrance in the Western Caucasus. It is shown that researchers not having known about all the diversity of forms and constructions of monuments of this type used unsuccessful terms for its designation such as "false-portal dolmens" and "dolmens with a secret entrance". A brief information about 103 monuments of this type both long been known and discovered by the author is given. A false entrance is found in all the main types of Caucasian dolmens. A design of the false entrance is different. 34 monuments have not false (fake) plugs. To better represent all the diversity of dolmens' constructions with a false entrance, they were divided into 6 groups by the author. Apparently, the symbolism of the false entrance at the dolmens had the same meaning as in the "Tombs of the Giants" and "Domus de Janas" on the island of Sardinia and the Egyptian mastabas – the image of the entrance to the land of the dead, the exit through the stone wall of the ancestors' spirits and bearing a sacrifice to them. A portal niche of a dolmen with ledges of the side plates forms a symbol of a passage, a door into another world, even there isn't a hole or its imitation in the shape of a bulge of a fake plug.

Keywords: dolmens of the Western Caucasus, false entrance, false door symbolism, fake plug.

В 1892 году В.М. Сысоев первым из исследователей осмотрел два необычных дольмена в бассейне р. Бугундырь. Эти памятники, высеченные в цельных глыбах камня, перекрытые сверху отдельной плитой, имели, по мнению В.М. Сысоева,

по два входных отверстия. При этом отверстия в задних стенах оказались плотно заделаны «замурованными» втулками (Сысоев, 1904, с. 102-103). Учитывая, что контура отверстий на внутренней части задней стены памятников не

было, В.М. Сысоев описывает их следующим образом: «...имеют в задней стенке на том месте, где обычно в передней плите бывает отверстие, втулку, которая имеет такой вид, как будто бы была весьма плотно загнана в отверстие (диаметр 10в.) и затем залита цементом или расплавленным песчаником» (Сысоев, 1904, с. 133). Таково первое описание корытообразных дольменов с необычной деталью. На главных фасадах этих памятников видны искусно выточенные имитации выпуклости шляпок втулок, якобы закрывающих входное отверстие. На самом деле настоящий вход в камеру сделан в задней или боковой стене. Позже эти дольмены, осмотренные В.М. Сысоевым, были изучены Северо-Кавказской экспедицией (Гей, Черкасов, 2006, с. 145-147).

П.С. Уварова (1904, с. 175), Г.Н. Сорохтин (1915, с. 93), описывая в своих работах, пожалуй, самый известный и легко доступный из памятников этого типа – полумонолитный дольмен «Гигант» близ Туапсе, вовсе не упоминают его интересную особенность: наличие ложной втулки на главном фасаде. А.А. Миллер (1909, с. 84-86), описывая этот памятник, просто сообщает, что на его стене со стороны подошвы горы высечена круглая выпуклость (Миллер, 1909, с. 84-86). Гораздо больше эта необычная деталь заинтересовала Э. Мартеля. Главный фасад дольмена он описывает как выбитую в скале «раму», чуть ниже центра, которой выступает каменный диск. Э. Мартель предположил, что диск может быть символом солнца или штифтом, входящим в паз другой, не сохранившейся плиты или стелы, украшенной письменами или знаками (Мартель, 2004, с. 50-51).

Л.И. Лавров первым обратил внимание на то, что «искусственно сделанное круглое вздутие» на передней стене таких дольменов является фиктивным воспроизведением настоящего отверстия, закрытого втулкой и ввел термин: «фиктивная втулка» (Лавров, 1936, с. 125). Он описывает пять корытообразных дольменов с фиктивными втулками и отверстиями в задней или боковой стене, относя их появление к позднему этапу дольменной культуры (Лавров, 1960, с. 104).

Более подробно описал и выделил эти памятники в отдельную группу В.И. Марковин. Он назвал их «ложнопортальными, корытообразными» (Марковин, 1973, с. 90), так как подобная конструктивная особенность была встречена им лишь среди корытообразных сооружений. Не

приняв во внимание данные В.М. Сысоева о памятниках в бассейне р. Бугундырь, В.И. Марковин ограничил область распространения ложнопортальных дольменов небольшой, центральной областью территории дольменной культуры, полосой Причерноморья от реки Шахе до реки Туапсе (Марковин, 1973, с. 97). В более поздней своей работе он упоминает расположенный чуть севернее, описанный И.Н. Анфимовым (Анфимов, 1992, с. 37-39) ложнопортальный корытообразный дольмен на р. Небуг в Туапсинском районе (Марковин, 1997, с. 395).

Все немногочисленные, известные ему корытообразные памятники с ложными порталами, В.И. Марковин разделил на три архитектурных типа: первый – с отверстиями в задней стене напротив фиктивной втулки, второй тип – с отверстием в боковой стене, и третий, в единственном числе – без ложной втулки, с отверстием в боковой стене (Марковин, 1973, с. 96).

Исследования, проводимые автором на Черноморском побережье Кавказа, выявили ряд дольменов, позволяющих по-новому взглянуть на вопросы типологии этих памятников. Помимо целого ряда не описанных ранее корытообразных ложнопортальных сооружений, были обнаружены плиточные и составные постройки с «ложным порталом» самой разнообразной конструкции, как с ложными втулками, так и без них (Кудин, 2000, с. 127-134; 2008, с. 70-73). Таким образом, явление «ложного портала» присущее, как считалось ранее, лишь корытообразным сооружениям, охватывает все основные типы дольменов. С этими выводами автора согласился и В.И. Марковин (Марковин, 2004, с. 56).

В настоящее время удалось собрать сведения о 103 памятниках. Треть из них – 34, не имеют ложных (фиктивных) втулок и практически почти ничем не отличаются от обычных дольменов, кроме отсутствия входного отверстия на главном фасаде, при его наличии в задней или боковой стене. Нестандартное расположение входного отверстия, его смещение от оси симметрии у отдельных памятников является деталью, характерной для дольменов с ложным входом, как с ложными втулками, так и без них и не встречается у других типов дольменных памятников.

В связи с введением в научный оборот новых памятников, термин «ложнопортальные дольмены», принятый В.И. Марковиным, является, как нам кажется, неудачным. Поскольку «портал» и в архитектуре, и в терминологии В.И.

Марковина, это не сам вход в дольмен, а его архитектурное обрамление: передняя стена, выступы боковых плит, образующие лопатки и выступ козырька перекрытия или специальные приставные плиты, образующие порталные ниши (Марковин, 1978, с. 65-66; 71). Таким образом, порталы «ложнопортальных» дольменов, ничем не отличаются от порталов остальных сооружений и в них нет ничего «ложного». Единственным отличием является отсутствие входа в передней стене, при частой его имитации в виде ложной (фиктивной) втулки. На неудачность предложенного В.И. Марковиным термина обращали внимание и другие исследователи. Так, А. В. Дмитриев, следуя за мнением, что входное отверстие в таких памятниках хотели замаскировать, скрыть от внимания людей, предложил назвать «ложнопортальные» дольмены «корытообразными с потайным входом» (Дмитриев, 2001, с. 65). Термин «потайной вход» используют также А.Н.Гей и А.Н.Черкасов (2006, с. 146). Но многие выявленные нами памятники не подходят под определение А.В. Дмитриева. Их входные отверстия, хотя и находятся в задней или боковой стене, не скрыты, а, наоборот, конструктивно выделены дополнительными архитектурными деталями: плитами притвора, двориком и направлены в традиционную для дольменов открытую, солнечную сторону, иногда вниз по склону (например, плиточный дольмен №1 группы «Бганомакух» (табл. 1. 67), составной дольмен группы «Кирово-2» (табл. 1. 98, табл. 2. 17)).

Поэтому нам кажется целесообразнее назвать этот тип памятников дольмены с ложным входом. Тем более что понятие «ложный вход» (*false entrance*) давно уже используется для обозначения подобных конструктивных особенностей мегалитических камерных сооружений Западной Европы (Северн-Котсуолдские гробницы, трансептные галерейные гробницы) (Брей, Трамп, 1990, с. 141). Такое название более подходит, как мы покажем ниже, и для объяснения связанных с этой конструктивной особенностью дольменов идеологических представлений.

Слабая изученность и невнимание ко всем деталям конструкций дольменов с ложным входом не имеющих фиктивных втулок (на первый взгляд мало, чем отличающихся от обычных дольменов), приводит порой к тому, что особенности этих сооружений исследователи «не замечают», трактуют их как обычные памятники.

Между тем, учитывая само существование мегалитов с ложным входом, среди других видов и типов дольменов Кавказа наличие входного отверстия в стене дольмена не делает ее а priori главным фасадом. При изучении дольменов с ложным входом необходимо, прежде всего, обращать внимание на детали, характеризующие определение главных и задних фасадов памятников:

- плита (стена) главного фасада имеет большую величину, чем у заднего фасада;
- размер камеры дольмена уменьшается к задней части памятника;
- крыша обычно наклонена к заднему фасаду, либо горизонтальна.

Не обратив внимания на эти безусловные для кавказских дольменов характеристики, В.И. Марковин не заметил, что исследуемый им плиточный памятник № 1 в урочище «Три дуба» бассейна реки Шахе (Марковин, 1997, с. 364-365, рис. 192) является дольменом с ложным входом без ложной втулки. Передняя стена этого сооружения больше задней стены с отверстием. Перед глухой стеной ложного входа, не имеющей выступа ложной втулки, в насыпи кургана, окружающего дольмен, имеется разрыв, образующий дворик. То, что стена без отверстия является главным фасадом, наглядно подчеркнуто и положением дольмена в группе, включенного в общую линию стоящих в ряд «стандартных» дольменов, направленных традиционно вниз по склону. Лаз дольмена с ложным входом обращен в обратную сторону от общего направления входных отверстий остальных памятников.

Недостаточное внимание ко всем деталям конструкций дольменов с ложным входом приводит порой к терминологической путанице. Так, например, С.В. Валганов, делая акцент на том, что у отдельных сооружений с ложным входом задние стены с входными отверстиями имеют дополнительные конструкции – дромосы, дворики, приставные порталные плиты, считает их передними (Валганов, 2004, с. 63-64). Не обращая при этом внимания на то, что со стороны стены главного фасада с ложным входом также имеются подобные, дополнительные детали.

Чтобы дать полное представление обо всем разнообразии конструкций дольменов с ложным входом, в таблице №1 приведен их перечень с краткой характеристикой всех выявленных на сегодняшний день сооружений. В таблицу также включены данные о генетически связанных с

дольменами с ложным входом п-амятниках с изображением порталов на главных фасадах и дольменов с двумя входными отверстиями. Памятники с этими конструктивными особенностями встречаются лишь в зоне распространения дольменов с ложными входами.

В примечаниях к таблице приведена неполная библиография. Упоминаются лишь отдельные работы, где перечисленные памятники описаны наиболее подробно. Многие из выявленных дольменов с ложным входом, ранее никем не исследовались.

Из данных таблицы видно, что единичные памятники с ложным входом были обнаружены в Геленджикском и Абинском районах (Дмитриев, 2001, с. 78; Гей, Черкасов, 2006, с. 145-146) и один дольмен в Абхазии (с. Псху) (Воронов, 2009, с. 68). Но, в основном, рассматриваемые памятники сосредоточены на территории северной части Лазаревского района города Сочи и прилегающей части Туапсинского района. Третья часть памятников – 34, находятся в бассейне реки Аше, расположенной в центре ареала распространения дольменов с ложным входом (рис. 1).

Обобщение данных таблицы приводит к интересным результатам. Итак, на настоящий момент обнаружено 103 дольмена с ложным входом. Если принять общее количество сохранившихся дольменов на Западном Кавказе примерно за 3000, то это более 3% от общего числа памятников. Для мест основного ареала распространения памятников с ложным входом – Туапсинского района и Лазаревского района города Сочи, где всего выявлено 654 дольмена – более 14,5%. 60 дольменов с ложным входом корытообразные, из них 7 без ложных втулок. 42 памятника плиточные и составные, но из них лишь 13 имеют ложные втулки. 21 дольмен с ложным входом имеют лаз в боковой стене, 6 памятников с входными отверстиями в задней стене имеют его явное смещение от оси симметрии.

По ориентации главных фасадов, дольмены с ложным входом ничем не выделяются среди других типов памятников. Как правило, если они находятся в группе с другими памятниками, то повторяют общую ориентацию группы. Ориентация в западную и восточную дуги горизонта примерно равны по количеству – 44 и 51 памятник соответственно, что характерно для всех типов дольменов Причерноморья (Кудин, 2016, с. 133,

рис. 2). Наибольшие пики ориентации наблюдаются в районе восхода (11 памятников) и захода (20 памятников) солнца в зимнее солнцестояние. Эти астрономически и календарно значимые направления часто отмечаются направлениями главных фасадов и других типов дольменов Западного Кавказа (Кудин, 2017, с. 132).

Чтобы дать более четкое представление обо всем разнообразии конструкций дольменов с ложным входом, они были разбиты на шесть основных типов и сведены в графическую таблицу №2.

Памятники I группы, обладающие зеркальной симметрией, разбиты на две подгруппы с ложными втулками и без них. II группа памятников с отверстиями в боковой стене разделена на две подгруппы по тому же принципу. К III группе отнесены памятники с отверстиями, смещенными от оси симметрии. К IV группе можно отнести пока единственный памятник, имеющий два ложных входа с изображением ложных втулок и входное отверстие в задней стене. Следует отметить, что в Древнем Египте, отдельные мастаба также имели несколько ложных дверей. Например, гробница № 1060 в Тархане имела 4 ложных двери (Grajetzki, 2008, p. 109). В семейных гробницах египтян предусматривалось несколько ложных дверей для каждого из умерших. Возможно, в этом причина появления второго ложного входа у дольмена, являющегося коллективным погребением.

К V группе относятся корытообразные памятники с камерой, расширяющейся от отверстия к противоположной стене, обращенной вниз по склону, но без выделенного главного фасада. Хотя на месте ложного входа имеются наметки обработки фасада, по какой-то причине эта работа осталась незавершенной. Всего пока известно лишь два таких памятника. Примечательно, что азимуты входных отверстий этих дольменов, расположенных в разных районах, практически совпадают (см. табл. №1).

Своеобразным локальным вариантом дольменов с ложным входом являются памятники VI группы. Они близки по оформлению ложного входа (ложной двери) к подобным изображениям в «домах ведьм», эволюционировавших затем в изображения на центральных стелах «гробниц гигантов» с о. Сардиния (Depalmas, 2019, p. 148), и ложным дверям египетских мастаб. На их фасадной стене при наличии входного отверстия, нанесено дополнительное изображение главного

фасада дольмена, создающее в сочетании с выступами боковых плит и перекрытия иллюзии объема, глубины и перехода в пространство мира мертвых (табл. 2. VI. 15). Всего известно 6 сооружений этого типа. Такие памятники встречаются от Геленджика до Джубги. Южнее выявлено единственное подобное, но более сложное изображение, на корытообразном дольмене Солоницкого хребта (Бианки, 2012, рис. 1. 4; 1. 6); (табл. 2. VI. 9).

Важной деталью изображения ложного входа является не только ложная втулка, отсутствующая у многих памятников, но и лопатки на стене главного фасада, имитирующие выступы боковых стен. Учитывая наличие у таких памятников и реальных выступов боковых стен, мы получаем такое же удвоение изображения дольмена, как и у памятников VI группы. Таким образом, создается иллюзия нематериального пространства, ведущего в иной мир, куда закрыт доступ живым.

Еще более типологически близкое «домам ведьм» изображение ложного входа имеется у плиточного дольмена группы «Большая Ельня». На внутренней поверхности задней стены этого памятника имеется изображение входного отверстия (рис. 2).

Изображение портала на дольмене, подчеркнутое выступами боковых плит и перекрытия, а иногда, как например, у дольмена в Широкой щели, удвоенное приставным порталом, создает эффект художественной перспективы, иллюзию архитектурного продолжения пространства дольмена в ином мире. По-видимому, для создания такой иллюзии использовались и изображения дополнительных лопаток (имитации выступов боковых плит), на порталах плиточных и составных дольменов с ложным входом и изображения имитации выступов боковых плит у отдельных составных памятников без ложного входа (Кудин, 2000, с. 128, рис. 2. 1, 2, 3).

Только на территории распространения дольменов с ложным входом встречаются включенные нами в таблицы памятники с двумя входными отверстиями. Некоторые из них, следуя зеркальной симметрии, имеют входные отверстия в задней и передней плите. У памятника из долины р. Чухукт второй фасад с отверстием находится в боковой стене дольмена (табл. 2. II. 20). Необычны два дольмена со вторым входным отверстием в перекрытии: полумонолит в урочище Виноградное на р. Цусквадже (табл. 2. 21) и плиточный дольмен в Оленичевой щели р.

Пшада (Кудин, 2021, с. 10-11, рис. 8). Возможно, с идеей ложного входа в перекрытии дольмена связана полукруглая выпуклость, аналогичная изображениям ложной втулки на крыше плиточного дольмена в урочище Бганомакух (табл. 1, рис. 3).

Подобные конструкции, по-видимому, также несут в себе идею ложного входа. И в качестве входного использовалось не закрытое втулкой отверстие на фасаде, а второе отверстие в задней или боковой стене или в перекрытии. Такую возможность подтверждает плиточный дольмен группы «Кирово»² (табл. 2. I. 19). Хотя в передней стене этого памятника и имеется отверстие, но оно очень маленькое – диаметром до 18 см и имело только ритуально-символический смысл, в качестве входа использовался стандартный лаз диаметром 37 см в задней стене.

Символика левого и правого как женских и мужских символов, в том числе и пространственная, связанная с делением жилища на мужскую и женскую половину, известна с глубокой древности (Иванов, 1992, с. 43-44). Несмотря на несомненную сакральность правого и левого, предпочтений того или иного направления у дольменов с ложным входом не прослеживается. Число памятников, связанных со смещением входа в правую или левую сторону, примерно одинаково: 10 памятников имеют лаз в правой боковой стене, 7 – в левой. Смещение отверстия в правую или левую сторону от оси симметрии памятника одинаково – по три в каждую сторону.

Отсутствие предпочтения той или иной стороны позволяет осторожно предположить, что памятники с соответствующим расположением отверстия предназначались изначально для мужских или женских погребений.

Как и любой погребальный памятник, дольмен структурно и функционально разделяется на две части – культовую (портал дольмена), открытую для жрецов и родственников умерших, совершающих там ритуалы, и погребальную – камеру дольмена, принадлежащую загробному миру и наглухо отгороженную от мира живых каменной стеной и массивной втулкой, надежно закрывающей входное отверстие. У дольменов с ложным входом эта преграда между мирами приобретает гипертрофированный характер.

Феномен ложного входа является универсальным надкультурным явлением, которое можно проследить на материале множества археологи-

ческих культур и эпох. А.О. Большаков, сравнивающий двухкамерную гробницу новосвободненской культуры с додинастической иерокопольской гробницей №100, справедливо отмечает, что их большое сходство относится к надкультурным закономерностям и связано это с тем, что памятники были возведены в догосударственное время, и мировосприятие их строителей не было изменено и формализовано государственной идеологией (Большаков, 2015, с. 57). Поэтому и для понимания идеологии, связанной с феноменом ложного входа у дольменов, можно обратиться к египетским источникам додинастического периода. Мировоззрение египтян, связанное с посмертной участью человека, достаточно хорошо просматривается в архитектуре гробниц и содержании настенных изображений, в частности в структурах додинастических мастаб, в которых устраиваются ложные двери, посредством которых должно было происходить общение двух миров. Ложные двери являлись главным местом культа для жрецов и главным компонентом в оформлении всего погребения. Через ложную дверь происходило общение людей с двойником погребенного, выходящего к жрецам за ежедневной жертвой (Куликов, 2014,

с. 29). Тот же смысл – выхода через каменную стену духов предков, и доставка им жертвенных приношений в конструкцию ложного входа, очевидно, вкладывали и строители дольменов. Сама порталная ниша дольмена с выступами боковых плит образует символ прохода, двери, даже если на нем нет отверстия или его имитации в виде выпуклости ложной втулки.

Разнообразие описанных памятников говорит о длительной эволюции идеи ложного входа в архитектуре дольменов Западного Кавказа, сосуществовании их с другими типами памятников. Наличие ложного входа у дольмена с приставными порталными плитами (табл. 2. I. 12), относящегося по определению А.Д. Резепкина к наиболее ранним памятникам дольменной культуры (Резепкин, 2013, с. 367) показывает, что феномен ложного входа появляется достаточно рано и такие памятники сосуществует с другими типами дольменов. Так, в группе у с. Садовое два стоящих рядом и практически одинаковых составных дольмена имеют единую склоновую ориентацию, но один из них направлен вниз по склону глухой стеной ложного входа, а второй – обычным главным фасадом с входным отверстием.

Таблица №1. Дольмены с ложным входом

№ дольмена	Местонахождение	Наличие ложной втулки	Смещение отверстия от центра симметрии	Наличие лаза в боковой стене	Азимут ложного входа	Азимут лаза	Направление ложного входа (склоновая ориентация)
Корытообразные дольмены							
1.	Супрунов бугор 1 ¹	+			ЮЮВ (126°)	ССЗ	вниз по склону
2.	Восточный отрог г. Шизе («Забытый») ¹	+			ЮВ (59°)	СЗ	вниз по склону
3.	Вербовая щель п.Адербиевка ²	?			225°	45°	
4.	Верховья р.Небуг ³ «Большая Ельня»	+			94°	274°	вниз по склону
5.	пос. Каменный карьер ⁴ № 1 «Гигант»	+		слева	94°	185°	вниз по склону
6.	№ 2	+			255°	75°	вниз по склону
7.	№ 3	?			270°	90°	вниз по склону
8.	р. Алепси 1 ⁵	+			208°		
9.	р. Алепси 1 ⁵	+			57°		равнинное место
	аул Малое Псеушло гр. «Кокай» ⁶	+		справа	225°	130°	вниз по склону

¹Описание этих дольменов, упомянутых В.М. Сысоевым, приводят А.Н.Гей и А.Н. Черкасов (2006, с. 145-146).

² Дольмен полуразрушен. Сведения и фото получены от Ю.Н. Шарикова.

³ Один корытообразный дольмен с ложным входом (Анфимов, 1992, с. 37).

⁴Дольмены №1 и №2 известны давно (Марковин, 1997, с. 299-302). Дольмен №3 разрушен, сохранилось лишь основание, расширен туристической организацией.

⁵ Обнаружен краеведом Ю. Егоровым. Обмерен автором.

⁶ (Степченков, Валганов, 2019, с. 58-59, рис. 4).

10.	р. Казачья щель ¹	-		справа	198 ⁰	108 ⁰	вниз по склону
11.	урочище «Бганомакх» ²	+		справа	214 ⁰	110 ⁰	вниз по склону
12.	№1	?	влево		245 ⁰	65 ⁰	вниз по склону
13.	№3	?		справа	250 ⁰	160 ⁰	вниз по склону
14.	хребет Мезецу (Спыунетам III) ³	+		справа	220 ⁰		вниз по склону
15.	Урочище «Папоротниковая гора» ⁴	+			352 ⁰	172 ⁰	вниз по склону
16.	о.д. «Псынако II» ⁵	?			207 ⁰	27 ⁰	
17.	долина р. Псынако ⁶	-		слева	Ю?		вниз по склону
18.	долина р. Псынако«Кремнистый поток» ⁷	+		справа	190 ⁰	85 ⁰	вниз по склону
19.	1-я Каштановая щель ⁸	+			5	231 ⁰	вниз по склону
20.	№1	?			152 ⁰	332 ⁰	вниз по склону
21.	№3	+			391 ⁰	221 ⁰	параллельно
22.	урочище «Пасека» р. Дедеркой ⁹	+	вправо		172 ⁰	351 ⁰	равнинное место
23.	р. Джималта ¹⁰	-					
24.	урочище «Нежигутам» р. Джималта ¹¹	?			270 ⁰	90 ⁰	равнинное место
25.	№1	?			ЮЗ	50 ⁰	
26.	№2	+			178 ⁰	?	
27.	№3	-					
28.	урочище «Волчи ворота» ¹² р. Неожиданная	+			199 ⁰	22 ⁰	вниз
29.	№ 1	+			325 ⁰	130 ⁰	параллельно
30.	урочище«Капибге» р.Аше ¹³	+			125 ⁰		вниз по склону
31.	№ 1	+			78 ⁰		вниз по склону
32.	№ 2	+					вниз по склону
33.	пос. Шхафит ¹⁴	+			101 ⁰	281 ⁰	вниз по склону
34.	аул Калез ¹⁵	+	влево		37 ⁰	203 ⁰	параллельно
35.	№ 1	+			296 ⁰		вниз по склону
36.	№ 2	+		справа	Ю	В	вниз по склону

¹ (Тешев, 1982, с. 30)

²Дольменная группа отмечена под № 3784 в списке памятников истории и археологии Туапсинского района, составленного М.К. Тешевым. У В.С. Степченкова и С.В. Валганова обозначена как группа «Пхабгучел» (Степченков, Валганов, 2019, с. 60-61, рис.5). Дольмены №2 и №3 ими обнаружены не были.

³Упомянуты М.К. Тешевым и А.И. Шамотульским (Шамотульский, 1967, с. 163-164).

⁴ (Баранюк, 2018, с. 20, рис. 1). Обмерен автором.

⁵ Сохранилось основание трапециевидной камеры, расширяющейся от стены с отверстием.

⁶Описан В.И. Марковиным как ложный монолит см. (Марковин, 1997, с. 303). На самом деле представляет собой перевернутый трактором корытообразный дольмен с ложным входом. На ложном фасаде хорошо читаются порталные выступы, не замеченные В.И. Марковиным. Возможно, что на обломанной части фасада некогда была и ложная втулка. Входное отверстие находится в левой боковой стене.

⁷ Осмотрен и обмерен автором.

⁸Корытообразные дольмены с ложным входом из 1-й Каштановой щели имеют одну интересную особенность: выступы, имитирующие выступы боковых плит, у этих памятников есть не только на главном фасаде, но и у задней стены с отверстием.

⁹(Марковин, 1997, с. 92-93)

¹⁰Обнаружен и обмерен автором. Сдвинут с первоначального месторасположения и перевернут трактором (Кудин, 2000, рис. 3. 5-6), см. табл. 2. 2.

¹¹Группа «Нежигутам» (Кондряков, 2010, с. 17).

¹² Обмерены автором. Дольмен №1 см. табл. 2. 1.

¹³ Дольмены №2 и №3 упоминаются Н.В. Анфимовым (Анфимов, 1957, с. 3-4), данные о дольмене №2 (Кудин, 2019, с. 191, рис. 2).

¹⁴Впервые упоминается П.С. Уваровой (Уварова, 1904, с. 174).

¹⁵ (Марковин, 1997, с. 345-347, рис. 164. 5). Дольмен №1 см. табл. 2. 5.

¹⁶ Остатки фасадной стены этого памятника обнаружены автором выше ул. Теучеж в а.Калез. Л.И. Лавров в 1930 г. застал этот

37.	аул Лыготх ¹ № 1	+		справа	157 ⁰	60 ⁰	вверх по склону
38.	№ 2	+			57 ⁰		вниз по склону
39.	№ 3	+			45 ⁰		вниз по склону
40.	урочище «Калежтам»-1 р.Аше ²	+			50 ⁰	223 ⁰	вниз по склону
41.	урочище «Цыргойтх» р.Аше ³	?		слева	95 ⁰	276 ⁰	равнинное место
42.	урочище «Псеченах» р. Аше ⁴	+		слева	247 ⁰		вниз по склону
43.	Слюсоров хребет р. Аше ⁵ № 1	+		справа	143 ⁰	53 ⁰	вниз по склону
44.	№ 2	+			90 ⁰	270 ⁰	вниз по склону
45.	№3	+			92 ⁰		вниз по склону
46.	Хребет Нихетх ⁶	?			ЮЗ	СВ	вниз по склону
47.	Верховья р. Бжеф ⁷	-			223 ⁰		вниз по склону
48.	урочище «Таукчи» р. Псезуапсе ⁸	+					сдвинут трактором
49.	у п. Лазаревское р. Псезуапсе ⁹	-					
50.	группа «Кирово»-1 (дольмен с 2-мя ложными порталами) ¹⁰	+			1. 284 ⁰ 2. 193 ⁰	13 ⁰	вниз по склону
51.	в р. Псезуапсе у п. Марьино ¹¹	?					сброшен трактором в реку
52.	группа «Кирово»-2 р. Псезуапсе ¹² №1	?					
53.	№2	-	влево	слева	208 ⁰ 243 ⁰	113 ⁰ 63 ⁰	вниз по склону вниз по склону
54.	урочище «Виноградное» р. Цусквadge ¹³	+		слева	198 ⁰	270 ⁰	вниз по склону
55.	Дачный поселок р. Цусквadge ¹⁴	+			50 ⁰ ?		сдвинут трактором
56.	Дачный поселок «Сортучасток» ¹⁵	+			В		вниз по склону
57.	Левый борт р. Чухукт ¹⁶	?		слева			параллельно
58.	Верховья р. Чимит урочище Учпугур ¹⁷	+			115 ⁰		вниз по склону
59.	урочище «Три Дуба» р. Шахе ¹⁸ № 10	-		справа	124 ⁰	8 ⁰	вниз по склону
60.	№ 3	?					вниз по склону

памятник в целом виде (Лавров, 1936, с. 125).

¹ Здесь указаны памятники по левому берегу р. Гонокпсы. №1 описан В.И. Марковиным (Марковин, 1997, с. 345, рис. 183. 1. 2), см. табл. 2. 3; №2 (Лавров, 1936, с. 124); №3 – дольмен на участке Гошемида Хушт обмерен автором.

² Обнаружен и обмерен автором.

³ (Кудин, 2021, с. 27-28).

⁴ (Кондряков, 2010, с. 22).

⁵ Обнаружены и обмерены автором.

⁶ Описан Л.И. Лавровым как дольмен №19 (Лавров, 1936, с. 126)

⁷ Обнаружен краеведом А.Сороколетовым, обмерен автором.

⁸ Обмерен автором.

⁹ Не сохранившийся памятник без ложной втулки изображен на рисунке инженера Гилева (Казнаков, 1915, с. 54-55).

¹⁰ (Кудин, 2000, с. 130, рис. 3. 3, 3. 4). См. табл. 2. 6.

¹¹ Осмотрен и обмерен автором.

¹² Осмотрены и обмерены автором.

¹³ (Валганов, 2004, с. 59, рис. 3. 9).

¹⁴ (Марковин, 1997, с. 358-361, рис. 188. 3-5)

¹⁵ Осмотрен и обмерен автором.

¹⁶ Обнаружен и обмерен автором.

¹⁷ Сведения краеведа А.Б. Кротова.

¹⁸ Дольмен №3, описанный В.И. Марковиным, при тщательном осмотре оказался дольменом с ложным входом (Марковин, 1997, с. 367, рис. 194. 1-3; с. 375, рис. 196. 3-5), дольмен №10 (Марковин, 1997, с. 375, рис. 196. 3-5), см. табл. 2. 4.

Плиточные дольмены							
61.	форт Св. Николая (ст. Шапсуг-ская?) ¹	-		справа			
62.	р. Жане ²	-			124 ⁰		вниз по склону
63.	№ 1	+			170 ⁰		вниз по склону
64.	Урочище «Большая Ельня» р.Небуг ³	?	?		139 ⁰	319 ⁰	вниз по склону
65.	п.Кирпичный «Тыбго» ⁴	?			70 ⁰		вниз по склону
66.	долина р. Псынако«Кремнистый поток» ⁵	+			335 ⁰	155 ⁰	вниз по склону
67.	урочище «Бганомакух» ⁶	+			204 ⁰		вверх по склону
68.	№ 1	-			205 ⁰		вниз по склону
69.	№ 2	-			ЮВ		вниз по склону
70.	хр. Мезецу ⁷	-	вправо				вниз по склону
71.	Аул Малое Псеушко р. Кокай ⁸	+	вправо		270 ⁰	90 ⁰	вниз по склону
72.	№ 1	+			229 ⁰		вниз по склону
73.	1-я Каштановая щель ⁹	-			221 ⁰		вниз по склону
74.	№ 1	+			219 ⁰		вниз по склону
75.	урочище «Волчьи ворота» ¹⁰ р. Неожиданная	+			225 ⁰		вниз по склону
76.	№ 1	+	влево		175 ⁰		вниз по склону
77.	урочище «Калештам» р.Аше ¹¹	-			225 ⁰		вниз по склону
78.	урочище «Кубыши» р. Наужи ¹²	-					вниз по склону
79.	№ 1	-					
80.	Правый борт р. Псеуапсе ¹³	-		справа			вниз по склону
81.	р. Псеуапсе урочище «Школьная горка» ¹⁴	-			115 ⁰	285 ⁰	вниз по склону
82.	урочище «Чумаки» р.Цусквадже	-			125 ⁰		вниз по склону
83.	№ 1 ¹⁵	-			ЮЗ		вниз по склону
84.	Верховья р. Цусквадже ¹⁶	-			345 ⁰		вниз по склону
85.	№ 1	-			338 ⁰		вниз по склону
86.	№ 2	-			36 ⁰		вниз по склону
87.	Верховья р.Чужая ¹⁷	?			ЮЗ		вниз по склону

¹ См. табл. 2. 12. Рисунок этого не сохранившегося дольмена с ложным входом приводит Дюбуа де Монпере (Марковин, 1978, с. 7, рис. 2). Отверстие в боковой стене расположено высоко в центре, что характерно для памятников с ложным входом.

² (Дмитриев, 2001, с. 78, рис. 38. а, б).

³ Сведения и фото получены от краеведа Ю. Егорова.

⁴ Обнаружен краеведом М. Спасеновой, обмерен автором.

⁵ Осмотрен и обмерен автором.

⁶ Дольменная группа отмечена под № 3784 в списке памятников истории и археологии Туапсинского района, составленного М.К. Тешевым. Осмотрены и обмерены автором.

⁷ (Валганов, 2004, с. 99, рис. 6. 7, фото 36).

⁸ (Степченков, Валганов, 2019, с. 55-57, рис. 3).

⁹ Осмотрены и обмерены автором.

¹⁰ (Кудин, 2000, с. 127-128, рис. 1). Дольмен №1 см. табл. 2. 9. Дольмен №2 см. табл. 2. 13.

¹¹ Осмотрен и обмерен автором, см. табл. 2. 11.

¹² (Валганов, 2004, с. 66, рис. 4. 4; 4. 5).

¹³ (Валганов, 2004, с. 74-75).

¹⁴ Осмотрен и обмерен автором.

¹⁵ Осмотрены и обмерены автором.

¹⁶ Осмотрены и обмерены автором.

¹⁷ Первоначальные сведения были получены от краеведа М. Хушт.

88.	урочище «Богатырка» р.Шахе ¹	-			170 ⁰		вниз по склону
89.	№ 2	-			157 ⁰		вниз по склону
90.	урочище «Три дуба» р. Шахе	-			180 ⁰		вниз по склону
91.	№1 ²	-				С	?
92.	№2 ³	-					
92.	Село Псху ⁴	-			ЮВ	СЗ	
Составные дольмены							
93.	пос. Садовый ⁵	-			105 ⁰	285 ⁰	вниз по склону
94.	Алтубинал верховья р. Пшиш ⁶	-			СВ	ЮЗ	вниз по склону
95.	Гора Шиблеск ⁷	-		справа	136 ⁰	53 ⁰	вниз по склону
96.	урочище «Капибге» р. Аше ⁸	-			100 ⁰		вниз по склону
97.	хребет Мизегух р. Аше ⁹	?			ЮВ		вниз по склону
98.	хр. Нихетх ¹⁰	+			110 ⁰		по линии хребта
99.	группа «Кирово»-2 р. Псеуапсе ¹¹	-		слева	333 ⁰	62 ⁰	вверх по склону
Неопределенные (плиточные или составные) дольмены ¹²							
100.	группа «Псынако»-1 р.Пшенано ¹³	+					
101.	аул Б.Псеушко у магазина ¹⁴	+					
102.	р. Шеюк ¹⁵	+					
103.	52км р. Псеуапсе ¹⁶	+			180 ⁰		вниз по склону
Дольмен с ложной втулкой? на перекрытии							
1.	урочище «Бганомакух» ¹⁷	-			210 ⁰		вниз по склону
Переходные формы памятников							
1.	урочище «Хамзатзаше» ¹⁸	-				301 ⁰	вниз по склону
2.	урочище «Ландыши» ¹⁹	-				302 ⁰	вниз по склону
Дольмены с изображением портала на главном фасаде							
1.	Широкая щель ²⁰					95 ⁰	вниз по склону
2.	р. Жане ²¹					170 ⁰	вниз по склону
3.	р. Пшада ²²					216 ⁰	вниз по склону
4.	Джубга ²³						
	№1					В	вниз по склону
	№2					В	вниз по склону
5.	Солоницкий хребет ²⁴					122 ⁰	вниз по склону

¹ Осмотрены и обмерены автором.² Если посмотреть на чертежи, составленные В.И. Марковиным, то на них видно, что плита ложного входа больше плиты с отверстием, перекрытие наклонено к задней стене с отверстием (Марковин, 1997, с. 364-367, рис. 192).³ Обнаружен К.А. Глазовым.⁴ См. табл. 2. 10 (Воронов, 2009, с. 68).⁵ См. табл. 2. 15 (Сысоев, 1904, с. 115-116, рис. 48).⁶ (Сысоев, 1904, с. 119-120, рис. 53-56).⁷ Осмотрен и обмерен автором.⁸ См. табл. 2. 16. Обнаружен автором совместно с С.В. Валгановым.⁹ Обнаружен и обмерен автором.¹⁰ Дольмен найден краеведами Ю. Егоровым и В. Беменко.¹¹ См. табл. 2. 17, (Кудин, 2000, с. 128, рис. 2. 5).¹² У этой группы памятников для осмотра доступны лишь фасадные плиты с ложными втулками.¹³ Фрагмент плиты песчаника с ложной втулкой у кургана Псынако 1 (Марковин, 1997, с. 311, рис. 164. 2), являются остатками плиточного или составного дольмена (Кудин, 2000, с. 128).¹⁴ (Тешев, 1973, с. 50).¹⁵ (Тешев, 1973, с. 50).¹⁶ Памятник сильно разрушен. Сохранились два крупных фрагмента стены с ложной втулкой.¹⁷ См. рис. 3.¹⁸ См. табл. 2. 7.¹⁹ Перед входным отверстием дольмена стоит менгир, подчеркивающий его направление (Кудин, 2018, с. 137, табл. 1).²⁰ См. табл. 2. 14 (Дмитриев, 2001, с. 71-72, рис. 30).²¹ (Трифонов, 2009, с. 119, рис. 8).²² Обнаружен Д. Дмитриевым и С. Фиалковской в 2007 г.²³ (Уварова, 1904, с. 172-173, рис. 73).²⁴ См. табл. 2. 8 (Бианки, 2012, рис. 1. 4; 1. 6)

Дольмены с двумя отверстиями						
№ дольмена, местонахождение	Вид дольмена	наличие лаза в боковой стене	наличие лаза в пе- рекритии	азимут лаза в передней стене	азимут лаза в задней (боковой) стене	направление ложного входа (склоновая ори- ентация)
1. р. Пшада Оленичева щель ¹	плиточный	-	+	177°	-	вниз по склону
2. Большая Ельня ²	плиточный	-	-	295°	недоделан	вниз по склону
3. Мамедова щель ³	полумонолит	-	?	183°	-	поперек склона
4. р. Псезуапсе п. Марьино ⁴	плиточный	-	-	213°	33°	вниз по склону
5. г. Виноградная ⁵	полумонолит	-	+		-	вниз по склону
6. Верховья р. Цусквadge ⁶	плиточный	-	-	231°	51°	вниз по склону
7. Каткова щель ⁷	полумонолит	+	-	217°	270°	вниз по склону
8. Зубова щель ⁸	полумонолит	+		ЮВ	СВ недоделан	вниз по склону
9. село Сули Абхазия ⁹	плиточный	-	-	СЗ	ЮВ	СЗ

ЛИТЕРАТУРА:

Анфимов Н.В., 1957. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957г. // Архив КГИ-АМЗ им. Е.Д. Фелицына. 32с.

Анфимов И.Н., 1992. Дольменная группа в верховьях р. Небуг // 17 Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. – Майкоп: Издательство «Адыгея». С.37-39.

Баранюк А.В., 2018. Подкурганные дольмены на территории Туапсинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 23. Выпуск, посвященный 60-летию одного из ведущих исследователей древней и средневековой истории Северо-Западного Кавказа, археолога Алексея Васильевича Пьянкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. С. 20-27.

Бианки А.М., 2012. Декор двух дольменов Солоницкого хребта и проблема его интерпретации // Записки ИИМК РАН. №7. / отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 46-55.

Большаков А.О., 2015. Расписная гробница Новосвободненской культуры в могильнике Клады, иераконопольская гробница №100 и феномен двухкамерности // Aegyptiaca Rossica. Вып. 3. / отв. ред. М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки. С. 44-63.

Брей У., Трамп Б., 1990. Археологический словарь. / отв. ред. В.П. Алексеев. – М.: «Прогресс». 368 с.

Валганов С. В., 2004. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа / отв. ред. С.В. Валганов. – М.: «Агентство «Бизнес-Пресс». 368 с.

Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей / отв. ред. Г.Г. Шулякова. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство. 124 с.

Воронов Ю.Н., 2009. Археологическая карта Абхазии // Научные труды. Т. 2. / Глав. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии. С. 5-230.

Воронов Ю.Н., 2009. Древности Азантийской долины // Научные труды. Т. 2. / Глав. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии. С. 365-430.

Гей А.Н., Черкасов А.Н., 2006. Корытообразные дольмены Абина и Бугундыря // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. / отв. ред. В.В. Бжания. – Сухум: «Алашарбага». С. 145-147.

Дмитриев А.В., 2001. Каменные исполины Черноморья // Дольмены современники древних цивилизаций / науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство. С. 56-87.

Иванов В.В., 1992. Левый и правый // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия. С. 43-44.

Казнаков А.Н., 1915. О дольменах на р. Псезуапсе. Неизданная записка инженера Гилева // Известия Кавказского музея. Т. IX. Вып. 1. – Тифлис. С. 4-55.

Кондряков Н.В., 2010. Тайны сочинских дольменов / отв. ред. Т.В. Кондрашева. – Майкоп: ООО «Качество». 132 с.

Кудин М.И., 2000. К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 7-го археологического семинара / отв. ред. Б.А. Раев. – Краснодар. С. 127-134.

Кудин М. И., 2004. Археoaстрономия и дольмены //

¹ (Кудин, 2021, с. 10, рис. 8).

² См. рис.2.

³ Предположительно у этого дольмена было отверстие в перекрытии (Кудин, 2004, с. 59-62, рис. 7).

⁴ См. табл. 2. 19 (Кудин, 2000, с. 129, рис. 3. 1-2).

⁵ См. табл. 2. 21 (Марковин, 1997, с. 351-353, рис. 185).

⁶ Упоминается Ю.Н. Вороновым (Воронов, 1979, с. 46), обмерен автором.

⁷ См. табл. 2. 20.

⁸ Обнаружен краеведом Ю. Егоровым.

⁹ См. табл. 2. 18 (Воронов, 2009, с. 375, рис. 4. 15).

Мегалит-Кафе. / отв. ред. С. Валганов. – М.: Агентство "Бизнес-Пресс". С. 58-66.

Кудин М.И., 2008. Дольмены с ложным входом на Западном Кавказе // Архитектура. Искусство. Археология: проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Материалы 1 международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Пищулина. – Ростов на Дону: ИАрХИ ЮФУ. С. 70-73.

Кудин М.И., 2016. Традиции ориентации и локальные варианты дольменной культуры // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая - 2 июня 2016 г.). / Отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. – Краснодар: ИП Смородин. С. 130-138.

Кудин М.И., 2017. Памятники археоастрономии-идольной культуры на территории г. Сочи // Доклады Сочинского отделения Русского географического общества. Вып. 5. Подготовлен к 60-летию Отделения 1957-2017 / отв. ред. М.А. Ренева. – Сочи: Типография «Оптим». С. 129-143.

Кудин М.И., 2018. Менгиры в дольменной культуре Западного Кавказа // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая - 1 июня 2018 г.) / отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. – Краснодар: ИП Шлепнев М.В. С. 133-138.

Кудин М.И., 2019. Вклад Н.В. Анфимова в изучение дольменов Причерноморья // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 29-31 мая 2019 г.) / отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. – Краснодар: ИП Смородин Е.В. С. 189-193.

Кудин М.И., 2021. Астрономическое и календарное значение петроглифов дольмена «Дудугуш-1». Реконструкция некоторых космологических мотивов в культуре строителей дольменов Западного Кавказа // Archaeoastronomy and Ancient Technologies, № 9(1). С. 1-39. www.aaatec.org

Куликов Ф.И., 2014. Изображение хозяина староегипетской частной гробницы как субъект культа // Вестник Пермского университета. Сер.: История. Вып. 1(24). С. 28-35.

Лавров Л.И., 1936. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // СЭ. №4-5. С. 122-134.

Лавров Л.И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа / отв. ред. Х.С. Бражба. – Сухуми: Изд-во Академии наук Грузинской СССР. С. 101-178.

Марковин В.И., 1973. Ложнопортальные дольмены Причерноморья // Кавказ и Восточная Европа в древности / отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. – М.: «Наука». С. 90-97.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа / отв. ред. К.Ф. Смирнов. – М.: «Наука». 328 с.

Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья / отв. ред. Н.Я. Мерперт. – М.

404 с.

Марковин В.И., 2004. Дискуссионные проблемы в изучении дольменов Западного Кавказа // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сборник статей / отв. ред. Р.М. Мунчаев. – М.: ИПП «Гриф и К». С. 49-61.

Мартель Э., 2004. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и Абхазии (главы из книги) / отв. ред. Гицба. – М.: «Аква-Абаза». 184 с.

Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИАК. Вып. 33. – СПб: Тип. В.О. Киришбаума. С. 71-102.

Резепкин А.Д., 2013. Вопросы относительной хронологии дольменов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / отв. ред. И.И. Марченко. – Краснодар: Экоинвест. С. 365-369.

Степченков В.С., Валганов С.В., 2019. Опыт эффективной фотограмметрии дольменов Кавказа в условиях максимально ограниченных ресурсов // Вестник Международного университета природы, общества и человека «Дубна». Серия «Естественные и инженерные науки». №1(42) / отв. ред. А.С. Деникин. С. 48-76.

Тешев М.К., 1973. Археологические разведки Туапсинского и Лазаревского районов в 1971-1972 гг. // Архив Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Полетаева. С. 61.

Тешев М.К., 1982. Отчет о работе Туапсинской археологической экспедиции за 1982 год // Архив Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Полетаева. С. 31.

Трифонов В.А., 2009. Дольмены в долине реки Жане // Археологические открытия. 1991-2004 гг. Европейская Россия / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.: Институт археологии РАН. С. 115-128.

Сорохтин Г.Н., 1915. Дольмены Черноморской губернии и Крымской области // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба / отв. ред. М.А. Познанский. – Одесса, 1915. С. 60-104.

Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. – М. Вып. IX. С. 89-175.

Уварова П.С., 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. М. Вып. IX. С. 170-175.

Anna Depalmas, 2019. From collective tombs to individual burials: changes and transformation in Sardinian society over the second and first millennia BC // Origini. Prehistory and protohistory of ancient civilization. – Roma. Vol. XLIII. p. 141-160.

Wolfram Grajetzki, 2008, The architecture and the significance of the Tarkhan mastabas // Arheo-Nil. №18 mars 2008. P. 103-112.

Не очень понял, в чем проблема получилась. У меня в исходнике так:

Wolfram Grajetzki, 2008, The architecture and the significance of the Tarkhan mastabas // Arheo-Nil. №18 mars 2008. – p.103-112.

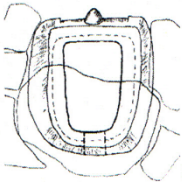
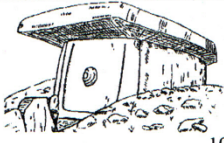

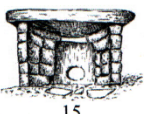
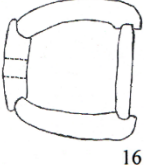
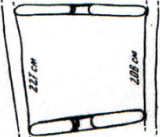
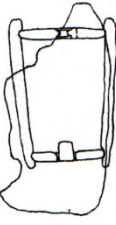
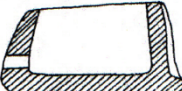
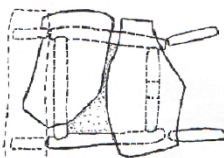
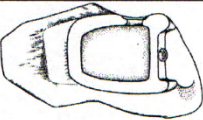
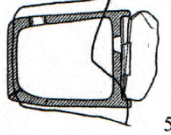
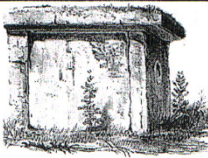

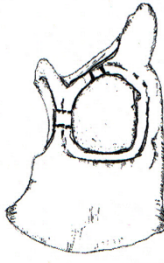
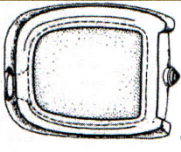

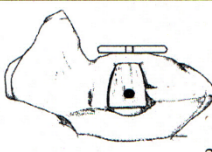
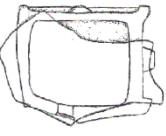

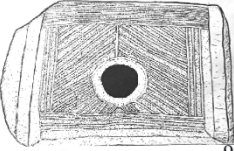
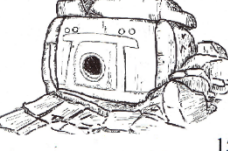
№ п/ п	корытообразные	плиточные	составные	с двумя отверстиями
I		 	 	
				
II	 			
III				
IV				
V				
VI				

Таблица 2. Типологическая схема дольменов с ложным входом

I группа – дольмены с зеркальной симметрией ложного входа и входного отверстия: корытообразные (1 – урочище «Волчьи ворота», 2 – урочище «Джималта»); плиточные (10 – урочище «Волчьи ворота», 11 – с. Псху (по Ю.Н. Воронову), 12 – порталый дольмен урочище «Калештам»); составные (15 – п. Садовое (по В.М. Сысоеву), 16 – урочище «Капибге»); плиточные с двумя входами (18 – с. Сули (по Л.Н. Соловьеву), 19 – р. Пезуапсе, п. Марьино). **II группа** – дольмены с отверстием в боковой стене: корытообразные (4 – аул Лыготх (по В.И. Марковину), 5 – урочище «Три дуба» (по В.И. Марковину)); плиточные (13 – на р. Адагум (по Дюбуа де Монпере)), составные (17 – группа «Кирово-2»), дольмен со вторым входом в боковой стене (20 – р. Чухукт). **III группа** – дольмены со смещением входного отверстия: корытообразные (6 – аул Калез (по В.И. Марковину)); плиточные (14 – урочище «Волчьи ворота»). **IV группа** – дольмен с двумя ложными входами (7 – группа «Кирово-1»). **V группа** – дольмены без выделенного ложного входа (8 – корытообразный дольмен урочище «Хамзатзаше»). **VI группа** – дольмены с изображением портала на фасадной стене: корытообразный (9 – Солоницкий хребт (реконструкция)); плиточный (15 – п. Широкая щель). Дольмены с отверстием в перекрытии (21 – урочище «Виноградное»).

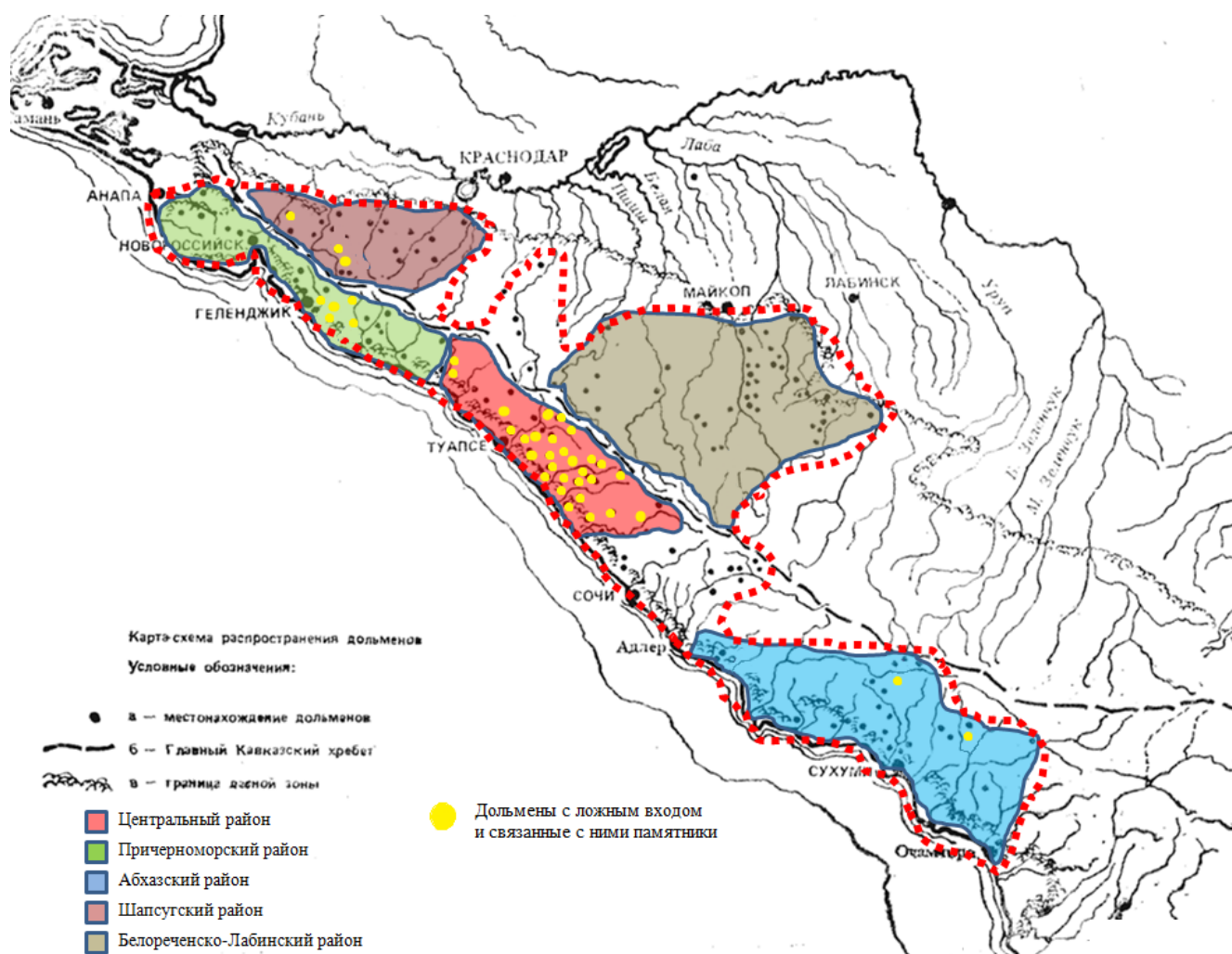

Рис. 1. Карта распространения дольменов с ложным входом на Западном Кавказе.

Рис. 2. Плиточный дольмен группы «Большая Ельня».
1 – фасад дольмена, 2 - задняя стена с изображением входного отверстия. (Фото Ю.Егорова).

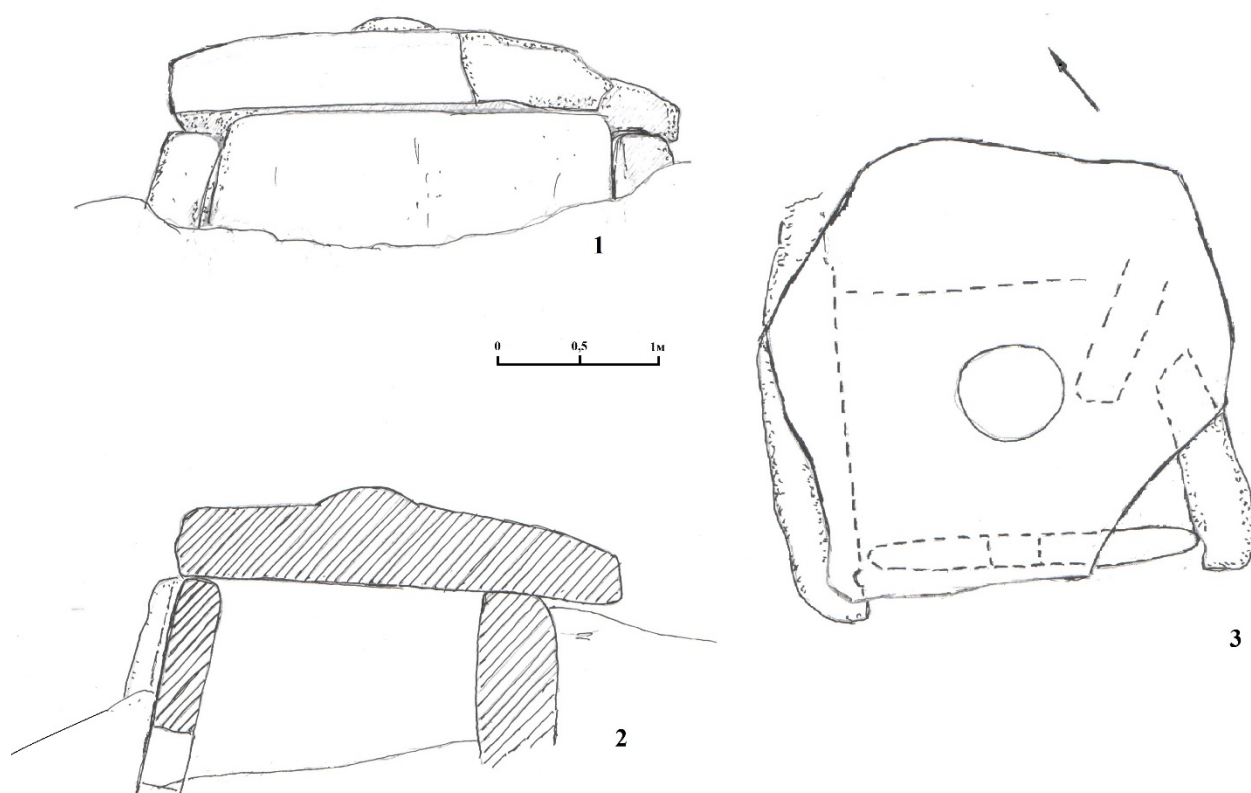

Рис. 3. Дольмен с выпуклостью на перекрытии в урочище «Бганомакух».

1 – главный фасад дольмена, 2 – разрез дольмена, 3 – план дольмена.

ДОЛЬМЕННАЯ ГРУППА «ВОЛЧЬИ ВОРОТА» В БАССЕЙНЕ р. НЕОЖИДАННАЯ (р. МЫЖЪОГУХЪУ)

К.А. Глазов, М.И. Кудин, Д.Н. Марков

Русское географическое общество, ФГБУ «Сочинский национальный парк», г. Сочи, Россия. АРИГИ им. Т.М. Керашева, г. Майкоп-Сочи, Россия. ФГБУ «Сочинский национальный парк», г. Сочи, Россия.

Аннотация. В статье публикуется каталог памятников дольменной группы «Волчьи ворота», состоящей из 10 дольменов, имеющих в основном очень хорошую сохранность. Приводятся данные об их местоположении в ландшафте, размеры, описание и чертежи. Ряд дольменов этой группы обладает уникальными особенностями. Здесь встречаются памятники всех основных типов дольменов, за исключением дольменов-монолитов, недостроенные памятники, плиточные дольмены с изображением фиктивной втулки и порталных выступов на главном фасаде, памятники, окруженные каменными курганами с крепидами-кромлехами из крупных камней.

Ключевые слова: дольмены Западного Кавказа, фиктивная втулка, недостроенные дольмены, крепида-кромлех, плиточные ложнопортальные дольмены.

DOLMEN GROUP "WOLF GATES" IN THE BASIN r. UNEXPECTED (r. MYZH'OGUKHU)

K.A. Glazov, M.I. Kudin, D.N. Markov

Russian Geographical Society, Sochi National Park (Sochi, Russia). ARIGI them. T.M. Kerasheva. Maykop(Sochi, Russia). FSBI "Sochi National Park" (Sochi, Russia).

Abstract. The article publishes a catalog of monuments of the "Volch'i vorota" dolmen group, consisting of 10 dolmens, which are generally very well preserved. Provides data on their location in the landscape, dimensions, description and drawings. A number of dolmens of this group have unique features. There are monuments of all basic types of dolmens, with the exception of monolithic dolmens, unfinished monuments, slab dolmens with a fictitious plug and portal protrusions on the main facade, monuments surrounded by stone mounds with crêpes-cromlechs made of large stones.

Keywords: Dolmens of the Western Caucasus, fictitious bushing, unfinished dolmens, crepida-cromlech, slab pseudo-portal dolmens.

Дольменная группа «Волчьи ворота», расположенная в верховьях р. Неожиданная (адыг. название р. Мыжъогухъу) на пологом южном склоне хребта Мизегух, состоит из 10 памятников. По состоянию на 2021 г. здесь зафиксировано 5 плиточных дольменов, 4 корытообразных и 1 составной. Большинство из них хорошо сохранились. Данная группа имеет целый ряд уникальных особенностей, к которым можно отнести плиточные дольмены с изображением фиктивной втулки и порталных выступов на главном фасаде, памятники с курганами, окружен-

ными крепидами-кромлехами из крупных камней, недостроенные дольмены. Поэтому группа «Волчьи ворота» привлекала внимание целого ряда исследователей (Кондряков, 1997, с. 86, Кондряков, 2000, с. 121, 124; Кондряков, 2010, с. 22-24; Кудин, 2000, с. 127-134; Кудин, 2013, с. 114-119; Кизилов, 2015, с. 60-61; Валганов, 2004, с. 61-63, 136, 142-143; Дмитриев, 2009, с. 44-48; Бианки, 2010, с. 96, 98; Бианки, Кудин, 2012, с. 119-122; Марков Н.И., Марков Д.Н., 2013, с. 7-9). Однако ими рассматривались лишь отдельные памятники без подробных рисунков и описаний. В данной публикации мы приводим результаты

многолетней работы по разведке этой уникальной дольменной группы, включающие сведения о местоположении памятников (рис. 1), их описания, обмеры и подробные чертежи, выполненные с использованием фотограмметрии.

Первое упоминание в литературе одного из дольменов группы «Волчьи ворота» приводится П.С. Уваровой, которая фиксирует его на землях Сибирякова, между рр. Неожданной и Аше (Уварова, 1904, с. 174). По-видимому, этот же дольмен описывает и Г.Н. Сорохтин. Он сообщает, что в имении В.Ф. Голубева «Аше» имеется оригинальный дольмен, который за свою форму получил название «дольмен-гриб» (Сорохтин, 1915, с. 93). Действительно, в то время земли, на которых находится дольменная группа «Волчьи ворота», входили в имение «Аше», принадлежавшее первоначально К.М. Сибирякову, а затем В.Ф. Голубеву (Кудин, 2016). Под описание «дольмен-гриб» наиболее подходит дольмен №3 группы «Волчьи Ворота» (DK5) (рис. 4). Именно этот единственный дольмен из группы встречается на фотографиях конца XIX – начала XX вв. Он есть на фото полковника И.К. Гертка, датированном 1890 г., и на фото в книге Р.К. фон-Гартмана, останавливавшегося в имении Голубева в 1898 г. (Гартман, 1899, с. 37-39, 47).

В сводной работе Л.И. Лаврова 1960 г. здесь обозначен дольмен №1029 на реке Неожданной (Межегопс), со ссылкой на П.С. Уварову и Г.Н. Сорохтина. В графе «тип дольмена» своей таблицы, Л.И. Лавров, очевидно повторяя сведения Г.Н. Сорохтина, указал – «грибообразный» (Лавров, 1960, с. 157). В.И. Марковин, повторяя данные Л.И. Лаврова, под п. 105 (Марковин, 1978, с. 39) в этом районе указал один («грибообразный») памятник плиточного типа, хотя в источниках, на которые он ссылается, о типе дольмена ничего не сказано. В книге Н.В. Кондрякова группа проходит под №16 (Кондряков, 2010, с. 17). Автор отмечает здесь 8 памятников.

Несмотря на известность этой группы в научной литературе, не совсем понятно, включена ли она в государственный реестр памятников историко-культурного наследия? В данном документе вблизи рассматриваемого района указываются два объекта с №№ 2994 и 2999.

Памятник под № 2994 был поставлен на государственный учет согласно Решению Исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся от 29.01.1975 г. № 63 (Решение, 1975, с. 4). В 1986 г. Всероссийским

обществом охраны памятников истории и культуры он был обозначен под наименованием «Группа дольменов (пять)», с отметкой, что он находится на землях Плодосовхоза «Лазаревский» с местонахождением в п. Мухортова Поляна (Козырев, 1986, с. 432). В свою очередь в каталоге памятников от 1997 г. под этим же номером проходит «Группа дольменов (пять)» с аналогичным местонахождением, но с указанным балансодержателем: «Лазаревская районная администрация» (Каталог ИКН Сочи, 1997, с. 70). В настоящее время данная группа имеет номер 231741054160006 (Сведения из ЕГР ОКН, 2017.).

В местонахождении данного памятника указывается несуществующий ныне поселок «Мухортова поляна». В 1930-е гг. к поселку перешло название созданного здесь колхоза «Шафит» (Нагучев, 2009, с. 99).

По сведениям Лазаревского краеведа Г.А. Писоцкого, на территории нынешнего поселка Шафит находилось значительное количество дольменов, большая часть из которых была разрушена при межевании поселка на участки местных жителей. В сохранности остался только один мегалит, расположенный на территории, где жил русский полковник А.Т. Мухортов.

Рассматриваемая дольменная группа «Волчьи ворота» находится на значительном удалении от поселка, составляющем 4,5 км, и предполагать, что памятник под № 2994 и группа, расположенная в бассейне реки Неожданная, являются одним и тем же объектом, будет некорректно.

Принимая во внимание данные факты, Сочинским национальным парком неучтенная дольменная группа занесена в официальный перечень памятников, расположенных в границах природоохранного учреждения на основании информационной карты под номером № ГД (5)-3 «Волчьи ворота» с местонахождением: «Лазаревский район, аул Хатлапе, 3,5 км северо-западнее аула, верховья реки Неожданной, урочище Волчьи ворота» (Перечень № 2 объектов ИКН, 2018, с. 1).

Вторым объектом с номером №2999 и наименованием «Дольмен, III-II тыс. до н.э.» является одиночный дольмен, расположенный практически в том же самом месте, что и исследуемая группа, т.е. «в 4 км севернее пос. Хатлапе». Учитывая данную информацию, есть все основания утверждать, что в этом случае имеется в виду самый нижний (составной) дольмен группы DS49.

Согласно данным государственного реестра памятников, мегалит состоит на охране в ФГБУ «Сочинский национальный парк» на основании информационной карты под номером № Др (1) – 16 (Перечень № 1 объектов ИКН, 2018, с. 5).

Таким образом, из десяти памятников группы «Волчьих ворот» в государственный реестр памятников историко-культурного наследия включен только один дольмен.

Группа «Волчьих ворот», дольмен №1 (DPI)

1. Тип, подтип: плиточный, ложнопортальный;
2. Географический (истинный) азимут ложного фасада 234°, истинного входа – 54°;
3. Ориентация относительно склона: ложный фасад ориентирован вниз по склону, истинный вход – вверх по склону;
4. Сохранность: 5 баллов.

Дольмен находится в районе истоков р. Неожданной, на левом ее берегу, в 2,3 км к северо-северо-западу от п. Хатлапе. Он представляет собой редкое сочетание плиточного сооружения и ложного портала с рельефной фиктивной втулкой (рис. 2). Памятник расположен на кургане из ломаного камня, ограниченном крепидой-кромлехом овальной формы 8 х 9 м из крупных необработанных блоков песчаника размером 0,8 – 1 м (рис. 2, 5). Важной особенностью этого дольмена является наличие боковых порталных выступов и порога, рельефно выполненных на фасадной плите. Эти элементы – явное подражание архитектурным приемам, присущим корытообразным дольменам, что вместе с наличием у дольмена ложного фасада позволяет предположить, что он относится к позднему периоду дольменной культуры (Кудин, 2013, с. 116). Впрочем, указанные архитектурные детали могли иметь и ритуальное значение, т.к. они визуально удваивают главный фасад и образуют на нем изображение еще одного дольмена или ложного портала, относящегося к иному, загробному миру. Подобные, более яркие, барельефные изображения встречаются на дольменах в долинах рек Жане и Пшады, в поселках Широкая щель, Джубга (Уварова, 1904, с. 173, рис. 73).

Фасадная плита дольмена имеет высоту 157 см, ширину понизу 190 см, поверху – 176 см. Толщина ее доходит до 40 см. Северо-западный порталный выступ имеет ширину 26 см, расширяясь книзу до 29 см. Юго-восточный выступ имеет

ширину 27 см, также расширяясь книзу до 29-30 см. Снизу плита имеет бордюр высотой 18 см (рис. 2, 2). Портальные выступы и порог выступают от фасадной плоскости вперед на 3-4 см (рис. 2, 3).

На расстоянии 58 см от верхнего среза плиты находится ложная втулка, выполненная четырьмя концентрическими уступами. Она выступает на 17 см от плоскости фасада, высота первого уступа – 7-8 см, трех последующих – 2,5-3 см. Ширина втулки 37 см, высота 35 см.

Плита главного фасада опирается на пяточный камень шириной 190 см и высотой 60-65 см. Относительно фасадной плиты он выступает вперед на 37 см в районе фиктивной втулки, достигая 64 см в районе северо-западного угла портала.

Задняя плита с входным отверстием имеет размеры снаружи: высота над уровнем грунта – 56 см, ширина снизу – 158 см, ширина сверху – 154 см, толщина – 32 см.

Изнутри камеры плита имеет ширину внизу – 162 см, сверху – 158 см, высоту над дном камеры – 107 см. На плите изнутри симметрированы порталные выступы, грани которых отстоят от основной плоскости плиты на 3 см, ширина северо-западного выступа в верхней части составляет 12 см, сужаясь книзу до 6 см. Противоположный, юго-восточный выступ имеет ширину 18 см сверху, сужаясь книзу до 12 см. На расстоянии 37 см от верхнего среза плиты выбито входное отверстие круглой формы, диаметром 33 см.

Перед задней плитой лежит втулка, шляпка которой частично сколота. Втулка имеет общую длину 74 см, длина стержня втулки – 57 см, диаметр под шляпкой – 30 см, на конце – 25 см, диаметр шляпки – 35 см (рис. 2, 4).

Боковая юго-восточная плита имеет длину внизу на уровне земли 240 см, вверху – 228 см, высота плиты в задней части – 60 см, в передней – 92 см, толщина – 35 см.

Северо-западная боковая плита имеет в задней части пролом шириной сверху 50 см и высотой 75 см, сужающийся книзу. В связи с этим, современная длина плиты вверху составляет 180 см, на уровне земли – 210 см. Высота плиты над уровнем грунта в задней части – 59 см, в передней – 108 см, толщина – 35-36 см. Передняя грань плиты в районе фасада имеет небольшой уклон назад, внешняя поверхность плиты практически не обработана. Боковые плиты в передних гранях

имеют пазы ступенькообразной формы, в которых фиксируется фасадная плита.

Плита перекрытия имеет длину 395 см, ширину со стороны ложного портала – 315 см, со стороны входа 230 см. Общая толщина плиты – 43 см, к краям она сужается до 30 см.

Перекрытие нависает над ложным фасадом, образуя козырек, выступающий вперед на 95 см. Со стороны входного отверстия плита перекрытия выступает на 65 см, при этом на нижней поверхности перекрытия на расстоянии 62 см от задней кромки выбит паз под заднюю плиту.

Камера дольмена имеет длину 176 см, ширину со стороны входа 164 см, со стороны ложного портала 183 см. Высота камеры спереди – 133 см, сзади – 107 см. Юго-восточная стена имеет длину внизу 167 см, вверху 168 см, северо-западная – 172 см и 168 см соответственно, высота в районе ложного фасада 125 см. Камера заполнена землей.

Дольмен установлен на кургане из ломаного камня, который имеет разрыв перед ложным фасадом, образуя притвор, ограниченный с северо-западной стороны двумя большими блоками, образующими стену длиной 2,6 м. Длина ближнего к фасаду блока – 60 см, ширина – 40 см, высота – 70 см. Следующий блок имеет длину 2 м, ширину 45-48 см и высоту 85 см. Юго-восточная стена притвора упала вовнутрь. Площадка притвора имеет длину 2,2 м и ширину 1,9 м.

По периметру насыпь кургана окружена кромлехом-крепидой из крупных, отдельно стоящих камней (рис.2, 5).

Группа «Волчьи ворота», дольмен №2 (DK152)

1. Тип, подтип: корытообразный;
2. Географический (истинный) азимут входа 183°, азимут оси камеры – 189°;
3. Ориентация относительно склона: поперек-вниз;
4. Сохранность: 4,5 баллов.

Дольмен находится в 70 м к северо-востоку от дольмена №1 (DPI) и ориентирован не точно вниз по склону, а с отклонением около 30° к востоку в направлении середины восточного плеча вершины 581,8 м. Он высечен в скале, имеющей ширину 210 см и длину более 230 см (в задней части памятник находится в земле). В передней части дольмена его высота над уровнем грунта составляет 97 см, уменьшаясь до нуля к задней части. Дольмен практически целый, раскола

лишь плита перекрытия, передняя часть которой закрыла фасад (рис. 3).

Внешняя поверхность памятника хорошо обработана со всех сторон. Фасадная плоскость тщательно выровнена, по бокам ее ограничивают порталные выступы. Передняя грань западного порталного выступа выдается вперед относительно фасадной плоскости на расстояние до 10 см, уменьшаясь до нуля к верхнему краю, где она закругляется. Восточный порталный выступ выдвинут вперед на 15 см в нижней части, верхняя часть сколота. Толщина передней стенки дольмена в верхней части 32 см.

Камера имеет овальную форму, спрямленную в передней части. Высота камеры со стороны фасада над уровнем современного дна 90 см. На расстоянии 84 см от верхнего среза дольмена выбито отверстие предположительно круглой формы, которое сейчас выступает из земли лишь на 10 см. Диаметр отверстия около 38 см. Длина камеры по оси 200 см, ширина в передней части на уровне земли – 130 см, сзади – 128 см, а максимальная ширина находится в середине и составляет 150 см. В задней части камера закругляется практически по радиусу, передние углы также скруглены, но более выражены.

Перекрытие раскола. Задняя его часть лежит на дольмене, линия скола находится на расстоянии 70 см от фасада. Толщина перекрытия в районе скола составляет 56 см. По линии В-3 перекрытие имеет ширину 210 см, по линии С-Ю – более 130 см. Вторая часть перекрытия шириной 190 см и толщиной 54 см накрыла фасад. С запада от дольмена лежит третий осколок перекрытия. Там же находится и небольшой четвертый фрагмент.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №3 (DK5)

1. Тип, подтип: корытообразный, ложно порталный;
2. Географический (истинный) азимут входа 134°, азимут ложного портала – 332°;
3. Ориентация относительно склона: поперек уклона;
4. Сохранность: 5 баллов.

Дольмен находится на правом берегу ручья Неожиданного, в 150 м на северо-запад от дольмена №1. Памятник расположен на насыпи из ломаного камня 13,5 × 12 м и ориентирован поперек основного склона истинным входом в сторону дольмена №1. Сооружение выполнено в глыбе

песчаника длиной по оси 220 см, шириной 150 см, высота с перекрытием в задней части в районе ложного портала 92 см. По этим параметрам он является одним из самых маленьких корытообразных сооружений Большого Сочи (рис. 4).

Фасадная плоскость (с входом) имеет высоту над уровнем грунта 97 см, на расстоянии 42 см от верха выбито отверстие диаметром 33 см (рис. 4, 4). Толщина фасадной стенки в районе входа 26 см. Бордюра вокруг отверстия нет. Фасадная плоскость выровнена на ширину 87 см. Длина камеры понизу 182 см, ширина в передней части 94 см. В задней части не измерима. Высота камеры совпадает с высотой фасада. Камера заполнена землей. Сверху лежит перекрытие овальной формы длиной 266 см по оси, шириной до 184 см. Толщина плиты 33 см.

Ложный фасад обрамлен порталными выступами (рис. 4, 2). Ширина между порталными выступами 120 см снизу, сверху – 110 см. На расстоянии 47 см от верха стены главного фасада выполнена фиктивная втулка диаметром 34 см. В настоящее время она сбита и выступает над плоскостью фасада на 6 см. Глубина порталных выступов около 5 см. С внешней стороны они плавно переходят во внешние обводы боковых стен. Дольмен обработан со всех сторон. Высота фасада – 75 см над уровнем грунта. Козырек выступает над ложным фасадом на 52 см, а со стороны истинного входа на 15 см.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №4 (DP2)

1. Тип, подтип: плиточный;
2. Географический (истинный) азимут входа 178°;
3. Ориентация относительно склона: вниз;
4. Сохранность: 1,5 балла.

Дольмен №3 расположен в истоках ручья Неожиданного, на правом его берегу, в 125 м к северо-западу от дольмена №1, на оплывшей курганной насыпи из ломаного камня диаметром около 11 м, ограниченном по периметру глыбами песчаника около 0,5 м. Перед главным фасадом дольмена курганной засыпки нет. Возможно, здесь находился дворик, ограниченный в 2 м от фасада полукругом из более крупных, чем засыпка кургана, камней. Их размеры примерно 0,4 м х 0,5 м, но реконструировать дворик трудно из-за плохой сохранности. Дольмен – плиточный, разрушен, ориентирован вниз по склону (рис. 5).

Фасадная плита почти вся находится под землей, для осмотра доступна лишь верхняя грань. Плита имела ширину поверху 120 см. Ширина камеры в передней части составляла 140 см.

Боковая западная плита является единственным элементом конструкции, который остался на своем месте, при этом она покосилась наружу. Верхний южный угол не сохранился. Длина плиты внизу 210 см, длина в верхней сохранившейся части, зашлифованной под перекрытие, составляет 100 см. Толщина плиты 22 см. Высота плиты над уровнем кургана 68 см, в задней части до закругления – 45 см. Плита после скола продолжается вперед на 70 см. Максимальная высота в этом месте – 30 см.

Восточная боковая плита представлена только передним южным фрагментом. Над курганом он имеет высоту 33 см. Толщина плиты 35-40 см. Задней плиты не видно.

Перекрытие раскололось пополам и лежит сверху. Оно имеет неправильную трапециевидную форму. Вдоль оси дольмена длина ее составляет 200 см, максимальная ширина поперек оси – 184 см. Плита имела толщину 34 см. Рядом на северо-западном углу дольмена лежит второй осколок перекрытия толщиной 40 см. Он имеет форму параллелограмма. Его длина – 157 см, ширина – 115 см. На северо-восточном краю перекрытия заметны следы обработки.

Между западной боковой плитой и большим фрагментом перекрытия лежит еще один осколок неправильной формы (скорее всего перекрытия) длиной 102 см, толщиной 34 см и высотой до 40 см.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №5 (DK3)

1. Тип, подтип: корытообразный, недостроенный;
2. Географический (истинный) азимут входа 158°;
3. Ориентация относительно склона: вниз;
4. Сохранность: 3,5 балла.

Дольмен расположен в 125 м к СЗ3 от дольмена №1. Он выполнен в скале, стоящей поперек основного склона, шириной внизу 9,8 м, вверх – 7,2 м. Высота всей скалы доходит до 3,5 м. Скала расколота пополам, линия раскола проходит поперек, ближе к западному краю. В восточной части скалы выполнена камера. Она имеет длину поверху 195 см, ширину в задней части 132 см, ширину в передней части 153 см. Камера расходится

книзу и имеет глубину около 50 см. Далее она не сделана и заполнена землей (рис. 6, 2).

На поверхности скалы имеется несколько искусственных площадок, возможно, ритуального назначения. Первая, длиной 150 см и шириной 230 см, расположена сзади камеры. Вторая, шириной 180 см и длиной 290 см, находится на западном блоке. Ниже нее в западном блоке есть еще одна площадка треугольной формы длиной 180 см и максимальной шириной 70 см. В нижней части перед дольменом выбита и выровнена плоскость длиной 5,5 м и шириной 1,1 м, а перед фасадом между порталными выступами имеется ниша длиной 88 см и шириной 224 см (рис. 6, 1, 4).

Высота фасадной плоскости 215 см, ширина в верхней части 200 см, в нижней – 224 см. Высота порога перед фасадом около 35 см. На расстоянии 83 см от верхнего обреза камеры фасадная плоскость обвалилась на глубину 23 см (рис. 6, 3). По-видимому, после этого строительство дольмена прекратили.

Западный порталный выступ выступает вперед снизу на 44 см, в середине на 40 см, и сходит на нет кверху. Ширина западного порталного выступа 36 см снизу, 42 см в середине, вверху 39 см. Восточный порталный выступ выступает на 46 см снизу, 38 см в середине и сходит на нет кверху, закругляясь. В верхней части он переходит в боковую стену, ниже середины он имеет плоскость шириной 65 см.

Ориентация фасада практически вниз по склону с разворотом 40° в сторону ручья Неожданного.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №6 (DK4)

1. Тип, подтип: корытообразный, ложно порталный;

2. Географический (истинный) азимут входа 30°, ложного портала – 210°;

3. Ориентация относительно склона: ложный портал – четко вниз по уклону;

4. Сохранность: 4,5 балла.

Дольмен находится в 195 м к ЮЗЗ от дольмена №1. Он стоит в высоком кургане диаметром 10-12 м без следов заметной крепи. Перед ложным порталом курган разобран, образуя расходящийся дворик, длиной 1,8-1,9 м, шириной у дольмена 1,5 м, во внешней части – 2,5 м, с восточной стороны укрепленный четырьмя рядами блоков. Западный край дворика обвалился и не читается.

Памятник практически целый, расколото лишь перекрытие, которое задней частью лежит на дольмене, а остальная часть находится во фрагментах. Корытообразная конструкция выполнена в глыбе песчаника 3 × 2 м. Дольмен сделан очень аккуратно, обработан со всех сторон (рис. 7). Передняя фасадная плоскость выровнена каким-то инструментом с узким лезвием (резцом) и до конца не зашлифована.

Главный фасад с ложной втулкой имеет высоту от уровня грунта 120 см, ширина фасадной плоскости сверху – 117 см, снизу – 145 см. Толщина фасадной стены 34 см. На расстоянии 70 см от верхнего среза выбита фиктивная втулка, которая выступает за плоскость фасада на 28 см. Ширина ее 34 см, высота 36 см (рис. 7, 3). Портальные выступы выполнены в виде ниши: резкие грани обращены к фасадной плоскости, а плавный переход – к боковым стенам. Восточный порталный выступ имеет ширину спереди 10 см, в середине 18 см, снизу 22 см. Он выступает вперед снизу на 19 см, в середине 17 см, сверху 10 см, а далее сходит на нет. Западный фасадный выступ имеет ширину сверху 11 см, в середине 16 см, внизу 20 см. Относительно фасадной плоскости он выступает снизу на 18 см, в середине на 17 см, вверху на 10 см и плавно сходит на нет. Восточная стена имеет толщину 32 см, западная – 28 см.

Камера сужается кверху, имеет трапециевидную форму с закругленными краями. Длина камеры на уровне верха входного отверстия 190 см, сверху – 155 см, ширина в задней части снизу (до закруглений) – 117 см, сверху – 80 см, ширина спереди снизу – 153 см, сверху – 97 см. Высота камеры в передней части до уровня грунта – 125 см, в задней части – 114 см. Входное отверстие выбито на расстоянии 71 см от верхнего края стены. Оно имеет круглую форму диаметром 38 см. Внутри камеры лежат два крупных фрагмента перекрытия 110 × 58 см и 80 × 58 см.

Плита перекрытия толщиной 37 см до разрушения имела длину около 3,6 м и ширину 3,5-3,6 м. При таких размерах плита имела большие свесы за пределы периметра камеры, из-за чего в результате какого-то катаклизма и лопнула. При этом осколки завалили боковые стены сооружения. На своем месте остался только задний фрагмент неправильной треугольной формы, имеющий длину 190 см и ширину до 145 см. Фрагмент, лежащий за восточной стенкой и расколотый в настоящее время на 5 частей, имел длину около

3,6 м и ширину в средней части 90 см. За западной стеной также находится фрагмент перекрытия размером 205 × 62 см (рис. 7, 4).

Группа «Волчьи ворота», дольмен №7 (DP48)

1. Тип, подтип: плиточный, ложно порталый;
2. Географический (истинный) азимут входа 6°, ложного портала – 186°;
3. Ориентация относительно склона: ложный портал – вниз по уклону;
4. Сохранность: 3 балла.

Дольмен расположен на ЮЮЗ от дольмена №6 (DK4), в 208 метрах ниже по ручью. Он относится к довольно редкому типу плиточных ложнопортальных дольменов. Отличительной особенностью памятника является наличие на плите главного фасада имитации боковых порталых выступов и втулки по подобию дольмена №1. Дольмен, видимо не был достроен, т. к. задняя плита, в которой должен был быть вход, лежит внутри камеры, входное отверстие только намечено по контуру, перекрытия нигде не наблюдается (рис. 8). Дольмен окружает невысокий курган из ломаного камня, крепида-кромлех отсутствует.

Плита главного фасада имеет высоту 166 см, ширина всей плиты вверху раньше составляла 183 см. В настоящее время верхний западный угол сколот. Ширина внизу – 200 см (рис. 8, 3).

Высота порога по всей ширине 10 см, он выступает от плоскости стены вперед на 10 см в середине и до 6 см на углах. Восточный порталый выступ имеет сверху ширину 19 см, посередине 20 см, снизу 22 см и выступает вперед снизу на 5 см, в середине на 10 см, сверху на 13 см, сходя на нет у верхней плоскости.

Западный порталый выступ выступает вперед сверху на 12 см, в середине на 10 см, снизу на 6 см. Ширина его сверху 20 см, середина 22 см, снизу 24 см. На расстоянии 58 см от верхнего края начинается верхний край ложной втулки диаметром 44 см, которая выступает на 12 см от плоскости фасада. Толщина фасадной плиты 22 см, при этом в районе фасадных выступов толщина доходит до 44 см. Ширина фасадной плоскости 146 см сверху, 154 см внизу, высота 156 см.

Задняя плита имеет высоту 135 см, ширину сверху 153 см, снизу 168 см. На расстоянии 112 см от верхнего края выбит контур незакончен-

ного входного отверстия высотой 32 см, шириной 33 см. Нижний край отверстия совпадает с нижним краем плиты (рис. 8, 2). Максимальная глубина отверстия 6 см. Отверстие выбито узким долотообразным инструментом по периметру, середина сколота. На его примере можно проследить, как изготавливались входные отверстия в дольменных плитах. Сперва вырезалось углубление по контуру отверстия, затем внутренняя часть массы камня разбивалась на куски и изымалась, после чего операция повторялась (Кудин, 2000, с. 127, рис. 2,а; Кизилов, 2015, с. 61, рис. 9).

Восточная боковая плита имеет толщину 26 см, общую длину на уровне земли 290 см, высоту в районе фасада 150 см, в задней части 60 см, задний угол сверху скошен. Паз в задней части отсутствует. Передний паз имеет ступенькообразную форму глубиной в нижней части до 4 см. Ширина паза позволяет фасадной плите стать в него до уровня порталого выступа.

Западная плита имеет общую длину 238 см, на расстоянии 6 см от задней грани начинается паз под заднюю плиту шириной 32 см и глубиной 3 см. Высота плиты от уровня земли в задней части 70 см, в передней – 138 см.

Камера дольмена после завершения строительства должна была иметь длину 196 см, ширину сзади 165 см, спереди – 192 см.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №8 (DP243)

1. Тип, подтип: плиточный;
2. Географический (истинный) азимут входа 184°;
3. Ориентация относительно склона: вниз по уклону;
4. Сохранность: 2 балла.

Дольмен находится в 58 м к СЗ от дольмена №7 (DP48). Вокруг дольмена сохранился оплывший курган из круглых камней 20 × 30 см, который ограничивается крепидой из камней размером 50-60 см, некоторые блоки до метра шириной. С передней части кургана симметрично с запада и востока расположены два крупных блока длиной 120 см, стоящие на ребре.

Памятник сильно разрушен. Фасадная плита выпала из дольмена и разбита на 3 части, средняя часть сооружения накрыта двумя плитами, сложенными «домиком», задняя плита, развернутая под 90°, лежит внутри. Вокруг разбросаны более мелкие фрагменты плит (рис. 9, 2).

Фасадная плита была сильно трапециевидна, что видно по верхнему фрагменту с остатками входного отверстия. Ширина фрагмента в районе середины отверстия 150 см, высота – 110 см, толщина плиты около 20 см. Боковые грани заужены и скруглены, верхний ЮВ угол сколот. Ширина сохранившейся верхней грани составляет 56 см, прежняя ширина плиты сверху составляла 90 см. На расстоянии 77 см от верхнего среза плиты было выбито круглое отверстие диаметром 39 см, сохранившееся в данном фрагменте наполовину.

Ближе к дольмену лежат еще два фрагмента фасадной плиты, представляющие ее нижнюю часть. Западный фрагмент лежит лицевой стороной вверх. Его высота от скола до низа плиты – 44 см, ширина – 80 см. Восточный фрагмент лежит кверху внутренней стороной. Его максимальная высота 70 см, ширина 75 см, т.е. высота восточной грани, составляла 154 см, а западной – 152 см.

Задняя плита лежит в дольмене, развернута на 90°, широким основанием упирается в западную плиту. Ширина внизу оценивается в 136 см, ширина по верху оценивается в 117 см, высота плиты – 120 см, толщина – 26 см. Боковая грань заужена, но не зашлифована.

Среднюю часть дольмена накрыли две крупные плиты. Они стоят «домиком», опираясь друг на друга. По сохранившейся форме этих плит сложно определить их назначение. Вероятно, западная представляет собой остатки боковой плиты, а восточная – остатки перекрытия.

Западная плита имеет толщину 25 см, высоту до самой верхней точки можно оценить в 125 см. Верхние передний и задний углы плиты сколоты так, что она сейчас имеет форму треугольника со скругленной вершиной. Длина плиты понизу 280 см. В задней части на расстоянии 40 см от края выбит паз полукруглого сечения шириной 12 см и глубиной 3 см. Переднего паза не видно. На нижней грани плиты выросло дерево.

Восточная плита имеет закругленную верхнюю грань, передняя – более спрямлена. Длина плиты поверху около 170 см, понизу – 290 см, толщина – 34 см. Высота по передней грани до уровня грунта – 124 см, высота в задней части более 76 см. На внутренней стороне плиты, на расстоянии 31 см от переднего края, находится паз полукруглой формы длиной 125 см, шириной 16 см и глубиной до 5 см. В задней части также имеется полукруглый паз, который проходит 40 см от задней грани, имеет длину 115 см, ширину 13

см и глубину 4 см. Расстояние между пазами в средней части 186 см, что может говорить о длине камеры в верхней части дольмена. К востоку от этой плиты лежат пять крупных блоков неправильной формы.

Группа «Волчьи ворота», дольмен №9 (DS49)

1. Тип, подтип: составной, с дромосом (?);
2. Географический (истинный) азимут входа 146°;
3. Ориентация относительно склона: вниз по уклону;
4. Сохранность: 4,5 балла.

Памятник находится в 315 м на ЮЗЗ от дольмена № 7 (DP48) на пологой террасе и является самым нижним дольменом группы. Он расположен в центре кургана из ломаного камня, который ограничен по периметру мощной крепидой-кромлехом из крупных каменных блоков. Сейчас кромлех частично разрушен из-за оползания грунта.

Конструкция дольмена сильно заглублена в курган, над землей находятся только блоки верхнего яруса и плита перекрытия. Благодаря этому памятник хорошо сохранился (рис. 10). От фасадной плиты к внешней части кургана вниз по склону идет навал крупных плоских блоков, которые, очевидно, являлись перекрытием коридора-дромоса, заканчивающегося на границе кургана крупными вертикально установленными блоками.

Фасадная плита дольмена так же, как у дольменов №№ 1 и 7, имеет порталные выступы, а поверхность ее декорирована горизонтальными рядами «елочного» орнамента. Высота плиты над уровнем кургана порядка 0,7 м, в районе входа прокопано углубление, обнажая фасадную плиту на общую высоту менее 1 метра. Входное отверстие с внешней стороны находится под курганной насыпью. Ширина плиты поверху 184 см, на уровне кургана – 195 см, ширина фасадной плоскости сверху – 126 см, на уровне кургана – 135 см. СВ порталный выступ имеет ширину 25-27 см и выделяется вперед на 8-10 см. ЮЗ выступ имеет ширину 27-28 см и выступает вперед не больше 3 см (сбит).

Конструкция сооружения сложена из трех ярусов блоков и цельной фасадной плиты (рис. 10, 3, 4). С южной стороны передний блок верхнего яруса вынут грабителями и находится рядом.

Камера дольмена, подобно плиточным сооружениям, имеет трапециевидную форму, внутренняя поверхность стен имеет слегка вогнутую форму, углы в задней части скруглены (рис. 10, 1). Размеры камеры на уровне пола: длина – 184 см, ширина в передней части – 170 см, в задней – 180 см, однако к середине камера спереди расширяется до 187 см, и ее форма, расширяясь к фасаду, приобретает правильную трапециевидность.

Фасадная плита закреплена в пазах боковых блоков, заходя в каждый из них сантиметров на 10, поэтому измерению доступны только размеры фасадной стены камеры, а не самой плиты. Она имеет высоту 184 см, ширину снизу – 169 см, в середине – 187 см, сверху – 172 см. На расстоянии 98 см от верхнего края плиты выбито входное отверстие круглой диаметром 34-35 см, в котором торчит стержень пробки диаметром 24 см и длиной более 20 см (рис. 10, 4). Толщина фасадной плиты в районе входного отверстия 32 см.

Боковые стены камеры сложены по одному блоку в ярусе, задняя стена – по два. Размеры блоков даются по ярусно в направлении часовой стрелки от западной стены к восточной (Д х В):

- нижний ярус: 179 х 67 см, 154 х 56 см, 37 х 56 см, 146 х 84 см;
- средний ярус: 175 х 61 см, толщина 40 см, 126 х 79 см, 60 х 78 см, 138 х 54 см;
- верхний ярус: первый блок отсутствует, 75 х 41 см, 92 х 40 см; 146 х 40 см.

Блоки хорошо подогнаны друг к другу, все швы, особенно горизонтальные, выполнены очень качественно. Интересно исполнение стыка фасадной плиты с боковыми блоками: в фасадной плите на глубину 1,5 см сделана выборка, в которую входит стеновой блок с глубоким ступенькообразным пазом под фасадную плиту. Вся внутренняя поверхность блоков камеры обработана ударами инструмента с плоским лезвием шириной 3,5 см, но не зашлифована.

Плита перекрытия имеет максимальную длину 340 см, ширину 310 см и толщину 35 см. Передний ЮЗ угол сколот, обнажив при этом южный порталный выступ. Вся плита перекрытия имела подпрямоугольную форму со скругленными краями.

Курган, на котором расположен дольмен, ограничен блоками кромлеха-крепиды. Наиболее крупные расположены напротив фасада на главной оси дольмена. От фасада до границы крепиды камни навалены вповалку, что указывает на

наличие разрушенного коридора-дромоса, который заканчивается блоком, запирающим дромос, шириной 150 см, толщиной 52 см, высотой до 50 см. По обеим сторонам этого блока симметрично от главной оси на расстоянии 2,4 м друг от друга расположены вертикально стоящие главные блоки крепиды (ВхШхГ):

- с юго-запада 100 х 80 х 40 см;
- с северо-востока 160 х 100 х 32 см.

От этих блоков по границе кургана в обе стороны по окружности кургана расходятся две линии блоков:

- на юго-запад: 113 х 90 х 30 см, следующий блок примерно такого же размера;
- на северо-восток: 160 х 100 х 32 см, далее лежит еще один блок 150 х 70 х 24 см.

Остальные блоки, слагающие крепиду, имеют меньший размер.

Группа «Волчьих ворот», дольмен №10 (DP231)

1. Тип: плиточный;
2. Географический (истинный) азимут входа около 192°;
3. Ориентация относительно склона: вниз по уклону;
4. Сохранность: 0 баллов.

Памятник находится в 510 м к западу от дольмена №1 на отроге, уходящем вниз к дольмену DS49, и является самым западным дольменом группы. Дольмен плиточный, разрушенный. Отличается большим размером перекрытия. При разрушении памятника оно съехало в сторону ЮВ угла и привалило боковую и фасадную плиты. Для осмотра сейчас доступна только задняя, боковая западная плита и плита перекрытия (рис. 11).

Задняя плита имеет трапециевидную форму со скругленными углами, обработка поверхности грубая. Ее высота составляет 129 см, ширина сверху – 113 см, понизу – 150 см, толщина плиты оценивается в 20-22 см.

Боковая западная плита доступна для измерений не вся. Ее высота в передней части – 130 см, толщина – 28-30 см. Задняя грань плиты просматривается нормально, остальная часть находится в земле и под завалами упавших деревьев. Плита лежит лицевой частью вниз. На ней определяется паз под заднюю плиту шириной 18 см. Паз скруглен и имеет глубину до 3 см. Плита просматривается на длину более чем 240 см по нижней части, дальше она уходит в землю.

Перекрытие неправильной формы имеет большую толщину 55-60 см, длина по оси составляет 395 см, максимальная ширина – 285 см. Доступа к остальным деталям сооружения нет. Фасадная и боковая восточная плита находятся под развалом.

Краткие выводы по группе «Волчьи ворота»

Группа «Волчьи ворота» имеет высокую сохранность (средний балл сохранности – 3,35). Кроме прекрасно сохранившихся дольменов, здесь обнаружены и другие, уникальные для Западного Кавказа мегалитические памятники – сейды. Один из них – с искусственно обработанным основанием в виде ниши-«сиденья» (Кизилов, Марков, 2018, С. 114-115).

Хребет Мизегух, на южном склоне которого расположена группа «Волчьи ворота», со всех сторон окружен дольменными группами и состоит из впечатляющих скальных массивов, два из которых имеют зооморфные формы и очень похожи на волка (собаку). Неслучайно проход через скалы хребта носит имя «Волчьи ворота». Подобные названия сохранились и в адыгских топонимах окружающей местности: местечко Хатлапе (адыг. «собачья лапа»), Хапибге (адыг. «собачий ручей»). Вершины двух скал, в том числе и на самой вершине горы «Мизегух» (адыг. «каменная ступа»), отмечены двумя выбитыми крупными чашами. Вполне возможно, что эти чаши были первыми искусственными маркерами в создаваемом священном ландшафте и появились еще до возведения дольменных памятников. Новые исследования западноевропейских памятников показали, что появившиеся еще в конце мезолита и в неолите чашевидные знаки предшествовали появлению мегалитических сооружений (Hoek, 2001. P.235, Fig.189).

По азимутам входов среди плиточных и составных сооружений наблюдается выраженная склоновая ориентация по линии уклона ландшафта, для корытообразных же памятников отклонение направления продольной оси дольмена от линии максимального уклона довольно значительно. Главные фасады памятников направлены в дугу Ю-ЮЗ. Исключением является составной дольмен, направленный в восточную сторону горизонта – 146°.

По конструктивному решению три дольмена группы из десяти (DP1, DP48 и DS49) имеют особенности фасадной плиты – ярко выраженные порталные выступы. Данная архитектурная де-

таль – явное подражание ранним плиточным сооружениям. Она характерна для корытообразных памятников, которые являются дальнейшим развитием первоначальной типовой конструкции, но возвращение ее в декор плиточных сооружений (в случае с дольменами DP1 и DP48) свидетельствует о поздней датировке группы. Это же касается и составного дольмена DS49, где наличие порталных выступов на плите не несет никакого конструктивного назначения, кроме декоративного и ритуального.

В пользу поздней датировки группы говорит значительное количество в ней ложнопортальных дольменов (40%), а также большой процент недостроенных памятников, как в границах данной группы, так и в находящейся в непосредственной близости группе «Мизегух-1» (Кудин, 2013, С. 117-118). Помимо описанных выше недостроенных дольменов группы «Волчьи ворота» №№ 5 и 7, следует упомянуть также еще одно, едва начатое строительство корытообразного дольмена западнее дольмена №4: в скале намечена плоскость фасада, а в верхней части чуть начата выборка породы под камеру.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бианки А.М., 2010. Группа дольменов как тип памятника // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб.: «Инфо-ол». С. 95-99.
- Бианки А.М., Кудин М.И., 2012. Топография дольменной группы «Волчьи ворота» Лазаревского р-на Краснодарского края // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Т. 2. – СПб.: ИИМК РАН, «Переферия». С. 119-122.
- Валганов С. В., 2004. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. / отв. ред. С.В. Валганов. – М.: «Агентство «Бизнес-Пресс». 368 с.
- Гартман Р.К., 1899. По железной дороге от Туапсе до Сухума. – СПб.: Типо-Литография А.Э. Винеке. 53с.
- Дмитриев В.А., 2009. Новые данные о дольменах Малого Шапсуга//Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2008 – 2009 гг.: К столетию со дня рождения Леонида Павловича Лаврова: Этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю.Ю. Карпов; СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 44-48.
- Каталог историко-культурного наследия Сочи. 1997, Управления культуры Администрации г. Сочи / ред. Ю.А. Парень. – Краснодар: Издательский дом «Краснодарские известия». 98 с.
- Кизилов А.С., 2015. Барельефная орнаментация плит дольменов – древнейшее монументальное искусство

Кавказа. Анализ локализации и технологий изготовления // Северный Кавказ: искусство в контексте времени. Материалы международной научной конференции. Майкоп, 9-11 октября 2015 г. – Майкоп: Графика. С. 66-72.

Кизилов А.С. Марков Д.Н., 2018. Сейды Большого Сочи – неизученные мегалиты Кавказа // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая - 1 июня 2018 г.). / отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. – Краснодар: ИП Шлепнев М.В. С. 114-117.

Козырев Н.В., 1986. Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края. Управление культуры Краснодарского крайисполкома. ККО ВО охраны памятников истории и культуры. / Под ред. Н.В. Козырева. Тех ред. Л.В. Овчинникова. Туапсинская типография Сочинского ППО. – Краснодар. 688 с.

Кондряков Н.В., 1997. Новые данные о дольменах Северного Причерноморья // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987-1997 гг.) 14-16 февраля 1997 г. Екатеринбург. – Екатеринбург: Уральский государственный университет. С. 86-89.

Кондряков Н.В., 2000. Дромосы и кромлехи дольменов Западного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 7-го археологического семинара. / отв. ред. Б.А. Раев. – Краснодар. С. 120-126.

Кондряков Н.В., 2010. Тайны сочинских дольменов. / отв. ред. Т.В. Кондрашева. – Майкоп: ООО «Качество». 132 с.

Кудин М.И., 2000. К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 7-го археологического семинара. / отв. ред. Б.А. Раев. – Краснодар. С. 127-134.

Кудин М.И., 2013. Недостроенные памятники и строительная эволюция дольменов Кавказа // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой истории Кавказа. Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, Сухум. / отв. ред. В.Р. Эрлих. – Сухум: РУП «Дом печати». С.114-118.

Кудин М.И., 2016. Электрическое освещение в Сочи появилось раньше чем в Москве и Петербурге // Сочивед. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sochived.info/elektricheskoe-osveshhenie-v-sochi-rouyavilos-ranshe-chem-v-moskve-i-peterburge/> (Дата обращения: 29.08.2021).

Лавров Л.И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа / отв. ред. Х.С. Бгажба. – Сухуми: «издательство Академии наук Грузинской СССР. С. 101-178.

Марков Н.И. Марков Д.И., 2014. Эпоха мегалита на территории сочинского национального парка. ФГБУ «Сочинский национальный парк». – Сочи. 20 с.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа / отв. ред. К.Ф. Смирнов. – М.: «Наука». 328 с.

Нагучев Д.М., 2009. Мой аул Хаджико. Историко-этнологический очерк. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». 408 с.

Перечень № 1 объектов историко-культурного наследия, состоящих на государственном учёте и расположенных в границах ФГБУ «СНП». 05.03.2018. // Архив ФГБУ «Сочинский национальный парк. 13 с.

Перечень № 2 объектов культурного наследия, не состоящих на государственном учёте № 2. 05.03.2018. // Архив ФГБУ «Сочинский национальный парк». 4 с.

Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. // Официальный сайт Минкультуры России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/50/283998> (Дата обращения: 29.08.2021).

Сорохтин Г.Н., 1915. Дольмены Черноморской губернии и Крымской области // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. / отв. ред. М.А. Познанский. – Одесса, 1915. С. 60-104.

Уварова П.С., 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженные на высочайше дарованные средства. – М. Вып. IX. С. 170-175.

Van Hoek M., 2001. The Geography of Cup-and-Ring Art in Europe. Oisterwijk. 255 p.

Рис. 1. Карта дольменной группы «Волчьи ворота».

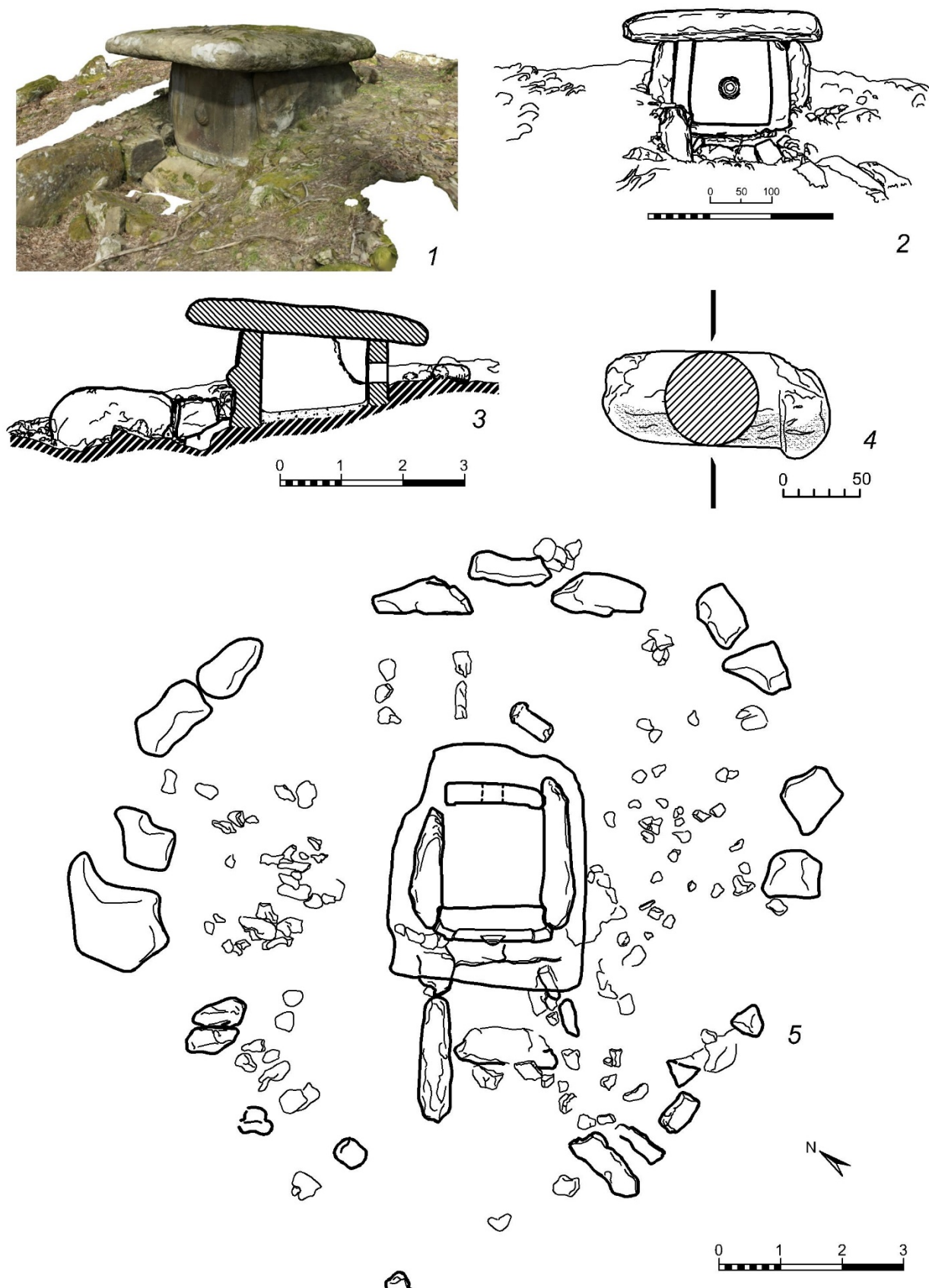

Рис.2. Дольмен №1 (DPI). 1 – фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – фасад дольмена, 3 – продольный разрез, 4 – втулка, 5 – план дольмена.

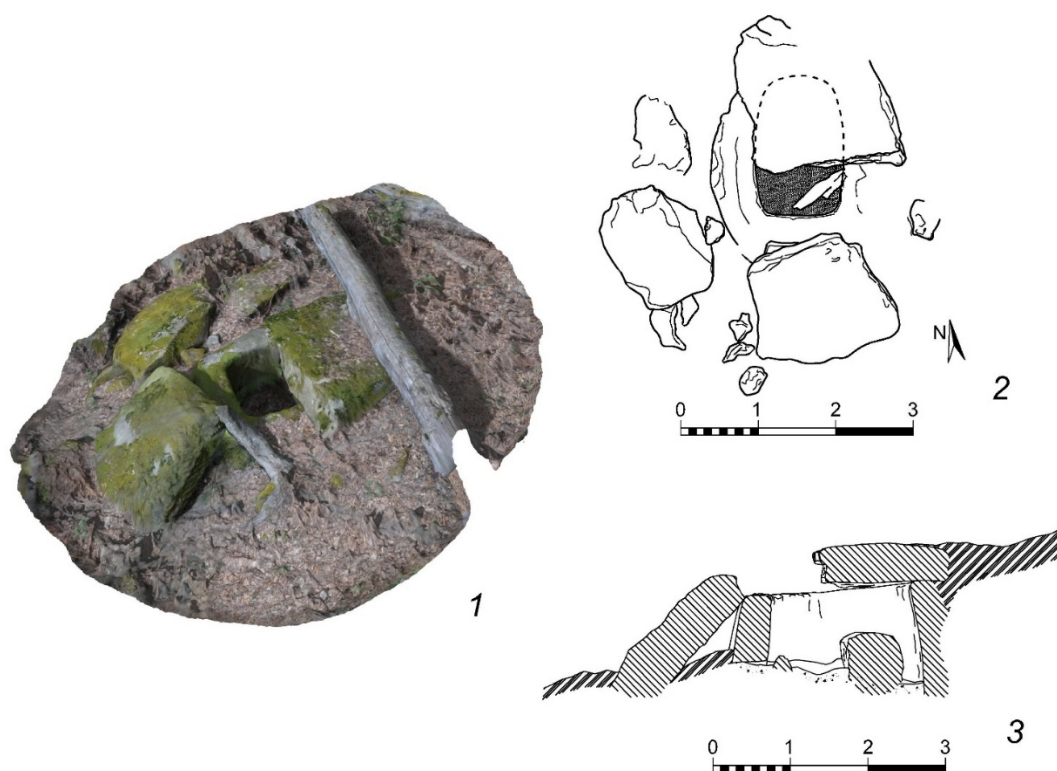

Рис. 3. Дольмен №2 (DK152). 1 – фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – план дольмена, 3 – продольный разрез.

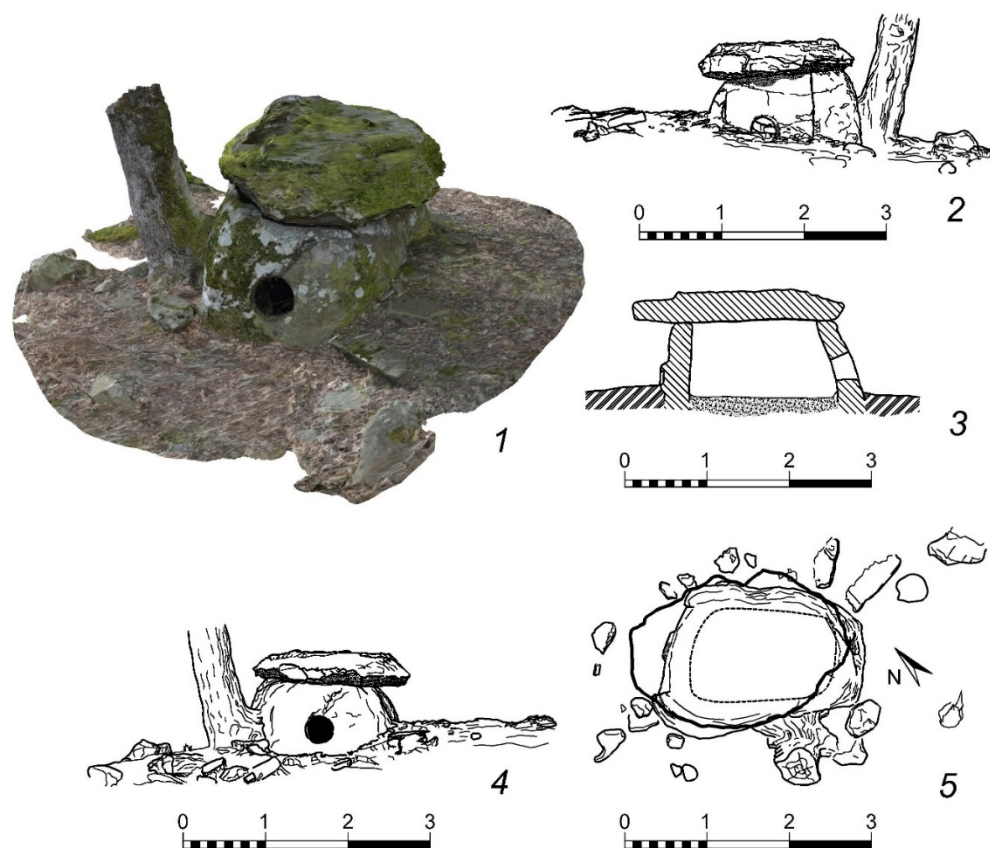

Рис. 4. Дольмен №3 (DK5). 1 - фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – главный фасад дольмена, 3 – продольный разрез, 4 – задний фасад, 5 – план дольмена.

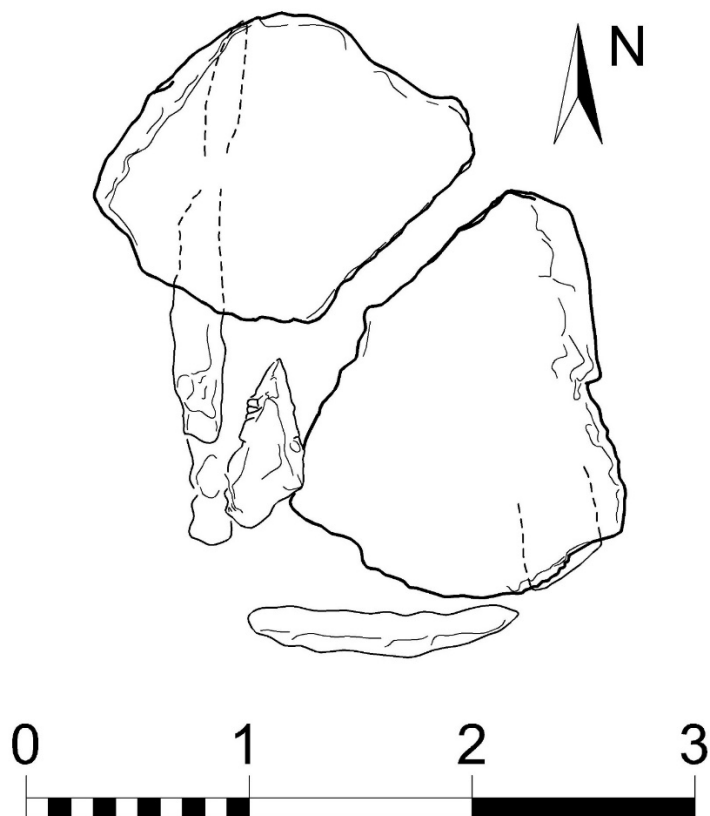

Рис.5. Дольмен №4 (DP2). План дольмена.

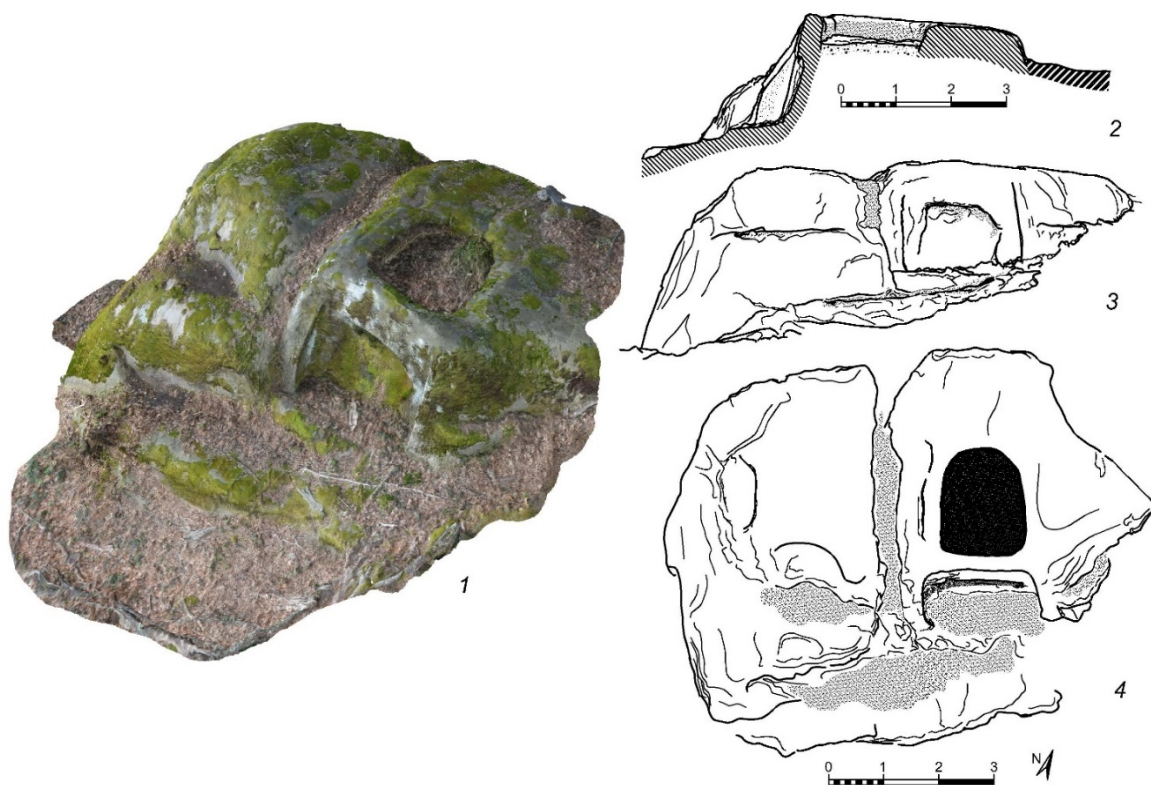

Рис. 6. Дольмен №5 (DK3). 1 - фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – продольный разрез, 3 - фасад дольмена, 4 – план дольмена.

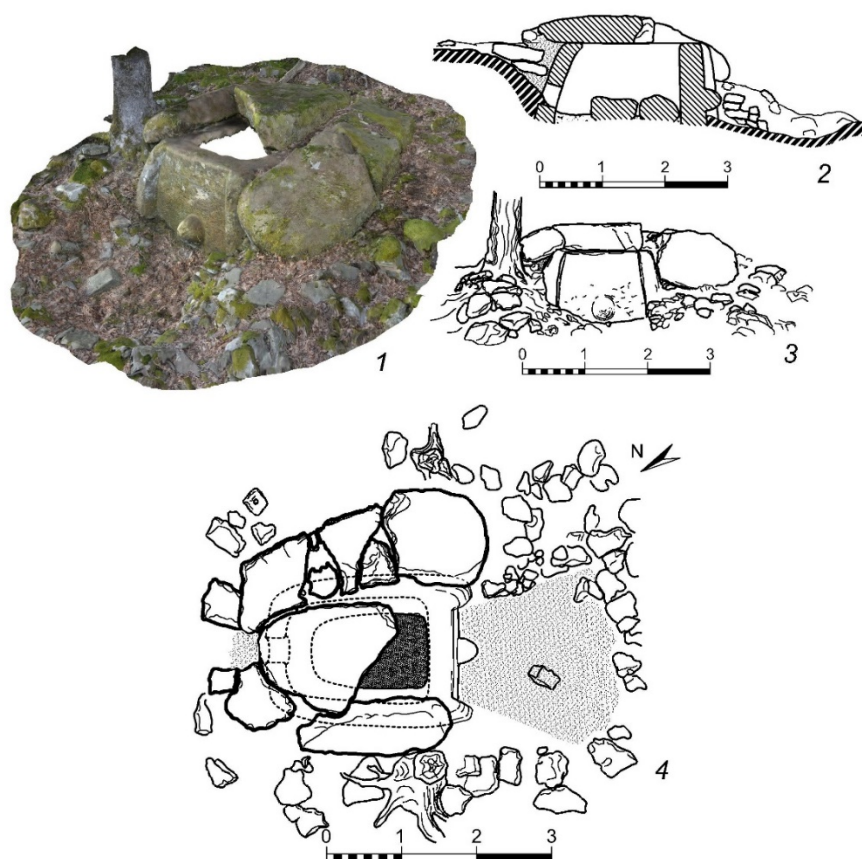

Рис. 7. Дольмен №6 (DK4). 1 - фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – продольный разрез, 3 – фасад дольмена, 4 – план дольмена.

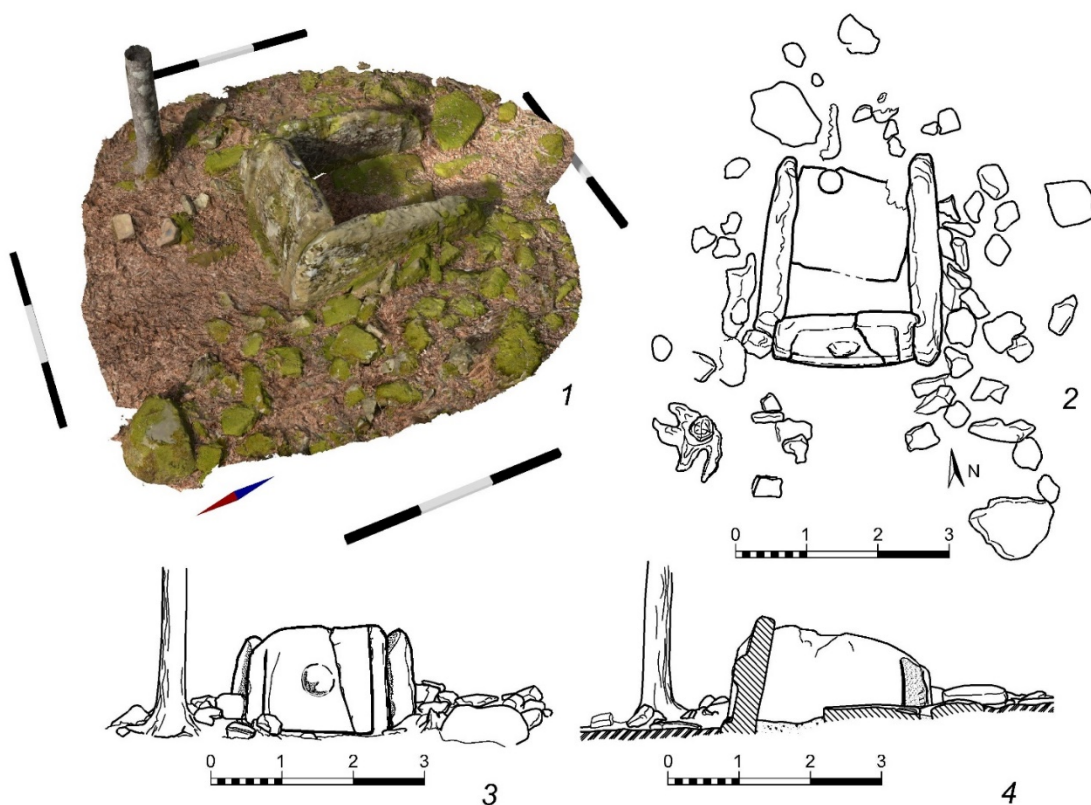

Рис. 8. Дольмен №7 (DP48). 1 - фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – план дольмена, 3 – фасад дольмена, 4 – продольный разрез.

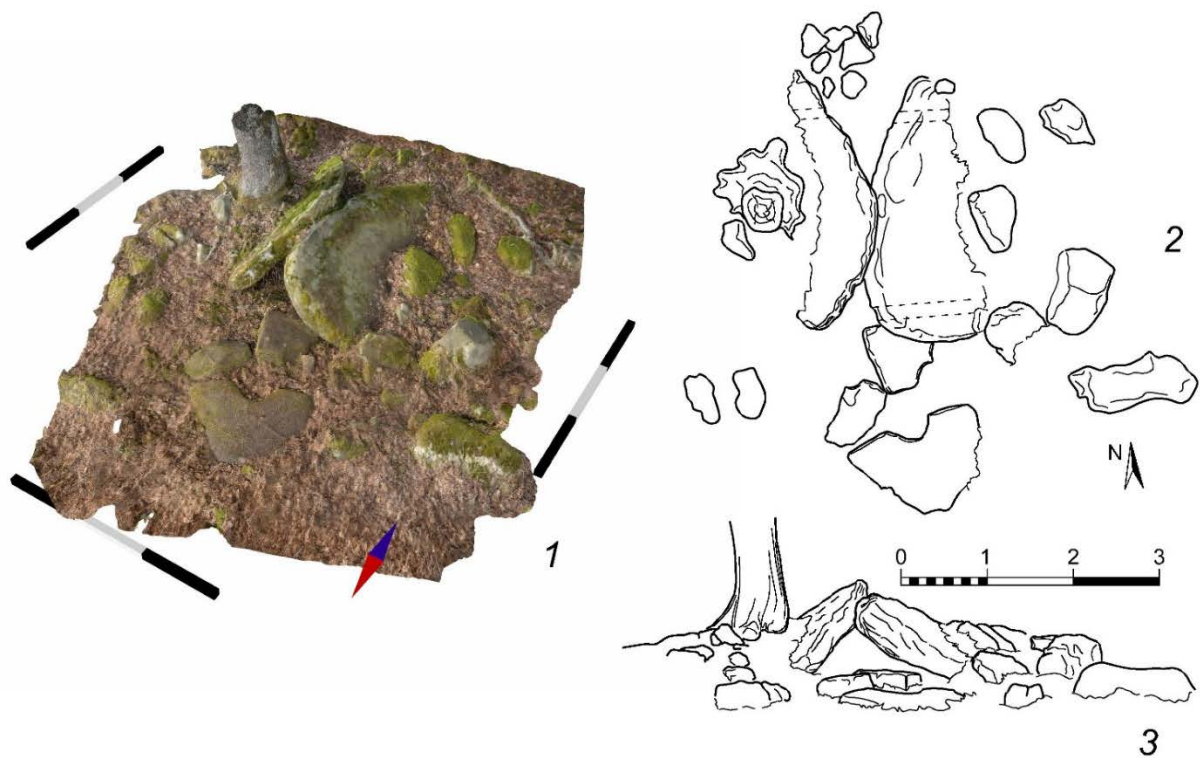

Рис. 9. Дольмен №8 (DP243). 1 - фотограмметрическая 3D-модель дольмена, 2 – план дольмена, 3 – фасад дольмена.

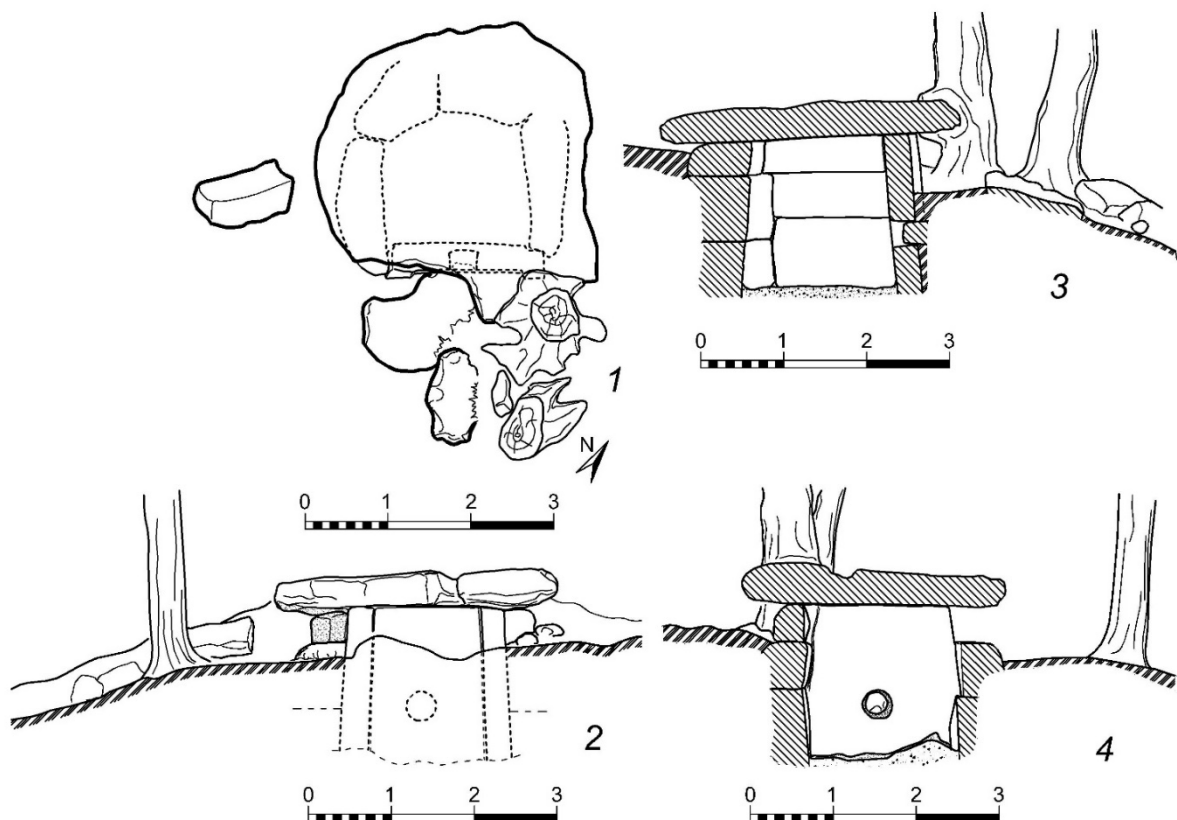

Рис. 10. Дольмен №9 (DS49). 1 - план дольмена, 2 – фасад дольмена, 3 – продольный разрез, 4 – поперечный разрез.

Рис. 11. Дольмен №10 (DP231). План дольмена.

МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ФОНДОВ ГЕЛЕНДЖИКСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А.В. Белоусов, М.Ю. Федосов

ООО «Прогресс», г. Краснодар, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются коллекции предметов из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея, относящиеся к периодам финальной бронзы и раннего этапа железного века, происходящие из сборов и раскопок середины XX в. Авторы изучают их хронологическую и культурную позицию в контексте древностей предскифского и раннескифского времени Юго-Восточной Европы. Ряд предметов ранее был известен только по кратким и отрывочным сведениям, другие публикуются впервые.

Ключевые слова: финальная бронза, ранний железный век, топоры-кельты, наконечники стрел, подвески, бляхи, браслет, упряжь, черпак, Геленджик.

MATERIALS OF THE FINAL BRONZE AND EARLY IRON AGE FROM FUNDS OF THE GELENDJIK HISTORICAL AND LOCAL HISTORY MUSEUM

A.V. Belousov, M. Yu. Fedosov

LLC "Progress", Krasnodar, Russia

Abstract. This article examines items from the funds of the Gelendzhik Museum of History and Local Lore, relating to the periods of the final Bronze Age and the early stage of the Iron Age, originating from the collections and excavations of the middle of XX century. The authors study their chronological and cultural position in the context of pre-Scythian and Early Scythian antiquities in Southeast Europe. Some artifacts were previously known only from short and fragmentary briefs, others are published for the first time.

Keywords: final Bronze Age, early Iron Age, Celtic axes, arrowhead, pendant, plaque, bracelet, harness, scoop, Gelendzhik.

Долгие годы предскифское время г. Геленджика было известно только по двум публикациям: «Прикубанский очаг металлообработки» (Иессен, 1951) причем в работе А.А. Иессеном указывалось только случайные находки двух бронзовых наконечников копий на р. Адербиевка и статьи И.И. Аханова «Геленджикские подкурганые дольмены» (Аханов, 1961), посвященной погребениям, исследованным в 1951 – 1953 гг. Скудность материала и давность публикаций надолго оставили Геленджик на периферии исследований в этой области, а эпоха финальной бронзы на этой территории вообще никак не была отражена в литературе. Материалы ранее неопубликованных случайных находок и погребений, хранящихся в фондах ГИКМ¹, позволяют значительно расширить представление о

материальной культуре населения, проживавшего на территории Приморской зоны в период финальной бронзы и VIII – VII вв. до н.э.

Топоры-кельты (ГКМ-1724, 288). В 1960 г. местным жителем с. Береговое был передан сотрудникам музея кельт, случайно найденный им недалеко от села. Кельт (рис. 2, 1) двуушковый, одно ушко отломано, в сечении овальный, с арочной фаской, орнаментирован двумя валиками. Высота 7 см, ширина лезвия 5 см. Близок к типу К-60 по типологии Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 85). Единственное отличие заключается в том, что топоры типа К-60 шестигранно-овальные в сечении. Основной ареал распространения подобных топоров - Поднепровье. Второй экземпляр обломка топора (рис. 2, 2) был найден на территории виноградника, расположенного на

¹ Авторы выражают большую благодарность сотрудникам Ге-

ленджикского историко-краеведческого музея за оказание помощи в работе с коллекциями.

Толстом мысу г. Геленджика в 1948 г., но общая морфология нижней части фаски, ширины лезвия и основание выхода ушка позволяет нам предположить, что он относится к тому же типу топоров. Датируются топоры типа К-60 XI – IX вв. до н.э. (Шарафутдинова, 1982, с. 148, рис. 59). Такой же топор на Северо-Западном Кавказе был найден только у х. Чекон под Анапой (Пелих, 2003, с. 77), и, в отличие от геленджикского образца, имел шестигранно-овальные сечение.

Фальшивый Геленджик (Дивноморское) (ГКМ-1151). В сентябре 1955 г. при проведении плантажной распахки на севере Фальшивого Геленджика (рис. 1) под виноградник были обнаружены четыре погребения, исследование которых проводил сотрудник Геленджикского музея Д.Е. Щеглов. Все погребения имели каменные ящики, однако повреждения от плантажных работ не позволили исследовать конструкции *in situ*. Три могилы оказались разграбленными. Погребение №4 также было повреждено, но тракторист В.А. Лисункин и охранник виноградника собрали найденный там материал и передали его в музей. При обнаружении погребения «плантажным плугом (тракторист) приподнял наверх большую плиту, более двух метров длиной. На плите были кости человека. Под костяком небольшая тонкая плита, прикрывавшая углубление в большой плите. Площадь углубления, примерно, 40х40 см». (Щеглов, 1957, с. 27).

Среди находок, найденных в этом углублении, были два бронзовых наконечника копья. Один из них (рис. 3, 1) имеет перо лавролистной формы с округлым в сечении ребром жесткости, переходящим в цельнолитую конусовидную втулку. Длина изделия 15,5 см, длина пера 7,5 см, ширина в наибольшей части 2,8 см; отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте трех сантиметров. Втулка у основания ромбовидная, нижняя часть деформирована. Такой наконечник по классификации В.И. Козенковой типологически наиболее близок к 1 отделу 1 типа, датируется весьма широко от XIII – IX вв. до н.э. (клад из ст. Упорная) до V в. до н.э.; но в эту классификацию включены как бронзовые, так и железные наконечники (Козенкова, 1995, с. 35). Такие находки не характерны для памятников, расположенных в прибрежной зоне. Наиболее близкая находка аналогичного копья известна по подъемному материалу возле ст. Крымская (Иессен, 1951, с. 112, рис. 49, 2), а также семь (один

из них фрагментирован) лавролистных наконечников происходят из кургана 2 могильника Холмский 1 (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993, с. 22-23, рис. IX, 1-8).

Второй наконечник (рис. 3, 2) имеет остролистное перо с ромбовидным в сечении ребром жесткости, переходящим в литую конусовидную втулку. Длина изделия 14,5 см, длина пера 7,7 см, ширина в наибольшей части 3,3 см, отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте 1,7 см. Относится ко 2 отделу 1 типа и датируется весьма широко XIII – нач. VII вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 39). К ближайшим аналогиям можно отнести бронзовые наконечники из случайных находок на р. Адерба (Иессен, 1951, с. 113, рис. 50, 2, 6) и два копья из Геленджикских «дольменообразных» гробниц (к. 8 – 2 гр.; к. 2 – 3 гр.) (Аханов, 1961, с. 145, рис. 4, 1, 6).

Детали упряжи в первую очередь представлены четырьмя литыми бронзовыми бляхами. Три из них (рис. 3, 5) диаметром 5 см. Характерной особенностью этих изделий является орнамент в виде двух concentрических кругов вписанных один в другой, шириной 0,3 см, разделенных прямыми линиями, направленными к центру и формирующими квадраты по окружности. Четвертая бляха неорнаментированная, диаметром 3,5 см (подробнее такие бляхи будут рассмотрены ниже). Помимо блях, в комплексе присутствуют гладкая литая лунница в виде птичьих голов (рис. 3, 10), а также два бронзовых литых наконечника ремня в виде обоймы округло-конической формы и выделенной основой, которая имеет сквозное отверстие для крепления шпенька у основания (рис. 3, 6). В.И. Козенкова считает подобные изделия ворворками, по ее классификации данная находка относится к 1 типу и датируется VIII – VII вв. до н.э. и даже более поздним временем (Козенкова, 2013, с. 114).

Особый интерес вызывают две бронзовые литые поясные обоймы (рис. 3, 3-4), одна из них конусовидная, окаймленная тройным желобком, вторая в форме полукруга. Прямых аналогий им на данный момент не известно, но подобные обоймы или пряжки 1 типа по классификации В.И. Козенковой появились в кобанской культуре в XIII – XII вв. до н.э., а в X – VIII вв. до н.э. они были значительно распространены на территории Колхиды (Козенкова, 2013, с. 74-76). В Закубанье две обоймы были найдены на могильнике Холмский 1 к.2, авторы атрибутировали

данные находки как бляхи-лунницы (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993, с. 24, рис. XII, 16-17). Находки из погребения Фальшивого Геленджика имеют ряд серьезных отличий. Первое из них - это выделяющаяся тыловая часть с отверстием для входа ремня. Подобные отверстия, но без выделения, известны только в Холмском I могильнике, на Кавказе же крепление осуществлялась к петлям. Второе отличие заключается в том, что на кобанских и колхидских находках в передней части обоймы имелся крюк. В изделии из Холмского могильника он не присутствует, а вместо крюка имелаась петелька, на основании этого можно прийти к выводу о том, что их функциональное назначение - жесткая фиксация оконечности ремня. Третье отличие - отсутствие ornamentации в виде валют или трискелий, характерных для подобных изделий.

Бронзовая литая обойма (рис. 3, 9) с навершием в виде кольца. Основание трапецевидной формы. Обойма окаймлена в верхней и нижней части валиками. В нижней части имеется сквозное отверстие для крепления шпенька, немного смещенное в сторону от центральной оси. Обоймы с навершием в виде кольца появляются на Кавказе в XI – X вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 111), в Закубанье они известны в Ястребовском могильнике, со сборов на могильнике в долине р. Сукко и к.10 Ульского могильника, где обойма являлась частью уздечного набора, датируемого первой половиной VI в. до н.э. (Эрлих, 2005, с. 302). Различно трактуемые специалистами с точки зрения функционального назначения (по А.И. Тереножкину, это обоймы для кисти, по В.И. Козенковой - обоймы для поводка, по О.Р. Дубовской - навершия рукояти нагайки), эти изделия имеют степные и лесостепные аналогии конца VIII - первой половины VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265-266). А.М. Новичихин, в свою очередь, считает их навершиями ножен (Новичихин, 2006, с. 50). Следует также упомянуть еще об одной находке. На некрополе Артющенко-2 в погребении 32, датированном второй четвертью – первой третью V в. до н.э., был найден акинак с надетым на рукоять бронзовым навершием с кольцом (Ворошилов, Кашаев, 2010, с. 70, 77). Скорее всего, правы все исследователи - учитывая, что размеры обоймы различны на разных памятниках, наиболее вероятно, что однотипные навершия производились в зависимости от желания использования их заказчиком.

Также среди находок был железный нож с горбинкой на обухе, длиной 11 см (рис. 3, 11), бронзовые колечки из тонкой проволоки (рис. 3, 7-8), оселок прямоугольной формы размерами 10 x 2,7 x 1,4 см с немного суженными концами и отверстием диаметром 0,5 см с одного края (Щеглов, 1957, с. 31).

Среди несохранившихся, но указанных в описи предметов были фрагмент лезвия железного топора и кусок согнутой железной проволоки диаметром 0,8 см размерами 4x4,2 см. Оба предмета были списаны из-за плохой сохранности (Щеглов, 1957, с. 31).

Определяющим материалом для погребения являются копье с остролистым пером и наконечники ремня, которые позволяют его датировать VIII – началом VII в. до н.э.

Также в отчете указывалось, что на территории террасы, помимо четырех исследованных погребений, располагалась группа курганов, часть из которых полуразрушена. Поскольку территория должна была попасть в зону хозяйственного освоения, то Д.Е. Щеглов рекомендовал исследовать их путем раскопок, в ближайших планах музея было проведение топосъемки участка. (Щеглов, 1957, с. 31-33). Однако, судя по отсутствию какой-либо информации о проведении этих работ, можно предположить, что курганы были уничтожены плантажем.

Бетта (ГКМ-977). В сентябре 1953 г. И.И. Аханов проводил раскопки погребения (в описи указано дольмена) на территории дома отдыха «Бетта». Отчет о проведении раскопок обнаружить не удалось, поэтому нет информации о конструкции погребения и обряде, однако хранящийся в музее материал достаточно интересен.

Среди пяти найденных в погребении литых бронзовых блях мы имеем две пары изделий с одинаковым декором - с елочным орнаментом (рис. 3, 14-15), сходящимся с трех равноудаленных направлений к центру и с умбоном в центральной части, а также с двумя концентрическими кругами, вписанными один в другой (рис. 3, 12-13). Последние аналогичны найденной в погребении Фальшивый Геленджик. Также близка к ним по стилю ornamentации бляха, имеющая один орнаментированный круг, но украшенная умбоном в центральной части (рис. 3, 16). У всех найденных экземпляров имелаась небольшая петелька с тыльной стороны. На территории Северного Причерноморья нам не удалось обнаружить блях с аналогичным орнаментом, а экземпляры с

концентрическими кругами встречены только в Абинском могильнике к.1, п. 4 и в виде случайной находки в районе г. Новороссийска, т.е. концентрируются только на Северо-Западном Кавказе. К сожалению, погребение 4 не имеет хороших хронологических индикаторов, и нам придется использовать общую датировку памятника. По мнению С.Л. Дударева, все погребения были совершены в короткий период второй половины VIII – начала VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265). Стоит только заметить, что сопутствующие подобному металлическому инвентарю глубокие черпаки со слабовыраженным профилем и отростком на ручке известны в горизонте Жаботин III и датируются концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 535, рис. IV, 6, 14, 17-18). В принципе, тут нет противоречий и можно только говорить о возможном смещении верхней хронологической границы памятника. Единственными найденными нами аналогиями, где однотипность орнаментальной традиции несомненна, могут служить бляхи из музея г. Клуж-Напока в Румынии. Из хранящихся там двух блях одна имеет единственное концентрическое кольцо, вторая два, вписанных одно в другое. В работе М. Петреску-Димбовита нет точных датировок и привязок к памятнику, он лишь публиковал бронзовые изделия, хранящиеся в музеях Румынии, и включил бляхи в блок находок XII – VIII вв. до н.э. (Petrescu-Dimbovita, 1977, p. 115, Pl. 242, 7; 243, 7).

Литые бронзовые браслеты, пять экземпляров. Два однотипных браслета диаметром 6,5 см (рис. 3, 18) представляют собой круглый в сечении прут диаметром 0,5 см, концы разомкнуты. Подобные браслеты отнесены В.И. Козенковой к XI типу, самые ранние известны на Эшкаковском могильнике (X – VIII вв. до н.э.), но наибольшее распространение получили в скифский период. (Козенкова, 1998, с. 53). Третий браслет диаметром 7,1 см (рис. 3, 17) изготовлен из полуовального в сечении прута; концы его разомкнуты и имеют т-образные окончания перпендикулярно оси длиной 3,5 см. Похожий на него браслет, только из массивного круглого в сечении прута, диаметр стержня которого составляет 1,5 см, а длина т-образующих стержней, слитых с концами браслета перпендикулярно его плоскости - 5,3 см, был найден в Абхазии у пос. Хабью. Ю.Н. Воронов не дает аналогий и датировки этой находке, но все же указал ее в списке предметов бронзового века. (Воронов, 2009, с. 46). Еще один

целый и один обломок браслета изготовлены из подтреугольного в поперечном сечении прута с обрубленными, несомкнутыми краями, имеющими расширение, диаметр целого браслета 6,7 см (рис. 3, 19). Последние отнесены к XVI типу по классификации В.И. Козенковой. Их появление исследователь отмечает в центральной группе протокобанской культуры в XIV – XIII вв. до н.э., но наибольшее распространение они получают в западном ее варианте в XI – X вв. до н.э. и продолжают там существовать и в начале I тыс. до н.э. Помимо этого, В.И. Козенкова отметила, что на Кубани они найдены в более позднее, чем в кобанской культуре, время в погребениях Николаевского могильника (Козенкова, 1998, с. 54). Следует сказать, что подобные браслеты имеются среди могильников VIII – VII вв. до н.э.: Геленджикских дольменов, Большие Хутора, Атмачева щель, Абинском, Холмском и в числе случайных находок из окрестностей ст. Раевской. Находки аналогичных браслетов за пределами Западного Закубанья редки. Можно назвать лишь экземпляры из погребений могильников Фарс/Клады и Ясеновая поляна на Средней Кубани (Новичихин, 2006, с. 65), что также косвенно свидетельствует о более позднем времени их существования на Северо-Западном Кавказе, чем на памятниках кобанской культуры.

Также среди изделий из бронзы были два височных кольца. Первое диаметром 1,2 см, круглое в сечении, с несомкнутыми краями (рис. 3, 21). Второе овальной формы диаметром 2 см, с заостренными краями, заведенными друг за друга (рис. 3, 20).

Лепная керамика представлена обломком уплощенной в сечении ручки сосуда из глины черного цвета с включениями слюды, высотой 7 см и шириной 3,2 см (рис. 3, 25), фрагментом ручки черпака с роговидным навершием черного цвета с включениями частиц слюды с высотой отростков 1,5 см (рис. 3, 22), фрагментами вертикального венчика со скругленным краем темно-желтого цвета (реконструируемый диаметр 12 см) (рис. 3, 23) и обломком сосуда, имеющего выступающий венчик также темно-желтого цвета, диаметр которого не удалось реконструировать (рис. 3, 24). Также было найдено пряслице конической формы из мела, высотой 1,8 см, шириной у основания 2,2 см (рис. 3, 26).

На фрагменте ручки с роговидным навершием необходимо остановиться подробнее, потому что

генезис и хронология этого типа посуды недостаточно отображены в научной литературе. Такие навершия Л.К. Галанина считала инновацией для Кубани и полагала, что происходят они от бронзовых ситул со звериными ушками на ручках, В.И. Козенкова убедительно доказала, что бронзовые ситулы производились на территории западного варианта кобанской культуры и относятся VIII в. и, возможно, захватывают рубеж VIII – VII вв. до н.э., а попадание в более поздние комплексы она объяснила продолжительностью их использования и в качестве подтверждения указала на многочисленные следы починки (Козенкова, 2013, с. 32). Появление роговидных ручек для Закубанья Л.К. Галанина датировала не позднее середины VII в. до н.э., в последующее раннескифское время они становятся характерными и для правобережья Кубани (Галанина, 1989, с. 80-81). Нахождение же роговидных наверший черпаков в памятниках Клады к. 46, Хаджох к. 1 п. 2, Псекупский могильник п. 130 и Кочипэ п. 33 относит бытование черпаков в период новочеркасской «классики» - последняя четверть VIII в. - первая четверть VII в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 270, 287), так что версия Л.К. Галаниной о происхождении их от ситул не утратила своей актуальности.

Для рассмотрения верхней хронологической границы бытования подобных изделий необходимо обратиться к исследованию погребений, проведенному Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, которые датировали существование таких черпаков рамками VI в. до н.э. Основой для датирования погребений с черпаками, имевшими роговидные навершия (СК-2 п. 120з, п. 346з, УЛ-2-1937 п. 18, УЛ-2-1938 п. 38, 39, Л-2-1980 п. 37) первой половиной – серединой VI в. до н.э., по их мнению, является взаимовстречаемость с черпаками-кружками типа I-II, черпаками-кувшинчиками типа III – A-B и мисками типа III, по типологии Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012, с. 19, 42), в погребении Л-2-1980 п. 65, где было найдено бронзовое зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой-кружком с изображением многолучевой розетки, I класса, I отдела, II типа, варианта 3 по классификации Т.М. Кузнецовой (Кузнецова, 2002, с. 64). На этой находке необходимо остановиться подробнее.

Нам известно нахождение таких зеркал на территории Кавказа (Минераловодский, Каменно-

мостский и Каррасский могильники, Раевское городище), лесостепи (группа Роменских курганов), Румынии (могильник Мэришелу) и находок на о. Самос, и все они, за исключением Мэришелу к. 5 и гробницы IV могильника Каррас 1, происходят из разрушенных погребений или из разрушенных древних слоев, как на Раевском городище (Малышев, 2010, с. 178) и не могут служить в качестве датирующих маркеров. Несмотря на то, что Т. Бадер отнес погребение Мэришелу, правда, с некоторой условностью, к первой половине VII в. до н.э. (Bader, 1983, S. 90, Taf. 59), Т.М. Кузнецова указала на то, что наконечники стрел, встреченные в этом погребении, относятся к рубежу VII – VI вв. до н.э., на основании чего и отнесла его к первой половине VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002, с. 64). Нахождение там трех бронзовых наконечников стрел, два из которых двухлопастные лавролистной и остролистой формы с шипом, находят соответствие с отделом I, типом 2, вариантом 2 по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), самые ранние находки которых известны из материалов Мельгуновского кургана и относятся к первой половине VII в. до н.э., подтверждает датировку Т. Бадера; так же они известны и в погребении Старшая Могила, относящейся ко второй половине VII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 629, 767). В свою очередь, трёхлопастной наконечник, относящийся к отделу II, типа 4, варианта 2 (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), известен еще с первой половины VIII в. до н.э. из материалов Енджи в Болгарии и Гумарово к. 1, п. 3 в Южном Приуралье. Такой наконечник представлен на памятнике Малая Офирна в слое первой половины VII в. до н.э. (Дараган, 2015, с. 142, 147, ил. 8, 11; Иванчик, 2001, с. 202, рис. 96, 6-7). Таким образом, у нас нет оснований усомниться в датировке, данной Т. Бадером. Что касается гробницы IV могильника Каррас 1, исследованной Д.Я. Самоквасовым в 1881 г., то В.И. Козенкова датировала это погребение второй половиной VI в. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 85). В итоге мы видим, что такие зеркала имеют широкий хронологический разброс, около 150 лет, и не могут служить надежными индикаторами первой половины – середины VI в. до н.э.

Еще одним погребением с черпаком с роговидным навершием ручки, содержащим датирующий материал, является погребение 2 у х. Ленина. На основании нахождения 19 наконечников стрел, автор раскопок В.Н. Каминский отнес

погребение ко второй половине VII – началу VI вв. до н.э., позже Л.К. Галанина ограничила датировку лишь второй половиной VII в. до н.э. Иную позицию заняли Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко. На основании того, что в данном колчанном наборе, помимо наконечников, имеющих аналогии в келермесских погребениях, присутствовал трехлопастной железный наконечник с выделенной втулкой, аналогии которому известны в п. 48 к. 15 Уляпского могильника, датированного серединой VI в. до н.э., авторы пришли к выводу о том, что набор из п.2 у х. Ленина занимает промежуточное положение между поздnekелермесскими наборами и стрелами из уляпского комплекса и должен датироваться рубежом VII – VI вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012, с. 55).

Если рассмотреть такие железные наконечники в более широких географических рамках, то мы увидим, что самая ранняя находка трехлопастной стрелы была обнаружена в погребении Константиновка №376 (Ильина, 1973, с. 17, рис. 8) и соотносится с горизонтами Жаботин Ib – Жаботин II конец первой половины – вторая половина VIII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 551). В более позднее время они встречаются чаще, например на Поповке к. 8 (середина VII в. до н.э.) (Шрамко, 2016, с. 593), Гладковщина к. 4, п. 1 (последняя четверть VII – возможно, рубеж VII – VI вв. до н.э.) (Дараган, 2015, с. 71), Хапры к. 1, п. 25 (кон. VII – первая половина VI вв. до н.э.) и Бушуйка к. 2, п. 10 (первая половина VI в. до н.э.) (Рябкова, 2003, с. 111). На Кавказе появление таких наконечников В.И. Козенкова относит к VI в. до н.э., а в начале IV в. до н.э. они уже становятся доминирующими в колчаных наборах (Козенкова, 1995, с. 23). Подводя итоги краткому рассмотрению нахождения аналогичных железных трехлопастных наконечников стрел, можно поставить под сомнение целесообразность сдвига датировки Л-1980 п. 2 на основании всего лишь одного погребения, поскольку временной диапазон их существования достаточно велик, то быть датированным материалом они не могут и должны рассматриваться только в рамках сопутствующего материала. Поэтому мы предлагаем рассматривать данное погребение в рамках, предложенных Л.К. Галаниной, т.е. второй половиной VII в. до н.э.

Из приведенного выше рассмотрения погребений Л-2-1980 п. 65 и Л-1980 п. 2 можно заключить, что только погребение 2 имеет узкую дату.

Помимо этого погребения на Кубани известен еще один комплекс, содержащий интересующий нас черпак, это п. 14, к. 11 у ст. Раздольной, которое датируется по сопутствующему материалу серединой VII в. до н.э. (Рябкова, 2003, с. 139). Таким образом, верхняя граница бытования черпаков с роговидными навершиями не заходит в VI в. до н.э.

Как версию их происхождения можно рассмотреть и Закавказское влияние. Б.А. Куфтин говорил, что для памятников Западной Грузии характерны роговидные навершия, они являются массовым материалом на поселениях и могильниках, относящихся к колхидской культуре: Наохвamu, Дабла-Гоми, Палури и датированными XII – VIII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 51). Появление же их на Кавказе Б.А. Куфтин связывал с Северной Италией и Верхнем Подунавьем, где эта форма орнаментации появляется еще в культурах шаровидных амфор (Triskova, 2015) и достигает наивысшего расцвета в культуре террамар Северной Италии (XVII – XII вв. до н.э.). В качестве возможного пути проникновения на Кавказ он указал Балканы и Малую Азию, но подчеркнул единичность таких находок для эпохи бронзы, массовое же распространение роговидных наверший в Малой Азии наступает только в эпоху Ахеменидов. Имея массовое распространение в Западной Грузии, они довольно слабо представлены в восточных регионах и Приморской Абхазии (Куфтин, 1950, с. 200, 225-227). Так, Ю.Н. Воронов указывает, что единичные находки ручек с роговидными навершиями известны на селище IX – VIII вв. до н.э. в верховьях Алексеевского ущелья, на поселении XII – VIII вв. до н.э. в северо-восточной части седловины у подножия северной вершины Сухумской горы и на поселении (или как позже было указано, одной из усадеб) у холма Мачара-2, датированного VIII – VII вв. до н.э. (Воронов, 2009, с. 61, 69-70, 334). Раскопки могильника Джантух в восточной Абхазии показали наличие таких ручек и в античное время (V – III вв. до н.э.). (Скаков, Джоуа, 2014, с. 103, рис. 3, 4). Учитывая нахождение таких ручек в Закубанье в погребениях конца VIII – VII вв. до н.э., можно предположить, что традиция такого украшения ручек могла быть заимствованной из Закавказья.

Помимо этого, необходимо указать еще один регион распространения таких черпаков - Карпаты. Ранние образцы известны в эпоху поздней

бронзы культуры Гава, а в начале раннего железного века они являются доминирующим орнаментом ручек в Западной Подолии (Дараган, 2011, с. 407). Также они известны и западнее. В статье, посвященной генезису и хронологии черпаков с роговидными навершиями раннежелезного века К. Танко указывает, что на территории Великой Венгерской равнины они получают массовое распространение во второй половине VII – VI вв. до н.э. и продолжают существовать в более позднее время. Распространение их исследователь связал со скифским вторжением, поскольку в погребениях всегда сопутствующим был скифский материал, хотя как возможный прототип для керамических черпаков он указал на находки бронзовых чаш с аналогичными ручками, найденных в восточных Альпах уходящих в рубеж VIII–VII вв. до н.э. (Tanko, 2005, р. 154–155, 157).

Еще одним регионом, где были распространены подобные навершия, является Левобережная Днепровская Лесостепь. Находки ручек хорошо представлены на Западном Бельском городище в слоях, датированных VII – первой половиной VI вв. до н.э. (Шрамко, 2016, с. 243). В Нижнем Подонье нам известна всего одна находка из погребения Новоалександровка I к. 34, п. 4, к сожалению, не имеющего надежных хронологических индикаторов (Рябкова, 2003, с. 340, рис. 47).

Учитывая, что керамика «фракийского» типа с геометрическим орнаментом распространяется в лесостепной и степной регионы начиная с IX и до середины VII вв. до н.э., чему было посвящено исследование И.В. Бруяко (Бруяко, 2005), то версия карпатского происхождения керамической традиции должна рассматриваться наравне с остальными. Тем более, что на Кубани известен керамический материал, относящийся к «фракийской» традиции, как, например, корчаги с сосцевидными прилепами (хотя происхождение этих корчаг имеет разные точки зрения), грибовидное навершие на ручке черпака из Геленджикских погребений и сосуд из погребения Нововеличковская II к. 3, п. 4, имеющий на тулове орнамент в виде заштрихованных квадратов, расположенных в шахматном порядке (Эрлих, 2005, с. 153.; Аханов, 1961, с. 147, рис. 7; Рябкова, 2003, с. 315, рис. 22).

Завершая краткий обзор хронологии и генезиса черпаков с роговидным навершием, кото-

рый, конечно, требует более детального исследования, мы лишь обозначили общую проблематику и возможные пути решения вопроса их появления на Северо-Западном Кавказе. Сложно сказать, какая из версий имеет приоритет, все они имеют свою аргументацию, но с уверенностью можно сказать только то, что такая орнаментация являлась модой, охвативший огромный регион, и Закубанье являлось лишь периферией, куда эта традиция пришла в последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, из рассмотренного материала только навершие черпака могут быть определяющим в датировке погребения из Бетты. Как говорилось выше, датировка бляхи из Абинского могильника берется условно по общей хронологии памятника, а браслеты, хоть и присутствуют на Северо-Западном Кавказе в комплексах VIII – VII вв. до н.э., из-за хронологической и географической близости кобанских образцов не могут быть использованы для датирования. Поэтому по совокупности данных можно отнести погребение к последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Следует упомянуть, что в коллекции присутствует раннесредневековая пряжка типа Сиракузы. Но учитывая, что весь остальной материал относится к раннежелезному веку и то, что не удалось найти отчета по раскопкам данного погребения, где было бы указано конкретное местонахождение пряжки, можно считать ее попадание в комплекс (или коллекцию) случайным.

Михайловский Перевал (ГКМ-1556). В июле 1958 г. Д.Е. Щеглов доследовал разрушенное погребение (подкуранный дольмен) на территории совхоза Михайловский Перевал, на участке Верхняя Поляна. Отчет о проведении раскопок так же, как и в случае с погребением в Бетте обнаружить не удалось, и была возможность работать только с описью, в которой было указано, что тип погребения представлял собой подкуранный дольмен.

Всего было найдено пять предметов. Бронзовое кольцо диаметром 6,4 см, в поперечном сечении полуовальное, с местами еле читаемым ребром по центру кольца, с одного края имеется небольшой шишковидный нарост (рис. 3, 26). Такие находки интерпретируются как деталь колесничных наборов. Кольца такого типа не известны на территории Северо-Западного Кавказа, они распространены в лесостепных памятниках Бутенки, Квитки, Ольшана, а также степном кладе

у с. Преображенное (Эрлих, 2005, с. 313). Эти погребения А.И. Иванчик датировал не позднее середины VIII в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 125). К такому же выводу пришла М.Н. Дараган, соотнеся их с горизонтом Жаботин Ib (Дараган, 2011, с. 764).

Бронзовый браслет (рис. 3, 27) пластинчатый из тонкого гладкого листа бронзы, концы заходят друг за друга. Его можно соотнести с типом XXV, точные аналогии В.И. Козенковой не известны и найдены всего в трех погребениях могильника Каррас и одного погребения в Домбае (р. Алибек), и датироваться они должны по сопутствующему материалу. В погребениях кобанской культуры они известны в пределах VI – III вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 57).

Бронзовая литая привеска – лабрис-вотив (рис. 3, 28), выполнена в форме симметричных ромбовидных оконечностей, шириной 8 см, орнаментирована горизонтальным валиком, расходящимся под острым углом в три стороны по краям привески, перпендикулярно ей расположена цилиндрическая трубка со сквозным каналом, высотой 3 см. Бронзовые привески в виде птицы, расправившей крылья, известны на Центральном Кавказе в погребениях Фаскау и Адайдонского могильника (XIV – X вв. до н.э.) (Козенкова, 2013, с. 75, рис. 35, 6), известны они так же на памятнике Верхняя Рухта (конец II – рубеж II – I тыс. до н.э.). А.П. Мошинский интерпретировал подвески не только как изображение птиц в полете, но видел в них также изображение двойной секиры, причем придавал этой интерпретации приоритетное значение как культовому, сакральному по назначению (Козенкова, 2017, с. 29-30). Интересны находки бронзовых блях бабочковидной формы со сквозным каналом, проходящим перпендикулярно бляхе, на памятнике Хазанлу IV в Иране и хорошо датированных слоем разрушения, самым концом IX в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Там удалось реконструировать способ расположения блях данного типа друг относительно друга, они украшали голову лошади, плотно нанизывались на ремни занимая все пространство между круглыми бляхами начинаясь от наносного и доходя до конца налобного ремня. Другим регионом, где они представлены более массово являются Балканы. Появляются они на территории Греции еще в конце бронзового века, где использовались в погребениях как поясные наборы у женщин, возможно жриц, а с X в. до н.э. они начинают

проникать на север Балканского полуострова и к VIII – VII вв. до н.э. получают наибольшее распространение (Mitrevski, 2006, p. 89). В Северном Причерноморье они известны в комплексе второй половины VII в. до н.э. Репяховатая Могила п. 1 (Дараган, 2010, с. 105). Реконструкция поясного набора показывает, что привески нанизывались одна к другой, а если цилиндрических трубок не было, то пространство между ними заполнялось бусами. Следует сказать, что хоть найденная привеска морфологически не имеет прямых аналогий, все же к балканским прототипам она наиболее близка и, как мы увидели выше, могла использоваться в зависимости от желания владельца. Вполне возможно, что в единичном экземпляре подобные изделия могли быть и кулонами.

Помимо бронзовых изделий, есть похожие костяные бляхи предскифского времени в виде двух полуovalов, разделенных прямоугольником, но имевшие различные по размерам отверстия для ремней на полуovalах. Они имеют довольно широкое географическое распространение. В Закубанье это прежде всего находка роговой бляхи из п. 83 могильника Пшиш-1 (Эрлих, 2005, с. 290-291). Также они найдены в Жерноклеевском кургане 6, п. 9 и кургане Стрижена могила. Помимо этого, они известны на Кобанском могильнике, п. 31 и в кургане Аржан, камера 26. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Главной особенностью таких изделий является то, что прямоугольник, разделяющий бляху на две части, носит исключительно декоративный характер.

Бронзовая височная подвеска (рис. 3, 29) овальной формы в 1,5 оборота из тонкого круглого в сечении прута. Диаметр изделия 2,5 см, диаметр стержня 0,2 см. Такие подвески в значительном количестве представлены на памятниках Приморско-Абинской группы, ее можно соотнести к типу 1, варианту 1 по классификации В.Р. Эрлиха (Эрлих, 2005, с. 352-353). Привески данного типа были распространены на всей территории ареала кобанской культуры, относятся они ко 2 типу по классификации В.И. Козенковой и датируются они с рубежа II – I тыс. до н.э. до VII – VI вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 35).

Найденная железная кованая тонкая пластина (рис. 3, 30) высотой 4,1 см, треугольной формы со скругленными краями функционально не совсем понятна. Вполне возможно, что она выполняла функцию вставки, потому что какие-либо крепления отсутствуют. С другой стороны,

можно предположить, что крепление могло располагаться со стороны обломанного угла.

Вещевой материал, представленный в коллекции, не может дать нам надежной датировки, единственным предметом, который может быть определяющим в вопросе хронологии погребения является кольцо упряжи колесницы. Поэтому можно говорить о том, что погребение Михайловский Перевал датируется не позднее середины VIII в. до н.э.

Подытоживая рассмотрение материалов погребений, следует еще раз обратиться к немногочисленным записям Д.Е. Щеглова. Он писал, что по устройству погребений и вещевому материалу они составляют единую группу каменных гробниц Геленджик – Фальшивый Геленджик. Помимо этого, по металлу они аналогичны дольмену, раскопанному на территории поселения Бетта (Щеглов, 1957, с. 32) и, соответственно, они должны рассматриваться в общем контексте памятников Приморской группы. Д.Е. Щеглов и И.И. Аханов считали эти погребения лишь поздним этапом дольменной культуры, характеризующимся переходом от классических дольменов II тыс. до н.э. к подкурганным погребениям в период IX – VII вв. до н.э. (Щеглов, 1957, с. 32) или VIII – VII вв. до н.э. (Аханов, 1961, с. 148-149).

И.С. Каменецкий отнес Геленджикские погребения к протомеотскому и раннемеотскому периодам меотской культуры. При этом в разделе, посвященном протомеотскому периоду, вообще никак не была раскрыта причина их включения в культуру, а в разделе по раннемеотскому периоду при анализе погребений он констатировал, что они имеют серьезные отличия от остальных меотских памятников (Каменецкий, 1989, с. 228, 232-233). Некоторую ясность в вопрос протомеотских памятников внес В.Р. Эрлих. Указав на то, что различия между локальными группировками памятников слишком велики, чтобы говорить о протомеотской культуре, он предложил использовать термин – протомеотская группа памятников, которые имели разные источники формирования и разную систему связей (Эрлих, 2005, с. 15, 67).

Иной точки зрения на Геленджикские погребения придерживался Ю.Н. Воронов. По его мнению, они входили в кобано-колхидскую культурную общность, и им был даже выделен отдельный ее вариант в границах приморской зоны от территории Абхазии до Новороссийска, с очень

неудобным названием – «северовостоchnопрichernоморский». Обоснованиями включения в единую общность были: единство металлургической традиции, захоронения в каменных ящиках и традиция подзахоронения в них. Само расширение ареала культуры было связано со значительным развитием земледелия и скотоводства, что вызвало миграционные процессы, которые продолжались вплоть до VIII–VII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 64, 73). Аналогичной версии о сходстве погребальной традиции придерживается С.Л. Дударев, правда, оговаривая, что в Северной Колхиде, наиболее близкой к району Новороссийска, таких погребений нет (Дударев, 1999, с. 113).

Версия Ю.Н. Воронова, на наш взгляд, является наиболее обоснованной и приоритетной. Конечно, нам не известен обряд трупоположения из публикуемых погребений, который бы ответил нам на вопрос о схожести с памятниками Приморской группы и из Западной Грузии, и нам остается только основываться на словесном описании. Однако, несмотря на это, мы считаем версию Ю.Н. Воронова перспективным направлением в изучении памятников Приморской группы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аханов И.И., 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. №1. – М. С. 139-150.
- Брумяко И.В., 2005. Ранние кочевники в Европе. X – V до Р.Х. – Кишинев.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. – Краснодар. С. 21-38.
- Воронов Ю.Н., 2006. Научные труды. Том первый. – Сухум.
- Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды. Том второй. – Сухум.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В., 2010. Клиновое оружие из некрополя Артющенко-2 // Древности Боспора. – М. С. 66-87.
- Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты предки Адыгов. – Майкоп. С. 74-103.
- Дараган М.Н., 2010. Памятники раннескифского времени среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов // Revista arheologica. Vol VI., nr. 2. – Chisinau. С. 85-113.
- Дараган М.Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев.
- Дараган М.Н., 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовле-

ние, метрология и маркировка // Труды государственного Эрмитажа. Т. 77. – СПб. С. 127-170.

Дударев С.Л., 1999. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). – Армавир.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. – М.

Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. №23. – М. С. 75-124.

Ильина В.А., 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА. №3. С. 3-24.

Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М. С. 224-252.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант. – М.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. САИ. Вып. В2-5. Т. 5. – М.

Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир. – М.

Козенкова В.И., 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. – М.

Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. – Тбилиси.

Кузнецова Т.М., 2002. Зеркала Скифии VI – II вв. до н.э. Т. 1. – М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). – Краснодар.

Малышев А.А., 2010. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.-Киев. С. 175-178.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-04. – М.

Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья первой половины I тыс. до н.э. – Анапа.

Пелих А.Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. – Армавир.

Рябкова Т.В., 2003. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. – СПб.

Скаков А. Ю., Джопа А. И., 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. – М. С. 99-109.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М.

Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев.

Шрамко Б.А., 2016. Більське городище в наукових працях Б.А. Шрамка. – Харків.

Щеглов Д.Е., 1957. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Геленджикского района за период 1955-1957 гг. // ГКМ – ф. 2, д. 6.

Эрлих В.Р., 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). – М.

Bader T. 1983. Die Fibeln in Rumanien. Abt. XIV, B.6. C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. – Munchen.

Mitrevski D. 2006. Genesis of the Iron Age Culture in Macedonia Folia archaeologica I. In: Honorem Verae Bitakova Grozdanova. – Skopje. p. 85-96.

Petrescu-Dimbovitza M. 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Editura Academiei Republicii Socialiste Romania. – Bucuresti.

Tanko K. 2005. «Horn-handled» of the Central European Iron Age. In: H. Dobrozańska, V. Megaw, P. Polenska (eds.): Celts on the Margin. – Krakow, p. 153-162.

Triskova J. 2015. Symbolika byka ve strednim eneolitu v Cechach. Zapadoceska univerzita. Fakulta filozoficka. – Plzen.

Рис. 1. Карта расположения погребений. 1 – Фальшивый Геленджик; 2 – Бетта; 3 – Михайловский перевал; 4 – с. Береговое; 5 – Толстый мыс.

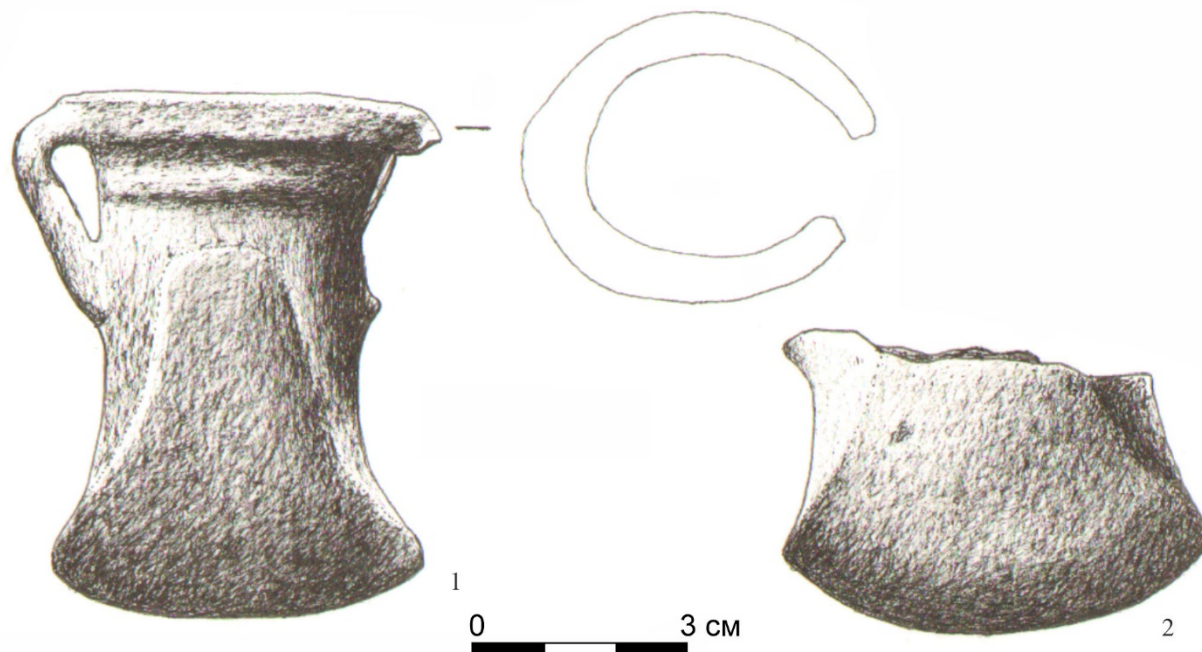

Рис. 2. Бронзовые топоры-кельты. 1 - с. Береговое; 2 - Толстый мыс.

Рис. 3. Материал погребений. А - Фальшивый Геленджик: 1-2 - копья; 3-4 - поясные обоймы; 5 - бляха; 6 - наконечник ремня; 7-8 - височные кольца; 9 - обойма; 10 - лунница; 11 - нож. Б - Бетта: 12-16 - бляхи; 17-19 - браслеты; 20-21 - височные кольца; 22 - роговидное навершие черпака; 23-24 - венчики лепных сосудов; 25 - фрагмент ручки. В - Михайловский перевал: 26 - кольцо; 27 - браслет; 28 - привеска «лабрис-вотив»; 29 - височная подвеска; 30 - пластина. 1-10, 12-21, 26-29 - бронза, 22-25 - глина, 11, 30 - железо.

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

О НОВОЙ НАХОДКЕ ПРОТОМЕОТСКОЙ СЕКИРЫ

Е.В. Муравенко, А.Л. Пелих

Управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации
Краснодарского края, Краснодар, Россия

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия

Аннотация. В статье рассматривается бронзовая секира, изъятая весной 2021 г. в ходе оперативных мероприятий у сбытчика предметов археологии. Показывается, что предмет относится к 1 варианту 2 типа протомеотских секир по классификации В.Р. Эрлиха. Происхождение подобных секир связано, с одной стороны, с птицеголовыми скипетрами, а с другой – с топорами верхнекубанского типа финала эпохи бронзы. Датировка секиры ограничивается временем существования протомеотских памятников, в первую очередь раннечерногоровского-новочеркасского периодов, то есть в основном – VIII в. до н.э.

Ключевые слова: протомеотские памятники, бронзовая секира.

ABOUT THE NEW FIND OF PROTOMEOTIC POLEAXE

E.V. Muravenko, A.L. Pelikh

Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnodar region Administration,
Krasnodar, Russia;

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

Abstract. There is considered a bronze poleaxe which was seized from a distributor of archeological items during police operation in the spring of 2021. It is shown that the item belongs to the 1st variant of the 2nd type of Protomeotic poleaxes according to the classification of V.R. Ehrlich. The origin of such poleaxes is connected, on the one hand, with bird-headed scepters, and on the other, with axes of the Upper Kuban type of the final of the Bronze Age. The dating of the poleaxe is limited by the time of the existence of Protomeotic monuments, primarily the Early Chernogorovka-Novocherkassk periods, that is, mainly - the 8th century BC.

Keywords: Protomeotic monuments, bronze poleaxe.

Весной 2021 года в ходе оперативных мероприятий в г. Краснодаре у сбытчика предметов археологии была изъята бронзовая секира.

Ныне по данному предмету проводится историко-культурная экспертиза. По результатам следственных и судебных действий указанный предмет будет передан в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

Описываемый топорик бронзовый, литой (рис. 1-2). Он имеет прямую спинку и широкое прямое лезвие. Втулка топорика оформлена в виде округлого в сечении стержня-«перехвата», оканчивающегося грибовидным обушком. Лезвийная часть топора расширяется книзу, незаметно со стороны спинки и резко, при этом

несколько закругляясь, – со стороны брюшка. Проушное отверстие – линзовидной формы. Предмет отлит в двустворчатой форме, сверху; ниже проуха – топор в поперечном сечении шестигранный. На боковинах проушины – рельефный орнамент в виде выступов-«глаз», в которые вписаны по три concentрических выступа-дуги. Длина топора 14,5 см, ширина лезвия 6,9 см, размеры проуха 3×0,9 см. Вес – 197 г. Предмет покрыт зеленой патиной.

В целом, рассматриваемый топорик имеет четкие признаки производства на третьем технологическом этапе бронзового века юга Восточной Европы (Бочкарев, 2019, с. 168-170). При этом конкретный контекст обнаружения изделий

схожих с описанным выше, говорит об их функционировании уже в эпоху освоения железа.

Топорики, подобные вводимому в научный оборот, не раз являлись предметом анализа специалистов. В первую очередь А.Л. Пелиха (Пелих, 2003, с. 68-69), А.А. Сазонова (Сазонов, 2006, с. 33-59), и, особенно всесторонне, В.Р. Эрлиха (Лесков, Эрлих, 1999, с. 74-75; Эрлих, 2005, с. 151-162; он же, 2007, с. 109-111). По классификации В.Р. Эрлиха, описанный нами предмет является топором типа 2 – протомеотские секиры с грибовидным обушком, втулка оформлена в виде округлого в сечении стержня-«перехвата». Конкретнее – относится к первому варианту 2 типа: секиры с прямой спинкой, грибовидным обушком и относительно широким лезвием, закругляющимся в нижней части, напоминающим клюв хищной птицы (Эрлих, 2007, с. 110).

Наша секира очень близка, практически идентична, секире из района станицы Абадзехской, хранящейся в Национальном музее Республики Адыгея (далее – НМРА), инвентарный № 12378 (Эрлих, 2004, с. 107, рис. 9, 10; он же, 2005, с. 152, рис. 3, 1). По сведениям А.А. Сазонова, эта секира была случайно найдена на Волчьей горе близ станицы Абадзехской в 1997 г. и передана в НМРА жителем г. Майкопа В.И. Цинкаловым. Размеры этого топора: длина – 13,5 см, ширина лезвия – 5,7 см, проух – 2,8×1,2 см, при этом, как отмечает А.А. Сазонов, изначальные общая длина и ширина лезвия могли быть на 2-3 мм больше, так как предмет до поступления в музей подвергся анонимной обработке электроточилом (Сазонов, 2006, с. 35, 47, рис. 4, 1). То есть, вводимая нами в научный оборот секира, совпадая с абадзехской по форме, лишь несколько (в длину максимум на 1 см) больше последней.

Крайне близок и орнамент на боковинах проушины: и там, и там это рельефный орнамент в виде выступов-«глаз», в которые вписаны концентрические выступы-дуги. Отличие лишь в количестве этих дуг: у нашей секиры их 3, а у абадзехской – 4.

Соответственно, можно говорить о производстве и употреблении этих двух секир в единой культурной среде.

Несмотря на то, что секиры 2 типа по В.Р. Эрлиху в основном известны из внекомплексных находок, они уверенно относятся к протомеотским памятникам (Сазонов, 2006, с. 33-37; Эрлих, 2007, с. 110). Подкреплен этот вывод, в частности, находками таких секир из разрушенного

погребения протомеотского могильника Кочипэ (Ловпаче, 1991. С. 82, табл. VII, 2), с распахиваемой территории протомеотского могильника Табор (Сазонов, 2006, с. 34, рис. 3, 1) и из предполагаемого кургана №8 могильника «Лиманов Кут» (Дмитриев, Сазонов, Нарожный, 2015, с. 84-86, рис. 3, 5).

Кроме того, В.Р. Эрлих отмечает, что такой же выступ – грибовидный обушок – есть как у топорика – птицеголового скипетра из погребения 35 могильника Фарс (предновочеркасского-раннечерногоровского горизонта), так и у ряда связываемых с этим предметом среднеевропейских птицеголовых наверший жезлов (Эрлих, 2005, с. 151-152; он же, 2007, с. 110).

Сходство с птицеговыми жезлами нашего предмета заключается также в форме лезвия, напоминающего клюв хищной птицы, и усиливается овальными рельефными выступами-«глазами» на проухе. То есть, такие топорики можно трактовать как обособленные изображения головы хищной птицы (Эрлих, 2005, с. 152).

Происхождение секир, подобных описанной, связано, с одной стороны, с птицеговыми скипетрами, а с другой – с топорами верхнекубанского типа финала эпохи бронзы (Эрлих 2007, с. 110). С последними нашу секиру связывают не столько ребристое оформление втулки, сколько сочетание таких двух особенностей морфологии как прямой со стороны спинки корпус и прямое лезвие (Пелих, 2003, с. 62). Это сочетание характерно для верхнекубанских топоров эпохи финала бронзы, есть на протомеотских секирах начала раннего железа, но не характерно для изделий кобанской общности, где мы видим либо сильную округлость лезвия, либо изогнутый корпус, либо сочетание этих признаков.

Дата нашей секиры, безусловно, ограничивается временем существования протомеотских памятников, в первую очередь раннечерногоровского-новочеркасского периодов. То есть, в основном – VIII в. до н.э., с возможным как омоложением до начала VII в. до н.э., так и удревнением в IX в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 169; Эрлих, 2007, с. 187).

Назначение подобных предметов не вызывает больших споров у специалистов. Такие секиры, неся рубящую функцию, могут считаться оружием ближнего боя. Но, исходя из относительно небольших размеров данных секир, а также особенностей их оформления, они аргументированно понимаются как статусное оружие, символ

власти (Сазонов, 2006, с. 33-47; Эрлих, 2007, с. 109-112).

ЛИТЕРАТУРА:

Бочкарев В.С., 2019. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 166-170.

Дмитриев А.В., Сазонов А.А., Нарожный Е.И., 2015. О двух разрушенных комплексах протомеотского могильника «Лиманов Кут» // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 15. / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир-Краснодар. С. 84-91.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). – Армавир: «Армавирское полиграфпредприятие». 400 с.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. – М.: Государственный музей Востока. 163 с.

Ловпаче Н.Г., 1991. Могильник Кочипэ (Восточный

в Майкопе // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. VIII. – Майкоп. С. 76-102.

Пелих А.Л., 2003. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового времени // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: РИЦ АГПИ. С. 62-74.

Сазонов А.А., 2006. Бронзовые скипетры протомеотских вождей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: РИЦ АГПУ. С. 33-59.

Эрлих В.Р., 2004. О «птицеголовости» некоторых предскифских топоришков-скипетров // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ (Матеріали Міжнародної наукової конференції) / отв. ред. С.А.Скорый. – Київ: КОРВІН-ПРЕСС, 2004. С. 106-110.

Эрлих В.Р., 2005. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени. Новые аргументы к дискуссии. Материальная культура Востока. Вып. 4. / отв. ред. Л.М. Носкова. – М., 2005. С. 151-162.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. – М.: Наука. 430 с.

Рис. 1. Бронзовая секира.

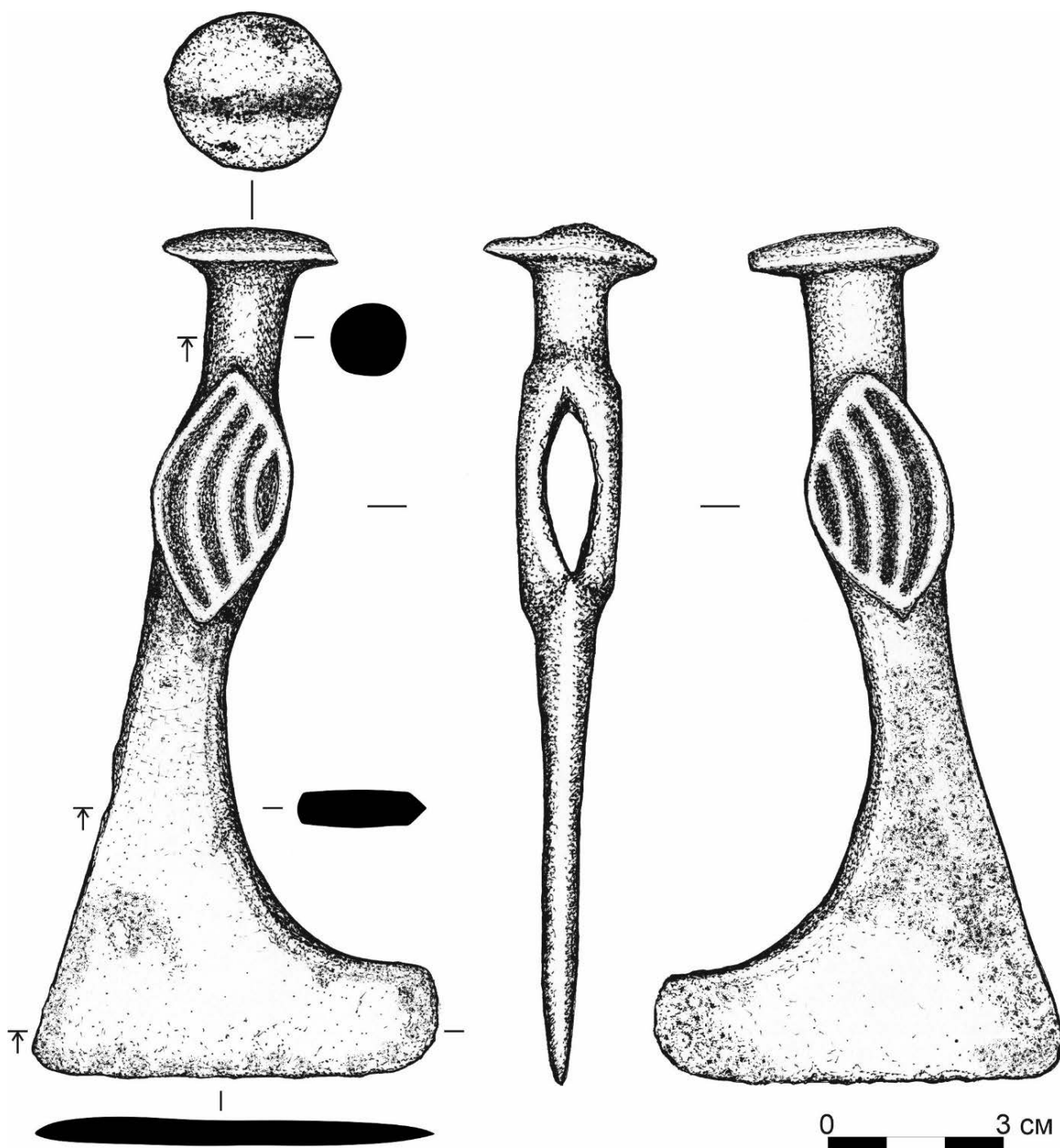

Рис. 2. Бронзовая секира.

О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И.В. КСЕНОФОНТОВОЙ В СЕЛЕ НИЖНЯЯ ЭШЕРА В АБХАЗИИ

А.И. Джопуа, В.А. Ньюшков

Абхазский государственный музей (г. Сухум, Республика Абхазия). Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (г. Сухум, Республика Абхазия)

Аннотация. Статья-воспоминание о видном археологе-античнике И.В. Ксенофонтовой, участнице многих полевых экспедиций, в том числе и на территории Республики Абхазия.

Ключевые слова: И.В. Ксенофонтова, Нижняя Эшера, Эшерское городище, Холм Верещагина, экспедиции.

ABOUT THE FIELD RESEARCH OF I. V. KSENOFONTOVA IN THE VILLAGE OF LOWER ESHERA IN ABKHAZIA

A.I. Jopua, V.A. Nyushkov

Abkhazian State Museum (Sukhum, Republic of Abkhazia). Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia (Sukhum, Republic of Abkhazia)

Abstract. The article is a memory of a prominent ancient archaeologist I. V. Ksenofontova, a participant of many field expeditions, including on the territory of the Republic of Abkhazia.

Keywords: I.V. Ksenofontova, Lower Eshera, Eshera settlement, Vereshchagin Hill, expeditions.

4 января 2021 г. научная общественность, коллеги, родные простились с советским и российским археологом, заслуженным работником культуры РФ, ветераном труда Ксенофонтовой Ириной Васильевной.

Родилась Ирина Васильевна в 1956 г. в Ленинграде. С 1973 г. работала в отделе Античного мира Государственного Эрмитажа, с 1981 по настоящее время старшим научным сотрудником, хранителем отдела истории материальной

культуры и древнего искусства Государственного музея искусства народов Востока (г. Москва). Это был настоящий археолог-античник полевик. Основное её внимание было уделено исследованию археологического богатства Северо-Восточного Причерноморья, Прикубанья, а также нашему южному Причерноморскому региону – Абхазии.

Надо отметить, что в 2003 г. И.В. Ксенофонтова была приглашена для участия в совместной абхазо-российской экспедиции для исследования Эшерского городища. После долгого перерыва работы на этом памятнике были вновь возобновлены под руководством Г.К. Шамба, а также В.Р. Эрлиха.

Немного информации об Эшерском городище. Оно расположено в 11 км к северо-западу от центра г. Сухума в с. Нижняя Эшера. Это достаточно известный в литературе памятник, вошедший в ряд обобщающих работ по античной археологии Причерноморья (Шамба, 1980; Кругликова, 1985, с. 148). Работы на этом городище велись под руководством Г.К. Шамба с перерывами, начиная с 1967 по 1988 г. За это время на

относительно небольшой площади в 4 га был сделан ряд важных открытий: выявлены фортификационные сооружения эллинистического времени, открыто здание общественного характера, где найдены фрагменты бронзовой таблички с греческой надписью конца IV – III в до н.э., обнаружен слой раннеантичного времени, относящийся ко времени начала колонизации региона греками (Шамба, 1980).

Между тем, в 2003 г. изучение Эшерского городища было начато с верхней площадки памятника (у башни №1), где был заложен шурф, превращённый впоследствии в раскоп. Из нижних слоёв этого раскопа происходили фрагменты эллинистической импортной керамики (фрагменты синопских амфор и буролаковых сосудов). В результате, археологическое исследование памятника выявило мощный культурный слой, превышавший 4 метра.

Именно в этом слое были выявлены фрагменты импортной керамики, прежде всего, здесь следует отметить три фрагмента восточно-греческого сосуда. На одном из них сохранились изображения передней части (голова, шея, передняя нога) и задней ноги пасущихся козлов, заполнительного орнамента в виде свастики и точечной розетки, пояса лака и пояса меандра в нижней части фрагмента. На двух других фрагментах – часть ноги козла, заполнительный орнамент и часть пояса меандра. Фрагменты принадлежат крупному сосуду закрытой формы. Вероятно, судя по форме и толщине фрагментов, это была амфора. Сохранность росписи очень плохая, лак практически не сохранился, однако изображение восстанавливается по его следам. Амфоры, являясь не типичной формой для родосско-ионийской керамики, появляются в северной группе в поздний период её существования, в первой половине VI века до н.э. Наиболее близкую эшерским фрагментам аналогию росписи мы находим на березанской амфоре, которая датируется первой четвертью VI в. до н.э. (Эрлих, Ксенофонт, Джопуа, 2016, с. 21).

В результате продолжения работ были подвергнуты изучению слои эллинистического и архаического времени. В первом слое было выявлено большое количество фрагментов черепицы, стенки мегарских чаш, фрагменты чернолаковых и краснолаковых сосудов импортного производства (Джопуа, 2009, с. 12-13). По определению научного сотрудника Московского музея Востока И.В. Ксенофонтовой, найденная керамика

состоит из ранней архаики, датирующейся VI – V вв. до н.э., и керамики IV – III вв. н.э.

Таким образом, датировка первой четверти VI в. до н.э. считается стартовой при определении времени изготовления сосуда (т.е. амфоры), учитывая дальнейшую работу с фрагментами, (Джопуа А.И., Шамба Г. К., Ксенофонт и др., 2004, с. 51-56) и позволяет отнести его к более раннему периоду. Тем самым памятник раскрывает не только историю этого района, но историю материальной культуры одного из древнейших городов Причерноморья – Диоскуриады.

Нельзя не отметить, к восточно-греческой керамике относятся также несколько фрагментов двуручных чаш с точечными розетками и группами вертикальных палочек. Эта группа керамики имела широкое распространение. Особенно типична она для 1-й половины VI века. Представлены также и образцы аттической чернофигурной керамики. Три фрагмента мелкофигурных киликов. На одном изображена задняя нога копытного животного, на другом – часть виноградной лозы и пальметты, на третьем – пальметта на стебле, фланкировавшая ручку. Они принадлежат к так называемым киликам *Vand-sar* с росписью во фризе. Тонкостью росписи отличается фрагмент с изображением ноги животного, на котором сохранились следы применения пурпура. К сожалению, черепок слишком мал для более точного определения его датировки, однако, вероятнее всего, он соотносится с группой киликов, самые ранние образцы которых датируются 550 г. до н.э., поздние – 520 г. до н.э. Относительно фрагмента с изображением лозы сказать что-либо определенное сложно. Мы можем только предположить, что он мог быть украшен росписью с дионисийским сюжетом. Эти сюжеты были широко распространены на поздних мелкофигурных киликах. Пальметта, должно быть, располагалась у ручки и фланкировала композицию (Шамба, А.И. Джопуа, В.Р. Эрлих, 2005, с. 287).

Между тем, импортная керамика была обнаружена и на соседнем холме Амжассара, недалеко от Эшерского городища, там одновременно с городищем функционировало местное поселение Холм Верещагина, известное с эпохи бронзового века. В связи с этим отметим, что Ирина Ксенофонт там также регулярно принимала участие в археологической экспедиции под руководством А.И. Джопуа. Работая там с ней вместе,

а после абхазо-российской экспедиции, став хорошими друзьями, я, вспоминает А.И. Джопуа, часто общался с Ирой и могу сказать: «Ира была очень надёжным, жизнерадостным, улыбчивым человеком. Любила свою работу, была трудолюбивой, могла сутками работать. Если она была на кого-то обижена, скрывала свою обиду».

Так, на поселении Холма Верещагина импортная керамика представлена в виде фрагментов края полосатых киликов, украшенных группами вертикальных палочек, и фрагмента закрытого восточно-греческого (родосского) сосуда с орнаментом в виде меандра между двух полос лака. Импортная керамика встречается в виде остроносовых амфор, восточно-греческих сосудов открытых типов, фрагменты чернолаковых киликов, фрагменты кувшинчика ионийского типа, фрагменты чернолаковой чашечки, фрагменты стенки буролоковой светлоглиняной мисочки, фрагмент полметки и т.д. (Джопуа, 2007, с. 14-15).

Там же, на Холме Верещагина, в 2006 г. было доследовано случайно обнаруженное захоронение. Датировочным материалом является найденный фрагмент аттического чернолакового килика кон. VI – V вв. до н.э., а также найденный фрагмент восточно-греческого (ионийского) килика с полосами лака, который может быть отнесён к VI – V вв. до н.э. Здесь же недалеко, в обрыве от хозяйственной ямы были обнаружены железные удила, звенья которых откованы вместе с трёхпестельчатыми псалиями и которые представляют вариант развития переднеазиатско-закавказской схемы узды (Джопуа, Ксенофонтова, Шамба и др., 2007, с. 574). В 2011 г. на этом поселении были найдены в захоронениях два хорошо сохранившихся чернолаковых скифоса разной величины, на низкой ножке с двумя горизонтально расположенными ручками. Время – IV – III вв. до н.э. (Джопуа, Нюшков, 2019, с. 13).

Хотелось бы ещё отметить, Ирина Васильевна всегда была желанным гостем в Абхазии. Её всегда были рады видеть в Абхазском государственном музее. Она часто консультировалась со своими коллегами из отдела археологии Абгосмузея – М.К. Хотелашвили-Инал-ипа, Д.В. Ахба и др. И.В. Ксенофонтова изучала фондовые материалы античного времени в нашем госмузее.

И ещё к этому добавим. В 2017 г. в Абхазии заработала новая абхазо-российская археологическая экспедиция в с. Балан (Адзюбжа)

(руководители И.И. Цвинария, А.Б. Белинский). В ней активное участие приняла Ирина Васильевна, и нам вновь посчастливилось встретиться с этим замечательным человеком. Её позитив, заряд энергии ощущались на расстоянии, она по-настоящему была преданна своей работе.

Нельзя не отметить, И.В. Ксенофонтова – автор ряда совместных публикаций по абхазской античной археологии, изданных по итогам нескольких абхазо-российских экспедиций: **«Исследование Эшерского городища в 2003 г.»**, **«Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н. э.»**, **«Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии»**, **«Новые открытия на Эшерском городище»** и др. Принимала участие в ряде археологических конференций, проводившихся в Абхазии. В частности, в декабре 2016 г. Ирина Васильевна участвовала в международной научно-практической конференции «Древняя Диоскуриада». Для Абхазии это был значимый форум, на котором ставилась задача не только обсудить, но и предложить решение, когда праздновать день города, нашей столицы.

Важно отметить и следующее: Ирина Ксенофонтова вместе с В.Р. Эрлихом и О.А. Брилёвой, а также с О.Х. Бгажба, А.И. Джопуа, С.В. Вороновой (при поддержке российского гуманитарного научного фонда) в течение трёх лет работала, разбирая богатый архив Ю.Н. Воронова. Так, в 2010 г. в рамках гранта была издана брошюра с найденной рукописью Юрия Воронова «Абхазская Атлантида». Были обнаружены также рукописи Юрия Николаевича «Материалы археологических раскопок в Цебельде» и «Аргонавты сходят на берег».

А мы, её друзья, навсегда запоем Ирину Васильевну Ксенофонтову, как яркого человека, её жизнерадостность, высокие душевные и этические качества. Светлая память о ней сохранится в наших сердцах навсегда.

ЛИТЕРАТУРА:

Джопуа А.И., 2007. Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск IV / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. С. 12-29.

Джопуа А.И., 2009. Центральная Абхазия в I в. до н.э. по археологическим памятникам села Эшера: автореф. дис. ... к. и. н. – М. 23 с.

Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Шамба Г.К., Эрлих В.Р., 2007. Исследования в селе Нижняя Эшера (Абхазия) / Отв. ред. Н.В. Лопатин // АО 2005. – М.: Наука. С. 574.

Джопуа А.И., Ньюшков В.А., 2019. Античный импорт на многослойном поселении Холма Амжассара в с. Нижняя Эшера (Абхазия) // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез» / отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: Скифия-принт С. 12-14.

Джопуа А.И., Шамба Г.К., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2004. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: *проблемы хронологии и датировки памятников* / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 51-56.

Кругликова И.Т., 1984. Античная археология. – М.: Высшая школа, 1984. 216 с.

Шамба Г.К., 1980. Эшерское городище (Основные

результаты археологических раскопок 1968, 1970 – 1977 гг.). – Тб.: Мецниереба 66 с.

Шамба Г.К., Джопуа А.И., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., 2005. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н.э. // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. – Краснодар. С. 287-290.

Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., Джопуа А.И., 2016. Древнейшие контакты региона Диоскурии с античным миром. Эшерское городище в архаическую эпоху // Материалы международной научно-практической конференции к дню города Сухум «Древняя Диоскуриада». – Сухум С. 20-35.

ДВА НОВЫХ ШЛЕМА ГРУППЫ МАЙКОП¹

А.В. Дедюлькин, К.А. Крутоголовенко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

ВООПИК (Краснодар, Россия)

Аннотация. Статья посвящена двум конфискованным шлемам, найденным в результате незаконных раскопок на территории черноморского побережья Краснодарского края или в предгорьях Адыгеи. Эти шлемы существенно отличаются от классических наголовий халкидского типа, но достаточно сходны между собой. Находки подобных шлемов известны только в Северном Причерноморье. Наголовья этого типа объединяются исследователями в группу Майкоп и серию Сочи. В статье рассматриваются вопросы генезиса и хронологии шлемов данного типа, возможная локализация производственных центров. Уточняется хронология некоторых комплексов со шлемами данного типа.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Северное Причерноморье, эллинизм, шлемы, Митридат VI Евпатор, оружейники.

TWO HELMETS OF 'МАЙКОП' TYPE

A. V. Dedyulkin, K.A. Krutogolovenko

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

All-Russian Society for Preservation of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) (Krasnodar, Russian Federation)

Abstract: The article is about two helmets from illegal excavations in the Krasnodar region. The helmet finds from the Western Caucasus are grouped together here based on their distinct form and features, which are not found in finds from anywhere outside the North Black Sea region. The group takes its label of 'Maikop' type and 'Sochi' type from the helmets of identical manufacture. The paper deals with genesis and chronology of these helmets, and potential workshops. Refinements are made to the chronology of some assemblages and stray finds.

Keywords: Western Caucasus, North Black Sea region, Hellenistic period, helmets, Mithridates VI Eupator, armorers.

Воинское снаряжение населения Северо-Западного Кавказа раннего железного века давно привлекает внимание исследователей. В последние годы количество предметов вооружения значительно пополнилось в результате конфискации артефактов из грабительских раскопок и передачи этих предметов в Музейный фонд РФ. В первой половине 2021 года в ходе проведения оперативно-розыскных работ на территории Краснодарского края были изъяты несколько археологических коллекций, содержащих разновременные вещи от эпохи бронзы до позднего средневековья. Экспертами ВООПИК были составлены акты историко-культурной экспертизы, в дальнейшем артефакты поступят в государственный Музейный фонд. Помимо публикуе-

мых в данной статье двух шлемов, среди изъятых предметов были керамические, металлические и стеклянные сосуды, датируемые примерно тем же временем². Не исключено, что эти находки происходят из одного могильника, но достоверно установить это невозможно. Наиболее вероятно, что все предметы были получены в результате незаконных раскопок на территории черноморского побережья Краснодарского края или в предгорьях Адыгеи. Применительно к Северо-Западному Кавказу следует рассматривать два основных направления поступления товаров: через города Боспорского царства, и из Колхиды, через перевалы Западного Кавказа, по т.н. Меото-Колхидской дороге. Именно через перевалы Западного Кавказа проходили древние пути

¹ Для этой группы наголовий мы используем название, предложенное Д.П. Алексинским [Алексинский, 2013. С. 58–59].

² Этим материалам будет посвящена отдельная публикация.

из Северо-Восточного Причерноморья в Закубанье (Раев, 2006. С. 306–307), от меотов в Колхиду, и в этом смысле принятое в историографии название вполне корректно.

Оба публикуемых шлема, вероятно, изготовлены из меди¹. Оба наголовья завершаются вытянутой, уплощенной с боковых сторон тульей, отделенной от нижней части рельефным уступом² (Рис. 1, 2, 3, 4). Пропорции тулий различны, у первого шлема она выше. Назатыльник в обоих случаях опускается вниз почти отвесно, без анатомического прогиба внутрь относительно тыльной стороны тули шлема, нижняя часть назатыльника отогнута назад под тупым углом. На передней части венца обоих шлемов по нижнему краю проходят рельефные полукружья надглазных выемок, разделенные наносником. Поверхность второго шлема лужена оловом (Рис. 3). Ушные вырезы обрамлены рельефными полукружьями, аналогичными окантовкам надглазных выемок. На луженом шлеме эти обрамления выражены значительно сильнее. Нашечники первого шлема U-образной формы, практически симметричные (Рис. 1, 2). Нашечники луженого шлема на переднем крае оформлены двумя сегментовидными выемками (Рис. 3, 4). Оба шлема несомненно подвергались реставрации, были заменены утраченные древние оси шарниров нашечников, луженый шлем на момент находки явно был сильно деформирован. В современном состоянии толщина нашечников первого шлема составляет 0,8–1 мм, толщина нашечников второго, луженого, шлема – 0,3 мм.

Оба публикуемых шлема могут быть соотносены с т.н. группой Майкоп³. Долгое время эти наголовья не выделялись среди импортных греческих халкидских⁴ шлемов типа V по классификации Г. Пфлюга [Pflug, 1988. S. 145, abb. 2, Tur V] и рассматривались вместе с ними. Б.З. Рабинович отметил определенное своеобразие формы, и предположил, что это поздние разновидности халкидских шлемов, которые датируются не позднее III в. до н.э. Наголовья с нашечниками U-образной формы тогда не были известны, а нашечники с выемками исследователь справедливо сопоставил с нашечниками некоторых шлемов эллинистического периода [Рабинович,

1941. С. 147–148]. Е.В. Черненко рассматривал эти наголовья вместе с классическими образцами халкидских шлемов типа V [Черненко, 1968. С. 83–86, 183]. А.В. Симоненко не различает халкидские шлемы типа V и грубые подражания, придумав сложные объяснения их своеобразной морфологии. Относительно шлемов из Мезмая и Казачьего Брода исследователь высказал предположение, что их долго использовали и подвергли переделке, поскольку их нашечники – позднеэллинистические [Симоненко, 2008. С. 268], а тули относятся к IV в. до н.э. и были «спрямлены выколоткой» [Симоненко, 2015. С. 204]. Надо отметить, что шлем из Мезмая, исходя из рисунка и описания Б.З. Рабиновича [Рабинович, 1941. С. 147–148, рис. 17], является грубым наголовьем-подражанием, как и шлем из Казачьего Брода [Овчинникова, 2011. С. 130, табл. 3, 3]. Нашечники на обоих шлемах изготовлены одновременно с самими шлемами, в той же манере и по той же технологии. Технологические отличия шлемов-подражаний заключаются в том, что они полностью выкованы из тонкого листа металла, включая наносник и надглазные выемки. На халкидских шлемах типа V эти детали массивные за счет использования литой заготовки.

С. Чандрасекаран и Д.П. Алексинский независимо друг от друга установили, что эти шлемы существенно отличаются от классических наголовий халкидского типа V, но достаточно сходны между собой и изготовлены в рамках общей самобытной традиции. С. Чандрасекаран объединила некоторые из этих шлемов в группу мастерской Сочи, тип Сочи [Chandrasekaran, 2012. P. 124–135; Чандрасекран, 2013. 2016], а Д.П. Алексинский обозначил подобные наголовья как тип Майкоп⁵ [Алексинский, 2013. С. 58–59; Алексинский, 2016. С. 54]. Не вызывает сомнений, эти шлемы воспроизводят форму греческих наголовий, но с сильным искажением морфологии и пропорций, модификацией формы нашечников и иным декором. Для этой группы наголовий мы используем название, предложенное Д.П. Алексинским по месту приобретения шлема из Государственного Эрмитажа, одного из первых, попавших в поле зрения исследователей. Не вызы-

¹ Все шлемы аналогичной формы, для которых проводились измерения элементного состава металла (из собрания Государственного Эрмитажа; из бывшей коллекции Карисаловых – ныне хранящиеся в ГМИИ им. А.С. Пушкина; из оленария в Адыгее), изготовлены из меди.

² Авторы выражают искреннюю признательность А.Ю. Королю, выполнившему рисунки шлемов.

³ Основные положения данной статьи, посвященные шлемам

группы Майкоп, были представлены в соответствующем разделе диссертации одного из авторов [Дедюлькин, 2020. С. 112–117].

⁴ В русскоязычной историографии до недавнего времени такие наголовья обозначались термином «аттический».

⁵ Доклад Д.П. Алексинского на заседании ОАМ ГЭ 11 апреля 2012 г. «Северокавказские имитации греческих шлемов (К вопросу о месте производства шлема из Майкопа)».

вает сомнений и атрибуция С. Чандрасекаран нескольких практически идентичных наголовий из собрания Музея истории города-курорта Сочи как продукции одной мастерской. Шлемы серии Сочи входят в группу Майкоп. К мастерской Сочи можно отнести второй из публикуемых нами шлемов (Рис. 3, 4). Принципиальное значение имели исследования элементного состава металла шлемов группы Майкоп, проведенные по инициативе Д.П. Алексинского. Было установлено, что эти шлемы изготовлены из меди, а не оловянистой бронзы, а их внешняя поверхность лужена оловом [Алексинский, 2013. С. 58–59; 2016, с. 57, 58, 62, 65, 66].

Большинство находок шлемов этого типа происходит с северо-восточного побережья Черного моря (от р. Пшада до р. Псоу¹), два найдены в долинах рек Белая и Курджипс, где проходили пути с черноморского побережья в Закубанье. С. Чандрасекаран датировала IV в. до н.э. шлемы мастерской Сочи и близкие им наголовья группы Майкоп. Датировка, предложенная С. Чандрасекаран, обусловлена тем, что исследовательница не учитывает контекст некоторых находок (комплексы из с. Прогресс², Казачьего Брода), либо использует устаревшие представления о хронологии некоторых предметов (комплекс из с. Лазаревское), что приводит к некорректным выводам. К сожалению, ни одного шлема этого типа не было найдено в ходе археологических раскопок, это находки из разрушенных комплексов. Но даже имеющиеся фрагментарные данные позволяют составить достаточно четкое представление о хронологии наголовий группы Майкоп. Разрушенные погребения из с. Богушевки [Воронов, 1979. С. 64, рис. 33: 1–8] и с. Прогресс, расположенные на расстоянии около 4 км друг от друга, содержали совершенно идентичные шлемы. Еще одно аналогичное наголовье происходит из разрушенного грабителями святилища у с. Казачий Брод. Примечательно, что в инвентарь погребения в с. Прогресс входил меч с кольцевым навершием, среди материалов святилища у с. Казачий Брод найдены меч с аналогичным навершием, бронзовая ситупа с железной ручкой, серебряные сосуды I в. до н.э. – I в. н.э. [Овчинникова, 2011. С. 129–137; Журавлев, Трейстер, Хрисанова, 2009. С. 456]. Шлем из Мезмая, судя

по рисунку в публикации Б.З. Рабиновича относящийся к серии Сочи, был найден вместе с мечами с кольцевым навершием, помятым серебряным сосудом, глиняным одноручным сосудом «сарматского типа» [Рабинович, 1941. С. 147]. К сожалению, предметы известны только по упоминанию, их изображений нет. Мечи с кольцевым навершием не позволяют датировать ни один из этих комплексов временем ранее II в. до н.э. Датировка комплекса из Лазаревского в рамках IV в. до н.э. выводится С. Чандрасекаран из предложенной Б.В. Фармаковским датировки фрагментированного серебряного сосуда, построенной на анализе стилистики изображения [Чандрасекаран, 2013. С. 395–396]. Исследователь датировал чашу первой третью IV в. до н.э. [Фармаковский, 1921. С. 201]. Чаша из погребения в с. Лазаревском не находит аналогий среди серебряных канфаров IV в. до н.э. Профиль чаши соответствует серебряным сосудам I в. до н.э. – I в. н.э. М.Ю. Трейстер полагает, что это сосуд I в. н.э. [Журавлев, Трейстер, Хрисанова, 2009. С. 457, прим. 100].

Уже приходилось отмечать, что наголовья группы Майкоп не могут датироваться ранее III в. до н.э., а верхняя граница их бытования определяется материалами из Мезмая и т.н. Мзымтинского клада (святилища у с. Казачий Брод) II – I вв. до н.э. [Дедюлькин, 2014. С. 177–178]. Д.П. Алексинский в настоящее время придерживается схожих взглядов на их датировку [Алексинский, 2016. С. 57–58, 62, 65, 66]. Очень важны наблюдения Д.П. Алексинского о морфологии и относительной хронологии шлемов группы Майкоп. По предположению исследователя более изящные шлемы, форма которых ближе халкидским наголовьям типа V, являются ранними и датируются концом III – II вв. до н.э., а грубые и самобытно украшенные шлемы (в том числе серия Сочи) относятся к более позднему времени – второй половине II – I вв. до н.э. Датировка шлемов группы Майкоп, предложенная Д.П. Алексинским, была принята О. В. Тугушевой и П.А. Никулиным, с возможным удревнением более изящных шлемов до конца IV в. до н.э. [Тугушева, Никулин, 2019. С. 39]. Первый из публикуемых нами шлемов (Рис. 1, 2) может быть отнесен к более ранней разновидности. Од-

¹ Ещё один шлем хранится в Краеведческом музее г. Ланчхути [<http://bettravel.ge/index.php?hide=mg6; Chandrasekaran, 2012. P. 125>].

² Шлем, найденный в разрушенном при строительных работах погребении в с. Прогресс, хранящийся в Музее истории города-курорта Сочи, рассматривается исследовательницей как

беспаспортный. Между тем, в музейной документации отражены обстоятельства и место его находки. Некоторые предметы из этого комплекса поступили в музей вместе со шлемом.

нако эти хронологические построения нуждаются в определённых оговорках. Судя по датировке комплекса из Лазаревского более изящные шлемы (условно ранние) использовались вплоть до рубежа эр. Не исключено, что некоторые из них датируются тем же временем, что грубые шлемы серии Сочи. Вполне возможно, что шлем, найденный на городище Артезиан [Винокуров, 2015. С. 287], тоже датируется II – I вв. до н.э. Примечательно, что на условно раннем шлеме из коллекции Карисаловых [Алексинский, 2016. С. 66–67] нижний край назатыльника резко отогнут назад, подобно тому, как отогнуты назатыльники поздних шлемов мастерской Сочи. У греческих шлемов халкидского типа V такое оформление не зафиксировано ни разу.

Поздние шлемы мастерской Сочи, к которым относится второй из публикуемых шлемов (Рис. 3, 4), очень близки между собой. Они происходят из комплексов, датирующихся не ранее конца II в. до н.э. Значительный интерес представляют медные чешуйки панциря, обнаруженные в башне на Раевском городище [Малышев, Дрыга, Колесник, 2020. С. 239–241], в контексте II в. до н.э. – рубежа эр. Начиная с раннескифского времени для производства доспехов применялась оловянистая бронза, мастерам было хорошо известно, какие преимущества в прочности дает лигатура. Вполне возможно, что выбор меди без лигатуры был обусловлен не какой-то особой самобытностью ремесленной традиции Западного Кавказа, а массовым производством и проблемами с поставками олова¹. Можно осторожно предположить, что медные шлемы (по крайней мере, их поздняя группа) централизованно производились для армии Митридата VI или Фарнака II.

Алексинский Д. П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013.

Алексинский Д. П. Античные шлемы // Наследие античного мира. Коллекции из собрания Михаила и Елены Карисаловых и Государственного музея-заповедника «Павловск». Каталог выставки. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2016.

Винокуров Н.И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. — К.: ІА НАН України, 2015. Вип. 1 (14).

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

Дедюлькин А. В. *Защитное снаряжение местного*

производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху // *Stratum plus*, 2014, № 3.

Дедюлькин А.В. Защитное снаряжение населения Крыма и Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. ФГБУК *Государственный музей искусства народов Востока*. Москва, 2020.

Журавлёв Д.В., Трейстер М.Ю., Хрисанова О.П. Художественное серебро «Мзымтинского клада» (предварительная информация) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы междunarодной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2009.

Малышев А.А., Дрыга Д.О., Колесник Д.А. Комплекс башенного сооружения Раевского городища: некоторые результаты исследований // КСИА. Вып. 258. М., 2020.

Овчинникова Б.Б. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011, Вып. 7.

Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1.

Раев Б. А. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Бжания В. В. (отв. ред.). Первая Абхазская международная археологическая конференция. Материалы. Сухум: Институт истории материальной культуры РАН; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, 2006.

Симоненко А.В. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий // Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья (издание 2-е). Киев: Издатель Олег Филук, 2015.

Тугушева О.В., Никулин П.А. Шлемы // Античное собрание семьи Карисаловых. М: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2019.

Фармаковский Б.В. Серебряная украшенная рельефами чашка Новороссийского музея // Известия РАИМК. Т. 1. 1921.

Чандрасекаран С. Античный шлем халкидского типа в коллекции Новороссийского исторического музея-заповедника // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968.

Chandrasekaran S. The Western Caucasus – Imported Armour in the Hellenistic Period. *PhD thesis. Oxford*, 2012.

Pflug H. Chalkidische Helme // Bottini A. (ed.). *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Monographien RGZM. Band 14. Mainz*, 1988.

<http://betravel.ge/index.php?hide=mg6> – дата обращения 13.08.2021

¹ Расход металла на лужение совершенно мизерный по сравнению с расходом на 10% лигатуру.

Рис. 1. Шлем № 1 группы Майкоп. Фотографии К.А. Крутоголовенко.

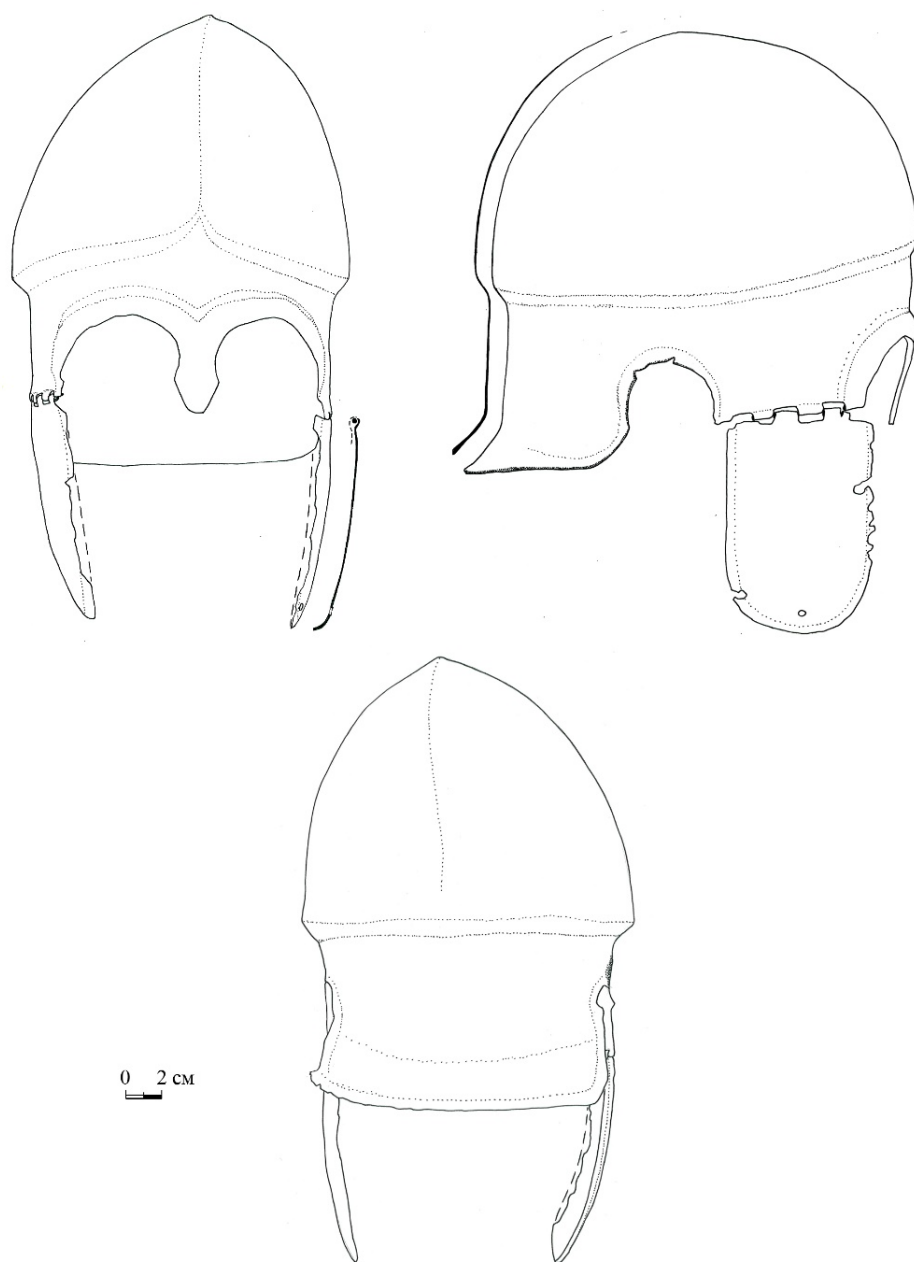

Рис. 2. Шлем № 1 группы Майкоп. Рисунок А.Ю. Короля.

Рис. 3. Шлем № 2 группы Майкоп. Фотографии К.А. Крутоголовенко.

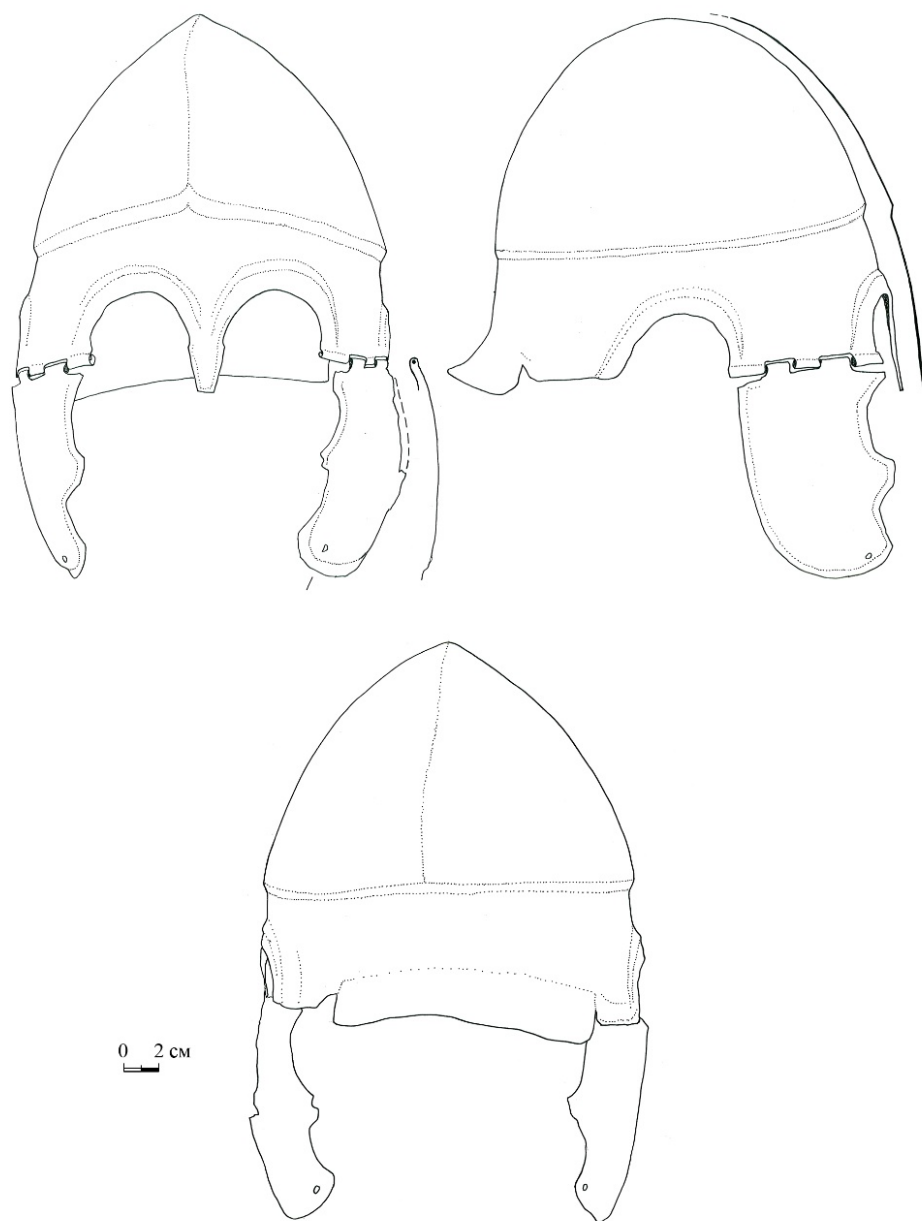

Рис. 4. Шлем № 2 группы Майкоп. Рисунок А.Ю. Короля.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

А.А. Коцева

Национальный музей РА, г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются фигурные изделия из египетского фаянса (плакетки, подвески, амулеты) из фондов НМРА, найденные на бытовых и погребальных памятниках Закубанья V – IV вв. до н.э. и I – III вв. н.э. Они имеют отношение к погребальным культам и обрядам местного, меотского населения и кочевых групп, относящихся к сарматской археологической культуре. Основной целью статьи является составление свода этих находок. Дается их количественная и типологическая характеристика. Рассмотрены особенности технологии производства египетского фаянса и изделий из него.

Ключевые слова: египетский фаянс, плакетки, подвески, амулеты, скифы, меоты, Закубанье.

COLLECTION OF OBJECTS FROM THE EGYPTIAN FAIENCE IN THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ADYGEA

Kotseva A.A.

NMRA, Maykop, Russia

Abstract. The article deals with figured products from Egyptian faience (plaques, pendants, amulets) from the funds of the NMRA, found on the household and funerary monuments of Zakubanya V-IV centuries BC and I-III centuries AD. They are related to the funerary cults and rites of the local, Meotian population and nomadic groups belonging to the Sarmatian archaeological culture. The main purpose of the article is to compile a set of these finds. Their quantitative and typological characteristics are given. The features of the technology of production of Egyptian faience and products from it are considered.

Keywords: Egyptian faience, plaques, pendants, amulets, Scythians, Meots, Zakubanye.

В собрании Национального музея Республики Адыгея хранится небольшая коллекция предметов из египетского фаянса. Всего 15 предметов: из них 5 бусин, 9 амулетов и 1 украшение.

Определение «египетский фаянс» является условным. У этих предметов нет глинистого черепка, определяющего категорию фаянса, они состоят из основы, покрытой глазурью. Основа может быть разной. В ранних изделиях в качестве основы использовали минерал стеатит. В более поздних основа состояла из смеси различных веществ, основным компонентом которых было химическое соединение солей натрия, кальция, магния, а также углерода, окиси железа и др. От состава смеси и процентного соотношения этих компонентов зависело получение полустеклянного или самоглазурирующего фаянса. Состав сырья диктовал цвет изделия. Встречаются предметы белого, буро-красного, фиолетового,

темно-синего, желтовато-зеленого, темно-зеленого и бирюзового цвета. Присутствие в сырье марганца придает изделию фиолетовый и красный цвет. Сурьмянокислый свинец и железо сообщают желтую окраску. Кобальт – темно-синюю, углемедная соль (малахит), окиси меди и железа – бирюзовую и зеленую (Алексеева, 1975. Egyptian Faience). Основа изготавливалась из глазурованной кварцевой фритты или толченого кварца, затем отлитое изделие в процессе обжига покрывалось стекловидной щелочной глазурью. Процесс изготовления фаянса был впервые разработан в Месопотамии и перенят финикийцами, которые считались искусными мастерами. Предполагается, что египтяне взяли именно финикийскую технику и улучшили ее.

В раннее античное время изделия из фаянса поставляли из Навкратиса (Египет, устье Нила) (рис. 1). О месте изготовления изделий из египетского фаянса в более позднее время исследователи не располагают достоверной информацией

(Ксенофонтова, 2018, с. 354). В Закубанье изделия из египетского фаянса поступали из античных центров – Пантикапея, Херсонеса, Танаиса и других греческих городов, расположенных на северном и восточном берегах Черного моря. Фаянсовые предметы включались в ожерелья небольшого размера, состоявшие из различных бус и подвесок, или носились в подвешенном к поясу кожаном мешочке вместе с другими амулетами.

В коллекции Национального музея большая часть предметов происходит из хорошо датированных памятников, и три изделия являются случайными находками на территории западной части Закубанья (рис. 2).

Вся коллекция по датам комплексов, из которых происходят вещи, делится на две хронологические группы и подтверждается классификацией Е.М. Алексеевой: 1) V – IV вв. до н.э. 2) I – III вв. н.э.

Первая группа

Украшение. Происходит из скопления 7, кургана 1, могильника Вочепшийский, исследованного Д.В. Акимовым в 2011 г. (рис. 3). Скопление 7 выявлено в основании насыпи кургана и является его центральным ритуальным объектом. Представляет собой бессистемное скопление костей животных, преимущественно лошадей, свиней и мелкого рогатого скота. Среди остеологического материала обнаружено множество осколков керамической и металлической посуды, сломанных украшений, предметов вооружения и снаряжения воина. Наиболее значимыми находками являются детали бронзового пластинчатого доспеха, которые равномерно распространялись по всей площади скопления. Кроме того, в составе скопления 7 представляют интерес украшения, стеклянный бисер, фрагменты чернофигурного античного сосуда, а также амфоры. По чернофигурному килику погребение датируется автором в пределах 1-й трети 5 века до н.э. (Отчет о раскопках кургана 1 могильника Вочепшийский и поселения на кургане вблизи аула Вочепший Теучежского района Республики Адыгея в 2011 г., с. 30).

Из скопления 7 интересна следующая находка – подвеска из золотой проволоки, на которую была нанизана пронизь из египетского фаянса. Размеры: длина пронизи – 1,0 см, ширина – 0,7 см. (рис. 4). Пронизь желтоватого цвета изображает жука-скарабея с выделенной головой и

спинкой, расчлененной только на два крыла. Канал отверстия направлен вдоль туловища жука. Бусина относится к первому типу скарабеев из египетского фаянса по классификации Е.М. Алексеевой (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Бусина. Происходит из погребения 4, Гиагинского кургана 1, исследованного А.А. Товом в 1990 г. (рис. 5). Погребение 4 обнаружено в 6,5 м к востоку от ЦР на глубине 1,75 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине. В области левой ключицы находилась халцедоновая бусина. В области стопы лежали обломки небольшого сероглиняного сосуда с одной ручкой на кольцевом поддоне. Около фрагментов находился железный сильно корродированный предмет (нож?). Бусина из египетского фаянса была обнаружена с левой стороны нижней челюсти (Отчет о раскопках кургана 1 у ст. Гиагинской 1990 г.) Бусина биконическая, 8-ми реберчатая, розоватого цвета с аккуратными глубоко прорезанными дольками, с мягкими очертаниями параллельно каналу отверстия (рис. 6). Размеры: диаметр 2,0 см, высота 1,5 см, диаметр отверстия с одной стороны 0,2 см с противоположной стороны 0,4 см. Тип 13, вариант б. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Вторая группа

В Тахтамукайском могильнике, исследованном Н.В. Анфимовым в 1958 г., интерес для нас представляет погребение 30. Находилось оно в восточной части квадрата 6 на глубине 1,15 м. В погребении обнаружено захоронение ребенка, скелет был в положении вытянуто на спине, ориентирован головой на ЗСЗ. Справа у черепа стояла сероглиняная миска, внутри которой находилась сероглиняная кружка с петлевидной ручкой. Там же находились лепная вазочка на поддоне и часть глиняного пряслица. В области шеи найдены три бусины из египетского фаянса голубого цвета, а также халцедоновая, сердоликовая и стеклянная (Анфимов, 1961, с. 194).

Бусины из египетского фаянса округло ребристые, с одинаковыми глубоко прорезанными островерхими дольками, параллельными каналу отверстия и отходящими от его краев. Число долек достигает 12-16. Бусины относятся к типу 13, варианту а. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience). Датируются I – III вв. н.э.

Бусина 1. (рис. 7). Бусина округло ребристая, с одинаковыми, глубоко прорезанными островерхими дольками, параллельными каналу отверстия и отходящими от его краев, число долек

12. Высота 1,3 см, диаметр 1,5 см, диаметр отверстия 0,3 см.

Бусина 2. (рис. 8). Бусина округло ребристая, с одинаковыми, глубоко прорезанными островерхими дольками, параллельными каналу отверстия и отходящими от его краев, число долек 21. Высота 1,3 см, диаметр 1,5 см, диаметр отверстия 0,4 см.

Бусина 3. (рис. 9). Бусина округло ребристая, с одинаковыми глубоко прорезанными островерхими дольками, параллельными каналу отверстия и отходящими от его краев, число долек 12. Высота 0,7 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,1 см.

В Тахтамукайском могильнике, в погребении 25, были найдены несколько предметов из фаянса. Находилось оно в юго-восточном углу квадрата 5, частично заходя в квадрат 2. Скелет женщины, обнаруженный в погребении, был ориентирован черепом на ЗЮЗ, в положении вытянуто на спине. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе, кости предплечья на тазовых костях. Кости правой руки были вытянуты вдоль скелета. В области шеи было обнаружено ожерелье, состоявшее из мелких стеклянных и пастовых бусин и бронзовых спиральных подвесок. С левой стороны на уровне локтевого сустава лежала лепная миска со слегка загнутым внутрь краем. Под дистальным концом левой голени находилась лепная вазочка на поддоне. Под вазочкой находились два кремневых осколка. У левой голени лежали мелкие стеклянные бусы, и предметы из египетского фаянса голубого цвета: два медальона с личиной (один утрачен) и два скарабея. Еще три скарабея, синяя бусина и пряслице из фрагмента красноглиняного сосуда находились у левой ступни, на уровне 10 см. выше дна могилы. Два скарабея утрачены. Датируются скарабеи и медальон I – III вв. н.э. (Анфимов, 1961, с. 194).

Скарабей 1 (рис. 10). Размеры: длина 1,8 см, ширина 1,4 см. Пронизь белого цвета, голубая глазурь на верхней части утрачена, сохранилась только на нижнем щитке. Пронизь изображает жука-скарабея со спинкой, расчлененной сплошь бороздками. Сохранились слабые следы этого расчленения. На нижнем щитке два углубленных S-видных знака, изображенных последовательно один за другим (знак Змеи). Канал отверстия направлен вдоль туловища жука. Лапки не выделены. Бусина относится ко второму варианту

скарабеев из египетского фаянса по классификации Е.М. Алексеевой (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Скарабей 2 (рис. 11). Размеры: длина 1,6 см, ширина 1,3 см. Пронизь белого цвета, голубая глазурь утрачена. На спинке сохранился небольшой участок голубого цвета. Пронизь в виде жука-скарабея со спинкой, расчлененной сплошь бороздками. Сохранились слабые следы этого расчленения. В области головки утраты. На нижнем щитке два углубленных S-видных знака, изображенных последовательно один за другим (знак Змеи). Канал отверстия направлен вдоль туловища жука. Лапки не выделены. Бусина относится ко второму типу скарабеев из египетского фаянса по классификации Е.М. Алексеевой (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Скарабей 3 голубого цвета (рис. 12). Размеры: длина 2,0 см, ширина 1,5 см. Пронизь изображает жука-скарабея со сложно расчлененной головкой, обрамленной шишечками, со спинкой, сплошь покрытой бороздками, с выделенными лапками. Нанесены линии, показывающие места схождения крыльев и выделяющие переднюю часть – головку насекомого. На щитке углубленные изображения S-видных знаков (знак Змеи). Относится к третьему типу скарабеев из египетского фаянса по классификации Е.М. Алексеевой (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Круглая плакетка с головой младенца Гора (рис. 13). Размеры: длина 2,3 см, ширина 2,0 см. Фигурка односторонняя. Подвеска сделана из грубой сероватой массы, покрытой сверху бирюзовой глазурью, имеет плоскую обратную сторону и ушко для подвешивания, разделенное на три части. На четко исполненной подвеске голова Гора показана кудрявой, и видны сложные атрибуты на шее бога. Тип 43. По классификации Е.М. Алексеевой, относится к I – II вв. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Подвеска. Случайная находка (рис. 14). Найдена в квадрате 2А Тахтамукайского могильника. Представляет собой стилизованную амфорку голубого цвета с перетяжкой около дна, каннелированным туловом, с валиком и петелькой в верхней части. Вариант формы 02. Датируется I в. до н.э. – IV в. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Пронизь-скарабей. В погребении 3, могильника Городского (рис. 15), исследованного А.А. Сазоновым в 1989 г., была обнаружена пронизь из египетского фаянса. Погребение находилось в

восточном секторе могильника. Представляло собой захоронение молодой женщины. Умершая находилась в положении вытянуто спине, кости руки вдоль скелета, ориентировка ЗЮЗ. Под нижней челюстью погребенной и вокруг черепа расчищено скопление бус. Здесь же был найден амулет в виде скарабея. У левой части нижней челюсти находились 2 нашивные золотые пластины. В области шеи обнаружена гривна из золотой проволоки. На правой плечевой кости найдена бронзовая фибула в виде прыгающей пантеры. На левой плечевой кости симметрично пантере была расчищена фибула, украшенная головкой кабана. На крестце находилась еще одна гривна из золотой проволоки. На одной из фаланг кисти правой руки обнаружено золотое кольцо. В области левой ноги находился сильно корродированный железный предмет. Здесь же был найден крупный фрагмент бронзовой коробки со следами тлена кожи. В пятне тлена найдены две стеклянные бусины (Саонов, 1989, с. 13). Погребение датируется II – III вв. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Пронизь голубого цвета (рис. 16). Размеры: длина 1,4 см, ширина 1,0 см. Изображает жука-скарабея со сложно расчлененной головой, со спинкой сплошь покрытой бороздками, лапки не выделены. Нанесены линии, показывающие места схождения крыльев и выделяющие переднюю часть – головку насекомого. На щитке углубленные изображения S-видных знаков (знак змеи). Относится к третьему типу скарабеев из египетского фаянса по классификации Е.М. Алексеевой. Датируется II – III вв. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Амулет в виде кисти руки, сложенной в кукиш (рис. 17). Размеры: высота 1,6 см, ширина 0,5 см. Диаметр отверстия 0,1 см. Происходит из погребения 4, могильника Апостолиди. Исследовался памятник А.А. Нехаевым в 1988 г. Материал погребения сдан в музей без описи и чертежа самого погребения. Амулет сопровождал следующие предметы: фигурный глиняный сосуд в виде сидящей богини, кувшинчик с витой ручкой, алабастр, пиксида, золотая накладка с изображением неполного креста, золотые серьги, золотая гривна, бусы халцедоновые и стеклянные.

Подвеска-амулет бирюзового цвета. Изображена кисть руки, сложенная в кукиш, на запястье показаны перегибы. Отверстие проходит сквозь запястье. Амулет исполнен детально с четко выделенными пальцами, в виде островерхих долек.

Утрачен большой палец. Тип 89 по Е.М. Алексеевой. Датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Бусина бочковидно-бугристая бирюзового цвета (рис. 18). Размеры: высота 0,9 см, диаметр 0,9 см, диаметр отверстия 0,6 см. Случайная находка с южного берега Краснодарского водохранилища. Имеет гладкое уплощение вокруг отверстий. Бугорки на бусине расположены рядами. Датировка III в. до н.э. – I в. н.э. Большинство комплексов с этими бусами относятся к I в. н.э. Тип 19 по Е.М. Алексеевой (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Пронизь бирюзового цвета в виде льва, лежащего на овальной подставке (рис. 19). Размеры: длина пронизи 1,3 см, ширина 1,4 см. Случайная находка с южного берега Краснодарского водохранилища. Передняя часть утрачена. По щитку есть сколы. Туловище изогнуто вправо, хвост заброшен за спину. Стилизованная грива передана валиками, выступающими один из-под другого. Сформована из плотной сероватой массы и не имеет стекловидного покрытия. Тип 67 по Е.М. Алексеевой. Датируется I – II вв. до н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Подвеска бирюзового цвета в виде мужских гениталий (рис. 20). Размеры: высота 1,5 см, ширина 1,7 см. Случайная находка с южного берега Краснодарского водохранилища. Моделирована одна сторона, обратная сторона плоская. Вверху ушко для подвешивания. Тип 90 по Алексеевой. Датируется римским временем I в. до н.э. – II в. н.э. (Alexeeva, 1975, Egyptian Faience).

Аналогии:

- 1 группа V – IV вв. до н.э. – ритуальный комплекс 5 Уляпского м-ка, п. 3 кургана 12.

- 2 группа I – III вв. н.э. могильники у хуторов Чернышов, Штурбино и аула Ново-Вочепшийский, могильник Псенафа (Табл. 134) (Ксенофонта, 2018, с. 351). Представлены практически все виды предметов – скарабеи, пронизи в виде в виде личины, амулеты в виде гениталий, лежащий лев, амфоровидная подвеска, подвеска в виде руки, сложенной в кукиш и реберчатые бусы (Древности «Долины яблонь», 2014, с. 84, 85).

Если бусы, найденные в женских погребениях, можно трактовать, как обычные украшения, то остальные – это сакральные предметы, предметы-апотропеи, оберегавшие хозяина при жизни, и помещённые в погребения, чтобы выполнять функцию оберега в загробном мире.

Несомненно, роль оберегов играли и фаянсовые бусина, и амфорка из детского погребения, на что указывает контекст остального инвентаря.

Лев и скарабей – это одни из наиболее часто встречающихся символов в египетском искусстве. В египетской мифологии известно божество, представляемое как пара Львов, каждый из которых, в свою очередь, тождествен Тефнут (богиня дождя), до своего возвращения в Египет жившей в образе кровожадного Льва в нубийской пустыне, и ее брат бог ветра Шу. Вместе с тем в позднейших египетских текстах со Львом отождествлялся и Осирис. Некоторые египетские богини в состоянии гнева превращались во Льва. С образом Льва были связаны также Ра и Гор. В Древнем Египте Лев был эмблемой двух противопоставленных друг другу образов – Вчера и Сегодня. Мифологический символ Льва и гибридного существа с головой или туловищем Льва присутствует в фольклоре, литературе, искусстве, геральдике, эмблематике значительного числа народов. В геральдических системах Лев символизирует стойкость, твёрдость, спокойствие, благоразумие. Особенно характерны сюжеты, связанные со Львом в качестве «царя зверей», в сказочном фольклоре и животном эпосе и его ответвлениях. Так что образ этот и его семантика должны были быть понятны не только грекам и римлянам, осуществлявшим торговлю с Египтом, и поставлявшим изделия из фаянса меотам, но и самим меотам.

Что же касается образа скарабея, то в египетской мифологии скарабей почитался, как священное насекомое богов Солнца и считался символом созидательной силы Солнца, возрождения в загробной жизни. Наблюдая за скарабеями, египтяне заметили интересную особенность – жуки катят свои шарики всегда с востока на запад, а летают только в полдень, они увидели в этом связь жуков с солнцем. Светило проходит свой путь с востока на запад и скрывается за горизонтом, чтобы завтра опять появиться на востоке. По представлениям древних египтян, солнце являлось божеством, несущим жизнь всему живому и воскресение после смерти. Цикл развития скарабеев внутри навозного шарика и его выход на поверхность египтяне соотносили с

движением солнца. И бога Хепри, олицетворявшего восходящее солнце, стали изображать со скарабеем вместо головы.

Тонкости сложной египетской мифологической системы вряд ли были понятны и близки меотам. Но вот наблюдать за жуками-скарабеями в их естественной среде обитания они могли. И так же, как и египтяне, связать жизненный цикл жуков с Солнцем тоже могли. На то, что образ скарабея был популярным в Северном Причерноморье, указывают и попытки повторить этот образ украшениях, изготовленных в мастерских греческих городов.

В целом же хотелось бы отметить, что проникновение египетских товаров так далеко говорит о развитых торговых отношениях меотов в античную эпоху. А то, что изделия из фаянса оказываются в рядовых, очень небогатых погребениях меотов, говорит о невысокой их стоимости. Коллекция музея немногочисленна, но даже она позволяет сделать выводы и вписать в общую картину находок из египетского фаянса в Закубанье.

Публикация этих материалов представляет интерес для всех исследователей, занимающихся номенклатурой, центрами изготовления и путями проникновения изделий из египетского фаянса, так как коллекции этих изделий в краеведческих музеях немногочисленны и, как правило, не опубликованы.

ЛИТЕРАТУРА:

Акимов Д.В. Отчет о раскопках кургана 1 могильника Вочепшийский и поселения на кургане вблизи аула Вочепший Теучежского района Республики Адыгея в 2011 г.

Анфимов В.П. Тахтамукайский могильник, Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. – Майкоп, 1961.

Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. – М., 2014.

Ксенофонтова И.В. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании ГМВ. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Кавказа. – Карачаевск, 2018.

Сазонов А.А. Отчет о работе отряда Адыгейской археологической экспедиции при областном краеведческом музее в 1989 г.

Ekaterina Mikhailovna Alexeeva - 1975. Egyptian Faience. Htt://piruski.com/alekxeeva

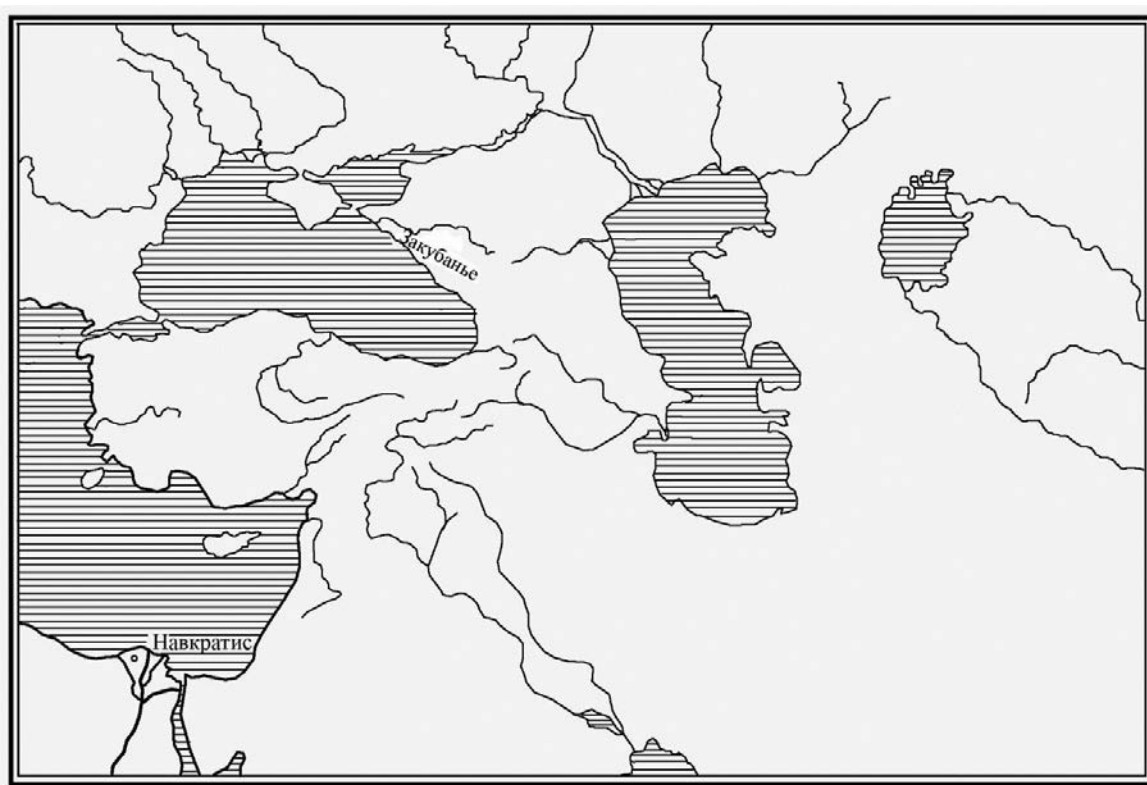

Рис. 1. Карта с расположением г. Навкратиса – центра производства египетского фаянса в раннее античное время.

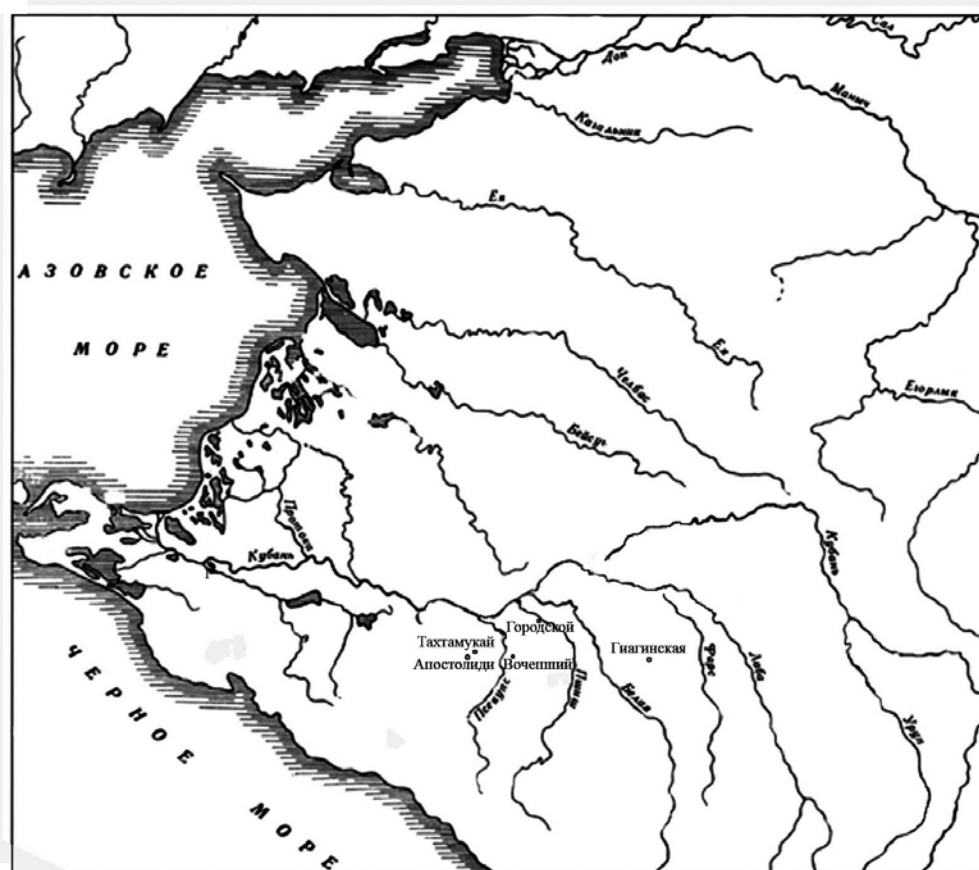

Рис. 2. Карта распространения изделий из египетского фаянса на территории Закубанья.

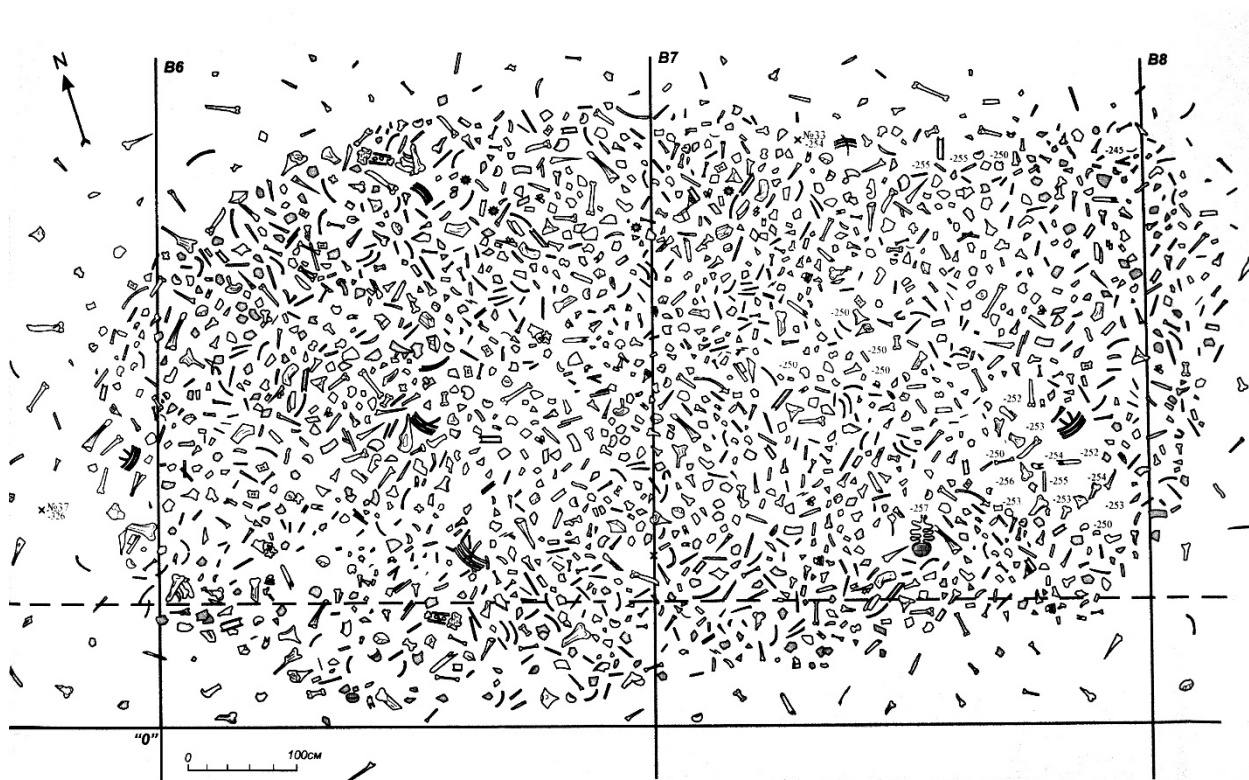

Рис. 3. Могильник Вочепшийский, курган 1, скопления 7. План.

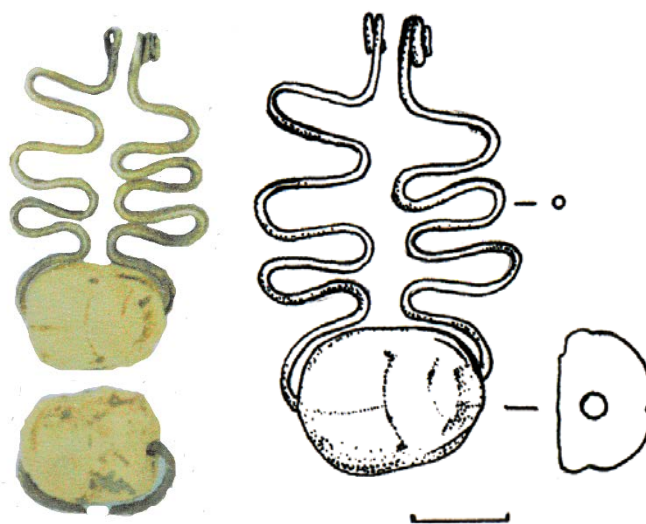

Рис. 4. Могильник Вочепшийский, курган 1, скопление 7.
Украшение из проволоки с пронизью из египетского фаянса
(фото и прорисовка).

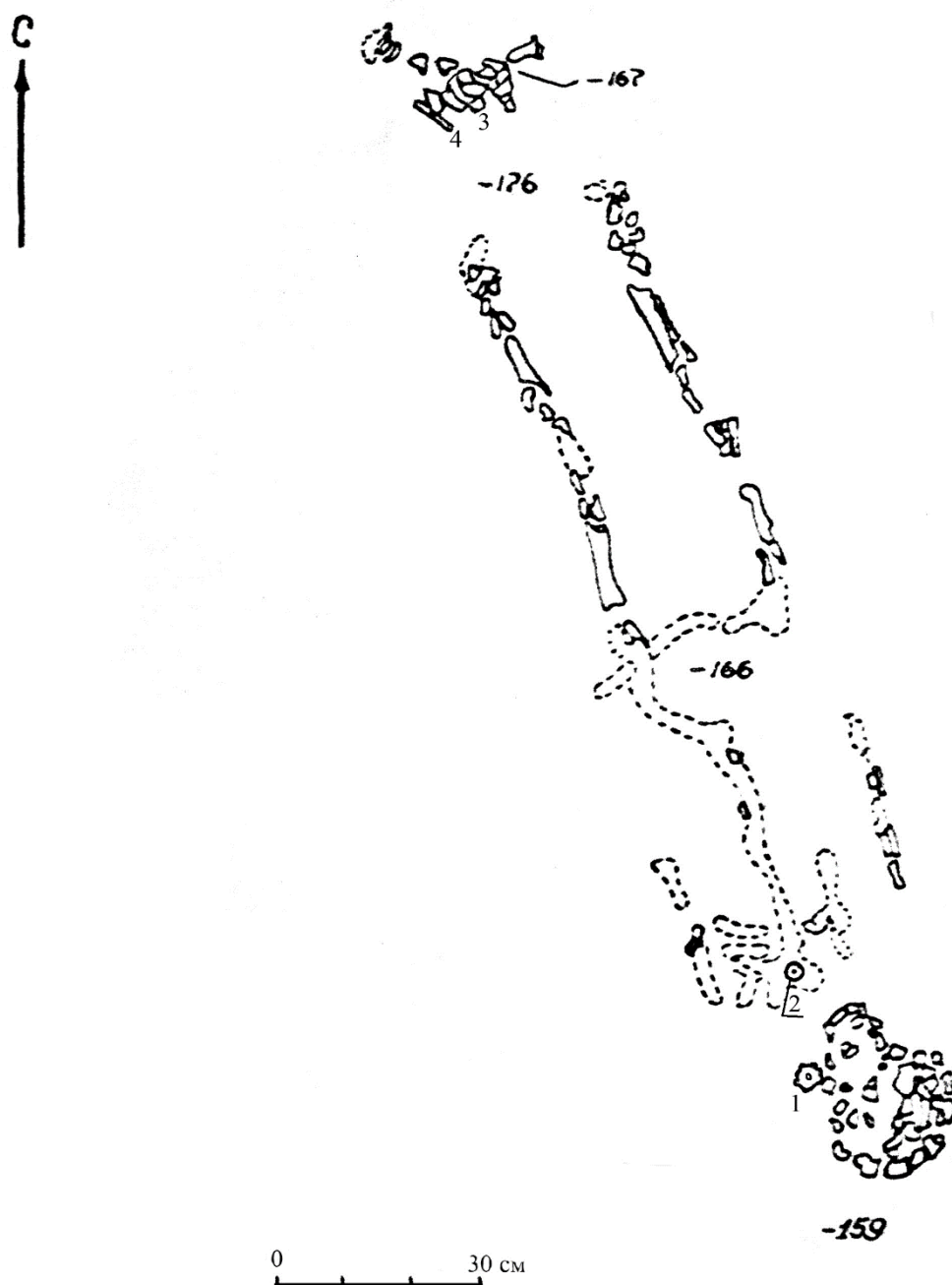

Рис. 5. Станица Гиагинская, курган 1, погребение 4. План.

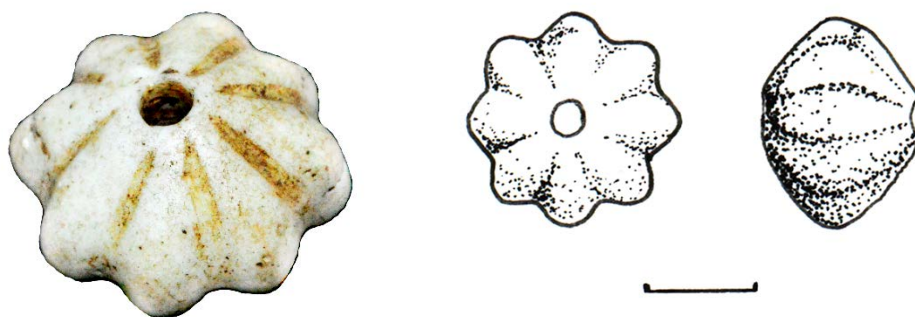

Рис. 6. Станица Гиагинская, курган 1, погребение 4.
Бусина (фото и прорисовка).

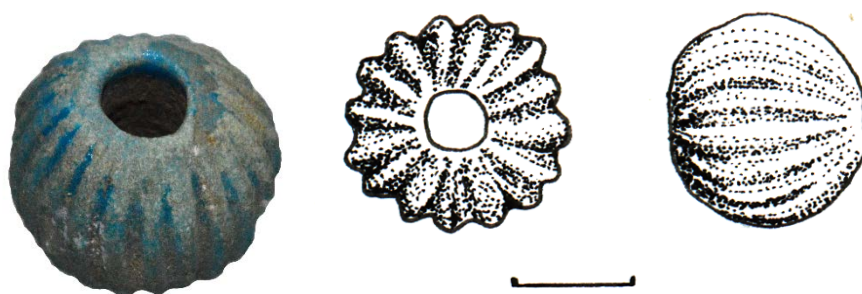

Рис. 7. Могильник Тахтамукайский, погребение 30.
Бусина (фото и прорисовка).

Рис. 8. Могильник Тахтамукайский, погребение 30.
Бусина (фото и прорисовка).

Рис. 9. Могильник Тахтамукайский, погребение 30.
Бусина (фото и прорисовка).

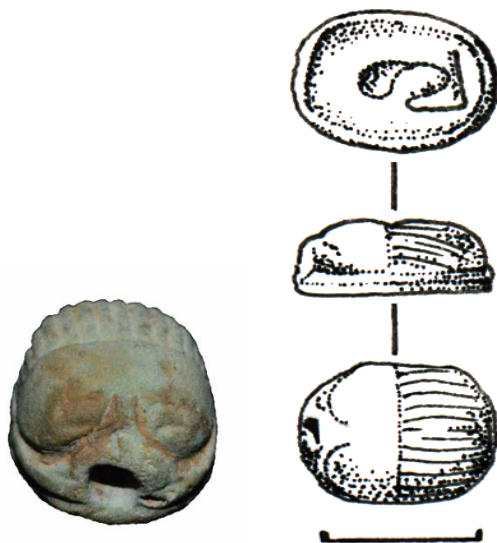

Рис. 10. Могильник Тахтамукайский, погребение 25.
Пронизь (фото и прорисовка).

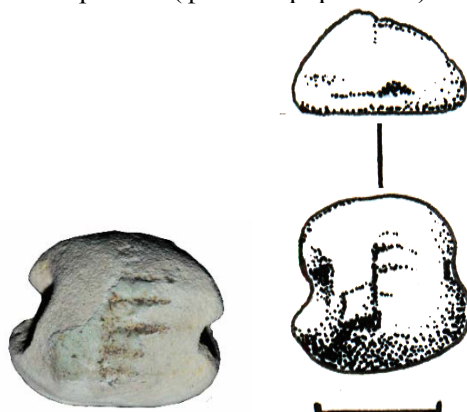

Рис. 11. Могильник Тахтамукайский, погребение 25.
Пронизь (фото и прорисовка).

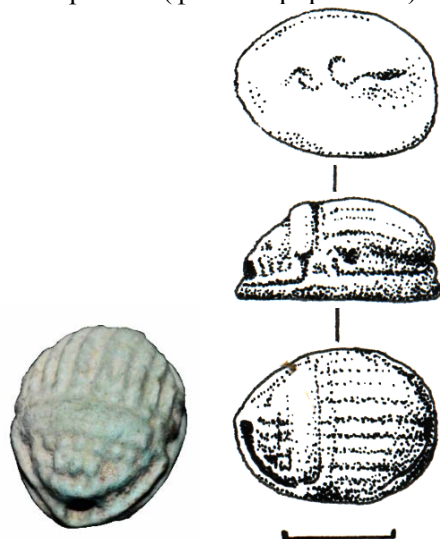

Рис. 12. Могильник Тахтамукайский, погребение 25.
Пронизь (фото и прорисовка).

Рис. 13. Могильник Тахтамукайский, погребение 25.
Плакетка (фото и прорисовка).

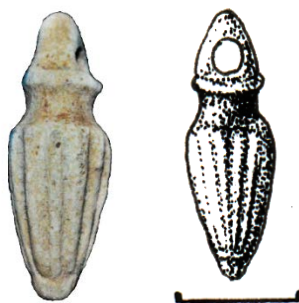

Рис. 14. Могильник Тахтамукайский, случайная находка.
Подвеска (фото и прорисовка).

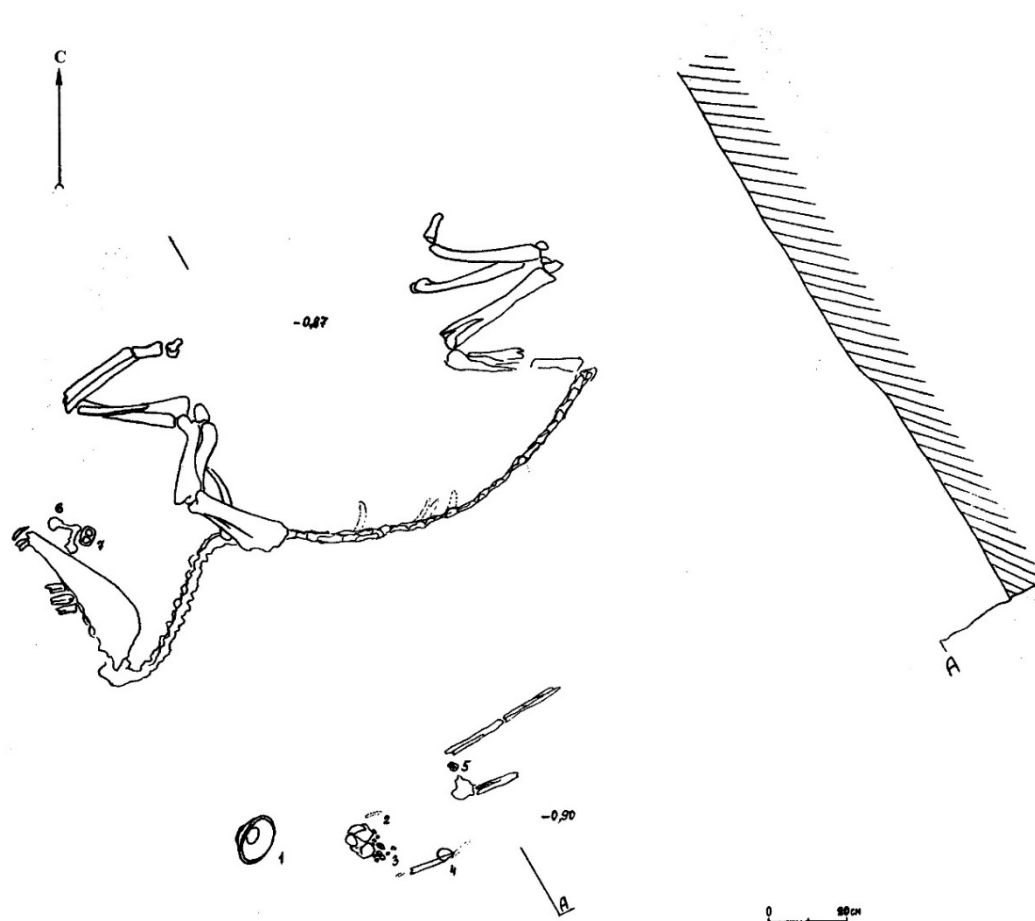

Рис. 15. Могильник у х. Городского, погребение 3. План.

Рис. 16. Могильник у х. Городского, погребение 3. Пронизь (фото и прорисовка).

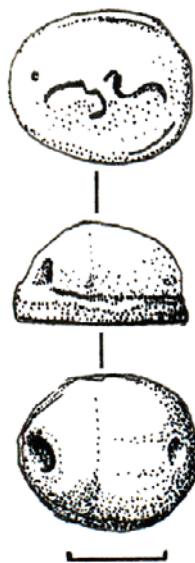

Рис. 17. Могильник Апостолиди, погребение 4. Амулет (фото и прорисовка).

Рис. 18. Южный берег Краснодарского водохранилища. Случайная находка. Бусина (фото и прорисовка).

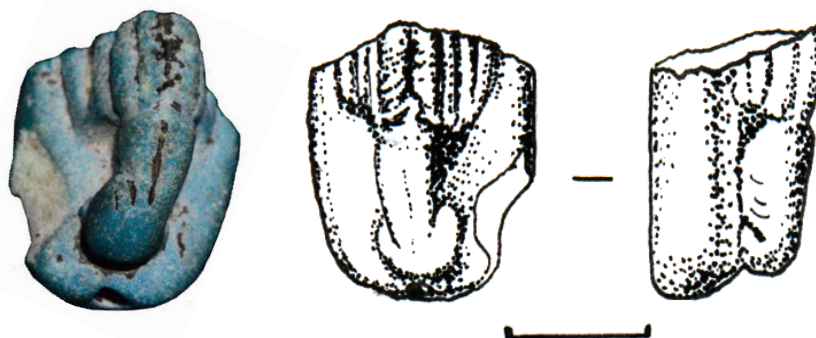

Рис. 19. Южный берег Краснодарского водохранилища. Случайная находка. Пронизь (фото и прорисовка).

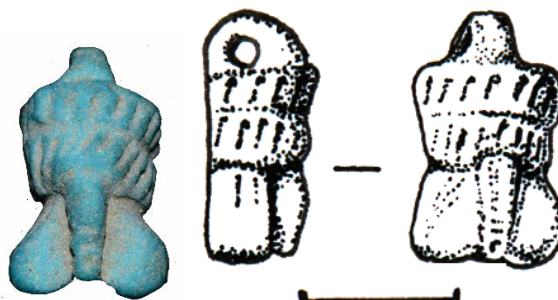

Рис. 20. Южный берег Краснодарского водохранилища. Случайная находка. Амулет (фото и прорисовка).

РАЗВЕДКА В РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЕ В 2012 ГОДУ

В.В. Верещагин

ООО «РАЭ»

Аннотация. В статье публикуются материалы разведки 2012 года в Джерокайском сельском поселении Шовгеновского района Республики Адыгея. В результате работ было обнаружено 49 памятников археологии. Подробно рассказывается о городище Джерокайское меотской культуры.

Ключевые слова: Адыгея, городище, Грязнуха р., Джерокай, курганы, разведка, Шовгеновский район.

INTELLIGENCE IN THE REPUBLIC OF ADYGEE IN 2012

V.V. Vereshchagin

ООО «RAI»

Annotation: The article publishes intelligence materials of 2012 in the Dzherokaysky rural settlement of the Shovgenovsky district of the Republic of Adygea. As a result of the work, 49 archaeological monuments were discovered. It tells in detail about the settlement of Dzherokayskoye of the Meotsky culture.

Keywords: Adygea, settlement, Gryaznukha r., Dzherokai, burial mounds, exploration, Shovgenovsky district.

В 2012 году ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» по договору с Управлением по охране памятников истории и культуры Республики Адыгея произвела археологическую разведку на территории Джерокайского сельского поселения Шовгеновского района Республики Адыгея (Рис. 1). Разведка проходила в рамках реализации проекта по инвентаризации памятников археологии на территории Республики Адыгея.

Исследования проводились на основании Открытого листа № 1168, выданного Верещагину Владиславу Викторовичу 18 ноября 2011 года.

Задачей исследования было осмотр современного состояния уже известных и выявления новых памятников археологии на территории Джерокайского сельского поселения Шовгеновского района Республики Адыгея.

Муниципальное образование «Шовгеновский район» расположено на северо-востоке Республики Адыгея. Район расположен на наклонной к северо-западу, низменной волнистой Закубанской равнине.

В 1982—1991 гг. Кавказская экспедиция Института археологии проводила крупные археологические работы на Северном Кавказе. Основной упор в исследованиях был сделан на Закубанье, на территории Адыгейской АО (ныне

Республика Адыгея). Охранно-спасательные работы велись в Красногвардейском, Шовгеновском, Теучежском и Майкопских районах области.

На территории Джерокайского сельского поселения разведочные работы проводились Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН под руководством А.Н. Гея в 1982 г.

В результате работ в Джерокайском сельском поселении было обнаружено 49 памятников археологии. Из них 47 курганов, одно поселение и одно городище. Большинство насыпей (Джерокай 2-43) входят в одну курганную группу, курганы Семено-Макаренский 2 и 3 составляют вторую курганную группу, курганы Джерокай 1, 44, Семено-Макаренский 1 – одиночные.

15 курганов, поселение и городище уже были поставлены на учет в Управлении по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея в 1993 году.

Наиболее интересным памятником, обследованным во время работ 2012 года, оказалось памятник меотской культуры – городище Джерокайское 1 (Рис. 2).

Городище первоначально было открыто разведочным отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР под руководством А.Н. Гея в 1982 г. (Гей А.Н., 1982). План памятника тогда

составлен не был.

Городище находится в 5 км к юго-юго-западу от аула Джерокай и в 2,5 км к юго-юго-востоку от хутора Свободный Труд на мысу, образованном изгибом реки Грязнуха. Мыс имеет размеры 100 x 100 метров, в плане похож на трапецию со скругленными углами.

В восточной части мыса расположена цитадель. В плане цитадель имеет каплевидную форму, вытянутую по линии север-юг с расширением в южной части. Ее размеры в основании 62 x 24-37 м, верхней площадки – 37 x 6-17 м. высотой от уровня реки 9,20 м. В восточной части, со стороны реки, цитадель имеет более крутой склон, здесь она была подрезана при прокладке проселочной дороги, идущей по краю мыса. Сейчас дорога не функционирует. Цитадель отделена от остального мыса и площади городища ровом, перерезающим мыс, глубиной около 3 м. Грунт, вынутый при рытье рва, вероятно, использовался при строительстве самой цитадели. На верхней площадке цитадели, в самой высокой точке видны остатки пункта триангуляции. Часть металлической конструкции была использована как репер.

На оставшейся части мыса, площадью примерно 75 x 75 м, находится поселение. В 1982 году территория мыса не распахивалась и о наличии здесь культурного слоя судили по фрагментам керамики и турлука из кротовины. А.Н. Гей отметил и заселенность части поля, примыкающего к мысу, где им были собраны стенки лепных и гончарных сосудов (Гей А.Н., 1982).

В 1990 году В.Р. Эрлихом на площадке мыса

перед цитаделью, недалеко от края рва, был заложен шурф размером 3 x 3 м (Рис. 3), который выявил следующую стратиграфию памятника: под дерновым слоем мощностью около 10 см находился пятидесятисантиметровый слой чернозема с остатками турлука и керамики. Его подстилал слой мощностью 80 см сероватой супеси с культурными остатками и включениями угля. На глубине 130-140 см начинался слой желто-коричневого суглинка, содержащий культурные остатки. На этом уровне прослежены небольшие линзы угля и золы, а в юго-восточном углу шурфа, в завале обнаружены комья саманной глины. С уровня 190-200 см начинался слой стерильной глины.

Керамический материал, собранный в шурфе, в целом, характеризуется преобладанием гончарной сероглиняной керамики – 196 фрагментов (50%). Фрагментов гончарной красноглиняной было найдено 54 (13,8%), а лепной – 142 (36,2%) (Рис. 4).

В.Р. Эрлих датировал весь комплекс по находкам из шурфа временем рубежа эр и первыми веками н.э.

В 2012 году был проведен осмотр цитадели и поселения, но подъемный материал обнаружен не был. С помощью тахеометра был снят детальный план памятника и выполнена его 3D-модель.

ЛИТЕРАТУРА

Гей А.Н. Работы отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР на территории Адыгеи в 1982 г. // Архив Института археологии РАН

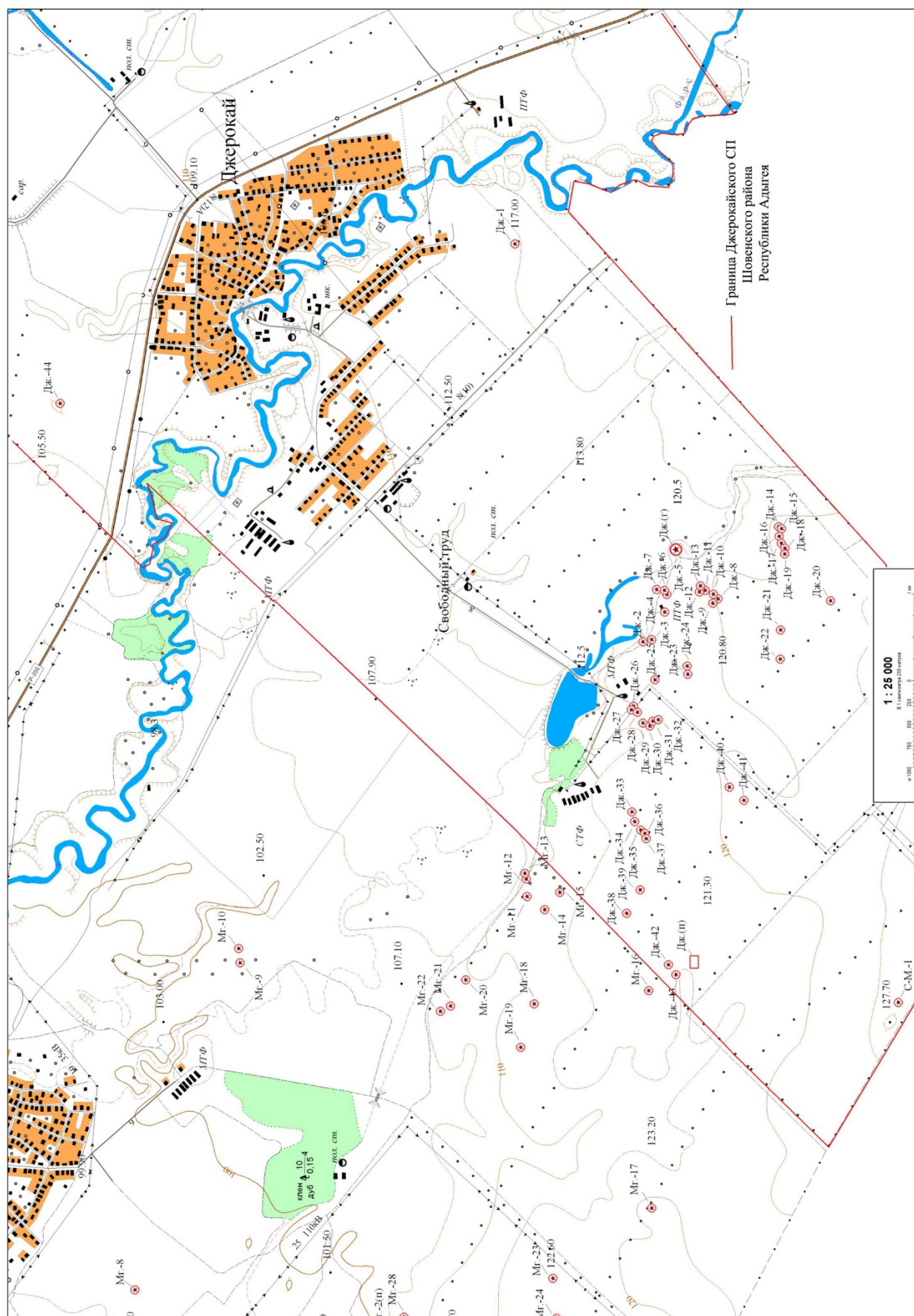

Рис. 1. Место проведения работ в 2012 году.

Рис. 2. Городище Дзержикское 1. Съемка 2012 года.

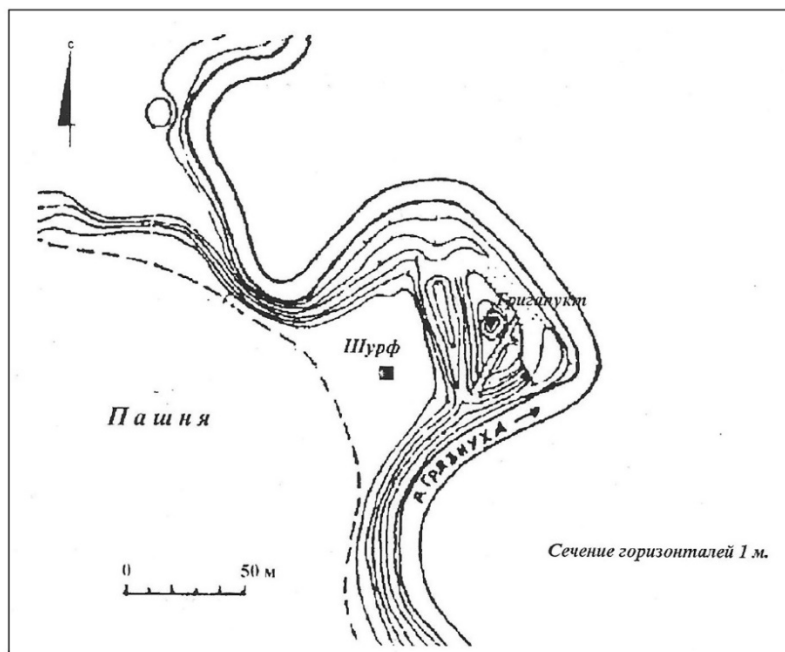

Рис. 3. Городище Джерокай. План 1990 года (по В.Р. Эрлиху).

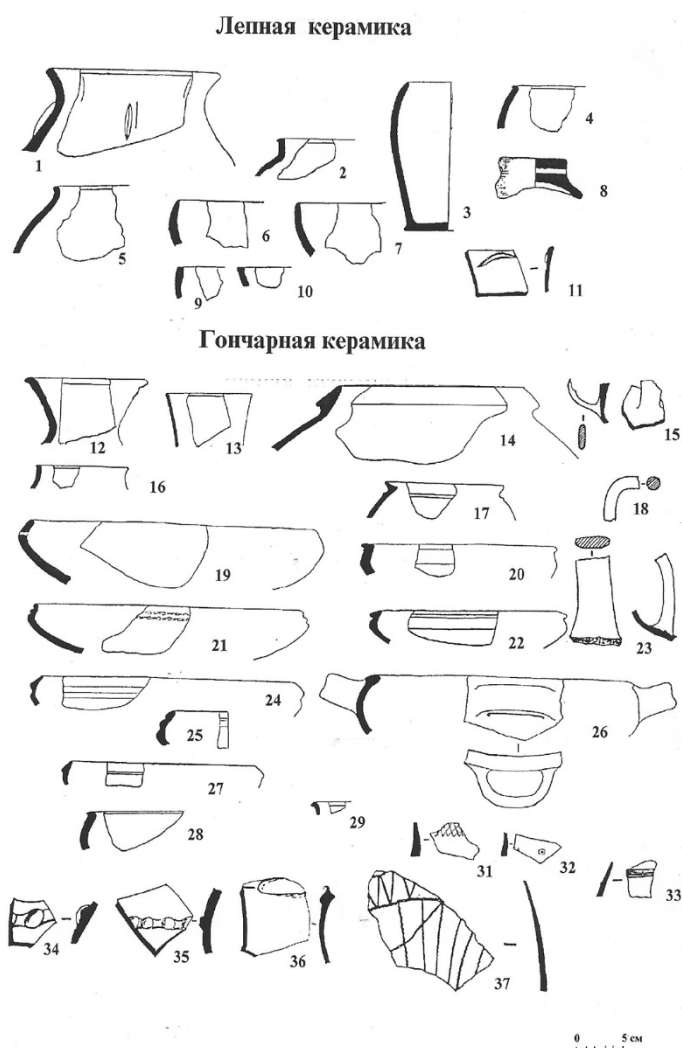

Рис. 4. Городище Джерокай. Находки керамики из шурфа 1990 года (по В.Р. Эрлиху).

КАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ МУЗЕЯ ВОСТОКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД – 1994-2020 ГГ.

В.Р. Эрлих, Г.Л. Годизов

Государственный музей Востока, г. Москва, Россия

Северокавказский филиал Государственного музея Востока, г. Майкоп, Россия

Аннотация. Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока адаптировалась к новым экономическим условиям постсоветского периода и в 1994 – 2020 гг. провела ряд уникальных археологических исследований на Северном Кавказе и Республике Абхазия.

Ключевые слова: Кавказская археологическая экспедиция, Государственный музей искусства народов Востока, городища Тенгинское, Эшерское; могильники: Тенгинский, Пшиш, Уашхиту, Синюха, Молдованка, Хасаут, Олелитюбе; поселение Деметра; археологические комплексы: Псенафа, Шушук, Севастопольский.

CAUCASIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE MUSEUM OF THE EAST IN THE POST-SOVIET PERIOD - 1994-2020

V.R. Erlikh, G.L. Godizov

State Museum of the East, Moscow;

North Caucasian branch of the State Museum of the East, Maykop

Abstract. The Caucasus Archaeological Expedition of the State Museum of Oriental Art was able to adjust to the new economic conditions of the post-Soviet era and conduct a series of unique archaeological investigations in the Northern Caucasus and Republic of Abkhazia.

Keywords: Caucasus Archaeological Expedition, State Museum of Oriental Art, fortified settlement: Tenginskaya, Eshera; necropoleis: Tenginsky, Pshish, Uashkhitu, Sinyukha, Moldovanka, Khasaut, Olelityube; Demetra settlement; archaeological sites: Psenafa, Shushuk, Sevastopol'sky.

В 2021 г. исполнилось 40 лет Кавказской археологической экспедиции музея Востока. Об обстоятельствах ее организации, выборе региона работ, первых сезонах, ярких открытиях, сделанных экспедицией в Адыгее, написал в своих мемуарах ее основатель и первый начальник – А.М. Лесков (Лесков, 2019). Благодаря энергии своего руководителя, уже к середине 80-х годов прошлого века, экспедиция стала крупнейшей музейной экспедицией в системе Министерства культуры СССР. В летние сезоны в ней работало до четырех отрядов, экспедиция хорошо была укомплектована автотранспортом, был постоянный договор с организациями, поставляющими землеройную технику.

Разумеется, развал Советского Союза не мог не отразиться и на работе Кавказской археологической экспедиции (далее КАЭ). Сложности работы экспедиции стали ощущаться уже в 1990 г.

в связи с фактическим запретом вывоза материала из Адыгеи, передавать же находки в музей г. Майкопа дирекция Музея Востока, на бюджетные деньги которого организовывались экспедиции, не разрешала. Два сезона (1990–1991 гг.) экспедиция работала за пределами Адыгеи.

В 1992–1993 гг. работы экспедиции прекратились из-за отсутствия финансирования. Систематические полевые исследования возобновились лишь в 1994 г. Было ясно, что развернуть работы экспедиции в прежнем объеме несколькими отрядами не удастся. Поэтому мы сосредоточились на поиске, по крайней мере, двух памятников, которые можно было бы копать из одного полевого лагеря. Весной этого года были поведены разведки, и для исследования были выбраны памятники в районе станицы Тенгинской – II Тенгинское городище VI–IV вв. до н.э. и Тен-

гинский могильник на западной окраине станицы. В этом же году было перевезено в станицу Новолабинскую оборудование экспедиции со старой адыгейской базы, размещавшейся в п. Ульском Шовгеновского района. Так начался новый постсоветский период работ КАЭ.

Сейчас, подводя некоторые итоги работ КАЭ в постсоветское время, их можно разделить на три периода: Тенгинский 1994–2002 гг. (2003); Абхазо-адыгейский – 2003–2010 гг. и текущий период больших и малых коммерческих проектов, которые выполняет экспедиция и который длится до настоящего времени.

Тенгинский этап длился с 1994 по 2002 гг. (отметим, что Е.А. Беглова в 2003 г. завершала раскопки Тенгинского могильника). Именно в эти годы восемь лет ежегодно разворачивался палаточный лагерь на небольшом залесенном выступе, находящемся на спуске к р. Лабе с террасы II Тенгинского городища. Вода в лагерь ежедневно привозилось с соседней фермы. Для хранения оборудования экспедиции арендовались дома сначала в станице Новолабинской, а затем в ст. Тенгинской. Основными объектами работ были II Тенгинское городище VI–IV вв. до н.э. (1994–1996 гг.) и Тенгинский могильник III в. до н.э. – первые века н.э. (исследовался с 1994 по 2003 гг.).

В 1999 г., к северу от въездных ворот II Тенгинского городища, в распашке были выявлены пятна трех курганов, которые исследовались с 2000 по 2002 г. Курганы оказались ритуальными комплексами-святилищами, находящимися на некрополе IV в. до н.э. Приведем краткое описание памятников, исследованных экспедицией в районе станицы Тенгинской.

II Тенгинское городище. Городище находится на правой высокой террасе р. Лабы в 3 км от станицы Тенгинской (Усть-Лабинский район Краснодарского края) в сторону ст. Воздвиженской. В этом месте терраса имеет небольшой полукруглый выступ. Протяженность городища около 1 км с юга-запада на северо-восток, а в поперечнике – около 350 м в самой широкой части в районе мыса террасы. Площадь памятника составляет около 13 га. На аэрофотоснимке (рис. 1) визуально хорошо заметны защищающие городище с напольной стороны ров полуовальной формы и вал, который повторяет его форму. Лишь на востоке между ровом и валом имеется свободное пространство в виде треугольника (возможно, загон для скота?). На севере вал и ров имеют разрыв (въездные ворота?). Вал лучше сохранился в восточной части городища, где его

высота достигает 1,5 м от подошвы. Внутри вала прослеживается 14 холмиков, которые идут двумя цепочками вдоль террасы р. Лабы, вероятно, являясь двумя линиями жилищ. Впервые II Тенгинское городище было введено в научный оборот разведками I-го разведочного отряда Северокавказской археологической экспедиции Института археологии под руководством С.А. Науменко в 1981 г. Однако, по-видимому, этот памятник был известен Н.В. Анфимову и ранее.

В 1982 г. И.С. Каменецким был собран и описан в Отчете подъемный материал с этого городища (Каменецкий, 1982). Тогда же городище им было предварительно датировано V–III вв. до н.э. (Каменецкий, 1982, с. 11). И.С. Каменецкий обратил внимание на то, что на II Тенгинском городище отсутствует укрепленная «центральная часть» или цитадель, которая характерна для позднейших меотских городищ. Именно это и послужило тогда одной из причин выделения здесь отличной от меотской особой «тенгинской» культуры (Гей, Каменецкий, 1986, с. 47).

В апреле 1994 г., вовремя разведочных работ КАЭ на городище, был заложен шурф на самом высоком холме, примыкающем с запада вплотную к гравийной дороге. В том же году и в 1995 г. вокруг этого шурфа были разбиты два раскопа. Всего суммарно за два года в этих раскопах было вскрыто 200 кв. м. Мощность слоя в них составила около 160 см. Судя по встреченным здесь античным импортам, городище относилось к периоду с конца VI по IV вв. до н.э. Наиболее массовый материал – фрагменты лепной керамики достаточно хорошо известных форм меотской кухонной и столовой керамики: это горшки, корчаги, миски, горшообразные сосуды, кружки, солонки, вазочки, кувшины, котлы.

Весьма незначительный процент составляла гончарная красноглиняная (вероятно привозная) и местная сероглиняная керамика, которая в меотской культуре появляется в конце V в. до н.э. В разных штыках ее присутствие колеблется от 2 до 4%. Круговая керамика представлена, главным образом, фрагментами мисок, фрагментами венчиков, стенок и доньшками кувшинов. Поверхность некоторых сосудов слегка лощеная. Орнаментация отсутствует. По мнению обработавшей керамический комплекс городища Е.А. Бегловой, он находит полное соответствие в синхронных погребальных памятниках этой территории, в частности, в Уляпском могильнике (Беглова, Эрлих, рукопись).

Присутствующий в слоях городища незначительный процент привозной греческой керамики и прежде всего амфор – около 3%, позволил определить хронологию и выделить периоды существования памятника. Определения и подсчеты привозной керамики для раскопа II были выполнены А.А. Малышевым (Малышев, 1996, с. 110–111), который выделил два периода поступления импортов. Среди находок первого периода (конец VI – первая половина V вв. до н.э.) особенно велик удельный вес клазоменских амфор и амфор на усеченно-коническом поддоне. Засвидетельствованы обломки хиосских пухлогорлых амфор и коричнево-глиняных амфор с усеченно-коническим основанием. Характерной особенностью Тенгинского городища является большой процент амфор типа Клазомены, достаточно редких на других памятниках Кубани. Второй период (кон. V (?) – третья четверть IV вв. до н.э.) представлен фасосскими амфорами первой половины IV в. до н.э., мендейскими, гераклеискими, типа Солоха I. По глине выделены амфоры Синопы. Столовая импортная посуда присутствует только образцами познеархаического периода, в отличие от амфор, которые здесь встречаются до третьей четверти IV в. до н.э. В основном она представлена обломками чернолаковых и чернофигурных киликов на дисковидном основании. Обломок подобного чернофигурного килика обнаружен в нижних штыках раннего горизонта городища (Ср. Sparkes, Talcott, 1970, N 398).

Благодаря подсчетам, были выделены два хронологических периода существования городища. Позднеархаический (штыки 8,7,6) и период IV в. до н.э. (штыки 3-1). Штыки 4-5 можно считать переходными.

Исследование городища позволило получить и ценную информацию о хозяйственной жизни его обитателей. Костные остатки из слоя свидетельствуют, что как в ранний, так и в поздний периоды существования поселения (конец VI–V вв. до н.э. и IV в. до н.э.) первое место в стаде занимал крупный рогатый скот. Его удельный вес остается неизменным (около 40%). На втором месте среди остатков мясной пищи в нижнем горизонте – свинья (22,5%), а верхнем – лошадь (23%). К IV в. до н.э. удельный вес костей свиньи снижается до 13%. Мелкий рогатый скот (овцы и козы) занимают и в нижнем и в верхнем горизонте третье место и имеют соответственно 19,5% и 14%.

Среди костей диких животных, свидетель-

ствующих, прежде всего, об охотничьих предпочтениях населения, встречены единичные кости зайца (русака), водоплавающей птицы и одиночная находка верхнего зуба благородного оленя. Среди костей крупного рогатого скота встречены остатки быка, по морфологии отличающегося от домашнего. Не исключена принадлежность этих остатков зубру (*bison bonasus*). Кость рыбы встречена только в одном случае.

Исследование остатков культурных растений из слоя II Тенгинского городища, проведенное в 1994 г. Е.Ю. Лебедевой, показало явное преобладание наиболее совершенной мягкой кустистой или карликовой пшеницы в спектре культурных растений. Зерна пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки (полбы), – присутствовали лишь в очень незначительном количестве. Мягкая кустистая и карликовая пшеница (*Tr. Aestivio/compactum*) традиционно считается основной культурой, являющейся предметом экспорта в Грецию, о котором свидетельствуют эпиграфические источники и античные авторы. Доля ячменя (*Hordeum*), составляет 5% от общего числа зерен культурных растений Тенгинского городища. Такой же процент этой зерновой культуры засвидетельствован на других поселениях Прикубанья (Лебедева, 1994, с. 109). Интересно полное отсутствие на Тенгинском городище зерен проса, традиционно считающегося основной пищей меотов.

Изучение строительных остатков данного памятника позволило убедиться, что его жители практиковали не турлучное, а саманное домостроительство. Турлучный (каркасный) способ строительства жилищ характерен для западных поселений Прикубанья. Остатки таких построек находят на левом берегу Краснодарского водохранилища и в Приазовье. Напротив, для восточной части Прикубанья, приблизительно от места впадения Лабы в Кубань до места поворота Кубани, свойственно уже не турлучное, а саманное домостроительство (без деревянного каркаса). Подобная техника прослежена при исследовании городища Медовка в Шовгеновском районе Адыгеи, на VI Кавказском городище на правом берегу Кубани, на поселении у Ульского пенъкозавода и на II-ом Тенгинском городище (Беглова, Эрлих, 1998а).

Одним из направлений наших исследований на Тенгинском городище было изучение фортификации. Первые почвенные пробы из-под вала, взятые А. Л. Александровским в 1994 г. в восточной его части не в самом высоком месте пока-

зали, что в палинологическом спектре погребенной почвы отсутствуют признаки земледелия. Это, скорее всего, свидетельствовало о том, что вал насыпался во время образования здесь поселения. В противном случае пыльца с окружающих полей попала бы в почву под валом.

Исследование рва и вала городища, проведенные в 1995–1996 гг., в целом подтвердили это предположение. Сделанный в эти годы разрез рва и вала позволил воссоздать картину его сооружения и продемонстрировал сложную структуру. Первоначально была выкопана центральная часть рва. Затем, несколько выше, с двух сторон были вырыты еще два дополнительных ровика с достаточно крутыми внешними стенками. Выброшенная из основного рва погребенная почва пошла на сооружение первоначального вала. Какое-то время фортификационные сооружения функционировали в таком виде. Когда городище уже существовало в течение продолжительного времени и вырос культурный слой, ров вычищают, досыпая вал. Его вершину укрепляют сырцово-обмазкой и галечной вымосткой сверху. С этого уровня обмазки вала происходят фрагменты амфор, датируемые IV в. до н. э., показывающая время ремонта фортификаций. В то же время, стерильность почвы из которой был сложен первоначальный вал и отсутствие следов жизнедеятельности человека под ним, свидетельствуют в пользу того, что оборонительные сооружения возводились одновременно с возникновением городища т. е. в конце VI в. до н.э.

На сегодняшний день фортификация Тенгинского городища – древнейшая среди известных укреплений меотских городищ (Беглова, Эрлих, 1998, с. 86).

Святылища и некрополь городища IV в. до н.э. был открыт за пределами рва и вала около их разрыва в северной части – «въездных ворот» (рис. 2). На аэрофотоснимке здесь имелись незначительные пятна, которые проявились в распахке 1999 г. Здесь в 2000–2002 гг. было раскопано 3 кургана-святылища и частично исследовано межкурганное пространство, где было открыто 7 погребений.

Курган 1 был исследован в 2000 г. В центре насыпи, имеющей высоту около полуметра, на глубине 30 см были выявлены пятна прокаленной земли, которые занимали площадь 12х12 м. Прокаленный слой был насыщен большим количеством находок: это фрагменты лепной и гончарной керамики, стенки и ручки амфор, фрагменты чернолаковых и краснофигурных аттических сосудов. Здесь же встречались бронзовые и

железные наконечники стрел, стеклянные бусины, золотые нашивные бляшки и золотые нити от одежды, железные ножи и их фрагменты, панцирные чешуйки и т. п.

Под этим слоем на глубине 98–108 см от вершины кургана в слое золы были обнаружены обгоревшие остатки конских жертвоприношений, лежавших по кругу. Жертвоприношения совершались на специально подготовленных местах, выложенных речной галькой. Галечные вымостки практически образуют кольцо диаметром 12 м. Судя по найденным здесь уздечным наборам, в этом круге было совершено 12 конских жертвоприношений. В трех случаях в жертву были принесены целые лошади (встречены фрагменты костей ног и другие кости). В семи случаях здесь были расчищены только обгоревшие зубы лошадей с уздечкой, что позволяет говорить о том, что были положены только конские головы. В двух случаях в слое золы были обнаружены только фрагменты уздечных наборов, кости коней сгорели полностью.

За пределами галечного «кольца» были выявлены жертвоприношения совершенные, очевидно, позже и не подвергшиеся воздействию огня: это остатки одной лошади и двух лошадей без голов, лежащих рядом к юго-востоку от каменного кольца, а также жертвоприношение собаки, совершенное к северо-западу от ритуальной площадки.

На уровне древнего горизонта было расчищено 6 глубоких круглых ямок (гл. около 50 см) от сгоревшей столбовой конструкции и множество маленьких мелких ямок частокола в северо-восточной части, образующих дугу по внешнему контуру галечного кольца. Столбы укреплялись при помощи гальки. Земля вокруг ямок сильно прокалена на 8–10 см, что свидетельствует об очень сильном пожаре.

Таким образом, все сооружение можно охарактеризовать как сгоревшую деревянную столбовую конструкцию, сооруженную на уровне древнего горизонта. Это мог быть либо деревянный помост, на котором на слое гальки совершены жертвоприношения, либо полушатер или шатер. Вся конструкция одновременно сгорела, предав огню, совершенные внутри нее жертвоприношения коней.

Несколько жертвоприношений были совершены уже после того как деревянная конструкция перестала существовать. Это жертвоприношение собаки в северо-западной части насыпи и нескольких коней, на их костях следов огня нет.

Среди остатков костей, собранных внутри сооружения, а также в слое над ним, исследованных зоологом Ю.Н. Спасовским (более 1 500 костей), были выявлены кости лошади, коровы, зайца, овцы или козы, но ни одной человеческой. Это, на наш взгляд, полностью исключает трактовку исследованного комплекса как погребального.

Курган 2, исследованный в 2000–2001 гг., представлял собой сложное подкурганное сооружение с большой ямой, шатровым перекрытием и подковообразной конской могилой. В целом можно предположить следующую последовательность сооружения данной конструкции. Первоначально была вырыта яма-«котлован», в который установили массивные столбы, после чего яма была вновь засыпана. Выступающие из «котлована» столбы держали деревянный каркас-раму, служившую основой камышового перекрытия. Верх заполнения «котлована» был выложен галькой, на которой и совершались ритуальные действия. Сюда были положены многочисленные предметы, причем некоторые из них специально портили согласно ритуалу.

Очевидно, после сооружения ямы было совершено жертвоприношение жеребенка либо бычка. Об этом свидетельствует факт перекрытия его слоем камыша. После этого центральное сооружение было перекрыто камышом, который частично покрывал и деревянную конструкцию святилища.

Одновременно или несколько позже возведения деревянной конструкции была вырыта конская могила, куда поместили принесенных в жертву лошадей и быков (коров). Могила животных была перекрыта дубовыми плахами, поверх которых также совершались жертвоприношения.

Важным в ритуальном отношении, видимо, являлись южная и юго-восточная часть перекрытия. Здесь были найдены особо почитаемые высокохудожественные бронзовые культовые предметы – наперстки (рис. 3). Рядом, на специальном деревянном помосте, идущем от перекрытия конской могилы к центру кургана, находился целый комплекс ритуальных предметов – пояс, чаша с золотыми накладками, колчан, наконечники копий (см. Эрлих, 2005). Возможно, данные приношения были более поздними, так как под этим помостом прослежен камыш, перекрывавший центральное сооружение культового места. Наиболее поздним из совер-

шенных ритуалов в этом святилище было жертвоприношение лошадей и быков в северо-западном секторе кургана. Таким образом, мы имеем здесь дело с долговременным святилищем-храмом.

Курган 3. Ритуальный комплекс был обнаружен в центре кургана на уровне древнего горизонта под невысокой распаханной насыпью. Он представлял собой скопление костей животных (лошадей, овцы/козы, быков), а также битой посуды. Среди костей встречена крышка черепа и зуб человека. По своей конфигурации ритуальная площадка имела форму прямоугольника, с размерами 3х2,5 м, ориентированного длинной осью по направлению северо-восток – юго-запад. Среди битой посуды определяются фрагменты красноглиняной амфоры, крупного сероглиняного гончарного сосуда, лепного горшка. Кроме того, на ритуальной площадке разбросаны фрагменты панцирных пластин (бронзовых и железных), обнаружены золотая бляшка и дротик. В северо-восточной части скопления находились два черепа коня с деталями узды (биметаллическими псалиями, бронзовыми бляшками и ворворками) и костями конечностей. Данный комплекс может быть отнесен к простейшему типу меотских ритуальных комплексов, представлявших скопление жертвенных предметов, костей животного и принесенного в жертву.

Датировка всех святилищ II Тенгинского городища по многочисленным античным импортам укладывается во вторую половину IV – начало III вв. до н.э. (Эрлих, 2011, с. 81). В этих же хронологических рамках находятся, очевидно, и открытые погребения некрополя.

Тенгинский могильник III в. до н.э. – II в. н.э. расположен на западной окраине ст. Тенгинской в 6 км от полевого лагеря. В связи с этим, экспедиции постоянно была нужна машина для транспортировки группы, исследующей могильник. Могильник был открыт 1987–1988 гг. в результате строительства очистных сооружений и до 1992 г. исследовался М.В. Чернопиком с группой кружковцев-школьников, однако, отчеты об этих работах отсутствуют. В 1994 г., когда КАЭ обследовала памятник, в бортах котлована были обнаружены нарушенные погребения. В этом же году были начаты раскопки памятника и исследовано 13 погребений и пять поминальных комплексов. Работы на могильнике с перерывами в 2001 и 2002 гг. продолжались до 2003 г. За 8 полевых сезонов здесь было открыто более 300 комплексов (270 погребений, 10 скоплений, 19 конских погребений и 12 костей

животных). Проведенный анализ материалов могильника (Беглова, Эрлих, 2018) позволил выделить пять периодов существования памятника, который начинает функционировать в середине III в. до н.э. Расцвет данного памятника приходится на конец III – II вв. до н.э. На это время приходится наиболее яркие погребения могильника, к которым мы можем отнести погребение №158 с богатым конским убором, погребение №140 – ритуальный комплекс с жертвенными останками 17 человек и 4-х лошадей и богатым набором инвентаря, включающим 3 фибулы-броши, овальный медальон с литиком с изображением всадника, подвески в виде голубя и голубки, перстень с изображением Арсинои III и еще ряд украшений, выполненных из драгоценных металлов. Еще одним богатым комплексом могильника явилось женское погребение «жрицы» конца II в. до н.э. №177 (Беглова, 2005). В состав комплекса входила уникальная чаша, выполненная в технике нививки на основу стеклянных жгутов (Reticella), два медальона с геммами с изображением Эроса и Аполлона, большое бронзовое зеркало с изображением птиц, золотые серьги, золотой браслет и золотая фибула-брошь со стеклянной вставкой и шестью подвесками, большое количество бус, а также ряд других предметов. Среди находок поздней группы погребений, которая значительно беднее, можно отметить деталь римского меча I в. н.э., во вторичном использовании (Беглова, Эрлих, 1998, с. 173-176).

Результаты «тенгинского» этапа работы отражены в двух опубликованных монографиях, одна из которых посвящена материалам святилищ некрополя II Тенгинского городища (Эрлих, 2011), вторая – Тенгинскому городищу (Беглова, Эрлих, 2018).

Абхазо-адыгейский период. В 2002 г., в год «великого наводнения» и разлива кубанских рек (Лабы и Кубани) экспедицией был исследован последний курган-святилище на некрополе Тенгинского городища – курган 3. В этот же год В.Р. Эрлихом и И.В. Ксенофоновой была предпринята рекогносцировочная поездка в Абхазию для выбора объекта будущих исследований в этом регионе Закавказья. Первое же знакомство с абхазской археологией и коллегами-археологами состоялось годом ранее – весной 2001 г. По

приглашению Абхазского института гуманитарных исследований, праздновавшего свое 75-летие, в Абхазию приехала большая делегация ученых из России. Была «прорвана» блокада абхазской науки, существовавшая почти все 90-годы. Тогда дирекцией Абхазского института и было сделано предложение поработать на абхазских памятниках. В 2002 г. после некоторых раздумий для исследования было выбрано Эшерское городище, которое с 1968 г., исследовалось известным абхазским археологом Г.К. Шамба. Георгий Кучиевич любезно согласился стать партнером в этих исследованиях с абхазской стороны и проработал в совместной экспедиции вплоть до своей смерти в 2006 г.

Эшерское городище находится в 10 км к западу от г. Сухум на правом берегу р. Гумиста, на территории села Нижняя Эшера. Работы на Эшерском городище экспедиция вела с 2003 по 2010 гг. Вскрытые площади были небольшими в связи с ограниченностью в финансах. В 2003 г. работы велись на верхней площадке памятника. На раскопе №2 на восточном обрыве верхнего холма городища была сделана зачистка и заложен шурф, впоследствии превращенный в раскоп. В этом месте мощность культурного слоя превышала 4 м. Здесь были открыты ямы и строительные остатки архаического времени – каменная вымостка, что впервые удалось обнаружить на памятнике. Из этого слоя происходят три фрагмента восточно-греческого сосуда ойнохой либо амфоры с изображением пасущихся козлов (Wildgoatstyle) и заполнительным орнаментом в виде свастики, точечной розетки и меандра (рис. 4¹). К восточно-греческой керамике относятся также несколько фрагментов двуручных чаш с точечными розетками и группами вертикальных палочек (Джопуа и др., 2004). Все это демонстрирует наиболее ранний этап существования памятника в пределах первой половины VI в. до н.э.

В этой же части городища в 2003–2005 гг. раскапывались казарменные помещения, а также были исследованы 3 погребения, существовавшего здесь в V–IV в. до н.э. могильника. Особенно богатым оказалось погребение девочки-подростка с шестью бронзовыми браслетами, двумя фибулами и цепочкой с амулетами-под-

¹ Данный фрагмент по новой классификации восточно-греческой архаической керамики относится к позднему варианту стиля NiA-I (Северо-ионическая архаика I) и датируется концом VII – началом VI в. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer, 2005).

Благодарим Удо Шлотцауэра (Udo Schlotzhauer) за любезную консультацию, которую он дал нам в Берлине в 2019 г.

весками (Шамба и др., 2005). Возможно, из разрушенного всаднического погребения этого некрополя происходит и найденный в 2004 г. роговой конский наносник с односторонним изображением головы кабана, выполненный под влиянием прикубанского елизаветинского стиля IV в. до н. э. (Эрлих, Шамба, 2005). Кроме этого большое количество находок происходило из ряда помещений, примыкавших к стене эллинистического времени, исследованных в 2003–2005 гг. на верхней площадке в куртине между второй и третьей башнями городища – помещения И-3, 3', 3''. Отсюда происходит большой и разнообразный материал: фрагменты привозных (Родос, Синопа и другие центры) остродонных амфор, фрагменты мегарских чаш, сероглиняный светильник, гири весов, монеты города Амисоса. Нижняя дата эллинистического слоя относится к первой половине III в. до н.э. В то же время, ряд монетных и прочих находок из помещений подтверждает дату пожара и гибели городища в I в. до н.э. в период Митридатовых войн.

В 2005–2007 гг. работы на Эшерском городище проходили при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (РГНФ) по проекту «Хора Диоскурии в I тыс. до н.э. по материалам археологических памятников с. Нижняя Эшера (Абхазия)». Руководителем проекта являлся Г.К. Шамба, а после его смерти в 2006 г. – В.Р. Эрлих.

Осенью 2005 г. к юго-востоку от Эшерского в городища в урочище Кутышха были открыты остатки богатого воинского захоронения архаического времени. Комплекс был обнаружен при совершении современного захоронения на территории абхазского фамильного кладбища. В связи с этим обстоятельством, доследовать место находки было невозможно. В комплекс входили: фрагментированные железные топор-секира и кинжал-акинак с прямоугольным навершием и почковидным перекрестием, железные двупластные наконечники стрел, фрагменты маленьких петельчатых железных удилов, серебряная височная подвеска, а также остатки бронзового доспеха, который состоял из кованого из бронзового листа нагрудника-«кирасы» и около 3 тыс. бронзовых чешуек. Найденные в комплексе фрагменты двух восточно-греческих киликов, вероятно, относятся к группе ионийских двуручных чаш с точечными розетками и группами вертикальных палочек. К сожалению, сохранность фрагментов очень плохая, роспись не сохранилась, но предположительно они могут быть датированы второй половиной VI в. до н.э. (Шамба и

др., 2007, с. 167-169).

Работы на Эшерском городище продолжались до 2010 г. В последний сезон на памятнике при поддержке РГНФ по проекту «Эшерское городище – ключ к древней Диоскурии» группой украинских геофизиков под руководством К.М. Бондарь были проведены геофизические исследования – магнитные измерения высокой точности и детальности. Они позволили восстановить планировку крепостных сооружений и выделить отдельные постройки внутренней части городища (Бондарь и др., 2013; Бондарь и др., 2013а).

В 2004 г. экспедиция возобновляет работы в Адыгее. Совместно с Институтом археологии РАН при участии сотрудников Адыгейского института гуманитарных исследований и Национального музея Республики Адыгея были проведены охранно-спасательные работы в Теучежском районе в зоне береговой линии, размываемой водами Краснодарского водохранилища. На **могильниках Пшиш I и II** у х. Городской было исследовано 42 погребения, 28 комплексов без человеческих костей и 8 конских погребений, относящихся к пяти хронологическим периодам от эпохи ранней бронзы до развитого средневековья (Эрлих и др., 2005). Большинство комплексов относилось к протомеотскому периоду (VIII в. до н.э.) – 18 погребений, 5 объектов и 3 конских погребения. Впервые на протомеотском «секторе» могильника была предпринята попытка не доследования размытых либо разрушенных грабителями погребений, а раскопок широкой площади. Полученный здесь материал представлен черпаками, уздечными принадлежностями, каменным скипетром, биметаллическим и бронзовыми наконечниками копий, железным кинжалом, подражающим кинжалам кабардино-пятигорского типа и рядом других предметов погребального инвентаря (Эрлих, Вальчак, 2006). Меотская культура представлена серией ритуальных комплексов IV в. до н.э. – конскими жертвоприношениями и объектами, состоящими из скопления лепной и гончарной посуды, конских костяков, костей животных. Вместе с конскими погребениями в комплексах встречены биметаллические и железные псалии S-овидной формы, железный наконечник копья, остродонные амфоры (рис. 5).

Характерной особенностью меотских «святилищ» этого микрорегиона – отсутствие явной ритуальной порчи, в то же время встречается большое количество перевернутых вверх дном мисок

и горшков, очевидно также являющихся эквивалентом ритуальной смерти вещей. К эпохе раннего средневековья могут быть отнесены два конских погребения: одно с железными удилами и фрагментом бронзового псалия типа Утрезибенбрун, другое с железными удилами и бронзовыми подпружными пряжками (у одного сохранился «хоботковый» язычок). Эти погребения датируются V – VI вв. н.э. Погребения развитого средневековья (XIV – XV вв.) на этом могильнике представлены преимущественно вытянутыми безынвентарными труположениями, среди сопровождающегося инвентаря можно отметить железные ножи, поясные пряжки, кресало, железную саблю.

Кроме могильника Пшиш, в этот сезон было исследовано 7 погребений VIII – первой половины IX вв. на **могильнике Капанешхо** у аула Тауыхабль. Инвентарь представлен сероглиняными кувшинами, керамическими кружками, бронзовыми браслетами, височными кольцами из бронзы и серебра, бронзовым перстнем. Несколько более ранним временем – VII – VIII вв. датируется расположенный неподалеку **могильник Пхагугане**, где было исследовано 5 погребений. Наиболее богатым оказалось женское погребение 2, содержащее более 250 сердоликовых бусин, бронзовые браслеты и серьги белого металла, бубенчики, пинцет, железные пружинные ножницы, бронзовую цепочку и другой инвентарь (Вальчак и др. 2008, с. 449-453).

На остальных разрушаемых памятниках от хутора Казазова на западе до Городского на востоке удалось лишь провести сбор подъемного материала. Из особенно примечательных находок можно упомянуть серебряный статер Рескупорида, найденный на поселении Капанеджий, итальяское ситечко с поселения Капанешхо и часть каменного топора из хутора Казазова. Многочисленный материал, полученный экспедицией в этом сезоне по предварительно заключенному договору, поступил в два музея г. Майкопа – Национальный музей Республики Адыгея и Северокавказский филиал Государственного Музея Востока.

В 2005 г. Кавказской экспедицией совместно с сотрудниками Института археологии РАН при поддержке РГНФ исследовался **курган 2 могильника Уашхиту** у аула Кабехабль Шогеновского района высотой 3,5 м и диаметром более 60 м. Первый курган этого могильника был раскопан еще в 1988 г. В нем было обнаружено ограбленное в древности погребение воина-колесни-

чего начала VII в. до н.э. В кургане 2, исследованном в 2005 г., оказалось 42 погребения от эпохи ранней бронзы до сарматского периода. На основе радиоуглеродных дат и стратиграфии выделяется VI хронологических групп погребений (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2010, с. 172-189; Erlikh, Maslov, 2013, p. 121-133).

Из обнаруженных погребений следует отметить посткатакомбное женское погребение с фаянсовыми бусами, а также серию протомеотских погребений, наиболее поздним из которых являлось ограбленное элитное погребение воина-колесничего, расположенное в верхней части насыпи (погребение 9, рис. 6). Последнее сопровождалось четверкой лошадей с колесничным набором и бронзовой ситудой. Судя по уздечке колесничной упряжки, она типологически несколько предшествует уздечке колесничного набора из кургана 1, где имелись псалии типа Уашхиту-Жаботин. У всех четырех коней погребения 9 кургана 2 встречены «классические» новочеркасские псалии. Хотя другие детали колесничного набора – удила, бляхи, кольца пристяжных лошадей показывают чрезвычайную близость, если не идентичность. Все это говорит о том, что между совершением погребения 9 в кургане 2 и сооружением кургана 1 был очень небольшой хронологический промежуток. Данное погребение датировано его исследователями временем близким к концу VIII в. до н.э. (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2009, с. 394-417). На раскопках этого кургана проходили археологическую практику студенты Краснодарского университета культуры (руководитель Н.Е. Берлизов) и Адыгейского государственного университета (руководитель Ф.К. Джигунова).

В 2007 г. КАЭ также при поддержке гранта РГНФ исследовала один из курганов Ульской группы в ауле Уляп Республики Адыгея. Данная работа проводилась в рамках подготовки к изданию материалов Ульской курганной группы, исследованной в 1898, 1908, 1909 гг. Н.И. Веселовским и в 1982 г. А.М. Лесковым. Для исследования был выбран крайний восточный курган (курган 1/2007) высотой около 3,5 м с оплывшей траншеей Н.И. Веселовского шириной 10-15 м.

При повторном исследовании одного из курганов Ульской группы, раскопанного Н.И. Веселовским глухой траншеей к югу, мы ставили перед собой сразу несколько задач. Необходимо было выяснить, все ли Ульские курганы являются ритуальными комплексами-святилищами, или часть их предназначалась для погребений,

как это предполагали Л.К. Галанина и А.М. Лесков (Галанина, Лесков, 1996, с. 15). Второй задачей была верификация гипотезы А.М. Лескова, что курганный комплекс «росла» с востока, и здесь находился самый ранний курган 1/1908 г. с материалами келермесской эпохи. Третьей задачей было сопоставление полученных материалов с коллекциями Ульских курганов, хранящихся в музеях. И наконец, мы пытались проверить достоверность сведений, приведенных в отчетах Н.И. Веселовского о планиграфии конкретных курганов и имевшихся в них конструкциях.

В экспедиции, которая состоялась в июле-августе 2007 г., приняли участие сотрудники ГМВ – В.Р. Эрлих, О.А. Брилева, О.И. Куринских (Фризен), сотрудник ИА РАН В.Е. Маслов, сотрудник Национального музея Республики Адыгея А.А. Тов, и только что назначенный директор Абхазского государственного музея А.И. Джопуа. В раскопках участвовали студенты-практиканты Адыгейского госуниверситета с руководителем практики Ф.К. Джигуновой.

Исследование показало, что в кургане имела наземная деревянная конструкция, находящаяся на уровне древней дневной поверхности в виде настила из радиально выложенных бревен, а также хвороста и камыша. Она была частично перекрыта шатровым сооружением или навесом, лежавшим одним концом на обвязке столбовой конструкции (зафиксированы остатки трех столбов), другим на валу из серо-коричневого суглинка. На краю настила находилась деревянная «коновязь» с погребениями жертвенных лошадей, лежавших по кругу. В кургане не были обнаружены остатки и признаки могильной ямы (выкид из нее) и человеческие кости. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем отнести раскопанное сооружение к культовым памятникам – святилищам. По предложенной нами классификации, сооружение относится к четвертому виду меотских святилищ, имеющих деревянные конструкции – шатры или полушатры. План сохранившейся части сооружения наиболее близок Ульскому кургану 10, исследованному А.М. Лесковым в 1982 г. Золотые украшения, обнаруженные в траншее Н.И. Веселовского, оказались практически идентичны украшениям из кургана 2/1909 г., хранящегося в Эрмитаже. Это позволило сопоставить исследованный курган с данным комплексом и датировать его в пределах второй половины VI в. до н.э. (Эрлих, 2010, с. 117-127; Erlikh, 2010, p. 47-65). Таким образом, курган оказался не самым ранним в Ульской группе, и концепция А.М. Лескова о

том, что группа развивалась с востока не нашла подтверждения. Материалы этих раскопок поступили в Национальный музей Республики Адыгея и вошли в том полной публикации Ульских курганов, вышедший в 2015 г. на русском и английском языках (Ульские курганы, 2015).

В 2008 г. исследования экспедиции на территории аула Уляп были продолжены и был исследован курган на мысу террасы на северо-востоке аула, относящийся к поздне-меотскому времени, однако перекрывший интересное поселение майкопской культуры (Брилева, Эрлих, 2011, с. 264-266).

Период больших и малых проектов 2011–2020 гг. С назначением в 2006 г. Генеральным директором Музея Востока А.В. Седова, сокращается, а затем и полностью прекращается финансирование КАЭ музеем. Если еще в 2007 и 2008 гг. это были незначительные добавки к грантам, в 2009 г. экспедиция не работала, в 2010 г. экспедиция смогла работать в Абхазии только исключительно на грант.

В связи с этим, когда в 2011 г. поступило предложение принять участие в большом инфраструктурном археологическом проекте на территории Адыгеи – охранно-спасательных раскопках в зоне реконструкции газопровода Майкоп-Сочи, мы взялись за эту работу, хотя не имели опыта участия в коммерческих проектах. Реконструкция газопровода проводилась к предстоящей олимпиаде в г. Сочи в 2014 г., а работа велась в течение трех полевых сезонов 2011–2013 гг. и охватывала памятники начиная с эпохи ранней бронзы до развитого средневековья. В результате этих работ был получен значительный материал, поступивший в два музея г. Майкопа: Национальный музей Республики Адыгея и Северокавказский филиал ГМВ. Полученные материалы после сдачи научных отчетов и реставрации были представлены на выставке «Древности долины яблонь», которая прошла в г. Майкопе в конце 2014 – начале 2015 гг. (Древности долины яблонь, 2014). В этой статье мы можем лишь перечислить исследованные памятники, указав их хронологию и привести ссылки на имеющуюся литературу.

На **Археологическом комплексе Псенафа** конца IV в. до н.э. – I в. н.э. (около х. Подгорный, на окраине Майкопа) было исследовано поселение меотской культуры общей площадью более 7 000 кв. м, вскрыта древняя дренажная траншея и колодец (Эрлих, Годизов, 2012, с. 250-251). Исследованы также часть синхронного некрополя и

святилище на кургане 1, давшие более 400 погребальных и ритуальных комплексов (Эрлих, 2013, с. 476-480). Некрополь отличается серией элитных погребений II – I вв. до н.э., материалы которых частично опубликованы (Эрлих, 2016; Эрлих, 2017). Кроме этого, весьма интересны приношения в святилище, среди которых следует отметить уникальную фибулу-брошь (рис. 7) III – II вв. до н.э. (Эрлих, 2013а) и уникальные псалии с изображением кошачьего хищника (рис. 8) из ритуального комплекса 13 конца IV в. до н.э. (Эрлих, Канторович, 2017, с. 390-396). Курган, на котором возникло меотское святилище, относится к эпохе средней бронзы, здесь была открыта серия погребений, относящихся к северокавказской КИО.

На **могильнике Синюха** около поселка Родниковый было раскопано два кургана эпохи бронзы (Эрлих, Ковалев, Маслов, 2013), особый интерес для исследователей представляет коллективное погребение майкопской культуры, являвшееся основным в кургане № 1 (погребение 12), для которого проведены изотопные исследования и получены результаты палеогенетического исследования (Шишлина и др., 2015; Трифонов, 2014; Wangetal., 2019).

Весьма интересным явилось **поселение Деметра** у станицы Ханской, относящееся к эпохе поздней бронзы. Здесь было вскрыто 7 000 кв. м относительно разреженного культурного слоя, распределявшегося двумя участками (Деметра-1 и Деметра-3), как мы предполагаем это два отдельных поселения, располагавшихся на берегах древнего озера (Хохлова, Эрлих и др. 2014). Памятник дал неизвестный ранее керамический комплекс эпохи поздней бронзы, который демонстрирует местный не «кобьяковский» компонент в формировании протомеотской группы памятников (Эрлих, Болелов, 2014, с. 211-215).

На южной окраине поселения Деметра был открыт **могильник Деметра-2**, где были исследованы четыре погребения, четыре ритуальных комплекса в виде захоронений взнузданных коней, а также отдельные скопления керамики. Можно предположить, что в эпоху раннего железного века здесь располагался могильник кочевого или полукочевого сарматизированного населения, связанного с оседлыми меотами. Открытые комплексы дали значительный разброс дат от III в. до н.э. до конца III – нач. IV в. н.э. (Древности «Долины яблонь», с. 45-47, кат. 239-245).

Наиболее поздним из исследованных памят-

ников был **могильник Молдованка** белореченской культуры, раскопанный экспедицией на границе Адыгеи с Апшеронским районом Краснодарского края. Здесь было исследовано семь курганов, принадлежащих рядовому населению. Захоронения совершались в неглубоких ямах, иногда удавалось проследить элементы деревянной конструкции. О конфессиональной принадлежности погребенных свидетельствует фрагмент надгробья с изображением креста. Полученный инвентарь представлен поясными наборами, наконечниками стрел, железными кресалами, пружинными ножницам, парой бронзовых позолоченных серег, украшенных зернью и сканью. Предварительно могильник датирован XIV – XV вв. (Древности долины яблонь, с. 48-50; кат. 246-262).

Коммерческие проекты экспедиции продолжались и в последующие годы. В 2014 г. по госконтракту с Министерством культуры был выполнены полевые исследования в Карачаево-Черкесской Республике по маршруту северного участка Великого Шелкового пути на территории Карачаево-Черкесской Республики. Основной задачей, стоящей перед экспедицией, было обследование современного состояния аланских скальных могильников VI – VIII вв., из которых по разным данным происходили шелковые ткани – прямые свидетельства функционирования северного участка Великого Шелкового пути. Участниками экспедиции проводилась топографическая съемка памятников, их фотофиксация, получение точных географических координат, сбор подъемного материала. На ряде памятников выполнены расчистки и раскопки отдельных погребальных сооружений (скальных катакомб и прискальных оградок). Исследование проведено на 14 объектах. Как показали работы экспедиции, большинство могильников полностью разграблены либо еще в эпоху позднего средневековья, либо вследствие нелегальных раскопок недавнего времени. На ряде могильников удалось собрать и исследовать антропологический материал и получить незначительный археологический материал, оставленный грабителями. В тоже время, скальные погребальные сооружения сами по себе могут представлять собой привлекательные, интересные туристические объекты и могут быть музеефицированы.

Для дальнейшего археологического исследования перспективным является **могильник** у селения **Хасаут**, пока не полностью уничтоженный грабителями. Здесь экспедицией исследовано парное погребение пожилой женщины и ребенка,

в котором обнаружены ряд бронзовых украшений, костяная накладка на лук, а также половинка зеркала в чехольчике из ткани и холщевая сумочка. Предварительно погребение можно датировать концом VI – VIII в. На могильниках Уллу-Кол и Хасаут экспедицией были открыты и скопированы наскальные изображения – «писаницы», сделанные охрой на поверхности скалы (рис. 9).

В 2015 г. экспедиция работала в Дагестане, здесь по договору с Научно-производственным центром «Дарс» (рук. Р.Г. Магомедов) были проведены раскопки трех курганов **могильника Олелитюбе** в зоне строительства цементного завода в окрестностях селения Карабудахкент. В могильнике Олелитюбе наибольший интерес представлял курган 1, который до начала раскопок имел высоту 3,6 м и диаметр 32 м. Курган имел С-образный кромлех диаметром по линии запад-восток 24 м, ограничивающий насыпь кургана с юга, востока и запада. С севера кромлех был разомкнут. Кромлех был сооружен из слегка обработанных поставленных вертикально камней (преимущественно известняк и коричневый дагестанский песчаник). К кромлеху примыкали каменные ящики – «кенотафы». В районе «кенотафа» №7 произошло нарушение общей линии кромлеха, что свидетельствует о его не единовременном сооружении. Всего в кургане было обнаружено 9 «погребений»-кенотафов, совершенных в небольших каменных ящиках либо ямках, перекрытых каменными плитами, которые содержали лепные сосуды в количестве от одного до трех.

Полное отсутствие костей человека исключает погребальный характер данного кургана. Все сооружение в совокупности представляет собой интересный, ранее не встречавшийся в Дагестане комплекс – святилище, предположительно связанное с солярными или календарными культами. Можно предположить, что на протяжении его функционирования, в определенное время здесь совершались жертвоприношения, являющиеся культовыми «возлияниями», а жертвенная посуда с содержимым помещалась в специально сооружаемые каменные ящики, либо в ямки и перекрывались плитами. После чего насыпь кургана досыпалась. По имеющемуся керамическому материалу, памятник следует отнести к эпохе средней бронзы – вторая половина III – начало II тыс. до н.э. (Эрлих, Магомедов, 2016, с. 66-68). Кроме раскопок, экспедицией были проведены археологические разведки в Кабурадахкентском районе Республики Дагестан в зоне

строительства линии электропередач и системы водоснабжения, ведущих к цементному заводу.

В конце 2015 г. экспедиция начала многолетний проект в Майкопском районе Адыгее, который продолжается и по сей день. Здесь в зону освоения гипсового карьера компанией «Волма» попали мегалитические объекты **Археологического комплекса Шушук**. Проведенные разведки показали, что здесь находится более сотни объектов, среди которых было выявлено поселение. Наиболее характерный погребальный обряд для могильника Шушук – ящики-рамы из разобранных дольменов, реже встречаются погребения во вторично использованных дольменах (рис. 10) и ямах-промоинах. Первоначально было сделано предположение, что памятник относится к финалу бронзового века (Эрлих, 2018), однако последующие раскопки показали, что его хронологический диапазон гораздо шире и начало функционирования могильника относится к XXVIII в. до н.э. По сути, сейчас это эталонный памятник для предгорий С-З Кавказа, относящийся к эпохе средней-поздней бронзы. Была предложена предварительная периодизация памятника, в которой выделено три периода, один из которых относится к среднему бронзовому веку (период Шушук-I), а два других к первой и второй половине поздней бронзы (периоды Шушук-II и Шушук-III) (Эрлих, Годизов, 2020). В тоже время, подробное изучение материалов эпохи средней бронзы позволило разделить период Шушук-I на две хронологические группы, датирующиеся сейчас 28-26 и 26-24 вв. до н.э. (Эрлих и др., 2020), эти горизонты мы соответственно можем обозначить как подпериоды Шушук-I А и Шушук-I Б.

Сейчас на археологическом комплексе Шушук исследовано более 30 постдольменных комплексов разных по своему обряду, большая часть которых содержала материал, позволяющий их датировать и получено 20 радиоуглеродных дат. Кроме того, открыт аналогичный **археологический комплекс у ст. Севастопольской**, где в 2020 г. исследовано два постдольменных объекта. Данные работы, а также изучение материалов Шушука поддержаны грантом РФФИ № 19-09-00100. Работы на археологическом комплексе Шушук продолжаются.

ЛИТЕРАТУРА:

- Беглова Е.А., 2005. Богатое женское погребение из Тенгинскогогрунтового могильника // Материальная культура Востока. Вып. 4. – М.: ГМВ. С. 166-181.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 1998а. Древнейшая фортификация меотской культуры // Материалы VII Донской археологической конференции. – Ростов-на-Дону. С. 85-86.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 1998б. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // РА. № 2. С. 173-176.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). – М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.
- Бондарь К.М., Эрлих В.Р., Виршило И.В., Кравченко Д.В., 2013. Магнитные исследования Эшерского городища античной эпохи в 2010 г. // Третья Абхазская международная археологическая конференция «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа», посвященная памяти Г.К. Шамба. Материалы. – Сухум: Дом печати. С. 45-50.
- Бондарь К.М., Эрлих В.Р., Виршило И.В., Кравченко Д.В., 2013а. Пространственная структура Эшерского городища античной эпохи по данным высокоточной магниторазведки // Вестник Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко. Серия Геология. № 1 (60). С. 47-50.
- Брилева О.А., Эрлих В.Р., 2011. Новое поселение майкопской культуры в Адыгее // АО за 2008 г. – М. С. 264-266.
- Вальчак С.Б., Джигунова Ф.К., Тов А.А., Эрлих В.Р., 2008. Могильники эпохи средневековья близ аула Тауйхабль в Адыгее (предварительные результаты раскопок 2004 г.) // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина. – М.: Таус. С. 449-453.
- Галанина Л.К., Лесков А.М., 1996. Население Закубанья в VI – V вв. до н.э. По материалам Ульских курганов // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – М.: ИА РАН. С. 54-56.
- Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская экспедиция в 1979-1983 гг. // КСИА. Вып. 188. С. 36-51.
- Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К., 2004. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 51-56.
- Древности «Долины яблонь», 2014. Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. / Сост. В. Р. Эрлих. – М.: ГМВ. 114 с.
- Каменецкий И.С., 1982. Отчет III разведочного отряда о работах в Усть-Лабинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. №11873.
- Лесков А.М., 2019. Записки археолога. – М.: Клио. 612 с.
- Лебедева Е.Ю., 1994. Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. Вып. 5. – М.: НИИЦ «АРХЭ». С. 108-112.
- Малышев А.А., 1996. Античный импорт VI – IV вв. до н.э. в Закубанье. По материалам раскопок II Тенгинского городища // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – М.: ИА РАН. С. 110-111.
- Трифонов В.А., 2014. Западные пределы распространения Майкопской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16, № 3. – Самара. С. 276-284.
- Ульские курганы, 2015. Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. – Москва, Берлин, Бордо: Палеограф. 222 с.
- Хохлова О.С., Эрлих В.Р., Гольева А.А., 2014. Почвенный покров мочарного ландшафта и его изменчивость во второй половине голоцена на основе изучения поселения Деметра близ г. Майкопа, Адыгея // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти проф. В.А. Демкина. Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. – Пушкино. С. 174-176.
- Шамба Г.К., Джопуа А.И., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., 2005. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н.э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. И.И. Марченко (отв. ред.). – Краснодар: Символика. С. 287-290.
- Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., 2007. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник Академии наук Абхазии. Вып. 2. – Сухум. С. 164-181.
- Шишлина Н.И., Ларионова Ю.О., Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Й. ван дер Плихт, 2015. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования // КСИА. Вып. 238. С. 262-276.
- Эрлих В.Р., 2010. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. Вып. 5. – М.: ГМВ. С. 117-137.
- Эрлих В.Р., 2011. Святилища Тенгинского городища II, IV в. до н.э. – М.: Наука, 2011. 212 с.
- Эрлих В.Р., 2013. Археологический комплекс Псенафа к проблеме хронологии // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. – Краснодар. С. 476-480.
- Эрлих В.Р., 2013а. Фибула-брошь из святилища археологического комплекса Псенафа // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Н.Е. Берлизов (отв. ред.). – Краснодар: КГИАМЗ. С. 89-96.
- Эрлих В.Р., 2016. Богатое погребение I в. до н.э. могильника Псенафа // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Грозный: Издательство Чеченского гос. ун-та. С. 177-180.
- Эрлих В.Р., 2017. Два богатых эллинистических погребения из могильника Псенафа // Scripta Antiqua. Том 6. – М.: Собрание. С. 13-44.
- Эрлих В.Р., Болелов С.Б., 2014. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. – М.: ИА РАН. С. 211-215.

Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., 2006. Протомеотские погребения могильника Пшиш-I (раскопки 2004 г.). // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. – Краснодар: КГУ. С. 85-123.

Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е., 2009. Протомеотские погребения кургана 2 могильника Уашхиту I // Эпоха раннего железа. Бессонова С.С. (Отв. ред.). – Киев-Полтава: ИА НАНУ. С. 394-417.

Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е., 2010. Курган 2 могильника Уашхиту I: к проблеме стратиграфии // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. А.И. Василенко (сост.). – Луганск: Глобус. С.172-189.

Эрлих В. Р., Годизов Г.Л., 2012 Археологический комплекс Псенафа – новый памятник меотской культуры // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. – Махачкала: МавраевЪ, 2012. С. 250-251.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л., 2020. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.). – Махачкала: МавраевЪ. С. 161–165.

Эрлих В.Р., Канторович А.Р., 2017. Псалии с уникальным изображением кошачьего хищника из ритуального комплекса могильника Псенафа в контексте скифского звериного стиля. // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). Старожитності раннього залізного віку. – Київ: ІА НАНУ. С. 390-396.

Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е., 2013. Погребения эпохи бронзы курганного могильника «Синюха» в Адыгее (предварительные данные) // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. – Краснодар: Издательство КубГУ. С. 481-485.

Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г., 2016. Курган-святилище эпохи средней бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Грозный: Издательство Чеченского гос. ун-та. С. 66-68.

Эрлих В.Р., Шамба Г.К., 2005. К вопросу о влиянии

прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. – Краснодар: Издательство КубГУ. С. 164-172.

Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Джигунова Ф.К., Маслов В.Е., Тов А.А., 2005. Работы Кавказской экспедиции // АО, 2004. – М.: Наука. С. 329-332.

Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А., 2020. Погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук. Археологические вести. Вып. 27. С. 253-278.

Erlikh V. R., 2010. Recent Investigation of the Ul'ski kurgans// Nieling J., Rehm E.(eds.) Achaemenian impact in the Black Sea Communication of Powers. Black Sea Studies, 11. Aarhus, DK: Aarhus University Press. P. 47-65.

Erlikh V., Maslov V., 2013. Chronological Levels of the Bronze Age Burials in Kurgan 2 of the Uashkhitu-I Burial Complex (Adygea) // Proceedings of the 2nd International Congress of Eurasian Archeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures, Tire, 2010. Izmir: Dokuz Eylul University Center for Studies on Caucasian & Central Asian Archaeology. P. 121-133.

Kerschner M., Schlotzhauer U., 2005. A new classification system for East Greek pottery. // Ancient West & East, Vol. 4, 2005. Leiden Boston: Brill. P. 1-56.

Sparkes, Brian A., Talcott, Lucy, 1970. Black and plain pottery of the 6th, 5th, and 4th centuries B. C. // Athenian Agora. Vol. 12. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 473 p.

Wang C. C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., Erlikh V. R., Atabiev B. C., Magomedov R. G., Kohl P. L., Alt K. W., Pichler S. L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezekin A. D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y. B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A. B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W., 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with ecogeographic regions // Nat. Commun. V. 10(1).

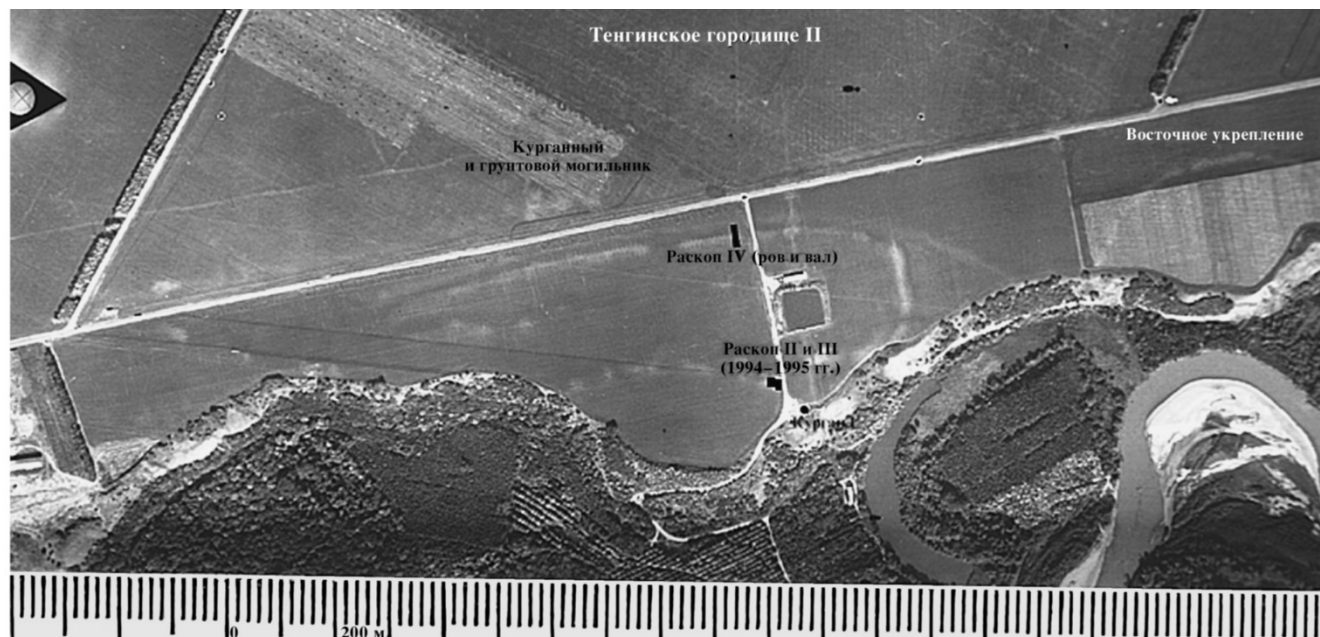

Рис. 1. Тенгинское городище II. Аэрофотосъемка

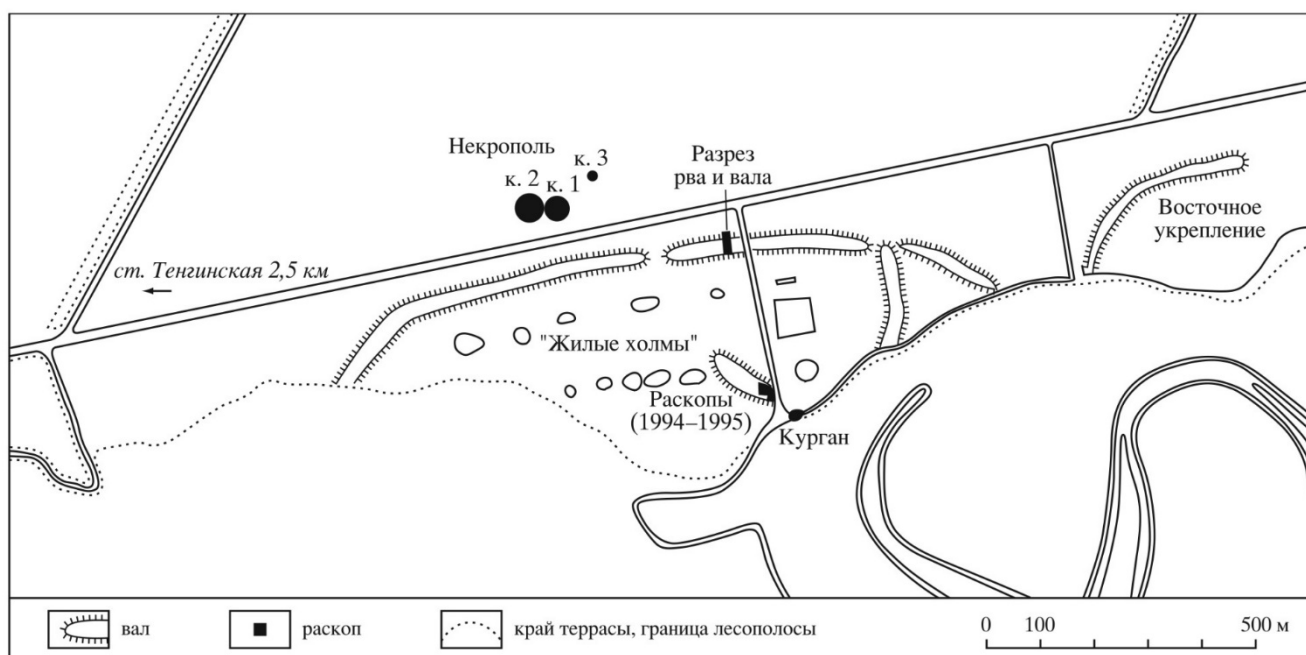

Рис. 2. Тенгинское городище II. Схема расположения раскопов

Рис. 3. Тенгинский курган 2. Бронзовые навершия

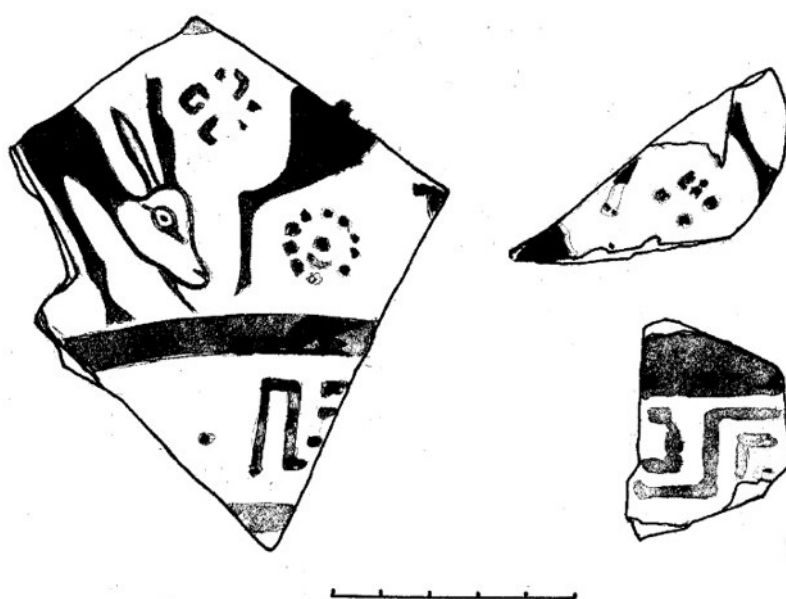

Рис. 4. Эшерское городище. Фрагменты сосуда с изображением пасущихся козлов

Рис. 5. Могильник Пшиш II. Погребение с амфорой

Рис. 6. Могильник Уашхиту I. Курган 2, погребение 9

Рис. 7. Археологический комплекс Псенафа. Курган 1. Золотая фибула-брошь

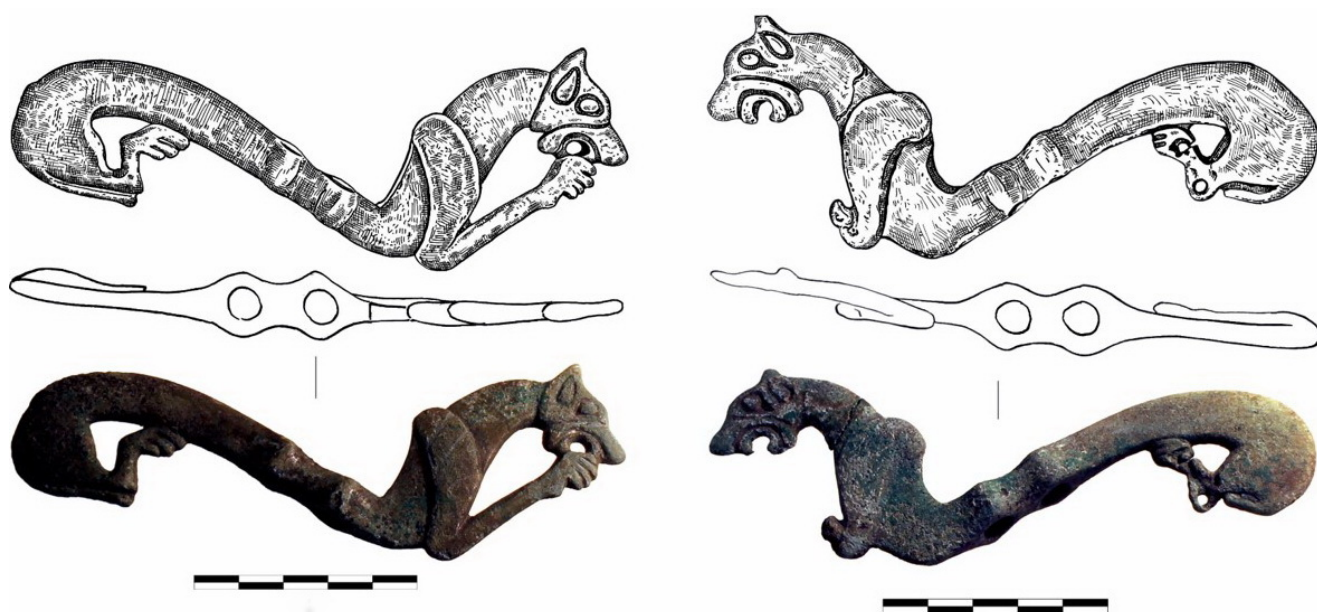

Рис. 8. Археологический комплекс Псенафа. Курган 1. Бронзовые псалии

Рис. 9. Могильник Хасаут. Наскальная живопись охрой

Рис. 10. Археологический комплекс Шушук. Курган «Шушук-75», погребение 2

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ С УСТЬЯ Р. КЯЛАСУР (АБХАЗИЯ)

В.А. Нюшков

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, г.
Сухум, Республика Абхазия

Аннотация. В данной работе рассмотрены геммы – инталии на территории Закавказья, в частности, в Абхазии. Относятся они к периоду Поздней античности, когда влияние Римской империи было распространено на Восточно-Причерноморский регион. Этим временем фиксируется найденная в 1888 г. в районе устья р. Кяласур брошь с инталией, на которой имелось изображение с тремя лицами и надпись. Были два варианта прочтения с древнеиранского и с абхазского языков. Однако ни тот, ни другой нельзя считать удовлетворительными. Можно предположить, что тут изображена романизированная семья.

Ключевые слова: гемма, инталия, изображение, надпись, Абхазия, Кяласур, Турчанинов, семья.

ABOUT ONE FIND FROM THE MOUTH OF THE KYALASUR RIVER (ABKHAZIA)

V. A. Nyushkov

Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia,
Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract. This paper considers gem-intaglios on the territory of Transcaucasia, in particular, in Abkhazia. They belong to the period of Late antiquity, when the influence of the Roman Empire was extended to the Eastern Black Sea region. This time is fixed, a brooch with an intaglio found in 1888 near the mouth of the Kyalasur River, on which there was an image with three faces and an inscription. There were two versions of reading from the Ancient Iranian and from the Abkhazian languages. However, neither one nor the other cannot be considered satisfactory. It can be assumed that a romanized family is depicted here.

Keywords: gem, intaglio, image, inscription, Abkhazia, Kyalasur, Turchaninov, family.

Из несохранившихся точных сведений, но на основании некоторых архивных данных, предположительно установлена была находка одной любопытной вещицы, относимая к позднеантичным произведениям, т.е. в районе впадения реки Кяласур в Чёрное море, недалеко от г. Сухум. Вещица эта – брошь с инталией. Об этой находке написано не так много, но достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с уникальным предметом. Он выполнен по всем канонам изготовления гемм в период Поздней Римской империи. Более того, имеющиеся на нём надпись возле хорошо чётко выполненных трёх портретных изображений, делают ее оригинальной находкой, найденной на территории современной Абхазии.

Данная находка, датируемая временем III–IV

вв. н.э., была обнаружена на территории древнеабхазского политического образования – Аписилия. Как показывают письменные источники (Плиний Секунд (I в. н.э.) Флавий Арриан (II в. н.э.), Прокопий Кесарийский (VI в. н.э.), данный район был обжит древним абхазским народом аписилами с I в. н.э., а по археологическим материалам и ещё раньше – со II в. до н.э.

В это время активную роль в Восточном Причерноморье играют торгово-экономические контакты. Вместе с тем, находясь под влиянием Римской империи, торговля находилась под контролем римлян. Они не стремились к насильственному насаждению в Абхазии своей культуры, между тем, они преследовали здесь не только военно-стратегические и политические цели, но не

в меньшей степени желали установления с Кавказским побережьем прочных экономических и культурных связей и его использования в качестве перевалочного пункта для связей с народами Восточной Азии (Маан, 2012, с. 96).

Значительное расширение связей между Римом и местным населением происходит во второй половине IV в., что было обусловлено вторжением на Северное Причерноморье гуннских племён. Налаживая добрые отношения с апсилами, римляне создали свободную торговую зону в центре Апсии в Цабале, куда стал поступать импорт (Воронов, 2010, с. 126). Уже с середины IV века население использует привозные амфоры, краснолаковые тарелки, стеклянную посуду, фибулы, серьги, перстни, римские щиты и широкие мечи-гладиусы с портупейными сумками (Воронов, 2014, с. 100).

В это же примерно время на Северо-Западном Кавказе происходит процесс смены этносов: от меотов к сармато-меотам, затем к сармато-аланам и, наконец, к аланам. Аланы, заменив сарматов, оседают в предгорьях Северного Кавказа. Об этом свидетельствует превращение под влиянием их погребальных традиций меото-сарматских захоронений в катакомбы в типичные аланские погребальные сооружения (Гудаков, 2007, с. 52). Определённые связи прослеживаются и с Северным Кавказом, откуда в Цабал проникают ещё на рубеже IV–V вв. трёхлопастные черешковые наконечники стрел (Воронов, 2010, с. 127), что может свидетельствовать о наличии аланов в составе апсильских и римско-византийских подразделений в Колхиде, с другой – о наличии других связей (торговых, брачных и др.) (Бгажба, Лакоба, 2007, с. 133).

К концу эллинизма на территории Причерноморья появляются геммы, изображения на большинстве из которых сильно стилизованы, а образы графически схематизированы и небрежно исполнены. По-видимому, такие геммы пользовались популярностью у небогатой части населения и служили владельцам в качестве личных печатей, заменяя им подпись, поэтому не требовали высокого уровня мастерства. Однако подобные геммы нередко встречаются и в богатых погребениях, что свидетельствует об отходе от эллинских традиций в искусстве (Черненко, 2019, с. 84).

Гемма – драгоценный или полудрагоценный камень с врезанным (инталия) или выступающим (камея) изображением мифологических или бытовых сцен. Высокой степени мастерства они

достигли при обработке изумруда и сапфира. Подделки из дешёвого стекла были довольно многочисленны, но почти все они были старательно обработаны. Геммы использовались не только для печатей, но также в качестве амулетов, чему способствовала вера в магическую силу драгоценных камней (Словарь античности, 1989, с. 126). Инталия, гемма, снабжённая врезанным выгравированным изображением (Словарь античности, 1989, с. 227). Иногда инталии носили как украшение, помещая на броши или в виде привесок.

Так, в частности, геммы были найдены в Грузии: «Первой половиной – серединой III вв. датируется погребение, найденное вблизи Сарапаниса (село Клдеети). В нем обнаружено шесть золотых пластинчатых подвесок, украшенных зернью, разноцветными камнями, фигурками птиц, оправленная в золото гемма с изображением мужчины, золотые браслеты, несколько дуговидных фибул застёжек, одна из которых украшена альмандином, золотые монеты – подражания статерам Александра Македонского. Весь комплекс, за исключением нескольких деталей, носит ярко выраженный причерноморский характер, указывая на то, что внутренние районы Колхиды испытывали влияние античной культуры» (Воронов, 2006, с. 304).

Здесь нельзя не отметить и раскопки в Армазис-Хеви, открывшие погребения иберийской знати. Среди многочисленных предметов были найдены, в частности, две геммы с портретными изображениями и надписями (Очерки истории

Геммы с изображением Аспаруха (1) и супругов Карпан и Зеваха (2)

СССР, 1956, с. 470). На одной гемме, украшающей золотой перстень, дано портретное изображение длиннородого мужчины с надписью в окружности: «Питиахш Аспаврук», а на другой – гемма с портретным изображением супружеской пары с надписью – «Зевах, жизнь моя. Карпак» (Бердзенишвили, Дондуа и др., 1962, с. 33). На ней можно видеть молодого человека с **«греческим носом»** (прямым) и небольшой бородкой и напротив молодую женщину с таким же профилем в головном уборе с европейскими греческими чертами лица. Они смотрят друг на друга. Это явно молодая пара. Муж и жена (Странности древней истории Грузии, 2020).

Были также обнаружены геммы и в Абхазии: интересная гемма из халцедона с надписью была найдена в с. Аацы (Гудаутский район), на ней изображён бог Зевс на троне, а на руке сидит орёл (Хотелашвили-Инал-ипа, 2020, с. 136). Отметим и другие. Так, раскопками у главной крепости апсиров Цибилума впервые установлено использование апсильяками для украшения головы фибул-брошек, скреплявших волосы на затылке. Одна из таких брошей была выложена тремя сердоликами, оправленными в серебро. На двух сердоликах оказались вырезанными фигуры богинь Фортуны-Тюхе и Виктории, всадника и преследующей его колесницы, которую влекут несколько коней, подстегиваемых возницей – Гелиосом (Воронов, 2009, с. 551). Ю.Н. Воронов указывает: «Эти инталии – выдающиеся произведения позднеантичной глиптики, изготовленные где-то в малоазийских мастерских и ранее в комплексах Восточного Причерноморья не встречавшиеся» (Воронов, 2009, с. 551).

Но вернёмся к нашей броши с инталией. В «Археологической карте Абхазии» сказано: «Сердоликовая инталия в золотой оправе, разделенной на 26 гнезд, заполненных попеременно стеклышками красного цвета и серо-зеленоватой

пастой, в устье р. Келасур. Обратная часть оправы гладкая, с боков имеются ушки. Размер с оправой 3,9 x 5,15 см, сердолик 2,5 x 3,4 см. На камне вырезано погрудное изображение женщины средних лет, взор вправо. Рядом – юноша лицом к ней. Справа от него – профиль мужчины, а по овалу надпись. Надпись переведена как аланская с помощью осетинского языка, причем были вырезаны сначала первые два предложения, а затем последние» (Воронов, 2009, с. 114). Эти данные Ю.Н. Воронов частично взял у Г.Ф. Турчанинова.

Ярко выраженный «варварский» характер её исполнения, по мнению Ш.Д. Инал-ипа, даёт основание предполагать, что эта гемма (инталия) также принадлежала какому-нибудь местному князьку (Инал-ипа, 1976, с. 239). Есть даже сведения, что инталия была из богатого погребения, которое, судя по трёхпортретному украшению, принадлежало вельможе III–V вв. (Очерки истории Грузии, 1988, с. 422). Скорее всего, это была случайная находка.

Немного об истории находки. В 1888 г. житель Абхазии В.М. Шервашидзе сдал в Петербургский Эрмитаж (Отдел Древностей) брошь с инталией с выгравированными портретными изображениями и с надписью греческими буквами. Впервые краткая информация об этом резном камне появилась в статье М.И. Максимовой, отметившей, в частности, «...сердолик в античной золотой оправе. Три портрета очень поздней эпохи, вероятно V в. Надписи с именами восточного характера» (Античные резные камни, 1926). Дату последней четверти III – и первой четверти IV вв. н.э. по характеру резьбы, моделированию изображений и палеографии греческих букв для инталии опередил в специальной работе, посвящённой ей, Р.В. Кинжалов. Им был сделан вывод о невозможности определения места изготовления инталии, исходя лишь из её стилистических особенностей; анализ же надписи заставляет предположить её местное закавказское происхождение (Кинжалов, 1960, с. 98).

Следующее описание инталии и анализ надписи принадлежит небезызвестному дешифровщику древних писем Г.Ф. Турчанинову (Турчанинов, 1960, 1990). Согласно его описанию: «В Государственном Эрмитаже в Ленинграде (отдел Востока) хранится резанная на карнеоле инталия с тремя погрудными изображениями женщины, юноши и мужчины и с надписью греческого письма, по-гречески не интерпретируемой».

Брошь с инталией представляет собой сердолик, обрамлённый золотой ажурной оправой, украшенной цветными вставками. «На оттиске с инталией слева мы видим изображение женщины средних лет. Корпус женщины дан в полуфас, лицо в профиль. У нее большие глаза, довольно прямой крупный нос, маленький рот; волнистые волосы опускаются до плеч. Взор женщины обращен вправо, где рядом с ней, в центре инталией, помещено в фас изображение юноши. Лицо юноши на четверть оборота повернуто в сторону женщины. У него короткие вьющиеся волосы. Направо от юноши изображен лицом в профиль и корпусом в полуфас, как и женщина, мужчина средних лет, с небольшой, обрамляющей лицо бородой и усами. У него также волнистые волосы, довольно крупный нос, глаза меньше, чем у женщины. Взор мужчины обращен в сторону женщины и юноши. Все трое одеты однообразно, что характеризует, как нам представляется, этническое единство лиц. Поверх сорочки с круглым воротом накинута какая-то одежда то ли с отворотом, то ли с опушкой, вероятно, узорчатая, о чём говорит штриховка ткани».

Далее Г.Ф. Турчанинов указывает: «По овалу на сердолике вырезана надпись греческого письма. Она начинается слева от изображения женщины. Здесь снизу вверх, как бы по овалу, вырезано ΝΙΝΑΣ. Справа от юноши, отчасти над его головой, с небольшим наклоном вправо и в том же письме читаем ΟΥΝΖ и за головой мужчины, сверху вниз, – ΑΝΗΣ. В нижней части камня, под изображениями, слева направо читается ΟΥΑΡΗΟΥΝΣ». В результате, Г.Ф. Турчанинов, найдя ключ к прочтению надписи на древне-осетинском (аланском) прочёл её сплошной строкой как: «*Нина есть – её семейство есть – на груди есть*» (Турчанинов, 1990, с.157-158).

Конечно, мы в праве не согласиться с интерпретацией Г.Ф. Турчанинова. Так, филолог В.А. Чирикба заметил, что здесь речь идёт не только об одной женщине, поскольку на инталией, скорее всего, изображена семья: средних лет мужчина, средних лет женщина и юноша, возможно, их сын. «В этом контексте фраза «семейство Нины» озадачивает проблему, поскольку логичнее было бы помещение в надписи имени мужа. Отмечая эту проблему, Турчанинов предполагает, что речь идёт об отражении матриархата у алан в IV

в., что выглядит несколько натянутым и не вполне согласуется с историческими данными». С учётом этой и других неувязок, В.А. Чирикба ставит вопрос: «Является ли интерпретация Турчаниновым надписи как (старо) осетинской единственно возможной?» (Чирикба, 2011, с. 153). Он же выдвигает свою гипотезу прочтения надписи на древнеабхазском. Аргументирует это тем В.А. Чирикба, что нахождение надписи в Абхазии и её негреческий язык даёт возможность её прочтения на местном языке, т.е. абхазском: «*Во имя /для моей подруги (друга) Нины (Нинаса)? улр его работа*» (Чирикба, 2011, с. 155).

Можем заметить, последний перевод текста звучит пространно, а если учесть, что не зафиксирован памятник того времени с древнеабхазским письмом с греческим или латинским алфавитом¹, у нас есть законные основания и этому переводу не доверять.

В свою очередь, В.Н. Залесская поддержала прочтение надписи Р.В. Кинжалова, полагавшего, что юношу слева звали Виз, мужчину в центре – Анис, а женщину – Нина; родовое же имя «Улривис» относилось ко всем трем и подкрепила данный вывод примерами: гранатовая гемма из собрания гофмаршала двора Г.П. Алексеева и резная яшма из собрания Г.Г. Лемлейна. На последнем представленные персонажи названы по имени: мужчину звали Анасирис, а женщину – Ефесия. Оно более правдоподобное (Залесская, 2001, с. 168).

Вывод Турчанинова не поддержал в своей работе «Аланская эпиграфика» и С.М. Перевалов, посвятив гемме (инталией) из Абхазии довольно много внимания. Охарактеризовав её (повторяться не будем), он отметил, что «сравнительно молодой возраст изображенной на инталией женщины (Нины) не позволяет считать ее главой семейства, в котором есть бородатый и мало годящийся ей в сыновья мужчина. Чтение Г.Ф. Турчанинова вызвало справедливую критику А. Алеманя, который с основанием предположил, что надпись содержит три имени: Нина, Улривис (в центре), Узванис (справа, для последнего имени есть средне-иранские формы)» (Перевалов, 2011, с. 6).

В другой своей работе С.М. Перевалов дал конкретное описание данной инталией, датировав её, вдруг, раним периодом со II в. н.э. На его

¹Правда, находили камни с надписями, записанные латинскими буквами, но сами надписи остались непрочитанными.

взгляд, там изображена вполне романизованная семья из трех человек (двое мужчин, одна женщина), однако носящих имена восточного происхождения, записанные по-гречески. «Таким образом, элита кавказского общества до некоторой степени была смешанного характера, и находилась под сильным влиянием античной культуры», – заключил специалист (Перевалов, 2010, с. 8). Данное объяснение нам кажется вполне убедительным.

Очевидно, имеющиеся надписи на броши инталии есть личные имена: Нина, Виз, Анис, связанные одним общим родовым (семейным) именем Улривис (как и в случае с геммой из Армази, где, как считается, изображены муж и жена, она даже похожа на келасурскую инталию). Вместе с тем, делать предположение, что на броши «явно изображено семейство, вероятно, апсильского правителя» (Хотелашвили-Инал-ипа, 2020, с. 137), весьма сложно. Между тем, если действительно на ней выгравирована знатная семья, а мы это допускаем, имевшая местные корни, то к IV в. она вполне могла уже быть романизованной. Вспомним Прокопия Кесарийского, как он свидетельствовал в VI в., что ромейские ветераны даже расселились в значительном количестве среди абасгов (ближайший к апсилам древнеабхазский народ). Возможно, подобное явление могло иметь место и ранее. Нельзя исключать, что это было и римское семейство или аланское. Стоит заметить, в этот период связи между аланами и апсилами были довольно интенсивными, и данная брошь могла попасть с Северного Кавказа в устье Кяласура в результате каких-то, например, торговых контактов и, наоборот, из причерноморских (или с средиземноморских) римских городских центров.

ЛИТЕРАТУРА:

- Античные резные камни Эрмитажа: путеводитель по выставке, 1926 / Гос. Эрмитаж; сост. М.И. Максимова. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1926. 101 с.
- Бгажба О. Х., Лакоба С. З., 2007. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум: 392. с.
- Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхи Ш.А., 1962. История Грузии с древнейших времён до 60-х годов XIX века / Гл. ред. Н.А. Бердзенишвили. – Тб.: Учебно-педагогическая литература. 510 с.
- Воронов Ю.Н., 2006. Научные труды. Том I / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ – 476 с.
- Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды. Том II / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. 610 с.
- Воронов Ю.Н., 2010. Научные труды. Том III / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. 468 с.
- Воронов Ю.Н., 2014. Научные труды. Том IV / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. 408 с.
- Гудаков В.В., 2007. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 565 с.
- Залесская В.Н., 2001. Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа (IV–VII вв.) // ВДИ. № 2. – М.: Наука. С. 168-177.
- Инал-ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми: Алашара. 463 с.
- Кинжалов Р.В., 1960. Резной сердолик Государственного Эрмитажа (К вопросу об ономастике Закавказья III–IV вв. н.э.) // Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А. Орбели. – М.-Л. С. 98-104.
- Маан О.В., 2012. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии / отв. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. 344 с.
- Черненко В.Г., 2019. История изучения античных резных камней Северного Причерноморья // ВНУ им. Н.И. Лобачевского. №6. – Нижний Новгород. С. 81-87.
- Очерки истории Грузии, 1988. Том II. Грузия в IV–X вв. / Ред. М.Д. Лордкипанидзе, Д.Л. Мухелишвили. – Тб.: Мецниереба. 579 с.
- Очерки истории СССР, 1956. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. / Под ред. П.Н. Третьякова, А.Л. Монгайта. – М.: Академия наук СССР. 615 с.
- Перевалов С.М., 2010. Рим и Кавказ в древности: враги или партнёры? // ВНЦ. Том 10. №1. – Владикавказ: Владикавказский НЦ РАН. С. 2-10.
- Перевалов С.М., 2011. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // ВНЦ. Том II. №1. – Владикавказ: Владикавказский НЦ РАН. С. 2-10.
- Словарь античности, 1989. – М. 704 с.
- Странности древней истории Грузии, 2020. Часть 2. Армази. Русские надписи на артефактах в Армази [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pandoraopen.ru/2020-08-01/strannosti-drevnej-istorii-gruzii-chast-2-armazi-russkie-nadpisi-na-artefaktax-v-armazi/> (Дата обращения: 31.08.2021).
- Турчанинов Г.Ф., 1960. Древнейшая IV в. н.э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа // ИСОНИИ. Т. XXII. Вып. IV (история) / отв. ред. Х.С. Черджиев. – Орджоникидзе: СОНИИ. С. 189-195.
- Турчанинов Г.Ф., 1990. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – В.: Ир. 240 с.
- Хотелашвили-Инал-ипа М.К., 2020. Книга для чтения по истории Абхазии / отв. ред. В.Л. Бигуаа. – Сухум: Абгосиздат. 360 с.
- Чирикба В.А., 2011. О новом прочтении «Келасурской надписи» // Абхазоведение (историческая серия). №5-6 / Гл. ред. О.Х. Бгажба. – Сухум: АБИГИ. С. 151-157.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ЮЖНАЯ ОЗЕРЕЕВКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Мокрушин В.П., Соков П.В., Успенский П.С.

«Наследие Кубани», Краснодар, Россия
ИА РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье публикуются материалы охранных раскопок 2020 г. с территории г. Новороссийск – могильник «Южная Озереевка». Исследование указанного памятника, функционировавшего с перерывами начиная с VI – V вв. до н.э. по XII – XIII вв. н.э., осуществляется с 1994 г. и проводилось силами научных сотрудников Отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (А.В. Дмитриев, А.П. Кононенко, А.В. Шишлов, А.В. Колпакова); материалы этих работ частично опубликованы. В 2020 г. заложен раскоп 10,5×14 м в центральной части памятника. Обнаружены 2 погребения по обряду трупосожжения, датирующиеся VIII – IX вв. Кремации совершены на стороне с последующим перенесением праха на место погребения. По основным чертам погребального обряда, а также набору инвентаря, выявленные погребения находят близкие аналогии на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца. Особое внимание привлекает Объект 2, с которым связана находка крупной бронзовой лопастной булавки. Немногочисленные предметы подобного рода, датируемые в пределах VIII – первой половины VII вв. до н.э., давно известны в окрестностях Анапы, и выделены в отдельный тип «Сукко». Их находки отмечают, прежде всего, на протомеотских памятниках «причерноморского и абинского» вариантов, откуда они, предположительно, попадали на соседние территории.

Ключевые слова: г. Новороссийск, Краснодарский край, могильник «Южная Озереевка», ранний железный век, протомеотская группа памятников, раннее средневековье, кремации.

ARCHEOLOGICAL RESEARCHES OF BURIAL GROUND UZHNAYA OZEREVKA IN THE NORTH-EASTERN BLACK SEA-COAST REGION

Mokrushin V.P., Sokov P.V. Uspenskiy P.S.

«NasledieKubani», Krasnodar, Russia
IA RAS, Moscow, Russia

Abstract. This article publishes results of rescue archeological excavations of 2020 from territory of Novorossiysk- burial ground «UzhnayaOzereevka». Researches of mentioned monument which was used intermittently from VI-V centuries b.c. till XII-XIII centuries a.d. was begun in 1994 by forces of scientific members of Branch of archeology of Novorossiysk historical museum-reserve (A.V. Dmitriev, A.P. Kononenko, A.V. Shishlov, A.V. Kolpakova), materials of those works published partially. In 2020 was laid an archeological dig 10,5×14 m in central part of monument. Was discovered 2 burials by cremation ritual dated within VIII-IX centuries a.d. Cremations was executed in other place with further moving of ashes to the place of burial. By the main features of burial ritual and inventory discovered burials finds close analogues on the North-Western Caucasus and in the basin of Severskiy Donets. Especial attention attract object 2 with which connected finds of large paddle bronze pin. Non-numerous subjects of such kind dated within VIII -first half of VII centuries b.c. already well-known in the neighborhoods of Anapa and are allocated in separate type «Sukko». Primally such finds noted on protomeotic monuments of «black sea-coast and Abinskiy» variants from where presumably they got to neighborhood-territories.

Keywords: Novorossiysk, Krasnodar region, burial «UzhnayaOzereevka», early iron age, protomeotic group of monuments, early medieval, cremations.

Полевые исследования в с. Южная Озереевка и его окрестностях, начатые еще в 1965 г., в дальнейшем проводились научными сотрудниками Отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (Онайко, 1966). В 1971 и 1974 гг. исследованы средневековые погребения в разрушенной при раскорчевке курганной группе «Роща», расположенной к востоку от села. В 1990 г. на его восточной окраине выявлено поселение «Южная Озереевка-2» с керамикой III – II вв. до н.э. (Дмитриев, 1971; 1974. Шишлов, 1990). При осмотре котлованов на строительной площадке «Казачьего куреня» А.В. Дмитриевым и А.В. Кононенко (1995 г.) обнаружено поселение I в. до н.э. – I в. н.э. «Южная Озереевка-1». В 2010 г. на госучёт поставлены поселения «Приречное» и «Озерейка 1-3». Первое из них, датируемое I в. до н.э. – III в. н.э., выявлено А.П. Кононенко (1995 г.); В.П. Мокрушиным (2018 г.) в его временной охранной зоне проводились разведки на участке с кадастровым № 23:47:0117051:500. Поселения «Озерейка-1-3» относятся к IV – III вв. до н.э., X – XIII вв. н.э. и IX – XI вв. н.э., соответственно. К XIII – XV вв. н.э. относится поселение «Овражное», выявленное А.В. Дмитриевым и А.П. Кононенко (1994 г.). В 2019 г. А.П. Кононенко проведены работы по уточнению границ данного памятника (рис. 1).

В округе села известны также курганные группы и могильники («Створный знак»; «Глебовка-1, 3, 4»; а также памятники без названия, с госномерами 2451 и 9116). В составе перечисленных объектов историко-культурного наследия насчитывается от 2-х до 30-ти насыпей. В 1990 г. зафиксирована группа «Пограничная», состоявшая из 3-х насыпей эпохи бронзы – средневековья (Шишлов, 1990).

Обозначенные нами памятники располагаются в непосредственной близости от обнаруженного А.В. Дмитриевым и А.П. Кононенко в 1994 г. грунтового могильника в северной части села Южная Озереевка (№9211 по государственному списку), и могут быть тесным образом связаны с ним (рис. 2). В результате проведенных исследований установлено, что некрополь функционировал довольно продолжительное время, с перерывами, начиная с VI – V вв. до н.э. по XII – XIII вв. н.э. Его северная граница установлена в процессе исследований 1995 г. (Шишлов, 1996). Тогда, помимо 126 погребений I в. до н.э. – IV в. н.э., были

обнаружены также предметы из разрушенных захоронений IX в. (Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 187).

Южный сектор могильника сильно пострадал в 1999 г. при строительстве автодороги к объектам «Каспийского трубопроводного консорциума» (далее – КТК) и тогда же подвергся частичному обследованию. Расчищены три разрушенных плантажем погребения XI – XIII вв., содержавшие скелеты лошадей и кремации в урнах (Дмитриев, 1999; Армарчук, 2006, с. 25-26). Захоронение взрослого человека с северной ориентировкой и костяк лошади датированы VI – V вв. до н.э. К скифскому времени относятся и собранные на компактном участке могильника материалы, предположительно связанные с разрушенными погребениями. Отмечено присутствие античной посуды и пантикапейских монет III в. до н.э., происходивших, вероятно, из культурного слоя небольшого поселения. В пахоте оказалось много предметов VIII – IX вв., вероятно, из разрушенных трупосожжений: оружие, детали одежды, конское снаряжение и т.д. (Дмитриев, 1999, рис. 13-20, 22-36). Предметы из плантажного слоя, датированные XIII в., предположительно отнесены к подкурганным захоронениям; насыпи которых могли быть уничтожены в результате сельхозработ. В 2008 г., на участке с кадастровым номером №23:47:0117052:212 при рытье котлована под дом разрушено погребение воина с конём.

А.В. Колпакова (2010 г.) после осмотра составила на памятник учетную карту, а А.П. Кононенко (2015 г.), заложивший здесь 2 шурфа, значительно уменьшил его первоначальную площадь до 31000 м², указав, что территория могильника с юго-востока подходила к древнему оврагу.

Исследовавшийся нами памятник размещается в долине р. Озерейка, в ее левобережной части, ширина которой превышает 1 км. Он приурочен к пологому южному склону подножия горы Глебовка и вытянут на 400 м по склону правого борта большого лога, ориентированного по линии юго-запад – северо-восток, по направлению к руслу р. Озерейка. Площадка некрополя, в прошлом занятая виноградником и подвергавшаяся распашке, а ныне в значительной мере застроенная низкоэтажными частными жилыми домами, в ширину нигде не превышает 180 м; высота над уровнем моря колеблется в пределах 12-

37 м. С запада на восток могильник прорезает автодорога к терминалу КТК (ул. Мира – Штурмовая), которая разделяет памятник на две части: северную (24100 м²) и южную (6900 м²). Пересекающее село с севера на юг асфальтированное шоссе (ул. Мира – Московская) ограничивает могильник с юго-запада; с остальных сторон его границы в рельефе не выражены (рис. 2).

В мае 2020 г. на нем сотрудниками НАО «Наследие Кубани» и ООО «Кубаньархеология» осуществлялись археологические раскопки на территории земельного участка №138.

Строго прямоугольный в плане отвод (748 м²) удален от русла реки на 320 м к востоку, а от моря – на 1,5 км к северу; его южный край шириной 2–3 м срезан бульдозером до материка на глубину до 1,5 м при формировании откоса асфальтированной автодороги (ул. Мира – Штурмовая), вплотную примыкавшей с юга. Остальная площадка покатаая, полностью задернована; ограничена с востока ул. Краснодарской и довольно сильно наклонена к юго-западу с перепадом высот в балтийской системе 21,5–24,17 м.

На месте котлована под новый дом заложен раскоп 10,5×14 м, вытянутый в широтном направлении (рис. 3). Раскоп состоял из 6 квадратов, последовательно пронумерованных арабскими цифрами от 1 до 6. Размеры квадратов: №1 и №4 – 5×4 м; остальных – 5×5 м. С востока к раскопу вплотную примыкал разведочный шурф 2×2 м, заложенный А.П. Кононенко (2019 г.) и ориентированный по сторонам света. В нем найдено 12 фрагментов керамики I – III вв. н.э. Его северо-западный угол с координатами в системе WGS-84: 44°41'3.71"N; 37°37'56.36"E, поднятый над уровнем моря на 23,16 м, принят нами за центральный репер.

Площадка раскопа полностью задернована; в его юго-западном и северо-восточном углах (кв. 4 и 3) фиксировались, соответственно, наиболее низкая (22,3 м) и самая высокая отметки (23,26 м). Анализ микрорельефа исследуемого фрагмента местности с нанесением изолиний через каждые 10 см показывает, что довольно сильно понижающаяся поверхность наклонена неравномерно; середина раскопа – более пологая, что, по-видимому, отражает неровности рельефа в период функционирования древнего могильника.

Вверху залегал изобиловавший плитняком темный опесчаненный суглинок, сформировавшийся в процессе распахки и достигавший минимальной толщины (32 см) в юго-западном

квадрате раскопа. Он вмещал находки древних предметов, происходивших из 1–2 пластов и связанных предположительно с разрушенными плугом кремациями. Темный суглинок обычно имел выраженную нижнюю границу с многочисленными выступами; при этом его слегка осветленный плохо различимый верхний горизонт, залегавший сразу под дерном и в толщину не превышавший 15 см, явно сформировался уже после того, как распахка участка полностью прекратилась.

В кв. 5 мощность темного суглинка увеличилась до 72 см. Здесь он, вероятно, заполнял ориентированную на юг неглубокую естественную древнюю ложбину, которая уходила за пределы раскопа и в ширину могла достигать 4 м. В ней (пласт 3), помимо фрагмента придонной части сосуда, при разборке центральной части бровки между квадратами 2 и 5 засвидетельствована неопределимая античная монетка из медного сплава. Ее поверхности сильно затерты: Ø 1,2; толщина 0,2 см, вес 1,39 г (рис. 13, 12).

Выявлявшийся почти везде нижележащий желтоватый, не очень плотный, сильно опесчаненный материковый суглинок без археологических находок своей максимальной мощности (29 см) достигал в кв. 4, а в восточной части кв. 5, на дне ложбины, полностью отсутствовал, так как, вероятно, регулярно вымывался оттуда дождевыми потоками (рис. 4).

Выходы бледно-серого непрочного растрескавшегося плитняка фиксировались на дне раскопа в виде косо наклоненных к востоку пластов и выступавших над его поверхностью невысоких, ровных, протяженных гребней, частично потревоженных распахкой. По северному краю исследованной площадки такие напластования отсутствовали (рис. 5).

Объект 1 (северо-восточный сектор кв. 3), судя по всему, – современного происхождения; выявлен на отметках 22,48–22,51 м на поверхности материка и имел вид закругленной в плане канавы с хорошо различимыми границами. Она достигала в ширину 48–78 см, прорезала желтоватый опесчаненный суглинок и прослежена на протяжении не менее 3 м. Уплотненное дно ее, выявлявшееся на глубинах 22,34–22,35 м, стыковалось с круто наклоненными стенками. Рыхловатое темное суглинистое заполнение без находок, не отличалось от вышележающего слоя (рис. 3–5).

Объект 3 (северо-западный сектор кв. 1) – овальная в плане яма (1,19×1,76 м), зафиксированная на уровне 21,87–21,90 м; ориентирована на восток с незначительным отклонением к югу; своим западным концом уходила в борт раскопа. Она прорезала напластования желтоватого материкового суглинка, а её чашевидное в разрезе дно (0,74×1,53 м), выявившееся на отметках 21,72–21,83 м, стыковалось с круто наклонёнными стенками. Находка железной проволоки, местами затёчное заполнение, могут свидетельствовать о её современном происхождении.

В грязно-коричневом, сильно опесчаненном заполнении помимо нескольких кусков плитняка величиной не более 15 см в поперечнике, обнаружены два небольших неорнаментированных обломка сосудов из плотного теста (рис. 6). Один – лепной, представлен слегка вогнутым донцем толщиной 1,5 см. Поверхности черепка как внутри, так и снаружи коричневатого цвета, с темно-серым закалом в изломе. В глине присутствуют крупнозернистый песок и крупные частицы шамота. Второй фрагмент – равномерно прокаленная стенка кружального красно-оранжевого кувшина (?); примеси к тесту – мелкозернистый песок, шамот и известь.

На площадке раскопа обнаружены 2 захоронения по обряду трупопожжения.

Погребение 1 расположено в северной части кв. 5 и частично под бровкой (рис. 3); приурочено к древней естественной ложбине, заполненной наносами темного опесчаненного суглинка (рис. 4), что спасло его от уничтожения плантажем. Границы ямы не фиксировались (рис. 7). В процессе расчистки на отметках 22,06–22,11 м выявлено скопление пережженных и кальцинированных человеческих костей ($\approx 28 \times 18$ см) толщиной 2–5 см; рядом фиксировался вещевой инвентарь; площадь, занятая всем комплексом 53×38 см. Возможно, прах умершего был помещен в «короб» из органического материала (?) и плиток песчаника, одна из которых величиной 15–20 см, близкая к четырехугольнику, располагалась на ребре под наклоном в восточной части погребения. Судя по всему, к захоронению относились еще две подобные сильно оббитые плитки, разломанные и вывернутые плугом. Они лежали в 25–35 см к западу-юго-западу от кремации, на отметках 22,27–22,29 м.

Чуть южнее описанного скопления, на отметке 22,08 м, расчищены бронзовые женские

украшения. Среди них сложенные стопкой 6 целых и 4 фрагментированных бронзовых браслета. Два из них – реберчатые с зооморфно стилизованными окончаниями; один – полной сохранности размерами 6×4,3 см, в сечении 0,6–1×0,4 см; второй – фрагментирован, размерами 5,9×4,7 см, в сечении 0,6–1×0,5 см (рис. 8, 2, 3). Края двух других экземпляров округлые в сечении с внешней стороны имели косые насечки, окончания оформлены дисками. Их размеры, соответственно: 7×5,9 и 7,2×5,5 см, сечение 0,5–0,7×0,4–0,6 и 0,4–0,5×0,3–0,5 см (рис. 9, 4, 5). Оставшиеся три браслета размерами 7÷7,7×5,3÷6 см – полной сохранности, с дисковидно оформленными окончаниями, округлые в сечении: 0,4–0,7×0,4; 0,4–0,7×0,4–0,6; 0,5–0,8×0,3–0,6 см (рис. 9, 6; 10, 7, 8). Еще три изделия представлены обломками величиной: 6,2×4, 5,4×2,5, 4,5×1,2 см (рис. 10, 9–11).

Близкие аналогии описанным предметам имеются в раннесредневековых кремациях VIII – IX вв. Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Гавритухин, Пьянков, 2003а, с. 196, 245, табл. 78, 26), в частности, в могильнике Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, 255, табл. 88, 24, 27; Успенский, 2012, с. 189–192; Успенский, 2015, с. 78, 349, рис. 16). Встречаются они и в бассейне Северского Донца (Михеев, 1982, с. 160, рис. 4, 7).

В скоплении оказались остатки подвесок в виде одного слежавшегося комка. Одна из них – овальной формы (4,95×1,85×0,17 см), выпуклая, в виде сферического сегмента, с петельками на краях (рис. 11, 17). Идентичные находки представлены в упоминавшихся выше кремациях могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, 255, табл. 88, 36). В аналогичных комплексах Северского Донца, в ареале распространения салтовомаяцкой культуры, подобные изделия, как правило, состоят из двух одинаковых половинок и интерпретируются как туалетные коробочки (Михеев, 1982, с. 158, 160, 161, рис. 4, 3; 5, 12).

Привлекают внимание деформированные под воздействием высокой температуры две шумящие подвески плоского литья. Одну из них, размерами 5,1×5,6×0,25 см, удалось собрать из фрагментов (рис. 11, 12); аналогии себе она находит в кремационных могильниках VIII – IX вв. бассейна Северского Донца (Михеев, 1982, с. 158, 162, рис. 2; 6, 1–3) и Северо-Западного Кавказа – Дюрсо. У изделия пара конских головок, обращенных в противоположные стороны, мордами

вниз; сильно изогнутые шеи животных декорированы насечками; обозначены грива, уши, рот. Посередине имеется вытянутая петля для закрепления на костюме, а в центре – прямоугольная либо трапециевидная прорезь. В основании – шесть отверстий, в некоторых уцелели обрывки цепочек, состоявшие, видимо, из двух восьмерковидных звеньев, в которые, очевидно, вдевались найденные здесь же бубенчики (3 экз.), также оплавленные и деформированные. Один бубенчик, уцелевший полностью, – шаровидный, полый, приплюснутый с боков, размером $1,2 \times 0,8$ см, общая его высота вместе с припаянным ушком 1,8 см, в корпусе с толщиной стенок 1 мм имеется продольная «прорезь» (рис. 11, 13). Вторая подвеска сохранилась частично, в ее основании – четыре отверстия (рис. 11, 16).

Западнее, на отметке 22,07 м, найден большой (18,4 см) железный нож, уложенный плашмя, острием к северу и сломавшийся в нескольких местах. Его клиновидное ($2,2 \times 0,3$ см) в сечении лезвие длиной 14,3 см имело ровную спинку и подъем к острию, между клинком и черешком – слабовыраженный ограничитель. Черешок ($1 \times 0,4$ см) длиной 4 см напоминал в сечении овал и имел подъем в сторону обуха (рис. 11, 18).

В 10 см к востоку-юго-востоку от описанной группы предметов находился совершенно целый гончарный тонкостенный красноглиняный кувшинчик, стоявший на дне и, к сожалению, нечаянно разбитый лопатой. Его тулово овоидной формы, плечи покатые, горло узкое. Поверхность тулова и горла слабожелобчатая, на плечах сглаженная. Венчик слегка утолщён, сильно отогнут наружу. Слив хорошо выражен, у верхнего прилепа плоской ручки – ямка. Дно слегка вогнуто, ровно срезано, край его заострен. Высота изделия 21,6 см, толщина в см: стенок 0,3–0,4, дна 0,3–0,5, сечение ручки $2,7 \times 1$. Диаметры в см: венчик – 7; горло – 5; дно – 10; тулово – 13,7. Черепок звонкий, равномерного прокала, снаружи, внутри и в изломе красно-оранжевого цвета. Тесто плотное, с примесями мелкодробленого шамота, и слабозаметными добавками мелкозернистого песка и извести (рис. 8, 1).

Погребение 2 – полностью разрушенная распашкой кремация (?); располагалась в северо-восточном секторе кв. 2. Здесь, на границе двух слоев, верхнего темного пахотного суглинка и нижнего желтоватого, не очень плотного материкового суглинка, на отметках 22,33–22,39 м, ча-

стично сохранился развал гончарного тонкостенного кувшинчика, который стоял на дне, слегка заглубляясь в желтоватый суглинок. Приустьевая часть сосуда сохранилась частично; уцелела часть горла в месте верхнего прилепа плоской ручки, на внешней стороне которой имелась небольшая ямка. Тулово кувшинчика овоидной формы, внутренняя поверхность слабожелобчатая, плечи покатые, дно слегка вогнуто, ровно срезано, край заострен. Размеры изделия в см: высота – 25,4; диаметры: тулова 16,6, дна 11; толщина: стенок и дна 0,5–0,6, сечение ручки $2,4 \times 1,2$. По своей окраске, прокалу и тесту не отличается от кувшина из погр. 1 (рис. 12). Оба изделия находят близкие аналогии в кремациях могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, 254, табл. 87, 15).

К северу от развала кувшинчика, на отметках 22,35 м, расчищено скопление угольков (30×15 см), вытянутое в широтном направлении. Неподалеку, на высотной отметке 22,41 м (пласт 2), найден фрагмент округлого в сечении ($0,5-0,7 \times 0,3-0,5$ см) браслета с дисковидным окончанием; его размеры $5,2 \times 2$ см (рис. 13, 13).

Судя по основным чертам погребального обряда, кремация умерших была совершена на стороне с последующим переносом праха к месту захоронения, причем в погребении 1 кремированные останки были помещены в небольшой каменный ящик. На основе выявленного погребального инвентаря, оба комплекса датируются VIII – IX вв. Интересной чертой обряда является наличие каменного ящика в погребении 1. Кремационные погребения с использованием каменных ящиков на территории Северо-Восточного Причерноморья обнаружены преимущественно только в Борисовском могильнике (38 погребений), а также единичное трупосожжение в каменном ящике выявлено среди трупосожжений некрополя Дюрсо (Успенский, 2015, с. 136). Точно реконструировать обряд захоронения в погребении 2 не представляется возможным из-за сильной потревоженности, предположительно это безурновая кремация, сопровождаемая сосудом-приставкой. На Северо-Западном Кавказе безурновые трупосожжения являлись основным типом кремационных погребений на протяжении VIII – IX вв., при этом подавляющее большинство их приходится на территорию Северо-Восточного Причерноморья (70,7%) (Успенский, 2015, с. 138).

Остальные особенности погребального обряда, а также набор инвентаря, демонстрируют близкие аналогии в могильниках с трупосожжениями Северо-Западного Кавказа и бассейна Северского Донца (Борисово, Дюрсо, 8-я Щель, Молдавановский, Сухая Гомольша и др.).

В процессе археологических исследований обнаружены отдельные находки, аналогичные предметам из погребений №№1-2 и, скорее всего, происходящие из разрушенных плантажем кремаций VIII – IX вв. В первую очередь, это изделия из бронзы.

В их числе полые, слегка приплюснутые с боков бубенчики величиной $1,1 \div 1,2 \times 1,4$ см; оба происходят из пласта 1; внутри – бронзовый шарик $\varnothing 0,4$ см; в корпусе, с толщиной стенок до 1 мм, есть продольная «прорезь». Вместе с ушком в верхней части высота изделий 2,1 см; в ушке – отверстие $\varnothing 1,5-2$ мм (рис. 13, 1, 2). Один предмет – округлый, найден в северо-восточной части кв. 4, его корпус венчает округлое ушко; второй – овоидной формы, расширяющийся книзу, обнаружен в северо-восточном секторе кв. 1; уровень их фиксации 22,46 и 22,51 м, соответственно.

На отметке 22,54 м (пласт 2), при разборке западного сектора бровки, между квадратами 3 и 6, обнаружен разломанный пополам реберчатый браслет с зооморфно стилизованными окончаниями. Размер изделия $7,2 \times 5,3$ см, в сечении $0,4 \times 0,6$ см (рис. 13, 3).

Таким образом, оба исследованных погребальных комплекса позволяют в определенной степени дополнить историю развития многослойного средневекового некрополя Южная Озереевка. Активное использование средневекового кладбища фиксируется в период VIII – IX вв., о чем свидетельствуют многочисленные находки из разрушенных трупосожжений в пахотном слое, к этому периоду относятся и публикуемые нами погребения. Находки более позднего периода (отдельные захоронения лошадей, а также кремации в урнах X – XIII вв.) указывают, что некрополь продолжал использоваться населением, практиковавшим обряд кремации, в отличие от ряда могильников, прекративших существование на рубеже IX – X вв. (Дюрсо, Молдавановский, Казазово). Сохранение ряда черт погребального обряда позволяет предполагать культурное единство населения, оставившего Южноозереевский некрополь.

В составе коллекции также фрагменты гончарных красноглиняных сосудов из плотного теста, относящиеся к разным периодам:

1. В юго-западном секторе квадрата кв. 1 (пласт 1), на отметках 22,44 и 22,49 м, соответственно, помимо толстой стенки сосуда ($9,1 \times 7 \times 1,6$ см) оранжевого цвета и равномерного прокала, обнаружен ствол овальной в сечении (20×30 мм) ручки, максимальной длиной 9,2 см (рис. 14, 4, 5). В бледно-оранжевой гончарной массе ручки, помимо белых зерен известковой породы, хорошо различимы пластинки и вкрапления черного пироксена (авгит). Последнее обстоятельство позволяет связывать находку с античными производственными центрами Синопы. Ее возраст определяется в широких пределах с начала IV в. до н.э. (Внуков, 2006, с. 64-70. Зеест, 1960, с. 23-24, 30).

2. Отогнутый наружу венчик миски с широким подтреугольным бортом найден в северо-западном секторе кв. 1 (пласт 1), уровень фиксации 22,47 м. Его края закруглены; поверхность красно-оранжевого цвета, такая же и в изломе, прокал равномерный; примеси – крупнозернистый песок, шамот, известь, дресва. Размеры $3 \times 1,5 \times 0,5-1,3$ см (рис. 14, 6).

3. Ручка, ствол – найдена в юго-восточном секторе кв. 5 (пл. 2), высотная отметка 22,28 м. Поверхность оранжевого цвета, с серым закалом в изломе; примеси – мелкозернистый песок, шамот, известь. Длина 3,8 см, сечение $2,9 \times 0,9$ см (рис. 14, 10).

4. Двуствольная ручка – верхний прилеп с частью округлого слегка утолщенного, сильно отогнутого наружу венчика, найдена при разборке восточной части бровки между кв. 2 и 5 (пласт 2), уровень фиксации 22,46 м. У верхнего прилепа два пальцевых вдавления. Поверхность светло-оранжевого цвета, в изломе аналогичного, прокал равномерный. Высота фрагмента 7,3 см, толщина стенки 0,4 см, сечение ручки $2,7 \times 1,5$ см (рис. 14, 11). Изготовлена из теста, изобиловавшего грубыми включениями (песок, крупнотолченный шамот, известь). Она изогнута не слишком резко и прикреплена под прямым углом непосредственно к венчику с уплощенным торцом, что встречается весьма редко. На корне, сверху имеются два отпечатка, оставленные указательным пальцем. Судя по небольшому внешнему диаметру горла (97 мм), фрагмент принадлежал самой маленькой размерной группе светлоглиняных позднегераклейских (псевдокосских) амфор

типа С 1 и должен относиться к хронологическому варианту б, который датируется первыми столетиями нашей эры: 10-х гг. I в. – 1-ая треть II в. В указанный период – это одна из самых распространенных в Причерноморье категорий тарной керамики, служившая для разлива дешевого южнопонтского вина, весьма популярного и у греческого населения, и у варваров, занимавших обширные области в степном Крыму, Подонье, Добрудже, Молдавии, Нижнем и Среднем Поднепровье (Внуков, 2006, с. 124, 125, 129-131, 137-139, 158, 159, 167, рис. 10; Внуков, 2003, с. 28, 34, 36-43, 52-54, рис. 7, табл. 2).

Судя по всему, к раннему средневековью относятся фрагменты трех керамических сосудов с примесями мелкозернистого песка, шамота и извести, найденные кв. 6. Из его северо-восточного сектора (пласт 2) происходят ствол ручки и придонная часть Ø 9 см, засвидетельствованные на отметках 22,68 – 22,70 м (рис. 14, 8, 9). Придонная часть сосуда из северо-западного сектора (пласт 3, высотная отметка 22,20 м) имеет оранжевую окраску и серый закал в изломе. Дно слегка вогнуто, ровно срезано, край заострен. Размеры: высота 9,5 см; диаметр дна 9,5 см; толщина: стенки 0,7-0,8 см, дна 0,4-0,5 см (рис. 14, 7).

Большой интерес представляет Объект 2 (северо-восточный сектор кв. 4), засвидетельствованный на уровне 21,87–21,92 м. Он прорубал пласт растрескавшегося плитняка и представлял собой яйцевидную в плане яму (1,57×1,31 м) с расплывчатыми очертаниями, ориентированную приотстренным концом на юг. В её бледно-коричневом опесчаненном суглинистом заполнении, без видимого порядка, залегало не менее пяти массивных блоков плитняка величиной от 20 до 50 см. Между ними попадались куски той же горной породы меньшего размера. Чашевидное в сечении дно (1,02×0,77 м), фиксировавшееся на отметках 21,62-21,67 м, плавно переходило в стенки (рис. 15).

У юго-восточного края ямы найдены бронзовые предметы. Они сильно окислившись, видимо, из чистой меди. На уровне 21,86 см расчищены два коротких обломка не крупного овального (0,4×0,3 см) в сечении браслета (?) длиной в склеенном состоянии 4,2 см (рис. 16, 2). По краям его просматриваются отдельные поперечные насечки (?).

На отметке 22,05 м, в 38 см к северо-востоку от предыдущей находки, плашмя, обратной стороной вверх и острием на север, лежала булава длиной 20,5 см (рис. 16, 1). У нее внушительных размеров треснувшая пополам тонкая листовидная лопасть (1×68×80 мм), полученная, вероятно, путем односторонней проковки. По бокам она частично осыпалась; на ее лицевой поверхности, посередине (внизу с едва заметным смещением от осевой линии) проходило продольное ребро сечением 1–1,5 мм, продолжавшееся в виде длинного (11,5 см), слегка погнутого, круглого в сечении стержня с обломанным острием. Небольшое навершие с отверстием Ø 2 мм украшала пара миниатюрных круглых выпуклостей, соединенных с продольным ребром парой тонких «усиков».

Аксессуары подобного рода давно известны в окрестностях Анапы, конкретно – в разрушенном распашкой могильнике Атмачева Щель (Новичихин, 1995, с. 66-67, рис. 3, 1, 3-5, 8, 9). Данный памятник размещается в долине речки Сукко, название которой стало нарицательным для обозначения типа булавок, рассматриваемых здесь. Их датируют, в целом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. и рассматривают, как маркеры «причерноморского и абинского вариантов» протомеотских памятников. Как полагают, отсюда предметы попадали в другие районы Закубанья, где засвидетельствованы в составе протомеотских комплексов (Пшиш – случайная находка; Холмский; Начерзий). Обнаруженные в Абхазии булавки с почти круглыми лопастями считаются прикубанским импортом и характеризуются, как «классические» – Гагрский могильник.

Предполагается «морской путь распространения» рассмотренных выше изделий при участии прибрежных племен, впоследствии именовавшихся Страбоном гениохами, которые «занимались пиратством и морской торговлей». В качестве «возможного прототипа» такого инвентаря называют изделия из ст. Андрюковской, датируемые XIII – серединой XI вв. до н.э. и связываемые с удобненским этапом «прикубанского очага металлообработки».

Высказано мнение, что наша находка и близкие ей вещи, упоминавшиеся выше, – «редуцированная форма», происходящая от булавок с навершием в виде двух крупных «шишечек», соединенных перемычкой, под которой, в свою очередь, располагалось округлое или треугольное отверстие.

Такие артефакты есть в могильниках Большие Хутора (вне комплексов) и Псыбе (Тешев, 1983, с. 211, рис. 2, 11; Эрлих, 2007, с. 160-161, рис. 220, 4, 5). Еще два происходят из Геленджика, где в 1951–52 гг. на возвышенности в районе Толстого мыса исследованы 28 каменных гробниц, почти полностью разграбленных. Они размещались под земляными курганами, тянувшимися вдоль моря, в полукилометре от берега, образуя 6 отдельных групп, от 2-х до 4-х насыпей в каждой. Только вторая группа насчитывала 11 всхолмлений.

В четырех случаях одна из стен дольмена, завалившись, прикрыла собой часть инвентаря (Аханов, 1961, с. 139-140, рис. 6, 4, 5). Преобладали изделия из бронзы.

В их числе – наконечники двух «малых копий», отлитых в двустворчатых формах и с не совсем ясной локализацией. Судя по тексту публикации, они происходят из гробницы № 2 третьей группы, но в подрисовочных подписях указано, что самое крупное из них обнаружено в гробнице №8 второй группы. Анализируемые изделия, величиной 131 и 179 мм, имеют остролистное перо с наибольшим расширением в нижней части; центральное ребро жесткости переходит в глухую сомкнутую коническую втулку. В ее нижней части, в одном случае, есть 2 симметричных отверстия для прикрепления к древку. Оба предмета принадлежат к довольно популярной на Северном Кавказе серии вооружения, хорошо известного, в том числе кобанцам. Еще более многочисленны (свыше 60 шт.) такие вещи на протомеотских памятниках конца IX – VIII в. до н.э. и позднее исчезающие.

Засвидетельствованные в геленджикских дольменах наконечники стрел с выступающими втулками, к сожалению, отрисованы достаточно условно, без должной детализации и не составляют единого комплекса, так как происходят из разных насыпей. Три из них – двулопастные, с лавролистными головками: у одного на втулке – шип; другой – очень крупный (более 51 мм), с обломленным жалом. Все остальные меньше – 3-4 см, включая и единственный трехлопастной экземпляр; его лопасти срезаны прямо. В целом, весь этот небольшой набор предметов можно сопоставить с содержимым колчанов периода скифской архаики, например, с материалами из Гумарово и Келермесской, кург. 24 (Галанина, 1997, с. 104, 106, рис. 27, 1-20, 66-83).

Имеющаяся рабочая гипотеза формирования протомеотской группы памятников предполагает миграцию в эпоху поздней бронзы земледельческо-скотоводческого населения из степей вследствие общей аридизации климата. В результате, на Северо-Западном Кавказе, вместо единой «сложившейся культуры» мы наблюдаем несколько постепенно сближавшихся «культурных групп», различия между которыми со временем нивелировались.

Отмечают своеобразие приморской зоны, где памятники размещались в горных ущельях и балках. На присутствие тут «местного архаического субстрата» указывает использование для захоронений дольменов (скорее всего, вторичное), а также каменных ящиков. Захоронения лошадей имеются только в погребении 4 у нефтебазы Шесхарис. Имеющиеся данные свидетельствуют о связях с Бзыбской Абхазией. В керамике обнаруживаются параллели с кобьяковской, срубной и кизил-кобинской посудой. Неоднократно засвидетельствованные черпаки с гвоздевидными выступами находят аналогии в лесостепной Украине, комплексах периода поздней бронзы горного Крыма, сабашиновских древностях, культурах Ноа и Козия-Сахарна (Эрлих, 2007, с. 36-37, 94-96, 169, 192-193, 200, рис. 220, 1-3, 6).

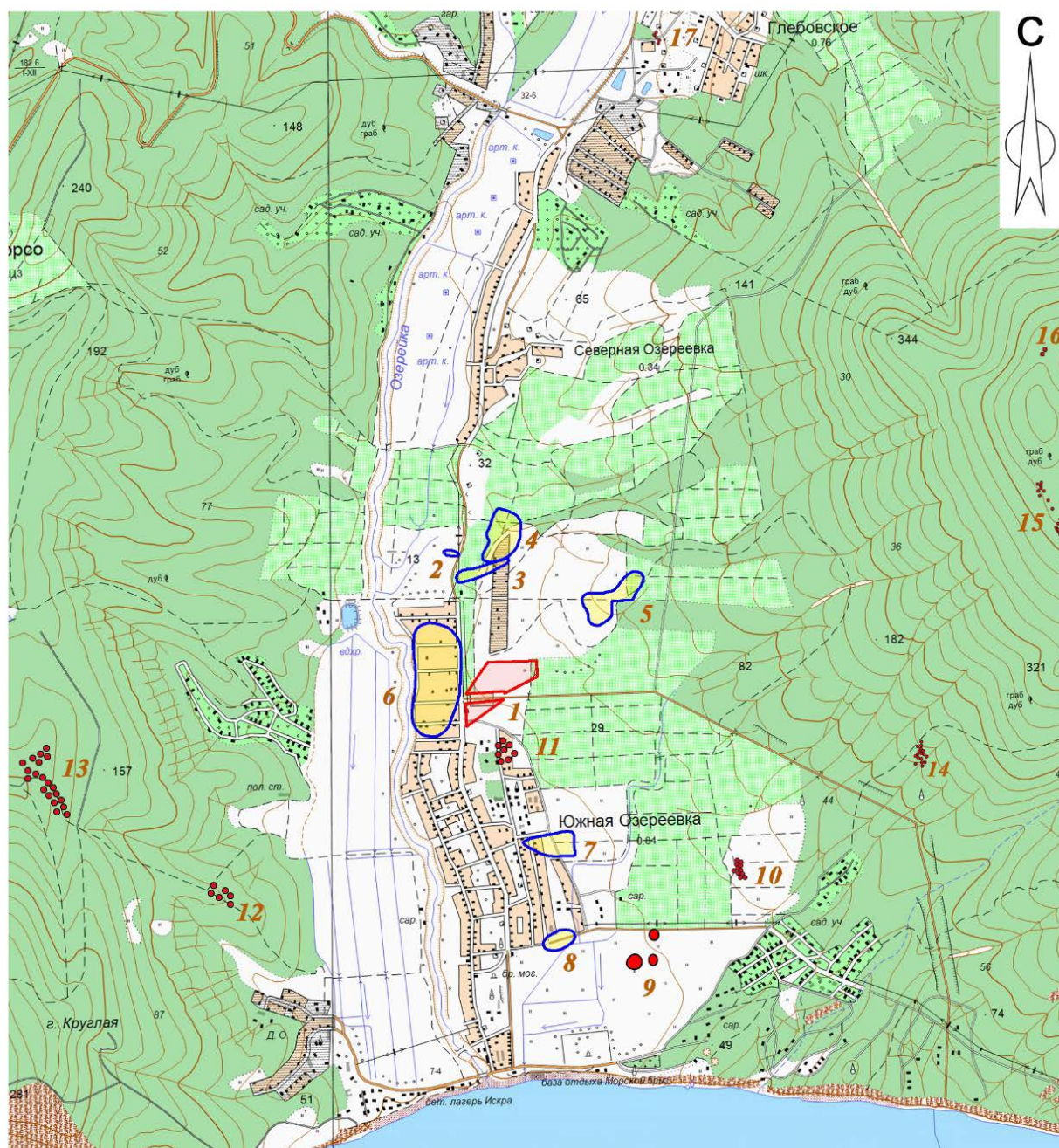
Наши исследования в центральной части грунтового могильника, расположенного в северной части села Южная Озереевка (№9211 по государственному списку), подтверждают предположение А.В. Дмитриева о наличии здесь кремационных погребений хазарского времени, судя по всему, в основном разрушенных плантажной распашкой. Длительное сохранение ряда черт погребального обряда, фиксирующихся на Южно-озереевском некрополе, позволяет предполагать культурное единство средневекового населения, оставившего данный памятник, а обнаружение бронзовой протомеотской булавы существенно удревняет время его возникновения. Очевидно, что находки такого рода предметов женского обихода для причерноморской зоны Северо-Западного Кавказа – отнюдь не единичное явление и будут выявляться в дальнейшем.

Выражаем искреннюю благодарность А.В. Дмитриеву, за предоставленные результаты его археологических исследований на могильнике в 1999 году и другие архивные материалы.

ЛИТЕРАТУРА:

Армарчук Е.А., 2006. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII

- веков. Российская академия наук, Институт археологии. – М.: Институт археологии РАН. 226 с.
- Аханов А.А., 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. №1. С. 139-149.
- Внуков С.Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). – М. 235 с.
- Внуков С.Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: петрография, хронология, проблемы торговли. – С-Пб.: Алетей. 320 с.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Могильники III-IV вв. // КСВПЗ. – М.: Наука. С. 187-190.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003а. Древности и памятники VIII-IX вв. // КСВПЗ. – М.: Наука. С. 195-200.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы // Степные народы Евразии. Т.1. – М. 270 с.
- Дмитриев А.В., 1971. Отчет о разведке археологических памятников в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4645; архив Новороссийского исторического музея-заповедника. НА-69786.
- Дмитриев А.В., 1974. Отчет о доследовании разрушенного средневекового могильника в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска // Архив ИА РАН. Р-1. №5630; АН - НА-3994.
- Дмитриев А.В., 1999. Отчет о детальном археологическом обследовании участка строящейся подъездной дороги от шоссе Новороссийск – Южная Озереевка (у памятного знака КТК) к площадке морских сооружений // АН - НА-6810.
- Дмитриев А.В., 1973. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. №10757, а, б.
- Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков // КСВПЗ. – М.: Наука. С. 200-205.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора. МИА-83. 180 с.
- Михеев В.К., 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. №2. С. 156-167.
- Новичихин А.М., 1995. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // ИАА №1. – Армавир-М. С. 63-67.
- Онайко Н.А., 1966. Отчёт об археологической разведке в 1965 г. (разведка античных памятников в районе от Новороссийска до Абрау-Дюрсо). Текст. // АН - НА-6976.
- Тешев М.К., 1983. Могильник Псыбе – новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. №4. С. 209-213.
- Успенский П.С., 2012. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв. // КСИА. Вып. 226. С. 188-196.
- Успенский П.С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. – М. 458 с.
- Шишлов А.В., 1990. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска в 1990 г. // АН - НА-5429.
- Шишлов А.В., 1996. Отчет о раскопках некрополя у с. Южная Озереевка Новороссийского района Краснодарского края в 1995 г. // АН - НА-6302.
- Эрлих В.Р., 2002. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе: (к постановке проблемы): часть I // РА. №3. С. 26-38.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. – М.: Наука. 430с.

1 - грунтовый могильник (гос. №9211); 2 - поселение «Озерейка-3» IX-XI вв. н.э.; 3 - поселение «Озерейка-1»; 4 - поселение «Озерейка-2» X-XIII вв. н.э.; 5 - поселение «Овражное»; 6 - поселение «Приречное»; 7 - поселение «Южная Озереевка-2»; 8 - поселение «Южная Озереевка-1»; 9 - курганная группа «Пограничная» (3 насыпи); 10 - курганная группа «Роща» (11 насыпей); 11 - курганная группа (8 насыпей); 12 - курганная группа (6 насыпей); 13 - курганная группа (20 насыпей) XIII-XV вв. н.э.; 14 - курганная группа «Створный знак» (17 насыпей); 15 - курганный могильник «Глебовка-4» (30 насыпей); 16 - курганная группа «Глебовка-3» (2 насыпи); 17 - Курганный могильник «Глебовка-1» (5 насыпей).

1:25 000

в 1 сантиметре 250 метров

1000 м 750 500 250 0 1 км

Сплошные горизонталы проведены через 5 метров
Балтийская система высот

- грунтовый могильник
- поселение
- курган

Рис. 1. Карта-схема расположения ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211) и близлежащих памятников археологии в окрестностях с. Южная Озереевка г. Новороссийска Краснодарского края.

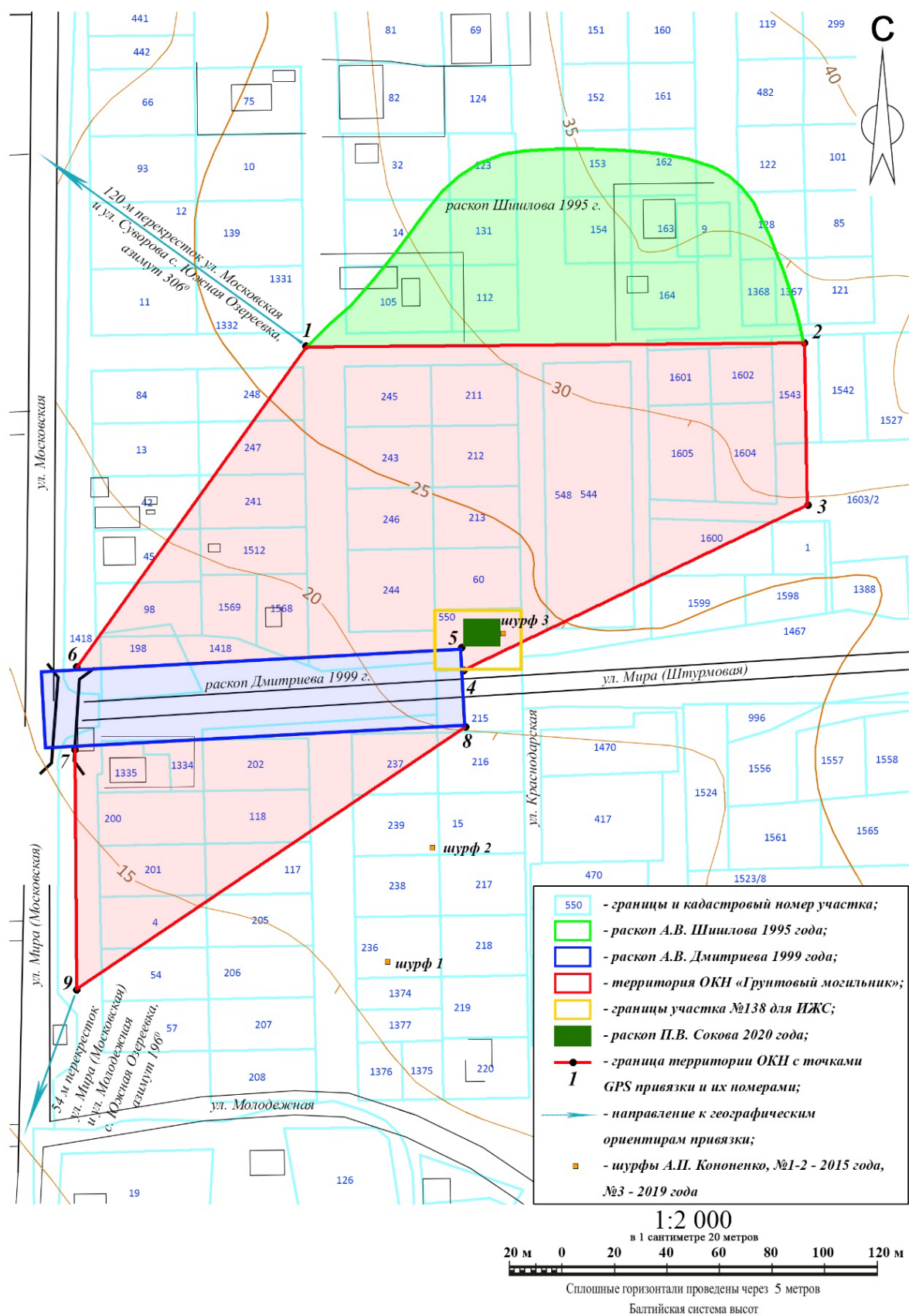

Рис. 2. Топографический план ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211), с. Южная Озереевка, г. Новороссийск, Краснодарский край.

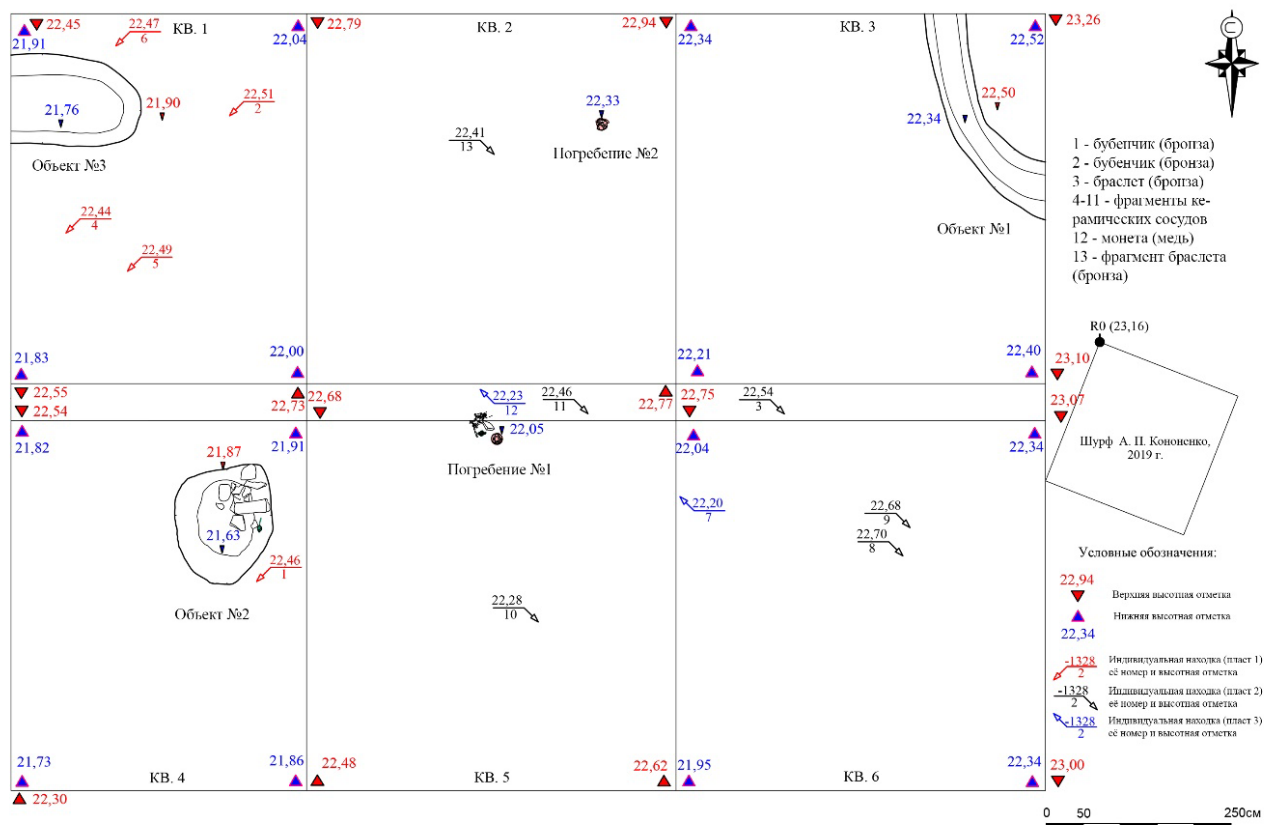

Рис. 3. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), общий план раскопа.

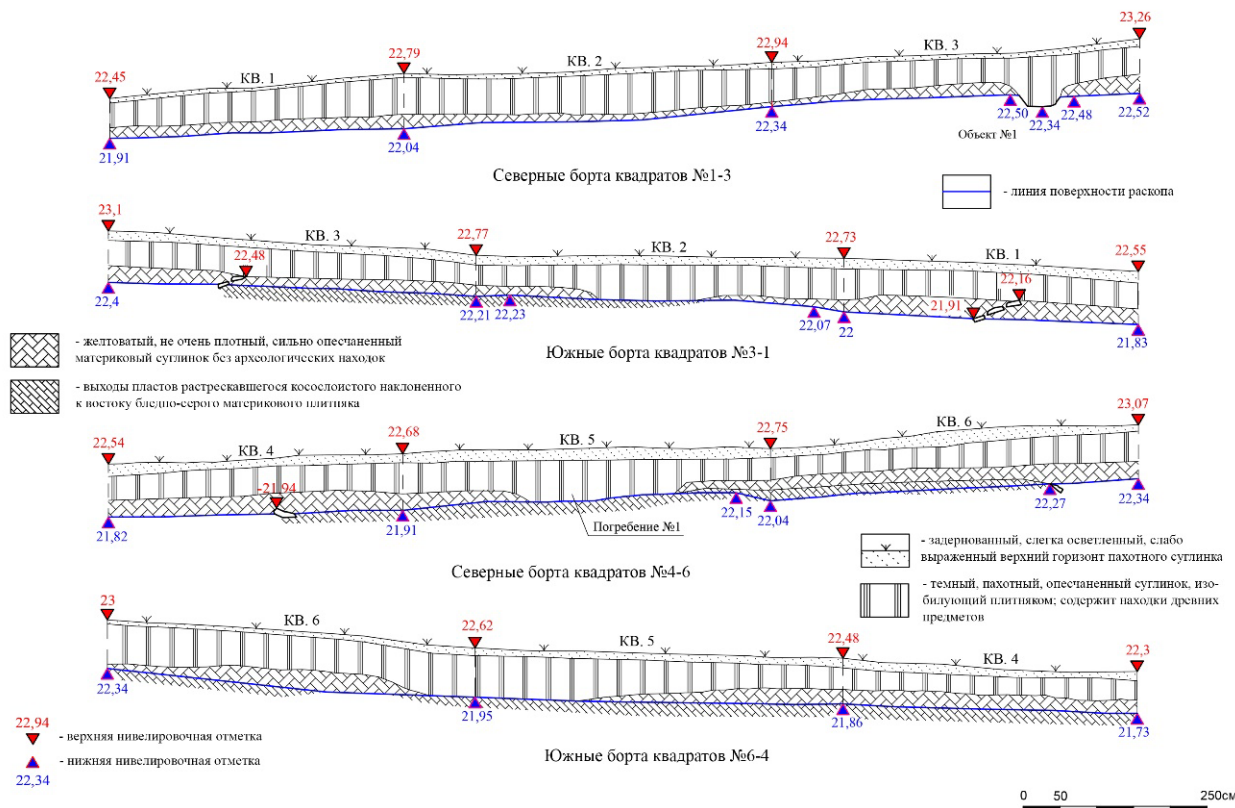

Рис. 4. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), стратиграфические профили раскопа.

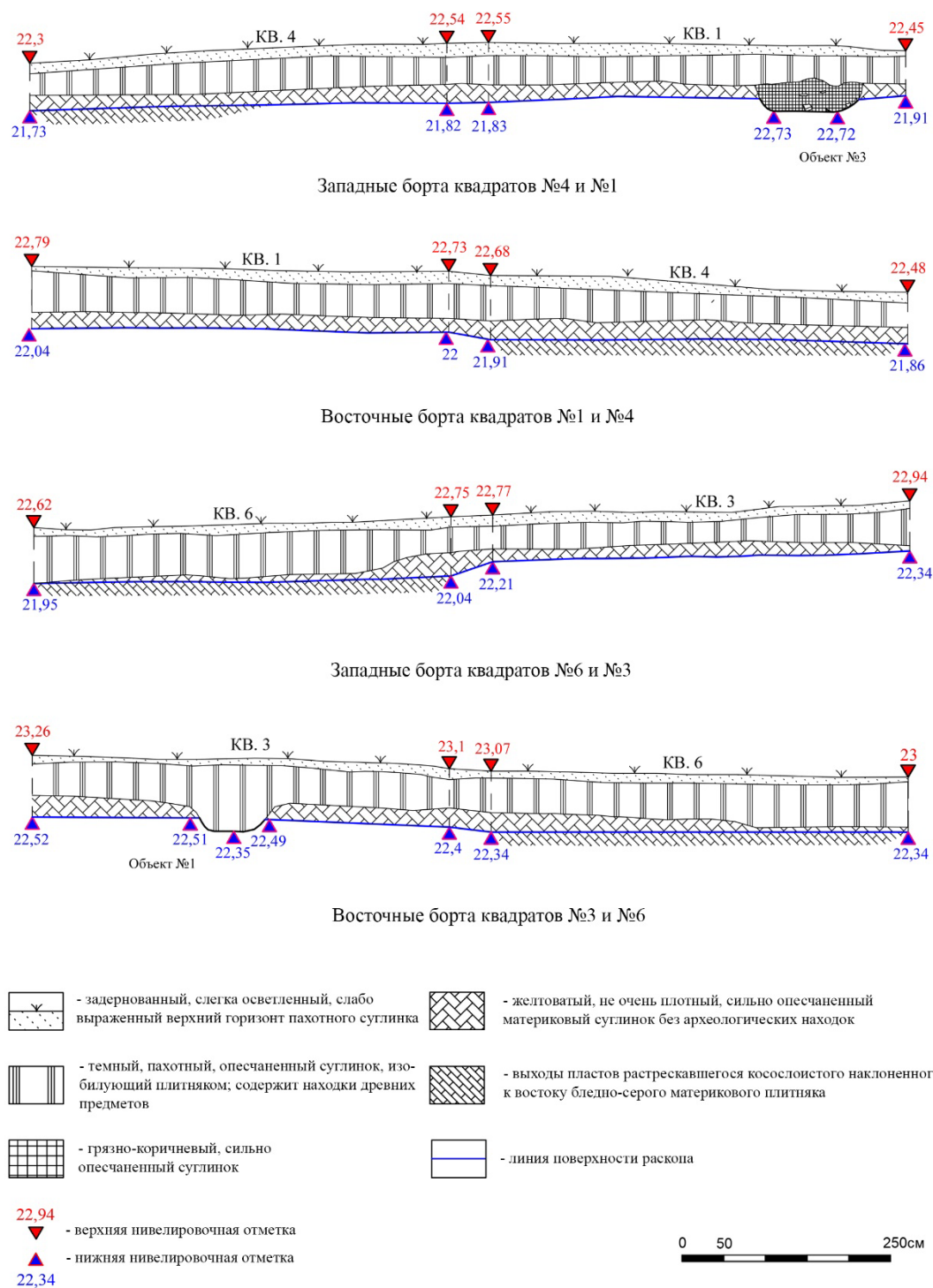

Рис. 5. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), стратиграфические профили раскопа.

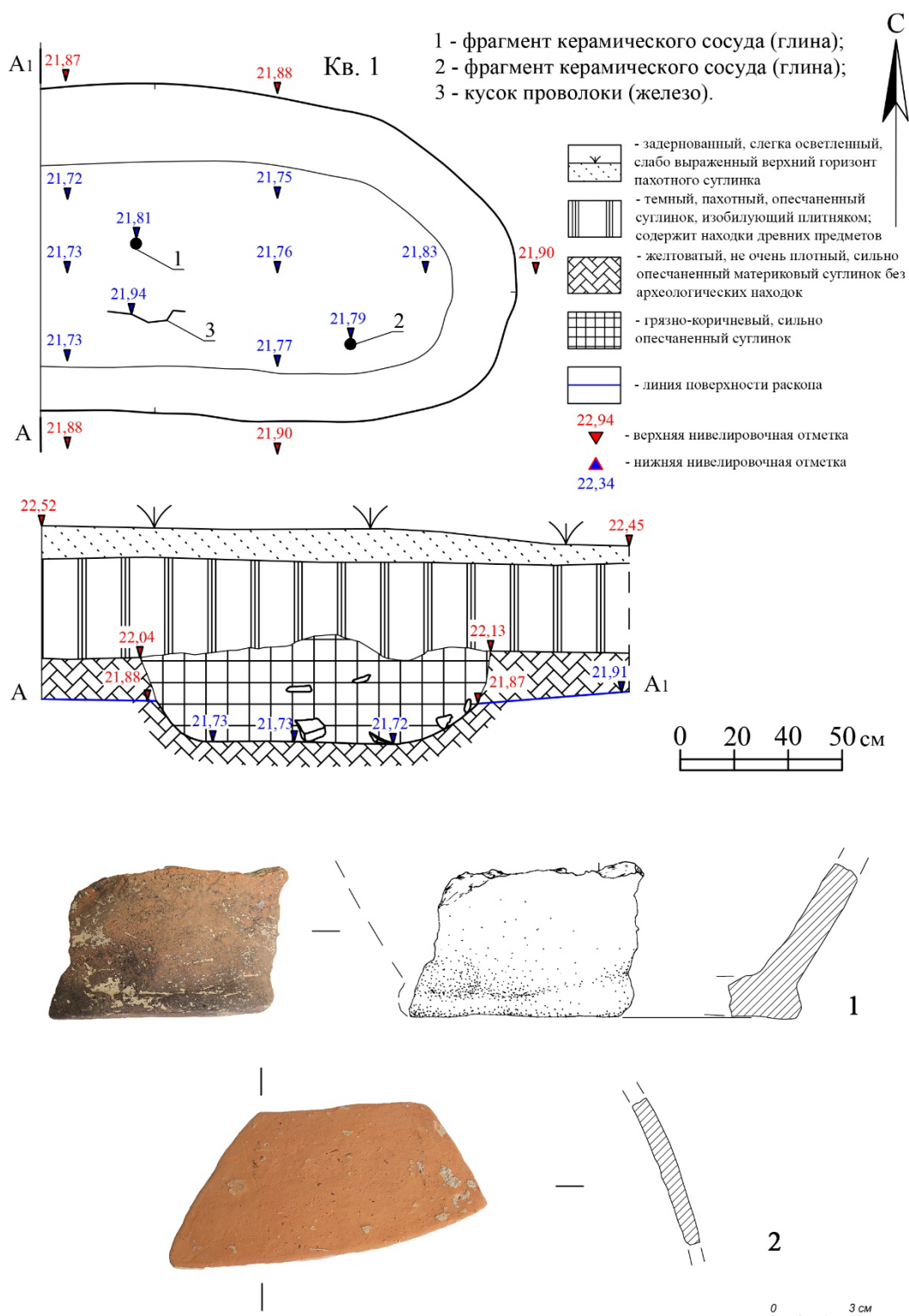

Рис. 6. ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211), объект №3 и его находки.

Фотография погребения №1, вид с запада (сверху).

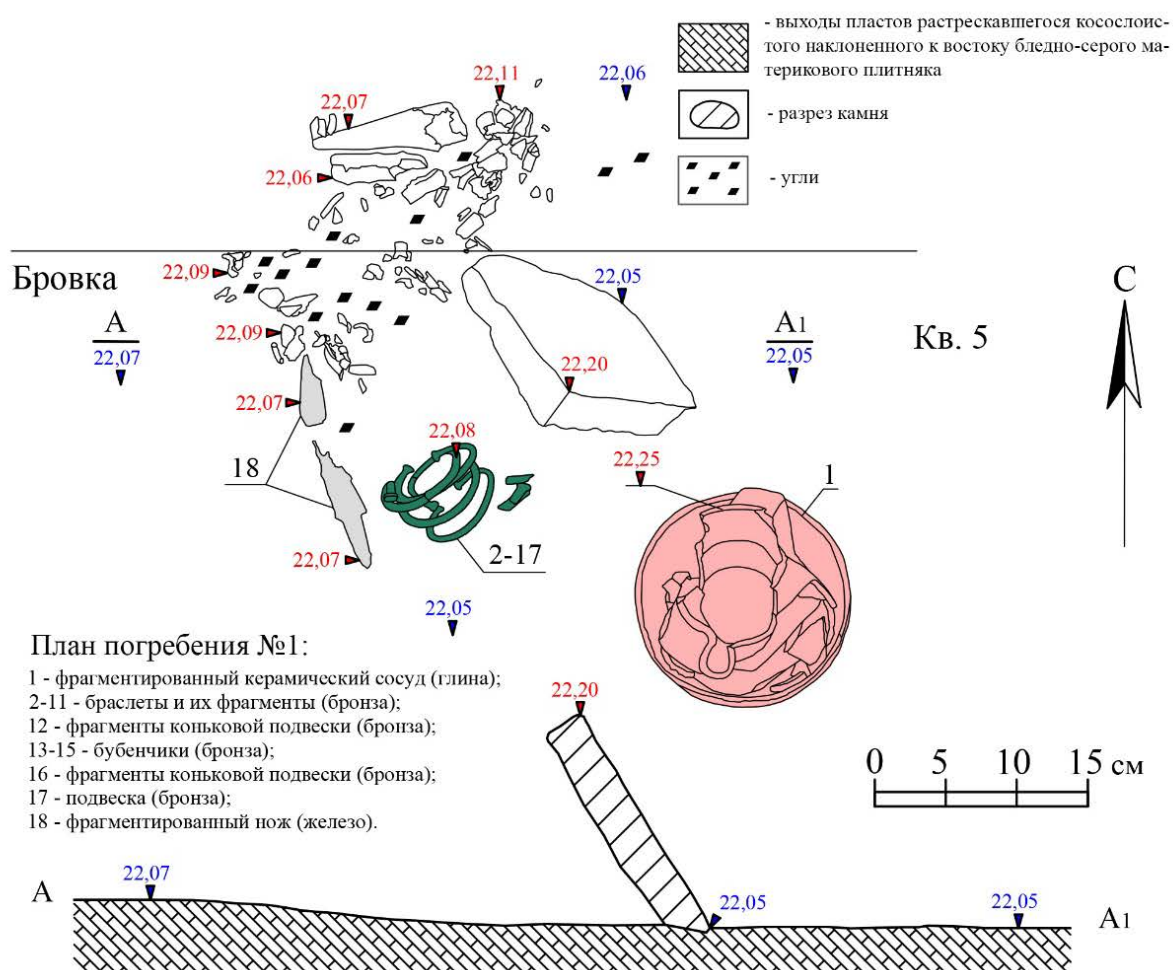

Рис. 7. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), фото и план погребения №1.

Рис. 8. ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211), инвентарь погребения №1.
1 – кружальный кувшин. 2-3 – бронзовые браслеты.

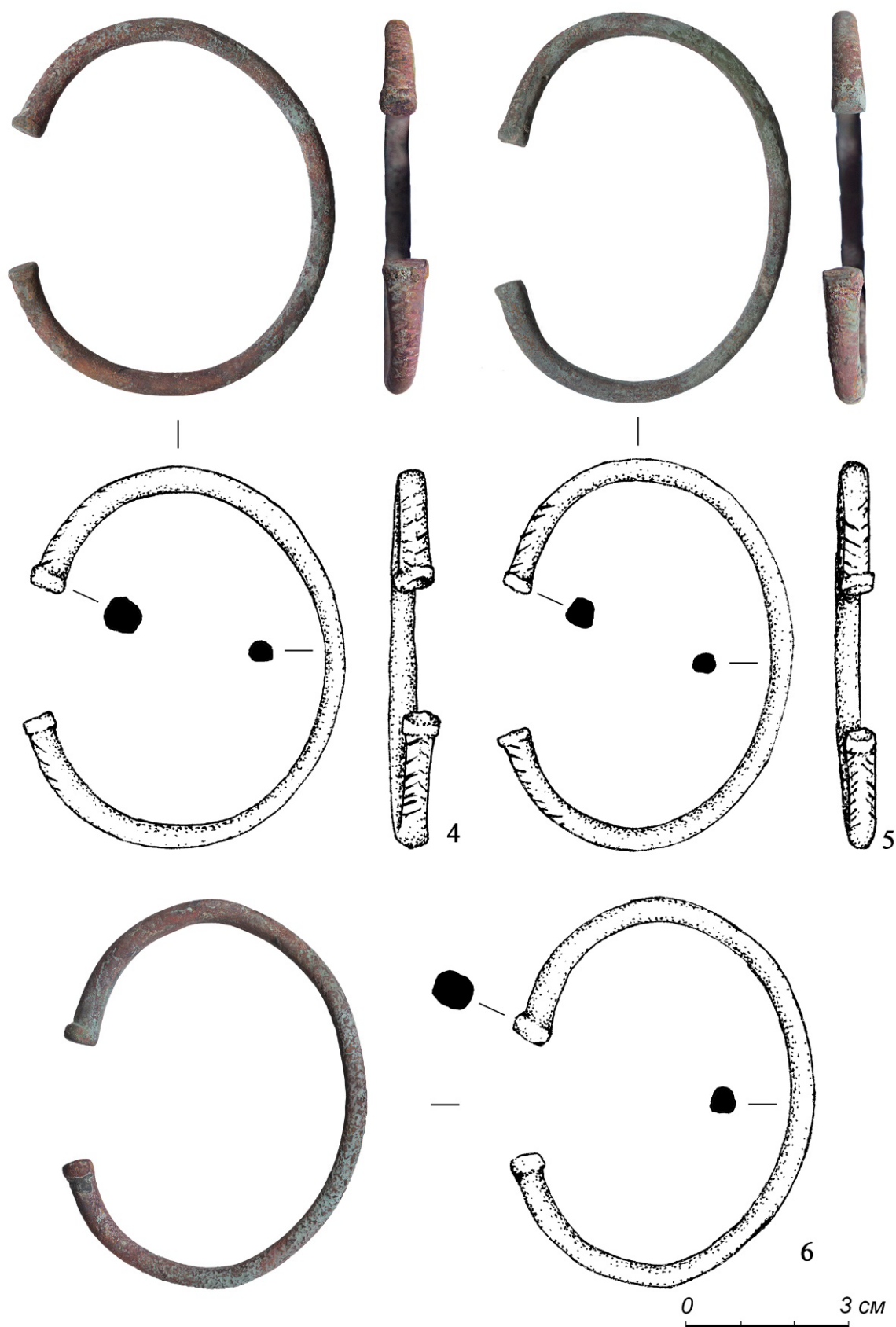

Рис. 9. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), инвентарь погребения №1.
4-6 – бронзовые браслеты.

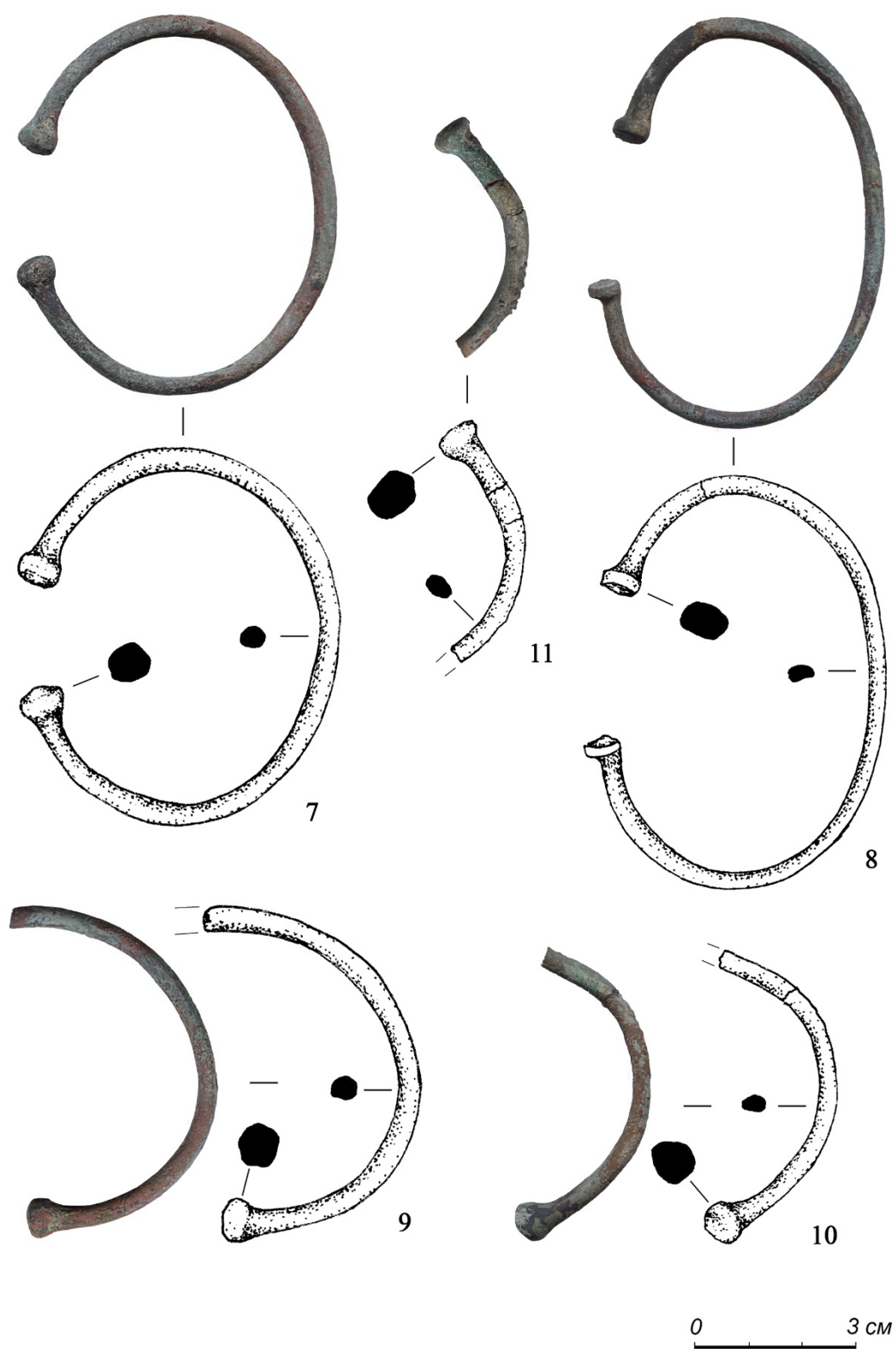

Рис. 10. ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211), инвентарь погребения №1.
7-11 - бронзовые браслеты.

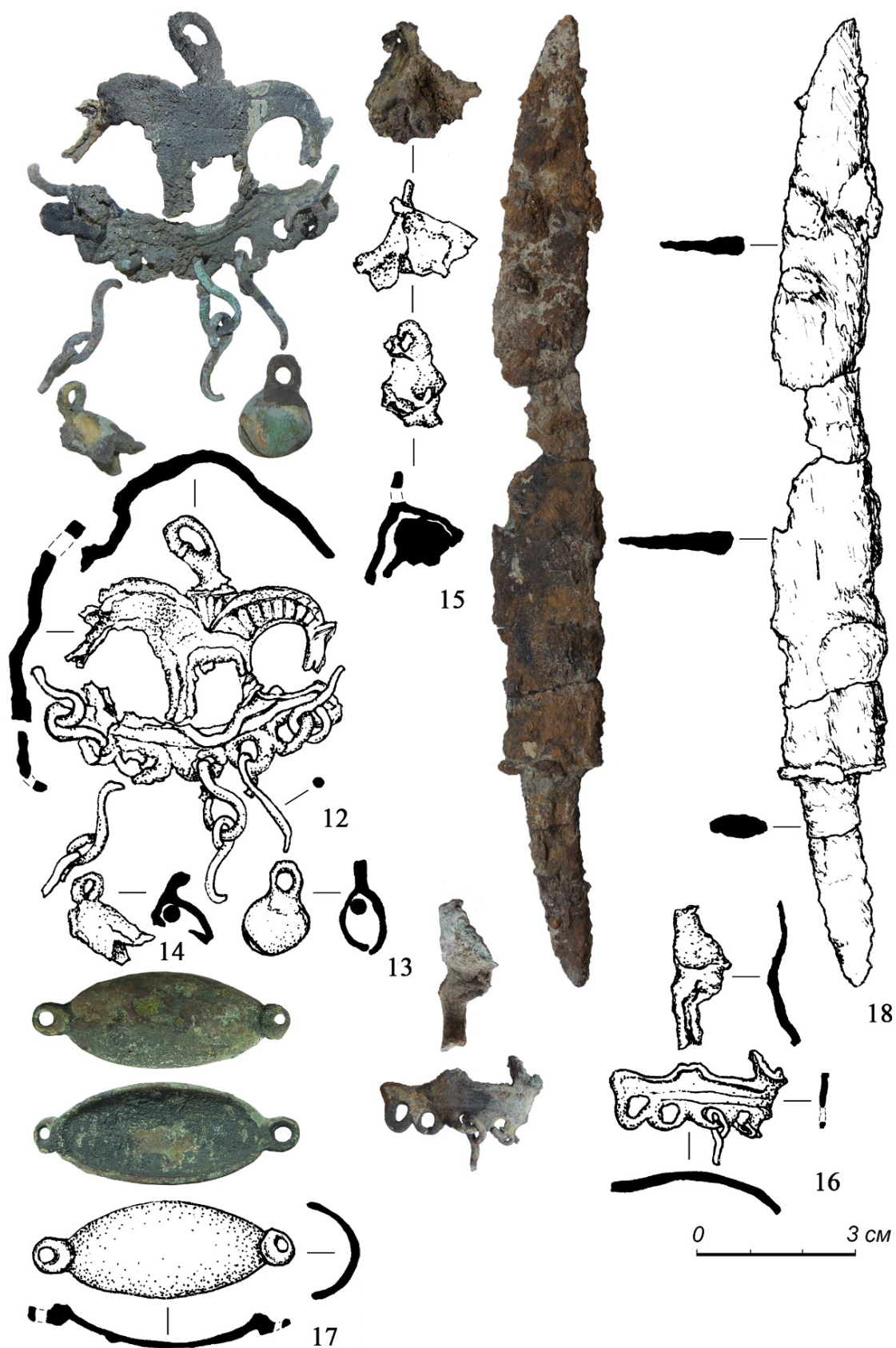

Рис. 11. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), инвентарь погребения №1.
12,16-17 - бронзовые подвески. 13-15 - бронзовые бубенчики. 18 - железный нож.

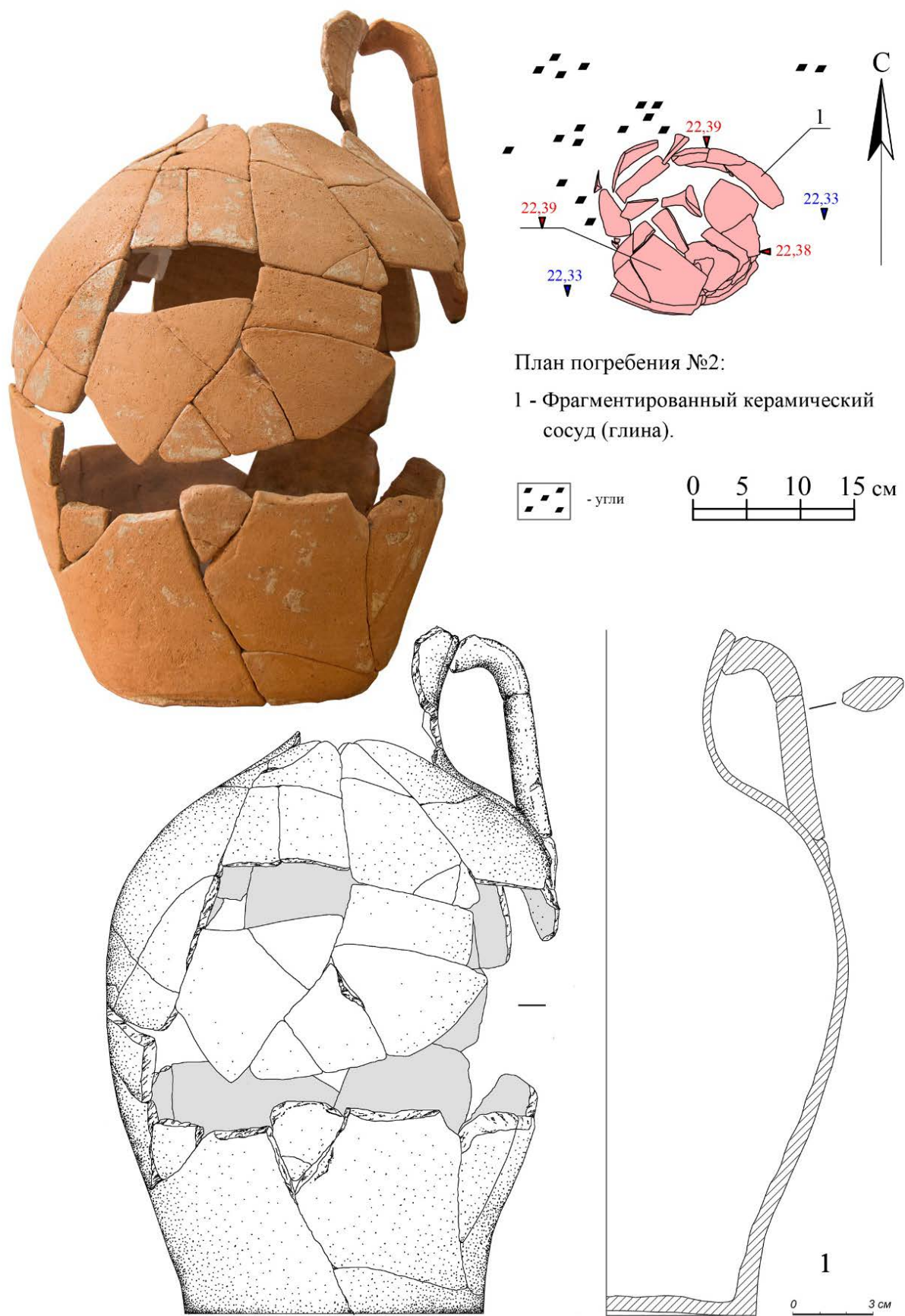

Рис. 12. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), погребение №2 и его инвентарь.

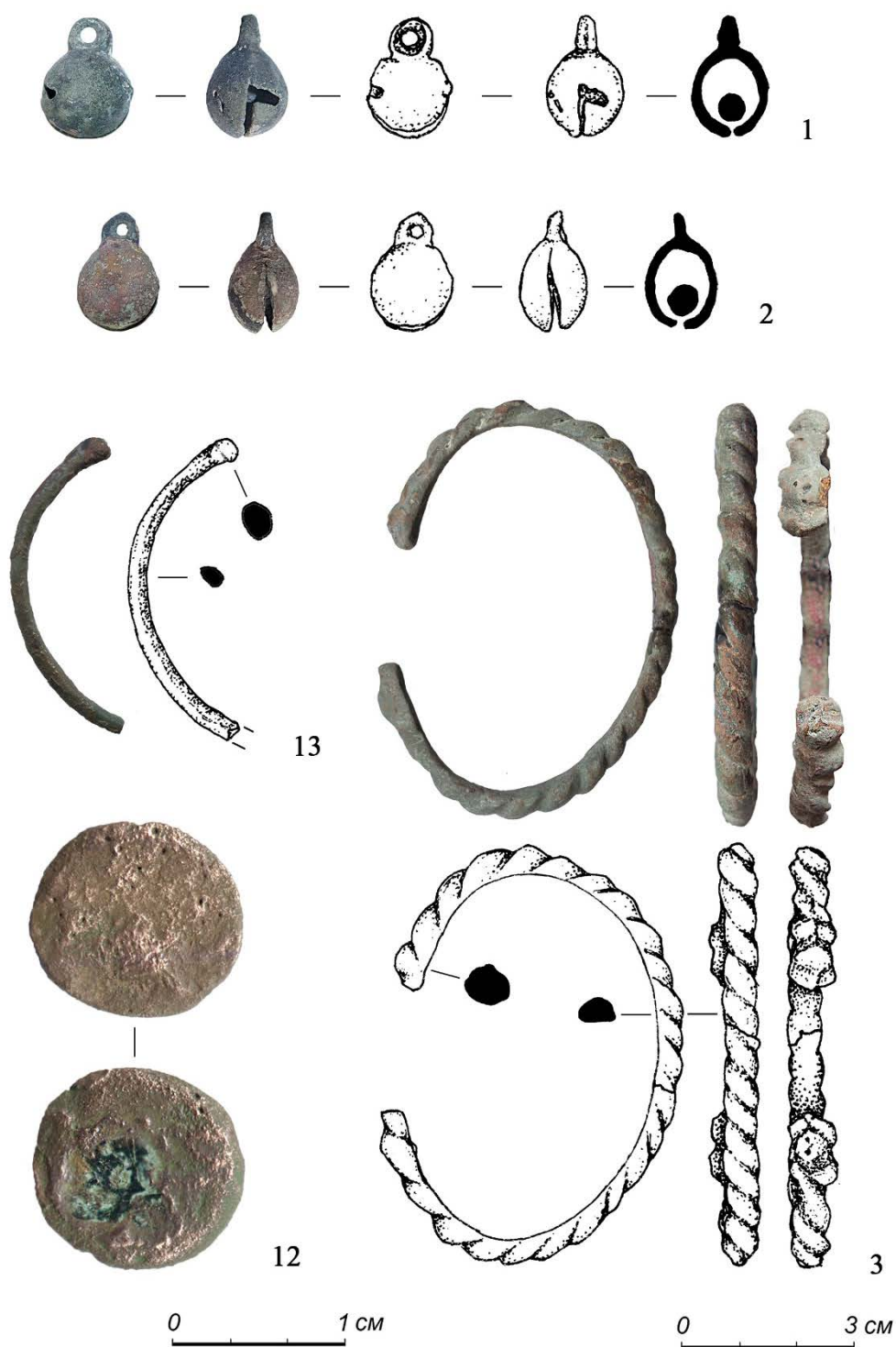

Рис. 13. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211). Индивидуальные находки.

1-3, 12-13 - изделия из бронзы. 1-2 - бубенчики: 1 - кв.4, пл.1; 2 - кв.1, пл.1.

3, 13 - браслеты: 3 - бровка между кв.3-6, пл.2; 13 - кв.2, пл.3. 12 - монета, бровка между кв.2 и 5, пл.3.

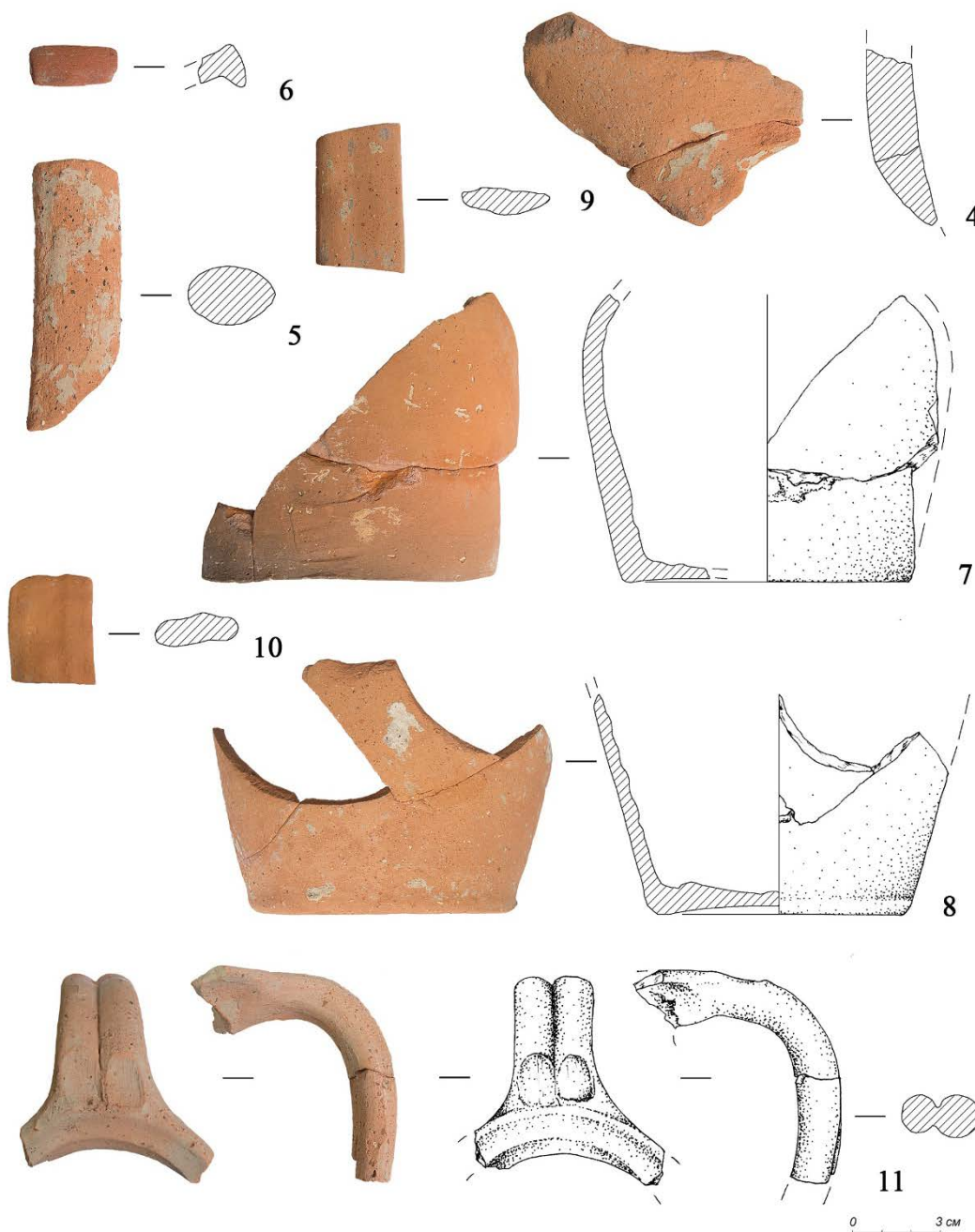

Рис. 14. ОКН «Грунтовый могильник» (гос. №9211). Индивидуальные находки.

4-11 - фрагменты кружальных красноглиняных сосудов: 4 - фрагмент стенки, кв. 1, пл. 1; 5, 9-10 - фрагменты ручек: 5 - кв. 1, пл. 1; 9 - кв. 6, пл. 2; 10 - кв. 5, пл. 2; 6 - фрагмент венчика миски, кв. 1, пл. 1; 7-8 - фрагменты придонных частей и доньев: 7 - кв. 6, пл. 3; 8 - кв. 6, пл. 2; 11 - фрагмент двуствольной ручки с 2-мя пальцевыми вдавлениями и частью венчика, бровка между кв. 2 и 5, пл. 2.

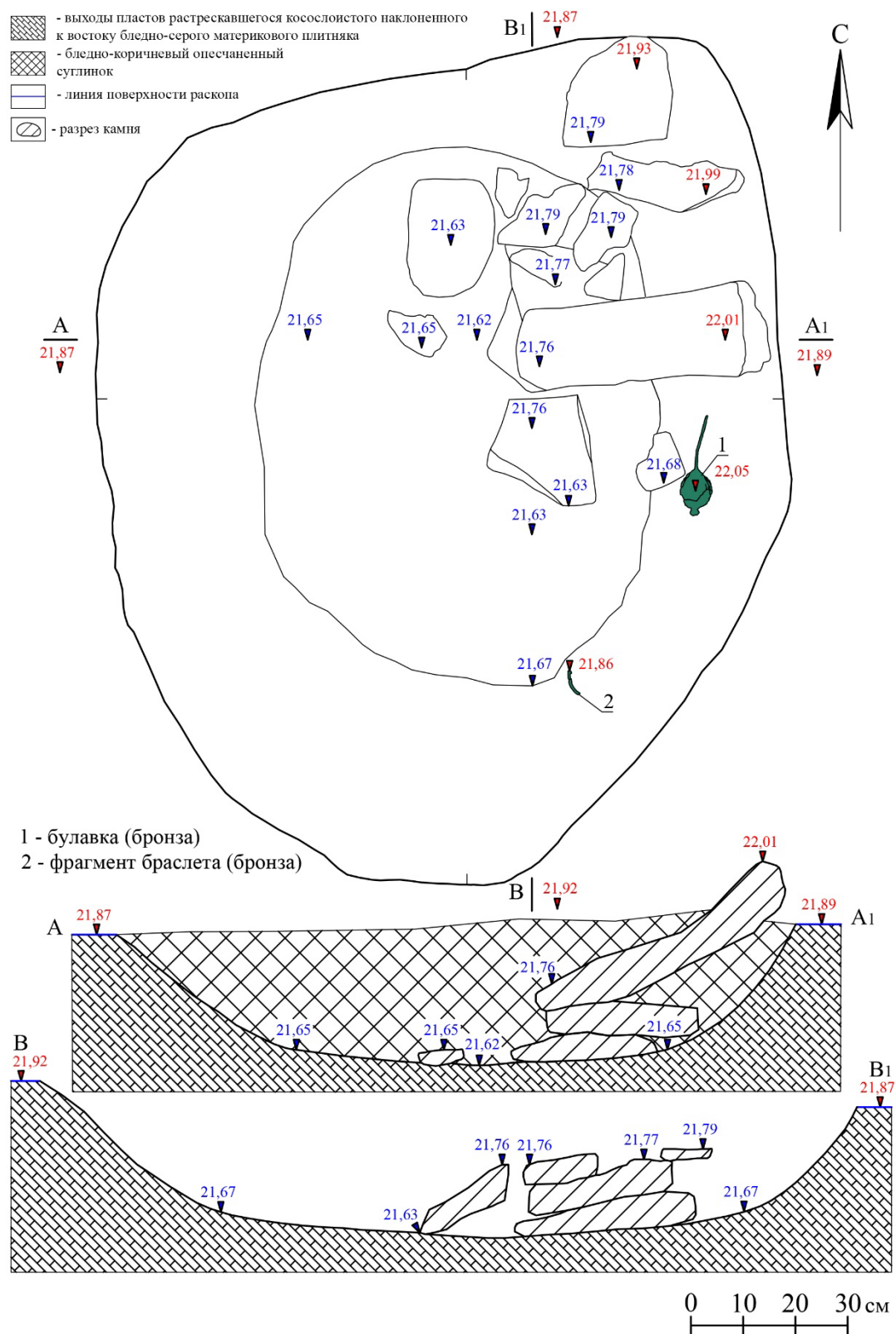

Рис. 15. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), план и разрезы объекта №2.

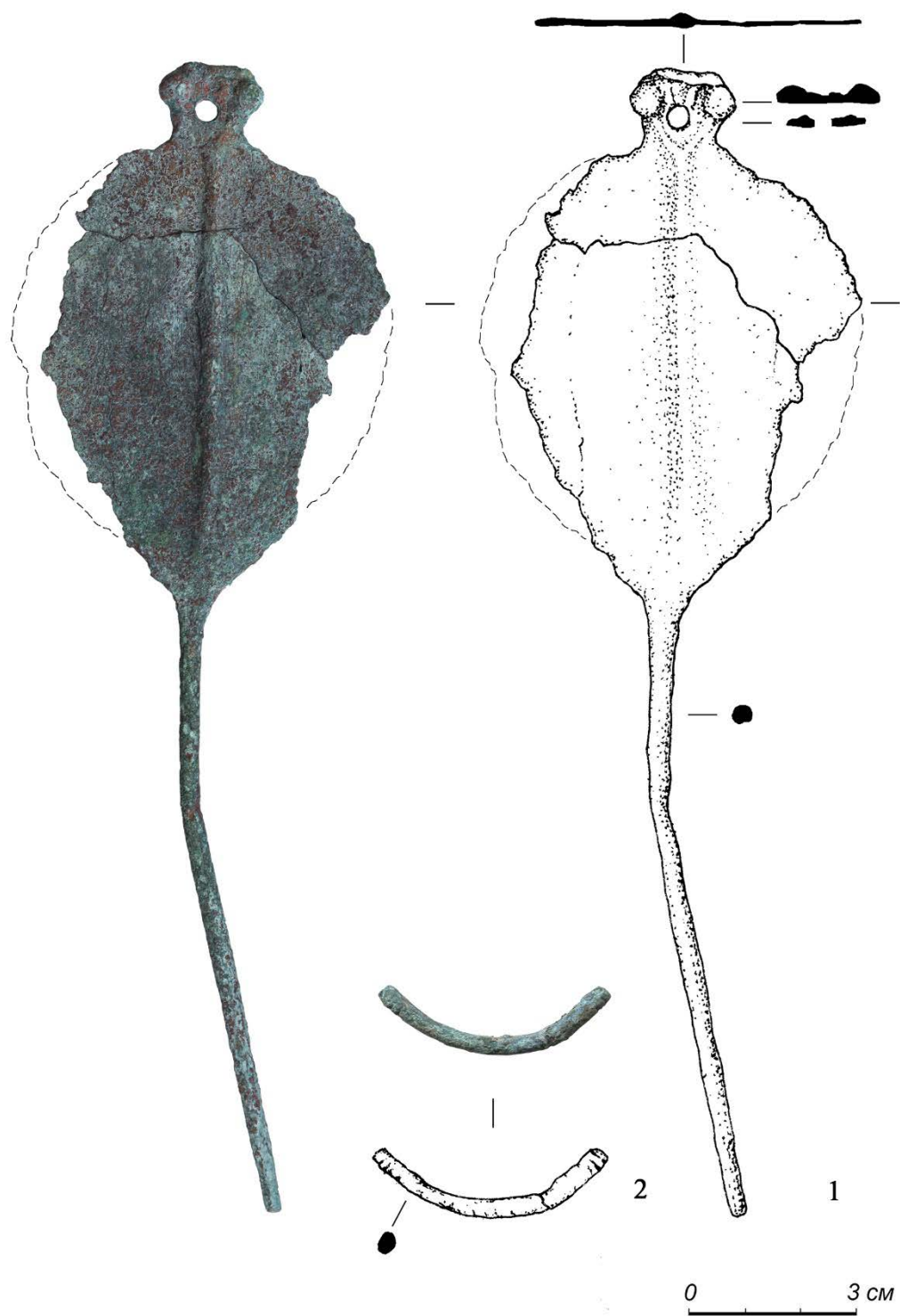

Рис. 16. ОКН «Грунтовый могильник» (гос.№9211), находки из объекта №2.
1 – бронзовая булавка. 2 – фрагмент бронзового браслета.

**ИЗ РАСКОПОК П.А. ДИТЛЕРА
МОГИЛЬНИКА У КИРПИЧНОГО ЗАВОДА СТАНИЦЫ КУЖОРСКОЙ
(по материалам полевого дневника)**

Ф.С. Пшипий

Национальный музей РА, г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье введена в научный оборот часть материалов из Кужорского средневекового биритуального могильника X – XII вв., исследованного П.А. Дитлером в 1965 г. Хранящийся в архиве НМРА полевой дневник ученого-археолога позволил систематизировать и описать лишь часть коллекции находок из могильника: предметы семи из двадцати погребений, зафиксированных П.А. Дитлером на частично разрушенном памятнике. Все они являются захоронениями воинов-всадников вместе с конем в полном убранстве. В работе описан погребальный обряд и каждый предмет сопроводительного инвентаря погребений.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эпоха средневековья, всадническая культура, биритуальный могильник, кремация, ингумация, начельник, бляшки-накладки, удила, стремяна, стеклянные кубки.

**FROM THE EXCAVATIONS P.A. THE DIETER OF THE BURIAL
DEPARTMENT AT THE BRICK FACTORY OF STANITSA KUZHORSKAYA
(based on the materials of the field diary)**

Pshipiy F.S.

NMRA, Maykop, Russia

Abstract. The article introduces into scientific circulation a part of the materials from the Kuzhora medieval biritual burial ground of the 10th-12th centuries, investigated by P.A.: items from seven of the twenty burials recorded by P.A. Dietler on a partially destroyed monument. All of them are burials of warriors-riders together with a horse in full dress. The work describes the funeral rite and each item of the accompanying grave goods.

Keywords: Northwestern Caucasus, Middle Ages, equestrian culture, biritual burial ground, cremation, inhumation, headpiece, plaques, onlays, bits, stirrups, glass goblets.

В 2,5 км на юго-запад от ст. Кужорской, выше одноименной реки, находился старый кирпичный завод, на территории которого в 1965 г. приступили к строительству нового, более мощного производственного комплекса. Была расчищена терраса шириной 100 м и длиной 400 м, на которой и начали прокладывать траншею под фундаменты цехов и обжигательной печи. Траншея была овальной формы удлиненной конфигурации длиной 40 м и шириной 12 м, имела внешнее и внутреннее кольцо (Рис. I, 1-5). Внешнее кольцо было шириной 2 м и состояло из двенадцати равных котлованов с глухими перемычками по длинным сторонам. Внутреннее кольцо представляло собой сплошную замкнутую тран-

шею шириной 1 м. При рытье котлованов и траншей под новую обжигательную печь были найдены многочисленные кости человеческих и конских скелетов, керамический материал, предметы вооружения и конского снаряжения. Обследовал могильник научный сотрудник Адыгейского научно-исследовательского института П.А. Дитлер. Памятнику был нанесен непоправимый урон – большинство погребений были разрушены или сильно повреждены, а значительная часть котлована внешнего овального кольца фундамента обжигательной печи уже была залита до половины бетонной массой, и обследовать ее уже было невозможно. Более того, в полевом дневнике П.А. Дитлер отмечает, что разведки пока-

зали существование на соседней террасе поселения, одновременного некрополю. Терраса на момент охранно-спасательных работ была застроена и занята огородами (Дитлер, полевой дневник, 1965).

Исследование разрушенного могильника у станицы Кужорской, расположенного в 18 км от г. Майкопа, было начато П.А. Дитлером в 1965 г., а затем продолжено в 1967 г. Выразительные материалы памятника указывают на то, что могильник являлся крупным всадническим некрополем X – XII вв. с характерной погребальной традицией хоронить воина-всадника вместе с конем в полной амунии. Согласно записям в дневнике, П.А. Дитлер зафиксировал 20 погребений с двумя типами погребальной обрядности – ингумацией (трупоположением) (7 погребений) и кремацией (трупосожжением) (13 погребений) с последующим помещением праха в урны. В могилах с обрядом трупоположения умерших, как правило, сопровождала одна, или изредка две лошади.

Сведения о наличии на этой территории древнего некрополя поступали еще до 1965 г. Первые находки археологических артефактов в районе станицы Кужорской относятся к 1957 г. Глиняные сосуды, предметы вооружения, украшения, детали снаряжения коня были собраны учащимися средней школы и переданы учителю истории Бастиани, который, в свою очередь, передал их в Адыгейский областной музей (Дитлер, 1961, с. 155). Наиболее интересной находкой среди поступивших в музейные фонды предметов, оказалась позолоченная орнаментированная трубка-навершие начельника (Рис. II, 1). Она представляет собой втулку биконической формы с отогнутым наружу венчиком, высотой 5 см, диаметром в широкой части – 5 см, в верхней части – 2,3 см. Трубка отлита из бронзы, затем позолочена и орнаментирована по всей поверхности. В четырех медальонах грушевидной формы, выполненных плетущейся лозой, выгравированы изображения зайца, лани, орла со змеей в клюве и собаки (Табл. II, 2). У всех животных туловища повернуты вправо, а головы – влево (кроме головы орла). Все фигуры изображены силуэтом без подробных деталей и в динамике. Фон, на котором нанесены орнамент и фигуры, обработан точечным чеканом и сплошь покрыт пуансоном (Ловпаче, 1980, с. 164, с. 191, табл. III). Такие начельники являлись декоративными деталями средневекового парадного конского убора и крепились

на макушке лошади. Трубка-навершие служила втулкой, посредством которой крепился султан из конского волоса или перьев.

Исследовательница средневекового художественного металла Г.Г. Король подчеркивает, что среди находок на Северном Кавказе известна только одна трубка начельника из станицы Кужорской, украшенная гравированными зооморфными изображениями (Король, 2008, с. 40). Вторая орнаментированная трубка начельника из Андреевской щели покрыта гравировкой, композицию которой составляют фигурные антропоморфные изображения (Армарчук, Новичихин, 2004, с. 60, 62, рис. - с. 61). Автор раскопок в Андреевской щели средневекового кенотафа с захоронением боевого коня Н.М. Новичихин предполагает, что несмотря на отличия в деталях орнамента, гравировка обоих начельников является произведением одной художественной школы, или даже одной мастерской (Новичихин, 2008, с. 29).

Материалы раскопок П.А. Дитлера 1965, 1967 гг. на территории могильника у ст. Кужорской на протяжении многих лет хранились в Адыгейском научно-исследовательском институте в кабинете археологии, и лишь в конце 1990-х были переданы в НМРА. Коллекция была не систематизирована и не опубликована. Хранящийся в архиве НМРА полевой дневник П.А. Дитлера позволил описать лишь семь погребений, находившихся во внутреннем кольце траншеи. Часть предметов этой коллекции из остальных погребений не шифрована и без отчетной документации нет возможности определить привязку предмета к тому или иному погребению.

Погребение 1 (ингумация) располагалось на глубине 1,35 м. В погребении обнаружены скелеты человека и лошади. Скелет человека лежал вытянуто на спине, череп раздавлен, кости левой руки вытянуты вдоль туловища, кости правой согнуты в локтевом суставе. Ориентация ЗЮЗ.

За черепом на боку лежал раздавленный стеклянный кубок (Рис. III-1, 2) с плоским слегка вогнутым дном (высота 16 см, диаметр 6 см, диаметр устья 11 см) (Пишипий, 2014, с. 48, с. 51, рис. 1-3). Сосуды, близкие по форме и орнаменту, были обнаружены в Змейском могильнике Северной Осетии, в катакомбах 36 и 47, в богатом мужском погребении № 3, в погребении № 2 (Кузнецов, 1959, с. 14-15, с. 26). По мнению Е.И. Крупнова, такие кубки с наклепными нитями

«очевидно, закавказского, в частности, грузинского происхождения» (Крупнов, 1960, с. 116, с. 117). С левой стороны туловища, вдоль вытянутой руки, лежала сабля (распалась), с сохранившимися навершием рукояти (Рис. III-5) и частью напускного перекрестия (Рис. III-4). Железное кованное навершие рукояти высотой 5,5 см (с фрагментами дерева) имеет форму овальной втулки с выпуклым уплощенно-шаровидным завершением, характерные выступы и кольцо для темляка отсутствуют. По типологии исследователя средневекового вооружения Северо-Западного Предкавказья У.Ю. Кочкарова, навершие относится типу II подтипу Б (Кочкаров, 2008, с. 29, с. 144, табл. XVI). Перекрестие железное кованое напускное, прямое овальное в плане.

На правой и левой стороне грудной клетки находилось по одному бронзовому бубенчику небольшого размера (высотой 1,2 см) (Рис. III-3). Бубенчик представляет собой объемное изделие сфероконической формы и круглым сечением, щелевидной прорезью внизу и шумящим элементом-горошиной. На бубенчиках в верхней части имеется проволоочная петля для подвешивания.

С правой стороны человеческого костяка лежал скелет лошади на левом боку с полусогнутыми передними ногами. Ориентация ЗЮЗ. На затылочной кости черепа находилось бронзовое кольцо (распалось), под нижней челюстью три бронзовых проволоочных уздечных кольца (Рис. III-8, 9, 10); на расстоянии 15 см от нижней челюсти было найдено одно железное кольцо (Рис. III-7). Между челюстями железные удила. (Рис. III-6). Удила двусоставные биметаллические с железными коваными грызлами и литыми бронзовыми подвижными кольцами, круглыми в сечении. Длина грызел – 9 см, диаметры колец – 5,5 см. Аналогичные биметаллические удила были найдены в конских погребениях №№ 29 и 30 могильника Кольцо-Гора близ Кисловодска (Савенко, 1983, с. 105-106, табл. – с. 107).

Погребение 2 (ингумация) располагалось на глубине 1,3 м. В погребении находились два конских скелета, расположенных черепами друг к другу. **Скелет 1** (Рис. IV. I – 1) сохранился частично, лежал на правом боку со слабо подогнутыми ногами. На затылочной части черепа располагался начельник из тонкой листовой позолоченной бронзы (трубка и розетка рассыпались), сохранилась лишь прорисовка предмета (Рис. IV. I – 2). Под начельником обнаружено бронзовое колечко в полтора оборота диаметром 2,5 см из

проволоки круглого сечения диаметром 0,2 см (Рис. IV. I-5), под нижней челюстью три бронзовых проволоочных кольца разного диаметра (1,8 см; 1,9 см; 2,2 см) (Рис. IV. I – 4). Между челюстями лошади находились железные двусоставные удила с кольцами (Рис. IV. I-8). Длина грызел – 7,5 см, диаметр колец – 5,5 см. Ременная истлевшая узда была богато украшена бляшками-накладками, располагавшимися сплошной линией (Рис. IV. I-6). Бляшки-накладки (18 ед. целых и множество мелких фрагментов) прямоугольной формы слегка выпуклые, выполненные из металла белого цвета, имеют на поверхности рельефный декор (ребристый), полученный при литье в форму с заготовленным орнаментом. На оборотной стороне по центру бляшки имеется короткий штифт для крепления к ремню. Размеры бляшек: 1,5 см х 1,3 см. Вблизи челюстей лошади были найдены три фрагмента выпуклой бляхи из очень тонкого белого металла (Рис. IV. I-3). В области спинных позвонков сохранился очень маленький фрагмент кожи с мельчайшими бисерными полусферическими металлическими бляшками диаметром 0,2 см (Рис. IV. I – 7). По записям П.А. Дитлера в полевом дневнике понятно, что обнаруженный в момент раскопок сохранившийся фрагмент кожи (позже рассыпался), был расшит серебряными нитями. Узор на коже представлял собой круги и восьмерки, вокруг линий узора располагались бисерные украшения. Этим деталям есть интересные аналогии в катакомбах Змейского могильника. Так, седло из катакомбы 15 было обтянуто кожей и тканью, по которой вышит золотой нитью орнамент в виде вопросительных знаков (Кузнецов, 1959, с. 106). А в катакомбе № 14 был найден горит, сделанный из дерева и обтянутый кожей. На коже мелкими полусферическими бляшками, аналогичными найденным в погребении 2, выполнен сложный орнамент в виде пятиконечной звезды с отходящими от нее завитками. В.А. Кузнецов полагает, что гориты приторачивались к седлу (Кузнецов, 1959, с. 106). В погребении № 29 могильника Кольцо-Гора было найдено пятно древесного тлена с фрагментами кожи и ткани с мелкими бисерными полусферическими нашивками (Кузнецов, 1959, с. 105). Можно предположить, что в погребении 2 ст. Кужорской находился горит, обтянутый кожей, декорированной бисерными бляшками. Горит был приторочен к седлу, на коже которого была выполнена вышивка серебряными нитями.

Скелет 2 лошади (Рис. IV. II – 1) лежал на левом боку (сохранился частично). На затылочной части лошади находился втульчатый начельник (трубка раздавлена землей), основание которого было орнаментировано. Основание начельника представляет собой круглую крупную выпуклую бляху диаметром 11 см, изготовленную из кованой тонкой листовой бронзы. Поверхность основания орнаментирована изображениями четырех птиц отряда соколиных, выполненных пуантильной техникой. Фигуры птиц отличаются силуэтной схематичностью и статичностью (Рис. IV. II-2). Пуансонный декор на пластине начельника исполнен торцом трубочки. Ременную узду украшали три типа бляшек-накладок. Костяное кольцо под нижней челюстью и бронзовое кольцо в полтора оборота под начельником рассыпались. Между челюстями лошади располагались двусоставные удила биметаллические с железными коваными грызлами и литыми бронзовыми подвижными кольцами, круглыми в сечении (Рис. IV. II-3). Длина грызел – 7,7 см, диаметр колец – 4 см. Бляшки-накладки трех типов являлись декоративными элементами ременной сбруйной гарнитуры. Накладки с ребристой поверхностью (как на скелете лошади 1) украшали ремни вдоль всего черепа (Рис. IV. II – 4). Накладки (Рис. IV. II – 6, 8) прямоугольной формы (9 ед. целые и множество мелких фрагментов) располагались на ремнях, проходящих вдоль спинных позвонков и тазовых костей. Изготовлены бляшки из оловянистого сплава в технике литья с покрытием (плакировкой) снаружи тонкой фольгой белого металла, и нанесением на покрытие орнамента. На оборотной стороне имеются два коротких крепежных штифта. Размер бляшек 2,2 см х 1,4 см. Бляшки-накладки (Рис. IV. II– 5, 7) фигурные в форме «букраниев» (32 ед.) размер – 0,7 см х 0,3 см, находились на поводных ремнях. Изготовлены бляшки из бронзы в технике литья с покрытием (плакировкой) снаружи тонкой фольгой белого металла (серебра?) с гладкой поверхностью. На оборотной стороне имеется короткий крепежный штифт. На спинных позвонках найдена бляшка бронзовая, литая, позолоченная, с изображением двух фигур, стоящих друг к другу лицом и держащих древко-посох или жезл (Рис. IV. II - 9). Бляшка крепилась на сбруе лошади над хвостом. Эта уникальная находка описана и зафиксирована графически Н.Г. Ловпаче. (Ловпаче, 1979, с. 157, с. 167, рис. 5(a)), но сам предмет утерян еще до поступления

коллекции в фонды музея.

Погребение 3 (ингумация) человека с конем располагалось в северной части на изгибе траншеи фундамента печи на глубине 1,20 м. При рытье траншеи скелет лошади уничтожен полностью, в прирезке расчищен человеческий скелет плохой сохранности. Умерший лежал на спине с вытянутой вдоль туловища левой рукой. Ориентация ВЮВ.

За черепом погребенного стоял кубок цилиндрической формы из стекла светлого цвета высотой 9 см. Кубок (Рис. V - 1) относится к сосудам открытого типа высотой 9,3 см, туловом в форме усеченного конуса, с ровным краем диаметром 9,5 см. Дно слегка вогнуто, его диаметр составляет 7,9 см. С внешней стороны дна имеется дисковидное утолщение. Изготовлен кубок из прозрачного стекла зеленоватого цвета в технике выдувания в форму, орнаментирован по всей поверхности, в том числе и в донной части. Производство сосудов такого типа характерно для ближневосточных центров изготовления стекла, в частности, сирийских. В синхронном Кужорскому Змейском могильнике было найдено 19 стеклянных сосудов разного типа (чаши, рюмки, кубки), которые являлись импортом и происходили из крупнейших средневековых центров стеклоделательного производства Закавказья и ближнего Востока (Кузнецов, 1959, с. 103-104). У левой плечевой кости находилось навершие рукояти сабли высотой 7,7 см (Рис. V- 3) и фрагмент напускного перекрестия в плохой сохранности (как в погребении 1), сам клинок не сохранился. У левой ключицы лежали два позолоченных колокольчика (рассыпались), в области правой стороны грудной клетки найдены слабые следы кожи с круговым узором из мельчайших украшений полусферической формы (Рис. V- 2) (аналогично погребению 2, скелет лошади 1).

Погребение 4 (кремация) располагалось в северо-западной части внутренней траншеи на глубине 0,90 м. В погребении была зафиксирована урна с прахом. Горшок-урна раздавлен полностью и реконструкции не поддается. По записи П.А. Дитлера в полевом дневнике, урна представляла собой гончарный сосуд высотой 25 см с плоским дном диаметром 15 см, шарообразным туловом, низкой шейкой горла, широким устьевым отверстием и венчиком, отогнутым наружу (диаметр устья 18 см). Стенки урны в изломе коричневые, состав глины песчанистый, обжиг среднего качества. Корпус орнаментирован до

самого дна узкими горизонтальными желобками (Дитлер, 1965). Урна наполовину заполнена жженными человеческими костями, которые значительно кальцинированы. Кроме того, внутри урны лежал сосуд-кружка небольшого размера, также заполненный человеческими костями (Рис. V- 4). Кружка одноручная изготовлена посредством ручной формовки из глины коричневого цвета. Корпус сосуда и ручка орнаментированы горизонтальными лощеными линиями. Кружка имеет широкий корпус с легкой биконической вогнутостью, носик-слив на себя и плоское дно (Рис. V - 5). Есть мнение, что такой тип сосудов со сливом на себя относится к образцам погребальной керамики, используемых для совершения обряда кремации (Ловпаче, 1995, с. 56, с. 146; с. 187, табл. XXII).

Погребение 5 (ингумация) располагалось в ЮВ части фундамента обжигательной печи. Здесь было исследовано погребение с человеческим скелетом и частью лошадиного скелета. Человеческий скелет лежал на глубине 0,75 м вытянуто на спине, череп повернут влево, кости рук согнуты в локтевых суставах, кисти находятся на тазовых костях. Ориентация ЗЮЗ.

Вдоль левой стороны скелета лежала сабля (рассыпалась), перекрестие окислилось и превратилось в спекшуюся массу. Детали сабельной гарнитуры (навершие, портупейные кольца и бутероль) распались. Лошадиный скелет лежал на левом боку и был обращен черепом к человеческому скелету. Скелет ориентирован на ЮВ, кости передних ног подогнуты. Между челюстями находились железные двусоставные удила с кольцами (Рис. VI-2), вблизи позвонков лежало стремя железное кованное (Рис. VI - 1). Стремена такого типа имеют яйцевидную форму, расширяющуюся к подножке, подпрямоугольную петлю, горизонтально расположенную на узкой шейке и по классификации Е.Н. Армарчук относятся к отделу I подотделу Б типу I. Дужки узкие граненые, ромбического сечения, плавно изгибаются при переходе к подножке. Подножка достаточно широкая (3,6 см) прямоугольная в плане, с чуть загнутыми краями и продольным центральным сильно выраженным ребром жесткости. Е.Н. Армарчук датирует стремяна этого типа X – XI вв. н.э. (Армарчук, 2006, с. 18-19).

Погребение 6 (ингумация) со скелетом лошади (человеческий костяк уничтожен полностью при прокладке траншеи). Траншея прошла по центру могильной ямы, потому уничтожена

часть скелета. Скелет лошади лежал на глубине 0,75 м на правом боку с подогнутыми ногами, ориентирован на ЮВ. При лошадином скелете обнаружена пара железных кованных стремян (одно – за спинными позвонками, другое – ниже грудных ребер) (Рис. VI- 3), в районе грудной клетки находилась железная подпружная пряжка прямоугольной формы с язычком (распалась). Такие стремяна без петли, с щелевидным отверстием в верхней части дужки, по классификации Е.А. Армарчук относятся к отделу IV (Армарчук, 2006, с. 23-25). Общий контур стремян этого типа приближается к кольцу не очень правильной формы. А.Н. Кирпичников называет их «кольцевидные» или «кольчатые» (Кирпичников, 1973, с. 48). Стремена высотой – 12,5 см и шириной – 12,4 см имеют характерный для данного типа заостренный абрис («килевидный») дужки вверху над отверстием для путлища. Само отверстие достаточно узкое, дужки имеют подквадратное сечение. Подножки выгнутые и достаточно широкие (3,5 см) с продольным сильно выраженным центральным валиком – ребром жесткости. А.Н. Кирпичников дает следующие хронологические рамки бытования этого типа стремян – XII – начало XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 53). Е.Н. Армарчук говорит о существовании этого подтипа уже в XI в. (Армарчук, 2006, с. 26). Время существования всаднического некрополя укладывается в указанные хронологические рамки.

Погребение 7 (ингумация) находилось в юго-восточной стенке внутреннего овала на глубине 1 м. Траншея прошла по части могильной ямы, по-видимому, человеческий скелет был уничтожен. Для исследования была сделана прирезка, расчищены остатки лошадиного скелета (голова, шейные позвонки, лопатка правой ноги, передние ноги и часть ребер). Скелет лошади лежал на левом боку с подогнутыми передними ногами, ориентирован на СВ. Между челюстями лошади располагались железные двусоставные удила с кольцами (Рис. VI- 4). Длина грызель – 7,5 см, диаметр колец – 3,7 см. Остальные детали уздечки (три проволочных кольца под нижней челюстью, бронзовое кольцо на затылочной части черепа) не сохранились.

Таким образом, из биритуального могильника у кирпичного завода ст. Кужурской был получен замечательный материал, свидетельствующий о сложении в эпоху средневековья всаднической дружинной культуры. Предметы конского снаря-

жения представлены как сугубо функциональными (удилами, стременами, уздечными кольцами и пряжками), так и декоративными элементами (начельниками, разными типами накладных бляшек). В большинстве все эти части конского снаряжения находились в погребениях верховых лошадей, сопровождающих воинское захоронение. Комплексы сбруйных украшений, например, из погребения 2, определенно служили парадными оголовьями, которые являлись социально значимым атрибутом и принадлежали представителям военной верхушки. Бронзовые позолоченные орнаментированные начельник и трубка начельника, бронзовые уздечные бляшки-накладки с покрытием (плакировкой) снаружи белым металлом относятся к ярким образцам прикладного искусства и показателями развития и процветания торевтики у автохтонного населения Северо-Западного Кавказа в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Армарчук Е.А., Новичихин А.М., 2004. Украшения конской упряжи X-XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. КСИА. Вып. 216.
- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII вв. – М.
- Дитлер П.А., 1965. Полевой дневник.
- Дитлер П.А., 1961. Майкоп. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. Том II. – Майкоп.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX- XIII вв. САИ. Вып. EI-36. – Л.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. – Москва-Кемерово, 2008.
- Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.
- Крупнов Е.И., 1960. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК. Вып. 78. – М.
- Кузнецов В.А., 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА. 1959. № 2.
- Ловпаче Н.Г., 1979. Художественная обработка металла у адыгов (X – XIII вв.) // Культура и быт адыгов. Вып. II. – Майкоп.
- Ловпаче Н.Г., 1980. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. III. – Майкоп.
- Ловпаче Н.Г., 1995. Художественная керамика средневековой Адыгеи. – Майкоп.
- Новичихин А.М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская Щель. Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. – М.
- Пшипий Ф.С., 2014. Некоторые средневековые соуды из коллекции стекла фонда археологии НМРА. Сборник материалов, научных статей НМРА. Вып. V. – Майкоп.
- Савенко С.Н., 1983. Конские захоронения на могильнике X – XII вв. Кольцо-Гора. Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджоникидзе.

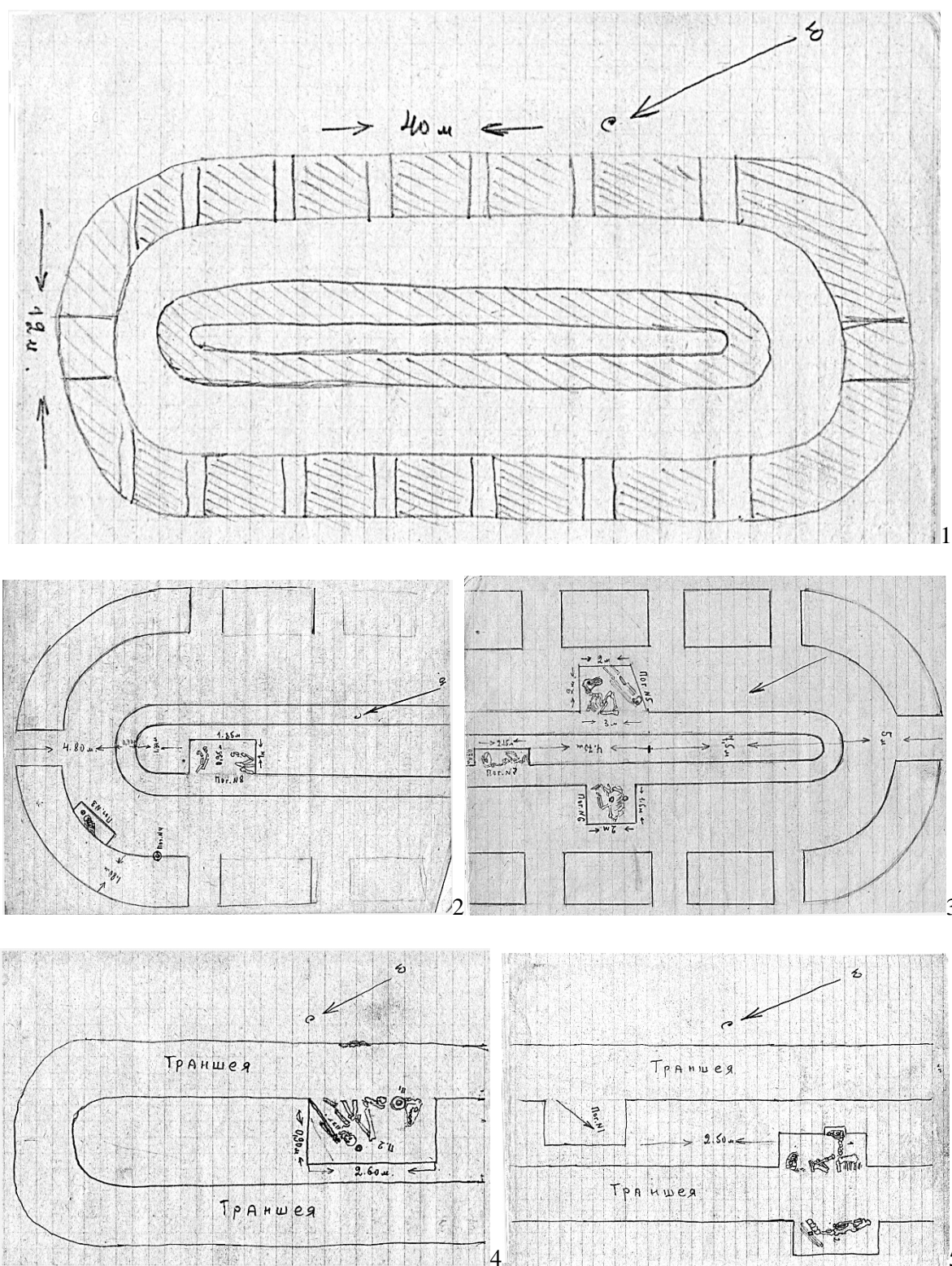

Рис. I. 1- траншея (общий вид), 2, 3 – траншея (левая и правая стороны), 5, 6 – траншея (центральное кольцо). Полевой дневник, прорисовки П.А. Дитлера.

1

2

Рис. II.1-Трубка-навершие начальника; 2 – развертка трубки-навершия (прорисовка Н.Г. Ловпаче).

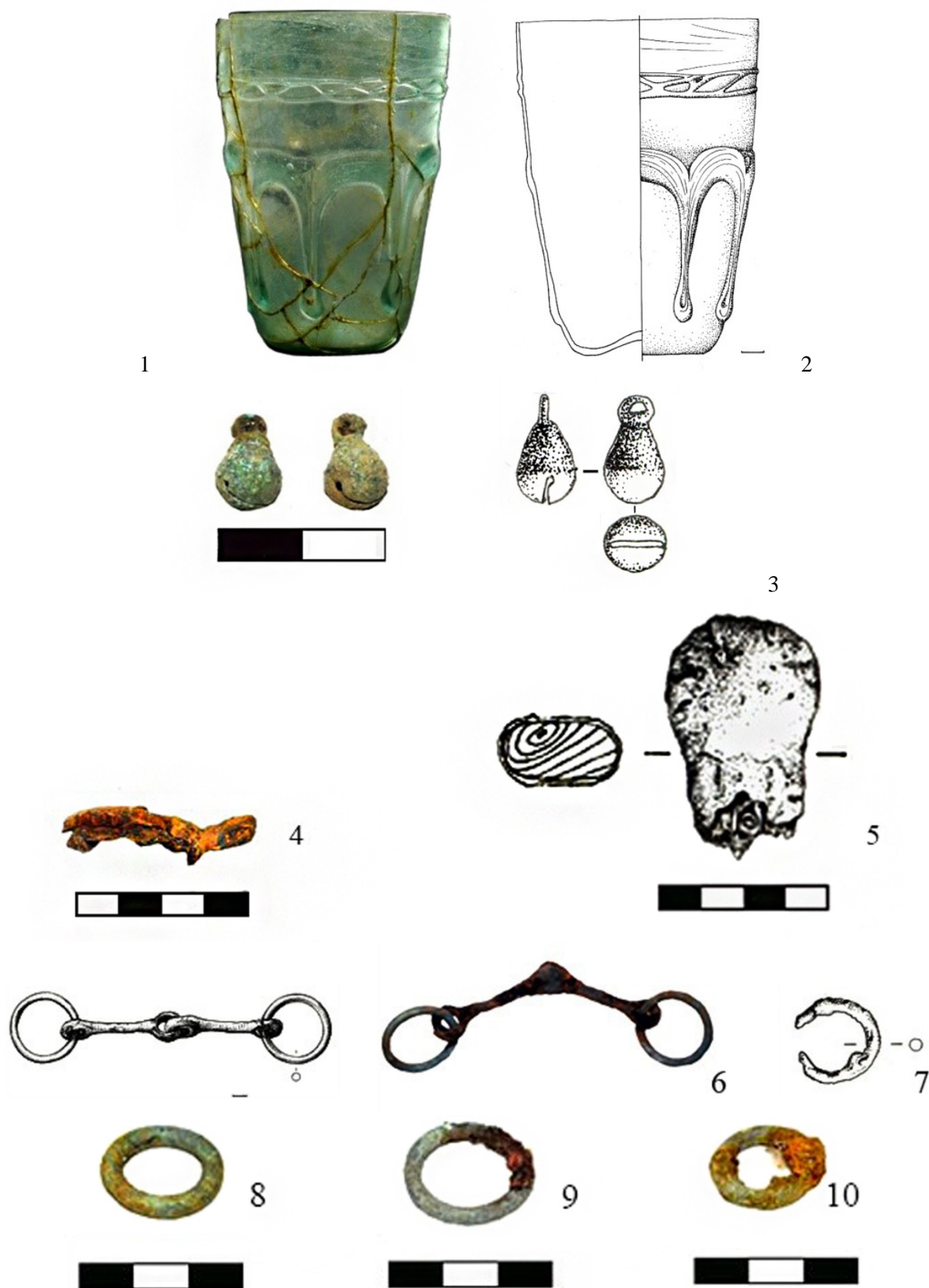

Рис. III. Погребение I. Скелет человека: 1, 2 – кубок, 3 – бубенчики, 4 – навершие рукояти. Скелет лошади: 6 – удила двусоставные биметаллические, 7 – кольцо сбруйное, 8-10 – кольца сбруйные. Прорисовки Г.Н. Гавриловой.

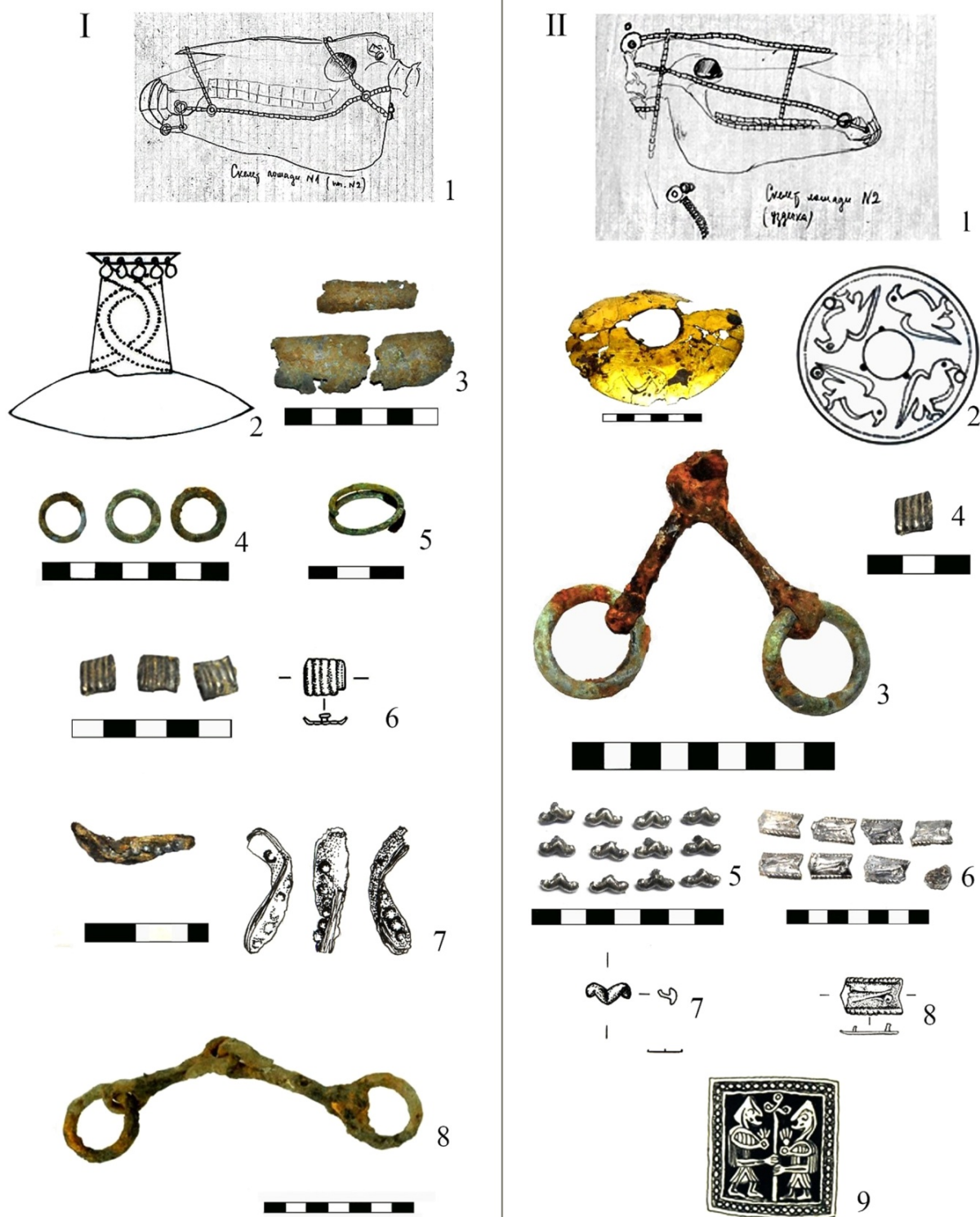

Рис. IV. I. Погребение 2. Скелет лошади 1: 1 – прорисовка уздечки П.А. Дитлера, полевой дневник, 2 – прорисовка бронзового позолоченного начельника (прорисовка П.А. Дитлера), 3 – бляха пластинчатая, 4 – кольца сбруйные, 5 – кольцо, 6 – бляшки-накладки, 7 – фрагмент кожи с бисерными бляшками, 8 – удила двусоставные. **II. Скелет лошади 2:** 1 – прорисовка уздечки П.А. Дитлера, полевой дневник, 2 – пластина начельника, 3 – удила двусоставные биметаллические, 4, 5, 6 – бляшки-накладки, 7, 8 – прорисовки бляшек-накладок (Г.Н. Гаврилова), 9 – бляшка-накладка (прорисовка Н.Г. Ловпаче).

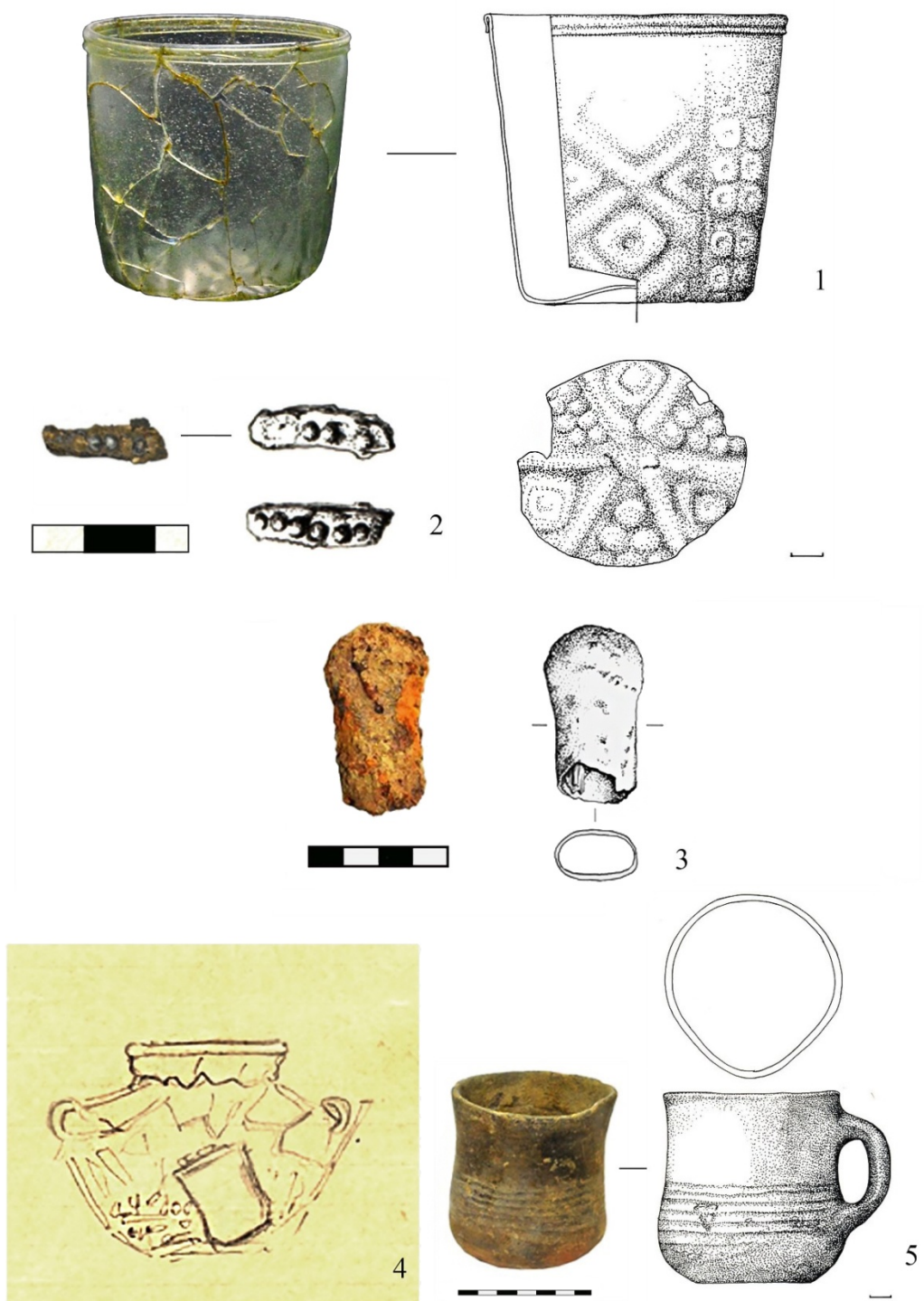

Рис. V. Погребение 3. 1 – кубок, 2 – фрагмент кожи с бисерными бляшками, 3 – навершие рукояти. **Погребение 4.** 4 – урна погребальная с кружкой (прорисовка П.А. Дитлера), 5 – кружка. Прорисовки Г.Н. Гавриловой.

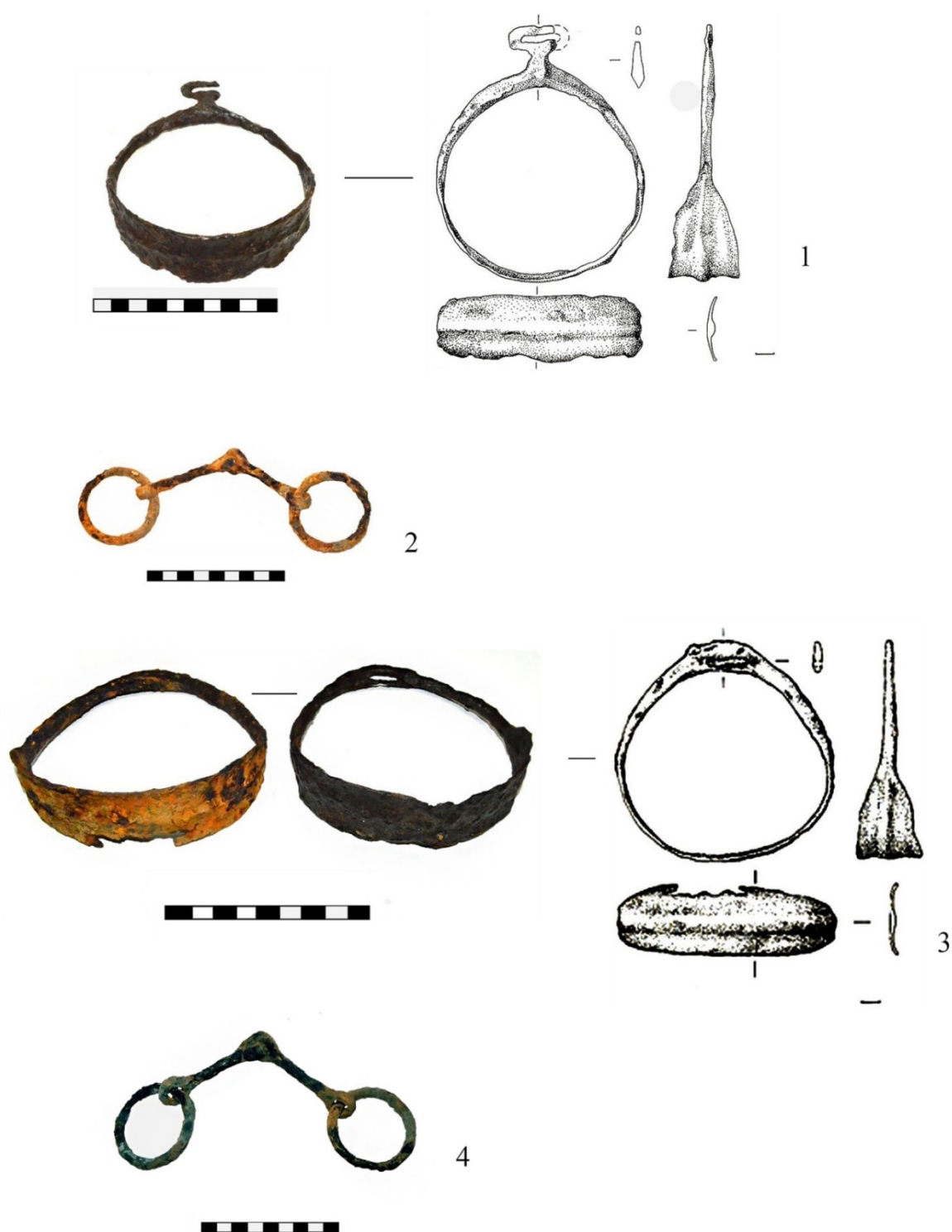

Рис. VI. Погребение 5. 1 – стремя, 2 – удила двусоставные. Погребение 6. 3 – стремяна. Погребение 7. 4 – удила двусоставные. Прорисовки Г.Н. Гавриловой.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКИ БРОНЗОВОГО ЗЕРКАЛА С КРЕСТОВИДНЫМ ОРНАМЕНТОМ (Территория Адыгеи)

Е.И. Нарожный

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет
им. У.Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия

Аннотация. В публикации в научный оборот вводится находка средневекового бронзового зеркала, случайно поднятого на левом берегу Краснодарского водохранилища (Адыгея). Зеркало с петлей для подвешивания, с косо срезанным краем диска украшено рельефным крестообразным орнаментом. Беспаспортный экземпляр имеет аналогии в раннесредневековых катакомбах Змейского катакомбного могильника, на Нижнем Архызе и в материалах Цемдолинского могильника под Новороссийском. Кроме того, аналогии этому типу зеркал известны в Волжской Булгарии, в кочевнических погребениях южнорусского приграничья в Поросье и в Золотой Орде. Автор статьи предлагает разные варианты объяснения причин распространения таких зеркал в Прикубанье, придерживаясь, как минимум, двух версий. Первая – это привнесение вместе с кочевниками-мигрантами из Поросья. Либо же это – результат деятельности, как считается, аланских ремесленников, в т.ч. тех из них, которые, по данным византийских авторов, почти сразу же после вторжения монголо-татар на Северный Кавказ переселились в пределы «Меотиды, Скифии и Сарматии».

Ключевые слова: Адыгея, бронзовые зеркала, крестовидный орнамент, номады Поросья, аланские миграции в Причерноморье эпохи средневековья, ремесленные изделия периода Золотой Орды.

ABOUT ONE TYPE OF ACCIDENTAL DISCOVERY OF A BRONZE MIRROR WITH A CROSS-SHAPED ORNAMENT (Territory of Adygea)

Narozhny E. I.

Karachay-CherkessStateUniversity named after U. D. Aliyev, Karachayevsk

Abstract. In the publication, the discovery of a medieval bronze mirror is introduced into scientific circulation – accidentally raised on the left bank of the Krasnodar reservoir (Adygea). The mirror with a loop for hanging, with an obliquely cut edge of the disk, is decorated with a relief cross-shaped ornament. The passport-free copy has analogies in the early medieval catacombs of the Zmeysky catacomb burial ground, on the Lower Arkhyz and in the materials of the Tsem dolinsky burial ground near Novorossiysk. In addition, analogies to this type of mirrors are known in Volga Bulgaria, in the nomadic burials of the South Russian prince in Porosye and in the Golden Horde. The author of the article offers different ways to explain the reasons for the spread of such mirrors in the Kuban region, adhering to at least two versions of them. This is an introduction together with nomadic migrants from Porosye. Or, it is the result of the activities of, as it is believed, Alan artisans, including those of them who, according to Byzantine authors, almost immediately after the invasion of the Mongol-Tatars in Northern Kayvkaz, moved to the borders of Meotida, Scythia and Sarmatia.

Keywords: Adygea, bronze mirrors, cross-shaped ornament, Pig nomads, Alan migrations to the Black Sea region of the Middle Ages, handicrafts of the Golden Horde period.

Публикуемые ниже артефакты являются случайными находками, в разное время поднятыми местными жителями в разных районах территории республики. Тем не менее, все они имеют

определенное научное значение, в т.ч. и для более углубленного понимания специфики этнокультурной истории местного населения в XIII – XIV вв.

В первой пол. 1990-х гг., работая на тот момент в Армавирском государственном педагогическом институте (АГПИ), в качестве очередного общественного поручения автор получил задание подготовить, а затем и оформить в учебной аудитории №18 главного корпуса вуза т. н. учебный «археолого-этнографический музей». Для реализации были использованы все, преимущественно случайно поднятые археологические предметы, «львиная» доля которых в разное время была предоставлена студентами стационара и заочного отделения исторического факультета АГПИ, хранившиеся в деканате. Затем, после открытия «музея», экспозиции постепенно обновлялись за счет поступления новых предметов различных исторических эпох. Большим минусом в такой подборке было то, что передаваемые в учебный «музей» предметы, за редким исключением, были беспаспортными.

Среди предметов археологической экспозиции было несколько предметов меото-сарматского времени – три фрагмента длинного железного меча, бронзовое фрагментированное зеркало с широким валиком вдоль внешнего края и обломанной в ее нижней части ручкой, склеенные сосуды этого же периода, а также около десятка синхронных им, в основном, стеклянных бус. Согласно имевшимся сведениям, предметы эти происходили с прибрежной полосы левого берега Кубани, т. н. Краснодарского моря; территориально этот участок относился к Адыгее.

Вместе с указанными предметами РЖВ отсюда же происходило и несколько фрагментов целых образцов средневековых металлических зеркал. Однако из этой «коллекции» в учебном музее АГПИ экспонировалось только два экземпляра, представленных небольшими фрагментами; остальные образцы, также связанные с указанным левобережьем Кубани, были нами только учтены и продолжали оставаться на руках их находчиков, по их словам, планировавших передать эти находки в экспозиции небольших краеведческих «музеев» и «краеведческих уголков» в своих родных школах Адыгеи. В предлагаемой ниже работе речь пойдет об одном типе интересующих нас зеркал, украшенных крестовидным орнаментом.

Бронзовое литое зеркало (рис. 1, 1) диаметром 10 см: его поверхность с одной стороны гладкая, с другой – без бортика, со скошенным краем и

низкой петелькой для привешивания. Поверхность с этой стороны декорирована невысокими, пересекающимися в центре диска, слабо рельефными «диаметрами», образующими крестообразную фигуру (рис. 1, 1).

Такие же зеркала имеют аналогии: тождественный тип зеркала, но чуть меньшего диаметра ($d = 8$ см) был опубликован Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым в их монографическом издании материалов хорошо известного специалистам Цемдолинского могильника эпохи средневековья (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 36, с. 126, рис. 37, 28). Указанные авторы не только достаточно подробно откомментировали эту находку, но и подобрали ей соответствующие аналогии, которые, как представляется, вполне подводят к достаточно определенному выводу о возможном генезисе таких зеркал и времени их бытования. Предложенные ими наблюдения имеют важное значение, хотя вряд ли являются исчерпывающими. По этой причине мы подробно и почти полностью цитируем эти наблюдения Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриева, по мере необходимости дополняя и комментируя их.

Авторы указывают на то, что «такие зеркала встречаются в здешних (причерноморских – Е.Н.) курганных могильниках XI – XIV вв.»¹, которые являются «более характерными для ингумационных захоронений «домонгольского» времени, и их почти нет в кремациях (Армарчук, Малышев, 1997, с. 170, рис. 13, 11; Крым, 2003, табл. 100, 50). На «Северном Кавказе они обнаружены в позднеаланских катакомбах XI – XII вв. (например, Змейского катакомбного могильника) и в погребениях XII – XIII вв. в каменных ящиках Нижне-Архызского городища (Кузнецов, 1963, с. 32, табл. IV (5); 1993, с. 205, рис. 129, 11, с. 136, 14)»; (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 36). Но насколько эти аналогии, прежде всего, из катакомб Змейского могильника, связаны с интересующими нас зеркалами из Цемдолины под Новороссийском и из Адыгеи? Что касается указанного зеркала из Нижнего Архыза, оно происходит из погребения № 56 христианского кладбища у Северного храма на этом городище, первоначально «определенном» как захоронение «женщины-половчанки» XI – XII вв., в числе других обитателей городища «подвергшейся христианизации» (Кузнецов, 1993, с. 242). Позднее предпо-

¹В этом случае, если общее количество известных зеркал разделить на весь предложенный хронологический диапазон из нескольких столетий («XI, XII, XIII и XIV вв.»), получается крайне запутанная картина в распределении временных рамок

для всех отдельных их находок. По всей вероятности, известные группы зеркал имеют более узкие временные рамки их бытования.

ложение В.А. Кузнецова об этнокультурной принадлежности погребенной («половчанка») и ее датировку разделила Е.А. Армарчук (Армарчук, 2006, с. 207). Металлическое зеркало из того же погребения Нижнего Архыза (рис. 1, 3) диаметром 10 см, с ушком и крестовидным рельефным орнаментом, первоначально датированное также «XI – XII вв.», В.А. Кузнецовым и Е.А. Армарчук сопоставлялось, прежде всего, с теми же зеркалами из аланских катакомб Змейского катакомбного могильника «периода XI – XII вв.» (Кузнецов, 1993, с. 225), т.е. с типом зеркал, которые Г.А. Федоров-Давыдов, например, включал в тип Е I своей типологии. Однако зеркала, подобные типу Е I, но диаметром в 10 см., т.е., как и зеркало из погребения № 56 Нижнего Архыза, Г.А. Федоров-Давыдов включал в другой тип зеркал – тип Е II, приводя им также аналогии, только «домонгольского» времени (Федоров-Давыдов, 1966, с. 51). Но в том же погребении № 56 Нижнего Архыза, вместе с указанным зеркалом, было и височное украшение, рисунок которого В.А. Кузнецовым был приведен не совсем точно: судя по его отчету о раскопках на Нижнем Архызе, украшение это является вариантом черноклобуцких украшений типа IV по типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, но с отличием, заключающимся в том, что снизу биконической бусины на нем отходили подвижно прикрепленные цепочки, завершающиеся миниатюрными «бубенчиками». Этот вариант черноклобуцкого украшения¹ из погр. 56 на Нижнем Архызе, позволял весь этот комплекс, включая и интересующее нас зеркало, датировать золотоордынским временем (Нарожный, 2007, с. 85-91). Не противоречат этому и наблюдения Л.Ф. Недашковского, по поводу зеркал такого же типа отметившего: «Вероятно, этот тип формировался еще во второй половине VIII – IX вв.» (Недашковский, 2000, с. 62), но «схожие изделия с крестовидным орнаментом, – продолжает тот же исследователь, – были распространены и в половецких степях XII – XIV вв., однако наиболее широко – лишь в золотоордынский период» (Недашковский, 2000, с. 61).

Продолжая свои рассуждения, Е.А. Армарчук

и А.В. Дмитриев справедливо ссылаются и на давнюю версию С.Н. Савенко, считающего, что распространение таких зеркал на Севером Кавказе не было случайным, а было связано, например, с активной христианизацией аланского общества, протекавшего в это время в Центральном и Западном Предкавказье (Савенко, 1985, с. 97-109). Действительно интересная по своей сути гипотеза, тем не менее, если учитывать древность и количество ныне известных христианских центров в регионе, включая и Северо-Западный Кавказ (Виноградов, Чхаидзе, 2012, с. 51-57; Чхаидзе 2015, с. 421-427 и др.), как и количество известных находок таких зеркал здесь, синхронных времени действия этих центров, требует дальнейшего ее «усиления».

Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев справедливо указывают на распространенность подобных зеркал, например, в Волжской Болгарии XII – XIV вв., однако, размышляя далее, они ссылаются при этом на мнения Ю.В. Зеленского, И.В. Цокур, В.А. Тарабанова и отмечают: «На Кубани такие же находки зеркал с крестовидным орнаментом» были связаны с «погребением половчанки у ст. Темижбекской» (Зеленский, Цокур, 2003, с. 209, рис. 2, 4, 2-4;»), а также есть «в могильнике конца XII – XIII вв. у х. Беляевского, который автор раскопок (В.А. Тарабанов – Авт.) отнес к «адыгским памятникам». Далее они пишут: «Зеркала с таким орнаментом, иногда с валиком по краю бытовали также у восточноевропейских кочевников в половецкое время (тип Е I по Г.А. Федорову-Давыдову)» (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 38). Это вполне созвучно и выше цитировавшемуся мнению Л.Ф. Недашковского. Дополняя указанные размышления, можно указать и на изображение точно такого же зеркала на одном из половецких каменных изваяний, обнаруженных у ст. Березанской на Кубани (рис. 1, 4). Изваяние это его публикаторы отнесли «к XIII в.» или «даже ко второй половине этого же столетия» (Схатум, Зеленский, 2018, с. 270, с. 273, рис. 3), полагая при этом, что подобные зеркала «в погребениях кочевников» встречаются «сравнительно редко»

¹ В литературе по-прежнему, со ссылкой на Г.А. Федорова-Давыдова, применительно к украшениям типа IV, со ссылкой на А.Е. Армарчук, используется их атрибуция не иначе, как «половецких», «домонгольского» времени (Малахов, Гурова, Басов, Приймак. 2020, с. 42). Тем не менее, на что уже указывалось не один раз (Нарожный, Тищенко, 2020, с. 694-696), Г.А. Федоров-Давыдов в конце своих рассуждений, на которые сторонники «половецкой» атрибуции таких украшений

не обращают внимания, писал: «Серьги IV и V типов заставляют предположить, что они принадлежали черным клобукам» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 153). Не совсем уместной выглядит и их ссылка на Е.А. Армарчук, которая в конечном итоге применительно к интересующему нас типу украшений, признавала: «Термин «половецкие серьги» следует применять только как дань традиции, помня о его условности, ибо он не исчерпывает реальное распространение этих украшений» (Армарчук, 2006, с. 213-214).

(Схатум, Зеленский, 2018, с. 271)¹.

Еще одно зеркало с крестовидным орнаментом происходит, к сожалению, из разрушенного захоронения кургана № 11 курганной группы «Кирпили – 7» (рис. 1, 5) в Краснодарском крае (Нарожный, Тищенко, 2021, с. 98–118). Но и в указанных случаях не всегда есть твердая уверенность в том, что данный тип зеркал сопровождает обязательно только сугубо «половецкие» захоронения и обязательно «домонгольского» времени. Так, в упомянутом выше захоронении «половчанки», опубликованном Ю.В. Зеленским и И.В. Цокур, это зеркало вряд ли можно рассматривать как этномаркирующий, «половецкий» признак захоронения, поскольку в том же погребальном комплексе были и т. н. «рога» из бронзы, хорошо известные по их изображениям на половецких каменных статуях. И эта категория археологических находок также рассматривается как детали «половецких» головных уборов (Чхаидзе, 2017, с. 218–234). В.Н. Чхаидзе недавно собрал исчерпывающую на сегодняшний день сводку погребений с такими же металлическими деталями головных уборов кочевников Восточной Европы (Чхаидзе, 2017, с. 218–234). Интересующие нас находки разнотипных «рогов», учтенные В.Н. Чхаидзе, во многих случаях коррелируются с находками разнотипных зеркал. Но важно другое – это учет типов погребальных обрядов, с которыми были связаны находки упомянутых бронзовых «рогов» от головных уборов. Как оказалось, они далеко не всегда и не совсем необязательно коррелируются с типами сугубо «половецких» погребальных обрядов, сопровождая, например и явно черноклобуцкие захоронения (выходцев из южнорусского приграничья в Поросье). Находки изогнутых пластин от таких «рогов» в одном из погребений на территории золотоордынского Азака не только расширяют время их бытования до эпохи Золотой Орды, но и указывают, например, на то, что погребальные комплексы с находками остатков таких же головных уборов, впрочем, как и зеркал, не обязательно половецкие (Нарожный, 2019а, с. 65–169).

Определенный интерес представляет и зеркало из разрушенного кочевнического захоронения в кургане № 11 курганной группы «Кирпили-7» (рис. 1, 5) на Кубани: несмотря на отсутствие сведений об его обрядности из-за разрушений, изначально, данное захоронение, вероятно, было парным, т.е. содержащим скелеты взрослых мужчины и женщины с зеркалом, декорированным крестовидным орнаментом; комплекс отнесен к XIII – XIV вв. Такой же парный характер захоронений, как известно, ранее фиксировался, к примеру, в парном кочевническом погребении у сел. Каменка на Донбассе, датировка которого первоначально была сильно занижена (Гриб, Косиков, 1985, с. 257–262). В его инвентаре, сопровождавшем женский скелет, было и зеркало интересующего нас типа (Гриб, Косиков, 1985, с. 262, с. 264, рис. 4, 23), так же, как и опубликованное Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым, это зеркало со скошенным краем и точно такого же диаметра. Другие предметы женского инвентаря этого же захоронения, «перекликающиеся» с предметами погребального инвентаря из других кочевнических захоронений на Кубани и Ставрополья (Нарожный, 2019б, с. 18–17), позволяют нам указанное парное кочевническое захоронение с Донбасса, впрочем, как и из разрушенного погребения из кургана №11 группы «Кирпили-7», относить к золотоордынскому времени (Нарожный, 2020а, с. 194–204). Интересно, что и другие подобные парные (коллективные) кочевнические захоронения находят аналогии среди погребальных комплексов не только Восточной Европы XIII – XIV вв., ныне уверенно сопоставляются с «выплесками» кочевников из Поросья, преимущественно, черноклобуцкого круга, произошедших в разных географических направлениях (Толочко, 2005, с. 8, рис. 26; Нарожный, 2019в, с. 154–158; 2020б, с. 395–399). На этом фоне определенный интерес представляет еще одна группа аналогий зеркалам с крестовидным орнаментом, указанная Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым – это «аналогичные зеркала», происходящие «из курганных могильников XI – XIII

¹ При этом авторы ошибочно указывают на еще одну аналогию, якобы, зеркалам интересующего нас типа (Схатум, Зеленский, 2018, с. 271) – «из половецкого воинского погребения в 6 км к ЮЗ от Новокубанска (Пьянков, Зеленский, 1994, с. 45, с. 46, рис. 1, 2)». Тем не менее, указанное зеркало относится к совершенно иному типу зеркал XIII – XIV вв. (Нарожный, 2010, с. 266–267). Трудно согласиться и с сугубо «половецкой» атрибуцией указанного кочевнического захоронения из-под Новокубанска. Такие же захоронения ныне хорошо известны в некрополях по береговой полосе Северо-Восточного Причерноморья, также с лошастью, уло-

женной на боку, нередко – с саблей, положенной между конечностями коня, иногда атрибутируются как «адыгские» (Верещагин, Голубев, 2018, с. 411–414; 2020, с. 166–191). Однако такие же захоронения, связываемые с «половцами», ныне известны и в степном Ставрополье – мог-к Золотаревка 7, курган 1, погр. 3 (Бабенко, Калмыков, 2007, с. 231, рис. 4, а также и на Украине (Квитницкийкий, Лысенко, Лысенко, 2004, с. 145–152), где не исключают их принадлежности к выходцам из Поросья – к кочевникам одного из племен черноклобуцкого круга, что наиболее вероятно (Нарожный, 2010, с. 266–267).

вв. Зеленки и Яблоновка в Поросье (Плетнева, 1973, табл. 6, 3; Моця, Покас, 1998, с. 66, рис.3)»; (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 36).

Несмотря на то, что подкурганные захоронения могильника Зеленки в Поросье с этнокультурной точки зрения атрибутировались неоднозначно – там локализовали не только летописных берендеев, торков, половцев и черных клобуков – Г.А. Федоров-Давыдов преимущество отводил черным клобукам, указывая при этом и формирование здесь совершенно новых погребальных обрядов. Яблоновский курганный могильник, находящийся близ древнерусского летописного древнерусского города Юрьева, с этнокультурной точки зрения также характеризовался неоднозначно: украинские исследователи Р.С.Орлов, О.П. Моця и П.М. Покас население, оставившее указанные курганы (Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 30-61), связывали не только с половцами, но и не исключали возможных северокавказских, преимущественно, аланских миграций в Поросье. С антропологической точки зрения – это же население, «в первую очередь, популяции, представляющие население Поросья: из раскопок Замковой горы древнерусского Юрьева, могильника Яблоновка, городища Монастырек (Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 30-62)», ныне характеризуют как европеоидный и относят к восточно-средиземноморскому типу (Рудич, 2009, с. 179).

Отталкиваясь от материалов из-под Юрьева и опираясь на единственную находку в одном из яблоновских захоронений умбона от щита (погр. № 69), находящего аналогии среди более многочисленных находок таких же умбонов на территории Северо-Западного Кавказа (Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 622-624), Р.Б. Схатум (Схатум, 2003, с. 223-234) и М.В. Горелик (Горелик, 2004, с. 293-300; 2008, с. 158-189; 2014, с. 73-88), наиболее последовательно продвигавший эту версию, связали захоронения могильника Яблоновка в Поросье, с «адыгским» населением, как посчитали они, мигрировавшего туда¹. Если принимать версию о реальности такого переселения части средневековых предков адыгов в Поросье, тогда, вероятно и интересующий нас тип зеркал, например, с крестовидным орнаментом, следовало бы рассматривать как изделия северокавказского происхождения, занесенных в Поросье указанными переселенцами?

Однако еще один, такой же умбон от щита, также более ранний по времени, чем его аналоги на Северо-Западном Кавказе – «умбон из кургана 7 могильника «Rassawski» в Поросье (Dąbrowska, 1958, с.164, tabl. V: 1). Вместе с другими предметами, сопоставляемыми с типично «половецкими» (Ливох, 2017, с. 163-178; Голэмбовская-Тобиаш, 2017, с. 179-202), в свое время (XIX в.), были вывезены в Польшу. Сравнивая их между собой и с подобными деталями защитного вооружения с территории Северо-Западного Кавказа, не только учтенных М.В. Стрельченко, Р.Б. Схатумом и М.В. Гореликом, но и новые их находки (Василиненко, 2008, с. 276-278, рис. 10: 1; 11: 1; 12: 1; Голубев, Федосов, Федосова, 2012, с. 168, рис. 8: 1, 3, 4; Илюков, 2010, с. 15-18; Голубев, 2013, с. 34-36, рис. 1: 1; Василиненко, Нарожный, Соков, 2017, с. 186; Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 623-626 и др.), следует признать существование заметной хронологической разницы между сравниваемыми артефактами. Детали щитов из Поросья, гораздо более ранние, нежели погребальные комплексы с территории Северо-Западного Кавказа (Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 623-630). Уже на этом основании, если по-прежнему утверждать о наличии миграционных процессов, речь, вероятно, следует вести о перемещении населения не с территории Северо-Западного Кавказа в Поросье, а наоборот, т.е. в обратном направлении. Тогда и часть зеркал с крестовидным орнаментом, т.е. зеркал типа, который был встречен в нескольких погребениях Яблоновского могильника под Юрьевым (Моця, Покас, 1998, с. 66, рис.3), вполне могли быть занесенными на Серный Кавказ вместе с поросскими мигрантами.

Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев, придерживаясь в основном «домонгольской» датировки интересующих нас зеркал, справедливо указывают и на то, что такие же зеркала были «известны и в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1966, с. 81, 13; Полякова, 1996, с. 223, с. 237, рис. 69, 16; Степи, 1981, с. 217, рис. 84, 21; Недашковский, Ракушкин, 1998, с. 37-38, рис. 3-12; Руденко, 2004, с. 115, рис. 1, 19, 1-19 и др.)»; (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 36), чему не противоречат и некоторые из наших наблюдений, отмеченных выше. В развитие также уже отмечавшихся выше наблюдений С.Н. Савенко, Е.А. Армарчук и А.В.

¹ Данная версия ныне активно развивается и другими авторами, в контексте указанной гипотезы «адыгскими» следует рассматривать не только упоминавшееся выше захоронения из-под Новокубанска (Нарожный, 2010, с. 266-267), а также – на Ставрополье (Бабенко, Калмыков, 2007, с. 225-244) и

Украине (Квитницкий, Лысенко, Лысенко, 2004, с. 145-152). Однако для серьезного обоснования версии необходимы и не менее серьезные аргументы, которые в казанных случаях просто отсутствуют.

Дмитриев совсем не исключают и того, что интересующий нас тип зеркал «в то время поступал в Северо-Восточное Причерноморье из Алании», хотя, вполне справедливо делая при этом оговорку о том, что этот «вопрос требует специального исследования». Ссылаясь уже на мнение Г.Ф. Поляковой, Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев считают вполне «интересным ее мнение о том, что происхождение и производство таких зеркал было «связано с алано-кавказской традицией» (Полякова, 1977, с. 80-81; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 36). Добавим, что, не исключая совсем возможности привнесения на Северный Кавказ части интересующих нас зеркал из Поросья, эта оговорка касается разных территорий Северного и Северо-Западного Кавказа. И вот почему.

Некоторое время назад мы обращали внимание на спор двух специалистов по керамике золотоордынского времени – И.В. Волкова и А.Н. Масловского (Мамаев, Нарожный, 2014, с. 51, прим. 8). Оба указанных специалиста, рассматривая корчаги из Азака, отмечали явную преемственность в производстве отдельных типов лощеной керамики из Азака, как и в других микро-регионах Золотой Орды, от керамических традиций «домонгольского» времени. Вопрос, собственно, заключался в том, какие именно памятники могли транслировать эту гончарную традицию? Конкретно для Азака были высказаны две точки зрения: согласно первой, носителями этой традиции могли переселиться в Азак откуда-то с Северного Кавказа, вероятнее всего, из Закубанья; согласно второй – эта традиция могла сохраниться у местного (постсалтовского) населения на территории Нижнего Подонья (Волков, 1992, с. 38-39; 2004, с. 323 и ср. Масловский, 2006, с. 308-373). В связи с указанными точками зрения, можно вспомнить и расплывчатые указания византийских авторов XII – XIII вв., неоднократно свидетельствовавших о миграциях «из Каспийских гор» северокавказских аланов, занявших «почти всю Скифию» и «Сарматию» (Бибиков, 1982, с. 136-139), где «у Меотиды и Танаиса» (уже в первой трети XIII в.) они обитают вплоть до пределов «Иверии» (Бибиков, с. 136-138). Подобные процессы византийские источники отмечали и для более позднего времени (Бибиков, 1982, с. 169-180). Следует полагать, что такие переселения могли увлечь с территории Северного Кавказа разные по численности группы населения, включавшие в себя не только отдельных ремесленников, керамистов, но и их организованные группы, специализировавшиеся и в других вилах ремесел, включая и литье зеркал, включая

и зеркала интересующих нас типов. В условиях возрождения «старых» и строительства новых золотоордынских городов. На этом фоне вышеприведенные предположения о салтовских и северокавказских истоках некоторых групп керамики Азака, изложенные И.В. Волковым и А.Н. Масловским, вполне реальны. А на их фоне не менее реальными представляются и выявляемые следы иных «аланских» ремесел в бытовой повседневности населения Кубани, включая и значительную часть современной территории Адыгеи в золотоордынское время.

Случайный (внекомплексный) характер происхождения публикуемого нами зеркала с левого берега нынешнего Краснодарского водохранилища проблемы генезиса этого типа зеркал не решает. Тем не менее – это еще один повод на пути решения рассматриваемой проблемы, к тому же однозначно диктующий еще одну, вполне назревшую проблему – создание исчерпывающего на сегодняшний день свода находок металлических зеркал XIII – XIV вв. с территории Северного Кавказа, подобного, например, своду средневековых зеркал с территории Дона (Пьянков, Раев, 2004, с. 219-250).

ЛИТЕРАТУРА:

- Армарчук Е.А., 2006. «Половецкие» серги // МИА Поволжья. Вып.3: Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею проф. С.А. Плетневой / Под ред. Ю. Зеленева. – Москва-Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 231-257.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский кургано-грунтовый могильник – Москва: ИА РАН-Санкт-Петербург: Нестор-История. 132 с.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып.3 – Армавир-М. С. 92-114.
- Бабенко В.А., Калмыков А.А., 2007. Позднекочевнические погребения из курганных могильников Золотаревка 6 и Золотаревка 7 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение – М.: «Памятники исторической мысли». С. 225-244
- Бибиков М.В., 1982. Византийские источники по истории народов Руси, Северного Причерноморья и Северного Кавказа (X-II-XIII века) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 г. – М.: Наука. С. 5-151.
- Василиненко Д.Э., 2009. Средневековый курганный могильник «Медовеевка» в долине р. Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1. / отв. ред. Е.И. Нарожный и И.В. Цокур – Краснодар: «Наследие Кубани». С. 268-279.
- Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорож-

ное» № 1 и № 2 XIII-XV веков (Крымский район Краснодарский край) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Тишкина – Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 186-187.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э., 2018. Воинские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская -1» и «Гос.№258» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции / отв. ред. У.Ю. Кочкаров – Карачаевск. С. 411-414.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э., 2020. Всадники шагаков // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. С. 166-191.

Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н., 2012. Позднеантичная христианская надпись из Фанагории // ВДИ. № 3 (282). С. 51-57.

Волков И.В., 1992. Керамика Азова XIV – XVIII вв. (Классификация и датировка). Рукоп. дис. ... к.и.н. – М.: МГУ.

Волков И.В., 2004. Историографические курьезы // ИАИАИАНД. Вып. 19. – Азов. С. 291-335.

Голубев Л.Э., 2013. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1» // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар: КГИАМЗ. С. 34-36.

Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1» // ИАА. Вып. 11. / отв. ред. Р.М. Мунчаев. – Армавир: АКМ; Москва; Краснодар: ИА РАН. С. 154-174.

Голэмбьовская-Тобиаш А., 2017. Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ // Colloquia Russica. Rus'abd the world of the Nomads (The second half of 9th – 16th Century). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23 th-26th November, 2016 / Ed. V. Nagirnyy. – Krakow. P. 179-202.

Горелик М. В., 2004. Адыги в Южном Поднепровье (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV вв.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 4. / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: АГПИ. С. 293-300.

Горелик М.В., 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник КБИГИ. Т. 15. С. 158-189.

Горелик М.В., 2014. Погребение черкесского воина 2-й пол. XIII-1-й пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження (зб. наук. пр.) / відп. ред. В.А. Смолій. – Київ: Інститут історії НАНУ. С. 73-88.

Гриб В.К., Косиков В.А., 1985. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка Донецкой области // СА. №2. С. 257-262.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII-XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (К истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2: Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. (Серия: «Археологические источники Восточной Европы»). / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. – Казань-Кишинев: Изд-во: «Stratum plus». С. 599-639.

Зеленский Ю.В., Цокур И.В., 2003. Погребение половчанки из Прикубанья // МИА Кубани. Вып. 3. / Под ред. И.И. Марченко. – Краснодар: КубГУ. С. 209-212.

Ильюков Л.С., 2010. Шлем и щит из окрестностей поселка Головинка // Былые годы №15 (1). – Сочи. С. 15-18.

Квитницкий М.В., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2004. Погребения кочевой знати в могильнике Малополовецкое 3 // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. Вып. 6. / отв. ред. Н.А. Гаврилюк. – Київ: Шлях. С. 145-152.

Крым, Северо-Восточное Пичерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М, Наука, 2003. 532 с.

Кузнецов В.А., 1963. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. №114 / под ред. Е.И. Крупнова. – М.: Наука. С. 8-47.

Кузнецов В.А., 1993. Нижне-Архызское городище X-XII вв. – раннефеодальный город Алании. К истории средневековых городов Северного Кавказа. – Ставрополь: «Кавказская библиотека». 164 с.

Ливох Р., 2017. Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов (выбор) // Colloquia Russica. Rus'abd the world of the Nomads (The second half of 9th – 16th Century). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23 th-26th November, 2016 / Ed. V. Nagirnyy. – Krakow. P. 163-178.

Малахов С.Н., Гурова Е.А., Басов В.И., Приймак Ю.В., 2020. Половецкое изваяние из окрестностей хутора Веселый. Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Тезисы докладов) / отв. ред. С.Л. Дударев. – Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б. С. 40-44

Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., 2014. Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный. № 3 (24). С. 43-55.

Масловский А.Н., 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. – Азов. С. 308-373.

Моця О.П., Покас П.М., 1998. Яблунівські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення // Археологія. – К.: Наукова Думка. №2. С. 62-72.

Нарожный Е.И., 2007. Об одном типе височных украшений из погребения «половчанки» с Нижнего Архыза // Археологический журнал. №2. – Армавир, АГПИ. С. 85-91.

Нарожный Е.И., 2010. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и этнокультурной атрибуции // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26-30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. – Магас. С. 266-267.

Нарожный Е.И. 2019а. Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские древности. Материалы международной научной конференции: «Азак и мир вокруг него» (Азов, 14-18 октября 2019 г.). – Азов: Изд-во: Азовский музей-заповедник. С. 65-169.

Нарожный Е.И., 2019б. Парное кочевническое захоронение у сел. Каменка в Донбассе: его датировка, аналогии и этнокультурная атрибуция // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк: ДонГУ. № 2 (69). С. 18-27.

Нарожный Е.И., 2019в. Парные кочевнические захоронения XIII-XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 года) / отв. ред. Б.В. Базаров и Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Изд-во: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. С. 154-158.

Нарожный Е.И., 2020а. Кочевническое захоронение у сел. Каменка на Донбассе: его датировка, аналогии и этнокультурная атрибуция // Древности Кубани. Сборник научных трудов. Вып. 24. / отв. ред. В.В. Верещагин и Л.Э. Голубев. – Ростов-на-Дону-Таганрог: Изд-во ЮФУ. С. 194-204.

Нарожный Е.И., 2020б. Коллективные захоронения в курганах и грунтовых могильниках Северного Кавказа XIII-XV вв. // XXXI «Крупновские чтения. Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения (Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.) / отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Изд. дом «Мавраевъ». С. 395-399.

Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2020г. Два захоронения могильника XIII – XV вв. поселения «Железнодорожное -2» (Крымский район Краснодарского края) // История, археология и этнография Кавказа. 16 №3. – Махачкала. С. 682-713. DOI: <https://doi.org/10.32653/СН163682-713>

Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2021. Инвентарь разрушенного кочевнического захоронения в кургане № 11 курганной группы «Кирпили-7» // МИА Северного Кавказа. Вып. 19. / Под ред. Е.И. Нарожного. – Амавир-Карачаевск: КЧГУ, 2021. С. 98-118.

Недашковский Л.Ф., Ракушкин А.И. 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. №1. – Казань. С. 87-108.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Увек и его округа. – М.: Восточная литература. 224 с.

Орлов Р.С., Моця О.П., Покас П.М., 1985. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. (История и археология). / Под ред. П.П. Толочко. – Киев: Наукова Думка. С. 30-61.

Полякова Г.Ф., 1977. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии // Древности Волго-Камья. – Казань: Ин-т яз., лит., истории. С. 78-82.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. / Под ред. Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань. С. 258-279.

Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука. 96 с.

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 1994. Позднекочев-

ническое погребение из Восточного Закубанья // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир: АГПИ. С. 15-16.

Пьянков А.В., Раев Б.А., 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Сборник статей. Вып. 2. – Волгоград: ВолГУ. С. 219-250.

Руденко К.А., 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национально музея Республики Татарстан // Татарская археология. №1-2 (12-13): Золотая Орда: археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дешт-и-Кипчак. / Гл. ред. Р.Г. Фахрутдинов. С. 111-156.

Рудич Т.А., 2009. Состав населения Среднего Приднепровья (Правобережье) в эпоху Киевской Руси по данным краниологии // Вестник антропологии. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. №17. С. 178-191.

Савенко С.Н., 1985. Хронологические особенности зеркал Центрально Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. – Орджоникидзе: СОГУ. С. 97-109.

Степи Евразии в эпоху средневековья Археология СССР в 20-ти томах. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков и др. – М.: Наука, 1981. 302 с.

Схатум Р.Б., 2003. Щит в комплексе вооружения оседлых племен северо-западного Кавказа в золотоордынский период // МИА Кубани. Вып. 3. / Под ред. И.И. Марченко. – Краснодар: КубГУ. С. 224-227.

Схатум Р.Б., Зеленский Ю.В., 2018. Новые поступления половецких каменных изваяний в Краснодарский музей-заповедник из степной части Прикубанья в 2016 году (предварительное сообщение) // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения учёного-кавказоведа Ю.Н. Воронова. – Сухум: Дом печати. С. 269-273.

Толочко П.П., 2005. Кочевые народы степей и Киевская Русь (Серия: «Славянская библиотека»). – СПб: Алетейя. 160 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ. 274 с.

Чхаидзе В.Н., 2015. Краснодарский край. Памятники христианской культуры по данным археологии // Православная энциклопедия. / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – М.: Изд-во: «Православная энциклопедия». С. 421-427.

Чхаидзе В.Н., 2017. Детали женского головного убора из погребений кочевников восточноевропейской равнины XII-XIV вв. // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. / Под ред. А.В. Чернецова. – М.: ИА РАН. С. 218-234.

Dąbrowska E., 1958. Kurhany Rassawskie // Archeologia – VIII – część .1 – Warszawa. S. 122-167.

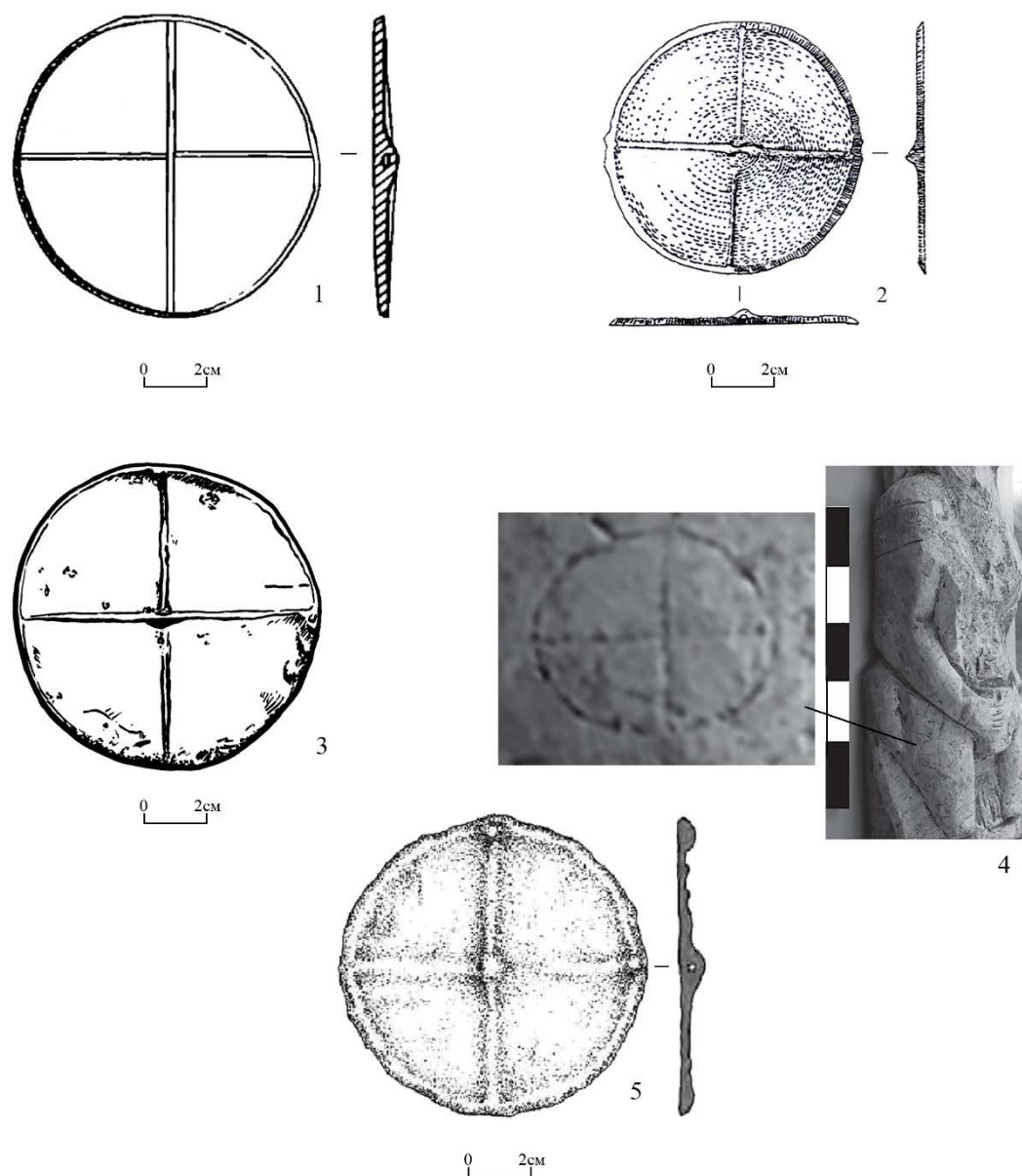

Рис.1. Зеркала с крестовидным орнаментом

- 1- зеркало с левого берега Краснодарского водохранилища (Адыгея), подъемный материал нач. 1990-х годов;
- 2-зеркало из Цемдолинского могильника близ Новороссийска (по: Е.А. Армарчук и А.Ы Дмитриеву);
- 3- зеркало из погребения «половчанки», Нижний Архвз (по: В.А. Кузнецову);
- 4- изображение зеркала на половецком изваянии из КГАМЗ им. Е.Д. Фелицына, без масштаба (по: Р.Б. Схатуму и Ю.В. Зеленскому);
- 5- Зеркало из разрушенного погребения кургана №11 курганного могильника «Кирпили-7» (по: Е.И. Нарожному и И.Б. Тищенко).

КУРГАН 9 МОГИЛЬНИКА «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1» ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРОДА АНАПА

Л.Э. Голубев, Е.Б. Полицын, А.В. Пьянков, Р.Б. Схатум

ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева» (г. Майкоп, Россия), ВООПик (г. Краснодар, Россия),
ООО «Западно-Кубанская Археологическая Экспедиция» (г. Краснодар, Россия),
КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия)

Аннотация. В 2014 г. отряд ООО «Ростовской археологической экспедиции» исследовал часть курганной группы Гостагаевская-1 в окрестностях г. Анапа. Здесь был исследован курган № 9, в котором открыты 3 погребения. Одно из погребений содержало комплекс воина-всадника с уникальными костяными накладками луки седла, которые позволили предложить вариант полной реконструкции седла. Судя по его особенностям, оно является самым ранним из кавказских седел.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, курганный могильник, средневековые, погребение воина-всадника, седло, реконструкция.

KURGAN 9 BURIAL GROUNDS "GOSTAGAYEVSKAYA 1" NEARBY OF ANAPA CITY

L.E. Golubev, E.B. Politsyn, A.V. Pyankov, R.B. Shatum

Abstract. In 2014, a detachment of the Rostov Archaeological Expedition LLC investigated part of the Gostagayevskaya-1 burial mound group in the vicinity of Anapa. Here, mound No. 9 was investigated, in which 3 burials were discovered. One of the burials contained a warrior-rider complex with unique bone lining of the saddle bow, which made it possible to offer the option of a complete reconstruction of the saddle. Judging by its features, it is the earliest of the Caucasian saddles.

Keywords: North-Eastern Black Sea region, burial mound, Middle Ages, burial of a warrior-rider, saddle, reconstruction.

В 2014 г. отрядом ООО «РАЭ» производились охранно-спасательные раскопки на территории МО г-к Анапа Краснодарского края на части памятника археологии курганная группа «Гостагаевская-1», предварительно датируемого второй половиной XII – XIV вв., попавшего в полосу отвода строительства газопровода «Турецкий поток». В результате проведенных работ было исследовано 26 курганных насыпей. Кроме того, был выявлен «грунтовый» могильник позднеантичного времени II – III вв. Вероятно, следы раннего могильника ко времени основания позднего средневекового могильника уже не прослеживались.

В данной публикации представлены материалы из кургана № 9. Из трех погребений, исследованных под этой насыпью, особый интерес представляет погребение № 2 с взнузданным конем и остатками седла с резными костяными накладками. Часть материалов из курганной

группы «Гостагаевская-1» уже вводилась в научный оборот, в том числе и погребение 2 кургана № 9, однако в них не были представлены реконструкции седла (Голубев, 2015, с. 27-34; 2017, с. 353-357; Голубев, Схатум, 2017, с. 69-78; Верещагин, Голубев, 2018, с. 411-414; 2020, с. 176-191).

Курганный насыпь № 9 (рис. 1) располагалась на краю могильника, на пологом склоне высотой 0,97 м. диаметром 12 м. При возведении насыпи не использовалась каменная крепидка. Поверхность насыпи пострадала при раскорчевке деревьев строителями газопровода. В кургане было исследовано три погребения, центральное погребение представляло собой погребальный комплекс – захоронение человека и лошади, который мы и представляем в данной публикации. В стратиграфическом разрезе прослеживались следующие слои: гумусный слой насыщенного черного цвета, мощность которого составляла около 10-

15 см; почвенный слой черного цвета, прослеживается по краям насыпи к ЮЗ 0,75 м, к СВ 0,4 м; насыпь имела два горизонта: 1-й – смешанный гумусированный суглинок, светло-серого цвета расширяющийся к низам средней мощностью 0,3 м. 2, темно-серого цвета. Погребенная почва черного цвета, аналогичная почвенному, имела мощность в среднем 30 см; предматериковый слой в среднем 10 см представлял собой плотный суглинок серо-коричневого цвета с вкраплением мергелевых фракций. Материк: суглинок светло-коричневого с большой примесью мергеля, слой прослежен на глубину в среднем 20 см. Центральным погребением, над которым был возведен курган, было захоронение 2 мужское, два впускных погребения находились к ЮЮВ от центра ближе к краю насыпи.

Погребение №1 двойное (рис. 2, 1) находилось в 4,2 м от R₀ к Ю на глубине 0,6 м на погребенной почве, в яме 1,9 x 0,55. Костяк «А», принадлежавший взрослой женщине до 30 лет, лежал вытянуто на спине головой на З, руки сложены на животе так, что кисти левой руки лежали на запястье правой руки. С левой стороны вытянуто на спине лежал скелет «Б» ребенка 2-3 лет. Кости рук покоились на животе. Сохранность костей средняя.

Инвентарь погребения «А»: за головой лежала бронзовая игла закладка с головкой, общий размер 7,1 x 0,01 см (рис. 2, 2). Билоновое кольцо (серьга) с разомкнутыми концами лежало слева от черепа 2,4 x 0,3 см (рис. 2, 3), второе аналогичное кольцо лежало справа от черепа (рис. 2, 4). Между левой ключицей и черепом 5 бронзовых пуговиц, средней размер 1,4 x 0,8 x 0,2 см (рис. 2, 5-9), рядом находилась янтарная ромбовидная бусина темно-оранжевого цвета, размер 2,6 x 1,4 x 0,7 см (рис. 2, 10). По левой стороне груди еще 5 бронзовых пуговиц, средней размер 1,4 x 0,8 x 0,2 см (рис. 2, 11-15). Рядом с правым крылом таза глазчатая постовая бусина, размер 2,2 x 2,7 см (рис. 2, 16). Тут же находились три стеклянных бусины: белая 0,8 x 0,9 см (рис. 2, 17), черная 0,7 x 0,7 см (рис. 2, 18), желтая 0,8 x 0,7 см (рис. 2, 19). У правого тазобедренного сустава лежал нож плохой сохранности, развалившийся при снятии погребения 10,2 x 1 x 0,3 см, между черешком и пером имеется порожек (рис. 3, 1), рядом на бедре железная пряжка плохой сохранности 1,9 x 1,6 x 0,6 см (рис. 3, 2). В паху покойной костяная дисковая пуговица-пронизь 1,6 x 0,6 см (рис. 3, 3). Между ног лежал каменный амулет

белого цвета с отверстием для подвешивания, с одного торца след от просверленного отверстия, через который прошёл слом 2 x 21,2 см (рис. 3, 4), чуть ниже костяная дисковая пуговица-пронизь с геометрическим орнаментом 2 x 0,5 см (рис. 3, 5). При разборке погребения были найдены: под кистями рук 2 дисковых пуговицы-пронизы, одна была с геометрическим орнаментом 1,7 x 0,6 см (рис. 3, 6) и без орнамента 1,9 x 0,7 см (рис. 3, 7). На пояснице находилась бусина из ракушки, плоская пронизь белого цвета 1,1 x 0,2 см (рис. 3, 8) и маленькая дисковая пронизь из позвоночника мелкой рыбы 0,6 x 0,01 см (рис. 3, 9). Под поясницей круглая пастовая бусина серого цвета 0,7 x 0,9 см (рис. 3, 10).

Инвентарь погребения «Б»: в районе шеи 12 шт. бисера бежевого цвета, одна из бусин была бирюзового цвета, средний размер 0,7 x 0,4 см (рис. 3, 11-22). Там же, в районе шеи, лежала черная стеклянная бусина с серой волной вокруг 0,9 x 0,8 см (рис. 3, 23) и продолговатый оловянный предмет в белой патине, в центре отверстие для пронизы – внешне напоминает молоток 1,7 x 0,4 x 0,8 см (рис. 3, 24).

Погребение № 2 (рис. 4, 1, 2) представляло собой захоронение человека и лошади. Комплекс находился в центре насыпи южнее R₀, на глубине 1,19 м. Погребальное сооружение представляло собой впущенную в погребенную почву прямоугольную яму с приступкой к северу. Яма была вытянута по оси З – В. На приступке, на правом боку, лежала лошадь с поджатыми ногами. Ноги лошади частично были опущены в яму с покойником.

Конское захоронение сопровождал инвентарь. К востоку от челюсти лошади прослеживался черный органический тлен, рядом с которым лежал бронзовый фрагментированный бубенчик с петелькой для подвешивания. Размер целого изделия, вероятно, был 1,4 см, толщина стенок – 0,01 см (рис. 5, 1). Под брюхом, ближе к передним лапам, лежало стремя размером 12,2 x 12,05 см, дужки подпрямоугольные в сечении, размеры сечения – 1,1 x 0,8 см, подножка продольно вогнута изнутри, ее размеры – 6,7 x 0,6 см (рис. 5, 2). Второе стремя лежало под хребтом ближе к крупу. Его размеры – 11,09 x 14,02 см, дужки почти квадратные в сечении, размеры сечения – 0,9 x 0,8 см, подножка размерами 6,2 x 0,5 см вогнута вовнутрь, петля для ремней в обоих случаях имеет ширину 3 см и высоту прорези 0,3 см (рис. 5, 3). У передних ног находилась железная

небольшая подпружная пряжка размерами $2,9 \times 2,6 \times 0,4$ см (рис. 5, 4). Рядом с передней лукой седла лежала железная подпружная пряжка более крупных размеров ($5,1 \times 4,5$ см) с уплощённой рамкой и язычком размерами $0,7 \times 0,4$ см (рис. 5, 5). В передних зубах лошади прослеживались следы ржавчины от удила, которые были украшены черными копателями.

На спине лошади находились остатки седла в виде костяных обкладок, украшенных геометрическим орнаментом. Ближе к шее прослеживались детали луки седла и торцевые накладки сгнивших деревянных деталей боковых крыльев ленчиков, украшенных тем же узором (рис. 5, 6). Костяной щиток передней луки с внешней стороны имеет форму креста, на котором по периметру и по центру вырезан крест, «заштрихованный» косыми каннелюрами. На каждом конце внутреннего креста расположены по два циркульных орнамента. В центре поверх данной композиции изображён круг, также «заштрихованный» косыми каннелюрами, имеющий размеры $12,4 \times 8,2 \times 0,1$ см (рис. 6, 1). С тыльной стороны передней луки седла костяная накладка имела подтреугольную форму и по периметру украшена рамкой, «заштрихованной» косыми каннелюрами. По площади накладки изображён крест, в секторах которого читается геометрический узор, имеющий следующие размеры: $15,8 \times 9,5 \times 0,1$ см (рис. 6, 2). К задней луке седла была прикреплена одна пластина, также украшенная геометрическим узором и изображением креста, имеющего следующие размеры: $12 \times 6,4 \times 0,1$ см (рис. 6, 3). На пластине имелись отверстия для костяных гвоздиков, при помощи которых указанные детали крепились к деревянному корпусу седла (рис. 6, 4). Стык ленчиков спереди был украшен фрагментированной костяной дугой с косой насечкой, имевшей размеры $13,0,7 \times 0,4$ см (рис. 6, 5). Торцы боковых «крыльев» седла были украшены костяными накладками с циркульным орнаментом, размерами $53 \times 1,5 \times 0,1$ см (рис. 6, 6, 7).

Погребение человека было совершено в деревянной колоде, или гробу, от которого остался черный тлен, на глубине 1,54 м. Погребальная яма прямоугольной формы размерами $2,8 \times 0,9$ м. В восточном углу ямы имелось дополнительное углубление неправильной прямоугольной формы размерами $1 \times 0,75$ м, в СВ углу которой лежал камень подпрямоугольной формы размерами $23 \times 36 \times 11$ см. Сохранность костей плохая. Костяк

лежал вытянуто на спине головой на ЮЗ. Левая рука слегка согнута в локте, правая вытянута вдоль туловища.

В погребении человека находился следующий инвентарь.

Слева от покойного острием вверх и режущей частью от костяка лежала сабля общей длиной 109 см, ширина и толщина клинка у перекрестия – $2,2 \times 0,8$ см, в центре $2,5 \times 0,8$ см, клинок в последней четверти четырёхгранный, ромбовидный в сечении, размеры сечения $2,3 \times 1$ см (рис. 7, 1). Черен сохранился примерно наполовину, его размеры – $6,8 \times 2,2 \times 0,8$ см, он снабжён долом. Деревянные накладки рукояти на торце скрепляли круглым оголовьем цилиндрической формы неполной сохранности со сквозным шплинтом, с одной стороны, с петлей для темляка диаметром $2,2 \times 1,8 \times 0,3$ см (рис. 7, 2). Перекрестие с небольшим наклоном плечиков к клинку и шаровидными окончаниями на концах частично утрачено. Сохранившиеся размеры: $6 \times 1,1$ см (рис. 7, 3). Клинок находился в деревянных ножнах, от которых местами сохранились следы дерева на полосе. На конце они скреплялись длинным железным наконечником ножен длиной 27,5 см, размеры сечения у устья и к концу соответственно: $3,6 \times 2,4$ см и $2,5 \times 1,5$ см (рис. 7, 4). Примерно по центру полосы *in situ* зафиксирована также одна из двух обойм с петлей для ремней, с помощью которых ножны крепились к поясу. Размеры обоймы и петли соответственно: $4,8 \times 1,5$ см и $1,6 \times 0,6$ см (рис. 7, 5).

От подбородка и до пояса лежали 4 бронзовые пуговицы, у двух не сохранились петли, средние размеры: $1,3 \times 0,6$ см (рис. 7, 6-9).

На левом бедре бронзовое кольцо диаметром $2,6 \times 0,4$ см с остатками истлевшего кожаного ремня (рис. 7, 10).

Рядом с кистью левой руки лежали 6 наконечников стрел: два крупных, один из них листовидный, общей длиной 15 см, длина пера 7 см, ширина 3 см (рис. 7, 11). Второй наконечник «кунжутovidный» длиной также около 15 см (вместе с черешком); длина пера от порожка – 8,5 см, ширина – 3 см, один боковой выступ был утрачен (рис. 7, 12). Наконечник стрелы черешковый, плохой сохранности, вытянутый в перо как «срезни», но имеющие острие в виде прямого или тупого угла – около 8-9 см, ширина пера 2 см, длина 4,5 см (рис. 7, 13); еще три черешковых наконечника стрел плохой сохранности небольших размеров, в среднем размером около 8-9 см,

ширина пера 2 см, длина 4,5 см (рис. 7, 14-16). На всех черешках сохранились остатки древесины и следы обмотки. Среди наконечников стрел была найдена фрагментированная металлическая режущая часть серпа-складня в сильно корродированном состоянии, развалившаяся на три части, размеры: $16,5 \times 1,4 \times 0,7$ см (рис. 1, 18). Рядом с наконечниками стрел и правым бедром находилась колчанная петля-скоба размерами $5,2 \times 0,5$ см, между петлей на стержнях заклепок сохранилась древесина (рис. 1, 17). Таким образом, толщина деревянного короба колчана была 0,6 см.

Рядом с наконечниками стрел была найдена железная скоба от ножен «U»-образной формы, размеры: $4,5 \times 1,5 \times 0,7$ см. Вероятно, скоба могла иметь отношение к ножам сабли (рис. 7, 19).

Между наконечниками стрел и левым бедром лежал железный нож со следами деревянных ножен, его размеры $14,8 \times 1,7 \times 0,6$ см, размеры черешка – $4,4 \times 1 \times 0,5$ см (рис. 7, 20). Там же, рядом с рукоятью ножа, лежала железная пряжка, рамка которой развалилась. Ее размеры $3,2 \times 0,8 \times 0,5$ см, размеры язычка – $3,8 \times 0,4$ см (рис. 7, 21).

Погребение № 3 (рис. 7, 22) располагалось в ЮВ секторе кургана в материковом слое глины на расстоянии 4,8 м от R₁R₂ В к Ю, на глубине 1,32 м. Костяк средней сохранности принадлежал подростку, лежал в прямоугольной яме $1,5 \times 0,45$ м вытянуто на спине головой на ЮЗ. Руки были вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребальный обряд.

В кургане были похоронены 4 человека, центральное погребение принадлежало взрослому мужчине, именно над его могилой были возведена насыпь, оставшиеся погребения были впускные. Предположительно все погребенные были родственниками, близость которых трудно сейчас установить.

Западная ориентировка погребенного наиболее характерна для второй половины XIII – XVII вв. и более позднего времени. Однако встречается она и в более раннее время (например, Андреевская щель) (Новичихин и др., 2020, в печати).

Парное погребение женщины и ребенка говорит, что погребения были совершены одновременно, или ребенок был подзахоронен через короткое время после смерти взрослой женщины. Рядом с парным захоронением, отдельно, было совершено погребение подростка.

Подобное расположение человека, как правило, воина, в ногах лошади, параллельно ей и в одном направлении, встречается в ряде погребений в домонгольское время. Например, в п. 73 Циплиевского могильника, п. 1 могильника Иль-6, правда, как правило, с противоположной ориентировкой [см. напр.: Пьянков, 2000, с. 18, рис. 3; Попов, Схатум, 2020, с. 232, рис. 1-3].

В погребении присутствует древесный уголь от подсыпки до нескольких угольков. За исключением кремационных погребений, погребенный всегда лежал головой на запад с небольшими сезонными отклонениями (Стрельченко, 2003, с. 30-37; Алексеева, 1971, с. 182-185; Тешев, 1985, с. 142-148; Нагоев, 1987, с. 207; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 13). Особый интерес представляют погребальные комплексы, включающие конские погребения, сопровождающие как ингумационные, так и кремационные захоронения человека, существующие параллельно в одном могильнике. Все подобные комплексы принадлежат воинам, входящим в дружинные сословия (Армарчук, 2004, с. 9-11; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 57). Большинство могильников, содержащих погребения, сопровождающиеся захоронением коня, сосредоточены в Северо-Восточном побережье (Армарчук, 2006; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 13); пока единственным исключением является Убинский могильник, располагавшийся в Западном Закубанье. По мнению Е.И. Нарожного, дружинные могильники региона могут относиться к поздним тюркским захоронениям «черных клобукам» (Нарожный, 2000, с. 23; 2010, с. 38; Нарожный, Плютов, 2009, с. 277-279). По авторитетному мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, отдельные погребения XIII – XV вв, содержащие погребения коня и конской упряжи в контексте адыгских могильников, можно отнести к кочевническому, свидетельствующим о проникновении в среду местных племен (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 250-251). Согласно разработанной классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова, данное погребение относится к типу Б XIV, когда лошадь находится на приступке, а погребение человека ориентировано на запад (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 125). Обряд захоронения с конем также рассматривался как кочевнический С.А. Плетневой (Плетнева, 1958, с. 173). Схожие погребальные конструкции с приступкой, когда конь находится слева и выше покойного, преимущественно имеющих западную ориентировку,

относит к торкам, входившим в «черно-клубукский» союз (Плетнева, 1958, с. 139, 223, рис. 47). Известный кавказовед Е.П. Алексеева рассматривала погребения с конем как половецкие, считая, что такой обряд не характерен для оседлого населения Северного Кавказа, вместе с тем эта исследовательница считала, что погребения без конского костяка, но с упряжью верхового коня могли принадлежать предкам современных адыгов (Алексеева, 1964, с. 183). Однако обряд захоронения с конем у предков современных адыгов встречается задолго до появления на Северо-Западном Кавказе половцев (Зеленский, Пьянков, Схатум, 2011, с. 187) и не может быть «железным» признаком кочевнического происхождения этих погребений. По мнению В.Н. Чхаидзе, Причерноморский ландшафт Кавказа никак не мог подходить для ведения кочевого хозяйства (Чхаидзе, 2009, с. 419-422). Судя по описанию Н.И. Веселовского, по сходному обряду были осуществлены погребения в курганном могильнике в урочище Макитра. В расположенном недалеко от урочища (7 км) курганном могильнике «гос. №258» у станицы Натухаевской в пяти исследованных комплексах, включавших погребения коней, в четырёх животные лежали на левом боку головой на запад, в одном – на левом боку головой на восток (Верещагина, 2015). В могильнике «Натухаевский-4» захоронения лошадей открыты в 26 комплексах, как в ингумациях, так и в кремациях; причём в 23-х погребениях кони лежали на правом боку преимущественно головой на запад с сезонными отклонениями (Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016, с. 257).

Деревянная колода, в которой находилось тело умершего, практически не сохранилась, вероятно, она изготовлялась из мягкой породы дерева, не исключено, что из тополя, который при гниении чернеет. Все колоды, которые были зафиксированы, составлялись из двух выдолбленных половинок целого ствола дерева (Нагоев, 1987, с. 196). Но нельзя исключать, что это были плахи гроба, которые могли скрепляться при помощи пазов или деревянных «чоппиков». Деревянные гробы и колоды также использовались поздними кочевниками (Плетнева, 1958, с. 139).

Лошадь, согласно проведенной остеологической экспертизе Ю.Н. Спасовского, специалиста «Кавказского биосферного заповедника», относится к низкорослым лошадям тарпанам.

Инвентарь

Погребальный инвентарь был открыт в двух

погребениях. В парном погребении женщины и ребенка были найдены украшения, в виде широко распространенных в средневековые стеклянных бус, а также амулетов из камня и раковины. Янтарная продолговатая бусина датируется также широко X – XIV вв. (МБЦ, 2016, Т. 1, с. 216, 11.1.24). Костяные пуговицы-пронизи датируются по культурным слоям Булгара X – XIV вв. (МБЦ, 2016, Т. 1, с. 120).

Бронзовые пуговицы были найдены в погребениях 1 и 2. Аналогии пуговицам с биконической шляпкой и петелькой округлой или подтреугольной формы известны в адыгских погребениях второй половины XIII – XIV вв. (Армарчук, Малышев, 1997, рис. 2, 15; 7, 7; 13, 21; 16, 22; 17, 4; Козюменко, Раев, 2002, с. 233, рис. 108; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 39, рис. 44, 28; Бацанюк, Схатум, 2015, с. 10, рис. 6, 3-5; Голубев, Схатум, 2016, с. 69, 70, рис. 14, 1). Они отличаются в деталях, но в целом такие пуговицы для Северо-Восточного Причерноморья «характерны, в основном, для ящечных погребений XIII – XIV вв.» (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 39).

Бронзовое кольцо с остатками от ремня обычно идет в паре с другим таким же кольцом. Как правило, они находятся в том районе таза или бедренных головок. Известны многочисленные их аналогии, как в домонгольское, так и в золотоордынское время (см. напр.: Голубев, Схатум, 2016, с. 70, 71, рис. 2, 11; Верещагин и др., 2019, рис. 1, 3; Попов, Схатум, 2020, с. 232, 235, рис. 10, 7, 8).

Расположение сабли острием к голове как оказалось, является очень массовым явлением для воинских погребений, по крайней мере, адыгов второй половины XII – XIV вв. и более позднего времени (Цемдолинский, Иль 2, Убинский, Казово-1, Ленинохабль, Белореченский, «Гостагаевская-1», «гос. №258» и др.) (см. напр.: Армарчук, Малышев, 1997, с. 95, рис. 14, 15; Яцюк, 2013, с. 160, рис. 1; Тарабанов, 1984, табл. II, Г и др.), и, например, в X – первой половине XIII вв. достоверно не встречается в погребениях Северо-Западного Кавказа (Схатум, 2016, с. 217, 218). По типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, сабли рассматриваемого или близкого ей типа отнесены к широкому временному диапазону – XII – XIV вв. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 148-150), что не позволяет более узко датировать комплекс. Сабля имеет аналогии в ряде могильников Северо-Западного Кавказа, напри-

мер, в п. 1 кургана 6 того же могильника «Гостагаевская-1», отнесенного ко второй половине XIII – первой половине XIV вв. (Голубев, Схатум, 2016, с. 69, 70, рис. 14, 1). Большое их количество обнаружено в могильнике Казазово-1, в поздней, адыгской группе захоронений, отнесенных, по последним данным, ко второй половине XIII – XIV вв. (Схатум, 2013, с. 93-94).

Сохранность перекрестия плохая, однако, улавливается ее характеристика: арочная форма с шаровидными короткими окончаниями и одним мысом к рукояти, которые были распространены в домонгольское время в Восточной Европе. Наконечник ножен высокий с треугольными вырезами у устья, овальный в сечении, с тыльной стороны по центру продольно шёл сваренный технологический шов. В типологии, разработанной А.Н. Кирпичниковым и А.В. Евглевским с Т.М. Потемкиной, эти детали фурнитуры не вошли. Согласно типологии, разработанной У.Ю. Кочкаровым, они относятся к типу III и датируются широко XII – XIV вв. (Кочкаров, 2008, с. 34). Совокупность таких сабельных признаков, как перекрестия с шаровидными окончаниями и одним мысовидным выступом на рукоять с длинными наконечниками ножен с треугольным вырезом у устья, является «генетическим» продолжением сабель алаано-венгерских типов, получивших свое развитие на Северо-Западном Кавказе в домонгольское время и может датироваться второй половиной XII в. – первой половиной XIII в. (Верещагин, Голубев, 2020, с. 171).

В воинском погребении 2 также был найден набор стрел из пяти черешковых стрел, которые были уложены в деревянный колчан, от которого сохранилась железная петля.

Три наконечника имели небольшое перо ромбической формы с расширением посередине (рис. 13, 18-20). Подобные наконечники стрел были на вооружении адыгов со времени средневековья вплоть до конца XIX в. (Асвацатурян, 2004, С. 57).

В том же погребении был найден ромбовидный наконечник с широким острием (рис. 13, 17), по типологии А.Ф. Медведева близок к типам 52, 53, дотируемым широко в VIII – XIII вв. (Медведев, 1966, с. 69, табл. 30, рис. 48, 49).

Здесь же был найден крупный наконечник стрелы, точной аналогии которого нам найти не удалось (рис. 13, 22), но он близок к «кунжутolistным» типу 72 по типологии А.Ф. Медведева,

которую он связывает с монгольским нашествием и датирует XIII – XIV вв. (Медведев, с. 78, табл. 27, 30Г, рис. 11-12, 69).

Нож является утилитарным предметом, и не имеет четкой датировки, универсальный инструмент использовался в мелком ремонте и как столовый прибор.

Особый интерес представляет фрагмент серпа-«складня», которые, появившись в Восточной Европе и Северном Кавказе в VIII в., бытовали до XIII в. (Миасян, 1978, с. 81), а на Северо-Западном Кавказе эти орудия труда бытовали до второй половины XIV в. (Василиненко, Пьянков, 2013, с. 22, рис. 2, 11; 3, 9; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 31).

Конская упряжь

Удила, к сожалению, не были обнаружены, хотя тлен был зафиксирован от них в районе передних зубов лошади. С большой долей вероятности они были такие же, как у других лошадей в исследуемой курганной группе.

Стремена, близкие публикуемым, по типологии Г.А. Федорова-Давыдова, датируются XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 16, рис. 1). Такие стремяна согласно типологии, разработанной Е.А. Армарчук, относятся к типу IV-5, и датируются XIII в. (Армарчук, 2006, с. 34). Подпружные пряжки широко датируются и их часто находят на памятниках XI – XIII вв. (Армарчук, 2006, с. 185, рис. 21, 1, 6).

Седла практически в земле не сохраняются. Но публикуемые можно реконструировать, благодаря сохранившимся декоративным деталям лук (Армарчук, 2006, с. 36). Близкие орнаментированные костяные обкалки лук седел были найдены Н.И. Веселовским в 1894 г. в непосредственной близости от могильника «Гостагаевская-1» в курганном могильнике урочища Макитра (ОАК, 1896, с. 84, рис. 134-136; Крым..., 2003, табл. 97, 47-49; Армарчук, 2006, с. 37, рис. 20, 6-11). Костяные детали декора седла были найдены в погребение кочевника золотоордынского времени, исследованном в 1990 году в Ростовской области в междуречье Дона и Сала в курганном могильнике «Вербовый лог VIII» (Власкин, Гармашов, Доде, Наumenко, 2006, с. 17-20, рис. 5, 6). Однако при общем сходстве конструкции луки имели различия.

Вероятно, в это время существовало два типа седел:

1. Тип ассоциируется с седлами хазарского времени с широкими луками, подобными седлу

из могильника «Вербовый лог VIII» (Власкин, Гармашов, Науменко, 2006, с. 29) и «Змейского» могильника (Кузнецов, 1961, с. 115; Габуев, 2015, с. 62, рис. 136). Также в районе Анапы в могильнике «Андреевская щель» в конском погребении были найдены остатки седла аналогичного «Змейским», датируемого первой половиной XII в. (Новичихин, 2008, с. 34, рис. 3, 2а, 2б).

2. Тип, к которому относится и «наше», существует и теперь, и известен как «черкесское» седло, с узкими мысовидными выступами на лугах (реконструкция, рис. 6, 8-9), к такому же типу вероятно относилось седло из урочища Макитра. «Черкесские» седла фиксируются с XVIII в., когда уже были широко распространены на Северном Кавказе и пользовались широким спросом за его пределами под названием «черкесское» или «кабардинское седло» и имели ряд особенностей, придавая преимущества всаднику при кавалерийской атаке, джигитовке и при длительных переходах (Аствацатурян Э.Г. 1995, с. 55; Марзей, 2004, с. 174-176). Вне всякого сомнения, производство таких седел началось гораздо раньше и, вероятно, является продолжением эволюции каркасного арочного седла. По мнению осетинского исследователя А.А. Сланова, это произошло после прихода монголов в регион, когда местное население было вынуждено в горы, и было вынуждено создать новый тип седла, удобный в горных условиях (Сланов, 2007, с. 170).

Погребения в кургане № 9 оставлены предками современных адыгов, живших в XIII в. (Верещагин, Голубев, 2018, с. 411-414; они же, 2020, с. 176-191).

Настоящая публикация пополняет базу данных о погребальных памятниках средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья, а также, выявляет период первого появления кавказских седел.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аствацатурян Э.Г., 1995. Оружие народов Кавказа. – М.-Нальчик.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. – Армавир; М., Вып. 3.
- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья в X – XIII веков. – М.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. – М.
- Бацинюк И.С., Схатум Р.Б., 2015. Средневековые погребения близ урочища Боханова Поляна (Крымский район Краснодарского края) // V «Анфимовские чтения»

по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и в средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26-28 мая 2015 г.). – Краснодар.

Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2014. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешевс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

Верещагин В.А., Голубев Л.Э., 2018. Воинские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская-1» и «Гос. №258» // XXX Крупновские по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековья. – Черкесск.

Верещагин В.А., Голубев Л.Э., 2020. Всадники шагаю // Вопросы Археологии Адыгеи. – Майкоп. С. 176-191.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э., Полицын Е.Б., Схатум Р.Б., 2019. Воинское погребение из могильника поселения «Афипс-1» // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 29-31 мая 2019 г.). – Краснодар.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Науменко С.А., 2006. Погребальные комплексы золотоордынского времени в курганном могильнике Вербовый VIII // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. – М.

Габуев Т.А., 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I – XII веков. – М.

Голубев Л.Э., 2015. Костяные пуговицы-пронизи с геометрическим и циркульным орнаментом из погребений курганной группы «Гостагаевская-1» XII – XIII вв. // Международная научная конференция «Северный Кавказ: искусство в контексте времени». – Майкоп.

Голубев Л.Э., 2017. Погребение «рыбака» из средневекового курганного могильника «Гостагаевская-1» г.-к. Анапа // Археологические записки. Вып. 9. – Ростов-на-Дону.

Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2017. Воинское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевская-1» // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

Дмитриев А.В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, Т. 1.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжения всадника и верхового коня на Руси в IX – XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. – Л.

Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 г.) // МИАК. Краснодар. Вып. 2.

Комар А.В., 2008. К вопросу о развитии восточноевропейского седла в VII – 1-й пол. VIII вв. // Древности Юга России. – М.

Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Кавказа VIII – XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.

Кузнецов А.В., 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957) // Материалы по археологии и древней истории Северной Истории. Т. 1. – Орджоникидзе.

Крым, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века. – М., 2003.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. № 9. – Л.

Марзей А.С., 2004. Черкесское наездничество «Зекіуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половины XIX веков. – Нальчик.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. САИ Е1-36. – М. 120 с.: 31 табл.

Музей Булгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Каталог. – Казань, 2016.

Новичихин А.М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // ВА. Вып. 1. – М.

Новичихин А.М., Лежак Г., Галл Э., Баранюк А.В., Крутоголовенко К.А., Прокофьев Р.В., Схатум Р.Б., 2020. Раскопки средневекового могильника «Андреевская щель-1» в 2019 г. Результаты работ российско-венгерской археологической экспедиции // X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 23-25 октября 2020 г.). – Краснодар.

Отчет археологической комиссии, за 1894 год. СПб,

1896.

Попов А.Р., Схатум Р.Б., 2020. Всадник с левобережья р. Иль // ДК. – Ростов-на-Дону; Таганрог. Вып. 24.

Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. – Абинск. Вып. 3.

Сланов А.А., 2007. Военное дело алан I – XV вв. – Владикавказ.

Схатум Р.Б., 2013. К вопросу о хронологии средневекового могильника Казазово-1 // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30-31 мая 2012 г.). – Краснодар.

Схатум Р.Б., 2016. К вопросу о расположении сабель в воинских погребениях средневековых адыгов // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности в средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). – Краснодар.

Тарабанов В.А., 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // ВАА. – Майкоп.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.

Яцюк Д.А., 2013. Средневековое погребение воина в Западном Закубанье // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27-29 мая 2013 г.). – Краснодар.

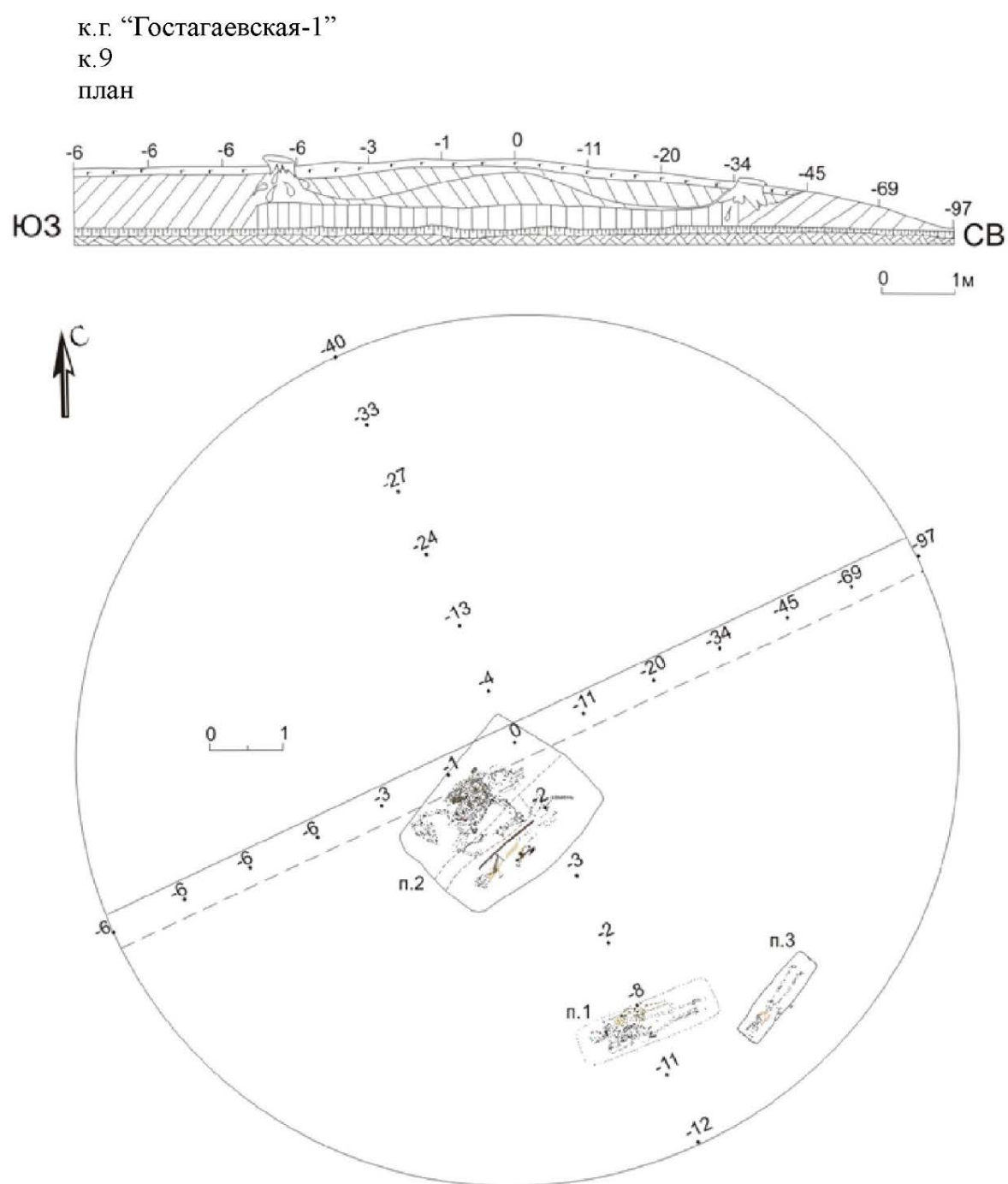

Рис.1: План кургана 9 и стратиграфический разрез.

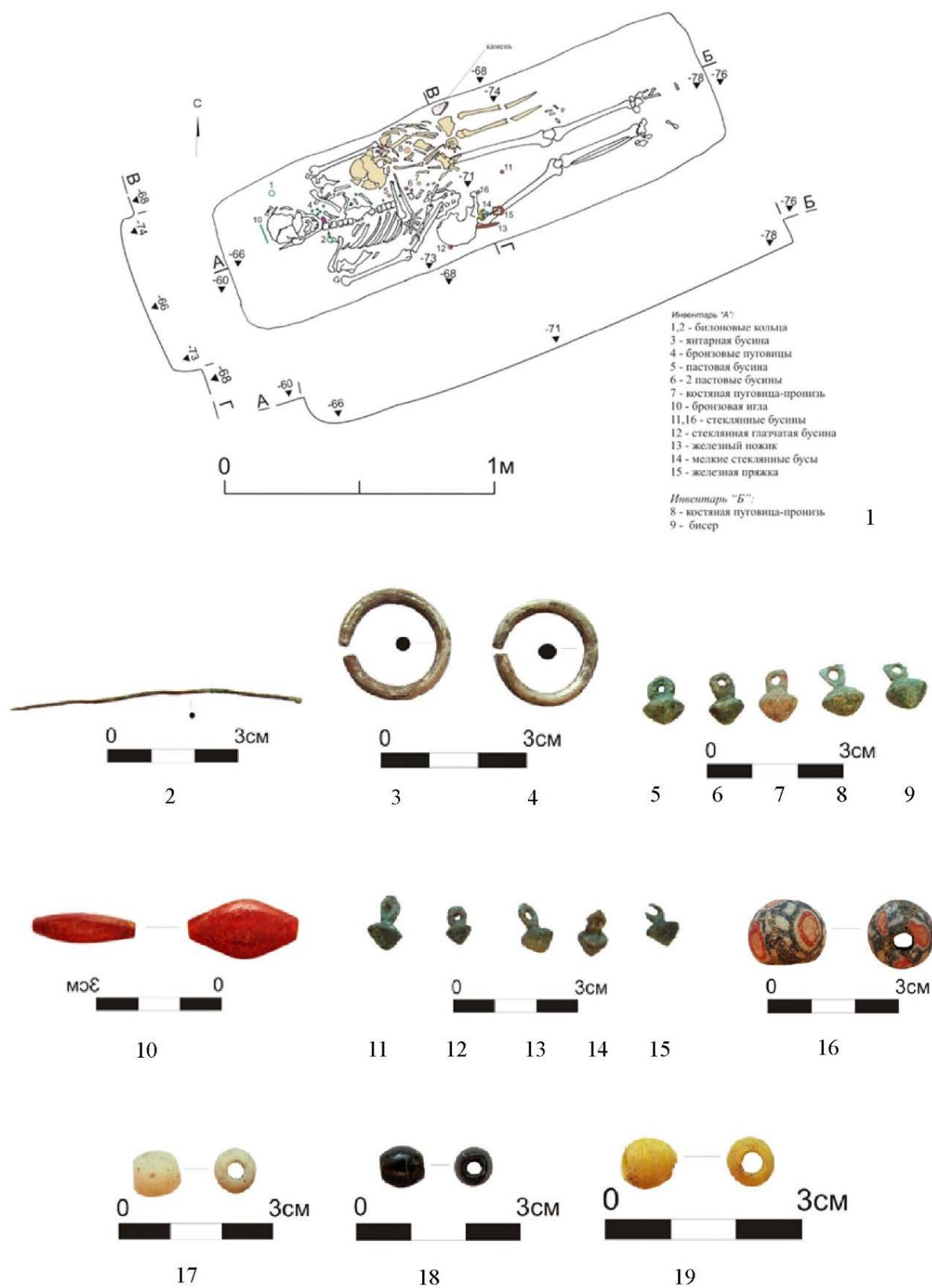

Рис. 2: 1 - план погребения, 2 - бронза, 3,4 - билон, 5-9 - бронза, 10 - янтарь, 11-15 - бронза, 16-19 - стекло.

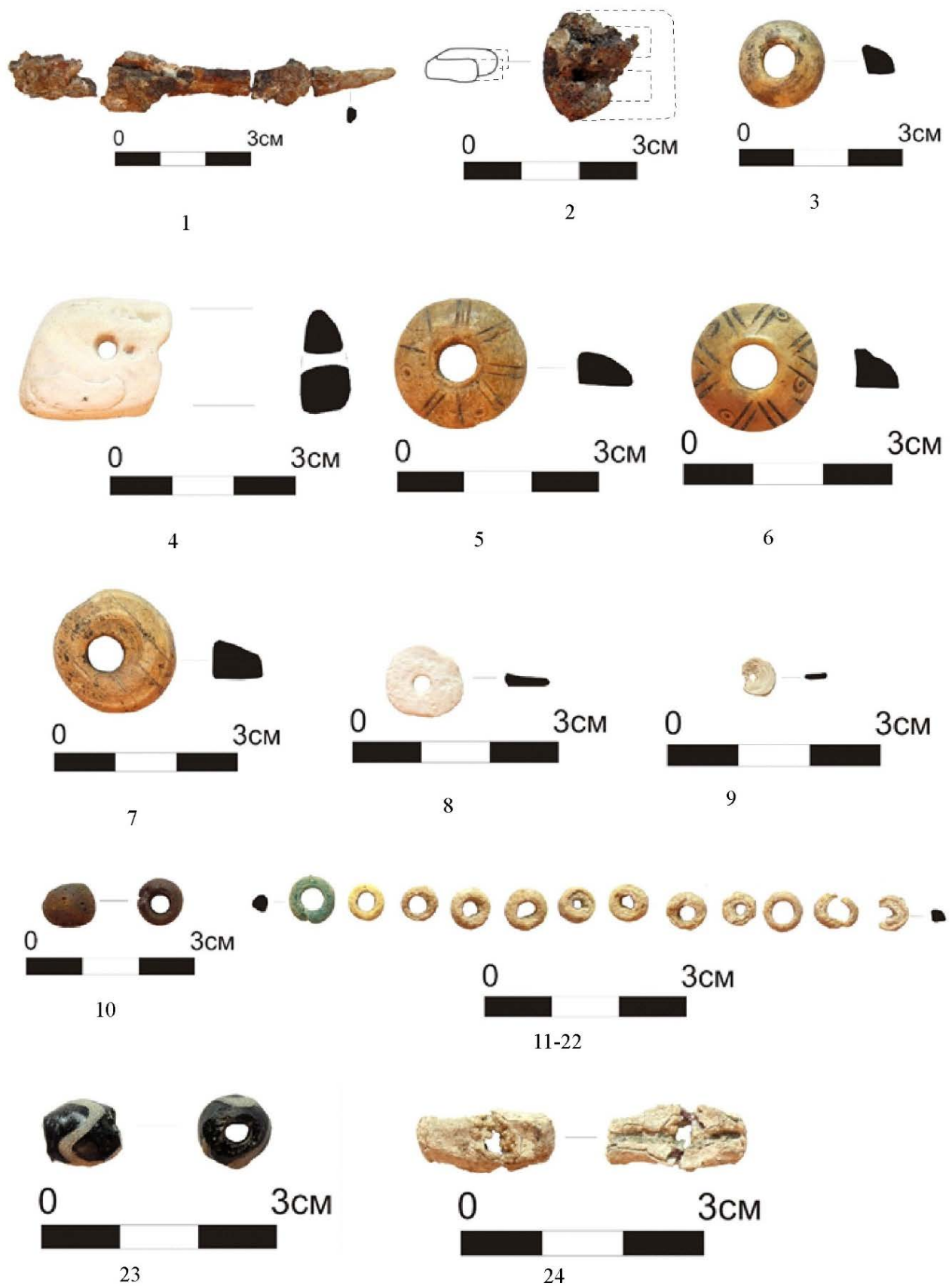

Рис.3: 1,2 - железо, 3 - кость, 4 - камень, 5-7 - кость, 8 - ракушка, 9 - кость, 10-23 - стекло, 24 - олово.

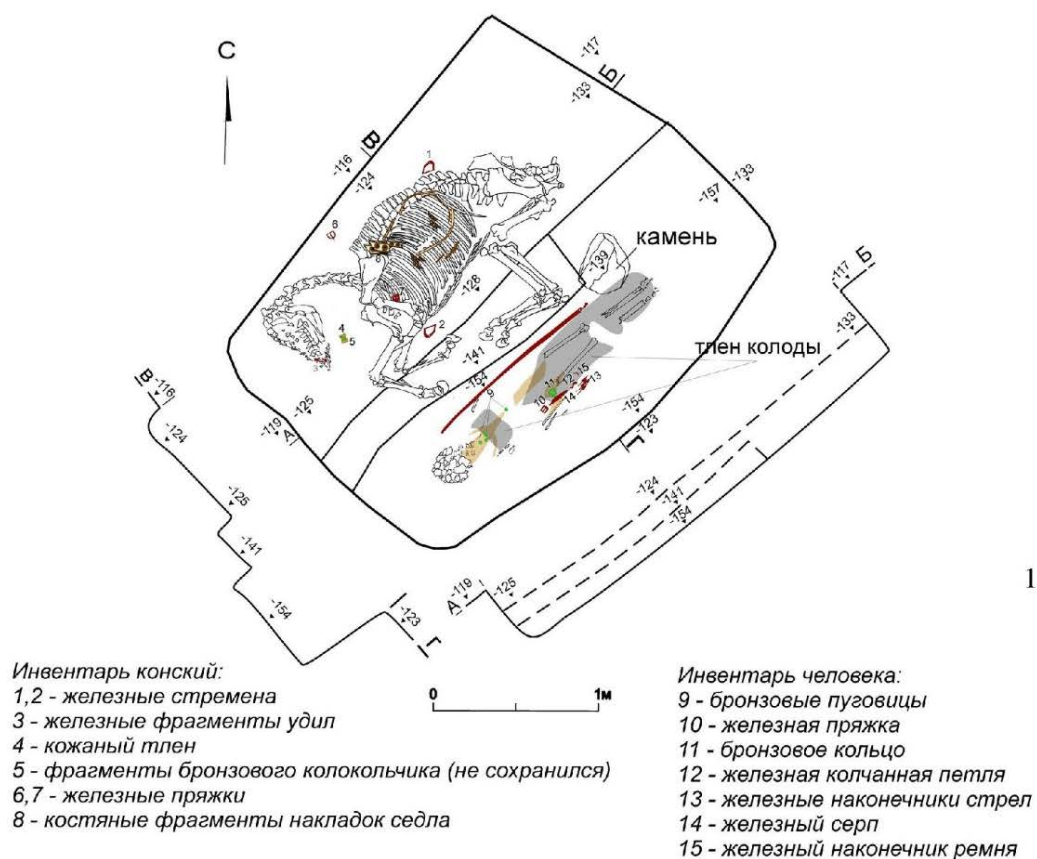

Рис.4. 1 - план погребения, 2 - фото погребения

6

Рис.5: 1 - бронза, 2-5 - железо, 6 - остатки седла in situ.

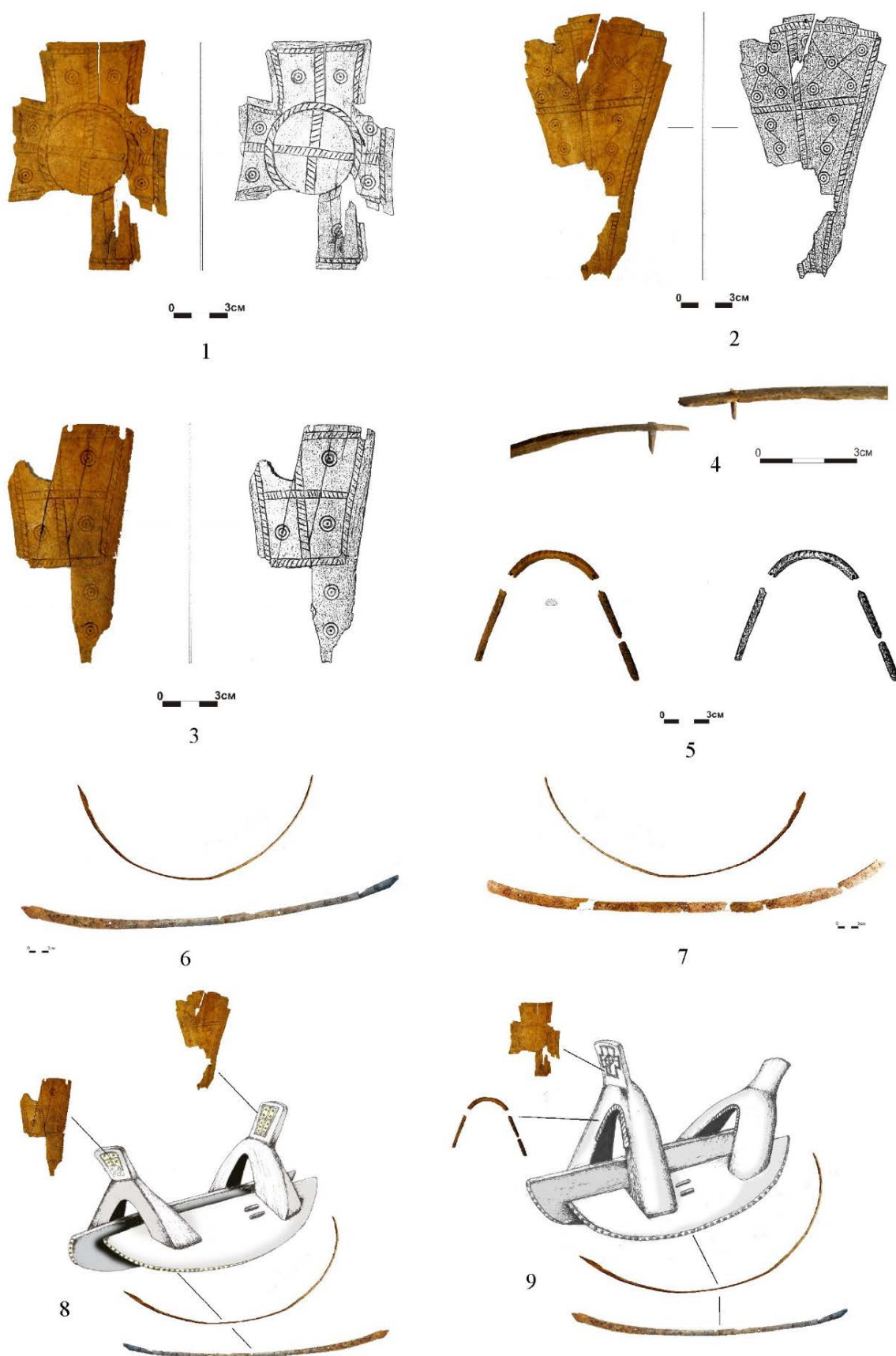

Рис.6: 1-7 - кость, 8,9 - реконструкция

Рис.7: 1-5 - железо, 6-10 - бронза, 11-21 - железо, 22 - план погребения

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ КУБАНИ

С.Л. Дударев, В.А. Бережная, С.Н. Савенко

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия;
Лабинский музей краеведения им Ф.И. Моисеенко, г. Лабинск, Россия;
Пятигорский музей краеведения, г. Пятигорск, Россия.

Аннотация. В статье трех авторов, представляющих региональный ВУЗ и музеи Краснодарского и Ставропольского краев, публикуются некоторые материалы (случайные находки) эпохи средневековья с территории восточной части Средней Кубани, а именно, окрестностей станиц Родниковской Курганинского района, Чамлыкской Лабинского района и г. Кропоткина Краснодарского края, обнаруженные местными жителями в последние годы и переданными ими в дар в местные учреждения культуры, либо общественные организации. Данные артефакты представлены, главным образом, атрибутами воинского и конского снаряжения: удилами, стременами, наконечниками копий и стрел, саблями, украшениями поясного набора, и т.д., деталями походных котлов, и т.д., а также некоторыми другими предметами того времени. Рассмотренные артефакты в определенной степени характеризуют материальную и духовную культуру населения восточных районов Средней Кубани в период средневековья, конкретно – в V-VI – XVIII вв., особенно его раннего и развитого периодов, когда эта территория служила местом встречи различных культур Кавказа (предки современных адыгов) и степи (носители салтово-маяцких, половецких, золотоордынских и др. традиций) и дополняют представления специалистов о характере культурно-исторических процессов на данной территории.

Ключевые слова: предметы воинского и конского снаряжения, салтово-маяцкая культура, раннеболгарский материал, комплексы хазарского времени, ранние касоги, аланы, монголы.

ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE MEDIEVAL ERA FROM THE TERRITORY OF MIDDLE KUBAN

S.L. Dudarev, V.A. Berezhnaya, S.N. Savenko

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia; Labinsk Museum of Local Lore named after F.I. Moiseenko, Labinsk, Russia; Pyatigorsk Museum of Local Lore, Pyatigorsk, Russia.

Abstract. In the article published by three authors representing the regional Kuban university, as well as museums of the Krasnodar and Stavropol territories, some materials (accidental finds) of various periods of the Middle Ages from the territory of the eastern part of the Central Kuban, namely, the vicinity of the stanitsas (Cossack villages) of Rodnikovskaya, Kurganinsky district, Chamlyk, Labinsky district and town of Kropotkin, Krasnodar Territory, discovered in recent years by local residents and donated by them to cultural institutions or public organizations. These artifacts are mainly represented by attributes of military and horse equipment: bits, stirrups, spear and arrowheads, sabers, details of marching cauldrons, knives, adze-hoes, belt ornaments, etc., etc., and also some other objects of that time. The considered artifacts to a certain extent characterize the material and spiritual culture of the local population during the Middle Ages, specifically - in the V-VI-XVIII centuries. (especially its early stage), when this territory served as a meeting place for the carriers of various cultures of the Caucasus, belonging both to the ancestors of the modern Adygs and the inhabitants of the steppe (carriers of the Saltov-Mayak, Golden Horde, and other traditions), and complement the ideas of specialists about the nature of the historical cultural processes in a given territory at the time being studied.

Keywords: items of military and horse equipment, Saltovo-Mayak culture, early Bulgarian material, complexes of the Khazar time, early Kasogs, Alans, Mongols.

Целью настоящей статьи является публикация разнообразных предметов эпохи средневековья, представляющих собой случайные находки из округи станиц Родниковской Курганинского района, Чамлыкской Лабинского района и г. Кропоткина Краснодарского края¹. Публикуемые артефакты представлены преимущественно предметами воинского и конского снаряжения: удилами, стременами, наконечниками копий и стрел, саблями, украшениями поясного набора, и т.д., деталями походных котлов, теслами-мотыжками, а также некоторыми другими предметами того времени, и пр., обнаруженными в последние годы местными жителями и переданными ими в дар в учреждения культуры, общественные организации, либо непосредственно на изучение специалистам. Объем данного стихийного собрания достаточно значителен, а состав его вполне представителен для позиционирования в печати и привлечения внимания к нему ученых – археологов и историков.

Уздечные комплекты² (удила с псалиями) и удила. Они найдены в окрестностях ст. Родниковской и Чамлыкской. Представлены тремя разновидностями, условно определенными как типы.

I тип. Железные двучастные (или двухзвенные) удила с двумя внешними кольцами и прямыми стержневыми псалиями (4 экз.).

Железные удила с псалиями из ст. Родниковской (рис. 1, 1). Звенья неодинаковы по размерам. Левое – 8,3 см, правое – 8,7 см. Сечение стержней грызел округло-неровной формы, диаметр – 0,8 см. Внешнее, меньшее кольцо удил развернуто на 90 градусов по отношению к большому. Эти большие кольца, в свою очередь, равны внутренним кольцам по размерам (диаметр 2,0 – 2,2 см). У одного из внешних колец одето подвижное кольцо, которое служило для продевания поводьев (диаметр 2,7 см). Во внутренние кольца внешних концов удил вставлены стержневые прямые псалии с округлыми шишечками на концах. Один из псалиев немного изогнут, возможно, уже после того, как вышел из употребления. Размеры псалиев неодинаковы – 14,8 и 15,2 см соответственно. Сечение подпрямоугольное. Псалии немного сужаются к концам. В самой широкой части их диаметр равен 0,9 см. В середине псалиев от каждого стержня отходит

трапециевидная пластина, в нижнее подпрямоугольное отверстие которой входит большее из двух внешних колец удил, охватывающее при этом и тулово псалия. На внешних концах трапециевидных пластин имеется небольшое округлое отверстие. Высота этих пластин 2,7 см.

Железные удила с псалиями из ст. Родниковской (рис. 1, 2). Общая длина удил 17,0 см. Внешние кольца меньше тех, которые расположены за ними, и в них вставлены псалии. В одно из внешних колец продето подвижное кольцо диаметром 2,7 см. Кольца, соединяющие оба звена, по размерам примерно равны большим кольцам внешних концов удил. Их диаметр – 1,7 см. Сечение грызел удил подпрямоугольное. Их стержни устроены так, что в одной плоскости расширяются от внутренних колец к внешним, в другой – наоборот. В местах наибольшего расширения стержень имеет ширину 1,2 см. Псалии имеют длину 14,8–15,1 см. Они немного изогнуты и несколько сужаются к концам. На концах имеют удлиненную конусовидно-усеченную форму (или в виде продолговатого усеченного конуса). К ним, как и в предыдущем случае, приварены подтрапециевидные рамки с двумя отверстиями неодинаковой формы, овальными, или близкими к овалу, неровными краями. Размеры этих рамок в длину 2,8–3,0 см. Сечение их близко к плоско-овальному.

Железные двучастные удила из ст. Чамлыкской, подвижно скрепленные с прямыми стержневыми псалиями с поперечными рифлениями, сужающимися к концам, на которых имеются приостренные или округлые шишечки (рис. 1, 4). На псалиях приварены трапециевидные рамки с отверстием для одного из внешних колец удил и ремней (?). Удила имеют два внешних кольца, одно из которых охватывает псалий, а в другое с каждой стороны предмета вдеты два дополнительных кольца. Их диаметр – 4,0 см. Длина удил – 21,8 см. Высота псалиев – 13,7–14 см. Толщина сечения псалиев – 0,9 см (в самом широком месте). Диаметр сечения грызел – 0,7 см.

Практически аналогичные железные удила из ст. Чамлыкской со стержневыми псалиями, которые на концах также имеют шишечки аналогичного характера, но стержни псалиев слегка или сильно (дугобразно) изогнуты, возможно, уже

¹Предметы, в основном, хранятся в музейных уголках Родниковского культурно-досугового центра (РКДЦ), а также Штаба ККВ ст. Чамлыкской.

²В соответствии с обоснованной терминологией (См: Вальчак, 2009, с. 18, 20-23 и др.).

после окончания функционального использования (в ритуальных целях?) (рис. 1, б). В средней части псалиев находятся трапециевидно-прямоугольные пластины – рамки с отверстиями крепления удила, а также поводьев (ремней оголовья?). Высота рамок 2,6–3,0 см. Во внешние кольца удила вставлены подвижные кольца также для крепления поводьев, диаметром 3,0 см. Овально-уплощенные в сечении. Общая длина удила вместе с прикрепленными подвижными кольцами 18,0 см. Длина псалиев – 14,2 и 13,0 см. Сечение грызель подпрямоугольное. Псалии у концов круглые либо уплощенно-овальные в сечении, в средней части – уплощенно-овальные.

Находки, наиболее близкие уздечным комплексам, показанным на рис. 1, 1, известны в Псекупском могильнике № 1, оставленном ранними касогами и датируются Н.Г. Ловпаче VIII – IX вв. (Ловпаче, 1985, с. 26, 57, табл. XXVIII, 5). Встречаются подобные разновидности удила с псалиями и их вариации в аланских памятниках Северного Кавказа, например, в масштабно раскопанном Даргавском могильнике на территории горной Осетии в комплексах IX – X вв. н.э. катакомб №№ 1, 28, конских захоронениях 6-9 (Дзаттиаты, 2010, с. 8-10, 97-100, табл. XIII, 3; XIV, 1; XV, 3; XVI; его же, 2014, с. 224, 227-230, табл. LXIX, 86; ССIII, 18; ССVIII, 52; ССIX, 53; ССXIV, 4). Помимо достаточно широкого распространения в кочевой среде степной зоны Юго-Восточной Европы (см. н-р: Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, Отдел Б; Крыганов, 1989, с. 95-101 и др.), они были распространены в салтовских могильниках на Северском Донце (Харьковщина), например, в Нетайловском могильнике (погр. 499, 508), в Верхнем Салтове (кат. 93), а также в Дмитровском археологическом комплексе на Белгородчине (Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38). Погребальный инвентарь указанных захоронений относится в целом ко второй половине VIII – X вв. (Аксенов, 2011, с. 250, рис. 2, 7; 256; Аксенов, Лаптев, 2009, с. 250, рис. 5, 12; 251), хотя могут быть и отдельные временные нюансы. Подобные удила и псалии (без шишечек, но именуемые, однако, гвоздевидными) известны в верхнем Подонечье в могильнике в урочище Лысый Горб в комплексах второй половины VIII – первой половины X вв., причем авторами публикации одновременно оговаривается, что данный тип удила в салтовских древностях окончательно вытеснил другие типы к концу IX в. (Аксенов, Воловик, 1999, с. 35, рис. 1, 1; с. 36,

рис. 2, 4; с. 37, 39, рис. 4, 2).

Образцы, подобные изображенным на рис. 1, 2, находились в материалах различных районов Северного Кавказа IX в. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 178, рис. 62, 151), в том же Даргавском могильнике (Дзаттиаты, 2014, с. 118, табл. LXIX, 86).

Такие же удила, как на нашем рис. 1, 4, известны из устья р. Псекупса в составе случайных находок VIII – IX вв. (Носкова, 2002, с. 184, рис. 4, 11). Имеются они, к примеру, в составе комплекса из г. Чистяково Донецкой области, несущего черты салтово-маяцкой культуры, и относимого авторами его публикации к кругу древностей второй половины VIII – начала IX вв. (Кравченко, Шамрай, 2000, с. 72, рис. 1, 2; с. 74, 81).

Следует добавить, что подобные нашим уздечные наборы с расширением прямых стержневых псалиев к концам и с шишечками на них, а также с приваренными к ним пластинами с отверстиями формы, близкой трапециевидной, известны в материалах Древней Руси. В работе, специально посвященной изучению снаряжения верхового коня и всадника Древней Руси IX – XIII вв., А.Н. Кирпичников выделял удила и псалии, сходные с анализируемыми образцами (Кирпичников, 1973, с. 12-13, рис. 4, I, Ia, Ib; 5, 4-6). Их нередко датируют широко в пределах IX – XIII вв. (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 359, табл. 145, 1, 2, 13, 15). Но мы ориентируемся на те датировки таких удила, которые происходят, исходя из северокавказско-южно-российского историко-культурного контекста. Да и в более точно датированных древнерусских материалах они также в основном происходят из комплексов IX – XI вв.

II тип. Железные двучастные удила с S-видными псалиями (2 экз.).

Железные двучастные удила из ст. Родниковской (рис. 1, 3). Звенья удила 10,5 и 10,7 см длиной соответственно. Удила имеют двукольчатые внешние концы. Диаметр малых внешних колец – 1,7 см. Диаметр внутренних внешних колец – 2,0 см. Внутренние кольца стержней удила, соединенные между собой, массивны и имеют диаметр 2,8 см. Сечение стержней грызель по 0,9 см. Оно по форме близко к округлому. Снаружи во внешние кольца удила вдеты свободно двигающиеся круглые кольца диаметром 3,3–3,4 см, круглого же сечения.

Псалии имеют концы неодинаковой формы. Один конец дугообразный, с косо срезанным

стержнем, другой дважды изогнутый, изображает конскую головку. Сечение псалиев подпрямоугольное, заовалено. Ширина плоской части псалиев 0,8–1,0 см, толщина – 0,8 см. Длина псалиев 18,5–19,0 см. Они вставлены во внутренние кольца внешних петель удила. На псалиях имеются рамочные выступы подтрапезиевидной формы с двумя овальными или подпрямоугольными отверстиями.

2. Железные удила из ст. Чамлыкской. (рис. 1, 5). Длина удила – 22,5 см. Высота псалиев, также украшенных с одного конца конскими головками – 17,4 см. На псалиях, как в уже описанных выше случаях, приварены трапезиевидные рамки с отверстиями для крепления псалия к удилам и продевания ремней. Внешние кольца удила, как и у предыдущих образцов, также двойные, в крайние кольца вдеты дополнительные кольца, внутренние охватывают псалии. Сечение грызель близкое к овальному, его диаметр – 0,8 см.

Образцы удила и псалиев II типа (рис. 1, 3, 5) с S-видными псалиями или их модификациями известны в могильнике Общественный II, в комплексах салтовского времени (VIII – X вв.) (Сорокина, 2001, с. 55, 218, рис. 22, 1; с. 238, рис. 42, 6), а также в комплексах Молдаванского могильника VIII – IX вв. (Пьянков, Тарабанов, 2004, с. 284, рис. 2, 11). Они также распространены как у алан Северного Кавказа (Дзаттиаты, 2014, с. 208–209, табл. CLXXIII, 2–3; CLXXIV), в салтовомаяцкой культуре, в хронологическом пласте материалов второй половины VIII – начала IX вв., так и в евразийских кочевнических древностях от памятников тюрок Саяно-Алтая и Монголии (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 130, рис. 24, 4; с. 148, рис. 36, 12; с. 148, рис. 36, 12; Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38 и др.), и вплоть до Предкавказья и Северного Причерноморья.

III тип. Железные однокольчатые удила.

Железные удила длиной 15,5 см, с витым стержнем и одним дополнительным кольцом (его диаметр 2,5 см) (рис. 1, 7). Диаметр грызель в сечении – 0,7 см.

Относительно редким признаком являются витые стержни грызель. Но подобные факты все же известны в салтово-маяцких (Плетнева, 1989, с. 32, рис. 38) и древнерусских материалах (Кирпичников, 1973, табл. II, 4). Подобные данным удила встречены одним из авторов в экспозиции

Азовского музея краеведения в 2007 г., в витрине, посвященной периоду VIII – X вв.

Стремена

Из станицы Чамлыкской происходят два железных стремена, имеющих одинаковую высоту – 17,3 см. Ширина подножки – 3,2–3,5 см. (рис. 2, 1, 2; 1а, 2а). Наиболее близким к ним является стремя из коллекции Ф.С. Панкратова (Гребенца) 1914 г. из ст. Фельдмаршальской (Савенко, 2009, с. 339, рис. 4, 11). Есть в северокавказском регионе и другие параллели этим стременам, датируемые VIII–IX вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 178, рис. 62, 151). Иные аналогии есть в салтовских древностях второй половины VIII – первой половины X вв., например, в Верхнем Подонечье (уроч. Лысый Горб) и др. (Аксенов, Воловик, 1999, с. 35, рис. 1, 1; с. 36, рис. 2, 1), а также в упоминавшемся уже выше Нетайловском могильнике (погр. 508, конец VIII – начало IX вв.) (Аксенов, 2011, с. 255, рис. 5, 9; с. 256). Более удаленные находки таких стремян можно отметить в памятниках ранних болгар на Волге (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 167, рис. 107, 108; Пьянков, Тарабанов, 2004, с. 285, рис. 3, 1, 3, 4–5).

Данная форма стремян сочетает в себе два важных типологических и, вероятно, хронологических признака: арочный корпус с подтрапезиевидным выступом на низкой шейке на верхней части и вырезом в нем для путлища и овально выпуклую подножку. Специалистами было замечено преобладание округлых форм стремян для восточных районов евразийских степей и арочно-угловатых – для западных (Крыганов, 1988, с. 113). Т.е., в наших образцах можно предполагать сочетание западных и восточных конструктивных тенденций. Разновидности стремян с подобными признаками А.К. Амброз (Амброз, 1973, с. 84, рис. 2, 28) и другие исследователи не датировали ранее VIII в. н.э. В типологии А.В. Крыганова они относились к середине IX – X вв. н.э. (Крыганов, 1988, с. 110, рис. 2, 4А–4Б).

Наконечники копий

Наконечник копья из района г. Кропоткина¹ с очень узким, практически штыковидным, пером, ромбическим в сечении, по которому идет срединная грань (рис. 2, 6). Его наибольшее расширение в самом низу пера составляет 2,3 см. Длина

¹Передач студенткой магистратуры истфака АГПУ Е.Ю. Ивашенко. Найден школьниками в окрестностях г. Кропоткина.

предмета – 27,6 см., диаметр раскрытой и пострадавшей от времени втулки – 2,4 см. Острие наконечника обломано (вероятно, это свидетельство ритуальной порчи). Грани пера острые и имеют небольшие угловидные выступы. Предмет находит ряд аналогий в памятниках Кубани и Донеччины (могильники Ново-Вочепшийский, в устье р. Псекупса, Общественный II, Лысый горб и др.) (Носкова, 2002, с. 184, рис. 4, 8; Аксенов, Воловик, 1999, с. 35, рис. 1, 10; Сорокина, 2001, с. 218, рис. 22, 2, 4). У.Ю. Кочкаров включил подобные образцы в предложенную им систему типологии наконечников копий Северо-Западного Кавказа VIII – XIV вв. н.э. как тип I, подтипы Г (Кочкаров, 2008, с. 150, табл. XXI, 1, 4-5). Он считал такие наконечники редкими. Дальние аналогии находил в Волжской Болгарии и в Горном Алтае. И предполагал для них возможность узких рамок в пределах IX – X вв. н.э. (Кочкаров, 2008, с. 47-48). Общий хронологический диапазон комплексов, в которых встречены подобные наконечники, определяется второй половиной VIII – первой половиной X вв.

Наконечник копья из станицы Чамлыкской с пером вытянуто-треугольной формы, с небольшими выступами-углами в основании пера, недостаточно хорошей сохранности (рис. 2, 7). Длина образца 28 см, диаметр втулки 2,9 см. Небольшую сводку таких наконечников с территории Краснодарского края дал недавно А.М. Новичихин, указав, что они были обнаружены как в ингумационных могильниках VIII – IX вв. (Казазово I и II, Новочепшийский, Молдаванский, Дюрсо), так и в кремационных курганных захоронениях XI – XIII вв., а также курганных ингумационных погребениях XIII – XIV вв. (Новичихин, 2018, с. 111, рис. 1, 6). Мнение А.М. Новичихина подтверждается и материалами Л.М. Носковой из могильника Кабардинка близ Геленджика. Здесь подобные наконечники найдены в курганах 25 и 29 с ингумационными захоронениями в каменных ящиках, которые в своей массе датированы XIV в., а наиболее поздние XV в. (Носкова, 2010, с. 195, рис. 12, 367, с. 196, рис. 13, 4, с. 181). По типологии наконечников копий У.Ю. Кочкарова сходные образцы отнесены к типу II, подтип Ж с хронологическим распределением в пределах VIII – X вв. (Кочкаров, 2008, с. 55, 155, табл. XXVI). Иными словами, для этой конкретной разновидности данного вида вооружения можно предполагать широкий хронологический диапазон бытования.

Сабли

Железная слабоизогнутая сабля из окрестностей ст. Родниковской. Длина предмета – 80,1 см. (рис. 3, 2). Ширина клинка у рукояти – 3,2 см. Толщина клинка – 0,5 см. На лезвии и у рукояти следы деревянных ножен и деревянных накладок (?) (рис. 3, 2а, б). Лезвие корродировано, его рубящая часть сверху имеет повреждения, выщерблена. К острию лезвие на протяжении 14,5 см сужается. Сечение клинка подтреугольное. На оттянутом черенке рукояти присутствует след от штыря заклепки. Сабли подобного типа были распространены в эпоху конца раннего и развитого средневековья, как в Прикубанье, так и в центральных районах Северного Кавказа в аланских памятниках (См.: Сланов, 2007, с. 49-59). У.Ю. Кочкаров объединил подобные образцы по длине слабоизогнутого лезвия до 80 см и по кривизне до 2 см в Тип II, Подтип А (Кочкаров, 2008, с. 26, 135, табл. VII). Круг аналогий и предполагаемое время бытования таких сабель достаточно широки (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 272, рис. 94, 129-130; Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 335, табл. 123, 1, 2, 3, 8 и др.). Поэтому предмет можно относить к XI – первой половине XIII вв.

Железная сабля из станицы Чамлыкской (рис. 3, 1). Длина предмета – 105 см. Длина рукояти в сохранившемся виде – 8,3 см. Перекрестие – 8,8 см. Ширина клинка – 2,5 см. Перекрестие асимметричное, нижняя его часть длиннее верхней. На рукояти два гвоздя-заклепки (рис. 3, 1а, б). Аналогии сабле известны в адыгских могильниках Кубани и Карачаево-Черкесии, суммарно относимых к XII–XVI вв. (Алексеева, 1971, с. 352, табл. 41а, 12а, 12б; Успенский, 2009, с. 378, рис. 1, 2). Наиболее же близкие аналоги представленному образцу обнаруживаются в курганном могильнике Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзымта (Сочи) (Василиненко, 2007, с. 253, 259, рис. 11, 1, 2), а также в некоторых погребениях белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края (Пьянков, 2004, с. 304, рис. 6, 2). Дата данного предмета, скорее всего, должна быть обозначена – XIV – первой половиной XV вв.

Топорик

Найден у ст. Чамлыкской (рис. 2, 4-5). Представляет собой образец с «гроздевидным» (?) обушком, овальной проушиной и оттянутым к топоричу лезвием (?). Длина предмета 13,2 см.

Размеры проушины – 2, 1 × 1,2 см. В памятниках Северного Кавказа раннего средневековья разнообразные железные топоры являются примечательной категорией вооружения местных воинов, начиная с VIII в. н.э. По типологии У.Ю. Кочкарова, сходные по конструктивным деталям топоры сведены в тип II, подтип 1 (Кочкаров, 2008, с. 67-68, 162, табл. XXXII, 15). Исследователь находит аналогии топорикам-чеканам данного типа в Поволжье, Прикамье и в Древней Руси в памятниках, датирующихся с VIII по XIII вв. Но прямые аналогии нашему образцу подыскать не так уж легко. Относительно близкий чамлыкскому экземпляр имеется в раннеболгарском материале X – первой половины XI вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 166, рис. 52, 118). Вероятно, эта дата является наиболее приемлемой для этого предмета: в северокавказском материале IX – XI вв. железные топоры имеют другие конфигурации частей тулова, лезвия, и т.д.

Наконечники стрел

Они найдены в округе станиц Родниковской и Чамлыкской (всего более 60 экз.).

Находки из ст. Родниковской (рис. 4).

1, 25 - железные трехгранные черешковые наконечники стрелы плохой сохранности, длина 7,1–8,2 см.

2 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы плохой сохранности, длина 9,3 см.

3 - железный черешковый наконечник стрелы с башнеобразной головкой, ромбический в сечении, лопасти косо срезаны под тупым углом, удовлетворительной сохранности длиной 6,8 см., ширина пера – 1,3 см.

4 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с пером листовидной формы, плохой сохранности, длина 6,0 см.

5 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с отверстиями в лопастях, с головкой башнеобразной формы, со срезанными под тупым углом лопастями, удовлетворительной сохранности, длина 7,6 см.

6 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с треугольными перьями, которые расположены под прямым углом к черешку, длина 6,8 см.

7-13 - железные трехлопастные наконечники

стрел с обломанными черешками, с пером подтреугольной формы, лопасти срезаны под тупым углом, длина от 4,0 см до 5,2 см.

14 - железный двухлопастной наконечник стрелы с длинным согнутым черешком, сечение пера линзовидное, на нем легкая грань. Длина в согнутом виде – 7,8 см.

15 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы плохой сохранности с килевидными лопастями, длина 4,3 см.

16 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы плохой сохранности с головкой листовидных очертаний, длина 7,2 см.

17 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы плохой сохранности с подтреугольными лопастями, длина 4,8 см.

18 - железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы плохой сохранности с головкой листовидных очертаний, длина 5,6 см.

19 - железный черешковый наконечник стрелы, ромбический в сечении, с обломанным острием, длина сохранившейся части предмета 8,6 см.

20 - железный черешковый наконечник стрелы, плоскоромбический в сечении, длина 8,8 см.

21, 24 - железные копьеобразные черешковые наконечники стрел, длина 0,8 см.

22-23 - железные трехгранные черешковые наконечники стрел с удлинено-башнеобразной головкой, длина 6,8–9,3 см.

26 - железный трехгранный черешковый наконечник стрелы с удлинено-башнеобразной головкой, длина 7,0 см.

27 - железный черешковый наконечник стрелы с головкой подтреугольной формы, ромбического сечения, со срединной гранью на перо, плохой сохранности, длина 5,5 см.

28 - фрагмент трехгранного черешкового наконечника стрелы плохой сохранности, длина 3,6 см.

29 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы со срединным ребром. Сечение пера, имеющего башнеобразные очертания – уплощенно-ромбическое, длина образца 14, 3 см.

30 - железный двухлопастной наконечник стрелы с обломанным черешком, сечение расширенного книзу листовидного пера линзовидное, длина 6,5 см. На черешке следы дерева.

31 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с башнеобразным пером, имеющим линзовидное сечение, на черешке

следы дерева. Длина образца – 11,8 см, сохранившаяся ширина пера – 2,6 см.

32 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с обломанным башнеобразным пером, имеющим срединное ребро. Длина 9,7 см.

33 - железный двухлопастной наконечник стрелы с обломанным черешком и башнеобразным пером, имеющим срединное ребро. Длина сохранившейся части предмета – 6,7 см.

34 - железный двухлопастной наконечник стрелы с обломанным черешком и ромбическим пером, в сечении близким линзовидному, имеющим срединное ребро. Ширина пера 2,5 см. Длина сохранившейся части предмета – 5,5 см.

35 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с башнеобразным пером, имеющим срединное ребро, линзовидным в сечении. Сохранность неудовлетворительная. На черешке – следы дерева. Длина сохранившейся части предмета – 8,8 см.

36 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с удлинённо-ромбическим пером неудовлетворительной сохранности. Черешок обломан. Длина сохранившейся части образца – 7,4 см.

37- железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с удлинённо-линовидным пером неудовлетворительной сохранности со срединной гранью. Сечение пера подромбическое. Черешок обломан. Длина сохранившейся части образца – 8,6 см.

38 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с удлинённо-линовидным пером неудовлетворительной сохранности со срединной гранью. Сечение пера линзовидное, на пере прослежена срединная грань. Длина образца – 11,8 см.

39 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с удлинённо-линовидным пером. Сечение пера уплощённо-линзовидное. Черешок обломан. Длина образца – 8,5 см.

40 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с башнеобразным пером, уплощённо-ромбическим в сечении. Длина – 8,8 см.

41 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с башнеобразным пером, уплощённо-линзовидным в сечении. Черешок обломан. Длина сохранившейся части предмета – 7,7 см.

42 - железный двухлопастной черешковый

наконечник стрелы с вытянуто-линовидным пером, уплощённо-линзовидным в сечении. Черешок обломан. Длина сохранившейся части предмета – 8,5 см.

43 - железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы с башнеобразным пером, подромбическим в сечении. Черешок обломан. Длина сохранившейся части находки – 7 см.

Находки из Чамлыкской (рис. 4).

44-47,49 - железные трехлопастные наконечники стрел с башнеобразной, либо подтреугольной головкой, у некоторых (2, 3) имеются парные отверстия в лопастях. Длина – от 7,5 до 4,5 см.

48 – железный трехгранный наконечник с черешком, представляющий собой как бы маленький наконечник, насаженный на черешок. Длина 4,2 см.

Находки из Чамлыкской (рис. 5).

1-4 - железные черешковые наконечники стрел с башнеобразной головкой и кольцевым упором под ней. Все трехгранные. Длина соответственно: 7,4; 6,8; 7,3; 6,8 см.

5 - железный черешковый наконечник стрелы с раздвоенной головкой, под которой имеется опоясывающий кольцевой упор. Длина – 9,5 см.

6 - железный черешковый наконечник стрелы с ромбической головкой и опоясывающим кольцевым упором под ней. Длина – 9,5 см.

7-9 - железные черешковые наконечники стрел с узкой бронебойной головкой, под которой вновь имеется опоясывающий кольцевой упор. Длина экземпляров соответственно – 10,1; 7,8; 7,0 см. Все три последние образца – трехгранные.

10 - железный наконечник стрелы с обломанным черешком, с пером вытянуто-линовидной формы, линзовидный в сечении. Длина – 6,4 см. Предмет неудовлетворительной сохранности.

11 - железный наконечник стрелы, с обломанным черешком, с достаточно широким пером ассиметрично-ромбической формы, с кольцевидным упором в месте перехода в черешок. Длина – 6,8 см. Сечение – уплощённо-линзовидное. С двух сторон острие имеет четкие грани. Ширина пера – 2,4 см.

12 - железный наконечник стрелы с длинным черешком. Перо удлинённо-ромбической ассиметричной формы, достаточно узкое (1,6 см.). Одна из граней сохранилась неудовлетворительно. В месте перехода пера в черешок имеется кольцевой выступ. Длина – 10, 6 см. Сечение

пера – ромбическое. На пере имеется срединная грань.

13 - железный черешковый наконечник стрелы с вытянуто-листовидным пером с углами в его основании и кольцевидным выступом в месте перехода в черешок. На пере – срединная грань. Сечение пера – ромбическое. Ширина пера 1,4 см. Длина – 8,3 см.

14 - железный черешковый наконечник стрелы с узкой четырехгранной головкой, имеющий вид насаженного на древко миниатюрного наконечника копья с ассиметричными углами в основании пера. Перо ромбическое в сечении, его ширина – 0,8 см. Длина – 9,1 см.

15 - близкий по форме описанному выше железный черешковый наконечник стрелы с тупыми углами в основании узких лопастей пера, имеющий ромбическое сечение головки. Ширина ее сечения – 0,7 см. Черешок изогнут и изъеден коррозией. Длина – 10,9 см.

Представленные находки стрел являются разновременными артефактами. Не исключено, что часть их когда-то составляла колчан (возможно, не один). Но утверждать этого достоверно нельзя. Наиболее ранними в публикуемой подборке наконечников стрел являются трехлопастные черешковые экземпляры с подтреугольными головками из ст. Родниковской (рис. 4, 7-13). Они могут быть датированы первыми веками н.э., не позднее V – VI вв. (Прокопенко, Фоменко, 1996, с. 25, рис. 2, 15, 16). Более близкие аналогии известны в могильнике Мешоко (раскопки П.А. Дитлера) конца V – VI вв. (Дитлер, 1995, с. 184, 192, 232, табл. XXXIV, 2-3), даже с учетом того, что черешки у чамлыкских находок сохранились неудовлетворительно.

Группа других наконечников – трехлопастных черешковых с башнеобразными либо подтреугольными головками с парными отверстиями в лопастях, у отдельных образцов (рис. 4, 5, 44-47, 49) примечательна тем, что подобные им появляются в материалах Юга России и в Северном Причерноморье в VIII – IX вв. (Археологический альманах, 1993, с. 59, 217, рис. 72, 12; Со рокина, 2001, с. 228, рис. 32, 1; Аксенов, Воловик, 1999, с. 39, рис. 4, 14; Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 348-349, табл. 136, 4; и др.). В то же время, нужно учесть, что наиболее близки чамлыкским находки наконечников стрел с поселения «Козьи скалы» у горы Бештау (Кузнецов, Рудницкий, 1998, с. 306, 331, рис. 19, 6-7), которые, как полагают специалисты, погибли в

XII в. в результате нашествия половцев.

Встречены и экземпляры, датировка которых некоторыми специалистами определена X в. (рис. 4, 19-20) (Новичихин, 2014, с. 109, рис. 1, 4). Однако у других авторов мы находим подобные образцы, которые известны, например, в горских святилищах XIII – XIV вв. (Мужухоев, 1981, с. 72, рис. 3, 4-5). Очевидно, что в этом отношении (и не только) мы сталкиваемся с фактами длительного бытования ряда типов наконечников стрел в средневековье, которые существовали вплоть до появления огнестрельного оружия (Марковин, 1981, с. 107-108) и, добавим, еще позднее (см. ниже).

И подтверждением данного обстоятельства может являться тот факт, что целый ряд черешковых наконечников с достаточно широкой башнеобразной, удлиненно-листовидной, подромбической, головкой (рис. 4, 29-33, 37-38; рис. 5, 6, 13; и др.), подобные которым появляются в Восточной Европе еще в X – XI вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 166, рис. 28, 123, 128-129), бытуют затем в XIV – XV вв. (см., например, материалы могильника Молдаванка или Медногорского городища) (Древности «Долины Яблонь», 2014, с. 132-133, № 251-2562, 253; Цокур И.В., 1997, рис. 1), и даже еще позднее – в XV – XVII вв. (кабардинские курганы Центрального Предкавказья) (Нагоев, 1987, с. 233, рис. 19, 1-3, 6). Примерно такая же ситуация и с некоторыми экземплярами из Чамлыкской (рис. 5, 13), которые датируются достаточно широко – XIV – XVII вв. (Тменов, 1980, с. 35-36, рис. 8, 2-9, 13-15 и др.).

Наконечники с раздвоенной головкой (по определению некоторых специалистов – полулунные) появляются вместе с приходом монголов (рис. 5, 5), и бытуют затем с середины XIII до XV вв. (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с. 64, 67).

Наконец, среди помещаемых нами в статье наконечников есть и такие (рис. 5, 12), параллели которым имеются в мавзолеях горцев конца XVII – XVIII вв. (Даутова, Чахкиев, 1988, с. 47, рис. 7, 14; с. 61). Нас не должно смущать то обстоятельство, что в горских комплексах вещи могут бытовать более длительное время, чем в предгорьях и на равнине, а, следовательно, их нахождение там может и не быть хронологическим показателем для предгорно-равнинной зоны. В то же время, есть свидетельства, что адыги пользовались лучным боем не только в конце XVIII в., о

чем есть свидетельства иностранных авторов (граф де Сегюр) (Филипп Людовик де Сегюр, 2010, с. 223), но и в первой половине XIX в. (см. рисунки адыгских наездников, а также воинов Кавказского горского полуэскадрона ЕИВ конвоя, сделанные иностранными и российскими художниками того времени) (Езбек (Едидж) Батирай, 2009, с. 9, рис. 3; с. 10, рис. 4; с. 13, рис. 6; с. 16, рис. 11; с. 18, рис. 13-14; с. 24, рис. 26; с. 28-29, рис. 33-34; с. 46, рис. 64; с. 55, рис. 77, с. 57, рис. 79 и мн. др.).

Железный крюк

Артефакт найден в ст. Чамлыкской. Длина – 15, 5 см. Толщина предмета – 0,5 см. (рис. 2, 3). Предмет, возможно, имел отношение к походным котлам и служил для их подвешивания над огнем или для вытаскивания мяса из кипящего котла. Прямые аналогии ему нам неизвестны. Но крюк более вытянутой конфигурации был найден А.П. Руничем в богатом захоронении V – VI вв. н.э. в катакомбе 10 могильника Лермонтовская скала - 2 у г. Кисловодска в комплекте с медным котлом на железной дужке (Рунич, 1976, с. 259, рис. 3, 22).

Ручки котлов

Железная ручка котла (бронзового?), длина 32,8 см, высота изгиба – 18,4 см (рис. 6, 1). Высота корпуса ручки – 1,7 см. Ручка в сечении прямоугольная. Толщина сечения ручки 0,5 см. Края ручки загнуты вверх в виде крючков.

Фрагмент железной ручки котла, длиной 24,9 см (рис. 6, 4). Наибольшая ширина – 1,6 см. Ручка имеет прямоугольное сечение. Оба предмета найдены в окрестностях ст. Чамлыкской.

Подобные ручки ранее были встречены вместе с бронзовыми котлами («походными», по А.П. Руничу). Не так давно справку о находках таких котлов с железными дужками дал С.Н. Савенко (Савенко, 2009, с. 340). Они известны с первых веков н.э., затем бытовали у алан с V по середину VII вв. Если иметь в виду интересующую нас деталь котлов, а именно ручки, то подобные, например, встречены с котлами в V – VI вв. в Кисловодской котловине (могильники Лермонтовская скала-2, погр. 10; Мокрая балка, погр. 123; Шестая Шахта) (Казанский, Мастыкова, 2000, с. 140, рис. 2, 4; С. 147, рис. 8, 10; с. 156, рис. 16, 15). Но наиболее близкий первой из ручек вариант данного предмета встречен в погр. № 4 раскопа IV 1982 г. Псекупского могильника № 1 VIII – IX вв. (Ловпаче, 1985, с. 26, 55, табл.

XXVI, 22-22а). Этот случай коррелирует с сообщением С.Н. Савенко о том, что подобные котлы (с определенными отличиями) выявлены в элитных всаднических комплексах хазарского времени в степной зоне Предкавказья, хотя известны они и позднее, в кочевнических погребениях половецкого круга.

Что же касается второй ручки, то такие имеют параллели на территории Карачаево-Черкесии, отражающие больший хронологический разброс – от IV – V до середины IX вв. (Алексеева, 1971, с. 322, табл. 21а, 9; с. 323, табл. 21б, 18; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 149, рис. 36 (окончание), 58).

Ножи

Железный нож с лезвием вытянуто-подтреугольной формы и с прямой спинкой, с выделенным черешком в виде двух уступов. Длина – 10,9 см. Наибольшая ширина – 1,1 см. Лезвие в сечении подтреугольное. Оно плавно сужается к острию, слегка закругляясь к нему в нижней части (рис. 6, 2).

Железный нож достаточно большого размера (16,9 см.). Как и предыдущий, имеет вытянуто-подтреугольную форму, выделенный с двух сторон уступами черешок, который отделен от лезвия дугообразным валиком. Имеет прямую спинку. Лезвие в нижней части плавно закругляется к острию. В сечении оно имеет подтреугольную форму. Наибольшая ширина в месте перехода от лезвия к черешку – 2,0 см (рис. 6, 3).

Железный нож длиной 14,7 см., опять-таки с выделенным черешком, с прямой спинкой, сечение лезвия подтреугольное, шириной 1,8 см (рис. 6, 3а).

Первые два ножа происходят из ст. Чамлыкской, третий – из ст. Родниковской.

Достаточно широко распространенный вид предметов бытового и полифункционального назначения, типология и классификация которого на северокавказских материалах слабо разработана. Более крупные экземпляры, вероятно, относились к числу боевых ножей и были распространены, в частности, у алан (Сланов, 2007, с. 65-68).

Датировка ножей неодинакова, в том числе и наших образцов. Если первый из описанных может быть отнесен к концу X – XII вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 262, рис. 84, 20; Носкова, 2010, с. 192, рис. 9, 11), то два

других могут датироваться XIV – XV вв. (Носкова, 2010, с. 192, рис. 9, 27; рис. 10, 10; Древности «Долины Яблонь», 2014, с. 132, 249). В то же время, экземпляры, весьма сходные с одним из ножей из Чамлыкской (рис. 6, 3), появляются уже в раннеболгарское время (Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 167, рис. 52, 39 (окончание).

Штырь (?).

Найден в ст. Чамлыкской. Имеет овальную шляпку. Сечение стержня штыря прямоугольное. Длина в сохранившемся виде 14,3 см. Конец предмета согнут в крючок в результате использования (рис. 6, 3б). Близок к находкам из кабардинских курганов с территории Кабардино-Балкарии (Нагоев, 1987, с. 236, рис. 22, 6).

Тесла-мотыжки

Железные тесла-мотыжки разной величины (рис. 6, 6-11), но в целом довольно миниатюрные, из ст. Чамлыкской. Более крупное имеет в длину 7,3 см, наибольшая ширина лезвия 3,2 см (рис. 6, 6, 8, 10); меньшее – длиной 6,8 см, ширина лезвия – 2,7 см (рис. 6, 7, 9, 11). Оно более сильно закруглено у меньшего предмета, нежели у большего. У более крупного тесла «манжеты» втулки, удерживающие когда-то древко орудия, резко завёрнуты внутрь обратной стороны так, что образуют уступы. У меньшего тесла края «манжеты» завёрнуты внутрь более плавно. У первого из данной категории орудия труда диаметр «кармана», образуемого «манжетами», 2,9 см., у меньшего – 2,2 см.

Подобные орудия бытуют в средневековье в широком хронологическом диапазоне. Если самые ранние из Ново-Вочепшийского городища найдены в слоях V – VI вв. (Носкова, с. 185, рис. 5, 7), то более поздние встречаются в памятниках Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья как в домонгольское время, так и в памятниках, датированных в целом XIII – XV вв. (могильники Борисовский, Колосовский, БжидI, Кабардинка) и др. (Василиненко, 2007, с. 261; рис. 12, 9-10; с. 264, рис. 16, 3; 271; Сорокина, 2001, с. 185, 226, рис. 30, 3). К числу самых поздних относится находка тесла из кург. 63 у сел. Шалущка (XV – XVII вв.) (Нагоев, 1987, с. 193, 237, рис. 23, 18). Возможно, что публикуемые находки ближе всего к образцу из могильника на р. Кривой могильника X – XII вв. (Алексеева, 1971, с. 337, табл. 19б, 9). Данные орудия, вероятно, применялись для обработки дерева

(Кузнецов, Рудницкий, 1998, с. 304). Высказывались предположения, что более крупные разновидности могли служить и для устройства камерных могил в грунтах различной прочности. Но следует иметь в виду и мнение о том, что ранне-средневековые тесла Восточной Европы и Юго-Западной Сибири являлись не только бытовыми предметами, но и относились к вооружению (Савенко, 2017, с. 135).

Наперсток. Бронзовый предмет усеченно-конической формы, с отверстием вверху, высотой 1,3 см, диаметр у основания – 1,8 см, диаметр в верхней части – 1,6 см (рис. 6, 5). Найден в районе ст. Родниковской. Подобные наперстки встречены, например, в курганах у пос. Кабардинка (кург. 20) (Носкова, 2010, с. 178, 192, рис. 9, 12). Дата наперстка – XIV – XV вв. Встречаются и более широкие в территориальном и хронологическом отношении подобные предметы.

Детали серебряного поясного набора (рис. 7).

Артефакты обнаружены в окрестностях ст. Родниковской.

Сильно поврежденная, смятая бляшка из тонкой фольги размерами 2,1 x 1,4 см, с выпуклым кругом в центре. На тыльной стороне два штыря для крепления к ремню.

Круглая бляшка из фольги с изображением крестообразной фигуры с кружками на ее концах и в центре. Вдавлена в середину. Диаметр – 1,4 см.

Овальная бляшка из фольги, вмятая внутрь, с овальными же выдавленными выступами на длинных сторонах, размерами 1,9 x 1,7 см. На обратной стороне 2 штифта для крепления к ремню.

Круглая бляшка из фольги в виде вычеканенной многолепестковой розетки с кругом в центре, диаметром 1,6 см. На тыльной стороне – штифт в центре.

Круглая бляшка из фольги, диаметром 1,3 см, аналогичная №2 по форме и орнаментации с центральным тыльным штифтом.

Аналогичная бляшка из тонкой фольги, диаметром 1,2 см, плохой сохранности и таким же орнаментом.

Аналогичная бляшка из тонкой фольги, диаметром 1,2 см, плохой сохранности и идентичным орнаментом.

Круглая бляшка из фольги, диаметром 1,2 см, с умбовидным выступом в центре. На обратной стороне – следы штифта для крепления.

Круглая бляшка из тонкой фольги, диаметром 1,3 см.

Овальная бляшка из тонкой фольги, такая же как №3, размерами 1,5 x 1,8 см, с двумя штифтами на тыльной стороне.

Поврежденная бляшка из тонкой фольги круглой формы, диаметром 1,4 см.

Круглая бляшка из тонкой фольги, диаметром 1,2 см, с одним штифтом на тыльной стороне.

Овальная бляшка, такая же, как и №№ 3, 10, диаметром 1,7 x 1,4 см из тонкой фольги.

14-16 – полусферические бляшки (одна поврежденная, вдавлена) круглой формы, диаметром 1,0-1,2 см. Две из них с отверстием посередине.

17. Накладная пластинка из фольги, размерами 2,6 x 1,5 см с двумя отверстиями с одного края для крепления к ремню, с орнаментом в виде двух четырехлистников, расположенных между двойными полосками, сделанного чеканкой.

18. Накладная пластинка из фольги в виде песочных часов с оттиснутым контуром по краям, внутри которого вычеканены две фигуры в виде треугольных звездочек, вершинами друг к другу, размерами 1,5 x 0,5 см.

19. Пластинка из тонкой фольги с вычеканенным орнаментом в виде вертикально расположенной фигуры, к которой примыкает ромб (в центре) и два овала (по краям), размерами 1,6 x 1,2 см.

20. Пластинка из тонкой фольги с двумя отверстиями на одном из краев для прикрепления к основе, размерами 2,0 x 1,0 см, трапециевидной формы.

Перечисленные выше детали поясного набора были украшением тонкого кожаного пояса, на котором они крепились. Пояс был у кавказцев предметом священным. Он выполнял роль оберега, был связан с представлениями о высших, космических силах. Опоясывание, по Б.Б. Пиотровскому, является магическим заключением себя в круг, апотропеическим действием. Подобные обряды имели связь с астральными представлениями. Их семантика укладывалась в схему «небо-круг-пояс» (Пиотровский, 1949, с. 95). Изображения на бронзовых поясах Центрального Кавказа и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы – раннего железа были связаны с мифологическими представлениями местных племен (Погребова, Раевский, 1997, с. 88-105). Но пояса того времени были очень широкими и представляли собой сплошные пластины, под которые подкладывалась кожаная или

войлочная основа. В раннем средневековье, к которому, бесспорно, относился пояс из Родниковской, подобные воззрения получали соответствующее моде, вкусам, времени оформление. Пояса становятся тонкими, по сути, прототипами традиционных мужских кавказских поясов, приобретенных во второй половине XIX – начале XX вв. престижное значение. По поздним этнографическим материалам, известны и достаточно широкие женские пояса, изготовленные из полосы ткани – бумажной или шелковой, на которые могли крепиться фигурные металлические пряжки (Студенецкая, 1989, с. 54-55). В нашем случае, мы имеем дело, судя по размеру бляшек, с тонким кожаным поясом, к которому бляшки крепились с помощью гвоздиков-штифтов (рис. 7, 26-28). Что же касается символики украшений родниковского пояса, то она отражает идеологические представления, преемственные с прежними. Так, обращают на себя внимание несколько бляшек (рис. 7, 32-35), которые являются отражением солярного культа. Можно видеть либо кресты с кружками на концах, либо многолепестковую розетку (рис. 7, 32). По А.А. Миллеру и другим исследователям, крест является одним из распространенных символов солнца, кружки означают звездное небо, солнце. В одном случае бляшка несет изображение двух соколиных головок (мотив, популярный в раннее средневековье в древностях Северного Кавказа), разделенных ромбом с вдавлением внутри него (рис. 7, 31). На некоторых других бляшках нанесены переплетенные ромбы (рис. 7, 29). Птица, особенно хищная, (орел, сокол), почиталась за свою связь с небом, солнцем, громом, дождем, культом плодородия, земледелия, и являлась формой солнечного божества, являлась посредником между землей, небом и преисподней (подземным миром). Культ птицы получил широкое отображение в нартских сказаниях. Ромб же является символом плодородия (Кривицкий, 2012, с. 14-18, 45, 51). Таким образом, сакральность изображений на бляшках из ст. Родниковской, как и самого пояса, на котором они некогда были закреплены, очевидна, и отражает верования местного раннесредневекового населения.

Подводя итоги укажем, что описанные выше артефакты в определенной степени характеризуют материальную и духовную культуру населения восточных районов Средней Кубани в период средневековья, конкретно – с V – VI до

XVIII вв.,¹особенно его раннего периода, когда эта территория служила местом встречи различных культур Кавказа (предки современных адыгов), соседних контактных территорий гор и предгорий (аланы и другие народы центральных районов региона) и степи (носители салтовомаяцких и золотоордынских и др. традиций) и дополняют представления специалистов о характере культурно-исторических процессов на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Поднепровье // *Донская археология*. № 3-4 / отв. ред. В.Е. Максименко. – Ростов-на-Дону. С. 34-40.
- Аксенов В.С., 2011. Погребения с западной ориентировкой Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры (по материалам 2010 г.) // *Харьковский историко-археологический ежегодник*. Древности 2011. Статьи, публикации, заметки, хроника. Вып. 10 / отв. ред. С.И. Посохов. – Харьков: ООО «НМТ». С. 248-260.
- Аксенов В.А., Лаптев А.А., 2009. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // *Харьковский историко-археологический ежегодник*. Древности 2009. Статьи, публикации, заметки, хроника. Вып. 8 / отв. ред. В.И. Кадеев. – Харьков: ООО «НМТ», С. 242-257.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М. 354 с.
- Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) // *СА*. №4. С. 81-98.
- Археологический альманах, 1993. № 1 / отв. ред. Колесник А.В. – Донецк. 236 с.
- Вальчак С.В., 2009. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. – М. 292с.
- Василиненко Д.Е., 2007. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзымта (р. Сочи) // *МИИХНСК*. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли. С. 245-274.
- Виноградов В.Б., 1977. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы*. Общественные науки. № 1 / отв. ред. Е.Н. Осолков. – Ростов-на-Дону. С. 64-69.
- Даутова Р.М., Чаккиев Д.Ю., 1988. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // *Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии* / М.Б. Мужухоев. – Грозный. С. 37-66.
- Дзаттиаты Р.Г., 2010. Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавского катакомбного могильника). – Владикавказ, СОИГСИ 124 с.
- Дзаттиаты Р.Г., 2014. Аланские древности Даргавса. – Владикавказ. Ир. 239с.: ил.
- Дитлер П.А., 1995. Раннесредневековый могильник Мешоко // *Археология Адыгеи* / отв. ред. П.А. Дитлер. – Майкоп: Меоты. С. 138-235.
- Древняя Русь. Город, замок, село. 1985 / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука. 422 с.
- Древности «Долины Яблонь». 2014. Каталог выставки / сост. В.Р. Эрлих. – М.: ГМВ 144 с.
- Езбек (Едидж) Батирай, 2009. Черкесы (адыги) в рисунках европейских художников XVII-XIX веков / Редакция: Губжоков М.Н. и др. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во. 144 с.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2000. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VII вв. // *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки*. Сборник статей / отв. ред. М.П. Абрамова и В.И. Марковин. – М.: ИА РАН. С. 138-161.
- Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: ТАУС. 176 с.: ил.
- Кирпичников А.Н., 1973. Древнерусское оружие. Вып. IV: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. – М.: Л.: Наука. 138 с. (САИ. Вып. Е1-366).
- Кравченко Э.С., Шамрай А.В., 2000. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // *Донская археология*. №3-4. / отв. ред. В.Е. Максименко. – Ростов-на-Дону. С. 70-82.
- Кривицкий В.В., 2012. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. – Санкт-Петербург: Полторак. 86 с.
- Крыганов А.В., 1988. Восточноевропейские кочевнические стремени второй половины VII – X вв. // *Вестник Харьковского университета*. №316. История. Вып. 22. / отв. ред. В.И. Булах. – Харьков. С. 108-114.
- Крыганов А.В., 1989. Восточноевропейские кочевнические удила VII – X вв. // *Вестник Харьковского университета*. №343. История. Вып. 23. / отв. ред. В.И. Булах. – Харьков. С. 95-101.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р., 1998. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // *МИИХНСК*. Вып. 1. Археология / отв. ред. А.Б. Белинский. – Ставрополь. С. 297-331.
- Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // *Вопросы археологии Адыгеи*. – Майкоп. С. 16-64.
- Мамаев Х.М., Чаккиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // *Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии* / отв. ред. М.Б. Мужухоев. – Грозный. С. 44-80.

¹Хронологические рамки северокавказского средневековья в данном случае обозначены авторами в компромиссном ключе. Дело в том, что С.Л. Дударев, развивая разработки В.Б. Виноградова, обозначает конец средневековья на Север-

ном Кавказе концом XVIII – началом XIX вв. (у В.Б. Виноградова – конец XVIII – первая треть XIX вв.) (Виноградов, 1977. С. 64-65). С.Н. Савенко же завершает средние века Северного Кавказа к середине XVIII в., после чего им уже непосредственно начинается новое время (Савенко, 2011: 58-69).

Марковин В.И., 1981. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии / отв. ред. М.Б. Мужухоев. С. 95-112.

Мужухоев М.Б., 1981. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970-1980 годах) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии / отв. ред. М.Б. Мужухоев. – Грозный. С. 62-95.

Нагоев А.Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Памятники средневековья (IV-XVIII вв.) / отв. ред. В.А. Кузнецов. – Нальчик: Эльбрус. С. 170-241.

Новичихин А.М., 2013. Комплекс инвентаря кремационного погребения средневекового воина из окрестностей станицы Гостагаевской // Историко-археологический альманах. Вып. 12 / отв. ред. Р.М. Мунчаев. – Армавир-Краснодар-Москва. С. 108-114.

Новичихин А.М., 2018. Предметы вооружения и конского снаряжения из случайной находки в окрестностях станицы Натухаевской // Историко-археологический альманах. Вып. 14 / отв. ред. Р.М. Мунчаев. – Армавир-Краснодар-Москва. С. 108-112.

Носкова Л.М., 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3 / отв. ред. Л.М. Носкова. – М. С. 169-187.

Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Вып. 5 / отв. ред. Л.М. Носкова. – М.: ГМБ, 2010. С. 167-200.

Пиотровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья. Курс лекций. – Ленинград: ЛГУ им. А.А. Жданова. 133 с.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука. 288.: ил.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН. 152 с.

Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А., 1996. Могильные древности из окрестностей г. Кисловодска // Из истории земли Ставропольской / отв. ред. Н.Д. Судавцов. – Ставрополь, 1996. 36 с.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдованского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир. С. 275-292.

Пьянков А.В., 2004. Два воинских погребения белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края (по материалам раскопок 1987 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4 / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир. С. 293-305.

Рунич А.П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. №3. С. 256-266.

Савенко С.Н., 2009. Аланские всадники в письменных источниках и в археологических данных: вопросы сравнительного анализа // МИИХНСК. Вып. IX / отв. ред. А.Б. Белинский. – Ставрополь. С. 331-358.

Савенко С.Н., 2011. Краткий очерк истории Северо-Кавказского федерального округа (с древнейших времен до середины XV в.) // Из истории и культуры Северного Кавказа: Сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь, 2011. С. 58-69.

Савенко С.Н., 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. Археология евразийских степей. Приложение к журналу. Вып. 24. – Пятигорск-Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 384с.: ил.

Сланов А.А., 2007. Военное дело алан в I-XV вв. / под ред. д.и.н. Р.С. Бараева. – Владикавказ: СОИГСИ. 400с.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981 / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Изд-во «Наука». 303 с.

Сорокина И.А., 2001. Курганные могильники Закубанья. – Краснодар: Крайбибколлектор. 282 с.

Студенецкая Е.Н., 1989. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX вв. – М.: Наука. 288 с.

Тменов В.Х., 1980. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Т. XXXVI / отв. ред. В.А. Кузнецов. – Орджоникидзе. С. 10-40.

Успенский П.С., 2009. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / отв. ред. И.И. Марченко. – Краснодар. С. 377-381.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: МГУ. 276с.

Филипп Людовик де Сегюр. Воспоминания. 2010 // Европейские дневники XIII-XVIII веков / сост. В.М. Аталиков. – Нальчик. С. 222-227.

Цокур И.В., 1997. Комплекс материалов XIV-XV вв. Медногорского городища // Древности Кубани (декабрь). Материалы посвящены памяти Каминского Владимира Николаевича / сост. А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов. – Краснодар. С. 27-32.

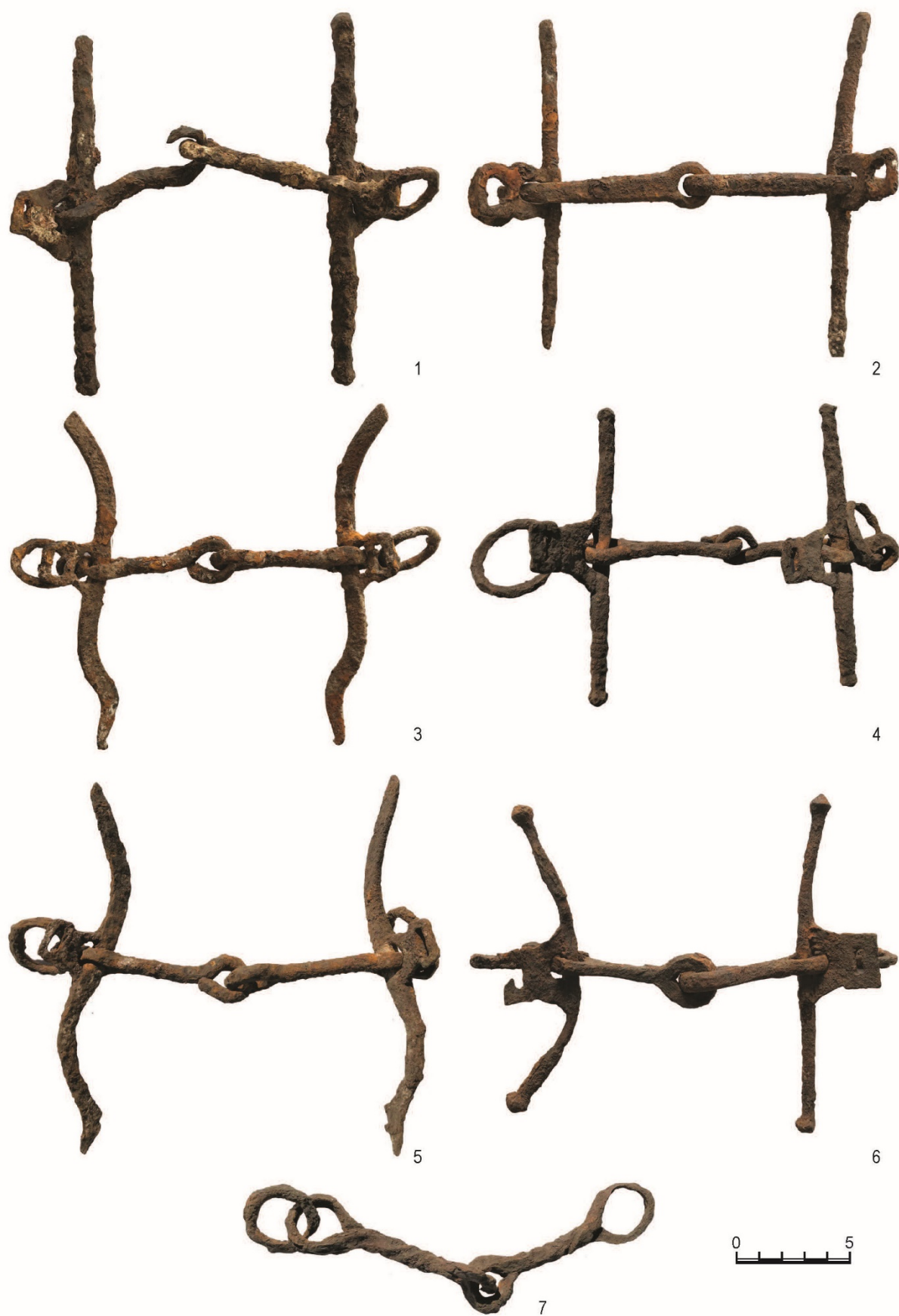

Рис. 1. Железные удила с псалями из станиц Родниковской и Чамлыкской.

Рис.2. Находки конского и воинского снаряжения из станиц Родниковской, Чамлыкской, и г. Крпоткина.

Рис.3. Находки сабель из станиц Родниковской (2, а,б) и Чамлыкской (1, 1а,2а).

Рис.4. Находки железных черешковых наконечников стрел из станиц Родниковской и Чамлыкской.

Рис.5. Находки железных черешковых наконечников стрел из станиц Родниковской и Чамлыкской (продолжение).

Рис.6.Находки орудий труда и деталей воинского снаряжения из станиц Родниковской и Чамлыкской.

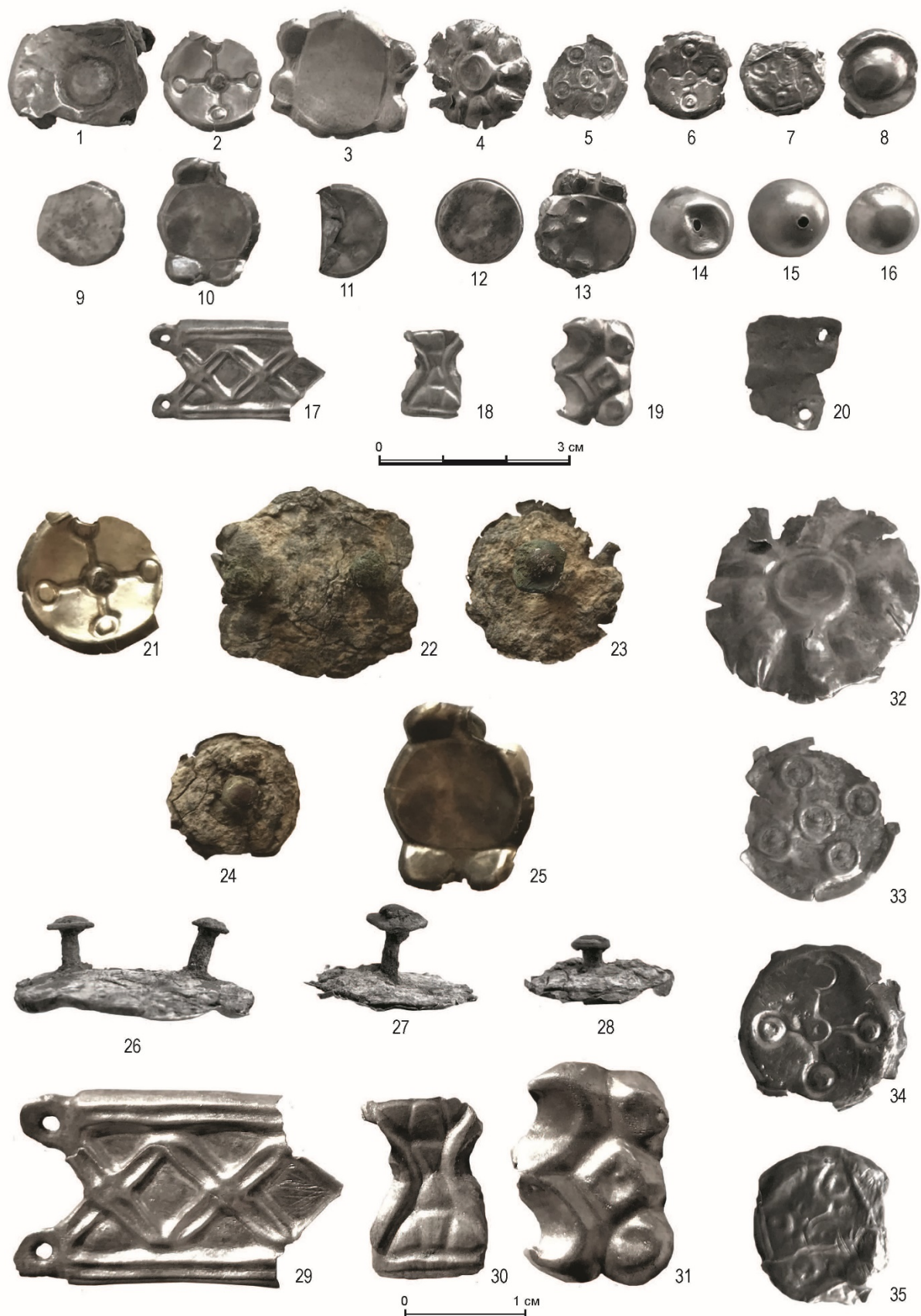

Рис.7. 1-20 – детали поясного набора из станицы Родниковской (серебро); 21-35 – детали отдельных украшений и вид креплений у некоторых поясных бляшек.

МОГИЛЬНИК XVII – XVIII вв. В УЩЕЛЬЕ «ЦЕРКОВНАЯ ЩЕЛЬ» В ГЕЛЕНДЖИКСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Л.М. Носкова

Государственный музей Востока, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье публикуются материалы раскопок Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 1991 г. в Геленджикском районе Краснодарского края. Охранно-спасательные работы проводились в ущелье Церковная щель на месте строительства водохранилища в 20 км к югу от Геленджика. Была исследована часть могильника, попадавшая в зону затопления. На выделенном участке зафиксировано около 50 невысоких насыпей полусферической (иногда овальной) формы, из них 27 раскопано, остальные разрушены грабительскими ямами. Было выделено два типа курганных конструкций. Часть курганов имели по краю насыпи одну кольцевую каменную обкладку, у других – кроме внешнего кольца было еще внутреннее, выложенное вокруг погребения, практически все насыпи сооружены над одиночными захоронениями. Умершие находились либо на материке, либо в неглубоких могильных ямах прямоугольной формы. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад, в отдельных случаях отмечена западная ориентировка. Погребальный инвентарь крайне бедный – в основном ножи, кресала и отдельные фрагменты керамики, остальные вещи: оружие, украшения – в единичных экземплярах. По погребальному обряду и вещевому комплексу могильник датируется XVII – XVIII вв.

Ключевые слова: город Геленджик, водохранилище, курганный могильник «Церковная щель», погребальный обряд, погребальный инвентарь.

17TH-18TH CENTURIES BURIAL MOUND IN THE GORGE «TSEKOVNAYA SHCHEL» IN THE GELENDZHIC DISTRICT OF THE KRASNODAR TERRITORY

L.M. Noskova

State Museum of the East, Moscow, Russia

Abstract. The article publishes the materials of the excavations of the Caucasian Archaeological Expedition of the State Museum of Oriental Art in 1991 in the Gelendzhik district of the Krasnodar Territory. Safeguard and ensure operations were carried out 20 km south of Gelendzhik in the gorge "Church gap/Tserkovnaya shchel" where the reservoir was supposed to be built. The part of the kurgan cemetery that fell into the flooding zone was investigated. About 50 low mounds of hemispherical (sometimes oval) shape were found on the allocated area, 27 of them were excavated, the rest were destroyed by the robber pits.

During the work, two types of mound structures were identified. Some of the mounds had one ring stone lining along the edge of the mound, others-in addition to the outer ring, there was another inner one laid out around the burial. Almost all the mounds were built over single burials. The deceased were either on sterile level or in shallow rectangular grave pits. The skeletons lay stretched out on their backs, with their heads facing north-west, in some cases a western orientation was noted.

The funeral inventory is extremely poor – mainly knives, devices for making a fire and individual fragments of red clay pottery, the rest of the things: weapons, jewelry - in single copies. According to the funeral rite and the items complex, the burial ground dates back to the XVII-XVIII centuries.

Keywords: The city of Gelendzhik, a reservoir, a burial mound "Church gap/Tserkovnaya shchel", a funeral rite, funeral equipment.

В 1991 году в Геленджикском районе Краснодарского края на землях бывшего совхоза «Дивноморский» Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока были проведены охранно-спасательные раскопки в зоне строительства водохранилища. Курганный могильник располагался в ущелье «Церковная щель» к западу от трассы Новороссийск – Сочи (20 км от г. Геленджика в сторону г. Туапсе) и частично попадал в границы основной чаши котлована, с его северо-восточной стороны. Курганные насыпи находились в лесном массиве и занимали площадь около 0,65 га. К началу работ лес был вырублен и на курганах остались пни от крупных деревьев. При вырубке производилось сжигание мелкого подлеска, поэтому на большей части насыпей остались следы кострища, что в значительной степени исказило объективную картину и появление в захоронениях золы и пепла нельзя однозначно связывать с особенностями погребального обряда.

При съемке ситуационного плана было зафиксировано около 50 курганов полусферической и слегка вытянутой (с запада на восток) формы высотой от 30 до 90 см, диаметром от 4 до 7 м (рис. 1). Значительная часть из них имела явные следы грабительских раскопок; из наиболее сохранившихся для исследования было выбрано 23 насыпи¹ и четыре², сильно поврежденных, – для выяснения характера и степени разрушения.

В ходе работ удалось выделить два типа курганных конструкций. 14 курганов³ имели по краю насыпи одну кольцевую обкладку из плоско лежащего дикарного камня, а у девяти⁴ – кроме внешнего каменного кольца было еще одно внутреннее из более мелких камней, выложенных вокруг погребения. Стратиграфия обоих типов насыпей простая: в первом случае – под дерном и гумусом шел светло-серый суглинок с обильным включением мелкого щебня, а под ним до материка – более плотный грунт темно-серого цвета. Каменная обкладка была сооружена по краю нижнего слоя. Во втором случае – в профиле бровки фиксировалось три слоя: светло-серый суглинок со щебнем, ниже – темно-серый

грунт, а под ним до материка шло такое же заполнение, но более черного цвета, по краю которого было выложено внутреннее каменное кольцо, а внешнее – перекрыто слоем суглинка.

Форма внешней обкладки у обоих типов курганов либо округлая⁵, либо приближающаяся к овальной⁶, лишь в отдельных случаях во внешнем контуре прослеживаются подпрямоугольные очертания⁷. Внутренняя обкладка – овальная⁸, исключение составляют курганы с частично разрушенным внутренним кольцом, что, возможно, связано с подзахоронением или с подготовкой площадки для нового захоронения⁹.

Практически все насыпи были сооружены над одиночными погребениями и только в кургане 8 четко фиксируются останки двух погребенных (рис. 3, 1-2). Как правило, захоронение совершалось в центре на горизонтально выровненной площадке, однако в шести случаях можно отметить нарушение этой традиции: в курганах 12, 17, 25 умерших похоронили в восточной половине, в курганах 15 и 34 – в северо-западном секторе, а в кургане 49 – в северной части площадки. Чаше всего захоронения производились на материке¹⁰ (рис. 2, 1; 3, 1; 4, 1, 3) или с небольшим заглублением (от 5 до 10 см) в материковый слой¹¹ (рис. 2, 3; 3, 3; 5, 3; 6, 1), в восьми случаях зафиксированы фрагменты продольных деревянных плах¹² (рис. 2, 3-4; 3, 3; 4, 1-2; 5, 3-4; 6, 1-3; 7, 1-4; 8, 1-2). В кургане 31 в ногах погребенного отмечено пятно с остатками органики, возможно, от циновки. Четкие границы могильных ям прослежены в шести насыпях¹³ (рис. 6, 4-5; 7, 1-4; 8, 1-2). Ямы неглубокие (от 27 до 40 см), прямоугольной или подпрямоугольной формы, размером в ширину от 55 до 60 см, в длину от 175 до 201 см. Лишь в одном случае (к. 16) ширина могилы была значительно шире и составляла 90 см. Обнаруженные продольные плахи, видимо, являлись остатками гробов, только в кургане 40 могильная яма перекрыта поперечными досками (рис. 6, 4-5).

Большая часть погребений, совершенных на материке и в ямах, имели северо-западную ориентировку¹⁴ и лишь пять – западную¹⁵.

¹ Курганы 1, 6-8, 10, 12, 13, 15-17, 19, 20, 22, 25, 28, 31, 34, 39, 40, 45-47, 49.

² Курганы 2, 5, 18, 29.

³ Курганы 10, 12, 13, 15-17, 19, 20, 22, 25, 28, 40, 45, 47.

⁴ Курганы 1, 6-8, 31, 34, 39, 46, 49.

⁵ Курганы 6, 12, 15, 16, 17, 20, 22, 25, 31, 34, 46, 47.

⁶ Курганы 1, 10, 19, 28, 40.

⁷ Курганы 7, 8, 13, 45.

⁸ Курганы 1, 6, 31, 45, 46.

⁹ Курганы 7, 8, 39, 49.

¹⁰ Курганы 1, 7, 8, 13, 15, 17, 19, 25, 28, 31, 45.

¹¹ Курганы 6, 10, 12, 20, 22, 34.

¹² Курганы 6, 7, 8, 10, 12, 13, 20, 25.

¹³ Курганы 16, 39, 40, 46, 47, 49.

¹⁴ Курганы 1, 7, 8, 13, 17, 19, 28, 31, 45, 46, 47, 49.

¹⁵ Курганы 15, 16, 25, 39, 40.

иная картина наблюдается среди захоронений, углубленных в материк: здесь преобладает западное направление¹ и два ориентированы на северо-запад². Все сохранившиеся костяки лежали на спине с вытянутыми руками и ногами. У двух погребенных кисти рук находились под тазом (к. 22 и 28), у двух – ноги были сведены в коленях (к. 7, 22), у трех – сведены в ступнях (к. 13, 16, 19) и в одном – слегка согнуты в коленях (к. 6). Череп, как правило, лежал на основании, только в кургане 22 он был повернут в правую сторону, а в кургане 40 – на левую.

Погребальный инвентарь крайне бедный. В основном это ножи и кресала с кремнями, которые присутствовали в большей половине погребений – мужских, женских и детских. Три захоронения оказались безынвентарными³, а в насыпи кургана 7 обнаружены отдельные фрагменты красноглиняной керамики. Кроме того, обломки сосудов имелись еще в пяти комплексах⁴. Другие категории вещей найдены в единичных экземплярах: железные обувные подковки, шашка и наконечник копья, два железных наконечника стрел, каменный оселок, железные ножницы, три бронзовых наперстка и фрагменты от двух бритв. Украшений также немного – это серьги, три перстня, бронзовая подвеска и стеклянные бусы с бисером.

Традиционный набор вещей: нож, кресало с кремнем, обычно располагался справа или слева от костяка. Кресало и кремь – около руки, правой или левой, а чуть ниже в районе тазовых костей – нож. Только в одном случае (к. 49) предметы компактно лежали с внутренней стороны бедренной кости правой ноги. Другие вещи, которых было немного, лишь изредка дополняли основной комплект. Каменный оселок (к. 19) был положен рядом с кремнем и кресалом. Два железных наконечника стрел из курганов 12 и 28 найдены около правой ноги погребенного. Шашка и наконечник копья (к. 10) лежали вдоль правой руки остриями на запад. В этом же погребении рядом с кремнем (кресало отсутствовало) найден фрагмент шнура, по всей видимости, от мешочка, где хранился этот кремь. В кургане 6 около ступней костяка обнаружены две железные обувные подковки от обуви с жесткой подошвой. Большим разнообразием погребального

инвентаря отличаются лишь захоронения в трех курганах.

В кургане 47 стеклянные бусы и такой же мелкий бисер расчищены в районе головы и грудной клетки с правой и левой стороны. Под ключевой костью левой руки найдена бронзовая ажурная привеска. Ближе к поясу обнаружено бронзовое кольцо-перстень. Фрагменты привесок к подвеске найдены с правой стороны грудной клетки, здесь же лежал бронзовый наперсток и фрагменты железного колечка. Из этого погребения происходят фрагменты горла с остатками ручки от поливного кувшинчика⁵.

В кургане 49 погребальный инвентарь был сосредоточен с левой стороны костяка у левой бедренной кости. Здесь было расчищено скопление бус, бронзовый наперсток, железные ножницы, фрагменты каких-то железных предметов, среди них нож. На фаланге пальца правой руки найден бронзовый перстень. В районе черепа обнаружены две серебряные серьги.

В кургане 12 наряду с вещами, лежавшими непосредственно в погребении (нож и наконечник стрелы), было расчищено отдельное скопление предметов, находившееся на камнях внешней обкладки курганной насыпи. Набор вещей явно женский: бронзовый наперсток, перстень и стеклянные бусы, хотя захоронение было мужским⁶. Здесь же найден сильно фрагментированный поливной кувшинчик.

Как уже отмечалось выше, погребальный инвентарь крайне бедный. Основную группу по встречаемости составляют орудия труда, далее идут украшения, которые найдены в трех погребениях и довольно разнообразны по составу, и наконец, оружие, состоящее из наконечника копья, шашки и двух наконечников стрел.

Орудия труда представлены ножами, кресалами с кремнем, оселком, ножницами и наперстками.

Ножи найдены в 12 погребениях, в пяти случаях это практически целые экземпляры, в семи – можно восстановить форму. Ножи двух типов: небольшие с коротким лезвием и более крупные. Длина первых колеблется от 6,5 до 10,8 см, а ширина от 0,8 до 1,3 см; размеры вторых полностью установить невозможно, но по сохранившимся экземплярам видно, что в длину они достигали 13

¹ Курганы 10, 12, 20, 22.

² Курганы 6, 34.

³ Курганы 8, 40, 45.

⁴ Курганы 12, 17, 19, 25, 47.

⁵ Были найдены при выкорчевке пней крупных деревьев, росших на насыпи кургана.

⁶ Антропологический анализ проводился научным сотрудником ИА РАН Г.А. Романовой.

– 19 см, а ширина лезвия равнялась 1,5–2,2 см. У ножей первого типа лезвие с прямой спинкой, с плавным сужением к острию и уступами при переходе в черенок (к. 15, 31, 49; рис. 9, 19; 10, 10, 21), у некоторых изделий режущая поверхность со следами изношенности (к. 17; рис. 9, 20). Только у одного ножа четкая ступенька отсутствует, и лезвие, плавно сужаясь, переходит в черенок (к. 12; рис. 9, 10). У ножей второго типа лезвие длинное и узкое, режущий край почти параллелен спинке и сужение к острию происходит практически у конца полотна. Уступы при переходе в черенок имеются только на одном экземпляре, а у основания клинка выделен бортик для упора обкладок рукояти (к. 39; рис. 10, 13). У остальных – лезвие, плавно сужаясь, переходит в черенок (к. 6, 19, 25, 34, 46; рис. 9, 1, 25; 10, 6, 12, 15). У всех более-менее сохранившихся ножей этого типа на черенке или в месте перехода – по одному круглому отверстию от заклепки. Обкладки рукоятей, по всей видимости, были либо деревянные, либо из кости. В кургане 1 сохранились остатки ножа с узким клинком и рукоятью, изготовленной из двух костяных пластин¹. Хронологический и географический диапазон этой категории вещей очень широк.

Кресала с кремнями найдены в 9 погребениях², в кургане 10 лежал лишь один кремь, а в кургане 22 обнаружен железный предмет в форме дуговидной пластины с трапециевидными раскованными концами, возможно, заменявший огниво (к. 22; рис. 10, 3). Все кресала, кроме одного из кургана 34, однотипны: калачевидные с заостренными концами и едва обозначенным выступом на внутренней стороне ударной пластины. Длина колеблется от 5,3 до 6,5 см, высота – от 2 до 2,5 см (рис. 9, 3, 15, 17, 23; 10, 5, 9, 14). Разные вариации этого типа имели широкое распространение на протяжении всего позднего средневековья. Большая часть из них имела четко выраженный выступ и высоко поднятые концы. В нашем случае мы имеем целую серию, хоть и небольшую, практически идентичных предметов, у которых эти два признака почти исчезают. Возможно, подобные морфологические изменения носят временной характер и могут служить хроноиндикаторами для этой категории бытовых вещей, по крайней мере, в этой части черноморского побережья и, может быть южнее. Находки аналогичных кресал из могильника

Бжид 2 в Туапсинском районе Краснодарского края как будто бы подтверждают это предположение (Шишлов и др., 2003, с. 87, рис. 18, 3). Экземпляр из кургана 34 (рис. 10, 11) также относится к калачевидным, но без выступа. Они встречаются в северокавказских материалах позднего средневековья, но значительно реже. Как примеры можно привести находки из Кабардино-Балкарии и более поздние из Чечни (Нагоев, 1987, с. 232, рис. 18, 3; Марковин, 1963, рис. 1, 18).

Оселок найден в единственном экземпляре (к. 19), изготовлен из камня мягкой породы, имеет вид бруска прямоугольного сечения, со слегка скошенными гранями в верхней части и просверленным отверстием. Длина 4,2 см, размер сечения 1,2 x 0,7 см (рис. 9, 24). Такие находки в позднесредневековых захоронениях не часты, а хронологический диапазон их очень широк.

Ножницы также представлены одним экземпляром (к. 49; рис. 10, 16), относятся к типу шарнирных. Из-за обломанных рукоятей точно установить форму их окончаний практически невозможно, но вполне вероятно, они по конфигурации были близки некоторым золотоордынским образцам из Поволжья (Федоров-Давыдов, 1994, с. 181, рис. 37, 1; Нарожный, 2003, с. 258, рис. 6, 8). Ножницы постоянно встречаются в курганных могильниках позднего средневековья и по восточно-черноморскому побережью, и в степном Закубанье и восточнее, в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, но в отличие от найденных в «Церковной щели» они относятся к типу пружинных, использовавшихся для стрижки овец (Носкова, 2010, с. 189, рис. 6, 12; с. 195, рис. 12, 14; с. 196, рис. 13, 22; Левашова, 1953, рис. 5, 5; Алексеева, 1971, с. 353, табл. 416, 17; Нагоев, 1987, с. 236, рис. 22, 4), шарнирные же попадаются гораздо реже (Сизов, 1889, табл. XIV, 17; Козюменко, Раев, 2002, с. 231, табл. 8, 3). Как видно, этот обычай сохраняется и в более поздний период, наша находка как бы подтверждает это.

Наперстки медные (3 шт.) происходят из курганов 12, 47 и 49, по форме мало чем отличаются друг от друга, имеют вид колпачка со скругленным верхом. Украшены точечным пуансонным орнаментом, напоминающим «косую» сетку, и горизонтальными гладкими поясками, ограничивающими декорированную поверхность сверху и

¹ На данный момент нож утрачен, и его рисунок воспроизвести невозможно.

² Курганы 1, 6, 13, 15, 19, 25, 31, 34, 39.

снизу. Высота 2–2,2 см, диаметр по нижнему основанию 1,5–1,8 см (рис. 8, 9; 9, 7; 10, 20). Все изделия фабричного производства, они значительно отличаются от таких же, но изготовленных кустарным способом бронзовых наперстков более раннего времени, известных из средневековых могильников Восточного Причерноморья, Закубанья и Центрального Предкавказья (Марченко, Пьянков, 2002, с. 199, рис. 11, 3; Носкова, 2005, с. 200, рис. 4, 15, 16; Нагоев, 1987, с. 232, рис. 18, 14). Общей для этой категории вещей является лишь пуансонная орнаментация, что в значительной степени связано с их функциональным назначением. Наперстки, аналогичные найденным в Церковной щели, довольно известны по материалам из башенных склепов в Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, Кабардино-Балкарии (Тменов, 1979, с. 114), верхняя дата которых доходит до начала XIX в., а нижняя ограничивается XVI в. (Тменов, 1979, с. 137). В те же временные рамки укладываются точно такие же изделия из двух впускных позднеадыгских захоронений в кургане 46 из прото-меотского могильника Фарс в Адыгее¹. В курганах Бжида 2 они найдены в четырех женских погребениях (Шишлов и др., 2003, с. 86, рис. 15; 16, 7; с. 89, рис. 24, 2; 28, 1).

Украшения из трех захоронений довольно разнообразны по составу – это крупная подвеска с привесками, серьги, перстни, бусы с бисером.

Подвеска бронзовая из кургана 47 имеет вид круглого диска с двумя овальными вырезами в нижней части и тремя небольшими выступами, заканчивающимися округлыми петельками, сверху – треугольная петля для крепления. Диск подвески прорезной из двух поясков, украшенных шариками зерни. В центре овальная вставка из прозрачного синего стекла, между поясками восемь круглых дисков с шариком зерни. К нижним петлям при помощи колечек прикреплены три привески. Каждая из них состоит из цепочки и медальонов округлой формы с сердцевидным вырезом, украшенных шариками зерни. Цепочка состоит из двух звеньев, соединенных бронзовыми колечками. Верхнее звено – пластинка с ложновитым орнаментом на лицевой стороне и петлями на концах; нижнее звено – из такой же, но гладкой пластинки, на нижнем конце два отверстия, к которым крепились медальоны (рис. 8, 3). Видимо, к этой подвеске относятся фраг-

менты двух плоских круглых дисков с гравированным пояском по краю и арабскими буквами по центральному полю (рис. 8, 4). Общая длина подвески 12,5 см, диаметр 5 см, диаметр медальонов 2,5 см.

Серьги (2 шт.) найдены в кургане 49, имеют овальную форму, сделаны из круглой в сечении проволоки, концы которой раскованы и в них – отверстия для стягивания шнурком или ниткой (сохранились остатки органики). На проволоку надеты бусины из прозрачного стекла темного цвета. Диаметр 2,3 x 2,5 см; диаметр бусин 0,8–0,9 см, длина 0,7–0,8 см (рис. 10, 19).

Перстень железный (к. 12) в виде кольца, из проволоки прямоугольного сечения, имеет расширение в верхней части, возможно, это были остатки щитка, но из-за сильной коррозии форма не восстанавливается. Диаметр 2,8 см (рис. 9, 6).

Перстень бронзовый со щитком (к. 49). Дужка в виде кольца из плоской в сечении проволоки, сверху – щиток подпрямоугольной формы со слегка скругленными углами. Лицевая сторона украшена гравированным орнаментом из четырех двойных полуокружностей. Диаметр 1,8 см, размер щитка 1,2 x 1,1 см (рис. 10, 18).

Перстень бронзовый (к. 47) относится к типу пластинчатых, верхняя часть слегка расширена в виде треугольного выступа и украшена гравированным орнаментом из трилистников (?), внизу дужка разомкнута. Диаметр 1,6 см, ширина 0,5 см (рис. 8, 5).

Бусы и бисер найдены в трех курганах. В кургане 12 – бусины (3 шт.) из прозрачного синего стекла, округлой и четырехгранной формы. Диаметр 0,8–0,9 см; высота 0,6–0,7 см (рис. 9, 5). Такой же формы бусы (15 шт.) из кургана 49, но изготовлены из прозрачного желтого и голубого и молочно-белого глухого стекла. Диаметр 1,0–1,1 см, высота 0,6–0,9 см (рис. 10, 17). В кургане 47 бисер располагался тремя небольшими скоплениями: около головы, в районе грудной клетки с правой и левой стороны. Бисерины разного размера и формы сделаны из глухого стекла черного, красного, голубого, синего, желтого, белого и зеленого цвета. Форма цилиндрическая, дисковидная и округлая, поперечно-сжатая. Диаметр 0,2–0,4 см, высота 0,1–0,4 см (рис. 8, 6, 7).

Из всего набора украшений, представленного в погребениях, конечно, выделяется крупная бляха с привесками, хотя хронологических при-

¹Вещи хранятся в фондах Государственного музея Востока.

вязок мы пока не имеем. Е.Н. Студенецкая отмечает, что у адыгских народов в XVIII – первой половине XIX вв. преобладали украшения, нашитые или прикрепленные на тот или иной вид одежды. Эта традиция прослеживается и в предшествующий золотоордынский период (Студенецкая, 1989, с. 62). В белореченских курганах в богатых погребениях иногда встречаются привески, являвшиеся деталью головного убора (Левашова, 1953, с. 207), еще реже – медальоны и бляхи, крепившиеся на цепочках (ОАК, 1888, с. 34, рис. 187 а, б). находка из Церковной щели, безусловно, более позднего происхождения. Вполне возможно, что это изделие привозное, либо сделанное на заказ, что естественно затрудняет поиски аналогий.

Остальной материал так же вряд ли можно использовать в качестве хроноиндикаторов для данного могильника. Серьги с напусковой бусиной известны в восточноевропейских, в том числе северокавказских древностях на протяжении всего периода средневековья. Необычно лишь оформление концов дужки: сквозные отверстия для их скрепления. Вполне вероятно, что эти украшения использовались как височные кольца и крепились к тесьме на головном уборе. Также широко и в пространстве, и во времени были распространены перстни. Можно привести массу примеров находок литых перстней со щитками самой различной формы и гравированным орнаментом, наш экземпляр отличается лишь техникой изготовления – пластинчатые дужки приварены к щитку. Это дает основание предположить, что подобный технологический прием является довольно поздним признаком. Хорошо датированный экземпляр, выполненный в такой же манере, происходит из позднесредневекового некрополя на Мангупе в Крыму, где встречены фрагменты керамики XIII – XIV вв., монеты XVI в., относящиеся ко времени Крымского ханства (Бармина, 1997, с. 51-53, рис. 33); идентичный ему перстень, найденный на южном берегу Краснодарского водохранилища, хранится в фондах ГМВ. Пластинчатые кованые перстни встречаются на Кавказе гораздо реже, техника гравировки на фоне мелкой штриховки, по всей видимости, распространяется в послемонгольское время. Многочисленные украшения, орнаментированные подобным способом, известны в башенных склепах и поздних каменных гробницах Осетии (МАК, 1900, табл. LIV, 18; CVIII, 6).

Бусы из Церковной щели довольно резко отличаются от наборов золотоордынского времени. Полностью отсутствуют полихромные орнаментированные бусины, изменяется гамма монохромных – увеличивается количество экземпляров зеленого, красного и желтого цвета. Вообще следует отметить малочисленность стеклянных бус, собранных в ожерелья. В.П. Левашова пишет, что в белореченских курганах «бусы встречаются обычно одиночными экземплярами» (Левашова, 1953, с. 203), такая же ситуация наблюдается в Восточном Причерноморье (Армарчук, Малышев, 1997, с. 105). В кабардинских курганных могильниках, как указывает А.Х. Нагоев, бусы в большинстве случаев зафиксированы у ног погребенных в разложившихся кисетах (Нагоев, 1987, с. 204). По всей видимости, в курганах 12 и 49 публикуемого некрополя мы сталкиваемся с таким же обычаем, хотя место расположения скоплений иное. В кургане 47 другая картина – бисер лежал около головы и группировался справа и слева на грудной клетке, словно им была расшита и одежда погребенной. Однако по археологическим материалам известно, что женский головной убор украшался металлическими бляшками, ажурными пластинами, тесьмой или лентой (Левашова, 1953, с. 186-188; Доде, 2001, с. 76-77).

К туалетным принадлежностям относятся *бритвы* из курганов 20 и 22. Изделия сохранились фрагментарно и первоначально были определены как обломки ножей. После более детального их изучения и сравнения с новыми опубликованными материалами стало понятно, что фрагменты могут относиться к бритвам. Кроме того, найдены обломки костяных пластин, прикрепленных к черенку. Они имеют подпрямоугольную форму, конец скруглен и внизу слегка расширяется; с обеих сторон украшены двойными гравированными линиями. Между собой обкладки были скреплены железными штифами, а место соединения, с одной стороны было закрыто узкой тонкой пластиной (к. 20; рис. 10, 1). Если обратиться к аналогиям, то практически идентичные по форме образцы рукоятей можно увидеть среди материалов из погребения 1 кургана 4 и погребения 2 кургана 9 могильника Бжид 2. Авторы публикации определяют их как накладки от рукояти бритвы, что вполне логично, судя по ширине лезвия. Исследованная часть памятника ими датируется XVI – XVII вв. (Шишлов и др., 2003 . с. 71; с. 86, рис. 16, 4, 8, 9;

с. 88, рис. 22, 1, 2). Подобные складные бритвы хорошо известны среди находок из кабардинских курганов XV – XVII вв. у сел. Шалушки и сел. Чегем II в Кабардино-Балкарии (Нагоев, 1987, с. 202; с. 232, рис. 18, 9, 10), большим количеством они представлены в наземных склепах Северной Осетии (Тменов, 1979, с. 114–115.). По отдельно сохранившемуся обломку лезвия нельзя однозначно сказать была эта бритва складной. В значительной степени больше под это определение подходит фрагмент широкого лезвия с переходом в короткий черенок и подвижной заклепкой из кургана 22 (рис. 10, 2).

Единственным предметом, как бы относящимся к деталям одежды, являются две железные *обувные подковки* из кургана 6. Они имели дуговидную форму, а с внутренней стороны – три шипа от заклепок для крепления к подошве, длина 8,5 см, ширина 7 см (рис. 9, 4). Находка эта необычна, к какому типу обуви могут относиться такие набойки, сказать трудно, может быть это были сапоги. В материалах из склепов Осетии и Чечено-Ингушетии, которые датируются XVI – началом XIX вв., встречаются башмаки с тремя железными шипами и сапоги с подковками (Студенецкая, 1989, с. 33). Возможно, и адыги изредка пользовались подобной обувью, хотя в нарративных источниках XVIII – первой половины XIX вв. обычно упоминается мягкая обувь, «которая шьется точно по ноге, со швом посредине и не имеет подошвы» (Студенецкая, 1989, с. 33).

Оружие в могильнике представлено единичными экземплярами: два железных наконечника стрел из курганов 12 и 28, шашка и наконечник копья из кургана 10.

Наконечники стрел железные (2 шт.) черешковые с пером ромбического сечения. Длина 7 и 5,8 см, длина пера 3,5 и 4,5 см, сечение 1 и 1,5 см (рис. 9, 8; 10, 7).

Шашка железная без перекрестия. Короткий клинок слегка изогнут, с обеих сторон имеет по два дола. Рукоять прямая, с тремя заклепками. Длина 75 см, ширина 3 см, длина рукояти 8 см (рис. 9, 11).

Наконечник копья железный. Перо удлиненно-треугольной формы с наибольшим расширением у основания. Сечение ромбическое, втулка коническая. Длина 18,2 см, длина пера 11 см, ширина 2,5 см, диаметр втулки 2 см (рис. 9, 12).

Хотя оружия в погребениях немного, тем не

менее, по его составу вполне реально представить набор вооружения адыгских воинов на переходном этапе. Наконечники стрел имеют очень широкий диапазон, аналогичные есть в могильнике Бжид 2 (Шишлов и др., 2003, с. 89, рис. 24, 1). Продолжали они бытовать у черкесов вплоть до XIX века. Даже в этот период колчаны со стрелами являлись обязательным атрибутом воинского снаряжения наряду с ружьями. «Лук и стрелы ... используются только тогда, когда они хотят продолжить безмолвный бой или когда они не имеют достаточно пороха или огневого оружия» – отмечал Эд. Спенсер, побывавший в Черкесии в первой половине XIX в. (Спенсер, 1994, с. 22). Копья использовались для ближнего боя. В XVII в. Джiovани Лукка в своем сообщении о черкесах писал: «Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой. Голову защищают кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Орудием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики» (Адыги, балкарцы..., 1974, с. 71). И все-таки количество найденных в средневековых погребениях наконечников копий незначительно. А.Х. Нагоев этот факт объясняет тем, что копья для иррегулярной, легковооруженной адыгской конницы были мало эффективны (Нагоев, 1986, с. 135–137), хотя в могильниках Северо-Западного Кавказа они иногда встречаются (Шишлов и др., 2003, рис. 17, 1; 25, 1) и доживают до XIX в., по крайней мере, их изображение встречается на гравюрах и рисунках этого времени (Лонгворт, 2002, рис. на с. 268). Основным же боевым оружием адыгам служила сабля, которая постепенно сменяется более удобной для рубяще-режущего удара кавалерийской шашкой (Нагоев, 1986, с. 135). Э.Г. Аствацатурян отмечает, что в письменных источниках слово «шашка» впервые употреблено в 1625 году (Аствацатурян, 1995, с. 29), но вполне вероятно, они появляются несколько раньше, но не позднее конца XVI в. В позднесредневековых кабардинских могильниках, датирующихся сейчас исследователями не ранее XV – XVI вв., находят лишь сабли с длинным клинком. И каменных ящиках Восточного Причерноморья, материалы которых не выходят за пределы XV в., шашки не встречаются, но появляются в более поздних погребениях. Так, в Абхазии, в разрушенном могильнике в окрестностях Сухуми, «сабли с прямыми клинками» найдены в могилах вместе с вещами, имеющими широкую дату XVI – XVIII вв. (Воронов и др., 1982, с. 256; с. 257, рис. 3, 1–4). К XVI –

XVII вв. относится погребение 1 из кургана 9 могильника Бжид 2 с аналогичной нашему экземпляру шашкой (Шишлов и др., 2003, с. 88, рис. 23).

Керамика в погребениях практически отсутствует. Только в двух захоронениях (к. 17 и 19) единичные невыразительные черепки от красноглиняных гончарных сосудов лежали рядом с погребенными. В остальных случаях керамические остатки были обнаружены в насыпи (к. 7 и 25), на камнях внешней обкладки вместе с перстнем, наперстком и бусами (к. 12) и на уровне древнего горизонта, но в стороне от могильной ямы (к. 47). Форму по имеющимся фрагментам удалось восстановить только у одного сосуда (к. 12) – это одноручный кувшин на плитчатом поддоне с округлым туловом и высоким расширяющимся кверху горлом. Край венчика выделен узкой горизонтальной, глубоко прочерченной линией; на горле – два валика, один широкий, другой узкий; плечики украшены двумя поясками, образованными парными глубокими врезными горизонтальными линиями. Ручка, овальная в сечении, крепилась верхним концом в средней части горла (сохранилось место крепления); нижний конец утрачен. Сосуд был изготовлен из тонкоотмученной красной глины, на гончарном круге. Поверхность покрыта светло-зеленой прозрачной глазурью, нанесенной на светлый ангоб. Высота 19,5 см, диаметр дна – 7,5 см, диаметр горла 7,5 см (рис. 9, 9). Фрагменты керамики из кургана 47 дают представление лишь о верхней части горла одноручного кувшина, которое, возможно, было узким, имело венчик с округлым отогнутым краем и было украшено тремя желобками. Овальная в сечении ручка одним концом крепилась в верхней части горла. Сосуд был красноглиняный, гончарный, поверхность покрыта темно-зеленой глазурью. Диаметр венчика 6,5 см (рис. 8, 8).

Красноглиняная керамика, вернее, отдельные фрагменты, мало информативна для восстановления формы этой категории посуды. Судя по толщине сохранившихся стенок (5–6 см), это могли быть небольшие кувшины с оранжево-красной или темно-красной поверхностью. Они явно местного производства, по характеру обжига, составу теста вполне соответствуют керамическому материалу из могильников золотоордынского времени на восточно-черноморском побережье. Поливная же посуда попадала на эту территорию, безусловно, в результате товарообмена и соответственно высоко ценилась, недаром

фрагменты найдены в курганах с относительно богатым погребальным инвентарем. В могильнике Бжид 2 обломки сосудов, покрытых темно-зеленой глазурью, обнаружены тоже только в двух комплексах – курганы 2 и 9 (Шишлов и др., 2003, с. 59, 67; с. 86, рис. 14; с. 88, рис. 20, 5). В знатных адыгских домах глазурованная керамика наряду со стеклянной посудой служила украшением интерьеров. Эд. Спенсер в своих путевых заметках писал, что в женских помещениях «дополнительной декорацией и украшением ... были полки, нагруженные стеклом, фарфором и сверкающей кулинарной утварью, сделанной из латуни, меди или глазурованной глиняной посуды, предназначенной более для показа, чем для пользования» (Спенсер, 1994, с. 27–28). Это же отмечает и Н.Ф. Дубровин при описании образа жизни и быта черкесов (Дубровин, 2002, с. 69).

Исследование могильника в Церковной щели показало, что по погребальному обряду и вещевому материалу он резко отличается от подкурганых захоронений в каменных ящиках, существовавших в Северо-Восточном Причерноморье практически весь золотоордынский период. Однако он вполне сопоставим с обширными некрополями, распространившимися на восточно-черноморском побережье в последующее время. Составленная М.К. Тешевым сводка позднесредневековых погребальных сооружений в Туапсинском районе Краснодарского края включает целый ряд памятников с идентичными конструкциями курганных насыпей (Тешев, 1985, с. 149–163, табл. 1; с. 164, рис. 1, VI). В эту же группу входит и могильник Бжид 2, близкий и по погребальному обряду, и по вещевому комплексу курганам из Церковной щели. Здесь такие же земляные насыпи, такой же тип каменных обкладок, захоронение на уровне дневной поверхности или с небольшим заглублением в материк, северо-западная ориентировка. Конечно, некоторые отличия все-таки существуют, но это, скорее всего, связано с локальными особенностями. На Бжид 2 полностью отсутствуют погребения в гробах, могильные ямы (Шишлов и др., 2003, с. 74–85). В двух курганах, раскопанных у пос. Архипо-Осиповка, также можно отметить идентичность погребальных конструкций с могильником в Церковной щели: два кольца каменных обкладок и захоронение умершего практически на уровне древней поверхности (к. 6), одна внешняя крепиды по краю насыпи и неглубокая могильная

яма (к. 7) (Баранюк, Голубев, 2009, с. 5-9). Хотя, судя по керамическому комплексу, курганная группа «Сосновая Архипо-Осиповская щель 1», возникла, возможно, несколько раньше, чем обозначенные выше памятники. Изредка сосуды, похожие по форме на кувшин из Архипо-Осиповки, встречаются в степном Закубанье в погребениях позднего золотоордынского периода (Носкова, 2005, с. 202, рис. 6, 6). Для могильников в Церковной щели и Бжид 2 все-таки основным хронологическим репером является находка в курганах шашки, что не дает оснований для определения их нижней даты ранее XVII в. На относительно позднюю датировку указывают и обувные подковки из кургана 6 (рис. 9, 4). Но вряд ли стоит выводить существование подобных некрополей за пределы XVIII в. К началу XIX в. курганные насыпи с их характерными конструктивными особенностями, видимо, совсем исчезают. В книге Дж. Лонгворта, посетившего Черкессию в конце 30-х годов XIX в., адыгское кладбище представляло собой «несколько груд камня, каждая из которых имела по столбу в изголовье и в ногах» (Лонгворт, 2002, с. 211).

В XVII – XVIII вв. могильники типа Бжид 2, в том числе и в Церковной щели, занимали территорию от Геленджика до Туапсе. В это же время в предгорных районах Западного Закубанья появляются погребальные комплексы с очень близкими каменными конструкциями подкурганных захоронений (Дружинина, 2009, с. 111-114). Связано ли это с продвижением адыгских племен на восток, или лишь с инфильтрацией отдельных групп, выходцев с черноморского побережья, в местную среду, принеших новые традиции. А для решения этой проблемы важно знать, когда начинается этот процесс: установить динамику развития обряда в Причерноморье и выяснить, есть ли какая-либо хронологическая последовательность в формировании могильников с разными типами погребальных конструкций, либо они функционируют одновременно и их использование определяется лишь социальными причинами. Только целенаправленное изучение археологических памятников этого периода, накопление материала и выделение хронологических реперов дадут возможность более четко ответить на многие вопросы, связанные со становлением и развитием адыгского общества на рубеже позднего средневековья и нового времени.

ЛИТЕРАТУРА:

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв., 1974. / Сост. Гарданов В.К. – Нальчик: изд-во Эльбрус. 635 с.

Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии / отв. ред. Крупнов Е.И. – М.: изд-во «Наука». 355 с.

Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 3. / отв. ред. Мунчаев Р.М. – Армавир-Москва. С. 92-114.

Аствацатурян Э.Г., 1995. Оружие народов Кавказа / отв. ред. Смилянская И.М. – М.: Изд-во «ХОБ-БИКНИГА». 192 с.

Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2009. Раскопки двух позднесредневековых курганов в пос. Архипо-Осиповка (г.-к. Геленджик) // Материалы Пятой Кубанской археологической конференции / отв. ред. Марченко И.И. – Краснодар: Изд-во КГУ. С. 5-9.

Бармина Н.И., 1997. Раскопки Мангупской базилики // Археологические исследования в Крыму – 1994 год / отв. ред. Кутайсов В.А. – Симферополь: Изд-во СОНАТ. С. 51-54.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А., 1982. Могильник XIV – XVI вв. в окрестностях Сухуми // Советская археология. № 2. / отв. ред. Рыбаков Б.А. – М.: Изд-во «Наука». С. 254-259.

Доде З.В., 2001. Средневековый костюм народов Северного Кавказа / отв. ред. Кантор Т.В. – М.: Изд-во «Восточная литература». 136 с.

Дружинина И.А., Об одном из локальных вариантов погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа // Материалы Пятой Кубанской археологической конференции / отв. ред. Марченко И.И. – Краснодар: Изд-во КГУ. С. 111-114.

Дубровин Н.Ф., 2002. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / отв. ред. Туганов Р.У. – Нальчик: Изд-во «Эль-Фа». 520 с.

Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. / отв. ред. Марченко И.И. – Краснодар: Изд-во ООО «Крайбикколлектор». С. 214-236.

Левашова В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII. / отв. ред. Брюсов А.Я. – М.: Изд-во культурно-просветительской литературы. С. 163-213.

Лонгворт Дж. А., 2002. Год среди черкесов / отв. ред. Мусукаев А.И. – Нальчик: Изд-во «Эль-Фа». 542 с.

Материалы по археологии Кавказа. Выпуск 8. 1900. / Под ред. графини Уваровой. – М.: Изд-во Московское археологическое общество. 381 с.

Марковин В.И., 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии / отв. ред. Крупнов. – М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 248-276.

Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. Курганы 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. / отв. ред. Марченко И.И. – Краснодар: Изд-во ООО «Крайбикколлектор». С. 168-214.

Нагоев А.Х., 1986. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV – XVII вв.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа / отв. ред. Кузнецов В.А. – Орджоникидзе: Изд-во СОНИИИФЭ. С. 132-141.

Нагоев А.Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. т. 3. / отв. ред. Кузнецов В.А. – Нальчик: Эльбрус. С. 170-237.

Нарожный Е.И., 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII – XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / отв. ред. Евлевский А.В. – Донецк: ДонНУ. С. 245-274.

Носкова Л.М., 2005. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее (По раскопкам 1986 и 1988 годов) // Материальная культура Востока. Вып. 4. / отв. ред. Носкова Л.М. – М.: Изд-во «Восход». С. 186-200.

Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 г.) // Материальная культура Востока. Вып. 5 / отв. ред. Носкова Л.М. – М.: ГМВ. С. 167-200.

ОАК за 1986 год / Спб, 1888: Типография главного управления уделов. 251 с.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного

моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II / под ред. граф. Уваровой. М.: ИМАО. 192 с.

Спенсер Э., 1994. Путешествия в Черкессию / Майкоп: Изд-во РИПО «Адыгея». 153 с.

Студенецкая Е.Н., 1989. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. / отв. ред. Сергеева Г.А. – М.: Изд-во «Наука». 288 с.

Тешев М.К., 1985. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Западного Кавказа // Археология Адыгеи / отв. ред. Аутлев П.У. – Майкоп: АНИИЭЯЛИ. С. 142-165.

Тменов В.Х., 1979. «Город мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии) / отв. ред. Манукян А.М. – Орджоникидзе: Изд-во ИР. 151 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья / отв. ред. Степаненко Г.М. – М.: Изд-во МГУ. 232 с.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенёк Л.Н., Дмитрук В.В., 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 4. – Новоросийск: Изд-во НГИМЗ. С. 57-89.

Список иллюстраций

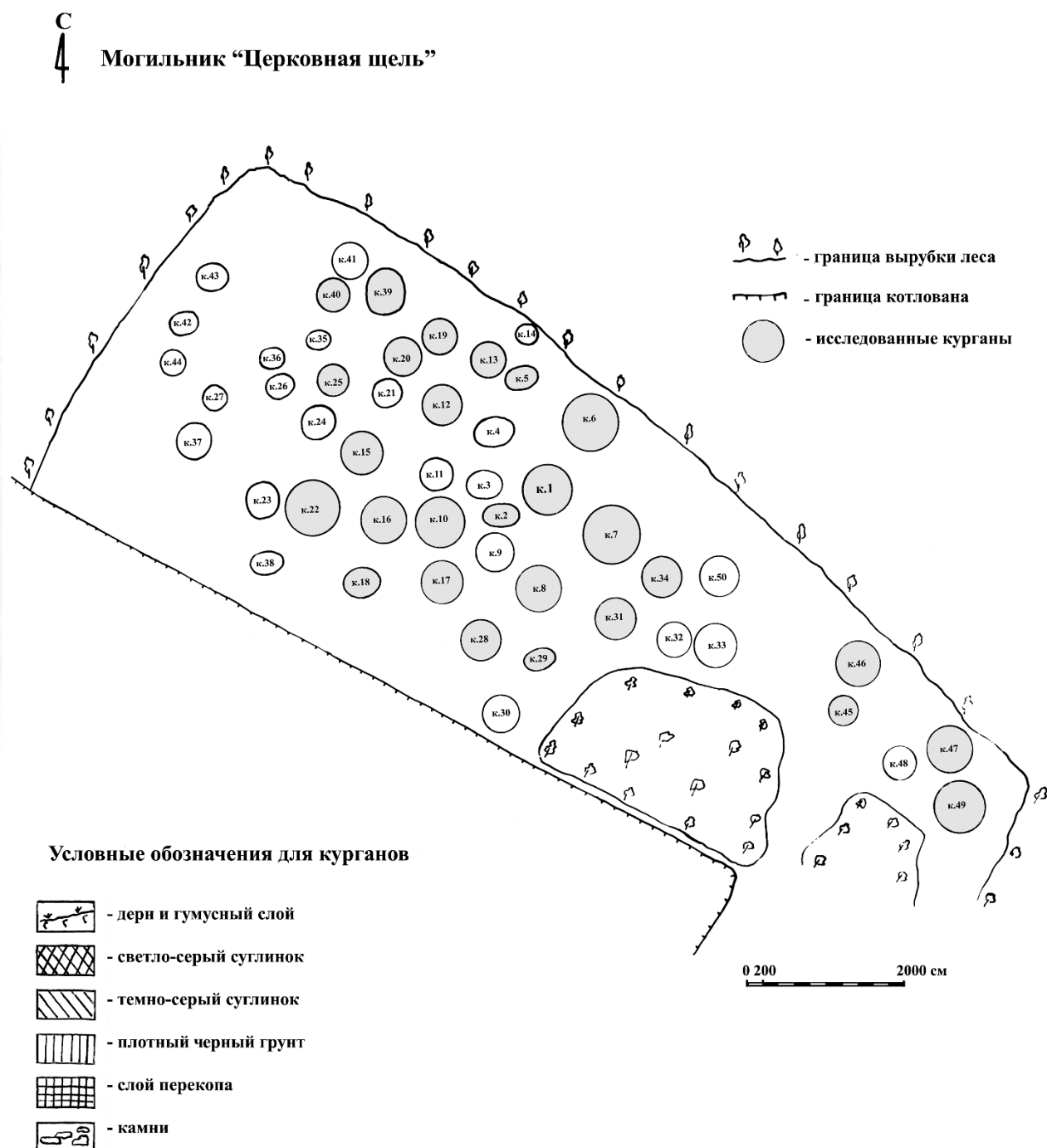

Рис. 1. Могильник Церковная щель – ситуационный план

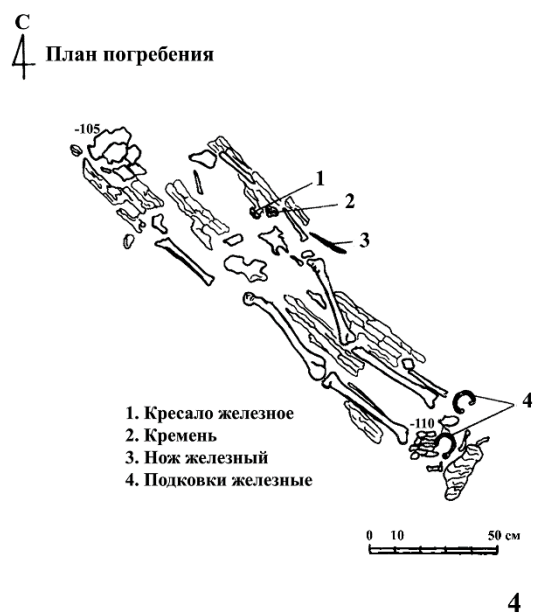
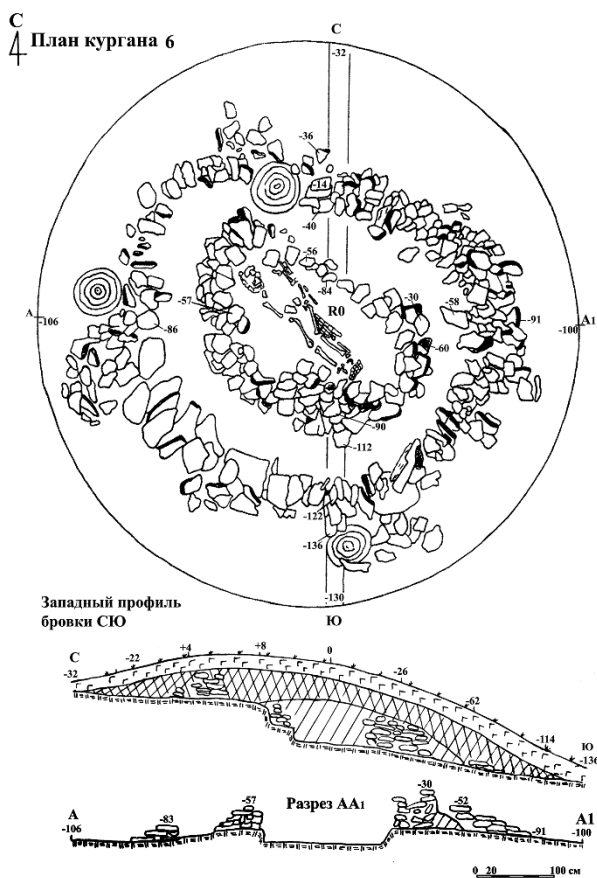
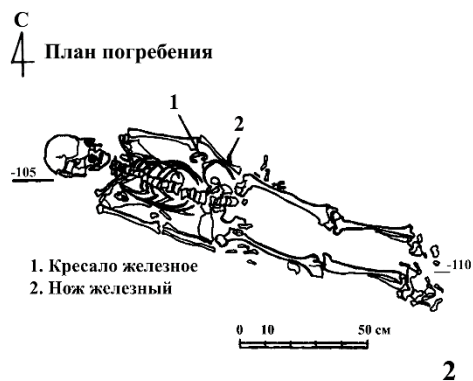
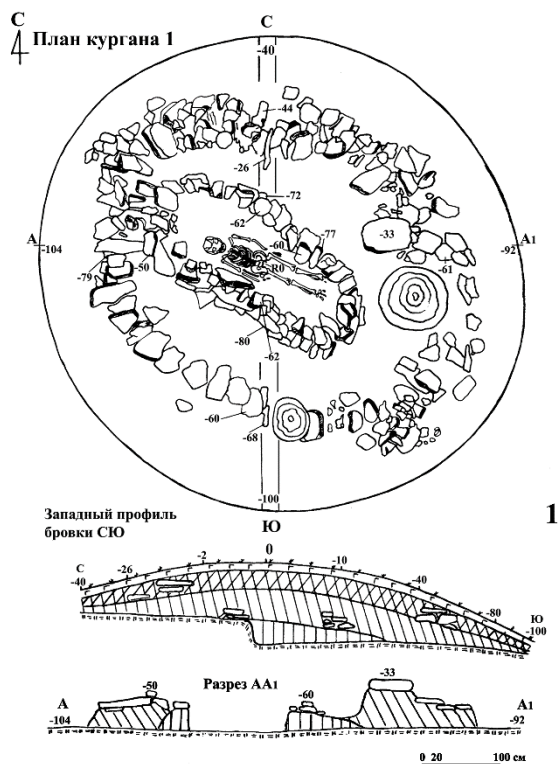

Рис. 2.
1-2 - План кургана 1 и план погребения
3-4 - План кургана 6 и план погребения

Рис. 2. 1-2 – План кургана 1 и план погребения; 3-4 – план кургана 6 и план погребения

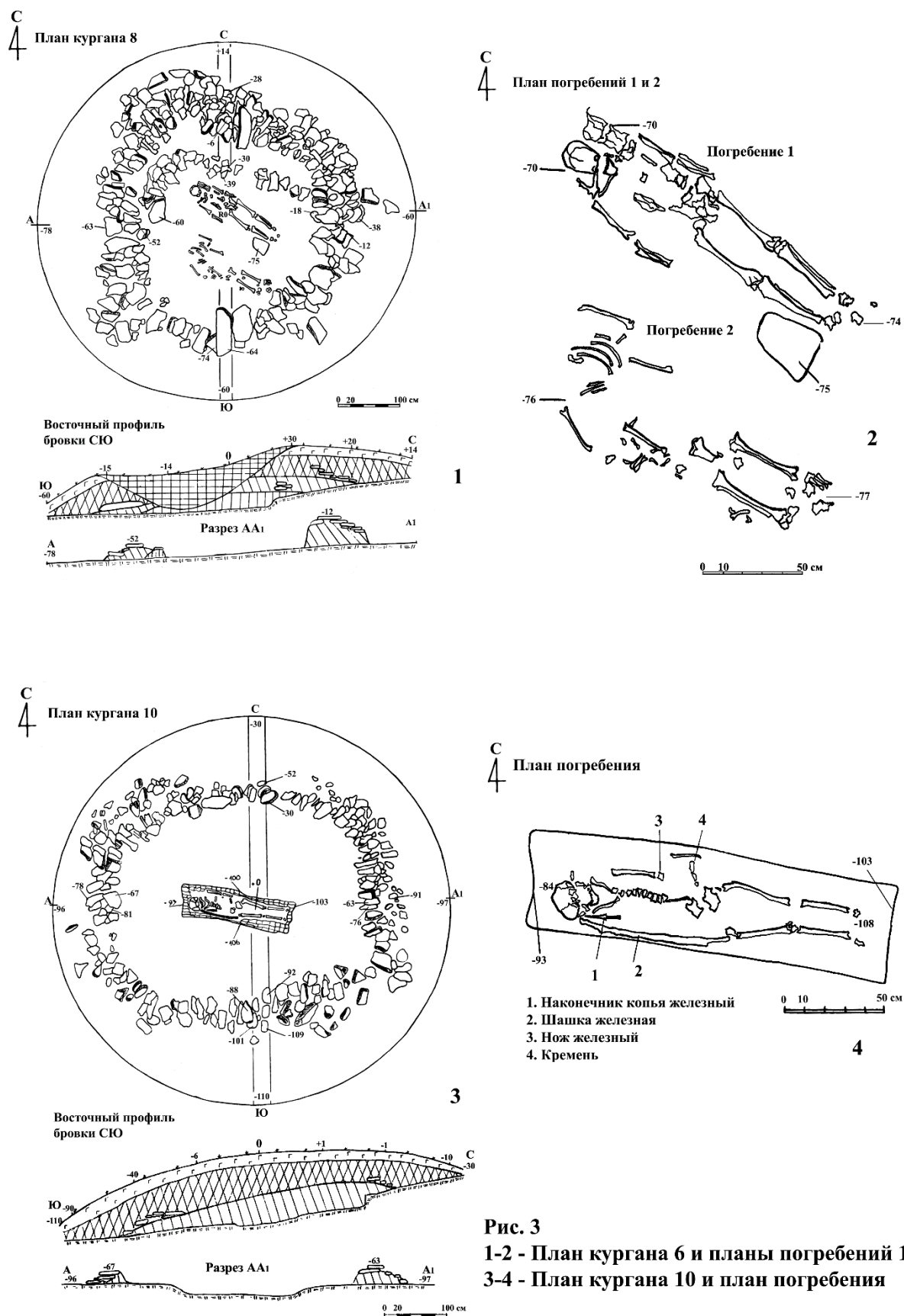

Рис. 3

1-2 - План кургана 6 и планы погребений 1 и 2
3-4 - План кургана 10 и план погребения

Рис. 3. 1-2 – План кургана 8 и планы погребений 1 и 2; 3-4 – план кургана 10 и план погребения

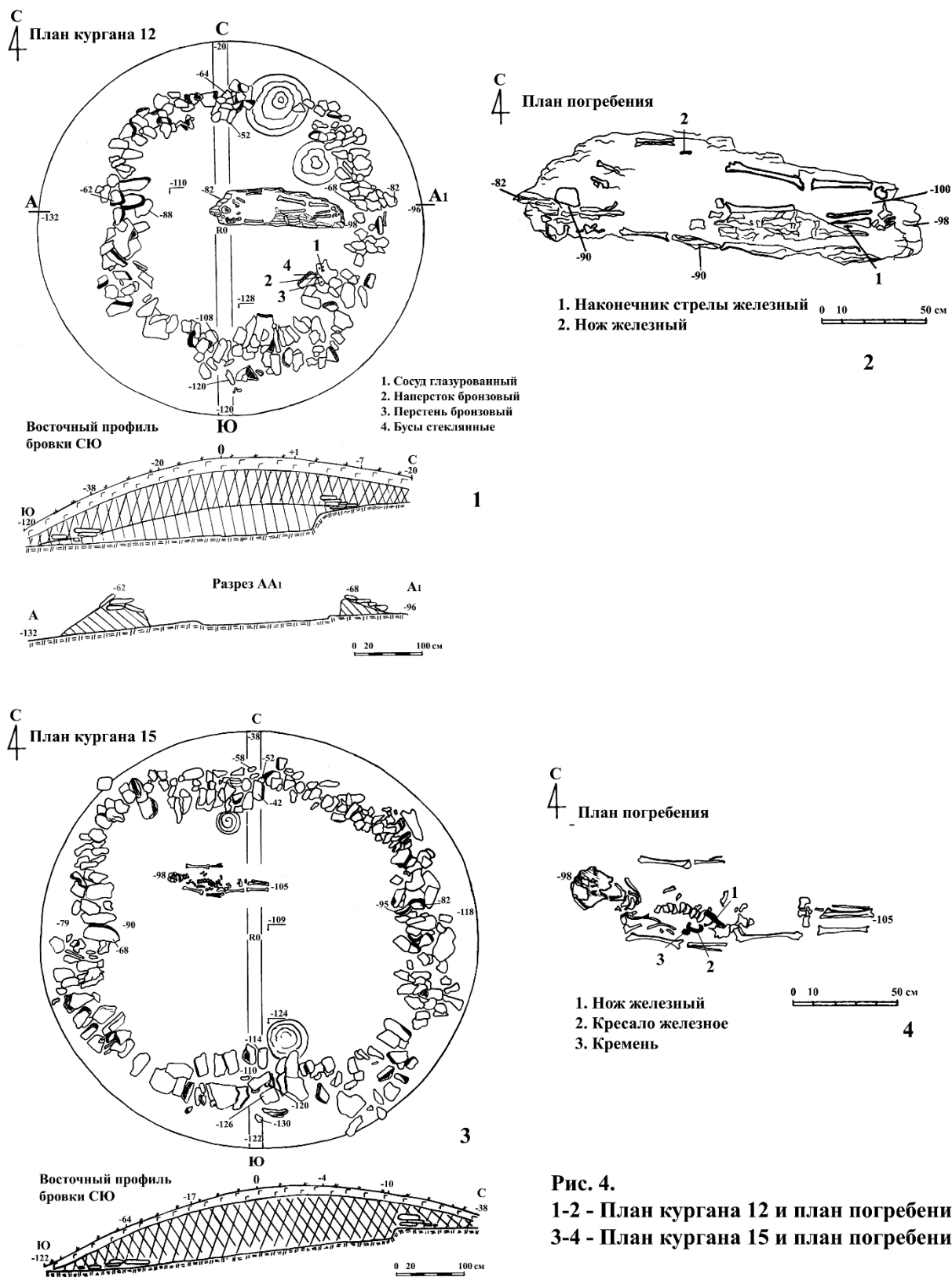

Рис. 4.
1-2 - План кургана 12 и план погребения
3-4 - План кургана 15 и план погребения

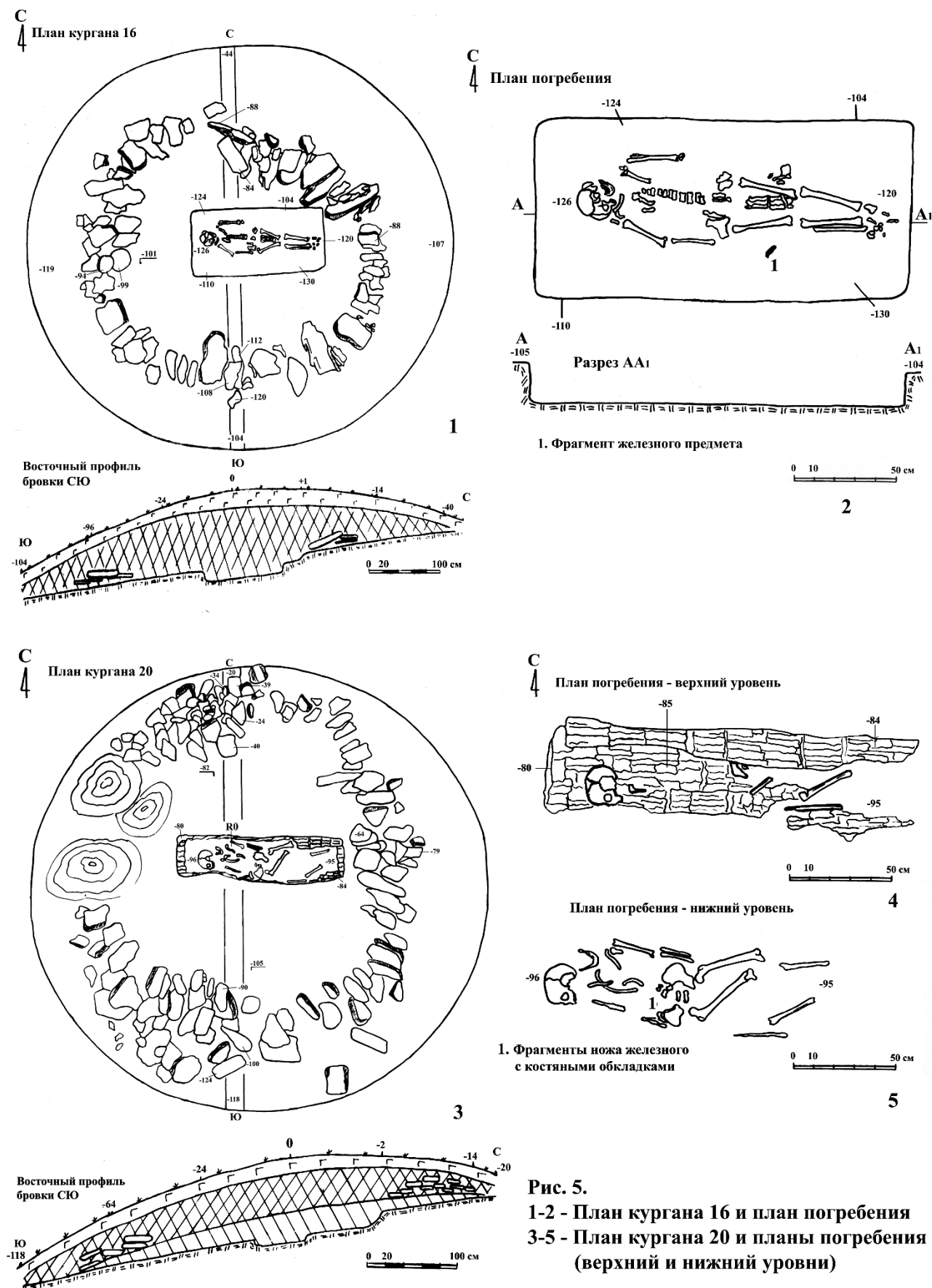

Рис. 5.

1-2 - План кургана 16 и план погребения
3-5 - План кургана 20 и планы погребения
(верхний и нижний уровни)

Рис. 5. 1-2 – План кургана 16 и план погребения; 3-4 – план кургана 20 и планы погребения (верхний и нижний уровни)

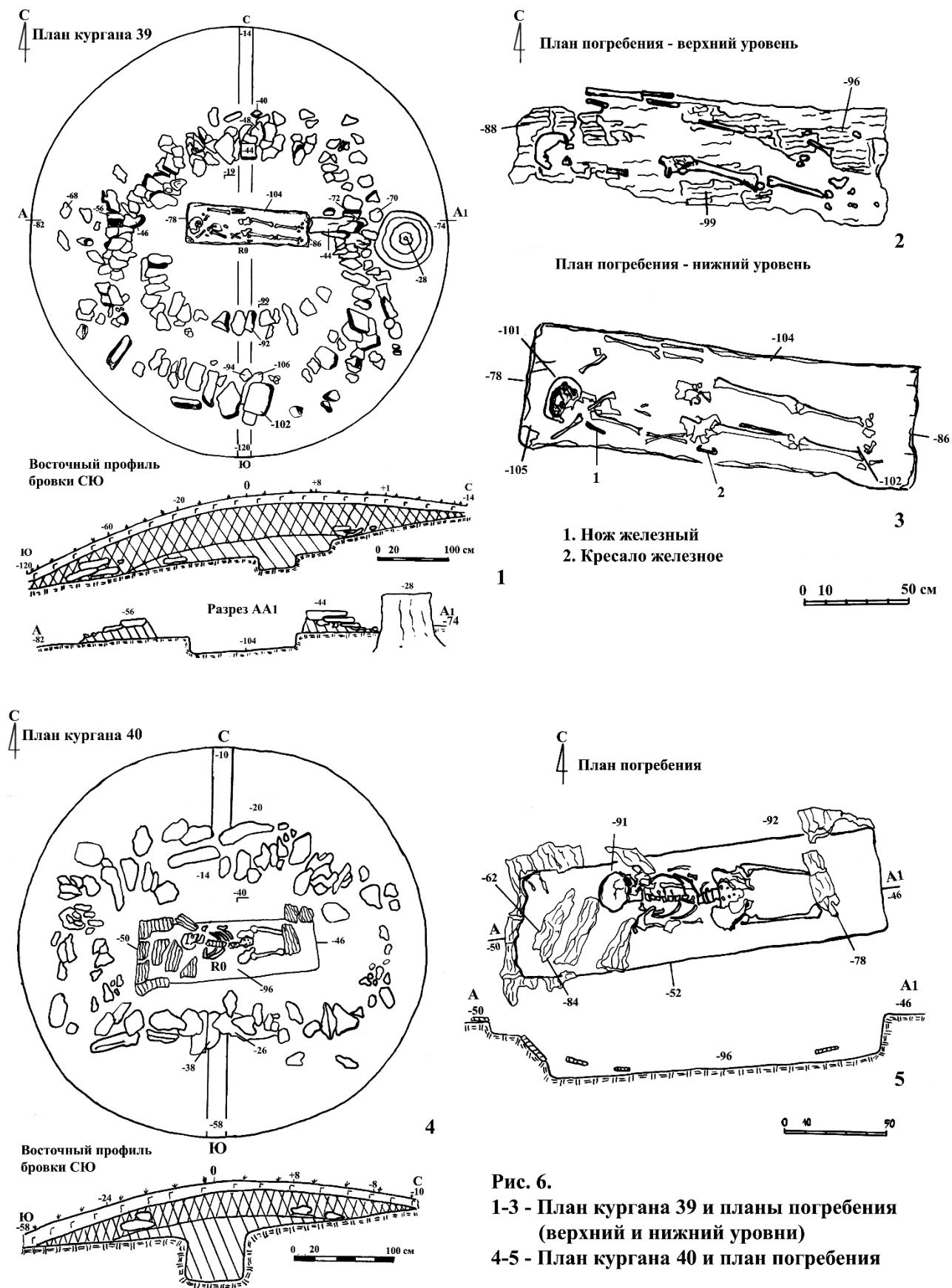

Рис. 6. 1-2 – План кургана 39 и планы погребения (верхний и нижний уровни); 3-4 – план кургана 40 и план погребения

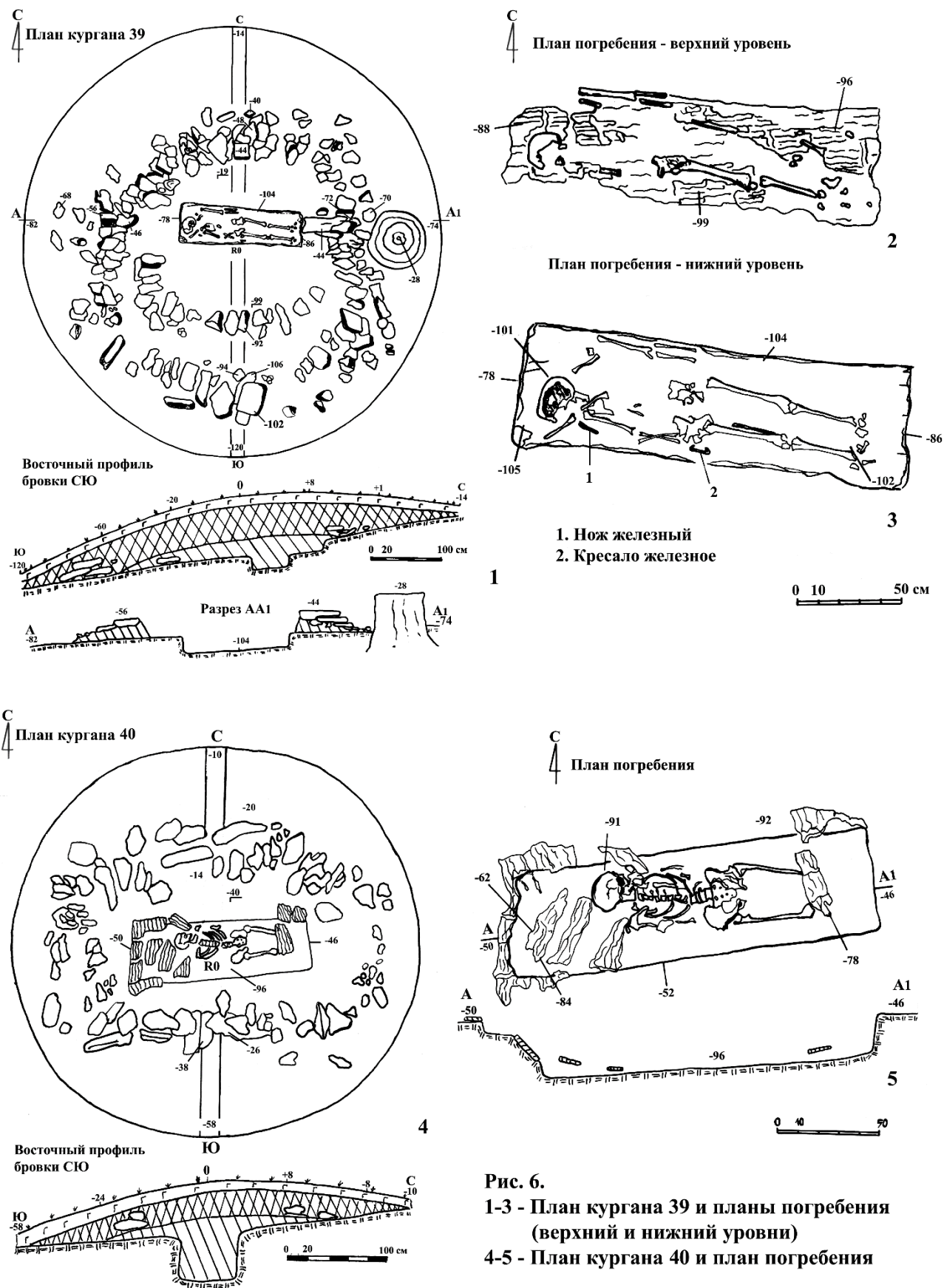

Рис. 6.
1-3 - План кургана 39 и планы погребения (верхний и нижний уровни)
4-5 - План кургана 40 и план погребения

Рис. 7. 1-2 - План кургана 46 и план погребения; 3-4 - план кургана 49 и план погребения

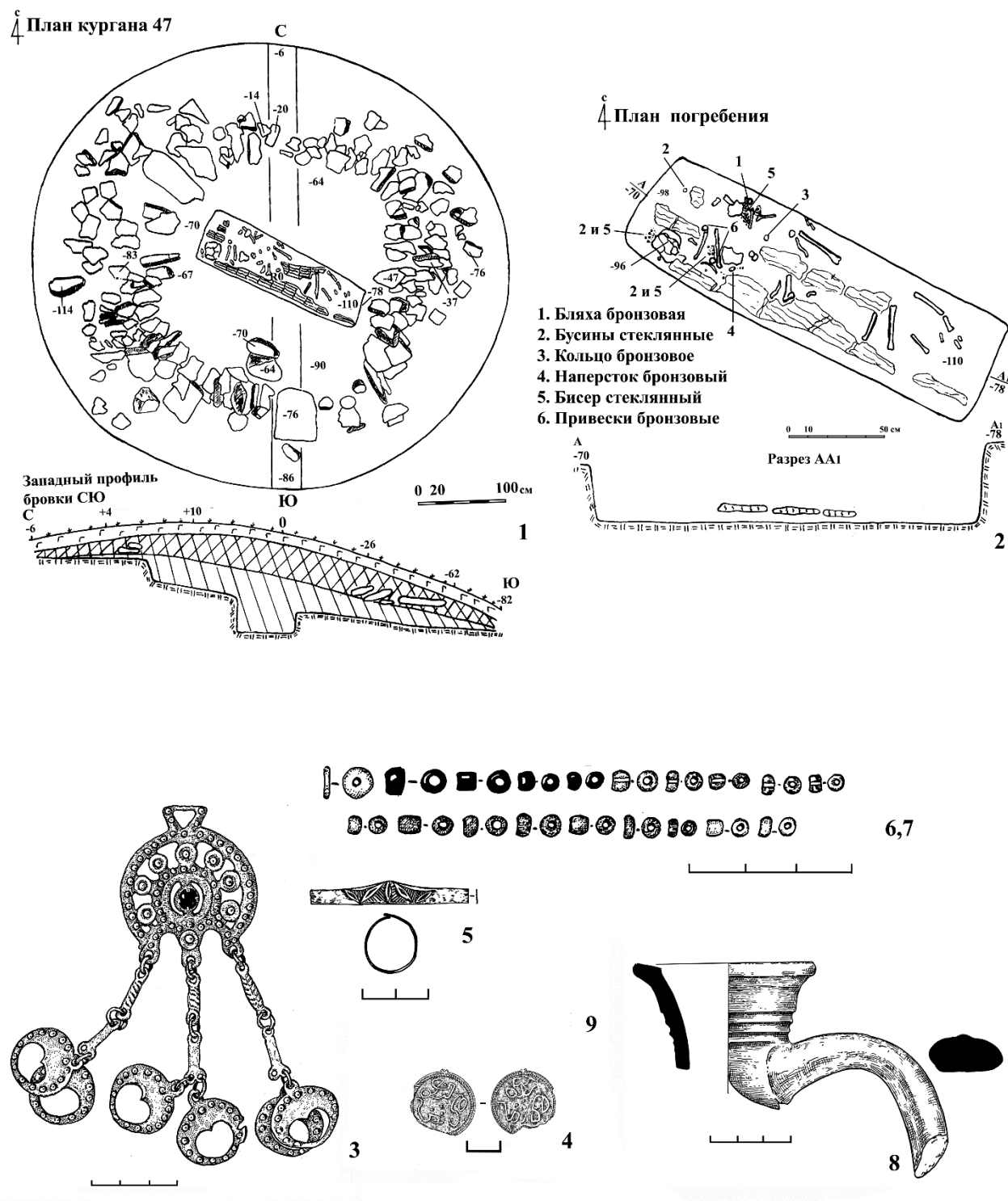

Рис. 8. План кургана 47, план погребения и инвентарь
1–2 – план кургана и план погребения; 3–9 – инвентарь (3,4,5, 9 – бронза; 6,7 – стекло, 8 – глина)

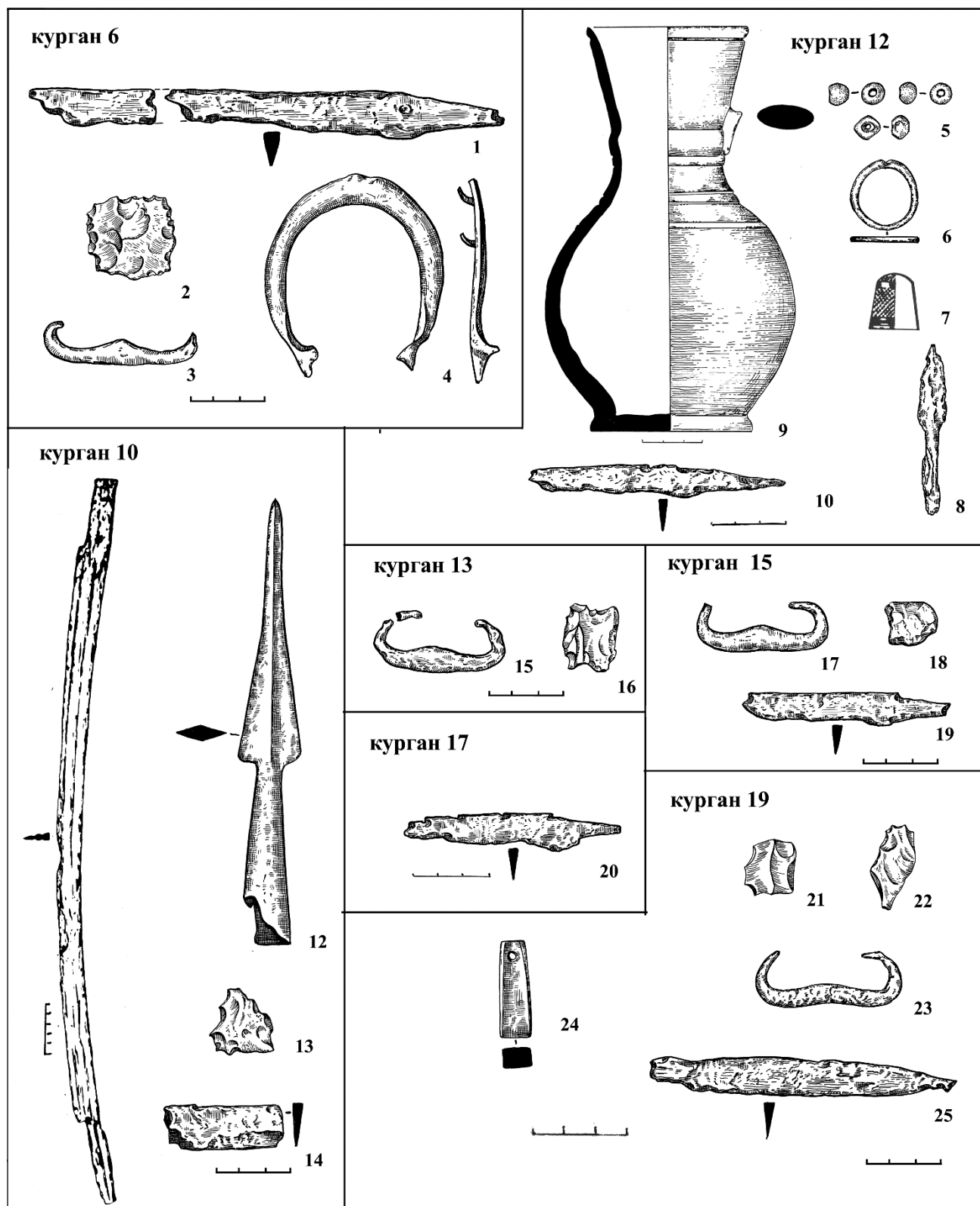

Рис. 9. Инвентарь из курганов 6, 10, 12, 13, 15, 17, 19
(1, 3, 4, 6, 8, 10–12, 14, 15, 17, 19, 23, 25 – железо; 7 – бронза; 5 – стекло;
2, 13, 16, 18, 21, 22, 24 – камень; 9 – глина)

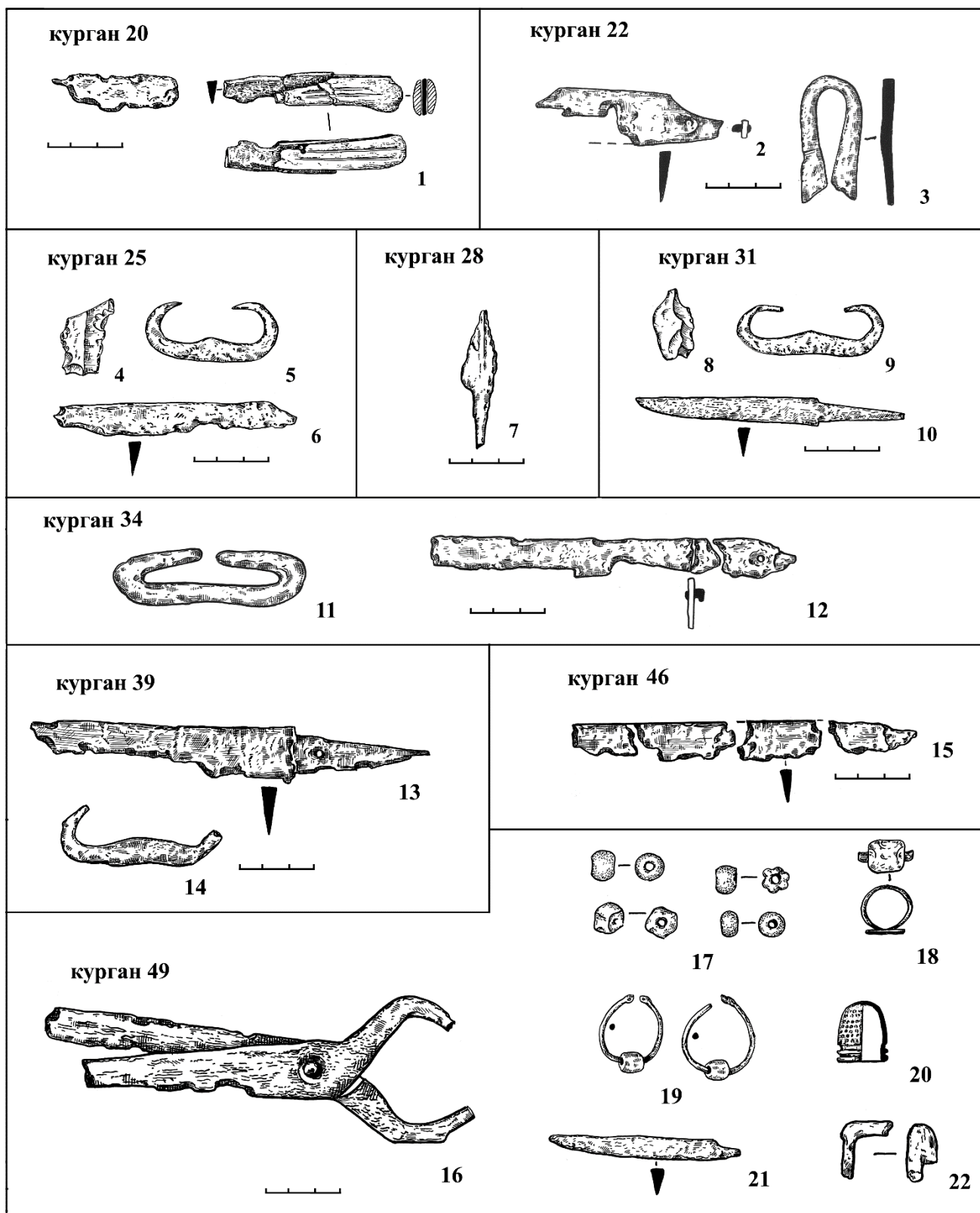

Рис. 10. Инвентарь из погребений 20, 22, 25, 28, 31, 34, 39, 46, 49
 (1 – железо, кость; 2, 3, 5–7, 9–16, 21, 22 – железо; 18, 20 – бронза;
 19 – белый металл, стекло; 17 – стекло; 4, 8 – камень)

НУМИЗМАТИКА

РИМСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ В СОБРАНИИ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА, ПОСТУПИВШИЕ ДО 1991 г.

А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко

Западно-Кубанская Археологическая Экспедиция, г. Краснодар, Россия

Краснодарский государственный историко-археологический

музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В фондах Краснодарского музея-заповедника хранится небольшая группа серебряных монет, отчеканенных в Древнем Риме. О двух денариях можно найти краткие сведения в нумизматических сводах Е.А. Пахомова и В.В. Кропоткина. А сведения о шести денариях и двух антонинианах остаются не опубликованными. Задача работы исправить это упущение.

Первая монета выпущена в 146 г. до н.э. в период римской республики с именем консула «С. Antes-tius». Монеты периода империи представлены денариями императоров Домициана (79–96 гг.), выпуск 77/78 г.; двумя денариями Траяна (98–117 гг.), выпуски 107 г. и 112–117 гг.; денарием Адриана (117–138 гг.), выпуск 119–122 г.; два посмертных денария Фаустины Старшей (умерла в 141 г.), выпуски 143 г.; денарием Антонина Пия (138–161 гг.), выпуск 146 г. и двумя антонинианами императоров Филипа I Араба (244–249 гг.), выпуск 245–247 гг. и Траяна Деция (249–251 гг.), выпуск 250–251 гг.

Денарии императора Домициана и императрицы Фаустины Старшей происходят из станицы Мартанской Горячеключевского района и современного Анапского района, соответственно. Пять денариев поступили в КИАМЗ по решению Черниговского областного суда в 1975 г. Остальные с большой вероятностью имеют Кубанское происхождение.

В результате банк данных по находкам серебряных римских монет в Краснодарском крае существенно пополнился.

Ключевые слова: Краснодарский край, Краснодарский музей-заповедник, нумизматические коллекции, Римская республика, Римская империя, денарии, антонинианы, случайные находки, книга поступлений, музейные описи, метрические данные.

ROMAN SILVER COINS IN THE COLLECTION KRASNODAR MUSEUM, ADMISSION BEFORE 1991

A.V. Pyankov, T.V. Yurchenko

West Kuban Archaeological Expedition, Krasnodar, Russia.

Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn,
Krasnodar, Russia.

Abstract. A small group of silver coins minted in Ancient Rome is kept in the Krasnodar Museum-Reserve. About the two denarii, you can find brief information in the numismatic codes of E. A. Pakhomov and V.V. Kropotkin. And six denarii and two antoninians remain unpublished. The task of the work is to correct this omission.

The first coin was issued in 146 BC during the Roman Republic with the name consul "C. Antestius". Coins of the imperial period are represented by the denarii of the emperors Domitian (79–96), issue 77/78; two denarii of Trajan (98–117), issues 107 and 112–117; the denarii of Hadrian (117–138), issue 119–122; two posthumous denarii of Faustina the Elder (died 141), issues 143; the denarii of Antoninus Pius (138–161), issue 146 and two Antoninians of the emperors Philip I the Arab (244–249), issue 245–247, and Trajan Decius (249–251), issue 250–251.

The denarii of Emperor Domitian and Empress Faustina the Elder originate from the village of Martanskaya in the Goryacheklyuchevsky district and the modern Anapa district, respectively. Five denarii were received by the KIAMZ by the decision of the Chernigiv Regional Court in 1975. The rest are most likely of Kuban origin.

As a result, the data bank on the finds of silver Roman coins in the Krasnodar Territory has been significantly expanded.

Keywords: Krasnodar Territory, Krasnodar Museum-Reserve, numismatic collections, Roman Republic, Roman Empire, denarii, random finds, book of receipts, museum inventories, metric data.

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына (далее КГИАМЗ) среди обширного нумизматического собрания имеется сравнительно небольшая группа римских денариев. Особо выделяются 10 серебряных монет, пополнивших Особую кладовую КГИАМЗ до окончания советского периода. В научной печати приводились сведения только о двух из них. Это денарий императора Домициана и денарий императрицы Фаустины Старшей (см. Зограф, 1945, с. 74, № 149; Пахомов, 1949, с. 24, 25, 27. №№ 1404, 1420; 1954, с. 30, 31. №№ 1555, 1556; Кропоткин В.В., 1961, с. 39, 40, №№ 6, 28). Если учесть, что иллюстрации этих двух монет не публиковались, а остальные 8 денариев остались неизвестными научной общественности, то эта группа монет заслуживает полноценного введения в научный оборот. Ниже приводится описание этих денариев в хронологической последовательности их выпуска.

1. Денарий республиканский (рис. 1, 1), Рим, 146 г. до н.э., серебро, 980°, вес: 3,32 г., d: 1,9 x 1,8 см, с.о.: 6 ч. **КМ 5244/4203. Л.С.:** голова Ромы в шлеме с крылышками, вправо; слева за головой легенда: «С. Antestius» в форме «С ANTESTI» (ANTE – в виде монограммы); под подбородком буква «Х». Точечный ободок. **О.С.:** Диоскуры на лошадях в конических головных уборах с копьями скачут вправо, снизу, бежит вправо собака; под обрезом: «ROMA». Линейный ободок. **Сохранность:** обе стороны сильно потёрты, имеются глубокие царапины. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ до 1954 г. **Публикации:** не издан. **Литература:** Sear, 2000, p.92, № 95/1; Фролова, Абрамзон, 2001а, с. 23, 130, кат. №161-165, табл. 10, 3-4).

2. Денарий императора Домициана (79–96 гг. н.э.), (рис. 1, 2), Рим, 77/78 г. н.э., серебро, 850° – 900°, вес: 3,0 г., d: 1,7 x 1,7 см, с.о.: 6 ч. **Ф1. № 345. Л.С.:** голова императора в венке вправо; круговая легенда, ободок точечный: «[CEASA]R AVG DOM[ITIANVS]». **О.С.:** волчица стоит, влево; снизу её сосут Ромул и Рем; сверху буквы

«COS V», под обрезом: изображение лодки, ободок точечный. **Сохранность:** сильная потёртость, имеются царапины. **Происхождение:** найден в ст. Мартанской Горячеключевского района. Поступил в Краснодарский историко-краеведческий музей (ныне КГИАМЗ) в 1937 г. **Публикации:** Зограф, 1945, с. 74, № 149; Пахомов, 1949, с. 24, № 1404; он же, с. 30, 31, № 1555; Кропоткин, 1951, с. 264, № 204; 1961, с. 39, № 6. **Литература:** RIC, II, p. 43, № 241; Sear, 2000, p.483, № 2521; Фролова, Абрамзон, 2001б, p. 68, кат. № 13, табл. 22, 5.

3. Денарий императора Траяна (98–117 гг. н.э.), (рис. 1, 3), Рим, 107 г. н.э., серебро, 900°, вес: 3,8 г., d: 1,8 x 2,0 см, с.о.: 7 ч. **Ф1. № 398. Л.С.:** голова Траяна в венке, вправо; круговая легенда: «IMP TRAIANO AVG GER DAC P M TR P COS V P P». **О.с.:** Марс в доспехах стоит анфас, голова повернута вправо, правой рукой держит вертикально копьё, левая рука удерживает щит у левой ноги; круговая легенда: «S P Q R OPTIMO PRINCIPI». **Сохранность:** имеются следы потёртости. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ до 1954 г. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, II, p. 255, № 161; Sear, 2002, p. 104, № 3158; Фролова, Абрамзон, 2001б, с. 92, кат. № 47, табл. 22, 5.

4. Денарий императора Траяна (98–117 гг. н.э.), (рис. 1, 4), Рим, 112–117, серебро, 450° – 500°, вес: 2,7 см, d: 1,8 x 1,95 см, с.о.: 6 ч. **Ф1. № 346. Л.С.:** бюст Траяна в венке, вправо; круговая легенда: «[IMP TRAIANO AVG GER DAC P M TR P COS VI P P]». **О.С.:** Марс в шлеме, обнажённый с плащом, идёт, вправо; в правой руке – копьё, в левой на плече – трофей; круговая легенда: «[S P Q R OPTIMO PRINCIPI]». **Сохранность:** очень сильная потёртость, следы коррозии, легенды читаются плохо. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ до 1954 г. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, II, p. 263, № 269, 270; Sear, 2002. Тип: p. 101, №3133; Фролова, Абрамзон, 2001б, с. 99, кат. № 132, табл. 29, 13.

5. Денарий императора Адриана (117–138

гг. н.э.), (рис. 1, 5), Рим, 119–122 гг. н.э., не апробирован, вес: 2,72 г., d: 1,7 x 1,7 см, с.о.: 6 ч. **КМ 4279/3. Л.С.:** бюст Адриана в венке, вправо, круговая легенда: «IMP CAESAR TRAIAN HADRIANVS AVG». **О.С.:** Хиларитас стоит, анфас, в покрывале, обе руки подняты к голове; в поле надпись в две строки: «HILAR / P R»; круговая легенда: «P M TR P COS III». **Сохранность:** следы потёртости. **Происхождение:** передан в КГИАМЗ 14 июня 1975 г. в составе коллекции из 374 монет по приговору Черниговского областного суда УССР от 22 августа 1974 г. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, II, p. 355, № 126; Sear, 2002, p. 146, № 3497.

6. Денарий императрицы Фаустины старшей (умерла в 141 г. н.э.), (рис. 1, 6), посмертный чекан 143 г. н.э., серебро, не апробирован, вес: 3,32 г., d: 1,75 x 1,81 см, с.о.: 6 ч. **КМ 4279/2. Л.С.:** бюст Фаустины вправо, волосы заплетены на затылке и темечке; легенда «DIVA FAVSTINA». **О.С.:** Проведенция стоит, влево, держит сферу и скипетр; легенда: «AETERNITAS». **Сохранность:** обе стороны имеют следы потёртости. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ вместе с №№ 5 и 6. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, III, p. 70, № 350a; Sear, 2002, p. 268, № 4575; Фролова, Абрамзон, 2001б, аверс: с. 185, кат. № 315, табл. 47, 13; реверс: с. 184, кат. 311.

7. Денарий императрицы Фаустины старшей (умерла в 141 г. н.э.), (рис. 1, 7), посмертный чекан, Рим, 143 г. н.э., серебро, 850°–900°, вес: 3,1 г. d: 1,7 x 1,71 см, с.о.: 12 ч. **Ф1. № 344. Л.С.:** бюст Фаустины, вправо, волосы заплетены на затылке и темечке; ободок точечный, круговая легенда «DIVA FAVSTINA». **О.С.:** Церера стоит, влево, держит в правой, опущенной руке – два хлебных колоса, в левой – горящий факел или скипетр; ободок точечный, круговая легенда: «CERES». **Сохранность:** обе стороны сильно потёрты. **Происхождение:** найден в окрестностях хутора Чекон Варениковского района, но после 1953 г. эта территория отошла Анапскому району (ОАТПнаК, 1986, с. 133, 134), и монета была доставлена в Краснодарский историко-краеведческий музей (ныне КГИАМЗ) П.Д. Сидоровым 24 марта 1941 г. **Публикации:** Пахомов Е.А., 1949, с. 27. № 1420; 1954, с. 31. № 1556; Кропоткин В.В., 1961, с. 40. № 28. **Литература:** RIC, III, p. 72, № 378; Sear, 2002, p. 269, № 4591; Фролова, Абрамзон, 2001б, с. 185, 186, кат. № 316–319, табл. 47, 14.

8. Денарий императора Антонина Пия

(138–161 гг. н.э.), (рис. 1, 8), Рим, 146 г. н.э., серебро, не апробирован, вес: 2,98 г., d: 1,85 x 1,75 см, с.о.: 12 ч. **КМ 4279/5. Л.С.:** голова Антонина Пия в венке, вправо, легенда: «ANTONINVS AVG PIVS P P». **О.С.:** эгида Зевса лежит на драпированном столе; круговая легенда: «COS III». **Сохранность:** заметная потёртость обеих сторон. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ вместе с № 5. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, III, p. 43, № 137; Sear, 2002, p. 212, № 4079; Фролова, Абрамзон, 2001б, с. 163, лат, № 104–110.

9. Антониниан императора Филиппа I Араба (244–249 гг. н.э.), (рис. 1, 9), Рим, 245–247 гг. н.э.: серебро, не апробирован, вес: 4,17 г., d: 2,25 x 2,2 см, с.о.: 12 ч. **КМ 4279/6. Л.С.:** голова Филиппа I Араба в зубчатой короне, вправо, легенда: «IMP M IVL FPHILPPVS AVG». **О.С.:** Рома сидит влево, держит Викторию и скипетр, снизу стоит щит; круговая легенда: «ROMA AETERNAE». **Сохранность:** присутствуют следы лёгкой потёртости. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ вместе с №№ 5, 6 и 7. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, IV-3, p. 73, № 44b; Sear, 2005, p. 153, № 8952; Фролова, Абрамзон, 2003, с. 132, 133, кат. № 41–45, табл. 36, 4–6.

10. Антониниан императора Траяна Деция (249–251 гг. н.э.), (рис. 1, 10), Рим, 250–251 гг. до н.э., серебро, не апробирован, вес: 4,75 г., d: 2,15 x 2,1 см, с.о.: 12 ч. **КМ 4279/4. Л.С.:** голова Траяна Деция в зубчатой короне, вправо, легенда: «IMP C M O TRAIANVS DECIVS AVG». **О.С.:** Уберитас стоит, в правой руке держит мешочек, в левой руке рог изобилия; круговая легенда: «VBERITAS AVG». **Сохранность:** присутствуют следы лёгкой потёртости. **Происхождение:** поступил в КГИАМЗ вместе с №№ 5–7, 9, 10. **Публикации:** не издан. **Литература:** RIC, IV-3, p. 123, № 28b; Sear, 2005, p. 200. № 9384; Фролова, Абрамзон, 2003, с. 150, кат. № 37–41, табл. 46, 12; 47, 1–3.

Республиканский денарий (№ 1) записан в опись, имеющую шифр **КМ 5244**, которая была составлена в 1979 г. Она предназначалась для предметов из драгоценных металлов, утративших свои номера или, имевших старые номера утраченных описей. Следовательно, республиканский денарий мог поступить в музей в любое время от начала его существования до 1979 г. Но следует учесть, что об этой монете не знал Н.В. Анфимов и не сообщил о ней Е.А. Пахомову.

Значит, монета оказалась в музее, когда Н.В. Анфимов перешёл на основную работу в Краснодарский государственный педагогический институт (ныне Кубанский государственный университет) в декабре 1955 г. (Анфимов, 2010, с. 59). Хотя он оставался сотрудником музея на общественных началах, но в археологических фондах стал бывать реже. Вероятно, республиканский денарий поступил в музей в период с конца 1955 г. по 1979 г. включительно.

Денарий императора Домициана (№ 2) был найден в ст. Мартанской Горячеключевского района в 1937 г. Первым о находке сообщил А.Н. Зограф, посетивший Краснодарский музей осенью 1937 г. (Зограф, 1945, с. 29). Ссылаясь на сообщение Н.В. Анфимова, автор пишет, что монета была найдена в обрыве р. Марты на глубине 2-х метров и поступила в Краснодарский историко-краеведческий музей (ныне КГИАМЗ) (Зограф, 1945, с. 74. № 149). Е.А. Пахомов в VI выпуске своего свода сообщает о монете следующее: «В станице Мартанской Горяче-ключевского р-на Краснодарского края найден римский серебряный денарий имп. Домициана, поступивший в 1937 г. в Краснодарский историко-краеведческий музей: I – Голова императора, вправо; II – Волчица, влево, под нею младенцы Ромул и Рем. Ободки точечные. Д=16; в=2,94; сохранность средняя». (Запись в книге поступлений этого музея под № 253 и в инв. монет. катал. №345) (Пахомов, 1954, с. 30, 31, № 1555). В.В. Кропоткин в своде «Клады римских монет на территории СССР» практически полностью повторил информацию Е.А. Пахомова (Кропоткин, 1961, с. 39, № 6). Дополнительную информацию можно получить в надписях на этикетке денария, которая была составлена при поступлении монеты в музей. На одной стороне этого паспорта находим паспортные данные, которые состоят из 10 строк и существенно дополняют сведения о денарии: **«Кн. пост. № 253. / Место находки: / ст. Мартанская, на глубине / 2,5 м. в обрыве правого берега / га р. Марты на северной / окраине станицы. На про- / тивоположном берегу / имеет- / ся современное кладбище. Доставил монету: Карпенко Гр. Ал. / сельхоз работник 26 июля 1937 г.»**. Таким образом становится ясно время поступления монеты в музей, но не время её находки. На оборотной стороне этикетки имеются отсылки к аналогиям в литературе, включая немецкие аукционные каталоги.

Записан денарий Домициана, как и ещё 3 монеты, в инвентарную книгу формы № 1 – отсюда буквы шифра **Ф1**. Эта книга предназначалась для записи монет, медалей, плакеток и жетонов из драг металлов. Она велась с 1954 г. до 70-х гг. XX в.

Еще один денарий из собрания КГИАМЗ, записанный в книгу поступлений **Ф1**, имеет конкретные сведения о месте и времени находки. Речь идёт о денарии Фаустины Старшей (№ 7), найденном на территории современного Анапского района.

У Е.А. Пахомова в выпуске VI известного свода находим следующую информацию: «В каменоломнях горы Весёлой, на Ю-Ю-ЮЗ от хутора Чекон, Варениковского р-на Краснодарского края был найден серебряный римский денарий имп. Фаустины, следующего вида: I – бюст императрицы, вправо и DIVA FAVSTINA. II – Стоящая, влево, Церера, с 2 колосьями и факелом; надпись: CERES. Ободки обеих монет точечные. Д=16; в=3,09, сохранность хорошая. Монета найдена в расщелине, на глубине 3 м, и доставлена в Краснодарский историко-краеведческий музей П.Д. Сидоровым 24 марта 1941 г. (Запись кн. поступл. этого музея под №1746, инв. Монет. катал. №344) (Пахомов, 1954, с. 31, № 1556). В своде В.В. Кропоткина кратко приведена информация, близкая к тексту у Е.А. Пахомова, но автор ссылается на сообщение Н.В. Анфимова (Кропоткин, 1961, с. 40, № 28). На этикетке мало новой информации: во-первых, приведена дата выпуска денария – 141 г. н.э.; во-вторых, указано, что место находки расположено на «юг.-з.» от х. Чекон, а не к Ю-Ю-З от хутора, как у Е.А. Пахомова.

Наконец, 2 денария были выпущены от имени императора Траяна (№№3 и 4), которые также имеют шифр **Ф1** с номерами **398 и 346**. Происхождение этих монет достоверно неизвестно. О них можно сказать лишь то, что поступили в музей до 1954 г.

Последние три денария императоров Адриана, Фаустины Старшей, Антонина Пия (№№ 5, 6, 8) и два антониниана Филиппа Араба и Траяна Деция (№№9, 10) поступили в КГИАМЗ единовременно и получили шифр и номера: **КМ 4279/2-6**. Они были частью коллекции из 374 монет, переданной в КГИАМЗ (тогда Краснодарский краеведческий) по решению Черниговского областного суда (УССР) от 22 августа 1974 г. Пе-

редача состоялась в 1975 г., о чём свидетельствует Акт передачи монет от 14 июля 1975 г.

Понятно, что Черниговский областной суд Украины мог принять решение передать конфискованную нумизматическую коллекцию в Краснодарский музей только в том случае, если в его распоряжении были доказательства о незаконном вывозе культурных ценностей (коллекции монет) с территории Краснодарского края. Сегодня судебные архивы Черниговского областного суда для нас недоступны, но с большой степенью вероятности можно допустить, что античные и средневековые монеты этой коллекции происходят с территории Краснодарского края.

В Краснодарском крае зафиксированы находки двух республиканских денариев и обе в Адлерском районе г. Сочи. Так, в 1949 г. на территории колхоза им. Чкалова краевед Н.К. Недоля нашёл республиканский денарий Туллия Кассия, сына Квинта, выпущенный в 79 г. до н.э. ((Кропоткин, 1961, с. 110, № 1687). А в 1952 г. в г. Адлере школьниками был найден серебряный республиканский квинарий Гая Эгнатулия, сына Гая, чеканки 101 г. до н.э. (Кропоткин, 1961, с. 110, № 1686).

Серебро императора Домициана в крае не фиксировалось.

Один денарий императора Траяна был найден в 1841 г. в Новороссийске при строительных работах (Кропоткин, 1961, с. 39, № 13). Второй – в кладе 2013 г. на левом берегу Ангелинского Ерика в Красноармейском районе (Пьянков, Тиханов, 2017, с. 227, рис. 2, 3).

Денарий императора Адриана был найден также в 2013 г., но на правом берегу Ангелинского Ерика (Пьянков, Тиханов, 2014, с. 186, рис. 1, 2).

Восемь денарий императора Антонина Пия были найдены в 1841 г. в Новороссийске при уже упомянутых строительных работах (Кропоткин, 1961, с. 39, № 7). Один посмертный денарий императора А. Пия, тип CONSECRATIO, поступил в КГИАМЗ в 2011 г., как конфискат у чёрных копателей, по решению суда (Пьянков, Юрченко, 2014, с. 190, рис. 1, 1). Один денарий императора Антонина Пия был найден на правом берегу Ангелинского Ерика в 2013 г. (Пьянков, Тиханов, 2014, с. 186, рис. 1, 3). Ещё 3 денария этого же императора происходят из клада на левом берегу Ангелинского Ерика (Пьянков, Тиханов, 2017, с. 227, 228, рис. 2, 4-6).

Три денария Фаустины Старшей были

найжены в 1841 г. в Новороссийске при упомянутых ранее строительных работах (Кропоткин, 1961, с. 39, № 7). Один посмертный денарий императрицы Фаустины был найден в 1963 г. близ пос. Первомайского (Кропоткин, 1966, с. 82, № 2 (1735)). А из клада 2013 г. Ангелинского Ерика происходят 2 денария Фаустины Старшей (Пьянков, Тиханов, 2017, с. 228, рис. 2, 7,8).

Антонинианы императоров Филиппа Араба и Траяна Деция среди находок на Кубани до 1991 г. не были зафиксированы.

Все монеты, привлечённые в качестве аналогий к публикуемым, строго говоря, не являются аналогиями. Это денарии тех же императоров, но других монетных типов. То есть, полных аналогий нашим монетам пока среди находок в Краснодарском крае не зафиксировано.

Бросается в глаза, что до конца советского периода находки римских монет, включая серебряные, на территории Краснодарского края фиксировались в значительно меньшем количестве, чем на сопредельных территориях Украины, Крыма и Закавказья. Но надо иметь в виду, что многие музейные собрания, и не только Краснодарского края, хранят неопубликованные нумизматические коллекции, среди которых могут присутствовать и римские монеты. Тем более что в постсоветский период с появлением металлодетекторов сведения о находках римских монет постоянно пополняются, хотя и требуют проверки.

ЛИТЕРАТУРА:

Анфимов Н.В., 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. – Краснодар: Перспективы образования. 384 с.: ил.

Зограф А.Н., 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики. Том I. – Л. С. 29-85.

Кропоткин В.В., 1951. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4. С. 243-281.

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. САИ Вып. Г4-4. – М. 135 с. + 36 табл.

Кропоткин В.В., 1966. Новые находки римских монет в СССР («Дополнение к своду археологических источников». Вып. Г4-4) // Нумизматика и эпиграфика / отв. ред. Д.Б. Шелов. – М.: Изд-во «Наука». С. 74-102.

ОАТПнаК, 1986. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.). / Составители: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. – Краснодар, Краснодарское книжное издательство 394 с.

Пахомов Е.А., 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. – Баку. 63 с. (карта).

Пахомов Е.А., 1954. Монетные клады Азербайджана

и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VI. – Баку. 92 с.

Пьянков А.В., Тиханов А.В., 2014. Нумизматические находки на берегу Ангелинского Ерика в окрестностях Красного Леса (Красноармейский район Краснодарского края) // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28-30 мая 2014 г.). – Краснодар: Традиция. С. 186-189.

Пьянков А.В., Тиханов А.В., 2017. Клад римских денариев на Ангелинском Ерике у Красного леса (Красноармейский район Краснодарского края) // Шестые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). / Ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. – Краснодар: ИП Смородин. С. 227-239.

Пьянков А.В., Юрченко Т.В., 2014. Римский денарий и варварские подражания императорскому серебру из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28-30 мая 2014 г.). – Краснодар: Традиция. С. 190-192.

Розов В.Н., 2018. Античные монеты из находок в районе Сочи // Древности Боспора. Том 22. / отв. ред. А.А. Масленников. – М. С. 177-193.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., 2001а. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея: Каталог. Ч. I: Республика. / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: Эдиториал УРСС. 184 с. + 39 табл.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., 2001б. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея: Каталог. Ч. II: Ранняя империя. От Августа до Коммода. / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: Эдиториал УРСС. 384 с. + 73 табл.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., 2003. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея: Каталог. Ч. III: От Пертинакса до Нумериана. / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 344 с. + 77 табл.

RIC, II – The Roman Imperial coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian / Edited by Harold Mattingly, Edward A. Sydenham. – London: Spink and Son LTD. 1928. 568 p. + XVI plt.

RIC, III – The Roman Imperial coinage. Vol. III. Antoninus Pius – to Commodus / Edited by Harold Mattingly, Edward A. Sydenham. – London: Spink and Son LTD. 1930. 514 p. + XVI plt.

RIC, IV – The Roman Imperial coinage. Vol. IV. Part III. Gordian III – Uranius Antoninus / Edited by Harold Mattingly, Edward A. Sydenham and C.H.V. Sutherland. – London: Spink and Son LTD. 1949. 246 p. + 16 plt.

Sear David R., 2000. Roman coins and their values. Volume I. SPINK. – London. 552 p.

Sear David R., 2002. Roman coins and their values. Volume II. SPINK. – London. 536 p.

Sear David R., 2005. Roman coins and their values. Volume III. SPINK. – London. 696 p.

Рис. 1. Римские серебряные монеты из фондов КГИАМЗ: 1 – денарий республиканский, 146 г. до н. э.; 2 – денарий Домициана (79–96 гг.); 3, 4 – денарии Траяна (97–117 гг.); 5 – денарий Адриана (117–138 гг.); 6, 7 – денарии Фаустины старшей (умерла в 141 г.); 8 – денарий Антонина Пия (138–161 гг.); 9 – антониниан Филиппа I Араба (244–249 гг.); 10 – антониниан Траяна Деция (249–251 гг.).

ИСТОРИЯ

ДИОСКУРИЯ И СЕБАСТОПОЛИС: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН

Аннотация. В работе дается сводка сведений исторических источников о Диоскурии (Диоскуриаде) и сменившем её Себастополе, находившихся на месте современного Сухума или же (это касается Диоскурии) в непосредственной близости к городу. Предлагается очерк более чем столетней истории изучения Диоскурии-Себастополиса, характеризуются важнейшие открытия и основные проблемы, стоящие перед исследователями. Делается вывод о том, что на сегодняшний момент точно локализовать место расположения древней Диоскурии не представляется возможным, но весь район от Адзюбжи до Гуандры, безусловно, входил в пределы хоры античного города.

Ключевые слова: археология Абхазии, Великая греческая колонизация, Диоскурия, Себастополis, античный полис, хора, византийская археология.

DIOSKURIA AND SEBASTOPOLIS: A BRIEF HISTORIOGRAPHIC OUTLINE

A.YU. Skakov

Institute of Archeology RAN

Abstract. The work provides a summary of information from historical sources about Dioscuria (Dioscuriada) and Sebastopolis that replaced it, located on the site of modern Sukhum or (this applies to Dioscuria) in close proximity to the city. An outline of more than a century of history of the study of Dioscuria-Sebastopolis is offered, the most important discoveries and main problems facing researchers are characterized. It's concluded that at the moment it is not possible to accurately localize the location of ancient Dioscuria, but the entire area from Adzyubzha to Guandra, of course, was part of the chora of the ancient city.

Keywords: archeology of Abkhazia, Great Greek colonization, Dioscuria, Sebastopolis, antique polis, chora, Byzantine archeology.

Как хорошо известно, Диоскурия (Диоскуриада) была крупным античным городом, одним из главных центров Колхиды. Практически аксиоматичным стало утверждение о том, что Диоскурия находилась на месте современного Сухума – столицы Республики Абхазия. При всем том, не все здесь так просто и, фактически, вопрос о местонахождении древней Диоскурии остается открытым.

Первым из античных авторов о Диоскурии упоминает Псевдо-Скилак Кариандрский (30-е гг. IV в. до н.э., сведения, как предполагается, восходят ко втор. пол. V – перв. пол. IV вв. до

н.э.): «78. Колика. После же гениохов область Колика. 79. Меланхлены. А за Коликой меланхлены, и у них река Метасорис и Айгипий река. 80. Гелоны. После же меланхленов – гелоны. 81. Колхи. А за этими колхи и полис Диоскуриада, и греческий полис Гиэнос». Возможно, Псевдо-Скилак неслучайно называет Диоскуриаду просто «полисом», а Гиэнос и, далее, Фасис – «греческими полисами». Это может быть связано с тем, что в какой-то момент Диоскуриада стала резиденцией местного династа. Одним из таких правителей в 190 – 180-х гг. до н.э. мог быть некий Акусилох (Ака), монеты которого из-

вестны, а его имя полностью соответствует абхазскому названию г. Сухума – Акуа (Капанадзе Д.Г., 1948, с. 155; Он же, 1949, с. 164-165; Скаков А.Ю., 2013, с. 67; но см. также Дундуа Г.Ф., 1987, с. 97-98).

Существует и по сей день версия об основании Диоскурии как греческой торговой фактории при местном поселении городского типа («местном древнем городе»). Предполагалось, что это поселение могло носить название Акуа (Трапш М.М., 1969, с. 216-217), но пока что ничего, кроме монет Аки (Акусилоха), не подтверждает эту гипотезу. Считать же известные в районе современного Сухума поселения местного населения (т.н. «колхидской культуры») городами или протогородами также нет никаких оснований. Очевидно, этот вопрос могут решить только новые археологические исследования.

По мнению большинства исследователей, Диоскурия являлась вполне обычным античным полисом с хорой. В то же время, некоторые исследователи, как правило, грузинские, продолжают говорить о наличии к моменту колонизации в Сухумской бухте поселения городского типа, о могущественном Колхидском царстве, не допускающем создания греческих полисов (М.П. Инадзе, О.Д. Лордкипанидзе, Н.Ю. Ломоури, Г.Т. Квирквелия и др.). В этом случае античные поселения имели исключительно торговый характер, т.е., были факториями, и не могли быть полисами. Так, по мнению Г.Т. Квирквелия (1977 г.), идущему вразрез с данными античных источников, греческая Диоскурия возникла во второй половине V в. до н.э., и это было связано не с ионийской (милетской), а с афинской «торговой экспансией», т.е. колонизацией (Квирквелия Г.Т., 1979, с. 320-321).

По словам Харакса Пергамского (II в. н.э.), «аргонавты отплыли на многих кораблях, из которых один, заблудившись, был прибит к Меотиде. Плывшие на нем Телхис и Амфит, бывшие возницами Диоскуров, остались там и захватили власть; от них-то жившие там получили имя гениохов [возниц]. Оттуда же получил название лежавший там город Диоскуриада» (Fr. 36). Помпоний Мела (сер. I в. н.э.) сообщает, что «в области гениохов Кастором и Поллуксом, приехавшими в Понт с Ясоном, была основана Диоскуриада» (I. 111). Кстати, Страбон считал, что гениохи получили свое имя от возниц Диоскуров Крекаса и Амфистрата (XI.П.12). Свою версию легенды об основателях Диоскурии предложил Гай Юлий

Солин (III в. н.э.: «Колхидский город Диоскуриаду основали возницы Кастора и Поллукса Амфит и Керкий, от которых произошло племя гениохов» – XV. 17), затем его поддержал Аммиан Марцеллин (ок. 333–391 гг. н.э.): «Рядом с этими местами находятся знаменитые поселения камаритов, и река Фасис в своем шумном течении омывает землю колхов, издревле происшедших от египтян, здесь между другими городами есть Фасис, названный по имени реки, и весьма известная ныне Диоскуриада; основателями её, по преданию, были спартанцы Амфит и Керкий, возницы Кастора и Поллукса, от которых произошел народ гениохов» (XXII.8.24).

Существует две версии происхождения названия города Диоскурии (Диоскуриады). Первая, очевидная, исходящая из информации античных авторов и, к настоящему времени, практически общепринятая в науке, связывает его с мифическими братьями Диоскурами, участниками похода аргонавтов. Вторая (И.А. Орбели, С.Н. Джанашиа, И.Г. Шенгелия, Л.Н. Соловьев и др.) ищет здесь картвельскую основу, переосмысленную греческими колонистами. Название Цхум сближается с картв. *tkubi*, *tkupi* – «близнецы» (в этих построениях можно найти только одно здоровое зерно – акцентирование внимания на кавказских аналогах мифа о близнецах), «дио» и «скури» («цкари») – «мать рек» или «мать источников». Существует и абхазо-адыгская версия этимологии этого названия на основе «Тыёгуар» – «стенная ограда» (Кварчия В.Е., 2006, с. 160-161).

В мировую историю Диоскуриада вошла в 65 г. до н.э., когда здесь перезимовал отступающий с Понта на Боспор Митридат VI Евпатор: «Митридат перезимовал в Диоскурах – этот город колхи считают доказательством того, что Диоскуры плыли вместе с аргонавтами» (Аппиан, Митридатовы войны, 101). Став ранее частью Понтийского царства Митридата VI, Диоскуриада осуществляла эмиссию медных монет (диалк и халк, м.б. также тетраалк) с изображением двух шапок Диоскуров со звездочками над ними и надписью «Диоскуриадос». Ранее эта эмиссия датировалась 111–110 гг. до н.э. (Лордкипанидзе Г.А., 1970, с. 18-19), затем дата была уточнена до 105–90 гг. до н.э. (Голенко К.В., 1977, с. 60-61; Дундуа Г.Ф., 1987, с. 106-108; Тодуа Т.Т., 1990, с. 52-53). Находки таких монет известны в районе современного Сухума, но в гораздо большем количестве они представлены в

Херсонесе и в городах Боспора, т.е., предположительно, Диоскурия являлась поставщиком мелких номиналов меди в города Северного Причерноморья (Голенко К.В., 1977, с. 61-63; но см. также Дундуа Г.Ф., 1987, с. 107-108). Соответственно, делается вывод: выпуск такой монеты «возможно, говорит о том, что здесь действительно произошло возрождение определенных полисных традиций, и Диоскуриада сохраняла известную долю автономии», несмотря на подчинение власти понтийского царя (Тодуа Т.Т., 1990, с. 57-58).

Страбон (около 66 г. до н.э. – 24 г. н.э.) неоднократно упоминает Диоскурию, залив возле нее «в самом отдаленном углу Евксинского Понта» или «узкую впадину у Диоскуриады», плавание куда «считается самым отдаленным» (I.III.2; II.V.22; II.V.25; XI.II.16), «горный проход, ведущий от Диоскуриады до горы Каспия в пять дней пути» (II.I.39). Побережье Черного моря, по его словам, «от Батов (совр. Новороссийск – А.С.) понемногу делает поворот и затем обращается к западу, оканчиваясь у Питиунта (совр. Пицунда – А.С.) и Диоскуриады; ведь эти местности Колхиды примыкают к вышеупомянутому побережью. За Диоскуриадой следует остальное побережье Колхиды и прилегающее к ней после значительного изгиба побережье Трапезунта (совр. Трабзон – А.С.). Все побережье ахейцев и остальных народностей вплоть до Диоскуриады и местностей, расположенных на прямой линии к югу от нее в глубине страны, лежит у подошвы Кавказа» (XI.II.14). Ссылаясь на Артемидора, Страбон указывает, что за «берегом гениохов» протяженностью в 1000 стадий находится «Большой Питиунт» длиной 360 стадий «вплоть до Диоскуриады» (XI.II.14). Около Диоскуриады протекает река Харес (XI.II.18). Наиболее важны сведения Страбона о многоплеменности Диоскуриады и о торговом значении этого города: «Эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы. Таковы мои сведения о Диоскуриад» (XI.II.16). Чуть далее автор возвращается к рас-

сказу об этих народностях: «К числу народностей, которые сходятся в Диоскуриаду, принадлежат и фтирофаги, получившие это имя от своей нечистоплотности и грязи. Поблизости живут и соаны, которые ничуть не уступают им в смысле неопрятности, но превосходят могуществом; и, быть может, они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой» (XI.II.19). И ещё раз Страбон возвращается к этой теме: на южных склонах гор Кавказа, у «страны колхов и гениохов», «обитают племена, которые, как я указал выше, сходятся в Диоскуриаду, а сходятся они туда главным образом за солью. Из этих племен одни занимают вершины гор, другие же обитают в лесных долинах, питаются большей частью мясом диких животных, дикими плодами и молоком» (XI.V.6).

Клавдий Птолемей (ок. 90–169 гг. н.э.) упоминает Диоскуриаду (также она упоминается им в VIII.19.3) в описании положения Колхиды: «Колхида ограничивается с севера названной частью Сарматии, с запада – частью Евксинского Понта, находящейся между рекой Кораком и заливом, куда впадает в море Фасис, по такому описанию: Диоскуриада, устье реки Гиппа, устье реки Кинанея, Сиганей, Неаполь, город Эя, устье реки Хариуста, устье реки Фасиса, город Фасис» (V.9.1-2).

Во второй половине I в. н.э. Плиний Старший, смешивая информацию нескольких разновременных периплов с различной очередностью описания племен побережья (с юга на север или с севера на юг), прерывая пересказ одного из них, пишет: «Остальные берега [Понта] занимают дикие народы меланхленов и кораксов у города колхов Диоскуриады вблизи реки Антемунта (комментаторы отождествляют с р. Гумиста – А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с. 315), теперь опустевшего, но некогда настолько славного, что, согласно Тимосфену, в него сходилось 300 народов, говоривших на разных языках; да и потом наши с помощью 130 переводчиков вели здесь свои дела. Некоторые [авторы] считают, что он был основан возницами Кастора и Поллукса Амфитом и Тельхием, от которых, по известиям весьма достоверным, ведет свое происхождение племя гениохов. Город Гераклея (находился, предположительно, на одном из двух Геракловых мысов в р-не совр. Адлера-Сочи –

А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с. 316) отстоит от Диоскуриады на 100 миль, от Севастополя же – на 70 миль. [Далее] живут ахеи, марды керкеты» (VI.15-16). Отметим, что данное указание Плиния Старшего, дающего, тем самым, различные координаты Диоскуриаде и Севастополю (100 миль – 148 км, 70 миль – 103,5 км), если такое прочтение справедливо, позволяет предполагать здесь косвенное указание на перенос Диоскуриады-Севастополя на новое место после временного запустения. Г.К. Шамба предполагал, что во времена Плиния Старшего Диоскурия еще не носила название Севастополиса (2000, с. 65).

Арриан в «Перипле» (отчет о плавании берегом Черного моря в 131/2 г.) сообщает о своем посещении Диоскурии-Севастополя: «Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Севастополь, двинувшись из Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа. ... От Хоба до Севастополя шестьсот тридцать стадиев, а от Трапезунта до Севастополя две тысячи двести шестьдесят. Севастополь прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета» (14). Когда они плыли «от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельгическим Альпам, нам показывали одну вершину Кавказа – имя вершины Стробил, на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса» (16). И далее снова: «Расстояния от Трапезунта до Диоскуриады, измеренные по рекам, приведены выше. Сумма расстояний от Трапезунта до Диоскуриады, ныне называемой Севастополем, составляет две тысячи двести шестьдесят стадиев» (25).

Очень важным является сообщение Арриана об основании Диоскуриады милетцами. В этом случае, безусловно, она была основана до разрушения Милета персами, т.е. до 494 г. до н.э. Впрочем, можно предполагать значительно более раннюю дату основания Диоскуриады, так как все колонии, основанные Милетом на Понте, судя по письменным или по археологическим данным, были выведены до 560 г. до н.э. Поэтому можно уверенно утверждать, что Диоскуриада была основана не позже сер. VI в. до н.э.

Диоскуриаду упоминает также грамматик II в. н.э. Элий Геродиан (II.58,29) и, по его словам, «Севастополь остров в Понте; он же Диоскуриада и раньше Эя» (IV.93,17). О городе Эе (Айе),

идентичной Диоскуриаде и Севастополю, говорит Стефан Византийский (V в. н.э.): «Айя (Эя) – город колхов, построенный Айэтом (Ээтом), отстоящий от моря на триста стадиев, его обтекают две реки, Гипп и Кианей, образуя из него полуостров; кажется, наоборот, от имени города образовано имя Айэта (Ээта)...» и «Диоскуриада – город у Понта, названный также Севастополем; прежде, по свидетельству Никанора (имеется в виду Никанор Александрийский, автор сочинения «О переименованиях» – А.С.), он назывался Эей». То, что этот рассказ относится к региону Центральной Колхиды и был ошибочно увязан позднеантичными авторами с Диоскурией, следует из текста Плиния Старшего: на берегах Фасиса (совр. Риони) было множество городов, «самой же известной была Эя в 15 милях от моря, где крупные реки Гипп и Кианей с противоположных сторон впадают в него» (VI.13). Очевидно, что полумифическая Эя находилась в регионе Центральной Колхиды и была ошибочно увязана позднеантичными авторами с Диоскурией-Севастополем.

По господствующему мнению, Диоскуриада запустела после разрушений на заключительном этапе Третьей Митридатовой войны, после 65 г. до н.э., новые разрушения могли последовать около 49 г. до н.э., в связи с войной между Римом и сыном Митридата Фарнаком II, а затем в связи с походом Митридата Пергамского в 47 г. до н.э. Видимо, при восстановлении города, как Севастополя, при Августе или при Нероне, что более вероятно (Тодуа Т.Т., 1990, с. 82-83), его центр мог получить совершенно иную планировку и, возможно, был перемещен. Тем не менее, что характерно для римского времени, кроме нового названия города часто упоминалось или указывалось его старое название.

Итак, во второй половине I в. н.э. Плиний Старший, после рассказа о «городе колхов Диоскуриаде», дает нам самое раннее упоминание Севастополиса. При этом в другом параграфе Плиний, опираясь на еще один перипл, называет крепость Севастополь в контексте упоминаний проживающих южнее его апсиров и севернее – санигов: «... реки: Сигама (идентифицируется с совр. р. Окуми, т.к. Зиганис идентичен совр. Гудаве – А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с. 311), Терс (она же, видимо, р. Тарсура Арриана, совр. р. Моква – А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с. 311), Астелеф (м.б. совр. р. Кодор – А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В.,

2011, с. 311), Хрисоррой (она же, видимо, р. Харес Страбона, м.б. совр. р. Кьаласур – А.С.: Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с. 311) племя абсиров, крепость Севастополь – от Фасиса в 100 милях, племя санигов» (VI.14). Как отмечалось выше, Клавдий Птолемей (ок. 90–169 гг. н.э.) в описании Колхиды говорит еще о Диоскуриаде, опираясь, видимо, на более ранние источники (V.9.1-2; VIII.19.3).

Арриан (ок. 95–175 гг. н.э.) в «Перипле» рассказывает о своем посещении Севастополя: «... мы раньше полудня прибыли в Севастополь... < > Поэтому мы в тот же день успели выдать жалование солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров (14). Переходя к перечислению проживающих на побережье народов, Арриан, вслед за лазами, апсилами и абасками называет санигов: «Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя» (15). Севастополь являлся, по Арриану, границей римских владений: «крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт» (26). Таким образом, Арриан не сомневался в идентичности Севастополя и Диоскуриады.

Тем не менее, в перипле Арриана не составляет труда выделить две автономные и, вероятно, разновременные части, противоречащие друг другу в вопросе локализации санигов (в районе современного Сухума или в районе современных Сочи-Адлера). Вряд ли возможно ставить под сомнение сведения, полученные Аррианом лично, во время его путешествия в Севастополис. Своеобразный выход из противоречий внутри одного источника предложила Г.В. Требелева (Требелева Г.В., 2019а, с. 166; Она же, 2019б, с. 161; см. Скаков, 2021а). По ее мнению, раз саниги фиксируются в районе Адлера и Сочи, «упомянутый Флавием Аррианом в «Перипле Понта Евксинского» Севастополис – это не одноименный Севастополис в совр. Сухуме, а крепостное сооружение в Сочи, поскольку «Севастополис» было достаточно распространенным названием крепостей в римское время». Странно, что автор этой гипотезы «забыла» о том, что Арриан сам побывал в Севастополе, соотнес его с Диоскуриадой (которая уж никак не могла находиться в районе Сочи), дал подробное описание морского пути от Фасиса до Севастополя и от Севастополя до

Боспора и далее. Наконец, в 1896 г. в кладке турецкой крепости в Сухуме была обнаружена фрагментированная латинская надпись, опубликованная М.И. Ростовцевым (Ростовцев М., 1907). Надпись посвятельная или строительная, с упоминанием, как можно заключить из сохранившегося обломка, императора Адриана и Флавия Арриана, что соотносится с текстом перипла и подтверждает пребывание Арриана именно на территории современного Сухума.

Невыятные упоминания Севастополя, в связи с санигами, мы встречаем в «Хронике» автора III в. (ок. 270 – ок. 235 гг.) Ипполита Римского («сауны, так называемые саниги, которые распространены до Понта до тех мест, где находится паремболе (т.е. лагерь – А.С.) Апсарос (и Севастополь), причал Исос и река Фасис» – на русск. яз. не переведено, цит. по Б.М. Гунба, который ссылается на «Георгику»: Гунба Б.М., 2006, с. 259-260) и в утраченной «Хронике» церковного историка кон. III – нач. IV вв. Евсевия (Памфила) Кесарийского («санны же, которые называются саннигами, которые и до Понта простираются, где соединение Апсара и Севастополя и Кавсолимин и Фасис река вплоть до Трапезунта простираются те племена»: Р. 190 (fol. 13 b) (Гунба Б.М., 2006, с. 260). Вполне очевидно, что география не была в центре внимания этих церковных авторов, поэтому использовать эту информацию для каких-либо построений невозможно. Более того, эта цитата (в правильном пер. А.Ю. Виноградова – «в Севастополе Великом, где лагерь Апсара, Иссаулимен (совр. Сюрмене в Турции – А.С.) и река Фасис, где живут эфиопы (под «эфиопами» здесь имеются в виду картвелы – А.С.)» из Евсевия или Ипполита была, видимо, не совсем верно приведена уже Псевдо-Епифанием в «Списке апостолов и учеников Господа» VI – VII вв. Севастополь фигурирует в рассказе о деяниях Андрея Первозванного (проповедовал в середине – второй половине I в. н.э.): «Они проходят до Абастии и, войдя в Севастополь Великий, проповедуют слово о вере и познании Бога, и многие из услышавших, приняли его. Оставив там Симона и с ним некоторых учеников, великий апостол поднялся в страну Зикхию» (в древнерусской версии – «и влезша в Севаст-град, и участва Слово Божию, и мнози прияха»). Рассказ о Севастополе здесь, как считается, восходит к апокрифическим «Деяниям Андрея и Матфея в Городе людоедов» (IV – V вв.), а далее получил закон-

ченную форму в «Житии Апостола Андрея» Епифания Монаха (815–843 гг.). Вполне очевидно, что никакой серьезной исторической основы этот рассказ не имеет.

В середине – конце IV в. римский гарнизон, вероятно, в связи с обострившейся обстановкой (набеги готов и боранов, нападения лазов, о которых пишет С.Ю. Сапрыкин, здесь были не при чем: Сапрыкин С.Ю., 2018, с. 667) на какое-то время был выведен из Севастополя, как и из других крепостей Восточного Причерноморья.

«Notitia dignitatum» кон. IV – нач. V вв. Сообщает нам о размещении в Понте шести когорт Восточной Римской империи – в Pithiae, Valenciae, Usiporto, Caene Parembolae, Sebastopolis, Ziganne, Mochora. Очевидно, здесь имеются в виду Питиунт, Севастополис, Зиганис (совр. Гудава), а Мохора сближается с Мохирисом в Лазике, другие населенные пункты не идентифицируются. В Севастополисе стояла Первая конная когорта Клавдия. Предположения Н.Ю. Ломоури (1986, с. 63–66) о том, что здесь имеются в виду совершенно иные укрепления, находящиеся в ином регионе, представляются слабо обоснованным и восходящими, по сути, к уверенности в том, что Лазика в кон. IV – нач. V вв. была столь могущественным государственным образованием, что не допустила бы нахождения на своем побережье римских гарнизонов (там же, с. 67). По также сомнительному предположению К. Цукермана, в Нотии Севастополис назван Валентией, т.е. был переименован императором Валентом.

В компилятивном перипле V или второй половины VI вв. н.э. Псевдо-Арриана, основанном, в первую очередь, на перипле самого Арриана, говорится (с переводом стадиев в мили): «От реки Астелефа до города Диоскуриады, имеющего гавань, ныне называемого Севастополем, 135 стадиев, 18 миль. От Диоскуриады или Севастополя, до реки Апсара прежде жил народ, называвшийся колхами, переименованный в лазов» (47–48). Далее Псевдо-Арриан практически дословно переписывает Арриана с его упоминаниями Севастополя и Диоскуриады (51–54). Диоскуриаду также упоминает безымянный автор (не ранее V в. н.э.) «Изложения землеописания в сокращении» (XIV.52). Таким образом, Арриан и практически вся античная географическая традиция, может быть, за исключением Плиния Старшего, исходит из идентичности Диоскурии и построенной на её месте крепости Севастополя.

В «Космографии» Равеннского Анонима (вторая половина VII – начало VIII вв.) среди причерноморских городов и городов Абазгии упоминается Севантополи или Севастолис (Севастополис) (II.12; IV.2; V.10) (Подосинов А.В., 2002, с. 241–242, 249). Севастополис присутствует и на «Певтингеровой карте» (изготовлена в конце XII – начале XIII вв., данные восходят к первым векам нашей эры) (Segm. X. 2–3), при этом город показан там как один из узловых пунктов пути из Трапезунта в древнюю столицу Армении Артаксату, будучи обозначен двубашенной виньеткой (Подосинов А.В., 2002, с. 361–365).

В глобальную историю Севастополь входит во время византийско-персидских войн VI в. Его упоминает Прокопий Кесарийский в «Войне с персами» (II.XXIX.18) как город в Лазике: «Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки (то есть на правой стороне Фасиса-Риони – А.С.), и тут издревле построены ими городки, в том числе самый укрепленный из них Археополь, Севастополь и крепость Питиунт...». В ходе войны с персами в 542 г. византийцы сами разрушили Севастополь: «За ними (т.е. зихами – А.С.) живут сагины (саниги – А.С.); приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал, легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хозров был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противолежащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги нее смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру» (Война с готами, VIII.4). По словам Прокопия Кесарийского («О постройках», III.VII.8–9, 560 г.),

«если идти (от Петры-Цихисдзири – А.С.) по направлению к Меотидскому болоту, напротив Лазики были два укрепления – Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хозрой спешно посылает сюда войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления. Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов».

Еще одним важным источником являются «Notitiae episcopatum», т.е. списки епархий, находящихся в подчинении у константинопольского патриархата, начиная с середины VII в. Для середины VII в. несомненно наличие автокефального архиепископства Абазгии с центром в Севастополисе (под № 72 в списке первой Нотиции). Далее Абазгская епархия в Севастополисе упоминается во второй Нотиции VIII в. (под № 76) и в третьей Нотиции ок. 800 г. (под № 94). Епископ (местоблюститель) Константин из Севастополиса принял участие в VII Вселенском соборе в Никее в 787 г. Далее Абазгское архиепископство с центром в Севастополисе упоминается и в других Нотициях (4, 5, 7, 8, 11, 12, 15), то есть епархия непрерывно существовала до XII в. и позже. Впрочем, по мнению А. Виноградова и Ш. Гугушвили, в 8-ой и более поздних Нотициях Севастопольская архиепископия «присутствует как анахронизм» и плод «деятельности компиляторов» (Виноградов А., Гугушвили Ш., 2013, с. 24). Они же предполагают, что после разрушения арабскими войсками Мурвана Кру Себастополя в 736–737 гг., город какое-то время так и не смог возродиться, и кафедра архиепископа была в середине VIII – IX вв. перенесена в Анакопию (Виноградов А., Гугушвили Ш., 2013, с. 25).

Впрочем, в это время Севастополь уже назывался Цхумом (как писал Джуаншер Джуаншериани, Мурван Кру «разгромил город Апшилети Цхуми»). Очевидно, судя по археологическим данным, после восстановления город был перенесен на несколько иное место, к т.н. «замку Баграта» и на левую сторону р. Басла. Средневековые итальянские портоланы (навигационные карты), начиная с XIII в., и письменные морские руководства называют Севастополь, но речь идет уже о городе на другом месте: «Порт был защи-

щен от ветров, дующих с Востока и Северо-Запада. Над ним возвышалась цитадель» («Компассо», вторая половина XIII в.) (Фоменко И.К., 2007, с. 143). Здесь находилась одна из епархий «Султанийского архиепископства», учрежденного Папой Римским в 1318 г. и формально существовавшего до 1472 г. В позднем средневековье Севастополь упоминается Арканджело Ламберти (1654 г.), при этом в достаточно любопытном контексте: «Пятое аббатство было Севастопольское, которое теперь поглощено водой» (Ламберти А., 2012, с. 129). Здесь можно видеть свидетельство наступления моря на городские кварталы.

В дальнейшем местонахождение древнего города было утеряно. Поль Гибаль (1818–1819 гг.) допускал, что с Диоскурией можно связывать «некоторые развалины возле Сухума, мыса Кодор или в Анакопийской крепости» (Гибаль Поль, 2017, с. 178). Фр. Дюбуа де Монпере (1833 г.) предполагал, что Диоскурия-Севастополис располагалась в устье речки Искурия (Цкузамели или Мармар), близ мыса Искурия (к востоку от устья р. Кодор), но, судя по описанию, каких-либо «руин» в этом месте он сам не видел (Дюбуа де Монперэ Фредерик, 1937, с. 145, 150). По словам П.К. Услара, «есть мыс, который туземцами называется Исфаур, Искурия, Скурчия; на мысу развалины, поросшие уже густым лесом. Все заставляет думать, что там находилась древняя Диоскурия...» (Услар П.К., 1881, с. 390). Интерес к поискам Диоскурии оживился во время подготовки V Археологического съезда в Тифлисе (1881 г.). Как писал В.И. Чернявский, «настоящая минута, когда Сухум совершенно разрушен, исключительно удобна для беспрепятственного производства раскопок. Поэтому теперь особенно важно воспользоваться возможностью произвести исследование тех остатков Диоскурии-Севастополиса, которые еще зарыты в остающуюся часть наносного сухумского берега» (Чернявский В.И., 1879, с. 14). Именно В.И. Чернявский, увлекаясь фантастическими гипотезами, первый обратил внимание на необходимость исследования затонувшей части древнего города. Легенды о «затонувшем городе» бытовали и до этого, к примеру, у Арканджело Ламберти (1654 г.): Риони (?) «тихо впадает в море близ Севастополя, который в глубокой древности представлялся прекрасным городом, а ныне находится весь под водой» (Ламберти А., 2012, с. 2).

Определенный интерес и у Дюбуа де Монпере и у П.С. Уваровой (1886 г.) вызывали руины т.н. «Старого Сухума» близ устья Гумисты («был ли он когда-нибудь греческою колониею ... – трудно решить») (Уварова П.С., 1891, с. 79). П.С. Уварова обратила внимание на остатки более ранних стен («построенных первыми насельниками края – греками») в основании турецкой крепости в самом Сухуме, а также на древние находки (монеты, золотой «обруч»-диадема) на размываемом морском берегу, сделанные до постройки городской набережной (Уварова П.С., 1891, с. 84-85).

В 1886 г. первые археологические исследования в Сухуме и его окрестностях провел В.И. Сизов, при содействии В.И. Чернявского (собравшего в центре города значительный археологический материал еще в 1878 г.). Целью работ было «выяснить хотя несколько вопрос, для многих еще спорный, о местоположении древнего Диоскурия» (Сизов В.И., 1889, с. 12). Были заложены траншея вдоль Ольгинской ул. (совр. Пушкинская) и раскоп к западу от нее, обнаружен, в том числе, античный керамический материал (чернолаковая керамика, г.о., эллинистическая), монета г. Амиса, дальнейшие работы пришлось остановить из-за поступления грунтовых вод на глубине около 1,5 м. Находки римского времени здесь также присутствовали. Второй раскоп был заложен у казарм восточнее устья р. Беслетки и дал только средневековый материал. Два дня В.И. Сизов потратил на осмотр берега в районе мыса Искурия, но практически ничего не обнаружил, обследованию этого района в удалении от берега препятствовал субтропический лес. По выводу В.И. Сизова, «все это пространство слишком мало для такого большого города, каким был Диоскурий» (Сизов В.И., 1889, с. 42). Осмотр развалин «Старого Сухума» заставил В.И. Сизова отнести их к турецкому времени (Сизов В.И., 1889, с. 43-44). В итоге был сделан вывод: «Греко-римский Диоскурий (позднее Севастополь) находился на северном побережье Сухумской бухты, на расстоянии, приблизительно, от сохранившейся древней крепости (т.н. «Турецкой»), до Ольгинской улицы включительно, и, вероятно, еще далее к востоку» (Сизов В.И., 1989, с. 49).

В 1907 г. археологические памятники современного Сухума осмотрел А.А. Миллер. Он сообщает об обнаружении рядом с крепостью фундамента небольшой церкви, а также водопровода

«из ряда глиняных трубок, составленных последовательно» (Миллер А.А., 1909, с. 73). В.И. Чернявский сообщал о наличии стен, уходящих в море от берега, между крепостью и р. Баслой. Эти же стены были зафиксированы в 1956 г. М.М. Трапшем, во время строительства здания Абхазского обкома компартии ГССР.

Выводы В.И. Сизова были поддержаны М.М. Иващенко: древняя Диоскурия «тянулась, вероятно, неширокой полосой по берегу моря на протяжении 1,5-2 километров по обе стороны р. Беслаты, при чем часть ее находится на дне Сухумской бухты», «находилась ... от крепости до начала узкоколейной железной дороги» (Иващенко М.М., 1926, с. 102, 103). При этом М.М. Иващенко опирался на свидетельства Страбона и Арриана, а также на приведенные ими исчисления расстояний, что оказалось затруднительно, так как расстояния зачастую не сходились (Иващенко М.М., 1926, с. 94-99). М.М. Иващенко обратил внимание на находки античной (чернолаковой) керамики вдоль берега моря к востоку от устья р. Беслетки (Иващенко М.М., 1926, с. 101). Что же касается «Старого Сухума» – «ничто не дает основания предполагать, что когда-либо на этом месте было более древнее греческое поселение, а тем более Диоскурия» (Иващенко М.М., 1926, с. 101). На сходной позиции стоял Л.Н. Соловьев, считавший, что античный город «был расположен по обоим берегам р. Беслетки, начинаясь на западе у Сухумской крепости, на востоке доходя до начала ж.-д. эстакады. Он вытягивался узкой полосой вдоль берега моря. Распространению вглубь берега, вероятно, как и теперь, мешали болота». По его словам, «количество чернолаковой посуды возрастает к устью р. Беслетки, указывая тем самым центр поселения более ранней эллинистической эпохи III – II вв. до н.э.» (Соловьев Л.Н., 1947, с. 121-122).

При всем том, «кодорская» (вблизи устья р. Кодор) локализация Диоскурии продолжала обсуждаться. Ее активно поддержал Д.И. Гулиа (1923–1924, 1934 гг.), опиравшийся, при этом, в первую очередь, на топонимику (мыс Исаур, Искурия, Скурция; р. Скурча). Кроме того, он, вслед за П.К. Усларом (1881 г.), обратил внимание на созвучие племенного названия (а также названия города) тиндарида (Плиний Старший, Дионисий Перизет и др.), связанного, вероятно, с жителями хоры Диоскурии, к которому, возможно, восходят названия раннесредневекового поселения Дандария – Дранда. В заключение

Д.И. Гулиа сообщал: «Выше устья Кодора, верстах в 4-6 от берега моря, можно и теперь видеть развалины древних сооружений» (Гулиа Дмитрий, 1986, с. 327). «Кодорскую» локализацию поддержал А.В. Фадеев, отметив при этом, что «к сожалению, до сих пор на берегу Скурчинской бухты не производились серьезные археологические изыскания, которым, очевидно, будет принадлежать решающее слово в этом вопросе» (Фадеев А., 1934, с. 56-57).

В 1925 г. раскопки в Сухуме (место бывшего Ново-Афонского подворья, угол современных Пушкина, Лакоба и Набережной Махаджиров) провел А.С. Башкиров, был обнаружен только слой римского времени, I – III вв., но восточнее устья р. Беслетки найден фрагмент античной чернолаковой керамики (Башкиров А.С., 1926, с. 5-6). О находках там чернолаковой керамики писал и Л.Н. Соловьев (1947). Работы на территории «Турецкой крепости» и изучение характера кладки стен привели А.С. Башкирова, вслед за В.И. Сизовым, к выводу о поздне римском и византийском времени строительства укрепления. Именно тогда были впервые прослежены линии стен византийского времени в районе юго-западной башни (Башкиров А.С., 1926, с. 6-11). При раскопках небольшого масштаба под слоем османского времени были выявлены византийский (А.С. Башкиров датировал его XI – XII вв.) и римский (был датирован II – IV вв.) слои, при этом работы не были доведены до материка (Башкиров А.С., 1926, с. 11-18). Л.Н. Соловьев, обращаясь к материалам работ А.С. Башкирова, пришел к выводу о наличии в основании стен крепости не только византийских X – XII вв., но и более ранних остатков, отнесенных им к VI в., к периоду войн между Византией и Ираном (Соловьев Л.Н., 1947, с. 139). В 1939 г. на территории крепости обнаружили гробницу из тесанных каменных плит, перекрытых плоскими черепицами (Соловьев Л.Н., 1947, с. 120). В 1940 г. слой римского времени был прослежен Л.Н. Соловьевым между крепостью и совр. ул. Пушкина. Как считал Л.Н. Соловьев, в римское время центр города перемещается из района по обе стороны р. Беслетки в ее приустьевой части в район позднейшей «Турецкой крепости». При этом он же обратил внимание на то, что «пробелом пока является время близкое к началу нашей эры» (Соловьев Л.Н., 1947, с. 122).

В 1940 г. слой эпохи эллинизма (фрагменты «мегарской» чаши, чернолаковой керамики) был

исследован (при проведении водопровода) Л.Н. Соловьевым и И.Н. Адзинба на набережной напротив гостиницы «Рица». Тогда же слой римского времени с краснолаковой керамикой был прослежен Л.Н. Соловьевым в береговом обрыве к востоку от Сухумской крепости, но в раскопе на набережной напротив гостиницы «Рица» выявлен не был (Соловьев Л.Н., 1947, с. 121). В 1935–1936 и 1946 гг., как отмечал Л.Н. Соловьев, наблюдение за строительными работами в глубине от берега указывало на отсутствие сплошного культурного слоя и, исключительно, на «существование в нагорной части отдельных эллинских усадеб» (Соловьев Л.Н., 1947, с. 122). В 1952 г. М.М. Трапш исследовал участок к югу от стен Сухумской крепости, под позднесредневековым слоем (мощностью 3,25 м) залегал слой XI–XIII или X–XII вв. (мощностью 1 м), дальше шла стерильная прослойка (мощностью 0,2–0,4 м), ниже находился слой римского времени I – IV или I – V вв. н.э. (мощностью 0,8–1 м; А.М. Апакидзе и О.Д. Лордкипанидзе ошибочно утверждали, что М.М. Трапш датировал этот слой I – II вв. н.э.), под ним шел слой V – III вв. до н.э. мощностью 0,4 м. (Трапш М.М., 1955, с. 209-210). В другой публикации М.М. Трапш отмечает, что позднеантичный слой был перемешанным. Среди обнаруженных 13 римских монет большинство относились к концу II в., некоторые – к I и началу III вв., доминировала трапезундская чеканка (Голенко К.В., 1963).

В 1959 г. раскопки были проведены А.М. Апакидзе и О.Д. Лордкипанидзе на набережной, на территории крепости. Верхний слой (мощностью 0,3–0,7 м) был сильно нарушен перекопами, но большая часть находок (амфорная и краснолаковая керамика, фрагменты стеклянных сосудов и др.) относилась к IV–V вв. Второй, наиболее насыщенный слой (мощностью 1,2–1,4 м) датировался кон. II – первой половиной III вв., здесь найдены фрагменты стеклянных сосудов, бронзовая фибула, костяная ложечка, многочисленные монеты и керамический материал (амфоры из различных центров, краснолаковая керамика, скульптурные изображения головок утки и барана, светильники, лутерии). Под этим слоем частично изучен жилой комплекс I – II вв. н.э.: комната, двор с хозяйственным помещением, облицованный изнутри булыжником, колодец. Ниже залегал слабо насыщенный находками слой I в. до н.э., но здесь началось интенсивное поступление грунтовых вод. На небольшой площади, из-

за интенсивного поступления грунтовых вод, был выявлен слой (толщиной 1 м) III – II вв. до н.э. с фрагментами чернолаковых сосудов, пергамской краснолаковой керамики, «мегарских» чаш. Несколько найденных фрагментов чернолаковой керамики отнесено к V в. до н.э. (Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д., 1963, с. 216-222).

Тогда же, в 1958–1959 гг., на набережной (которая в это время «благоустраивалась» на остатках древних стен, при их частичном уничтожении), М.М. Трапшем, Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьевым были начаты широкомасштабные работы (раскоп размерами 120 на 25 м, общая длина комплекса вдоль моря – ок. 220 м) по изучению оборонительных сооружений Себастополis (Трапш М.М., 1963, с. 237-253; Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960). На краю турецкой крепости и за ее пределами были выявлены три (первоначально предполагалось, что две) римские разновременные оборонительные системы (кастеллы). К востоку от турецкой крепости была исследована северная стена крепости I с остатками двух башен (пристроены позже, без перевязки со стеной, толщина стен башен достигает 3 м) и 5 контрфорсов (также пристроены позже). Стена толщиной 2,4 м сооружена в технике смешанной кладки из булыжника на известковом растворе с двумя рядами кирпича, снаружи оштукатурена. Эта крепость, имевшая в плане, видимо, форму параллелограмма с закругленными (первоначально, до пристройки башен) углами, была датирована Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьевым I – II или II – нач. III вв. (Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960, с. 177), М.М. Трапш – кон. III – нач. IV вв., а В.А. Леквинадзе – III в. (Леквинадзе В.А., 1966, с. 205-206). При её исследовании выявлены следы сильного пожара, пол из керамических плит, остатки мозаики, несколько погребений по христианскому обряду. Возможно, на этом участке в более ранний период находилась церковь, а также баня. Кроме того, Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьев предположили, что на месте восточной башни ранее находилось более древнее сооружение (кладка из тесаного известняка, фрагмент арки) (Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960, с. 174-175). К юго-западу от крепости I (у юго-восточного угла турецкой крепости) была обнаружена еще одна кастелла меньшего размера – её северная стена длиной 35 м и толщиной 1,75 м с двумя башнеобразными выступами по углам. Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьев, а также М.М. Трапш, отнесли её

к IV в. (Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960, с. 177). В.А. Леквинадзе датировал эту малую кастеллу в пределах IV – нач. VI вв., т.е. периодом до византийско-персидских войн (Леквинадзе В.А., 1966, с. 210), но потом (1973 г.) передатировал её эпохой Юстиниана, т.е. VI в. Изнутри к этой кастелле примыкает еще одна стена длиной 134 м, идущая вдоль берега моря на восток, к ней, в свою очередь, со стороны моря примыкают остатки двух сооружений, возможно, башен. М.М. Трапш предположил, что стена малой крепости с двумя выступами по углам была построена для укрепления стены длиной 134 м. Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьев сочли эту стену длиной 134 м остатками наиболее ранней римской крепости I в. н.э. В.А. Леквинадзе, напротив, исходя из ее менее разрушенного состояния, счел ее наиболее поздней, хотя и отметил, что юго-западный угол этой стены (башня № 2 по М.М. Трапш), по характеру смешанной кладки, с тремя промежуточными рядами кирпича и черепицы, относится к более раннему времени. Заметим, что лучшая сохранность западной стены, по сравнению с восточной, может быть объяснена тем, что её основание залегало на более капитальном фундаменте с брусьями-лежнями. М.М. Трапш датировал западную стену кон. IV – нач. V вв. В.А. Леквинадзе предположил, что главные и, возможно, единственные входы всех трех крепостей были обращены к морю (Леквинадзе В.А., 1966, с. 209). Третья (западная) крепость, по предположению В.А. Леквинадзе, является остатками укрепления «пригорода» (канабы) (Леквинадзе В.А., 1966, с. 209-210). Вполне очевидно, что разрешить вопрос о хронологии трех выявленных крепостей, могут только новые раскопки.

По результатам исследований Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьев сделали вывод о «нарастании темпа жизни поселения во II и III вв. н.э.», о постепенном замирании жизни в IV в., а если в нач. V в. внутри крепостных стен совершаются погребения – значит «укрепление в какой-то мере потеряло свое значение» (Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960, с. 177). М.М. Трапш в раскопе 1959 г. к северу от стены центрального (малого) укрепления (раскоп практически примыкал к раскопу А.М. Апакидзе и О.Д. Лордкипанидзе) проследил стратиграфию: потревоженный ямами и захоронениями по христианскому обряду верхний слой мощностью 0,2–1,25 м IV–V вв. (самый верхний средневековый слой был

уничтожен строительными работами еще до этого), второй слой мощностью 0,5–1 м III – IV вв., третий слой мощностью 0,4–0,8 м II в. н.э. (материалы I в. н.э. представлены очень слабо). Все это подстилается слоем III – I вв. до н.э. Как отметил М.М. Трапш, в VII (VI – VII) – IX вв. этот район был заброшен и превращен в кладбище (Трапш М.М., 1963, с. 243). При этом, по мнению М.М. Трапш, уже «в конце V в. н.э. город Севастопольс утратил свое прежнее значение как торговый центр» (Трапш М.М., 1963, с. 253). Таким образом, по археологическим материалам время возникновения Севастополиса было отнесено к I – II вв., начало расцвета – к II – III вв., время расцвета и гибели города – к IV – V вв. При этом слой второй половины I – третьей четверти II вв. достаточно беден археологическим материалом. Из находок в этом раскопе М.М. Трапш кроме обильного амфорного материала выделяются художественно выполненные закраины краснолаковых блюд с рельефной орнаментацией, светильники, в т.ч., с рельефным изображением трех граций, терракотовая антропоморфная статуэтка, фрагменты стеклянных сосудов, римские провинциальные монеты (г.о., трапезундские). Важной находкой стала обложенная булыжником с трех сторон кирпичная гончарная печь (её топочная часть) кон. III – IV вв., предназначенная, преимущественно, для изготовления кирпича и черепицы.

М.М. Трапш в раскопе 1959 г. у юго-восточного угла турецкой крепости под слоем мощностью 0,4–0,8 м II в. н.э. (материалы I в. н.э. представлены очень слабо) обнаружил слой III – I вв. до н.э. – слабо насыщенный находками и исследованный не до материка, из-за «значительного поступления грунтовых вод» (Трапш М.М., 1963, с. 241). «Хронологического разрыва» (т.е. стерильных прослоек) между слоями обнаружено не было. Раннеантичная керамика была также обнаружена на левом берегу р. Басла при строительстве санатория Министерства обороны СССР «Сухуми».

Небольшие раскопки были проведены Ю.Н. Вороновым и Г.К. Шамба в 1977 г. при постройке бывшего концертного зала на ул. Ленина (современный проспект Леона), выявлен слой мощностью 1,2–1,6 м V – III вв. до н.э. с многочисленным керамическим материалом и терракотовой статуэткой сидящей Деметры (Воронов Ю.Н., Шамба Г.К., 1980).

В 1978 г. во время охранных наблюдений В.А. Логинова при прокладке траншеи на левом берегу р. Беслетки под балластом мощностью до 1,5 м был зафиксирован слой с немногочисленными находками керамики – амфорной, столовой и черепиц сер. IV в. до н.э. Публикатор сделал вывод: «Предположение о существовании центра поселения раннеэллинистической эпохи у современного устья р. Беслетки и связанное с этим наличие мощных культурных слоев на левобережном участке (как и на правобережном) пока не подтверждается» (Логинов В.А., 1983, с. 229). На территории санатория МВО у устья р. Беслетки в 1983 г. был обнаружен участок с находками V – нач. IV вв. до н.э., в т.ч., с фрагментами стеклянного сосуда типа алабастра финикийской работы. Что это – погребальный комплекс (скорее всего) или слой поселения – осталось неизвестно, работы продолжены не были. Поэтому абсолютно голословными являются в этой связи звучащие иногда утверждения о том, что «наиболее ранние до эллинистического времени культурные слои, скорее всего, фиксируются в районе р. Басла» (Нюшков В.А., 2018, с. 21).

В 1980 г., в связи с проектированием нового здания Государственного музея Абхазии, были начаты раскопки в северо-восточном углу Сухумской крепости (М.М. Гунба и др., с 1985 г. – совместно с Л.Г. Хрушковой). К сожалению, работы на расширяющемся раскопе в дальнейшие годы затрагивали преимущественно верхний поздне-средневековый слой (Гунба М.М., 1982; Гунба М.М., Хотелашвили М.К., 1987), хотя в 1982 г., на третьем слое, пошел материал IV – V вв. (Гунба М.М., 1985). Работы 1984 г. показали, что между слоями византийского времени (V – VII вв.) и поздне-средневековым (начиная с XIV в., есть малочисленные материалы X – XI вв.) стерильный слой отсутствует (Гунба М.М., 1989). Византийский материал в раскопе 1984 г. небогатый, в значительном количестве представлены керамические трубы от водопровода. В 1985 г. в восточной части раскопа была заложена стратиграфическая траншея, её изучению препятствовало активное поступление грунтовых вод. По не совсем убедительному выводу авторов раскопок, «слоев более ранних, чем поздне-римское время, здесь нет», интенсивная жизнь прослеживается здесь в IV – V вв., «более ранние материалы здесь не прослежены», «в нижнем культурном слое ма-

териалов ранее начала нашей эры не обнаружено» (Гунба М.М., Хрушкова Л.Г., 1990а; Хрушкова Л.Г., 2002, с. 198).

В дальнейшем, с 1987 г., раскопки на территории крепости были перемещены к набережной (раскоп 2). Среди находок выделялось три группы материала – IV – VI, XIII – XIV (период существования генуэзской фактории) и XVI – XVIII вв. Более ранних слоев при шурфовке обнаружено не было. В ходе работ выявлен, в частности, банный комплекс (с водостоками, водопроводом из керамических труб, цемяночным полом, вымосткой из черепицы), датирующийся не позднее V в. (Гунба М.М., Хрушкова Л.Г., 1990б; Гунба Б.М., 2004). В 1989–1992 гг. здесь были обнаружены фундаменты октогональной церкви – 8 опор в центре, стоящих на восьмигранном стилобате и образующих октогон, вокруг обход-деамбулаторий, также октогональный в плане, окруженный четырьмя четырехугольными помещениями; с юго-востока примыкал мавзолей с гробницами (Хрушкова Л.Г., 2002, с. 203–259). В мавзолее пол был вымощен кирпичом, в остальных частях церкви полом являлась известково-цемяночная бетонная вымостка. Храм был выстроен из камня-булыжника на известковом растворе с использованием тесаного известняка и кирпича-плинфы. В центральной части храма выявлена конструкция в форме экседры (скамьи для клира во время службы?), ориентированная на восток. Л.Г. Хрушкова датировала храм рубежом IV – V или началом V в. (в более поздней работе – началом – первой половиной V в.: Хрушкова Л.Г., 2014, с. 115; Она же, 2017), время его разрушения связала с событиями 542 г., позже комплекс был перестроен. В экседре храма был заложен стратиграфический шурф глубиной более 5 м, нижний слой, лежащий на материке, датирован не ранее I в. н.э. («из-за быстрого поступления грунтовых вод нам удалось довести до материка только северо-западный квадрат шурфа»). Рядом находились постройки жилого квартала этого же времени.

Найдены иранская монета Канишки I (между 127 и 152 гг.), подошвы кожаных сандалий римских солдат (I – II вв. н.э.), золотая игла от фибулы (II в.?), фрагментированная терракотовая статуэтка всадника, часть антифакса-черепицы с изображением мужской маски, серия фрагментов черепицы с оттиском клейм XV Аполлонова легиона (в шурфе, под полом храма), мраморные

архитектурные фрагменты (капители) и надгробная стела с греческой надписью IV в.: «...здесь покоится Орест, солдат легионер, в память о нем мы возвели ойкос» (т.е. здание или церковь).

Эти работы были продолжены в 2004–2009 гг. (Б.М. Гунба) к северу от раскопа 1987–1992 гг. и к западу от раскопа Г.К. Шамба и М.М. Гунба 1999–2000 гг. (Гунба М.М., Шамба Г.К., 2001; Гунба Б.М., Джоуа А.И., 2007; Гунба Б.М., 2009; Он же, 2013). При этом, в т.ч., была исследована северная часть октогональной церкви.

При широкомасштабных работах на территории крепости, развернувшихся силами нескольких экспедиций начиная с 1980 г. (с перерывом на 1993–1998 гг.), слой эллинистического и более раннего времени, не считая отдельных находок, не был обнаружен. В 1999 г. на территории Сухумской крепости, в её восточной части, были начаты работы экспедиции АГУ (А.Н. Габелия). Верхний слой относится к эпохе позднего средневековья, второй слой V – VI вв. нарушен погребениями по христианскому обряду не ранее VII – VIII вв. В нем обнаружены архитектурный комплекс, состоящий из нескольких помещений, детские погребения в керамических ящиках и амфорах, а также более ранние находки – древнегреческая надпись II в. (1999 г.) с восхвалением человека, снарядившего триеры (Вертоградова В.В., 2002), и эллинистическая керамика. При углублении раскопа в 2003 г. выявлен слой около рубежа эр и конца III – II-I вв. до н.э., но из-за «интенсивного наступления воды работы были прекращены» (Габелия А.Н., 2014, с. 423). При шурфовке слоя рубежа эр «грунтовые воды здесь подступают очень близко, поэтому приходилось делать водосборные ямы и выкачивать воду насосами» (Габелия А.Н., 2014, с. 424).

Из находок выделяется лепная антропоморфная статуэтка в виде схематичного изображения головы человека с длинной шеей (I – III вв.) (Габелия А.Н., Сакания С.М., 2004, с. 520, рис. 64), терракотовая женская статуэтка (Габелия А.Н., 2005, с. 561, рис. 78), терракотовая статуэтка женщины, задравшей платье (Габелия А.Н., 2007, с. 572, рис. 65). Обнаружены также захоронения (Габелия А.Н. 2002; Габелия А.Н., Сакания С.М., 2013).

В 2001 г. исследования на территории Сухумской крепости начала совместная российско-абхазская экспедиция ИА РАН и АБИГИ (Ю.В. Горлов, И.М. Безрученко, Д.С. Бжания), при этом работы (шли до 2006 г. включительно) велись

непосредственно к востоку от раскопа 1987–1992 гг. М.М. Гунба и Л.Г. Хрушковой. Обнаружена трехнефная базилика с прямоугольным помещением к северу от нее, примыкавшая к раскопанной ранее октогональной церкви и составлявшая с ней единый комплекс (Абрамзон М.Г. и др., 2003; Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., 2007; Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С., 2007; Хрушкова Л.Г., 2017). То есть выявленный ранее мартирий октогональной церкви примыкал с запада к обнаруженной базилике, являясь нартексом. Базилика длиной 17 м, шириной 9,5 м, имеет три пары столбов, апсида полигональная снаружи и полуциркулярная изнутри (по мнению исследователей храма, первоначально она была полуциркулярной), ширина боковых нефов – 0,8 м, в них находились ниши-аркосолы для захоронений, еще две ниши, возможно, для реликвариев (локули) имелись в западной части северной стены базилики. Частично сохранилась вымостка пола базилика, состоящая из фигурных мраморных плиток и лекальных кирпичей (opus sectile). В период своего существования базилика была перестроена и превращена в однефную церковь, интервалы между столбами были заложены. Т.е. после разрушения в 542 г. храм был восстановлен. По первоначальной гипотезе исследователей памятника, базилика была построена во время христианизации апсид в 520 – 530-е гг., разрушена в 544 г, затем восстановлена в 555 г. (Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., 2007, с. 574). Позже они скорректировали свое мнение, отнеся возведение базилики к времени «не ранее второй половины V в.». Более того, авторы раскопок считали, что базилика была построена ранее октогональной церкви и разрушена при ее сооружении (Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., 2007, с. 571). Кроме того, к северу от исследованного храма были, вроде бы, выявлены остатки второй базилики, как предположили авторы раскопок, несколько более поздней. Датировки Л.Г. Хрушковой представляются более обоснованными, но необходимы новые раскопки на данном объекте (тем более, по словам публикаторов раскопок, «полностью исключить возможное на каком-то этапе существование «Базилики 2001» и октогональной церкви у нас нет оснований»). Таким образом, выявлен комплекс из двух церквей, объединенных мартирием. Из находок следует отметить бронзовый колокольчик в виде шапки Диоску-

ров. Южнее базилики были выявлены подвальные помещения, видимо, турецкого времени. В VIII – IX вв. базилика была полностью разрушена, на ее месте возникает христианское кладбище. Хронологический разрыв и отсутствие следов городской жизни, как мы уже отмечали, было зафиксировано для этого времени и в других раскопах.

В 2002 – 2003 г. при ремонте трубопровода по ул. Званба было заложено 5 раскопов, обнаружено несколько т.н. пятен культурного слоя – видимо, остатков жилищ, а также несколько погребений эпохи эллинизма, в т.ч. достаточно богатых, с золотыми изделиями (погребение в урне) (Бжания В.В., Габелия А.Н., 2004). Культурный слой античного города выявлен не был, а каменная стена, объявленная стеной древней Диоскурии (Санин Г., Пленкин Д., 2002) оказалась, в итоге, гораздо более поздней (Шульгина Н., 2002). Материалы раскопок не опубликованы.

В 2010–2011 гг. охранные археологические исследования были проведены за пределами турецкой крепости, на участке, отведенном для строительства здания посольства РФ (В.В. Бжания и др.). До уровня 1,5 м был снят балласт, под поздними напластованиями шел ранневизантийский слой, был также обнаружен колодец, сложенный из валунов, сланца и песчаника, IV – III вв. до н.э. (Бжания В.В., Джопуа А.И., 2012, с. 29, табл. 7; Ньюшков В.А., 2018, с. 25, фото 1).

В 2011 г. охранные исследования были проведены также к северу от Сухумской крепости. При изучении слоя I – V вв. н.э. обнаружены, в т.ч., два колодца римского времени с каменно-кирпичной обкладкой и посвятельная надпись II – III вв. н.э. («Памяти благословенного судьбой Валерьяна погребальная песнь царственному дражайшему супругу») (Агумаа А.С. и др., 2015). Охранно-спасательные работы за пределами крепости (ул. Воронова, д. 10) были проведены и в 2013 г. Слой (на глубине 1,4–2,4 м от современной поверхности) относился к римскому времени.

В 2010 г. античный слой был зафиксирован при строительных работах на ул. Гулиа.

Из многочисленных монетных находок на территории совр. Сухума уникальным для Причерноморья является клад гемидрахм (триоболов) Ахейского союза (280–146 гг. до н.э.), обнаруженный в нач. XX в. (Абрамзон М.Г., 2005). Кроме Греции (10 кладов), один клад таких монет известен только на территории Израиля.

В 1957 г. на дне Сухумской бухты было найдено известняковое антропоморфное надгробие в виде бюста женщины I – II вв. (Трапш М.М., 1969, с. 354–356, рис. 51). В 1954 г. близ Красного моста обнаружили относящийся к раннехристианскому времени саркофаг «антропоидного» типа из цельного куска песчаника, с фрагментированной крышкой (Хрушкова Л.Г., 2002, с. 203). В 1952 г. из стены крепости извлечен фрагмент римского кирпича с набором неизвестных знаков, датированный Г.Ф. Турчаниновым II в. до н.э. По его мнению, надпись («Город (крепость) его соорудил в Акуа Саулах царь великий из Лыхны. Страна гор» или «Крепость соорудил Акве в Саулах царь великий Ла рода ланы из Бга[ны]») выполнена колхским вариантом псевдоиероглифического библского письма (Турчанинов Г.Ф., 1971). Однако, кирпич не может быть датирован ранее I в. н.э. По справедливому заключению Г. Лордкипанидзе, «надпись, процарапанная на простом кирпиче, не подобает «Великому царю», ведущему «грандиозное строительство» в Акуа – древнем Сухуми» (Лордкипанидзе Гурам, 1978, с. 135). Далее последовали новые находки: в 1971 г., вмазанная в ограду дома т.н. «2-я Аквинская (Сухумская) надпись», якобы, с планом города Акуа и с надписью в центре. Не будем перечислять другие «открытия» – граффити на сосудах, пряслице, знаки на ручках сосудов (Турчанинов Г.Ф., 1999). Прочтения Г.Ф. Турчанинова не приняты ни российской, ни мировой наукой. Тем не менее, наличие нескольких памятников нечитаемого знакового письма остается фактом.

Таким образом, городской слой Диоскурии на территории современного Сухума до сих пор не выявлен, по сути, обнаружены только пятна культурного слоя, свидетельствующие о наличии здесь отдельных усадеб. С другой стороны, их наличие не позволяет сомневаться в том, что территория современного Сухума являлась частью хоры античной Диоскурии. Остается найти центральную часть этого античного города. В то же время, по мнению Г.А. Лордкипанидзе (1977 г.), «картографирование и раскопки показали наличие сохранившейся части ранних слоев Диоскуриады, но они застроены. По-видимому, лишь незначительная часть Диоскуриады разрушена морем» (Проблемы греческой колонизации..., 1979, с. 390).

И все же вслед за В.И. Чернявским возникал соблазн поискать остатки исчезнувшего города

под водой. Предостережения в этой связи высказывал Л.Н. Соловьев: «Чернявский поторопился с выводами» (Соловьев Л.Н., 1947, с. 137); но сам Соловьев при этом допускал как абразию (т.е. процесс разрушения берега морскими волнами), так и «погружение Диоскурии в результате огромного берегового оползня. В этом случае здания города могли без особых разрушений опуститься на дно моря, не успев сделаться жертвой морской абразии» (Соловьев Л.Н., 1947, с. 137–138). В дальнейшем Л.Н. Соловьев несколько скорректировал свою позицию (вместе с Л.А. Шервашидзе), предположив, что имел место «тектонический сброс», «по каким-то причинам оставшийся незавершенным» (Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960, с. 179). По мнению М.М. Трапш, «остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины» (Трапш М.М., 1969, с. 212).

В 1953 г. в море близ устья р. Беслетки была обнаружена мраморная надгробная стела (выставлена в АГМ) с трехфигурной композицией (сидящая в кресле, т.е умершая женщина, пришедший к ней мальчик, стоящая девушка с ларцом в руке) – сценой прощания с умершей. Стела является выдающимся произведением аттических (О.Д. Лордкипанидзе допускал ее изготовление на о-ве Родос) мастеров и датируется в рамках 430–420 гг. до н.э. (Лордкипанидзе О.Д., 1968). Без сомнения, эта уникальная находка обострила проблему поисков «затонувшего города», обратив внимание исследователей и общественности в первую очередь к подводной археологии. В 1953 г. гидроархеологические работы в акватории Сухумской бухты были проведены Пицундской археологической экспедицией Института истории АН ГССР, в дальнейшем их вел Л.А. Шервашидзе (Шервашидзе Л.А., 1967). Джеймс Олдридж в предисловии к русскому изданию своей книги «Подводная охота» (1958 г.) писал о «затопленном морем древнем греческом городе» в Сухуми: «Этот город, вероятно, является наиболее важным из всех известных до сих пор подводных археологических руин. К тому же совершенно очевидно, что он дошел до наших дней в полной сохранности. Нырять в том районе, можно увидеть изваяние пловца, стоящее на крыше древнего греческого дома. Это дает основание заключить, что если этот высокий дом, выступающий над грязью, не подвергся разрушению до наших дней, то и весь город, скрытый

толстым слоем грязи, также хорошо сохранился». Оживленный интерес к этой тематике сохранялся, по меньшей мере, до начала 1970-х гг.

Неудачный в целом опыт работ в акватории Сухумской бухты и более углубленное исследование этого вопроса привели Ю.Н. Воронова к обоснованному выводу о том, что «со времени основания Диоскуриады (VI в. до н.э.) сколько-нибудь значительных изменений в конфигурации Сухумской бухты не произошло. Ширина полосы, отнятой за последние 2 тыс. лет морским прибоем у суши, не превышает 100 м. Эта полоса и занимавшая ее часть древней Диоскуриады погигли полностью и безвозвратно» (Воронов Ю.Н., 1980, с. 24-25).

Ранее нами было высказано предположение (Скаков А.Ю., 2013, с. 62-63), что в какой-то определенный период, возможно, с кон. IV по сер. I вв. до н.э. акрополь Диоскурии находился на месте современного Эшерского городища. Первоначально возникшее здесь в первой половине VI в. до н.э. поселение являлось, вероятно, усадьбой (хорионом), входившим в хору Диоскурии. Но уже в IV в. это поселение городского типа, с оборонительными укреплениями, храмом (сохранились архитектурные детали), водопроводом, общественным зданием, надписью на безукоризненном греческом языке на бронзовой плите, прямо говорящей о некоем полисе. Возможно, после разрушения Эшерского городища на заключительном этапе Третьей Митридатовой войны и последующих за ней событий центр запустевшего города был перенесен на место современного Сухума. Случаи переноса городов в пределах их хоры хорошо известны в античности (Смирна и др.).

Другой вопрос – где находилась Диоскурия с VI в., с момента ее основания, до конца IV вв. до н.э.? Коллектив российских, абхазских и западноевропейских ученых во главе с А.Б. Белинским (А.И. Иванчик, И.В. Ксенофонтова, С. Чандрасекаран, Р.В. Стоянов, И.И. Цвинария и др.) вернулись к «кодорской» гипотезе локализации Диоскурии и с 2017 г. начали работы на обнаруженном ими комплексе памятников в районе мыса Искурей и залива Искурия (Скурча). На цитадели, к которой примыкает обширное поселение, обнаружены, в том числе, фрагменты античной керамики рубежа VII – VI вв. до н.э. (Белинский А.Б., Иванчик А.И., 2018, с. 159). Отметим, что поселение с «текстильной» керамикой в устье Скурчи было зафиксировано Г.К. Шамба в 1998

г. В 1962 г. М.М. Трапш здесь было обнаружено городище (цитадель). Местонахождение этого городища в местности Ашьашла и наличие нескольких поселений было уточнено в 2001 г. группой абхазских археологов во главе с В.В. Бжания (Маан О.В., 2006, с. 45, 54-55). Тем не менее, остается неясным, как соотносятся городище, исследуемое сейчас, городище, обнаруженное М.М. Трапш, и городище в Адзюбже, в поселке Балан, на участке А. Ахсалба, шурфовку которого производила совместная российско-абхазская экспедиция в 2003 г. (Горлов Ю.В., Бжания Д.С., 2004, с. 24). Пока что исследуемое городище и окружающие его объекты производят впечатление не остатков античного полиса, а крупного местного племенного центра, на что указывает и сравнительно низкий, судя по озвученным данным (к сожалению, обнаруживаемые уникальные материалы практически не вводятся в научный оборот), процент античного керамического импорта.

Кроме того, в «точном территориальном соответствии» Диоскурии и Себастополиса усомнилась и Л.Г. Хрушкова, также обратившая внимание в этой связи на мыс Искурию. Как было сказано ею о Диоскурии, «этот древний город, в сущности, до сих пор не найден» (2002, с. 14, 36). Вполне очевидно, что ответ могут дать только новые раскопки.

Аргументом в пользу локализации Диоскуриады, на определенном этапе её истории, в районе мыса Искурей являются приведенные выше сведения Клавдия Птолемея о местонахождении этого города: на берегу моря, непосредственно к югу от реки Корак или Коракс (по мнению ряда комментаторов, это совр. Кодор), в сторону Фасиса (совр. р. Риони). Хотя, по мнению М.М. Иващенко, р. Коракс должна соответствовать совр. р. Бзыбь. Локализация гидронимов античного времени крайне затруднительна, ту же р. Кодор идентифицировали с реками Гипп или Астелеф Арриана, Астелеф или Хрисоррой Плиния Старшего (Л.Н. Соловьев был уверен, что Плиний упоминает только р. Хрисоррой (Хризораас), в источнике упомянуты обе реки). Отметим также, что в районе устья р. Корак (хотя и, очевидно, на западной его стороне) комментаторы локализуют Картерон Тейхос («Сильную крепость») Клавдия Птолемея.

Хора античной Диоскурии, где бы ни находился центр города, простиралась от Гуандры до Адзюбжи включительно, т.е. включала в себя

всю территорию современного Сухума. Основные поселенческие памятники хоры, которым в ряде случаев соответствуют крупные могильники, возникли на основе доантичных поселений.

Недалеко от устья р. Кодор, на ее левом берегу, в местности Балан (Баглан), с. Адзюбжа, известен комплекс памятников, исследования их проводились в 1977–1981 гг. М.В. Барамидзе, материал опубликован частично. Кроме слоя поселения, найдены индивидуальные кремационные погребения III – II вв. до н.э. с большим количеством изделий из золота (бляшки, браслет, серьги, подвески) и серебра (блюдо, бляшки, гривна), бронзовым конским налобником, железными предметами вооружения (копья, топоры, стрелы и др.) и орудиями труда, античной импортной керамикой, бусами (Барамидзе М.В. и др., 1979; Пхакадзе Г. и др., 1981; Барамидзе М.В. и др., 1982; Барамидзе М.В. и др., 1982).

Крупное поселение эпохи античности (Ю.Н. Воронов датировал его IX–VIII – IV–III вв. до н.э.) с большим количеством импортной античной керамики известно на холме Ахул-абаа (Ахвала-абаа) в верхней части Алексеевского ущелья, над с. Дзыгута. В 1939 г. там было обнаружено погребение IV – III вв. до н.э. с бронзовой орнаментированной обивкой деревянного щита, бронзовой чашей, железными мечом, копьями, топором, античной импортной керамикой. В 1950–1960-е гг. были обнаружены погребения с античными бронзовыми шлемами. Кроме того, были найдены уздечный набор меотского типа с бронзовыми изделиями в зверином стиле, бронзовая фигурная ножка от погребального ложа, железная обивка деревянного щита. В 1979 г. здесь же было найдено разрушенное погребение (или погребения), среди инвентаря бронзовые античный шлем и кнemiды, фрагментированная серебряная чаша, железные копья, мечи, импортная чернолаковая керамика. Еще одно погребение IV в. до н.э. обнаружили в 1985 г., в состав инвентаря входили античные бронзовые шлем и кнemiды, золотая шейная гривна, уздечный набор, железные копья и топор. Вблизи найдено ритуальное захоронение конских черепов с меотскими уздечными наборами (подробнее см.: Скаков А.Ю., 2021б, с. 147–149).

Одним из крупнейших в регионе было Красномаякское поселение (исследования Л.Н. Соловьева и А.А. Иессена в 1934–1935 гг., Л.Н. Соловьева в 1947 г., М.М. Трапша в 1956, М.В. Барамидзе и др. в 1976 г., Г.К. и С.М. Шамба в 1984 г.), к нему относился могильник Красный маяк (обнаружен в 1947 г. Л.Н. Соловьевым, раскопки М.М. Трапш в 1957–1959 гг.) (Трапш М.М., 1969). В ходе работ М.М. Трапша исследовано 152 погребения, датированных им VIII – II вв. до н.э., одно погребение VIII – VII вв. до н.э. изучено в 1947 г., 5 погребений (2 из них VIII – VII вв. до н.э.) раскопано в 1976 г., еще 2 погребения IV в. до н.э. обнаружено в 1984 г. На поселении площадью ок. 0,5 га обнаружены гончарная печь (кон. III – I вв. до н.э.), фрагменты античной импортной керамики в т.ч. кон. VII в. до н.э. (по утверждению Ю.Н. Воронова, но сам материал не опубликован: Воронов Ю.Н., 1969, с. 50), производственная (для выпаривания соли) т.н. «текстильная» керамика доантичного времени.

Второе крупное поселение (на месте поселения эпохи энеолита – ранней бронзы), на горе Гуадиху, упоминается Л.Н. Соловьевым (1947 г.), в 1952–1954 гг. здесь, сначала на северном, а затем на южном склоне горы, были проведены работы М.М. Трапшем, исследовано 91 погребения, датированные автором раскопок VIII – II вв. до н.э. (Трапш М.М., 1969). Еще одно погребение IV – III вв. до н.э., обложенное черепицами, было исследовано здесь Ю.Н. Вороновым в 1973 г. (Воронов Ю.Н., 1980, с. 56–57).

Поселение на Сухумской горе («горе Чернявского») известно с 1938 г. (Л.Н. Соловьев), в 1951 г. здесь был обнаружен клад бронзовых изделий доантичного времени, в 1951 г. А.Н. Каландадзе совместно с М.М. Трапшем провел здесь исследования, выделив (и доследовав, при возможности) 14 погребальных комплексов (не считая инвентаря разрушенных погребений). На юго-западном склоне горы и на её седловине исследовалось поселение доантичного и античного времени с остатками бронзолитейного производства, фрагментами импортной чернолаковой керамики и черепицы. Поселение расширяется в III – II вв. до н.э. (Каландадзе Ал., 1953).

Еще одно поселение с фрагментами чернолаковой керамики было известно еще Л.Н. Соловьеву на холме «Замка Баграта». В 1954–1956 г. здесь были проведены раскопки М.М. Трапшем, нижний слой датировался V – II вв. до н.э., возможно и наличие доантичного слоя (Воронов Ю.Н., 1969, с. 57). Здесь же был обнаружен комплекс бронзовых предметов конской упряжи в меотском зверином стиле IV в. до н.э. На склоне

соседнего холма было обнаружено погребение II в. до н.э. с золотыми изделиями (Воронов Ю.Н., 1969, с. 57).

Поселение на участке гр. Одынец в северо-западной части города было известно Л.Н. Соловьеву (1947 г.), в 1954 г. здесь провел раскопки М.М. Трапш (Трапш М.М., 1969, с. 313-317). Исследована сторожевая башня (стены сохранились на высоту до 1,8 м) римского времени (последняя четверть II – V вв.) с примыкающими стенами, видимо, часть укрепленной усадьбы (Трапш М.Т., 1969, с. 317). Среди находок – глиняные светильники, терракотовая фигурка голубя, железная фибула, бронзовая серьга, 8 римских монет, жернова ручной мельницы. Самой интересной находкой стал глиняный светильник местного производства с древнегреческой надписью («Давай, поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»), датированный II – III вв. (Каухчишвили Т.С., 1957). Под башней были выявлены погребения III – II вв. до н.э. и слой поселения.

Крупнейшим поселенческим памятником в районе современного Сухума является Эшерское городище площадью около 4 га, обнаруженное М.М. Иващенко (1935 г.). Городище исследовалось Ю.Н. Вороновым, Г.К. Шамба, В.Р. Эрлихом и др. Найдены значительное количество античной импортной керамики VI – I вв. до н.э., а также фрагментированная греческая надпись на бронзовой плите конца IV в. до н.э. На площадке городища обнаружен могильник III в. до н.э., рядом с поселением обнаружены погребения VI – III вв. до н.э., в т.ч., элитные, с античными бронзовыми шлемами, престижными предметами импорта (аттическая чернофигурная амфора), наборами предметов вооружения (подробнее см.: Скаков А.Ю., 2021б, с. 66-76). В Нижней Эшере, на Холме Верещагина, находится еще одно крупное поселение, бытовавшее с эпохи ранней бронзы до античности (обнаружено М.М. Иващенко в 1930 г., исследовалось в 1934–1935, 1978 гг., с 2000 г. практически ежегодно Г.К. Шамба и А.И. Джопуа). Найдена, в том числе, античная импортная керамика нач. VI в. до н.э. Обнаружено (в 1934, 1969, 1971, 1978, 2007 гг.) несколько погребений, некоторые из них кремационные, некоторые – вторичные, из нескольких погребений известны находки бронзовых античных шлемов наборами (подробнее см.: Скаков А.Ю., 2021б, с. 63-66).

Ю.Н. Воронов (1977 г.) предполагал наличие гончарной печи II – I вв. до н.э. у пос. Гульрипш, а также гончарной печи III в. до н.э. в Гвандре. С.Ю. Внуков высказал обоснованные (хотя и не бесспорные) сомнения: по его мнению, комплекс из Гвандры «носит обычный мусорный характер», комплекс из Красного Маяка у него «вызывает серьезные сомнения» (на наш взгляд, не обоснованные), находки из Гульрипша могут «происходить из хранилища какой-то партии товара одного происхождения». Дискуссия обусловлена отсутствием научной фиксации остатков этих предполагаемых гончарных печей (Воронов Ю.Н. 1977; Внуков С.Ю., 2001; Он же, 2012).

Поселения античной эпохи известны также в устье р. Дзегуты или Волчьей (Л.Н. Соловьев, найдено в 1935 г.), на правом берегу р. Кыласур выше совр. здания АГУ (Л.Н. Соловьев), на левом берегу р. Баслы на холме над кирпичным заводом (здесь же в 1936 г. было обнаружено погребение с золотым браслетом III – II вв. до н.э.), недалеко от железнодорожной платформы Ачадара (Г.К. Шамба, 1975 г.), на южной или юго-западной оконечности Лечкопского плато (Ю.Н. Воронов, 1972 г.), восточнее железнодорожной платформы Гуандра (именно здесь обнаружена керамическая печь III в. до н.э. с клеймами Диоскурии на амфорах). На вершине холма на левом берегу р. Кыласур близ ее устья в 1940 г. было обнаружено погребение с греческим бронзовым шлемом. За пределами очерченной выше хоры Диоскурии, даже рядом с современным Сухумом, встречаются только памятники, связанные по своему культурному облику с местным населением (к примеру, два погребения V – IV вв. до н.э. на горе Яштхва, обнаруженные в 1959 г.), хотя иногда присутствуют и предметы античного импорта (погребение в Шубаре, исследованное в 1978 и 1980 гг.).

Очевидно, можно выделить несколько локальных центров в рамках хоры Диоскурии, с наибольшей концентрацией поселенческих и погребальных памятников, в том числе, с импортной античной керамикой, престижными предметами вооружения, изделиями из золота и серебра. Это левобережье р. Кодор у ее устья, левобережье р. Басла между горой «Замка Баграта» и холмом Ахул-абаа, центр современного Сухума между Красным Маяком и горой Гуадику, Нижняя Эшера. Вероятно, эти скопления памятников тяготели к нескольким крупным поселениям. Эту

агломерацию и следует, по нашему мнению, считать древней Диоскурией, а её центр мог несколько раз переноситься.

ЛИТЕРАТУРА:

- Абрамзон М.Г., 2005. Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриады // ВДИ. № 1.
- Абрамзон М.Г., Безрученко И.М., Бжания Д.С., Бжания В.В., Горлов Ю.В., Поротов А.В., Кайтамба М.Д., 2003. Работы Причерноморской экспедиции Института археологии РАН в 2001 году // КСИА. Вып. 214. – М.
- Агумаа А.С., Барцыц Р.М., Бгажба О.Х., Бжания В.В., Габелия А.Н., Гунба Б.М., Джопа А.И., Сакания С.М., Сангулия Г.А., Трапш Г.Е., Хондзия З.Г., Цвинария И.И. 2015. Охранные раскопки у стен Сухумской крепости в 2011 г. // Археологические открытия 2010-2013 года. – М.
- Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д., 1963. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса // Труды АБИЯЛИ. Том XXXIII-XXXIV. – Сухуми.
- Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т., 1979. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М.
- Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В., Шамба Г.К., Чигосвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Хубутия Г.П., 1982. Отчет археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1979 году. – Тбилиси.
- Барамидзе М.В., Чигосвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Хубутия Г.П., Чумбуридзе З.Г., Гамкрелидзе Г.А., 1984. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 г. – Тбилиси.
- Башкиров А.С., 1926. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. – Сухум.
- Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., 2005. Раскопки раннехристианской базилики в г. Сухуме в 2001-2003 гг. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М.
- Безрученко И.М., Бжания Д.С., Горлов Ю.В., 2007. Раскопки в Сухумской крепости // Археологические открытия. 2005 год. – М.
- Белинский А.Б., Иванчик А.И., 2018. К вопросу о греческой колонизации Северной Колхиды и локализации Диоскуриады в архаический и классический периоды // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. – Карачаевск.
- Бжания В.В., Габелия А.Н., 2004. Диоскурийские слои в городе Сухум // Археологические открытия. 2003 год. – М.
- Бжания В.В., Джопа А.И., 2012. Археологические материалы как дополнительный источник изучения абхазо-турецких взаимоотношений // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. VII. – Сухум.
- Бондаренко М.Е., 2011. Античные колонии на территории древней Абхазии: Диоскуриада, Гюэнос, Питиунт. Библиографический указатель (1852-1991 гг.). – М.
- Вертоградова В.В., 2002. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости // ПИФК. Вып. XII. – М.-Магнитогорск.
- Виноградов А., Гугушвили Ш., 2013. Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII-X вв.). Припринт WP 19/2013/03. – М. (Аналогичный текст – Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш., 2015. Очерки истории Абхазского католикосата. Часть 1. VIII-X вв. // Богословские труды. Вып. 46. – М.).
- Внуков С.Ю., 2001. О выделении разновидностей коричнево-глиняных амфор // ПИФК. Вып. X.
- Внуков С.Ю., 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. № 4.
- Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми
- Воронов Ю.Н., 1977. К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. № 2.
- Воронов Ю.Н., 1980. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М.
- Воронов Ю.Н., Шамба Г.К., 1980. Новые материалы по археологии Диоскуриады // Известия АБИЯЛИ. Вып. IX. – Тбилиси.
- Габелия А.Н., 2002. Новые материалы из раскопок Сухумской крепости // ПИФК. Вып. XII. – М.-Магнитогорск.
- Габелия А.Н., 2005. Новые исследования экспедиции Абхазского университета // Археологические открытия. 2004 год. – М.
- Габелия А.Н., 2007. Новые материалы из Сухумской крепости // Археологические открытия. 2005 год. – М.
- Габелия А.Н., 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум.
- Габелия А.Н., Сакания С.М., 2004. Работы экспедиции Абхазского университета // Археологические открытия. 2003 год. – М.
- Габелия А.Н., Сакания С.М., 2013. Исследование Сухумской крепости // Археологические открытия. 2009 год. – М.
- Гибаль Поль, 2017. Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешественника из Одессы в Тифлис Поля Гибала, 1818-1819. – М.
- Голенко К.В., 1963. Монеты из находок в Сухумской крепости (1952 г.) // Труды АБИЯЛИ. Том XXXIII-XXXIV. – Сухуми.
- Голенко К.В., 1977. К датировке монет Диоскуриады // Нумизматический сборник. Посвящается памяти Д.Г. Капанадзе. – Тбилиси.
- Горлов Ю.В., Бжания Д.С., 2004. Работы совместной экспедиции Абхазского института АНА и Института археологии РАН // XLVIII итоговая научная сессия (11-13 мая). Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. – Сухум. АБИГИ.
- Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С., 2007. Раннехристианский комплекс в Себастополисе // Вестник АН Абхазии. № 2. – Сухум.
- Гулиа Дмитрий, 1986. Сухум не Диоскурия // Собрание сочинений. Том 6. – Сухуми.

- Гунба Б.М., 2004. Планировка и архитектура античного Себастополиса // ПИФК. Вып. XIV. – М.-Магнитогорск.
- Гунба Б.М., 2006. Письменные источники о Себастополе // ПИФК. Вып. XVI/1. – М.-Магнитогорск.
- Гунба Б.М., Джопуа А.И., 2007. Исследования древнего Себастополиса // Археологические открытия. 2005 год. – М.
- Гунба Б.М., 2009. Исследования в городе Сухум // Археологические открытия. 2006 год. – М.
- Гунба Б.М. 2013. Исследование Сухумской крепости // Археологические открытия. 2009 год. – М.
- Гунба М.М., 1982. Краткий отчет об археологических раскопках в Сухуми в 1980 году // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. – Тбилиси.
- Гунба М.М., 1985. Археологические раскопки в Сухуми в 1982 году // Археологические открытия в Абхазии 1981-1982 гг. – Тбилиси.
- Гунба М.М., 1989. Археологические раскопки на территории Сухумской крепости в 1984 году // Археологические открытия в Абхазии в 1984 г. – Тбилиси.
- Гунба М.М., Хотелашвили М.Н., 1987. Краткий отчет о археологических раскопках в Сухуми // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тбилиси.
- Гунба М.М., Хрушкова Л.Г., 1990а. Раскопки Сухумской крепости // Археологические открытия в Абхазии 1985 г. – Тбилиси.
- Гунба М.М., Хрушкова Л.Г., 1990б. Археологическое исследование Сухумской крепости // Археологические открытия в Абхазии (1986-1987). – Тбилиси.
- Гунба М.М., Шамба Г.К., 2001. Раскопки Сухумской крепости // Археологические открытия. 1999 год. – М.
- Дундуа Г.Ф., 1987. Нумизматика античной Грузии. – Тбилиси.
- Дюбуа де Монперэ Фредерик, 1937. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Том I. – Сухуми.
- Ивашенко М.М., 1926. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. – Сухум.
- Инадзе М.П., 1968. Причерноморские города древней Колхиды. – Тбилиси.
- Каландадзе Ал., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми. На груз.яз., русск. резюме.
- Капанадзе Д.Г., 1948. Новые материалы к изучению статеров царя Аки // ВДИ. № 1.
- Капанадзе Д.Г., 1949. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ. № 1.
- Каухчишвили Т.С., 1957. Греческая надпись на Сухумском светильнике // Труды АБИЯЛИ. Том XXVIII. – Сухум.
- Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. (Малый энциклопедический справочник). – Тбилиси.
- Кварчия В.Е., 2006. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум.
- Квирквелия Г.Т., 1979. Местное население в р-не Сухумской бухты в период греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо-1977. – Тбилиси.
- Ламберти А., 2012. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. – М.
- Леквинадзе В.А., 1966. Оборонительные сооружения Себастополиса // СА. № 1.
- Логинов В.А., 1983. Новые материалы по археологии Диоскуриады // СА. № 2.
- Ломоури Н.Ю., 1986. К выяснению некоторых сведений «Notitiadignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // Византийский временник. Том 46.
- Лордкипанидзе Г.А., 1970. К истории древней Колхиды. – Тбилиси.
- Лордкипанидзе О.Д., 1968. Сухумская стела (К вопросу о датировке) // СА. № 1.
- Маан О.В., 2006. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум.
- Материалы Международной научно-практической конференции к дню города Сухум «Древняя Диоскуриада» (4 декабря 2015 г.), 2016. – Сухум.
- Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 33. – СПб.
- Нюшков В.А., 2018. Древний Сухум в период древнегреческой колонизации. Новые археологические открытия // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 10. – Ставрополь.
- Подосинов А.В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. – М.
- Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. – М.
- Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, 1979. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо-1977. – Тбилиси.
- Путуридзе Р.В., 1965. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Том IV. – Тбилиси. На груз.яз., русск. резюме.
- Пхакадзе Г., Барамидзе М., Бжания В., Шамба Г., Квирквелия Г., Чигшвили Т., Хубутия Г., 1981. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1978 г. – Тбилиси.
- Ростовцев М., 1907. Надпись из Сухума // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Том XXVII. – Одесса.
- Санин Григорий, Пленкин Дмитрий, 2002. Сухумская Атлантида // Итоги. № 24 (314), 18 июня 2002 г.
- Сапрыкин С.Ю., 2018. Древнее Причерноморье. – М.-СПб.
- Сизов В., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК. Вып. II. – М.
- Скаков А.Ю., 2013. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I. Абхазия. – М.

- Скаков А.Ю., 2021а. О старых источниках и новых гипотезах. Некоторые спорные вопросы истории Апсии, Абазгии, Санигии и Мисиминии // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах. Выпуск 14. – Ставрополь.
- Скаков А.Ю., 2021б. Сухумский район Республики Абхазия: история и современность. – М.
- Соловьев Л.Н., 1947. Диоскурия-Севастополис-Цхум // Труды АГМ. Вып. I. – Сухуми.
- Тодуа Т.Т., 1990. Колхида в составе Понтийского царства. – Тбилиси.
- Трапш М.М., 1955. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951-1953 гг. // СА. Том XXIII.
- Трапш М.М., 1963. Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АБИЯЛИ. Том XXXIII-XXXIV. – Сухуми.
- Трапш М.М., 1969. Древний Сухуми. Труды. Том II. – Сухуми.
- Требелева Г.В., 2019а. К вопросу реконструкции границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4.
- Требелева Г.В., 2019б. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. – М.
- Турчанинов Г.Ф., 1971. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л.
- Турчанинов Г.Ф., 1999. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М.
- Уварова П.С., 1891. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки Графини Уваровой. Часть II. – М.
- Услар П.К., 1881. Древнейшие сказания о Кавказе. – Тифлис.
- Фадеев А., 1934. Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая (с древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). – Сухум.
- Фоменко И.К., 2007. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. – М.
- Хрушкова Л.Г., 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). – М.
- Хрушкова Л.Г., 2014. Раннехристианские памятники Северо-Восточного Причерноморья: раскопки 2001-2008 гг. // Православие в истории и культуре Северного Кавказа. Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Выпуск 1. – Ставрополь.
- Хрушкова Л.Г., 2017. Раннехристианский комплекс в Севастополисе в Абхазии: купольный октогон и базилика // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк. Труды ГЭ. Том LXXXIX. – СПб.
- Чернявский Вл. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета. – М.
- Шамба Г.К., 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры (по данным письменных и археологических источников). – Сухум.
- Шамба Г.К., 2005. Древний Сухум. – Сухум.
- Шервашидзе Л.А., 1967. Повесть о городе, взятом волнами. – Сухуми.
- Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н., 1960. Исследование древнего Севастополиса // СА. № 3.
- Шульгина Наталья. Несостоявшаяся сенсация? Или почему прекращено финансирование раскопок в Сухуме // Республика Абхазия. № 143 (1502). 21-22 декабря 2002 г.

Памяти И.В. Ксенофонтовой (1956 – 2021)

4 января 2021 г. скоропостижно ушла из жизни советский и российский археолог-антиковед, заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока Ирина Васильевна Ксенофонтowa.

Свою трудовую деятельность она начала в 1973 г. в Государственном Эрмитаже. В 1979 году закончила Исторический факультет Ленинградского государственного университета. Здесь в стенах Эрмитажа и на раскопах античного поселения на о. Березань она получила первые навыки археолога-музейщика и полевого, навсегда связав свою жизнь с археологией, а работа в Отделе Античного мира определила круг ее научных интересов.

В 1981 г. в связи с переездом в Москву Ирина Васильевна была принята А.М. Лесковым во вновь созданный отдел археологии Государственного музея искусств народов Востока, в котором проработала до самой смерти. Она участвовала в первых экспедициях музея на Северном Кавказе, в том числе и в раскопках знаменитых Уляпских курганов в Адыгее. Опыт работы в эрмитажных фондах и на Березани помогли ей организовать в полевых условиях тщательную обработку материала, поступившего уже в первые годы существования Кавказской археологической экспедиции. Долгое время Ирина Васильевна была единственным и «главным хранителем» кавказского археологического фонда Отдела. В конце 90-х годов приняла активное участие в создании «Особой кладовой. Археология», где собраны лучшие археологические вещи, найденные на Кавказе и хранящиеся в музее. Ею была разработана концепция научного экспонирования разнообразного и разновременного материала, начиная с раннего железного века до позднего средневековья. С 2001 года она была назначена хранителем этого сложного и ответственного фонда. Многие предметы из «Особой кладовой» вошли в состав выставок находок Кавказской археологической экспедиции, демонстрировавшихся в ряде стран Европы и за океаном. Ирина Васильевна постоянно занималась подготовкой этих выставок и являлась одним из авторов выставочных каталогов.

Областью научных интересов Ирины Васильевны были многочисленные античные импорты Западного Кавказа, которым она посвятила серию своих работ. Прежде всего, это материалы Уляпских и Ульских курганов. Ее перу принадлежат исследования знаменитого ритона в форме Пегаса из Уляпа, бронзовой посуды из Уляпских святилищ, панафинейских амфор, античной амфорной тары Уляпского некрополя и ряд других статей.

С 2003 г. по 2010 гг. Ирина Васильевна работала в составе российско-абхазской археологической экспедиции на Эшерском городище в Абхазии. Здесь она отвечала за камеральную обработку материалов, поступающих из раскопок городища, и также обрабатывала весь античный импорт этих памятников. В последние годы она возобновила поездки в Абхазию, где участвовала в раскопках городища Балан, также взяв на себя организацию «камералки» этой экспедиции. И в поле, и в стенах музея Ирина всегда была надежным товарищем, всегда готова была помочь советом или делом. Она любила пошутить, рассказать анекдот или забавный случай из экспедиционной жизни. Мы навсегда запомним ее улыбающуюся, нам очень ее не хватает.

Л.М. Носкова, В.Р. Эрлих

Список научных работ И.В. Ксенофоновой

1. Ксенофопова И.В. Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» (Москва, 7–12 декабря 1981 г.) // ВДИ. 1983. № 1. С. 224–227.
2. Ксенофопова И.В. Керамика первых веков н.э. из раскопок поселения на о-ве Березань (по материалам Гос. Эрмитажа) // Труды Гос. Эрмитажа, XXIV. Культура и искусство античного мира. – СПб.: Изд-во «Искусство», 1984. С. 138–147.
3. Беглова Е.А., Ксенофопова И.В., Лапушнян В.Л., Лопатин Н.В. Меото-скифский период // Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. – М.: «Советский художник», 1985. С. 69–126.
4. Ксенофопова И.В. Бронзовая чаша из 4-го Ульсского кургана // Научные сообщения ГМИНВ. Выпуск XVIII. – М.: Изд-во «Наука», 1986. С. 172–174.
5. Ксенофопова И.В. Сокровища курганов Адыгеи / набор открыток с сопроводительным текстом. – Л.: Изд-во «Аврора», 1986.
6. Ксенофопова И.В., Лапушнян В.Л., Нехаев А.А. Меото-скифский период // Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. – М.: Внешторгиздат, 1987. С. 73–120.
7. Ксенофопова И.В. О семантических влияниях в произведениях декоративно-прикладного искусства Северного Причерноморья // Древний и Средневековый Восток. Ч. II. – М., Изд-во «Наука», 1988. С. 265–270.
8. Višnevskaja N., Gabuev T., Ksenofontova I., Maslennitsyna N., Érlích V. Epoca del Ferro iniziale. Catalogo. // I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Roma, 1989: De Luca edizioni d'arte. P.45–59.
9. Ксенофопова И.В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов. // РА. 1992. № 4. С. 163–169.
10. Ксенофопова И.В. Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана. // ВДИ. 1997. № 2. С. 60–80.
11. Ksenofontova I.V. Zajtseva N.G. A Silver Rhyton With the Protome of Pegasus From the 4Th Ulyap Barrow // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 1998. Vol. 4. Issue. 4. P. 265–293.
12. Ксенофопова И.В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока. // ВДИ. 2000. №4. С. 181–185.
13. Ksenofontova I.V. Panathenaic Amphorae From the Collection of the State Museum of the East // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2000. Vol. 6. Issue. 1–2. P. 19–39.
14. Ксенофопова И.В. Античные импорты Уляпских святилищ. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. С. 119–124.
15. Ксенофопова И.В. Государственный музей Востока. Из истории Отдела археологии ГМВ и его коллекции. // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. – М.: ГИМ. С. 122–127.
16. Джоуа А.И., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 51–56.
17. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине IV – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. – М.: «Наука», 2005. 192 с.
18. Ксенофопова И.В. Краснофигурный килик из кургана 4 Уляпского могильника // сб. Материальная культура Востока. Вып. 4. – М.: Изд-во «Восход», 2005. С. 163–165.
19. Шамба Г.К., Джоуа А.И., Эрлих В.Р., Ксенофопова И.В. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н.э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. И.И. Марченко (отв. ред.). – Краснодар: Символика, 2005. С. 287–290.
20. Ксенофопова И.В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. И.И. Марченко (отв. ред.). – Краснодар: Символика, 2005. С. 150–152.
21. Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Ксенофопова И.В., Джоуа А.И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // АО-2004. – М.: Наука, 2005. С. 556–557.
22. Ксенофопова И.В. Привозная керамика поздне-

эллинистического времени из раскопок Эшерского городища (2003-2005 гг. // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. – Сухум: Алашарбага, 2006. С. 220-225.

23. Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофопова И.В. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы конференции. – Нальчик, 2006. С. 199-202.

24. Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофопова И.В. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии. // Вестник Академии наук Абхазии. Вып. 2. – Сухум, 2007. С. 164-181.

25. Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофопова И.В. Памяти Г.К. Шамба // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум, 2007. С. 309-312.

26. Джоуа А.И., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р. Первая Абхазская международная археологическая конференция // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум, 2007. С. 304-306.

27. Ксенофопова И.В., Носкова Л.М., 2009. К вопросу о датировке меотских погребений могильника Пшиш в Адыгее // Археология Адыгеи. / отв. ред. Хотко С.Х. – Майкоп: Изд-во ОАО «Полиграф-ЮГ». С. 96-107.

28. Ксенофопова И.В. Серебряная чаша из Пицунды // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. И.И. Марченко (отв. ред). – Краснодар: КубГУ, 2009. С. 185-186.

29. Ксенофопова И.В. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // Материальная культура Востока. Выпуск 5. – М.: Государственный музей Востока. С. 138-148.

30. Ксенофопова И.В. Типология золотых нашивных бляшек из Уляпского могильника // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. // Тезисы докладов Международной научной конференции. – Магас, 26-30 апреля 2010 г. С. 212-214.

31. Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р. Драгоценные сосуды в ритуалах меотов по материалам святилищ у аула Уляп (к вопросу о связях населения Прикубанья в скифское время) // Боспорский феномен. Население, языки,

контакты / Материалы международной научной конференции. – СПб: Изд-во ГЭ, 2011. С. 555-562.

32. Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофопова И.В. Некоторые итоги недавних работ в с. Нижняя Эшера // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (2-12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. – Сухум: Дом печати, 2011. С. 170-175.

33. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV – III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. – М.: ФБГУК ГМВ, 2013. 184 с.

34. Джоуа А.И., Ксенофопова И.В., Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Георгий Кучович Шамба. Ученый, археолог, друг. // Третья абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г. К. Шамба. Материалы конференции. – Сухум: Дом печати, 2013. С. 11-22.

35. Беглова Е.А., Габуев Т.А., Ксенофопова И.В., Носкова Л.М. Археология Северного Кавказа / Путеводитель по «Особой кладовой. Археология» / отв. ред. Мкртычев Т.К. – М.: Государственный музей Востока, 2014. 100 с.

36. Ксенофопова И.В. Античные импорты // Ульские курганы. Кульново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. – Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2015. С. 58-63.

37. Эрлих В.Р., Ксенофопова И.В., Джоуа А.И. Древнейшие контакты региона Диоскурии с Античным миром. Эшерское городище в архаическую эпоху // Международная научно-практическая конференция: Древняя Диоскуриада. Материалы. – Сухум: «Дом печати», 2016. С. 20-35.

38. Ксенофопова И.В. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании ГМВ. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. – Карачаевск: Издательство КЧГУ, 2018. С. 351-354.

39. Эрлих В.Р., Носкова Л.М., Днепровский К.А., Ксенофопова И.В. Памяти Александра Михайловича Лескова // Историко-археологический альманах. – Армавир-Краснодар-Москва, 2018. № 14. С. 206-212.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусов Артем Васильевич – специалист-археолог ООО «Прогресс» (г. Краснодар).

Бережная Виктория Александровна – директор Лабинского музея краеведения им Ф.И. Моисеенко (г. Лабинск).

Вальчак Сергей Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, доцент Российского государственного социального университета. (г. Москва).

Верещагин Владислав Викторович – генеральный директор ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» (г. Ростов-на-Дону).

Глазов Константин Анатольевич – действительный член Сочинского отделения Русского географического общества, секция археологии и сохранения историко-культурного наследия; общественный инспектор по охране историко-культурного наследия ФГБУ «Сочинский национальный парк» (г. Сочи)

Годизов Георгий Леонидович – кандидат исторических наук. Заведующий Отделом научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работы Северокавказского филиала Государственного музея Востока (г. Майкоп).

Голубев Лазарь Эрвандович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (г. Майкоп).

Дедюлькин Антон Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений ЮФУ (г. Ростов-на-Дону).

Джигунова Фатима Кадырбечевна – кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгеи (г. Майкоп).

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований (г. Сухум).

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник сферы образования РФ, действительный член (академик) Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа (г. Армавир).

Кореневский Сергей Николаевич – доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

Коцева Асиет Аслановна – старший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей Республики Адыгея (Майкоп).

Крутоголовенко Константин Александрович – эксперт по археологии. Краснодарское краевое отделение ВООПиК (г. Краснодар).

Кудин Михаил Иванович – внештатный научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (г. Сочи, г. Майкоп).

Ловпаче Нурбий Газизович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (Майкоп).

Луганская Галина Борисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-адыгских культурных связей ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (г. Майкоп).

Марков Дмитрий Николаевич – главный специалист по историко-культурному наследию ФГБУ «Сочинский национальный парк», Сочи, Россия

Мокрушин Владимир Павлович – главный специалист НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар).

Муравенко Евгений Васильевич – начальник отдела памятников археологии Управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (г. Краснодар).

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского гос. университета. Заслуженный работник культуры Кубани, член Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории (г. Карачаевск).

Носкова Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, зам. заведующего Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока (г. Москва).

Нюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Абхазского государственного музея (г. Сухум).

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир).

Полицын Евгений Борисович – эксперт по археологии. Краснодарское краевое отделение ВООПИК (г. Краснодар).

Пшипий Фатима Станиславовна – старший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей Республики Адыгея (Майкоп).

Пьянков Алексей Васильевич – научный сотрудник ООО «Западно-Кубанская Археологическая Экспедиция» (г. Краснодар).

Савенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры РФ, заведомо природы и археологии Пятигорского музея краеведения (г. Пятигорск).

Скаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (г. Москва).

Соков Павел Вадимович – кандидат исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (Краснодар).

Схатум Руслан Баричевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар).

Тлеуж Адам Хусейнович – доктор философских наук, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Тембота Керашева (г. Майкоп).

Успенский Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (г. Москва).

Федосов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, заместитель директора ООО «Прогресс» по науке (г. Краснодар).

Ципинов Рустем Касеевич – Начальник Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея (г. Майкоп).

Эрлих Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока (г. Москва).

Хотко Самир Хамидович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (г. Майкоп).

Юрченко Татьяна Васильевна – старший научный сотрудник отдела хранения вещественных и естественно-исторических источников (хранитель Особой кладовой) Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Архив Новороссийского исторического музея-заповедника.
АНИИЭЯЛИ	– Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории, Майкоп.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВА	– Военная археология.
ВАА	– Вопросы археологии Адыгеи.
ВДИ	– Вестник древней истории, Москва.
ВНУ	– Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.
ВНЦ	– Вестник Владикавказского научного центра, Владикавказ.
ГИМ	– Государственный Исторический Музей, Москва.
ГМВ	– Государственный музей Востока, Москва.
ДК	– Древности Кубани.
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук.
ИАА	– Историко-археологический альманах.
ИАК	– Известия археологической комиссии.
ИАрХИ ЮФУ	– Институт архитектуры и искусств Южного федерального университета.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
ИМАО	– Императорское московское археологическое общество, Москва.
ИСОНИИ	– Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского Института, Орджоникидзе.
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник.
КГУ	– Краснодарский государственный университет, Краснодар.
КСВПЗ	– Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Археология СССР.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа, Москва.
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани.
МИИKNCK	– Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.
НГИМЗ	– Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, Новороссийск.
РА	– Российская археология.
СА	– Советская археология.
САИ	– Свод археологических источников.
СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
СОНИИИФЭ	– Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии, экономики, Орджоникидзе.
СЭ	– Советская этнография.

ISBN 978-5-91692-885-3

16+

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ 2021

Сборник научных трудовОтветственный редактор *Голубев Л.Э.*Вёрстка оригинал-макета *Магарин О.Г.*

Подписано в печать 18.11.2021. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Формат бумаги 60x84/8. Печать цифровая. Усл. п. л. 35,1. Уч.-изд.л. 37,75. Тираж 501. Заказ 0109.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Магарин О.Г.
385008, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 146. Тел. 8-906-438-28-07. E-mail: olemag@yandex.ru